ПСИХОЛОГІЯ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ОСНОВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ

М. Владиславлева.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, № 45).

1881.

2 й экз

/В

Пров. 1959
Пров 38
Пр.
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
832
32

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ТОМУ.

Считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ этомъ второмъ томѣ. Въ немъ я пытаюсь поднять трудный и доселѣ никѣмъ не ставившійся вопросъ объ изученіи глубины и силы чувствованій и отъ анализа ихъ иду къ анализу строенія человѣческой воли. Я не на столько самоувѣренъ и склоненъ къ преувеличенію своихъ начинаній, чтобы утверждать, что столь важные вопросы окончательно мною разрѣшены: допускаю, что нѣчто недосмотрѣно, иное неправильно истолковано и т. под. Но думаю, что въ этомъ пунктѣ мнѣ удалось углубить психологическія изслѣдованія, что мною даны Психологіи новыя главы о чувствованіяхъ и волѣ, и что послѣдняя представлена въ совершенно новомъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ до сего времени обыкновенно представлялась психологамъ. По новости и затруднительности этого рода изслѣдованій, по нѣкоторой шаткости почвы ихъ, конечно, нельзя было дойти до обобщеній совершенно достовѣрныхъ и непреложныхъ. Но я позволю себѣ здѣсь напомнить читателю слѣ-

дующія слова Аристотеля: τὸ γὰρ ἀκριβὲς οὐχ ὁμοίως ἐν ἅπασι τοῖς λόγοις ἐπιζητητέον... πεπαιδευμένου γάρ ἐςιν ἐπὶ τοσοῦτον τ' ἀκριβὲς ἐπιζητεῖν καθ' ἕκαςον γένος, ἐφ ὅσον ἡ τοῦ πράγματος φύσις ἐπιδέχεται (Ethic. Nicom. Lib. 1 Cap. III). (Не слѣдуетъ требовать одинаковой точности во всѣхъ изслѣдованіяхъ. Образованному человѣку свойственно въ каждомъ родѣ изслѣдованій требовать лишь на столько точности, на сколько она допускается природою самаго предмета).

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОДЕРЖАНІЯ ВТОРОГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

НАПРЯЖЕНІЕ ЧУВСТВОВАНІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ — 1—19.

Предварительныя разсужденія. Фактъ возрастанія чувствованій — 1. Методъ изслѣдованія — 3. Постановка вопросовъ. Замѣчанія и оговорки — 12.

ГЛАВА ВТОРАЯ — 20—44.

Условія возбужденія чувствованій цѣнности: уваженія, удивленія, грандіозности — 20. Возбужденіе чувствъ пренебреженія, презрѣнія и мелкоты — 27. Возрастаніе чувствованій цѣнности — 32.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ — 44—82.

Чувствованія удовольствія и неудовольствія — 44. Гнѣвное раздраженіе — 48. Чувство новости — 50. Чувство страха — 51. Чувство стыда — 53. Чувствованія удовлетворенія и неудовлетворенія — 59. Чувство ожиданія — 67. Чувствованія удачи и неудачи — 68. Чувство забавы — 71. Радость и горе — 77.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ — 83—119.

Чувства силы и безсилія — 83. Чувство силы, какъ основа отношеній власти — 96. Симпатія и антипатія — 101.

ГЛАВА ПЯТАЯ — 119—155.

Нѣжныя чувства. Условія возникновенія ихъ. Привлекательность любимаго предмета — 119. Законъ гармоніи управляетъ отношеніями любви — 127. Возрастаніе и укрѣпленіе любви — 135. Отношенія дружбы управляются также закономъ гармоніи — 139. Различіе гармоніи въ любви и дружбѣ — 143. Грубыя отношенія между существами: взаимоотталкиваніе ихъ. Законъ дисгармоніи — 147.

ГЛАВА ШЕСТАЯ — 155—188.

Отношенія сердца къ красотѣ — 156. Отношенія сердца къ безобразію — 166. Отношенія сердца къ истинѣ и лжи — 171. Отношенія сердца къ благу и злу — 178. Дополнительныя замѣчанія о религіозныхъ чувствованіяхъ вѣры и любви — 185.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ — 188—210.

Мѣры, которыми сердце измѣряетъ впечатлѣнія — 188. Привычное какъ мѣра впечатлѣній — 189. Прошлое какъ мѣра настоящаго — 190. Ожидаемое какъ мѣра впечатлѣній — 192. Воображаемое какъ мѣра — 194. Долженствующее быть какъ мѣра — 196. Желанія и отвращенія какъ мѣрила впечатлѣній — 199. Общія замѣчанія о мѣрахъ — 201. Приблизительная и безсознательная оцѣнка впечатлѣній — 206.

ГЛАВА ВТОРАЯ — 210—256.

Различіе глубины и силы чувствованій — 210. Условія глубины и силы чувствованій — 215. Условія развитія нѣкоторыхъ чувствованій въ глубину и силу — 219. Объективныя вліянія на глубину и силу чувствованій. Массивность или цѣнность впечатлѣній, какъ условіе глубины чувствованій — 222. Вліяніе контрастовъ на глубину чувствованій. Субъективные и объективные контрасты — 224. Степени контрастовъ — 231. Дѣйствіе контрастовъ на сердце — 236. Вліяніе продолжительности и силы впечатлѣній на чувствованія — 239. Субъективныя вліянія на глубину и силу чувствованій. Вліяніе воображенія — 245. Вліяніе повышенія и пониженія чувствительности — 248. Возможность различныхъ сочетаній условій глубины и силы чувствованій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ — 257—267.

Гаммы чувствованій.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ — 268—285.

Продолжительность чувствованій. Объективныя и субъективныя условія ея — 268. Значеніе неоднократнаго повторенія впечатлѣній для силы чувствованій — 281.

ГЛАВА ПЯТАЯ — 286—304.

Настроенія. Разстройство сердца — 286. Смыслъ чувствованій. Второстепенное значеніе удовольствій и страданій — 293. Связь чувствованій съ положеніемъ человѣка въ Іерархіи духовъ — 296. Строй Іерархіи духовъ, по строю человѣческаго сердца — 299. Смыслъ перевѣса отрицательныхъ чувствованій въ сердцѣ предъ положительными — 303.

ГЛАВА ШЕСТАЯ — 304—363.

Выраженіе чувствованій въ тѣлѣ. Законы Дарвина — 304. Главныя причины неуспѣшности работъ по разбираемому вопросу — 307. Главныя выраженія чувствованій и сравнительная широта обнаруженія ихъ въ тѣлѣ — 310. Выраженія простыхъ чувствованій въ тѣлѣ — 315. Обнаруженіе волевыхъ элементовъ чувствованій — 316. Обнаруженія глубины и силы чувствованій — 319. Критическія замѣчанія о законахъ Дарвина — 323. Выраженіе простыхъ чувствованій — 328. Выраженіе сложныхъ волненій — 347. Замѣчаніе о волевыхъ элементахъ въ выраженіи чувствованій — 361.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О ВОЛѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ — 363—392.

Желанія и хотѣнія — 363. Привычки — 368. Влеченія — 374. Наклонности — 378. Стремленія — 382. Страсти — 385.

ГЛАВА ВТОРАЯ — 392—420.

Отношенія воли къ теоретической дѣятельности: ощущеніямъ, памяти, рефлексіи — 392. Отношенія воли къ чувствованіямъ, зависимость чувствованій отъ воли — 401. Невыводимость чувствованій изъ физіологическихъ причинъ — 404. Невыводимость чувствованій изъ оцѣнки соотвѣтствія впечатлѣній условіямъ благосостоянія — 408. Несамостоятельность сердца — 410. Несостоятельность ученія о чувствованіяхъ, какъ мотивахъ, опредѣляющихъ волю — 411.

ГЛАВА — ТРЕТЬЯ 420—465.

Хотѣнія и влеченія воли, какъ первооснованія видовъ чувствованій—420. Перечисленіе первоначальныхъ хотѣній и влеченій и ихъ безсознательность—439. Относительная глубина и сила первоначальныхъ хотѣній и влеченій—444. Апріорный характеръ первоначальныхъ хотѣній и влеченій — 448. Въ какомъ видѣ существуютъ первоначальныя состоянія воли? — 455.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ — 465—490.

Развитіе воли — 465. Возникновеніе стремленій и страстей — 477. Мотивированная дѣятельность воли — 478. Третичныя желанія.—484. Относительная общая глубина влеченій и хотѣній—486.

ГЛАВА ПЯТАЯ — 490—535.

Напряженіе состояній воли. Первоначальная глубина, степень и сила ихъ — 490. Возрастаніе воли по степенямъ — 497. Постановка вопросовъ—498. Степени состояній воли—500. Мѣры, которыми воля измѣряетъ внѣшнія впечатлѣнія — 501. Замѣтки о minima, возрастаніи по степенямъ и maxima состояній воли — 506. Причины, имѣющія вліяніе на развитіе состояній воли въ сторону глубины — 514. Зависимость энергіи состояній воли отъ разныхъ объективныхъ и субъективныхъ причинъ — 518. Раздражительность воли и вліяніе ея на степени и силу состояній воли — 526. Вліяніе удовлетворенія и неудовлетворенія на степени и силу состояній воли. — 528. Общій взглядъ на дѣятельность воли — 531.

ГЛАВА ШЕСТАЯ — 535 — 546.

Свобода человѣческой воли.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ — 546 — 564.

Вниманіе — 546. Сознаніе — 549. Самосознаніе — 556.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Напряженіе чувствованій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предварительныя разсужденія. Фактъ возрастанія чувствованій.

Труды Вебера и Фехнера навели науку на совершенно новую область изслѣдованія, о которой не могли и мечтать ученые, не только прошлыхъ столѣтій, но даже и первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка. Мы ознакомились съ результатами, къ которымъ пришли какъ оба упомянутые ученые, такъ и другіе изслѣдователи, идущіе по стопамъ ихъ. Можно оспаривать выводъ Фехнера, что ощущеніе возрастаетъ сравнительно съ впечатлѣніемъ, какъ логариѳмъ соотвѣтственно съ числомъ, котораго онъ служитъ показателемъ, что этотъ выводъ простирается на физіологическое раздраженіе, а не на ощущеніе, которое въ своемъ возрастаніи слѣдуетъ закону пропорціональности; можно доказывать, что найденныя Фехнеромъ обобщенія не подтверждены опытомъ, или даже противорѣчатъ ему; все это можно въ нѣкоторой мѣрѣ допустить. Но несомнѣнно одно, что ощущенія возрастаютъ вообще вслѣдъ за усиленіемъ впечатлѣній и что возрастаніе подчиняется опредѣленному закону, который еще долженъ быть открытъ.

Но одни ли ощущенія возрастаютъ правильно? Представляется невѣроятнымъ, чтобъ изъ всѣхъ разнообразныхъ психическихъ явленій только развитіе ощущеній подлежало опредѣленному правилу. Если закономѣрность ихъ объяснять тѣмъ, что они развиваются въ прямой зависимости отъ физіологическихъ процессовъ,

то слѣдуетъ тоже самое замѣтить и о другихъ психическихъ явленіяхъ: всѣ они болѣе или менѣе зависятъ отъ тѣлесныхъ процессовъ и ни одно не совершается безъ возбужденія и работы нервной системы. Слѣдовательно, и другіе психическіе факты находятся въ одинаковыхъ условіяхъ съ ощущеніями и наука должна стремиться открыть правила и законы, которыми опредѣляются возникновеніе и возрастаніе душевныхъ явленій.

Такое общее соображеніе и фактъ, что для изученія ощущеній, со стороны ихъ возрастанія, кое что уже сдѣлано, навели меня на мысль сдѣлать подобную попытку относительно чувствованій, какъ состояній сердца. Изъ всѣхъ душевныхъ явленій они всего ближе къ ощущеніямъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, въ тѣлесномъ наслажденіи и чувствѣ боли, ощущенія и чувствованія такъ тѣсно соединяются, что не легко различить, что составляетъ сторону чувствованій и что—ощущеній. Первоначально, я самъ не особенно вѣрилъ въ успѣхъ своего начинанія, но помня мудрый совѣтъ Бакона Веруламскаго прибѣгать иногда къ безполезнымъ опытамъ, бросать на удачу sortes experimentandi, я рѣшился довести свои попытки до конца, дабы видѣть, можетъ ли изъ нихъ выйти что либо стоящее вниманія. Я не смѣю утверждать, что мною окончательно найденъ ключь къ разрѣшенію вопроса и что открыты законы возрастанія чувствованій: вопросъ о нихъ въ психологической наукѣ совершенно новый и за него рѣшительно никто до сихъ поръ не брался; для силъ одного лица онъ слишкомъ великъ. Но преслѣдуя свою цѣль до конца, я пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ: во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, возможна новая область психологическаго наблюденія и съ новой точки зрѣнія могутъ быть получены новыя обобщенія.

Что чувствованія возрастаютъ въ своей энергіи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: мы различаемъ неодинаковыя степени гнѣва, любви, радости, печали и т. д. Одна степень гнѣва бываетъ, когда противодѣйствіе волѣ оказывается незначительное, а другая, несравненно большая, когда наносится личная обида; одна степень страха бываетъ, когда субъектъ слышитъ угрозы только, и другая, бо́льшая, когда наступаетъ дѣйствительная опасность для жизни. Мы дѣйствуемъ между людьми, инстинктивно предполагая, что возрастаніе чувствованій совершается правильно, вслѣдъ за усиленіемъ внѣшнихъ поводовъ къ тому. Люди употребляютъ намѣренно болѣе сильныя угрозы, чтобы возбудить

въ другихъ болѣе сильный страхъ, сильнѣе роняютъ на словахъ другихъ, ожидая, что они будутъ сильнѣе конфузиться, нарочно усиливаютъ пріятныя впечатлѣнія, дабы сильнѣе обрадовать любимыхъ лицъ и т. д.

Но если не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что чувствованія вообще возрастаютъ, то спрашивается, какъ ихъ изслѣдовать?

Методъ изслѣдованія.

Прежде всего мы должны остановиться на вопросѣ о методѣ, которымъ можно руководиться, при изслѣдованіи стороны напряженія чувствованій.

Внѣшнія впечатлѣнія непосредственно не могутъ возбуждать въ насъ чувствованія. Картина и всякое произведеніе искусства прекрасны для того лишь, кто понимаетъ ихъ; грандіозные виды природы и т. д. для многихъ не существуютъ и для неразвитыхъ людей составляютъ заурядныя впечатлѣнія; ребенокъ влечется къ огню безъ всякаго чувства страха, потому что не представляетъ его, какъ причину страданій. Чувствованія тѣмъ и отличаются отъ ощущеній, что имъ предшествуютъ другіе психическіе факты, будутъ ли то ощущенія, мысли, желанія. Когда мы тѣмъ не менѣе говоримъ о возбужденіи чувствованій внѣшними впечатлѣніями, то это слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что, по скольку мы ощущаемъ или представляемъ вещи и событія внѣ насъ, они могутъ возбуждать тѣ или другія чувствованія. Притомъ, изъ внѣшнихъ впечатлѣній возбуждаютъ чувствованія только тѣ, которыя имѣютъ для насъ какое либо значеніе: огромное количество простыхъ ощущеній, множество мыслей о разныхъ вещахъ и событіяхъ невозбуждаютъ никакихъ чувствованій: мимо многихъ растеній, животныхъ, людей, разныхъ предметовъ мы проходимъ, ни мало не возбуждаясь со стороны сердца. Это значеніе впечатлѣній для нашего чувства зависитъ болѣе отъ ихъ качества, чѣмъ количества, и потому сила и глубина чувствованій условливаются прежде всего качествомъ, т. е. содержаніемъ впечатлѣній, а не количествомъ ихъ: не количество звуковъ или цвѣтовъ нравится намъ, но ихъ качество; не обиліе мысли возбуждаетъ гнѣвъ, стыдъ, или грусть, страхъ и т. д. Но такъ какъ весьма часто количественное измѣненіе впечатлѣнія измѣ-

няетъ качественное значеніе его для насъ, то понятно, что увеличеніе или уменьшеніе его могутъ также вести къ усиленію и ослабленію соотвѣтствующаго чувствованія. Если послѣднее измѣняется, вслѣдъ за увеличеніемъ или ослабленіемъ впечатлѣній, по какому либо правилу, то оно должно подлежать измѣренію, какъ и все вообще увеличивающееся или измѣняющееся по какому либо закону.

Чтобы слѣдить за возрастаніемъ чувствованій, для этого мы должны сравнивать ихъ съ впечатлѣніями, подающими къ нимъ поводъ. Но какъ ощущенія невозможно прямо сравнивать съ впечатлѣніями, возбуждающими ихъ, такъ немыслимо судить прямо, въ какой мѣрѣ чувствованіе соотвѣтствуетъ впечатлѣнію. Мы должны сравнить чувствованія съ чувствованіями же, а никакъ не съ впечатлѣніями. Но и здѣсь невозможно, по сознанію, прямо наблюдать, вдвое или втрое сильнѣе одно сердечное состояніе другого: сравнивая одно чувствованіе съ другимъ, мы можемъ, по сознанію, утверждать только одно, что они равны, или одно сильнѣе другого. Слѣдовательно, методъ изслѣдованія возрастанія чувствованій долженъ, повидимому, стремиться опредѣлить, при какихъ условіяхъ оказывается для сознанія разность въ энергіи чувствованій одного и того же рода, или при какой разности между впечатлѣніями, они вообще могутъ быть различны.

Разсуждая только теоретически, слѣдовало бы предполагать, что, при измѣреніи чувствованій, можетъ быть приложенъ методъ, который Веберъ и Фехнеръ примѣняли къ изслѣдованію напряженія ощущеній, т. е. методъ едва замѣтныхъ отличій. Какъ они ставили вопросъ относительно ощущеній: при какихъ условіяхъ замѣчается едва замѣтное различіе между ними, такъ можемъ мы спрашивать и относительно чувствованій: при какой разности между двумя впечатлѣніями становится едва замѣтною разность между соотвѣтствующими имъ чувствованіями. Однако, съ перемѣною области изслѣдованія измѣняется и самый способъ приложенія метода.

При изслѣдованіи возрастанія ощущеній, по упомянутому методу, можно варіировать, по произволу, внѣшнія впечатлѣнія: напримѣръ, при изслѣдованіи осязанія, можно брать точно опредѣленныя двѣ тяжести и произвольно уменьшать и увеличивать ихъ, на сколько это надобно, чтобы получилось два только что замѣтно различныя ощущенія давленія, и также можно поступать съ впечатлѣніями свѣта, тяжестями и т. д. Съ впечатлѣ-

ніями, дѣйствующими на чувствованіе, невозможно поступать такъ: нельзя, наприм., произвольно уменьшать, или увеличивать страшныя, раздражительныя, стыдливыя впечатлѣнія и главное, сопоставлять ихъ искусственно по два, дабы видѣть, какъ разнятся производимыя ими чувствованія и на сколько нужно относительно уменьшить или увеличить ихъ, дабы чувствованія едва замѣтно различались одно отъ другого.

Притомъ, не слѣдуетъ забывать, что наблюдателю трудно изслѣдовать чувствованія, реально совершающіяся, даже въ томъ случаѣ, когда они происходятъ въ немъ самомъ; всякое чувствованіе, когда оно реально совершается, слишкомъ захватываетъ вниманіе, поглощаетъ его, чтобы можно было въ моменты его думать объ измѣреніи и вообще о чемъ либо другомъ. Нельзя, по произволу, вызывать въ себѣ чувствованія, какъ ощущенія: когда есть реальныя причины стыдиться, гнѣваться и т. д., тогда, конечно, онѣ будутъ раздражать сердце, но когда мы знаемъ, что причины сопоставляются только для эксперимента надъ нами, не серьозность обстановки, ея нарочность будутъ помѣхою для вызова чувствованій: ибо они суть отвѣты сердца на значеніе встрѣчаемыхъ впечатлѣній, а какое значеніе можетъ имѣть для насъ нарочито созданная обстановка, не для чего иного, какъ только для вызова чувствованія?

Значитъ, невозможно прилагать методъ едва замѣтныхъ отличій къ изслѣдованію силы чувствованій въ той формѣ, въ какой онъ прилагается въ области ощущеній: ибо мы не можемъ произвольно орудовать внѣшними впечатлѣніями и не способны обсуждать силу чувствованія въ моментъ его возбужденія. Если изслѣдованіе возрастанія чувствованія не есть химера, то должно быть найдено какое либо иное примѣненіе метода.

Мы уже говорили во введеніи, что прямого наблюденія душевныхъ состояній почти быть не можетъ, но что возможно самонаблюденіе косвенное: изъ многихъ опытовъ жизни собирается въ нашей памяти множество знаній о душевныхъ состояніяхъ и ими мы пользуемся при анализѣ послѣднихъ. Опытъ ведетъ за собою знаніе условій, при которыхъ возбуждаются душевныя состоянія, и этимъ знаніемъ мы можемъ пользоваться въ разныхъ психологическихъ вопросахъ. Въ приложеніи къ чувствованіямъ разнообразный опытъ даетъ намъ знаніе условій, при которыхъ они возбуждаются и могутъ возбуждаться. Что опытъ даетъ намъ знаніе условій, при которыхъ чувствованія возбуждаются,

на это, полагаю, возраженій ни отъ кого не будетъ. Изъ многочисленныхъ случаевъ реальныхъ чувствованій мы запоминаемъ, когда какія впечатлѣнія возбуждали ихъ и когда какія впечатлѣнія, по слишкомъ малой своей силѣ и малому значенію, не возбуждали соотвѣтствующаго чувствованія: наприм. мы помнимъ, какія дома гдѣ возбуждали удивленіе своею величиною и какія не возбуждали его, когда мы сердились на торговца, запрашивавшаго лишнее противъ должнаго, и когда нѣтъ, когда казалось внушительнымъ богатство другого лица и когда излишекъ достоянія противъ нашего, хотя дѣйствительно былъ, не казался таковымъ. Такъ какъ намъ приходилось переживать множество подобныхъ случаевъ, то каждый изъ насъ знаетъ, какіе приблизительно размѣры впечатлѣнія возбуждаютъ то или другое чувство; покрайней мѣрѣ, это справедливо относительно впечатлѣній, которыхъ размѣры могутъ быть опредѣлены въ цифрахъ.

Но мы утверждаемъ болѣе, мы говоримъ, что на основаніи прежняго опыта мы можемъ опредѣлять, при какихъ условіяхъ чувствованіе можетъ вообще возбуждаться. Напримѣръ, положимъ, я живу въ условіяхъ, при которыхъ матеріальныя мои нужды обезпечены: могу ли я судить, какая прибавка къ моимъ матеріальнымъ средствамъ покажется мнѣ значительною вообще на столько, что вызоветъ чувство нѣкотораго довольства и я приму ее, какъ нѣчто пріятное, или не могу? Конечно, могу и приблизительно опредѣлю, какую она должна составлять часть моего состоянія вообще, дабы возбудить во мнѣ нѣкоторое удовольствіе, и какая прибавка мнѣ покажется ничтожною. Могу ли я опредѣлить, засколько минутъ до точнаго срока, въ который обѣщался посѣтить меня знакомый, я стану ожидать его, или за сколько времени до неопредѣленнаго назначеннаго срока пріѣзда начнется вообще ожиданіе его? Можно ли опредѣлить, во сколько разъ, превосходящее мои средства, чужое состояніе можетъ мнѣ показаться удивительнымъ богатствомъ? Конечно, могу и теперь мы разберемъ, на чемъ основывается возможность такого опредѣленія и почему можно и должно довѣрять ему, если опытъ сдѣланъ съ соблюденіемъ необходимыхъ предосторожностей.

Въ 1-хъ, означенное опредѣленіе производится на основаніи многихъ припоминаемыхъ опытовъ и наблюденій субъекта, отвѣчающаго на означенные вопросы, какъ надъ самимъ собою, такъ и надъ другими людьми. Каждый изъ насъ бывалъ въ такомъ положеніи, что могъ замѣтить, какъ только что нарож-

дается чувствованіе, едва замѣтное для сознанія, и при сношеніяхъ съ другими людьми могъ примѣтить, какого разиѣра впечатлѣнія вообще начинаютъ возбуждать его. Въ разговорахъ съ другими мы часто находимъ, напримѣръ, чувствованія собесѣдниковъ естественными, или странными, неестественными и потому говоримъ объ аффектаціи ихъ или притворствѣ. Мы разсказываемъ другъ другу разныя событія и преимущественно такія, которыя имѣютъ значеніе, т. е. могутъ возбуждать тою или другою своею стороною сердце, и при этомъ приблизительно знаемъ, что должно казаться удивительнымъ, внушительнымъ, грандіознымъ, постыднымъ, страшнымъ и т. д. Все это не имѣло бы никакого смысла, если бы мы не обладали знаніемъ, при какихъ условіяхъ естественно явиться тому или другому чувству, при какихъ не слѣдуетъ, при какихъ оно и не является. Конечно, часто мы ошибаемся въ подобныхъ случаяхъ, потому что о другихъ судимъ по себѣ и поэтому говоримъ о естественности чувствованія въ другомъ, когда въ немъ его нѣтъ, и навязываемъ ему неестественность и аффектацію, когда онъ дѣйствительно волнуется. Отчего происходятъ ошибки въ подобныхъ случаяхъ, это будетъ видно впослѣдствіи. Но несомнѣненъ фактъ, что знаніе того, при какихъ условіяхъ чувствованіе можетъ вообще возбуждаться, въ каждомъ изъ насъ есть и что имъ мы постоянно руководимся при оцѣнкѣ чувствованій другихъ, что оно точнѣе и яснѣе для насъ разъясняется вслѣдствіе постоянныхъ сношеній съ другими людьми. Никто, разумѣется, не можетъ судить о чувствованіяхъ другихъ людей, прямо по наблюденіямъ ихъ, но каждый можетъ приблизительно знать, при какихъ условіяхъ самъ онъ можетъ волноваться. Если затѣмъ принять во вниманіе наше предположеніе, что всѣ состоянія души, когда либо пробудившіяся въ ней, продолжаются реально, то когда мы судимъ о томъ, при какихъ условіяхъ возбуждаются и могутъ возбуждаться чувствованія, мы основываемся не на блѣдныхъ образахъ бывшаго, а на самыхъ реальныхъ состояніяхъ, продолжающихся въ насъ.

Во 2-хъ, отвѣты на вопросы о чувствованіяхъ могутъ даваться при участіи воображенія. Странно, повидимому, что точныя изслѣдованія происхожденія и возрастанія чувствованій должны между прочимъ основываться на воображеніи: не превращается ли такимъ образомъ дѣло науки въ фантазированіе? Но именно въ изслѣдованіи этого вопроса воображеніе можетъ принести не малую пользу. Какъ мы докажемъ въ своемъ мѣстѣ, чувствова-

нія основываются на постоянныхъ влеченіяхъ и стремленіяхъ нашей воли, т. е. такихъ состояніяхъ, которыя присущи постоянно нашей душѣ: состоянія сердца возникаютъ потому, что различныя впечатлѣнія оказываются въ согласіи или противорѣчіи съ нашими влеченіями. Но мы уже говорили выше, что не самыя внѣшнія впечатлѣнія непосредственно вызываютъ въ насъ тѣ или другія чувствованія, а мысль о значеніи ихъ для нашихъ стремленій и влеченій: устрашаетъ человѣка опасность для жизни, а не огонь самъ по себѣ, огорчаетъ потеря любезнаго существа, а не видъ трупа и т. под. Слѣдовательно, когда мы представимъ себѣ, или какъ говорятъ, вообразимъ такое или другое событіе, то мы имѣемъ всѣ данные для рѣшенія вопроса, можетъ ли оно имѣть значеніе для насъ, для нашего сердца и вызоветъ ли то или другое чувствованіе: наприм. я имѣю состояніе, которое удовлетворяетъ мои нужды, или я привыкъ довольствоваться наличнымъ объемомъ матеріальныхъ средствъ; могу ли я отвѣтить на слѣдующій вопросъ: какъ велика должна быть прибавка къ имѣющемуся у меня годовому доходу, чтобъ она возбуждала во мнѣ чувство нѣкотораго удовлетворенія, или казалась нѣсколько пріятною. Послѣ нѣкотораго размышленія, я могу остановиться на такой прибавкѣ, которая будетъ возбуждать minimum упомянутаго чувствованія. Или, несомнѣнно, что потеря значительной части обычныхъ средствъ къ жизни нетолько можетъ возбудить неудовольствіе, горе, но и нѣкоторый страхъ: спрашивается, какъ велика должна быть потеря въ моемъ наличномъ достояніи, чтобы она возбудила нѣкоторое, самое малое, чувство страха? На самомъ дѣлѣ, положимъ, ничего подобнаго не было и нѣтъ, но я могу представить себѣ, что случись потеря такой то части состоянія, я сталъ бы страшиться, или угрозы такой потери моглибы страшить меня. Будетъ ли мой отвѣтъ имѣтъ значеніе? конечно, будетъ; я дѣлалъ его не по фантазіи, а имѣя въ наличности всѣ условія для реальнаго возбужденія опредѣляемаго состоянія: стремленіе къ жизни и дѣятельности, основаніе для чувства страха, есть во мнѣ постоянное, мысль о событіи и его значеніи для этого моего стремленія также дана въ этомъ случаѣ. Слѣдовательно, если самаго реальнаго чувствованія и не можетъ послѣдовать, потому что самихъ событій собственно нѣтъ, а они только воображаются, то все таки есть обстановка, при которой оно является, и притомъ такая же, когда наступаетъ самое реальное событіе: ибо и при послѣднемъ субъектъ будетъ имѣть извѣстное

влеченіе, основу чувствованія, будетъ представлять и оцѣнивать значеніе событія; и при реальномъ событіи, въ субъектѣ будутъ вообще тѣже самыя данныя для чувствованія, какія бываютъ, когда онъ только представляетъ себѣ ихъ. При такихъ обстоятельствахъ, воображеніе въ нашемъ изслѣдованіи имѣетъ туже роль, какую намѣренный и произвольный опытъ имѣетъ въ рукахъ экспериментатора: въ опытѣ достигается искусственная обстановка изслѣдуемаго явленія и дѣло ученаго извлечь изъ него надлежащій выводъ; въ вопросѣ объ условіяхъ возникновенія чувствованій воображеніе также устраиваетъ обстановку, при которой можетъ явиться возбужденіе сердца; не воображеніе даетъ отвѣтъ; онъ дается сердцемъ и нашимъ знаніемъ, вынесеннымъ изъ опыта, какое впечатлѣніе должно быть, чтобы затрогивать чувство.

Такимъ образомъ оказывается возможность опредѣлить, при какихъ условіяхъ можетъ получаться minimum такого или другого чувствованія. Съ одной стороны, данное долгимъ опытомъ, знаніе условій возникновенія чувствованій, съ другой стороны возможность ставить себя чрезъ воображеніе въ обстановку, при которой они возникаютъ, даютъ изслѣдователю право довѣрять отвѣтамъ, которые получаются на вопросы, клонящіеся къ опредѣленію означенныхъ условій.

Нашъ методъ, въ сущности, имѣетъ въ виду изслѣдованіе minim'альныхъ чувствованій, точное обозначеніе условій, при которыхъ они образуются. Ставится вопросъ, обыкновенно, въ такомъ видѣ: на сколько нужно прибавить или убавить извѣстное обыденное и привычное положеніе, впечатлѣніе и т. д., дабы возбудился minimum извѣстнаго чувствованія. Тогда какъ методъ Вебера и Фехнера имѣлъ въ виду едва замѣтныя различія ощущеній, мы, по условіямъ своего предмета, должны ставить вопросы объ условіяхъ возбужденія едва замѣтныхъ чувствованій. По этому мы и назовемъ свой пріемъ методомъ едва замѣтныхъ чувствованій.

На поставленный, по указанному методу, вопросъ изслѣдователь долженъ прежде всего отвѣчать самъ. Его отвѣтъ, сдѣланный съ полнымъ знаніемъ дѣла и въ такомъ смыслѣ, въ какомъ онъ самъ ставилъ его, всегда долженъ высоко цѣниться. Но, разумѣется, можно сомнѣваться: отвѣтъ, данный однимъ лицомъ, не есть ли плодъ недоразумѣнія, ошибки, или индивидуальнаго настроенія, такъ-ли другіе люди чувствуютъ, какъ одинъ изслѣдователь? Является необходимость предлагать вопросы и другимъ лицамъ. Я уже говорилъ во введеніи, что они были предложены

мною, и теперь я долженъ сказать, что въ настоящее время имѣю подъ руками отвѣты, данные 25-ю лицами изъ разныхъ слоевъ общества. Пользуюсь здѣсь случаемъ, чтобы выразить мою глубокую благодарность всѣмъ, согласившимся дать мнѣ отвѣты и такимъ образомъ помочь мнѣ въ научномъ дѣлѣ. Отвѣтовъ изъ нисшихъ слоевъ общества у меня еще нѣтъ: для нихъ требуются долгіе личные разговоры, требующіе благопріятныхъ случаевъ и свободнаго времени, котораго у меня въ излишкѣ нѣтъ. 25-ть отвѣтовъ ариѳметически немного, но, въ сущности, они столькоже поучительны, какъ и 250. Еслибы мы изучали темпераменты и вліяніе ихъ на чувствованія, значеніе возраста, положенія въ обществѣ на силу и глубину чувствованій, то съ нашимъ количествомъ отвѣтовъ и думать было-бы нельзя отваживаться на какія либо заключенія. Но вопросы наши ищутъ указаній на первоначальныя условія, при которыхъ возбуждается то или другое чувствованіе, и не многочисленные отвѣты на нихъ достигаютъ своей цѣли. Нужно замѣтить вообще, что индуктивныя изслѣдованія основываются никакъ не на множествѣ опытовъ: достаточно одного, даннаго при точно опредѣленныхъ условіяхъ, отвѣта природы на вопросъ изслѣдователя, дабы онъ рѣшенъ былъ безповоротно. Что замѣчено въ лабораторіи на одномъ зайцѣ или лягушкѣ, то изслѣдователь предполагаетъ совершающимся на всѣхъ въ мірѣ зайцахъ и лягушкахъ, мало того, на всѣхъ животныхъ и человѣкѣ. Если бы я замѣтилъ только на одномъ себѣ, что извѣстная кислота, принятая внутрь, производитъ жженіе и боль, а что прикосновеніе къ ней поверхностію тѣла, или внѣшнею кожею, безболѣзненно, то этого одного факта было бы достаточно, чтобы утверждать, что кислота производитъ именно такое дѣйствіе на всѣхъ людей. Такъ и въ нашихъ вопросахъ, если бы данъ былъ всего одинъ отвѣтъ на нихъ и относительно его можнобъ было быть увѣреннымъ, что на него не вліяла индивидуальность, ни ошибка сужденія, ни неумѣнье отвлечься отъ конкретныхъ примѣровъ, то для науки было бы довольно его одного. Множество отвѣтовъ желательно для того, чтобы разныя случайности, имѣющія на нихъ вліяніе, лучше и совершеннѣе элиминировались, и затѣмъ, масса отвѣтовъ необходима для цѣлей индивидуальной Психологіи и изученія человѣческаго сердца во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Наши слова отнюдь не означаютъ того, что мы намѣрены пренебрегать отвѣтами, имѣющими получиться впослѣдствіи; на-

противъ, мы желаемъ возможно большаго числа ихъ; выводы станутъ, конечно, надежнѣе, когда они будутъ утверждаться на большомъ количествѣ отвѣтовъ, а главное, они откроютъ многія другія любопытныя стороны человѣческаго сердца.

Быть можетъ, нѣкоторые читатели найдутъ, что мнѣ слѣдовало бы еще помедлить обнародованіемъ своихъ результатовъ изслѣдованія, особенно такой темной области душевныхъ явленій, каковы чувствованія, дождаться большаго количества отвѣтовъ и разработавъ ихъ, дать болѣе рѣшительные результаты. Первоначальное мое собственное мнѣніе было такое же, но въ видахъ успѣха самаго дѣла, я рѣшился обнародовать свои размышленія и наблюденія по поводу, занимающаго насъ, предмета. Во 1-хъ, собираніе отвѣтовъ есть дѣло крайне медленное и если хлопотать о множествѣ ихъ, то оно должно тянуться многіе годы; притомъ, это дѣло не должно быть моимъ личнымъ только; надѣюсь, что я найду между читателями хотя немногихъ, которые будутъ дѣятельно помогать мнѣ нетолько собственными отвѣтами, но и собираніемъ ихъ отъ своихъ знакомыхъ. Нѣкоторые изъ спеціалистовъ психологовъ, можетъ быть, найдутъ возможнымъ взяться за это дѣло самостоятельно и повести его далѣе. Съ обнародованіемъ этой части моего труда я связываю надежды на большее распространеніе вопросовъ и большій успѣхъ изслѣдованій, чѣмъ если бы они велись исключительно моими личными силами. Во 2-хъ, я придаю большое значеніе своимъ выводамъ и подтвержденію ихъ, найденному мною въ отвѣтахъ 25-ти лицъ: они имѣютъ значеніе, конечно, приблизительныхъ обобщеній; съ большимъ количествомъ отвѣтовъ они могутъ видоизмѣниться, но и теперь я думаю, что большихъ отступленій отъ найденныхъ мною результатовъ не будетъ и они едва ли существенно измѣнятся. Въ 3-хъ, главное и существенное значеніе я придаю не опредѣленіямъ въ цифрахъ, показаннымъ мною, а тому, что, по моему мнѣнію, можетъ быть доказано, что таковое опредѣленіе можетъ быть дѣлаемо и что эта точка зрѣнія на чувствованія представляетъ ихъ въ совершенно новомъ свѣтѣ и въ свою очередь ведетъ къ новымъ точкамъ зрѣнія и открытію новыхъ сторонъ въ чувствованіяхъ. Положимъ, мнѣ докажутъ, что ни въ одномъ моемъ цифровомъ опредѣленіи нѣтъ даже приблизительной вѣрности, чего я никакъ не ожидаю; пусть на мѣсто мною указанныхъ цифръ слѣдуетъ поставить другія, но и тогда ни точка

зрѣнія, ни способъ ея обоснованія, ни разсужденія и выводы въ существенныхъ сторонахъ не измѣнятся.

Подробности метода, нами приложеннаго въ изслѣдованіи напряженія чувствованій, разъяснятся впослѣдствіи еще болѣе, равно какъ читателямъ ясно будетъ изъ самаго приложенія его, какія необходимо принимать при немъ предосторожности, какъ доходить до отвѣтовъ; нѣкоторыя недоумѣнія, по поводу приложенія его, устранятся въ теченіи изслѣдованія сами собою. Поэтому дальнѣйшія разъясненія его я считаю теперь излишними. Мы обратимся къ другимъ предварительнымъ разсужденіямъ.

Постановка вопросовъ. Замѣчанія и оговорки.

Прежде всего необходимо позаботиться о правильной постановкѣ вопросовъ. Какъ и вездѣ, правильно поставленный вопросъ рано ли поздно ли вызоветъ правильный отвѣтъ, тогда какъ ошибки, допущенныя въ немъ, будутъ сказываться на всемъ изслѣдованіи.

Что въ чувствѣ можетъ подлежать измѣренію? Ниже, въ своемъ мѣстѣ, мы подробно остановимся на необходимости различать въ чувствованіяхъ двѣ стороны: высоту или глубину и силу. Состоянія сердца имѣютъ въ этомъ отношеніи большое сходство съ слуховыми ощущеніями. Въ звукахъ мы отличаемъ высоту отъ силы; онѣ могутъ совпадать и не совпадать вмѣстѣ: высокій тонъ можетъ быть вмѣстѣ и сильнымъ, но можетъ быть и слабымъ, равно какъ нискій — слабымъ, но иногда и сильнымъ. Высота тона соотвѣтствуетъ количеству дрожаній воздуха, сила-энергіи дрожаній или величинѣ размаха, дѣлаемаго волнами. Въ послѣдствіи, изслѣдуя причины, условливающія глубину и силу чувствованій, мы покажемъ, что всякое чувство имѣетъ извѣстную силу и глубину и что весьма часто онѣ не совпадаютъ вмѣстѣ. Бываетъ иногда чувство глубокое, но не сильное, и можетъ быть чувство сильное, но вовсе не глубокое. Слѣдовательно, однимъ изъ предметовъ изслѣдованія долженъ быть вопросъ о глубинѣ и силѣ чувствованій.

Глубиною чувствованій мы называемъ высоту чувствованій. Какъ различному количеству дрожаній воздуха соотвѣтствуютъ тоны различной высоты, такъ различнымъ впечатлѣніямъ соот-

вѣтствуютъ различныя степени чувствованій. Каждое чувствованіе имѣетъ нисшія, среднія и высшія степени: наприм. въ комизмѣ, трагизмѣ, въ наслажденіяхъ интеллектуальныхъ, любви и гнѣвѣ, радости и страхѣ и т. д. есть нисшія степени и высшія. Возникаютъ вопросы: какими впечатлѣніями возбуждается самая нисшая степень каждаго ощущенія. Это есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о minimum впечатлѣнія, возбуждающаго minimum чувствованія. Отвѣчая на него, мы отвѣтимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, какими впечатлѣніями можетъ возбуждаться вообще то или другое чувствованіе: наприм. изслѣдуя, при какихъ условіяхъ начинаетъ развиваться minimum чувства удивленія, мы отвѣтимъ и на то, какими впечатлѣніями возбуждается оно.

Но такъ какъ существуютъ разныя степени высоты одного и того же чувства, то представляется вопросъ: какъ возрастаетъ то или другое чувствованіе. Конечно, мы должны будемъ, чтобы разрѣшить его, остановиться на опредѣленіи того, какая надбавка къ впечатлѣнію, возбуждающему minimum извѣстнаго чувствованія, требуется, чтобы поднять его на слѣдующую и т. д. степень.

Далѣе, кромѣ нисшихъ и среднихъ степеней чувствованія, есть высшія и конечно, существуютъ maximum въ каждомъ чувствованіи. Спрашивается, какіе объемы впечатлѣній возбуждаютъ maximum чувствованій.

Другой предметъ изслѣдованія въ чувствованіяхъ есть ихъ сила. Хотя въ теоріи мы различаемъ силу отъ глубины или высоты чувствованій, и по нашему убѣжденію, это дѣлать необходимо, но de facto сила отъ высоты не отдѣлима. Какое бы ни было чувствованіе, оно не можетъ не имѣть извѣстной высоты и извѣстнаго качества, и чтобы его высота и качество были сознаваемы субъектомъ, оно должно имѣть, конечно, извѣстнаго размѣра энергію. Не разрѣшая вопроса, практически теперь для насъ не особенно важнаго: могутъ ли существовать различной глубины чувствованія столь, однако, слабыя, по своей силѣ, что субъектъ ихъ не сознаетъ въ себѣ, хотя они есть, мы будемъ вездѣ предполагать, что minimum чувствованія, возбуждаемаго впечатлѣніемъ, будучи движеніемъ сердца самой слабой степени, имѣетъ и minimum энергіи. Слѣдовательно, изслѣдованіе minimum'овъ впечатлѣній, необходимыхъ для возбужденія минимальныхъ чувствованій, есть вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованіе и minimum'силы въ чувствованіяхъ первой степени.

Чувствованія каждой степени могутъ быть различно сильны. Во всѣхъ своихъ стéпеняхъ, каждое движеніе сердца можетъ быть слабо и сильно. И здѣсь представляются вопросы: какъ возрастаетъ сила чувствованій и при какихъ условіяхъ она можетъ достигать maximum'а напряженія.

Третій предметъ изслѣдованій составляютъ объемъ и размѣры чувствительности. Разные субъекты не одинаково относятся къ впечатлѣніямъ и тогда какъ одни сильно удивляются, другіе не находятъ для себя ничего удивительнаго въ одномъ и томъ же предметѣ, одни трусятъ и страшатся, другіе нѣтъ, одни наслаждаются, радуются въ извѣстной степени, другіе—въ гораздо меньшей мѣрѣ, а третьи—въ гораздо большей. Мало того, одинъ и тотъ же субъектъ одно и тоже оцѣниваетъ своимъ сердцемъ въ различной степени: иногда человѣкъ сердится, радуется, печалится, и довольно сильно, по поводу того, что въ другое время его возбуждаетъ только въ весьма слабой степени, или почти совсѣмъ не возбуждаетъ. Мы встрѣчаемся съ несомнѣннымъ фактомъ повышенія и пониженія чувствительности. Возникаютъ вопросы: на что простирается это повышеніе и пониженіе—происходитъ ли перемѣна въ скалѣ чувствованій, т. е. при одномъ состояніи чувствительности, впечатлѣніе возбуждаетъ чувствованіе одной степени, при другомъ — чувствованіе другой степени, или простирается только на энергію, силу движеній сердца, причемъ это вліяніе не касается глубины ихъ.

Всѣ вопросы, представляющіеся намъ при изслѣдованіи напряженія и возрастанія чувствованій, можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

1) Отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ развитіе глубины и силы чувствованій?

2) Какой minimum впечатлѣній вызываетъ minimum каждаго чувствованія.

3) Какъ возрастаетъ чувствованіе, т. е. какой minimum надбавки впечатлѣнія требуется, чтобы оно съ извѣстной степени возросло на едва замѣтную для сознанія степень.

4) Какіе объемы впечатлѣній возбуждаютъ maximum чувствованій.

5) Отъ чего зависитъ возрастаніе силы чувствованій?

6) Что означаетъ собственно повышеніе и пониженіе чувствительности и простираются ли они на глубину и силу чувствованій одинаково?

4) Чувствованіе есть оцѣнка впечатлѣнія, его значенія, важности въ разнообразныхъ отношеніяхъ. Почему мы въ однихъ случаяхъ наслаждаемся имъ, въ другихъ радуемся, страшимся его, гнѣваемся на него, почему иногда по поводу впечатлѣній чувствуемъ стыдъ, униженіе, удовлетвореніе чести и т. д. и т. д.? Потому что въ одномъ случаѣ признаемъ за ними одну цѣну и значеніе, въ другомъ другое, въ третьемъ еще иное: кто не понимаетъ цѣны и смысла ихъ, тотъ, наприм. какъ идіотъ и грудной ребенокъ, не отвѣчаетъ на нихъ никакими чувствованіями. Оцѣнка же бываетъ или абсолютная, когда нѣчто признается значительнымъ и цѣннымъ внѣ всякаго сравниванія съ чѣмъ бы то ни было и притомъ не соизмѣримымъ ни съ чѣмъ другимъ, или же относительная, когда что либо признается малозначительнымъ, или высокоцѣннымъ относительно, по сравненію съ какимъ либо образцомъ или мѣрою. Наприм. въ любви оцѣнка другого существа бываетъ абсолютная, а не относительная; мы любимъ одного болѣе не по сравненію съ другимъ, а прямо, безотносительно, потому что онъ такое существо, а не другое. Истина и красота составляютъ предметъ любви не по сравненію съ чѣмъ бы то ни было, а сами по себѣ, какъ абсолютныя цѣнности. Удивляемся же мы такимъ предметамъ, которые въ извѣстной степени превосходятъ обыкновенное и привычное намъ, т. е. наши представленія о нихъ; равно, презираемъ тѣ вещи, которыя далеко не подходятъ къ нашимъ обыкновеннымъ о нихъ представленіямъ. Въ этомъ и подобныхъ случаяхъ мы оцѣниваемъ впечатлѣнія относительно. Слѣдовательно, необходимо намъ отдать отчетъ въ мѣрѣ, которою сердце измѣряетъ впечатлѣніе; смотря по тому, въ какомъ отношеніи данное впечатлѣніе находится къ ней, сердце развиваетъ тѣ или другія чувствованія. Такія мѣры или образцы бываютъ весьма разнообразны, какъ это мы увидимъ ниже.

5) Упомянутою мѣрою чувство измѣряетъ и оцѣниваетъ впечатлѣніе. Мы должны будемъ обратить на нее вниманіе, и постараемся опредѣлить, въ какомъ отношеніи впечатлѣніе должно находиться къ субъективной мѣрѣ, чтобы возбудилось minimum того или другого чувствованія. Но очевидно, эта мѣра не можетъ служить таковою для самаго движенія сердца: оно можетъ быть измѣряемо только сердцемъ же, какъ умъ только умомъ. Въ обыденной жизни, когда мы обозначаемъ разныя высоты чувствованій, мы говоримъ о степеняхъ ихъ. Языкъ предполагаетъ что существуютъ различныя степени ихъ, высшія, среднія и нис-

шія. Терминъ самъ по себѣ хорошій и весьма пригодный для насъ: только необходимо условиться, что собственно слѣдуетъ понимать подъ нимъ.

Слово „степень“ мы прилагаемъ для обозначенія различныхъ напряженій качествъ: напримѣръ, говоримъ о степеняхъ красноты, зелености, о степеняхъ ума, власти, значенія, красоты, безобразія, и т. д. Когда предъ нами два субъекта съ извѣстными качествами и мы замѣчаемъ, что они замѣтно отличаются одинъ отъ другого въ отношеніи ихъ, мы говоримъ, что они имѣютъ разныя степени качествъ. Мы различаемъ ихъ потому, что, для наблюденія, они представляютъ замѣтныя разницы въ объемахъ и качествахъ силъ, дѣятельностей. Такими степенями мы измѣряемъ умы отъ низменностей до крайнихъ интеллектуальныхъ высотъ, красоту, безобразіе, de facto мы измѣряемъ и чувство этою-же единицею и потому говоримъ о нисшихъ и высшихъ степеняхъ ихъ. И когда мы говоримъ, напримѣръ, что два субъекта испытали двѣ разныя степени удивленія, то основываемся на фактѣ, что онѣ представляютъ два состоянія этого чувства, замѣтно различныя одно отъ другого; слѣдовательно, если бы они были состояніями одного и того же субъекта, напримѣръ, нашими, то были бы различны для нашего сознанія. Степенями чувства означаются разности въ подъемахъ его, замѣтныя для сознанія субъекта.

Для сознанія, конечно, замѣтно возрастаніе чувствованія и самое большое и относительно малое. Еслибы возможно было по нему судить, во сколько разъ одно чувствованіе болѣе другого, и судить точно, тогда опредѣленіе того, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ степенью, было бы легкимъ дѣломъ: мы сказали бы, что первая степень чувствованія есть его minimum, вторая — когда оно удвояется, третья, когда утрояется и т. д. Номы сказали уже, что по сознанію этого рѣшать не можемъ, и слѣдовательно, такое пониманіе степени невозможно. По сознанію можно наблюдать, что чувствованіе вообще сдѣлалось болѣе: наприм. можно сказать, что одинъ случай вызвалъ большее состраданіе чѣмъ другой, одно лицо возбуждаетъ большее уваженіе, чѣмъ другое и т. д. Опредѣливъ, какого размѣра впечатлѣніе требуется, чтобы возбудить minimum того или другого чувствованія, мы, конечно, должны будемъ назвать его чувствованіемъ первой степени. Коль скоро съ minimum'а оно поднялось на столько, что его возрастаніе стало замѣтно для созна-

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

нія, оно, значитъ, поднялось на болѣе высшую степень, и если возможно будетъ слѣдить за его дальнѣйшимъ поднятіемъ, по скольку оно опредѣляется сознаніемъ, то каждый разъ, какъ оно увеличивается на едва замѣтную для него величину, мы должны будемъ признавать его поднявшимся на одну степень. Она будетъ означать подъемъ чувствованія въ высоту на едва замѣтную для сознанія ступень, или степени означаютъ едва замѣтныя для сознанія разности высоты ихъ. Съ такимъ пониманіемъ этотъ терминъ примиряется легко: онъ означаетъ вообще извѣстную мѣру качества, дѣятельности и переходъ отъ одной степени къ другой значитъ переходъ отъ нисшаго размѣра къ высшему, или наоборотъ. Великъ или малъ долженъ быть такой переходъ, терминъ того не указываетъ; величина его можетъ быть опредѣляема произвольно и слѣдовательно, мы имѣемъ право предполагать ее такою, какая для изслѣдованія всего пригоднѣе.

И такъ для измѣренія собственно чувствованій мы имѣемъ мѣру, взятую отъ нихъ же: мы будемъ измѣрять ихъ степенями, подъ которыми разумѣемъ ступени поднятія ихъ, едва замѣтныя для сознанія.

Мы ставили вопросы въ томъ порядкѣ, въ какомъ они представлялись намъ въ теченіи разсужденія. Но держаться этого же порядка при разрѣшеніи ихъ не совсѣмъ удобно. Первый вопросъ: „отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ развитіе силы и глубины чувствованій“ рѣшать прежде всѣхъ другихъ невозможно. Многіе могутъ скептически отнестись къ возможности изслѣдовать вообще возрастаніе чувствованій и для такихъ скептиковъ мы должны прежде всего представить фактическое опроверженіе ихъ недоумѣній. Съ другой стороны, условія возрастанія чувствованія въ глубину станутъ намъ понятны только послѣ того, какъ мы на многихъ фактахъ убѣдимся, по какому правилу возрастаетъ то, другое, третье и т. д. чувствованіе. Въ этихъ видахъ мы должны изслѣдованіе перваго вопроса отложить на нѣкоторое время.

Далѣе, мы намѣрены сначала изслѣдовать разныя чувствованія въ отдѣльности, именно тѣ, которыя допускаютъ измѣреніе и приблизительное опредѣленіе условій, при которыхъ они возникаютъ. Занявшись такимъ чувствованіемъ, мы разберемъ, при какихъ условіяхъ впечатлѣніе возбуждаетъ его вообще, т. е. minimum его, затѣмъ — какъ оно должно возрастать и наконецъ, чѣмъ возбуждается maximum его. Мы постараемся разобрать какъ можно болѣе такихъ чувствованій, на сколько то возможно.

Когда фактовъ соберется у насъ достаточное количество, мы въ состояніи будемъ, на сколько окажется то возможно, отвѣтить на три упомянутыхъ вопроса. Притомъ, ставя упомянутые вопросы относительно чувствованій въ отдѣльности, мы будемъ держаться того порядка въ постановкѣ, какой въ каждомъ спеціальномъ случаѣ найдемъ для себя удобнымъ.

Наконецъ, мы должны сдѣлать замѣчаніе относительно вопроса о minimum впечатлѣнія, потребнаго для возбужденія чувствованія. Относительно обыкновенныхъ чувствованій нельзя ставить вопросы въ такомъ простомъ видѣ: какое наименьшее количество впечатлѣнія вызываетъ то или другое чувствованіе. Здѣсь мы имѣемъ для изслѣдованія фактъ, аналогичный ощущеніямъ температуры. Въ своемъ мѣстѣ мы уже замѣчали, что нельзя о minimum ихъ спрашивать такъ: какая наименьшая температура производитъ наименьшее ощущеніе ея, потому что уменьшеніе количества теплоты возбуждаетъ положительное ощущеніе. Необходимо опредѣлить прежде всего, при какой температурѣ тѣло не чувствуетъ ни тепла ни холода, и затѣмъ уже наблюдать, какая надбавка или какое уменьшеніе ея производитъ ощущеніе тепла или холода. Относительно чувствованій мы находимся въ совершенно такомъ же положеніи. Положимъ, мы желаемъ изслѣдовать, при какихъ условіяхъ возбуждается minimum радости. Мы не можемъ спрашивать, какое наименьшее впечатлѣніе возбуждаетъ ее, потому что малый размѣръ его, когда субъектъ ждалъ и воображалъ большій, возбуждаетъ не радость, но даже положительное неудовольствіе. Какъ и при опредѣленіи ощущеній температуры, необходимо найти, при какомъ количествѣ градусовъ человѣкъ не чувствуетъ тепла и холода и затѣмъ, какое повышеніе и пониженіе ея вызываютъ ощущенія ихъ, такъ точно, прежде чѣмъ слѣдить за возрастаніемъ радости, надобно опредѣлить положеніе, сравнительно съ которымъ всякое впечатлѣніе соизмѣряется и кажется радостнымъ или печальнымъ. Это положеніе, сравнительно съ которымъ оцѣнивается впечатлѣніе, устанавливается у каждаго субъекта или привычкою, или воображеніемъ, или ожиданіемъ, или его идеалами и есть та мѣра, которою измѣряется и оцѣнивается всякое впечатлѣніе. По этому вопросъ о minimum радости при извѣстныхъ условіяхъ должно поставить такъ: какое увеличеніе суммы счастія или благополучія, которымъ субъектъ владѣетъ, возбуждаетъ это чувство: всякую надбавку къ нему онъ измѣряетъ даннымъ своимъ положе-

ніемъ, какъ привычною обыкновенною мѣрою. Ею же измѣряются всякого рода лишенія, и размѣръ горя зависитъ отъ того, какъ велики сравнительно съ нею новыя лишенія и потери. Такъ какъ огромное большинство чувствованій, по условіямъ своего возникновенія, относительны, то при изслѣдованіи minimum'а ихъ, намъ всегда необходимо ставить вопросы только упомянутымъ способомъ.

Теперь мы можемъ перейти прежде всего къ изслѣдованіямъ возрастанія чувствъ въ отдѣльности.

Дѣло свое мы должны начать разными оговорками. Очевидно, что многія высшія чувствованія не могутъ быть измѣряемы грубою мѣрою: напр. чѣмъ возможно измѣрить высшій комизмъ или какъ найти впечатлѣніе, возбуждающее minimum трагизма? Могутъ ли быть чѣмъ нибудь измѣрены высокія движенія любви, глубокое уваженіе, чувство долга и т. д.? По необходимости, мы должны отказаться отъ намѣренія разбирать ихъ возрастаніе заурядъ съ другими. По этому мы начнемъ свои изслѣдованія съ такихъ фактовъ сердца, которые наиболѣе доступны для измѣреній. Это именно тѣ чувствованія, которыя развиваются по поводу не особенно важныхъ и великихъ внутреннихъ событій, но большею частію внѣшнихъ фактовъ, доступныхъ для количественнаго опредѣленія. Во многихъ случаяхъ возможно прослѣдить, какъ за измѣненіемъ подобныхъ фактовъ измѣняется чувство, и на такихъ случаяхъ мы должны сосредоточить свое вниманіе. За тѣмъ, такъ какъ часто одни и тѣже чувствованія возникаютъ и по поводу внѣшнихъ фактовъ, доступныхъ точному опредѣленію, и по поводу внутреннихъ событій, не могущихъ быть измѣряемыми, то для изслѣдованія съ указанною цѣлію доступны лишь первыя стороны ихъ: наприм. радость возникаетъ по поводу увеличенія внѣшняго благосостоянія, но она же можетъ развиваться и по-случаю торжества надъ врагомъ, или обновленія духа утѣшеніями вѣры. Возможно опредѣлить точно перваго рода поводы къ ней, но невозможно измѣрять вторые. Естественно, что мы должны будемъ ограничиться доступною намъ стороною чувствованій. Изученіе ея будетъ для насъ уже потому важно, что возрастаніе и высшихъ степеней чувствованій, по всей вѣроятности, подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ и возрастаніе ни[redacted]ъ, болѣе грубыхъ по своимъ поводамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Условія возбужденія чувствованій цѣнности: уваженія, удивленія, грандіозности.

И такъ мы выговариваемъ себѣ у читателя свободу изслѣдовать количественную сторону чувствованій въ такомъ порядкѣ, какой намъ кажется наиболѣе удобнымъ: мы не будемъ держаться при этомъ классификаціи ихъ, данной въ первомъ томѣ.—Анализъ, съ которымъ читатели уже ознакомились, имѣлъ въ виду опредѣленіе состава важнѣйшихъ чувствованій и описаніе ихъ; но для правильности постановки вопроса о напряженіи и вообще количественной сторонѣ ихъ, необходимо будетъ въ иныхъ случаяхъ углубить анализъ и снова разобрать существенный характеръ нѣкоторыхъ чувствъ. Поэтому наши нижеслѣдующія разсужденія могутъ служить дополненіемъ, уже представленнаго въ предшествующемъ томѣ, качественнаго анализа состояній сердца.

Начнемъ съ группы чувствованій, которая представляетъ намъ двѣ своего рода гаммы—положительную. и отрицательную. Обѣ онѣ имѣютъ дѣло съ впечатлѣніями, поражающими насъ тѣмъ, что они или не доходятъ, или переходятъ за черту обыкновеннаго, привычнаго намъ, или желаемаго, воображаемаго, должнаго. Положительная гамма составляется изъ чувствованій уваженія, удивленія, величія, отрицательная—пренебреженія, презрѣнія и чувствованія мелкаго, мизернаго.

Эти чувствованія развиваются по поводу самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній: можно уважать людей за умъ, удивляться высокой красотѣ, размѣру таланта, чувствовать величіе истины и добра, ума и стальной воли и т. д.; можно пренебрегать людьми за ихъ слабодушіе, презирать ихъ эгоизмъ, чувствовать низменность и мелкоту интересовъ, глупости, тщедушія и т. д. Понятно, что безнадежно пытаться опредѣлить неопредѣлимое, взвѣсить невѣсимое. Какою точною мѣрою измѣрять красоту, талантъ, умъ, истину, добро, волю, эгоизмъ, глупость, тщеславіе? Еслибы упомянутыя чувствованія возбуждались только такого рода впечатлѣніями, безплодна была бы попытка измѣрить ихъ въ какомъ бы то нибыло отношеніи. Но они возбуждаются и такими впечатлѣніями, которыя могутъ подлежать измѣренію: мы удивляемся богатству, обширности зданій и городовъ, изъ которыхъ нѣкото-

рые признаемъ величественными, мускульной силѣ. Эти впечатлѣнія могутъ возбуждать всѣ чувствованія по обѣимъ гаммамъ. Богатство, обширность зданій и городовъ, мускульныя силы могутъ быть опредѣляемы точно и на такихъ впечатлѣніяхъ можно уловить, какъ соотвѣтственно съ ними является и возрастаетъ чувствованіе. Конечно, въ благопріятномъ случаѣ мы будемъ знать только то, когда экономическое положеніе, обширность зданія, или мускульная сила вызываютъ чувства уваженія, удивленія, грандіозности, или пренебреженія, презрѣнія, мизерности. Но если эта цѣль будетъ достигнута, открывается просвѣтъ и въ то, при какихъ условіяхъ эти чувствованія возникаютъ отъ другихъ несоизмѣримыхъ впечатлѣній.

Прежде всего предстоитъ опредѣлить условія, при которыхъ эти чувствованія возникаютъ, т. е. собственно minimum впечатлѣнія, способнаго вызвать minimum чувствованія. Вопроса нельзя здѣсь ставить въ такомъ видѣ: какое наименьшее впечатлѣніе вызываетъ ихъ: напримѣръ, какое наименьшее количество богатства вызываетъ удивленіе, потому что малыя экономическія положенія вызываютъ пренебреженіе, презрѣніе и даже чувство мелкоты, или мизерности; притомъ, у разныхъ людей эти чувства вызываются различными впечатлѣніями. Какъ и при опредѣленіи ощущеній температуры необходимо наблюдать, при какомъ количествѣ градусовъ человѣкъ не чувствуетъ ни тепла ни холода, и затѣмъ, какое пониженіе и повышеніе температуры вызываетъ малыя, едва замѣтныя, ощущенія тепла и холода, такъ необходимо и здѣсь опредѣлить представленіе, сравнительно съ которымъ впечатлѣніе соизмѣряется и кажется удивительнымъ, или презрѣннымъ. Это представленіе, съ которымъ соизмѣряется внѣшній фактъ, устанавливается у каждаго субъекта или его привычнымъ опытомъ и наблюденіемъ, или ожиданіемъ, или воображеніемъ, и есть та мѣра, по которой сердце измѣряетъ и оцѣниваетъ каждое впечатлѣніе. Поэтому вопросъ о minimum'ѣ разбираемыхъ чувствъ слѣдуетъ поставить такъ: какая требуется разность впечатлѣнія отъ привычнаго, или ожидаемаго, или воображаемаго, или идеальнаго размѣра, дабы возбудилось которое либо изъ нихъ.

Обратимся къ чувству уваженія. Мы понимаемъ здѣсь не въ смыслѣ дани, воздаваемой сердцемъ нравственной силѣ, но въ болѣе внѣшнемъ значеніи, какъ чувство, возбуждаемое въ насъ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ человѣка. Никто не ста-

нетъ отрицать, что значительность, придаваемая лицу, часто находится въ прямомъ соотношеніи съ имущественными обстоятельствами его. Конечно, умъ, образованіе, мѣсто въ чиновной іерархіи весьма много опредѣляютъ мѣру значительности, какая личности придается въ обществѣ, но и богатство, большіе размѣры его внушаютъ невольное уваженіе къ обладателю его. При однихъ размѣрахъ его мы чувствуемъ значительность состоянія и въ насъ развивается нѣчто похожее на уваженіе къ нему, при другихъ—мы удивляемся объему богатства, при третьихъ оно поражаетъ насъ своею громадностію, возбуждая въ насъ что-то похожее на чувство величія или высокаго. Но экономическое положеніе другихъ кажется намъ внушительнымъ лишь относительно, чужое богатство и чужая бѣдность нами оцѣниваются по сравненію съ нашимъ собственнымъ экономическимъ положеніемъ. Послѣднее составляетъ для насъ въ этихъ случаяхъ обыденную привычную мѣру, которою оцѣнивается имущественное состояніе другихъ людей.

Minimum уваженія къ богатству, или лучше сказать, чувства внушительности его, обнаруживается въ томъ, что извѣстныхъ лицъ мы считаемъ вообще богаче насъ. Они представляются намъ въ экономическомъ отношеніи чѣмъ то большимъ, чѣмъ мы, и какъ на таковомъ мы до нѣкоторой степени останавливаемъ свое вниманіе. Чувство уваженія въ томъ и состоитъ, что мы невольно останавливаемся своимъ вниманіемъ на достоинствахъ уважаемаго лица, признаемъ за нимъ авторитетъ и чувствуемъ, что оно есть нѣчто солидное, бо́льшее, чѣмъ обыкновенное, обыденно встрѣчающееся. Слѣдовательно, нашъ вопросъ разрѣшится, когда мы опредѣлимъ, кого вообще мы считаемъ нѣсколько богаче себя, т. е. кто въ экономическомъ отношеніи представляется намъ большимъ, чѣмъ мы сами. Какъ мы уже сказали, каждый это опредѣляетъ по своему, т. е. по сравненію съ своимъ положеніемъ.

Чтобы субъектъ кого либо сталъ считать богаче себя, этотъ кто либо долженъ имѣть большій годовой доходъ, чѣмъ какимъ обладаетъ самъ субъектъ. Очевидно, не всякій плюсъ будетъ имъ приниматься во вниманіе, но только тотъ, который достигаетъ опредѣленнаго размѣра. Человѣкъ, получающій 1050 р. въ годъ ариѳметически болѣе имѣетъ, чѣмъ получающій 1000 р., но послѣдній, навѣрное, не думаетъ о первомъ, что онъ богаче его, равнымъ образомъ субъекты, имѣющіе одинъ 3000, другой 3100 р. ариѳметически не равно богаты, но послѣдній не производитъ

на перваго впечатлѣнія болѣе богатаго человѣка. Чтобы экономическое положеніе другого казалось намъ большимъ нѣсколько, чѣмъ наше, плюсъ долженъ достигать извѣстнаго объема. Замѣтимъ мимоходомъ: фактъ, что не всякій плюсъ богатства принимается нами въ разсчетъ, когда мы говоримъ о другихъ людяхъ, какъ болѣе богатыхъ, чѣмъ мы, доказываетъ, что въ подобнаго рода сужденіяхъ мы обнаруживаемъ свое чувство, а не результатъ рефлексіи. Для послѣдней всякая прибавка, какъ бы она мала ни была, есть увеличеніе богатства: для нея получающій 1001 р. богаче субъекта, получающаго только 1000 р. Но для чувства обѣ цифры, какъ цѣнности одинаковы и при 1000 р. надбавка въ 1 рубль не увеличиваетъ и не измѣняетъ внушительности экономическаго состоянія. Чтобы одно состояніе сравнительно съ другимъ казалось болѣе внушительнымъ, разность между ними должна достигать извѣстной нормы, т. е. плюсъ долженъ достигать опредѣленнаго объема. Спрашивается теперь, какъ великъ долженъ быть этотъ плюсъ?

Противъ возможности найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, могутъ представиться нѣсколько возраженій. Главное изъ нихъ то, что нельзя сравнивать людей въ экономическомъ отношеніи только по цифрѣ, получаемаго ими, годоваго дохода. Скажутъ: богатство и бѣдность опредѣляются собственно отношеніемъ дохода къ расходу. Высокопоставленное лицо, которому приходится жить однимъ жалованьемъ, почти не покрывающимъ его расходовъ по положенію, есть человѣкъ бѣдный, а маленькій чиновникъ, купецъ, откладывающіе нѣчто изъ скуднаго годоваго дохода, суть люди богатые; холостой человѣкъ, живущій на двѣ, на три тысячи въ годъ, не есть бѣдный человѣкъ, чего нельзя сказать про субъекта съ такимъ же годовымъ доходомъ, но имѣющаго большую семью. Все это было бы вѣрно, если бы, при сужденіи о богатствѣ и бѣдности людей встрѣчаемыхъ нами въ обществѣ, мы дѣйствительно справлялись не только съ ихъ доходами, но и расходами, тогда какъ въ дѣйствительности мы всегда имѣемъ въ виду только первые, игнорируя послѣдніе. Сплошь и рядомъ бываетъ, что мы считаемъ богатымъ того, кто самъ себя признаетъ бѣднымъ. Съ другой стороны, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, необходимо отвлечься отъ конкретныхъ условій факта и для сравненія представить себѣ другое воображаемое лицо, которое, при равенствѣ во всѣхъ остальныхъ условіяхъ, отличалось бы только въ экономическомъ, и спро-

сить себя, какой плюсъ въ своемъ матеріальномъ положеніи оно должно имѣть, чтобы вообще казалось намъ нѣсколько богаче насъ. Такая абстракція не будетъ произвольнымъ дѣломъ, но пріемомъ, согласнымъ съ духомъ точныхъ наукъ. И физическія явленія совершаются при множествѣ взаимно дѣйствующихъ и противодѣйствующихъ условій и задача изслѣдователя ихъ состоитъ въ томъ, чтобы изъ состава явленія элиминировать для цѣлей изслѣдованія каждый изъ элементовъ его и затѣмъ изучать отдѣльно. И здѣсь также мы должны, хотя въ воображеніи, элиминировать всѣ условія, при которыхъ развивается изучаемый фактъ, чувство уваженія, за исключеніемъ одного, въ данномъ случаѣ богатства, какъ повода къ нему. Въ дѣйствительности, произвести такую элиминацію не такъ трудно, какъ это кажется.

Для изслѣдованія чувства уваженія мною былъ поставленъ вопросъ: на какую часть большій, сравнительно съ Вашимъ, годовой доходъ кажется внушительно большимъ, или на какую часть Вашего дохода болѣе должно получать другое лицо, чтобы оно могло представляться Вамъ нѣсколько богаче Васъ. Въ отвѣтахъ общій результатъ получился $^{45}/_{120}$, немного болѣе одной трети: т. е. нѣкоторое уваженіе и вниманіе возбуждается въ лицѣ экономическимъ положеніемъ, которое превосходитъ его положеніе приблизительно на $^1/_3$. Замѣчу, что это есть средній выводъ изъ всѣхъ отвѣтовъ: колебанія въ нихъ были между $^1/_6$ и $^1/_2$, (большинство голосовъ за эту дробь), при чемъ замѣчательно, что лица высшихъ классовъ болѣе склоняются къ половинѣ, тогда какъ классы пониже указали болѣе низкую норму. Значитъ ли эта разность дѣйствительно что нибудь, или случайна, теперь рѣшить нельзя. Мое личное мнѣніе, образовавшееся за долго до раздачи вопросовъ, было за $^1/_3$ и за него стоитъ вышесказанная средняя.

Такимъ образомъ получились отвѣты на вопросы и объ остальныхъ чувствованіяхъ; удивленія, грандіозности, пренебреженія, презрѣнія и мизерности, или мелкоты. Относительно каждаго изъ нихъ я поставилъ по два вопроса, чтобы до нѣкоторой степени контролировать отвѣты и повѣрять одно сужденіе отвѣчающаго другимъ сужденіемъ его же. Упомянутыя чувствованія могутъ возбуждаться не одними экономическими положеніями: мы удивляемся величинѣ зданій, размѣру городовъ, или презираемъ ихъ, считаемъ, какъ говорится, ни вочто; мы удивляемся физической силѣ другихъ лицъ, животныхъ; многія явленія въ техникѣ и природѣ возбуждаютъ чувство величія, грандіозности, и бываетъ на оборотъ:

сила мущины можетъ имѣть лишь презрительные размѣры, казаться ничтожною силенкою. Мои вопросы, кромѣ экономическихъ положеній касались еще разныхъ размѣровъ физической силы и величины городовъ.

Какого размѣра впечатлѣнія вызываютъ чувства удивленія и грандіозности? Несомнѣнно, что есть экономическія положенія, которыя кажутся удивительными и даже грандіозными. Чтобы эти чувства возбудились, необходимо внѣшнимъ впечатлѣніямъ въ нѣсколько разъ превосходить привычное и обыденное впечатлѣніе, въ данномъ случаѣ то положеніе, къ которому мы привыкли, т. е. наше собственное. Мы удивляемся иногда физической силѣ людей и животныхъ и нѣкоторые размѣры ея считаемъ не только удивительными, но и грандіозными. Для изслѣдованія чувства удивленія я поставилъ слѣдующіе вопросы: 1) на какую часть большій, сравнительно съ Вашимъ, годовой доходъ представляется Вамъ удивительно большимъ, или, во сколько разъ богаче Васъ долженъ быть человѣкъ, котораго Вы могли бы представить себѣ удивительнымъ богачемъ? 2) во сколько разъ болѣе Васъ тяжести долженъ поднимать человѣкъ, котораго Вы могли бы признать удивительнымъ силачемъ. Относительно физической силы отвѣты дали среднюю нѣсколько выше 5 3/4, относительно экономическихъ положеній отъ 29 до 30-ти. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ первомъ вопросѣ колебанія были значительны, между 20 и 2-мя, но что отвѣты большинства колебались около 4-хъ, немного выше и немного ниже. Отвѣты: 20 (ихъ два) очевидно слишкомъ высоки; представляется справедливое недоумѣніе: если отвѣчавшіе поднимаютъ сами не менѣе двухъ пудовъ, а конечно они поднимаютъ ихъ, то неужели удивительная для нихъ сила начинается съ того предѣла, при которомъ она одолѣваетъ 40 пудовъ; а такъ какъ подобной человѣческой силы не существуетъ, то неужели для этихъ двухъ лицъ не существуетъ удивительныхъ силачей? Отвѣтъ: 2 я считаю слишкомъ низкимъ. Лица образованнаго класса едва справляются съ тремя пудами: неужели человѣкъ, поднимающій 6-ть пудовъ, для нихъ есть удивительный силачъ? вѣдь смотрятъ же они на носильщиковъ кулей муки, которые вѣсятъ до 9-ти пудовъ, какъ на очень сильныхъ субъектовъ, но еще вовсе не удивительныхъ силачей? Лично я склоняюсь къ тому, что въ этомъ случаѣ цифра 5 ближе подхо-

дитъ къ истинѣ, т. е. чувство удивленія къ физической силѣ возбуждается, когда она въ 5-ть разъ превосходитъ нашу. Вопросы объ экономическихъ положеніяхъ дали средній отвѣтъ отъ 29—30. Такой, по моему мнѣнію, неестественно высокій отвѣтъ получился оттого, что большинство отвѣчавшихъ, очевидно, смѣшивало впечатлѣніе удивительности съ грандіозностію: у насъ, обыкновенно, эти эпитеты взаимно замѣняются и потому большое число лицъ отвѣчая на вопросъ объ удивленіи, говорили собственно о чувствѣ грандіозности. Притомъ, я долженъ замѣтить, что высокая цифра получилась отъ трехъ отвѣтовъ: 50, 100 и одинъ даже 200; если элиминировать эти отвѣты, какъ неестественно высокіе, а главное, происшедшіе отъ смѣшиванія чувства удивленія съ грандіозностію, то средній отвѣтъ упадетъ до 12-ти. Я считаю и эту цифру все-таки высокою. Судя потому, что эти самыя лица относительно физической силы дали отвѣтъ „5-ть разъ“, мы имѣемъ право соединить оба отвѣта ихъ вмѣстѣ и тогда получится средній около $8^1/_2$ разъ. Мое личное мнѣніе то, что и эта цифра высока; думаю, достаточно было бы 5-ть. Несомнѣнно, что для получающаго 100 р. въ годъ человѣкъ, имѣющій 500 р. дохода кажется поставленнымъ удивительно хорошо; для имѣющаго 1000 р. дохода лицо съ 5 тысячами кажется на столько богатымъ, что внушаетъ нѣкоторое удивленіе; для имѣющаго 5 т. дохода лицо съ 25 т. навѣрное внушаетъ, по крайней мѣрѣ, minimum удивленія. Равно, если я поднимаю 3 пуда, то человѣкъ, который сможетъ поднять 15-ть, дѣйствительно, есть удивительный силачъ и къ этой физической силѣ я начинаю чувствовать удивленіе.

Для чувства грандіозности было поставлено два вопроса; 1) во сколько разъ превосходитъ Ваше годовое содержаніе доходъ, который Вамъ представляется грандіознымъ, или во сколько разъ богаче Васъ долженъ быть человѣкъ, котораго Вы моглибы счесть грандіознымъ богачемъ и 2) во сколько разъ болѣе Васъ тяжести долженъ поднимать человѣкъ, котораго Вы моглибы признать грандіознымъ силачемъ. Что касается до послѣдняго вопроса, то я сознаюсь, что его вовсе не слѣдовало ставить: если удивительнымъ силачемъ отвѣчавшій призналъ субъекта превосходящаго его силою въ 5-ть разъ, то когоже онъ можетъ признать грандіознымъ силачемъ? Очевидно, между людьми такихъ силачей быть не можетъ: ихъ слѣдуетъ искать въ животномъ мірѣ, или между миѳическими богатырями, которые и суть истинно

грандіозные силачи. Отвѣчавшіе должны были недоумѣвать по поводу этого вопроса, и если отвѣчали, то смѣшивали грандіозность силы съ удивительностію ея. Поэтому этотъ вопросъ беру назадъ. На первый же—отвѣты обнаружили значительныя колебанія: три отвѣта было 50, восемь 100, два 10, одинъ 200, одинъ 30. Средній отвѣтъ выходитъ около 87. Большія колебанія я объясняю слишкомъ большою неопредѣленностію выраженія: грандіозное богатство; кто смѣшивалъ его съ удивительнымъ, тотъ уменьшалъ цифру, кто бралъ крайне большую степень грандіозности его, а не minimum, какъ слѣдовало, тотъ слишкомъ преувеличивалъ. Надобно согласиться, что вообще этотъ вопросъ для не психолога очень трудный. Лично я думаю, что цифра 87 все еще велика. Такъ какъ неестественно большой отвѣтъ, полученный на вопросъ объ удивительномъ богатствѣ, объясняется смѣшиваніемъ чувствъ грандіозности и удивленія, то мы имѣемъ право соединить ихъ и тогда получится общій отвѣтъ около 60-ти.

Но я думаю, что впечатлѣніе начинаетъ вообще принимать для насъ грандіозный характеръ, когда оно болѣе около 50-ти разъ обыкновеннаго привычнаго. Кто кажется грандіозно богатымъ для человѣка съ 200 рублями годоваго дохода, т. е. для обыкновеннаго работника? для него субъектъ получающій 10,000 годоваго доходу уже есть грандіозный богачъ. Для человѣка съ 1 т. дохода получающій 50 т. и равно для субъекта съ 5 т. дохода получающій 250 т. кажутся грандіозными богачами.

Возбужденіе чувствъ пренебреженія, презрѣнія и мелкоты.

Уваженію, удивленію и чувству высокаго противоположны пренебреженіе, презрѣніе и чувство мелкаго или низменнаго.

Какъ есть размѣръ богатства, внушительный для насъ, такъ есть и такой, къ которому мы начинаемъ относиться съ пренебреженіемъ. При извѣстномъ экономическомъ положеніи другихъ, намъ кажется, что они нѣсколько бѣднѣе насъ. Не всякая, однакоже, разность здѣсь принимается въ разсчетъ. Человѣкъ, имѣющій, положимъ, четыре тысячи годоваго дохода, не считаетъ бѣднѣе себя другого субъекта, который получаетъ менѣе его на двѣсти, триста рублей. Но если разность достигаетъ извѣстной

нормы, то онъ думаетъ нѣсколько пренебрежительно о такомъ положеніи. Равнымъ образомъ, есть субъекты безсильнѣе насъ, но пренебрежительно мы начинаемъ относиться только къ той силѣ, которая менѣе нашей на извѣстную опредѣленную величину. Для опредѣленія чувствованія пренебреженія у меня даны были вопросы: 1) какой человѣкъ, сколько поднимающій, кажется Вамъ нѣсколько безсильнѣе Васъ, такъ что къ его силѣ Вы чувствуете нѣкоторое пренебреженіе; 2) на какую часть меньшей противъ Вашего годовой доходъ кажется Вамъ чувствительно меньшимъ и человѣкъ, получающій его, представляется Вамъ нѣсколько бѣднѣе Васъ: на первый вопросъ одинъ отвѣтъ былъ $^1/_{10}$, два за $^1/_5$, четыре за $^1/_4$, столько же за $^1/_3$, и два за $^1/_2$; средній отвѣтъ $^{18}/_{60}$, или немного менѣе $^1/_3$. На второй вопросъ, одинъ $^1/_{10}$, одинъ $^1/_6$ три $^1/_5$, два $^1/_4$, девять $^1/_3$, три $^1/_2$; средній отвѣтъ $^{19}/_{60}$, или немного менѣе $^1/_3$. Мое мнѣніе, образовавшееся задолго до полученія отвѣтовъ, также за $^1/_3$. Я думаю, что вѣрность его можно подтвердить и на другихъ примѣрахъ: квартиры въ 10, 11, или 9 комнатъ кажутся намъ одинаково большими и богатыми, но, при равныхъ другихъ условіяхъ, квартира въ 6 комнатъ сравнительно съ 9-ю кажется бѣднѣе, или сравнительно съ 6-ю 4-ре комнаты и т. д.

Чувство презрѣнія развивается, когда впечатлѣніе въ нѣсколько разъ менѣе той мѣры, съ какою мы приступаемъ къ его оцѣнкѣ. Нѣкоторыя экономическія положенія могутъ казаться намъ столь малыми, что они вызываютъ чувство, похожее на презрѣніе. Послѣ квартиры извѣстнаго размѣра, иной объемъ ея можетъ показаться презрительно малымъ. Къ физической силѣ нѣкоторыхъ слишкомъ слабосильныхъ субъектовъ, напр. женщинъ, здоровый и сильный мущина относится презрительно. Относительно презрѣнія я поставилъ вопросъ: 1) во сколько разъ меньшую тяжесть, сравнительно съ поднимаемою Вами, долженъ осиливать человѣкъ, котораго Вы могли бы представлять себѣ презрительно безсильнымъ и 2) какой годовой доходъ (т. е. во сколько разъ меньшій противъ Вашего) кажется Вамъ презрительно меньшимъ, или какой годовой доходъ, сравнительно съ Вашимъ, начинаетъ возбуждать въ Васъ чувство презрѣнія. На первый вопросъ отвѣты колебались: пять дали 2, три 3, три 5, одинъ 8 и два 10-ть; средній отвѣтъ выходитъ $4^2/_{13}$; на второй пять дали 2 (молодые люди), двое—3, двое—4, пять—5, трое—10; средній отвѣтъ будетъ $5^2/_{17}$. Лично я колеблюсь между 4 и 5-ю. Я думаю, что

живущему на 1000 руб. въ годъ человѣкъ съ 200—250 р. годоваго дохода кажется презрительно бѣдно поставленнымъ; послѣ квартиры въ пять комнатъ кажется презрительно бѣдною квартира въ 1 комнату, или послѣ 20-ти комнатъ квартира въ 4 комнаты. Minimum чувства презрѣнія возбуждается, когда впечатлѣніе менѣе обыкновеннаго около 5-ти разъ.

Для изслѣдованія чувства мелкаго и мизернаго я поставилъ вопросы: 1) во сколько разъ менѣе Васъ долженъ поднимать человѣкъ, чтобы онъ могъ, въ Вашемъ воображеніи, представляться Вамъ, въ отношеніи силы, жалкимъ и мизернымъ; 2) предполагая, что въ С.-Петербургѣ 700 тысячъ жителей, съ какимъ населеніемъ городъ покажется Вамъ жалкимъ городишкомъ и 3) какой годовой доходъ (т. е. во сколько разъ меньшій противъ Вашего) кажется Вамъ не только презрительнымъ, но и жалкимъ, мизернымъ. Въ отдѣльности взятые, средніе отвѣты на каждый изъ поставленныхъ вопросовъ разногласятъ между собою: по отношенію къ физической силѣ средняя получилась не болѣе 9, относительно экономическихъ положеній около 25, относительно городовъ 125. Значитъ ли, что чувство мелкоты возбуждается различными впечатлѣніями различно? не думаю. Отвѣтъ: 9 слишкомъ низокъ, 125 слишкомъ высокъ. Что первый вышелъ не естественно малъ, я объясняю тѣмъ, что отвѣчающіе старались представить себѣ взрослаго человѣка, котораго въ отношеніи силы можнобъ было назвать жалкимъ, мизернымъ. Но какъ ни уменьшать его силу, все таки трудно вообразить реальнаго здороваго субъекта, который могъ бы осилить только $^1/_{10}$ тяжести, поднимаемой обыкновеннымъ здоровымъ человѣкомъ изъ образованнаго класса. Отвѣчающіе, очевидно, предполагали, что вопросъ не уполномочиваетъ ихъ спуститься въ дѣтскій міръ, или сферу болѣзненныхъ состояній, между которыми собственно и слѣдуетъ искать примѣровъ жалкаго безсилія. Отвѣтъ — 125, очевидно, слишкомъ высокъ и его неумѣренная высота произошла отъ слѣдующаго обстоятельства. Петербургъ самъ по себѣ городъ грандіозный, нетолько для новоприѣзжаго изъ провинціи, но и для постояннаго жителя его, когда онъ представитъ его во всемъ объемѣ. Между тѣмъ названіе „жалкій городишко“ имѣетъ у насъ въ Россіи опредѣленное значеніе: при этомъ названіи намъ невольно представляется что то въ родѣ Дѣмянска или Вилюйска съ 700 или 1000 жителей. И когда отвѣчающій сравнивалъ Петербургъ съ такими городишками, то онъ сравнивалъ, въ сущ-

ности, грандіозный предметъ съ ничтожнымъ и мелкимъ, и оттого получились отвѣты въ 1000 и 700 разъ. Причина всего этого заключается какъ въ несовсѣмъ удачной редакціи вопроса, такъ, конечно, и въ трудности отвѣта. Но такъ какъ въ двухъ группахъ отвѣтовъ ошибки произошли въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, въ сторону излишества и въ сторону воздержанія, и слѣдовательно, компенсировали одни другихъ, то мы можемъ взять среднюю изъ нихъ и сопоставить съ третьимъ отвѣтомъ (9+125+=134 : 2=67+25=92 : 2=46); тогда у насъ получится средняя—46.

Я думаю, что какъ для чувства грандіозности требуется впечатлѣніе, превосходящее обыкновенное въ 50 разъ, такъ и чувство мелкоты или мизерности возбуждается впечатлѣніемъ меньшимъ противъ мѣры тоже около 50 разъ. Такъ, люди относятся къ другимъ, въ 50 разъ хуже ихъ поставленнымъ экономически, съ чувствомъ мелкоты, по крайней мѣрѣ въ экономическомъ положеніи. Субъектъ, имѣющій 6000 р. годоваго дохода, смотритъ сверху внизъ на получающаго 120 р., т. е. едва прокармливающаго себя; для имѣющаго 10 т. дохода такимъ низменнымъ человѣкомъ начинаетъ казаться получающій 200 р. и т. д. Такое же чувство жалкаго ничтожества возбуждается видомъ ребенка, который едва можетъ перенести тяжесть въ 2—3 фунта, т. е. $^1/_{50}$ часть обыкновенно поднимаемой взрослымъ образованнымъ человѣкомъ. Эта сила ребенка и называется силенкою, между тѣмъ какъ о малолѣтнемъ, поднимающемъ 20 ф., едвали можно сказать, что это жалкое физическое ничтожество. Изъ большаго столичнаго города человѣкъ переѣзжаетъ въ уѣздный: послѣ Петербурга, напримѣръ, Новгородъ или Старая Русса покажутся городишками, а они именно въ 50 разъ менѣе Петербурга по числу жителей. Послѣ Исакіевскаго Собора кажется жалкою по размѣру простая сельская церковь; дѣлавшій концы въ 1000 верстъ считаетъ ни во что поѣздку, напримѣръ, въ Царское село; или привыкшій играть въ карты по 5-ти коп. фиша будетъ, считать ничтожною игру по $^1/_{10}$ фиша.

Предположенныя нами цифры остаются одними и тѣми же, независимо оттого, будетъ-ли мѣрою привычное намъ представленіе предмета, или ожидаемый, воображаемый, идеальный размѣръ его. Предметы, въ разныхъ степеняхъ не достигающіе нашихъ ожиданій, возбуждаютъ всѣ эти чувства: пренебреженіе, презрѣніе, ничтожности или мелкоты. Прислуга разсчитывала получить къ

празднику въ подарокъ 6 р., господа дали только 4, она навѣрное нѣсколько пренебрежительно относится къ подарку; перевощики мебели ожидали 3-хъ рублей на чай, Вы дали 2, они навѣрное будутъ считать, что вы дали имъ мало. Проситель хлопоталъ о мѣстѣ въ 900 рублей, но получилъ въ 600; онъ относится къ нему нѣсколько пренебрежительно.

Но представимъ себѣ, что прислуга, вмѣсто ожиданныхъ 6 р., получила къ празднику около 1 руб. 20 коп., или перевощикъ вмѣсто 3 руб., 60 коп., или упомянутый проситель мѣсто въ 180 руб.; они отнеслись бы къ подобнымъ дарамъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ; подарки же, вмѣсто 6 р., 12 коп., вмѣсто 3 р., 6 к. или жалованье, вмѣсто 900 р., въ 18-ть, разумѣется, казались бы ничтожными, просто ничѣмъ.

Говоря, что то или другое чувство возникаетъ, когда впечатлѣніе на столько то отстоитъ отъ мѣры, прилагаемой къ нему, я далекъ отъ того, чтобы считать свои числа абсолютно вѣрными. Абсолютная точность недоступна человѣческому познанію: оно можетъ только болѣе или менѣе приближаться къ истинѣ, дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя обобщенія. Въ такомъ, а не иномъ смыслѣ, должно понимать, что я сказалъ и намѣренъ еще говорить. Въ выводахъ подобнаго рода колебанія неизбѣжны. Возникаетъ ли чувство удивленія, только когда впечатлѣніе въ 4 раза превосходитъ обычное, ожидаемое, или въ 5, 6 разъ, чувство грандіозности, когда встрѣчается предметъ въ 46, 50 или 61 разъ превосходящій обыкновенное, это совершенно точно сказать невозможно. Важно уже и то, полагаю, обстоятельство, что такое или другое чувство развивается при извѣстныхъ приблизительно условіяхъ. Высказанныя мною обобщенія могутъ впослѣдствіи нѣсколько видоизмѣниться: напримѣръ, очень вѣроятно, что числа, соотвѣтствующія отрицательнымъ чувствованіямъ, придется нѣсколько понизить противъ чиселъ положительныхъ, если только одна характерная черта данныхъ отвѣтовъ повторится въ будущихъ. Уже теперь нельзя не замѣтить, что хотя уваженіе, удивленіе и чувство величія противоположны чувствамъ пренебреженія, презрѣнія, мелкоты, тѣмъ не менѣе въ отвѣтахъ числа первыхъ постоянно нѣсколько выше послѣднихъ: первыя $^{45}/_{20}$, $5^{3}/_{4}$, 87; вторыя: 18 и $^{19}/_{60}$; $4^{1}/_{2}$, 67. Замѣчательно, что это явленіе повторяется въ отвѣтахъ и на другіе вопросы: сердце какъ будто въ большей мѣрѣ взыскательно къ недостатку, чѣмъ въ какой внимательно къ избытку.

Возрастаніе чувствованій цѣнности.

Второй вопросъ относительно упомянутыхъ чувствованій касается возрастанія ихъ. Что они растутъ въ глубину это несомнѣнно: мы въ различной степени пренебрегаемъ, презираемъ разные предметы, имѣемъ къ разнымъ вещамъ и существамъ чувство ничтожности или мизерности. Мы не одинаково уважаемъ разныхъ лицъ, удивляемся предметамъ, не въ одной степени считаемъ ихъ грандіозными.

Но послѣ того, какъ мы, хотя приблизительно, опредѣлили, какого рода надбавка противъ мѣры, прилагаемой къ впечатлѣнію, требуется, чтобы явилось то или другое изъ вышеупомянутыхъ чувствованій, намъ легко найти законъ, по которому они возрастаютъ. Чувство пренебреженія является, когда впечатлѣніе на $^1/_3$ отстаетъ отъ прилагаемой къ нему мѣры. Представимъ себѣ, что рядомъ съ этимъ впечатлѣніемъ является другое, которое на $^1/_3$ отстаетъ отъ перваго; такъ какъ оно менѣе или незначительнѣе его на $^1/_3$, то мы будемъ чувствовать къ нему большее пренебреженіе, т. е. чувство второй степени. Далѣе, пусть рядомъ съ вторымъ явится третье впечатлѣніе, отстоящее отъ втораго на $^1/_3$; такъ какъ третье мы будемъ измѣрять въ данномъ случаѣ вторымъ, то оно возбудитъ еще больше въ насъ пренебреженіе, т. е. послѣднее повысится еще на одну степень. Тоже самое произойдетъ, если бы одно и тоже впечатлѣніе послѣдовательно уменьшалось въ нашихъ глазахъ. Мы измѣряли бы послѣдующее состояніе предъидущимъ и если бы первое отличалось отъ втораго на $^1/_3$, то чувство пренебреженія, съ каждымъ уменьшеніемъ впечатлѣнія на одну треть, возрастало бы на одну степень.

Такимъ образомъ, беремъ субъекта изъ нашего круга: онъ поднимаетъ съ большимъ напряженіемъ тяжести въ 150 ф. Къ другому субъекту, поднимающему только 100 ф. онъ, по закону $^1/_3$, долженъ чувствовать пренебреженіе, конечно, въ отношеніи силы. Его чувство увеличится, т. е. будетъ уже второй степени, когда онъ встрѣтится съ новымъ лицомъ, осиливающимъ только 66 ф.; третья ступень этаго чувства явится, когда онъ встрѣтится съ субъектомъ, справляющимся только съ 44 ф., четвертая будетъ соотвѣтствовать силѣ въ 28 ф. Но эта сила уже въ 5-ть разъ менѣе силы перваго субъекта, справляющагося съ 150 фунтами. Такъ какъ впечатлѣніе, въ 5-ть разъ меньшее противъ

мѣры, которою оно измѣряется, возбуждаетъ въ измѣряющемъ чувство презрѣнія, то сила въ 28 ф. въ субъектѣ съ силою въ 160 будетъ возбуждать не только пренебреженіе но и презрѣніе. Разъ это чувство явилось, что дѣлается съ первымъ? Какъ родственное и близкое къ презрѣнію, пренебреженіе сливается съ нимъ, но не уничтожается, и при новой диспропорціональности извѣстнаго размѣра оно можетъ еще далѣе увеличиваться. Въ четвертой степени пренебреженія есть презрѣніе; пятая шестая и седьмая развиваются вмѣстѣ съ нимъ: въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ какъ о презрительномъ пренебреженіи, такъ и пренебрежительномъ презрѣніи.

Какъ развивается чувство презрѣнія? Такъ какъ оно является при диспропорціональности впечатлѣнія къ нашему представленію, именно когда оно въ пять разъ менѣе ожидаемаго или принимаемаго за нормальное, то оно не можетъ развиваться по тому же самому закону, какъ пренебреженіе. Субъектъ въ пять разъ менѣе сильный, чѣмъ мы, презирается нами. Какъ долженъ быть слабъ въ физическомъ отношеніи другой человѣкъ, чтобъ презрѣніе къ нему на цѣлую степень было выше, сравнительно съ тою, которую возбуждаетъ первый. Если онъ въ 6, 7, 10 разъ слабѣе этого перваго, то чувство пренебреженія будетъ соразмѣрно возрастать и оттѣнять презрѣніе, но послѣднее возрастать не будетъ: мы будемъ относить ихъ къ одной категоріи слабыхъ людей и презрѣніе къ нимъ у насъ будетъ одинаково. Возрастетъ оно только тогда, когда мы встрѣтимъ значительное пониженіе физической силы. Чтобы презрѣніе поднялось съ первой степени на вторую, впечатлѣніе должно еще уменьшиться въ пять разъ. Это вытекаетъ изъ слѣдующаго соображенія. Поднимающій 150 ф. субъектъ чувствуетъ презрѣніе къ осиливающему около 30 ф.; кто ему покажется болѣе презрительнымъ, чѣмъ этотъ послѣдній? чтобы презрѣніе возросло, необходимо третьему субъекту представить въ себѣ разницу, требуемую условіями появленія чувства презрѣнія, т. е. быть менѣе сильнымъ противъ втораго субъекта въ пять разъ. Въ самомъ дѣлѣ, поднимаютъ ли дѣти 30, 20, 15 и даже 10 фунтовъ мы относимъ ихъ къ категоріи одинаково презрительно слабыхъ въ физическомъ отношеніи субъектовъ. Новая категорія безсилія, а съ нею и новая степень презрѣнія — является, когда мы начнемъ имѣть дѣло съ 3-хъ лѣтнимъ ребенкомъ, едва поднимающимъ около 6-ти фунтовъ: въ физическомъ отношеніи онъ кажется презрительнѣй, чѣмъ осиливающій 30 фунтовъ. Еще новая

степень этого чувства появится, когда мы опустимся къ силенкѣ въ 5 разъ меньшей противъ сейчасъ упомянутой. Такова сила ребенка по первому году; для него тяжесть въ $1^1/_4$ ф. едва доступна. Это будетъ третья степень презрѣнія.

Развитіе чувствъ презрѣнія, какъ мы уже замѣтили, отнюдь не уничтожаетъ чувства пренебреженія и не мѣшаетъ послѣднему развиваться, по его спеціальному закону. Ставши презрительнымъ, пренебреженіе, при всякомъ новомъ уменьшеніи впечатлѣнія на $^1/_3$, становится глубже. Напримѣръ, могущіе поднять только 30, 20, 15, 10 ф. презираются нами одинаково, но пренебрегаются въ неравной степени: одинъ больше, другой меньше. Оттого и происходитъ, что кажется, какъ будто мы и презираемъ ихъ въ разной степени: презрѣніе собственно во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково, но въ одномъ болѣе пренебреженія, въ другомъ менѣе.

Субъектъ, осиливающій только 3 ф., въ 50 разъ слабѣе здороваго взрослаго человѣка и по выше упомянутому закону возникновенія чувства мизерности или мелкоты, малости, онъ долженъ возбуждать въ здоровомъ субъектѣ это чувство. Такое впечатлѣніе, дѣйствительно, производитъ на взрослаго ребенокъ двухъ лѣтъ, для котораго едва доступна трехфунтовая тяжесть. Какая же силенка возбудитъ вторую степень чувства малости? Это новое впечатлѣніе будетъ измѣряться силою 3 ф. и чтобы оно сравнительно показалось болѣе жалкимъ и мизернымъ, необходимо ему представить разницу, которая требуется для возникновенія этого чувства, т. е. оно должно быть въ 50 разъ менѣе. И въ самомъ дѣлѣ, поднимаетъ ли ребенокъ три, два, одинъ фунтъ въ нашихъ глазахъ онъ, конечно въ отношеніи только мускульной силы, одинаково ничтоженъ. Но тяжко больной, который едва шевелитъ пальцами, не можетъ поправить своего одѣяла или притянуть часть его на свои плечи, производитъ болѣе жалкое впечатлѣніе, чѣмъ ребекокъ съ силою на три ф. Конечно, невозможно опредѣлить, какому размѣру мускульной силы равняется безсиліе тяжко больнаго, но въ своемъ воображеніи мы все таки предполагаемъ въ немъ нѣкоторую силу, хотя ту, что онъ шевелитъ пальцами и поводитъ глазами, и она не въ пятеро, а въ гораздо меньшей степени ничтожнѣй силы, поднимающей все таки 3 фунта. Но можетъ быть еще и третья и даже четвертая ступень разбираемаго чувства: ничтожна сила тяжко больного, но еще съ большимъ чувствомъ мизерности мы смотримъ на усилія муравья, изнемогающаго подъ тяжестію одного зерна, которое онъ тащитъ

къ себѣ въ муравейникъ. Порядокъ степеней будетъ слѣдующій: 150,3 ф. будетъ первая степень; $^{3}/_{50}$ ф. или 6 зол. 2-я, $^{6}/_{50}$ зол. $^{1}/_{8}$ доля зол. 3-я и $^{1}/_{400}$ золотн. 4-я.

Если явилось чувство жалости и мизерности, что дѣлается съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ? Пренебреженіе достигаетъ maximum'а своего развитія и далѣе уже расти не можетъ: мы признаемъ вещь, лицо ничѣмъ и это есть уже высшая степень пренебреженія. Какъ бы чувство ничтожества ни возрасло, пренебреженіе ничтожными предметами разныхъ категорій остается одно и тоже. Но оно все таки не уничтожается: ибо самыми ничтожными вещами мы также пренебрегаемъ. Равно и презрѣніе не уничтожается; въ чувствѣ ничтожности всегда есть элементъ презрѣнія и даже сильный: въ какомъ отношеніи предметъ признается ничтожнымъ, въ такомъ онъ и презирается. И такъ какъ чувство малости и ничтожности возрастаетъ по другому закону, чѣмъ презрѣніе, то можетъ случиться, что чувство мизерности съ измѣненіемъ впечатлѣній остается все на одной и той же степени, а презрѣніе возрастаетъ. Въ то время, какъ чувство мизерности восходитъ до второй степени, чувство презрѣнія достигаетъ уже пятой. Оттого и бываетъ, что многіе люди признаются равно ничтожными, но достойными презрѣнія не въ одинаковой степени.

Какъ развиваются чувства пренебреженія, презрѣнія и мизерности, такъ же возрастаютъ и чувства уваженія, удивленія и грандіозности. Разница между ними въ томъ, что первая гамма чувствованій развивается по поводу уменьшенія впечатлѣній противъ мѣры, съ которою мы приступаемъ къ нимъ, тогда какъ вторая гамма является по поводу увеличенія размѣровъ впечатлѣній.

Чтобы возбудилось чувство уваженія, для этого нужна разность между ожидаемымъ и предполагаемымъ объемомъ впечатлѣнія, или вообще тѣмъ, которое признается нами за обычное, серіозное, и вновь даннымъ на $^{1}/_{3}$: наприм. если мы поднимаемъ 150 фунтовъ, то человѣкъ поднимающій 200 фунтовъ, т. е. пять пудовъ, возбудитъ въ насъ уваженіе къ своей физической силѣ. Сравнительно съ субъектомъ, одолѣвающимъ пять пудовъ, другой, кто подыметъ шесть пудовъ, бо́льшаго уваженія не возбудитъ: мы будемъ относить его къ той же категоріи внушительно сильныхъ людей, къ которой относимъ и перваго. Чтобы сравнительно съ первымъ, кто нибудь показался еще внушительнѣе сильнымъ, необходимо, чтобы онъ могъ поднимать тяжесть на $^{1}/_{3}$ болѣе под-

нимаемой первымъ: такъ, субъектъ поднимающій 270, или около 7-ми пудовъ, сравнительно съ одолѣвающимъ лишь 5-ть, будетъ вызывать въ насъ большее чувство уваженія, чѣмъ послѣдній: это есть уваженіе второй степени. Затѣмъ, кто, сравнительно со вторымъ силачемъ, будетъ казаться намъ еще болѣе достойнымъ уваженія, какъ силачъ? Субъекты, осиливающіе $7^1/_2$, 8 и даже $8^1/_2$ пудовъ, покажутся намъ принадлежащими къ одной группѣ со вторымъ и будутъ возбуждать уваженіе въ одинаковой степени. Дабы это чувство повысилось, необходимо, чтобы явился силачъ, поднимающій тяжесть на $^1/_3$ болѣе втораго: въ данномъ случаѣ это будетъ человѣкъ, справляющійся съ 9 пудами: онъ возбудитъ въ образованномъ, не привыкшемъ къ мускульной работѣ, человѣкѣ уваженіе третьей степени. Четвертая степень явится, когда мы встрѣтимъ субъекта еще на $^1/_3$ сильнѣе послѣдняго силача: онъ долженъ поднимать уже 12-ть пудовъ. Дѣйствительно, мы различаемъ обыкновенныхъ крючниковъ, поднимающихъ и переносящихъ кули съ мукою (9 п.), и сильнѣе ихъ считаемъ тѣхъ, которые справляются съ кулями соли (12 п.). Мы чувствуемъ къ нимъ уваженіе, граничащее съ удивленіемъ, но не самое удивленіе.

Послѣднее чувство явится, когда бы нашелся человѣкъ въ пять разъ сильнѣе, чѣмъ мы; слѣдовательно, онъ долженъ поднимать около 19 пудовъ ($150 \times 5 = 750$ ф.$= 18^3/_4$ пуд.). Такой субъектъ вызвалъ бы, дѣйствительно, удивленіе и когда разсказываютъ о людяхъ, замѣчательныхъ по своей силѣ, которые обнаруживали нѣчто подходящее къ подвигамъ, возможнымъ для человѣка, поднимающаго 19 пудовъ, то слушатели чувствуютъ къ нимъ удивленіе. Чтобы удивленіе возросло еще на одну степень, какого размѣра нужна мускульная сила? Между людьми, разумѣется, не встрѣтимъ никого, кто могъ бы еще болѣе удивлять насъ, чѣмъ почти легендарные силачи, справляющіеся съ 19 пудами. Но въ животномъ мірѣ мы встрѣчаемъ примѣры еще большей силы. Обыкновенная лошадь около 6-ти разъ сильнѣе человѣка и собственно, когда мы вдумаемся въ размѣръ ея огромной силы, то она вызываетъ въ насъ удивленіе. Но большею частію, когда мы ѣздимъ на лошадяхъ, не думаемъ о томъ и потому удивленія въ насъ онѣ не возбуждаютъ. Лошадиная сила средняго размѣра вызываетъ удивленіе собственно первой степени. Какія же лошади возбуждаютъ въ насъ еще большее удивленіе? На ломовые возы накладываются тяжести отъ 50 до 70 пуд. и когда мы узнаемъ о томъ, то этотъ фактъ не удивляетъ насъ. Сила ломовыхъ ло-

шадей покажется намъ гораздо внушительнѣе, чѣмъ сила деревенскихъ лошаденокъ, которыя едва тащатъ 30—40 пудовъ, но не удивительнѣе. Когда же мы видимъ громаднаго першерона, который везетъ полтораста пудовъ, то мы чувствуемъ, что наше удивленіе возрастаетъ; этотъ першеронъ кажется удивительно силенъ между лошадями, между тѣмъ онъ въ пять разъ сильнѣе обыкновенной деревенской лошади (150 : 30=5). Это есть удивленіе второй степени.

Чувство уваженія, или внушительность размѣра впечатлѣнія, не уничтожается, когда появилось удивленіе. Чтобы возвысить удивленіе, необходимо огромное увеличеніе размѣровъ впечатлѣнія и отъ того оно остается, не смотря на разнообразіе въ объемѣ удивительныхъ вещей, все однимъ и тѣмъ же, если этотъ объемъ не удовлетворяетъ извѣстному условію (закону увеличенія въ пять разъ). Но чтобы внушительность впечатлѣнія возрасла, необходимо увеличеніе его только на $^1/_3$. Лошадь, везущая 30 пудовъ, все-таки имѣетъ удивительную силу сравнительно съ человѣческою; другая лошадь, везущая 40 пудовъ кажется внушительно сильнѣе первой, но равно удивительно сильною. Съ каждою надбавкою $^1/_3$, чувство уваженія или внушительности будетъ подниматься, хотя степень удивленія останется одною и тою же (30, 40, 53$^1/_2$; 70 съ небольш. пуд.; 93; 124; 165). Оттого лошадиную силу мы находимъ вообще удивительною; силу першерона между примѣрами ея еще удивительнѣе.

Но между першеронами бываютъ субъекты различныхъ видовъ. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ передвигать тяжести отъ 180 до 200 пудовъ. Такая сила возбуждаетъ чувство грандіозности: она въ пятьдесятъ разъ болѣе той, которую мы приняли, какъ обыкновенный maximum силы мущинъ образованнаго сословія (150 ф. $\times$50=7500 или 187$^1/_2$ пуд.). Чувство уваженія можетъ возрастать до этого предѣла впечатлѣнія, повинуясь своему закону. Но разъ явилось чувство грандіозности силы, оно возрастать не можетъ. Болѣе для насъ внушительнаго, чѣмъ что либо признанное грандіознымъ, ничего уже не можетъ быть; и хотя бы встрѣтилось еще что либо грандіознѣе, оно будетъ столь же внушительно велико, какъ и первое.

Чувство удивленія успѣваетъ достигнуть только второй степени, когда впечатлѣніе принимаетъ въ нашихъ глазахъ уже значеніе грандіознаго. Какъ нужно увеличиться впечатлѣнію, чтобы сила представилась еще грандіознѣе? и что можетъ быть грандіо-

ознѣе въ этомъ отношеніи, сравнительно съ силою першерона? Слонъ, конечно, сильнѣе и этой породы лошадей: допустимъ, что громадный индійскій слонъ передвигаетъ тяжести въ 500 пудовъ: это сила грандіозная, но той же, очевидно, категоріи, какъ и сила сильнѣйшаго першерона: все, что можно сказать о ней, сравнительно съ послѣднею, это, что она только удивительнѣй; и дѣйствительно, удивленіе, при наблюденіи подобной силы, успѣваетъ подняться еще на одну степень (150 ф.$\times$5=7500 или 18$^3/_4$ п., первая степень удивленія; 2-я 18$^3/_4\times$5=93$^3/_4$; 3-я 93$^3/_4\times$5=468$^3/_4$).

Чтобы найти грандіозную силу второй степени, приходится выйти изъ области животнаго міра и вступить въ царство механики. Нельзя не сознаться, что хотя грандіозна сила першерона, везущаго 190 пудовъ, но еще грандіознѣе сила локомотива, тянущаго за собою сорокъ вагоновъ съ кладью. Степень силы его будетъ какъ разъ въ 50 разъ болѣе силы першерона *). Слѣдовательно, своимъ размѣромъ силы, локомотивъ возбуждаетъ грандіозное чувство второй степени. Чтобы найти еще болѣе грандіозное впечатлѣніе въ этомъ родѣ, необходимо будетъ уже искать фабрику, которой машина въ 50 разъ обнаруживала бы болѣе видимой энергіи, чѣмъ простой желѣзнодорожный локомотивъ. И если бы кто, при посѣщеніи нашемъ такой фабрики, сказалъ, что вотъ эта машина въ 50 разъ сильнѣй локомотива, то мы сейчасъ же почувствовали бы большую грандіозность ея, чѣмъ локомотива. Это будетъ чувство грандіозности третьей степени. Четвертая степень его можетъ быть дана только проявленіями энергіи силъ природы: наприм. величественнымъ водопадомъ, полярными ледяными горами, горною лавиною и т. д. Пятая степень— бурями-циклопами, землетрясеніями, волнующимся океаномъ и т. п. Несомнѣнно, что оно можетъ расти и подниматься далѣе. Величественны всѣ эти явленія, но еще величественнѣй и при томъ на нѣсколько степеней, сила тяготѣнія однихъ планетъ къ другимъ.

---

*) Если першеронъ везетъ 190 пудовъ по простой дорогѣ, то по рельсамъ (принимая во вниманіе, что лошадь можетъ по рельсамъ везти тяжесть въ 4 раза большую, чѣмъ по обыкновенному шоссе) онъ долженъ везти около 800 пудовъ. 40 вагоновъ поднимаютъ клади (по 500 на вагонъ) до 20,000 п.; принимая вѣсъ самыхъ вагоновъ тоже по 500 п., мы получаемъ общую тяжесть поѣзда 40,000 пудовъ. Раздѣливъ на 500, получимъ 800 п. т. е. что можетъ быть свезено першерономъ по рельсамъ.

Неужели же удивленіе слѣдуетъ за всѣми степенями чувства грандіозности и возрастаетъ, слѣдуя своему закону? Такъ какъ все грандіозное вмѣстѣ съ тѣмъ и удивительно, то въ чувствѣ великаго непремѣнно есть удивленіе. Я не думаю, чтобы оно могло расти далѣе пятой степени величественнаго. Бури-циклоны, волнующійся океанъ, сила тяготѣнія, взрывы на солнцѣ, поднимающіе огненные столбы въ нѣсколько тысячъ верстъ, равно изумительны; они не одинаково грандіозны: послѣднія два еще величественнѣй, чѣмъ первыя, но едва-ли, въ отношеніи собственно изумленія, они различаются: равно изумляется человѣкъ какъ первымъ двумъ, такъ и послѣднимъ.

Прослѣдимъ возрастаніе чувствъ уваженія, удивленія, грандіозности по поводу разностей въ имущественномъ положеніи. Беремъ окладъ ординарнаго профессора — три тысячи рублей — и прослѣдимъ, какъ должны, только въ экономическомъ отношеніи, видоизмѣняться указанныя чувства его къ людямъ, лучше его поставленнымъ. Вторая степень внушительности для него лучшаго положенія другого лица возбуждается при разности in plus на $^1/_3$; слѣдовательно, когда другой получаетъ 4000. 3-я стенень уваженія будетъ при 5 тыс. 300; 4-я при 7 тысячахъ; 5-я при 9333; 6-я при $12^1/_2$ тысячахъ; 7-я при 16,596 и т. д.

Но человѣкъ, имѣющій 15 т. годоваго дохода, уже производитъ удивленіе къ своему положенію въ человѣкѣ, получающемъ лишь 3 тысячи, такъ что онъ будетъ чувствовать къ лицу, получающему $16^1/_2$ тысячъ, удивленіе и 7-ю степень уваженія. Послѣднее будетъ возрастать далѣе, по своему закону. Равно и удивленіе станетъ подниматься, но только по иному закону. Кто удивительнѣе богаче кажется для означеннаго лица (имѣющаго 3 т.), сравнительно съ человѣкомъ имѣющимъ 15 тысячъ дохода? Это человѣкъ въ пять разъ получающій его болѣе, т. е. 75,000. Третья ступень удивленія будетъ, когда онъ встрѣтится съ лицомъ, получающимъ уже въ 5-ть разъ болѣе, чѣмъ возбуждавшій вторую степень удивленія. Этотъ человѣкъ долженъ получать 375 тысячъ.

Ранѣе, чѣмъ достигнется третья степень удивленія, явится чувство грандіозности. Уже къ человѣку, получающему 150 т. дохода, т. е. въ 50 разъ болѣе, субъектъ, имѣющій лишь 3 т. дохода, будетъ испытывать чувство грандіозности. До этого момента будетъ расти чувство уваженія и достигнувъ maximum своего развитія, при наступленіи чувства грандіозности, оно далѣе

расти не можетъ: оно возрастетъ на пятнадцатую степень. Чувство же грандіозности можетъ увеличиваться еще, но для этого необходимо, чтобы впечатлѣніе увеличилось само грандіознымъ образомъ. Грандіозенъ богачъ въ 150 тыс. годоваго дохода, но чтобы кто либо казался еще грандіознѣе, необходимо ему имѣть $7^1/_2$ милліоновъ дохода. У насъ въ Россіи такое лицо только одно, именно Царь. Онъ въ чисто экономическомъ отношеніи есть грандіозность второй степени для человѣка, возрастаніе чувствованій котораго мы здѣсь изображаемъ. Пока достигнется это чувство высокаго второй степени, удивленіе можетъ подняться на нѣсколько степеней и ко второй степени грандіозности оно успѣваетъ возрасти почти до 5-й степени.

Наши замѣчанія относительно чувства уваженія, удивленія и величія, равно какъ соотвѣтствующихъ имъ отрицательныхъ—пренебреженія, презрѣнія и мизерности, мы попытаемся приложить къ штату какого либо высшаго учрежденія. Отношенія власти суть отношенія приказывающаго къ подчиненному и о нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы ограничимся только различіемъ содержанія, присвояемаго государствомъ различнымъ мѣстамъ въ чиновной Іерархіи. Жалованье чиновника имѣетъ не одно только экономическое значеніе, но въ немъ выражается взглядъ государства на цѣнность услугъ чиновника и значеніе, которымъ онъ долженъ пользоваться въ обществѣ. Отчасти размѣрами жалованья опредѣляются взаимныя отношенія между самими чиновниками и служившій въ казенныхъ учрежденіяхъ знаетъ, что какъ въ обществѣ отношенія членовъ его, стенень уваженія, удивленія и обратно, чувствъ пренебреженія, даже презрѣнія, часто опредѣляются размѣрами имущества и дохода, такъ и отношенія чиновниковъ другъ къ другу, конечно, инстинктивно опредѣляются отношеніемъ получаемыхъ ими содержаній. Размѣры природнаго ума, образованія, личнаго имущества, происхожденіе, характеръ и т. п. могутъ улучшать и иногда ухудшать личное положеніе того или другого лица, восполнять, чего недостаетъ въ положеніи по жалованью, или же вычитать изъ занимаемаго положенія, но это все будутъ исключенія: въ большинствѣ случаевъ чиновники нашихъ департаментовъ болѣе или менѣе равны во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ и потому можно абстрагировать нѣкоторыя различія ихъ и разсуждать о положеніяхъ вообще.

Ниже мы приведемъ штатъ департамента Мин. Нар. Просвѣщенія. Въ присвояемомъ каждому чину содержаніи высказы-

вается взглядъ государства, въ какой мѣрѣ внушительнымъ въ экономическомъ отношеніи должно казаться нижнему чину положеніе высшаго. Сравнивая положеніе Министра (1872 года) со всѣми другими чинами Министерства, мы видимъ, что въ принципѣ онъ поставленъ на самое огромное разстояніе отъ ближайшихъ къ нему чиновъ и такое разстояніе уже не повторяется ни въ какихъ другихъ смежныхъ чинахъ. Онъ почти въ $2^1/_2$ раза поставленъ выше товарища и почти въ $3^2/_7$ выше директора департамента: если судить объ отношеніяхъ только по экономическому положенію, то послѣдній долженъ питать уваженіе, граничащее съ удивленіемъ, къ Министру. Директоръ департамента относительно вице-директора поставленъ такъ, что его положеніе выше на $^4/_7$ послѣдняго, относительно дѣлопроизводителя V класса такъ, что онъ выше $2^1/_2$ раза, слѣдовательно, что Министръ относительно своего товарища, то директоръ департамента относительно старшаго дѣлопроизводителя; сравнительно съ младшимъ дѣлопроизводителемъ, директоръ болѣе въ 7-мь разъ, слѣдовательно, послѣдній долженъ питать къ нему чувство удивленія съ высокими степенями уваженія, и наоборотъ, первый долженъ представлять послѣдняго весьма мелкимъ чиновникомъ и если его не спасаетъ умъ, образованіе или происхожденіе, то чувство директора къ нему должны быть родственно презрѣнію. Еще сильнѣе чувство удивленія къ начальнику департамента должно быть въ помощникѣ дѣлопроизводителя, который получаетъ въ 14 разъ менѣе директора. По отношенію къ Министру, сравнительно съ которымъ онъ менѣе въ 46 разъ, онъ долженъ питать чувство, близкое къ грандіозности, долженъ чувствовать величіе его. И я полагаю, кто представитъ себѣ реальное разстояніе между помощникомъ дѣлопроизводителя и Министромъ, тотъ согласится, что мы близки къ истинѣ.

Разбирая положеніе чиновъ департамента сравнительно, мы видимъ, что повышенія съ одного мѣста на другое не могутъ доставлять равнаго удовольствія и что чиновникъ, движущійся вверхъ въ служебной Іерархіи, не въ равной степени чувствуетъ повышеніе. Наибольшія разстоянія существуютъ между помощникомъ дѣлопроизводителя и дѣлопроизводителемъ, между вице-директоромъ и старшимъ дѣлопроизводителемъ, наименьшія между разными классами дѣлопроизводителей, директоромъ и вицедиректоромъ департамента. Повышеніе на большее разстояніе должно чувствоваться субъектомъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на малое,

сопровождаться большимъ удовольствіемъ и болѣе сильнымъ чувствомъ своей удачи. Если повышеніе изъ вицедиректора въ директора считается большимъ шагомъ, хотя въ отвошеніи жалованья онъ не большій, то это зависитъ отъ того, что количество власти у повышаемаго возрастаетъ въ несравненно сильнѣйшей степени, чѣмъ количество экономической мощи: директоръ есть хозяинъ учрежденія, тогда какъ вице-директоръ есть одинъ изъ подчиненныхъ.

Такъ какъ жалованье можетъ говорить намъ о положеніи той или другой должности между другими, то оно можетъ быть показателемъ измѣненій, которыя государственная власть можетъ производить въ сравнительномъ положеніи ея въ теченіи времени. Сравнимъ съ этой точки зрѣнія департаментскій строй 40-хъ годовъ съ теперешнимъ. Теперь вице-директоръ на $^{2}/_{5}$ менѣе директора, по штату 40 годовъ онъ былъ менѣе на $^{5}/_{7}$-хъ; (отношеніе: $^{25}/_{35} : {}^{14}/_{35}$) сравнительно съ прежними начальниками отдѣленія, онъ былъ болѣе ни $^{5}/_{9}$, теперь онъ болѣе старшихъ дѣлопроизводителей на $^{11}/_{14}$ (отношеніе: $^{70}/_{126} : {}^{99}/_{126}$). Слѣдовательно, эта должность съ теченіемъ времени приблизилась къ директорской и возвысилась надъ смежною нисшею. Прежній начальникъ отдѣленія былъ въ $2^{2}/_{3}$ раза менѣе директора, теперь старшій дѣлопроизводитель менѣе лишь въ $2^{1}/_{2}$ раза. Слѣдовательно, директоръ съ теченіемъ времени въ служебномъ положеніи понизился, вице-директоръ выигралъ болѣе всѣхъ, а мѣсто дѣлопроизводителя сравнительно съ послѣднимъ понизилось, сравнительно съ директоромъ немного повысилось. Если прежняго старшаго писца приравнивать къ современному помощнику дѣлопроизводителя, то окажется, что и въ отношеніи къ нему мѣсто директора понизилось: прежній писецъ былъ менѣе его въ 16 разъ, теперешній помощникъ только въ 14 разъ. Далѣе, первый былъ менѣе начальника отдѣленія ровно въ 6 разъ, второй менѣе старшаго дѣлопроизводителя только въ $5^{3}/_{5}$. Слѣдовательно, и мѣсто старшаго дѣлопроизводителя понизилось, т. е. нѣсколько подалось внизъ. Нисшій служебный чинъ прежняго времени, помощникъ столоначальника, *) былъ менѣе директора въ 10 разъ, и вицедиректора въ $5^{5}/_{6}$, теперешній помощникъ дѣлопроизво-

*) Писцы прежняго времени, хотя имѣли служебное положеніе, не были собственно чинами; помощникъ дѣлопроизводителя, хотя de facto равный прежнему старшему канцелярскому служителю, есть все таки чинъ въ Іерархіи департамента.

дителя менѣе директора въ 14 разъ, а вицедиректора 10-ть. Сравнительно съ смежнымъ чиномъ первый былъ менѣе на $^{2}/_{5}$-хъ, второй нынѣ въ 2 раза менѣе нисшаго дѣлопроизводителя. Слѣдовательно, и нисшій чинъ сильно подался внизъ. Я не смѣю высказывать своего сужденія о дѣйствіяхъ департаментскаго строя въ настоящее время, такъ какъ никакихъ данныхъ для того не имѣю, но какъ психологъ, не могу воздержаться отъ замѣчанія, что въ прежнихъ штатахъ было менѣе контраста, не было служебныхъ положеній чрезмѣрно нискихъ и движеніе лица вверхъ было равномѣрнѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Въ сдѣланныхъ нами обобщеніяхъ мы находимъ разрѣшеніе вопроса о maximum и minimum разобранныхъ нами чувствъ. Изслѣдованіе условій, при которыхъ вообще возбуждается то или другое чувство, было изслѣдованіемъ собственно того, какого рода впечатлѣнія возбуждаютъ minimum его. Затѣмъ, говоря о высшихъ степеняхъ чувствованіяхъ, мы почти вездѣ указывали и maximum напряженія ихъ. Замѣтимъ только, что какъ minimum такъ и maximum для одного и того же чувства въ разныхъ людяхъ должны быть различны, смотря по тому, какую кто по своему положенію привыкъ работалъ мѣру для измѣренія впечатлѣній. Сами по себѣ чувствованія одинаковы у всѣхъ людей, но человѣкъ очень богатый, слѣдуя закону $^{1}/_{3}$, понятно, начинаетъ пренебрегать, презирать, удивляться богатству съ другихъ размѣровъ, чѣмъ человѣкъ средняго состоянія, или бѣдный. И тогда какъ послѣдній будетъ имѣть нѣсколько степеней удивленія, грандіозности, для нѣкоторыхъ положеній, наприм. царскихъ, чувства грандіозности и даже удивленія не могутъ существовать, по крайней мѣрѣ, въ силу разности экономическихъ положеній, Очевидно, разныя мѣста, занимаемыя лицами въ обществѣ, благопріятствуютъ развитію различныхъ чувствованій, одни положительныхъ, другія отрицательныхъ. Но и въ одномъ и томъ же человѣкѣ minimum и maximum одного и того же чувства могутъ развиваться при разныхъ впечатлѣніяхъ: ибо въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ мѣры, съ какою мы подступаемъ къ впечатлѣніямъ. Не всегда они измѣряются обыденнымъ и обыкновеннымъ, иногда — ожидаемымъ, воображаемымъ, долженствующимъ быть. Впечатлѣніе, которое было бы внушительно, еслибы измѣрялось обыкновеннымъ и обыденнымъ, возбуждаетъ пренебреженіе, когда ожидалось субъектомъ нѣчто большее; оно же можетъ внушать призрѣніе или даже чувство мизерности, если субъектъ станетъ измѣрять его идеальною мѣрою. Та-

кимъ образомъ источникъ поссимизма и оптимизма можетъ заключиться не въ сердцѣ, а въ мѣрѣ, которою измѣряются событія и вещи въ мірѣ: нездравомысленная и не естественная мѣра будетъ вызывать неестественныя и неумѣстныя чувствованія. Одна мѣра будетъ давать возможность чувствъ высшихъ степеней, другая не будетъ.

И такъ сердце имѣетъ свое чиѣло и свою мѣру. Не по произволу мы такъ или иначе отвѣчаемъ волненіями на различныя впечатлѣнія. Конечно, мы могли наслѣдить появленіе и возрастаніе чувствованій на впечатлѣніяхъ относительно грубыхъ. Удивленіе и презрѣніе могутъ развиваться не только по поводу экономическихъ положеній, физической силы, величины зданій и т. д., но и по поводу различно устойчивыхъ характеровъ, различныхъ умовъ, нравственныхъ доблестей и т. д. Можно ли думать, что эти чувства, возникая и возрастая закономѣрно, относительно матеріальныхъ поводовъ, возрастали какъ попало, или совсѣмъ по другимъ законамъ, относительно не осязательныхъ и неизмѣримыхъ матеріальными мѣрами поводовъ? Нѣтъ сомнѣнія, что пренебрегающее, презирающее, удивляющееся и уважающее сердце остается всегда себѣ вѣрнымъ, будетъ ли предметъ его чувствованій богатство или умъ, сила физическая или энергія характера, объемъ зданій или нравственная доблесть. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ совершенно одни и тѣ же законы. Вся разность, какъ слѣдуетъ думать, заключается въ томъ, что нравственный міръ представляетъ болѣе разнообразныхъ поводовъ для упомянутыхъ чувствованій, чѣмъ матеріальный, и что въ немъ даются впечатлѣнія болѣе высшихъ разрядовъ, чѣмъ въ послѣднемъ, и потому возбуждаются чувствованія болѣе высокихъ степеней. Съ какими, напримѣръ, высотами и низменностями ума и характера, доблести и порока мы встрѣчаемъ въ жизни и въ исторіи!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чувствованія удовольствія и неудовольствія.

Обратимся къ опредѣленію условій, при которыхъ возникаетъ чувство удовольствія. Увеличеніе средствъ къ жизни расширяетъ кругъ нашей дѣятельности, умножаетъ свободу ея и потому принимается съ удовольствіемъ; когда оно чрезвычайно велико, то

можетъ возбудить положительную радость. Но чувство удовольствія возникаетъ не отъ всякого увеличенія средствъ, а отъ такого, которое находится въ извѣстномъ соотношеніи съ обладаемыми уже средствами. Если получающему 1000 руб. въ годъ прибавили бы 10 р., то онъ не нашелъ бы этой прибавки стоющею вниманія и чувство удовольствія у него не возбудится; но тѣже 10 руб., прибавленные наприм. къ 50 руб. окладу, замѣтно возбудятъ удовольствіе въ получающемъ. Чтобы правильно оцѣнить этотъ фактъ, нужно различать относительную и абсолютную оцѣнку. Абсолютная оцѣнка бываетъ, когда человѣкъ разсматриваетъ впечатлѣніе съ точки зрѣнія своей нужды, потребности, напримѣръ, какъ голодный смотритъ на кусокъ хлѣба; относительная же оцѣнка бываетъ, когда субъектъ оцѣниваетъ что либо по сравненію съ привычнымъ себѣ, ожидаемымъ и т. д. Когда человѣкъ имѣетъ, положимъ, 1000 руб. жалованья, но обремененный семьей, нуждается въ средствахъ, то онъ и на 10 руб. будетъ смотрѣть, какъ на средство временно облегчить свою нужду, и эти 10 руб. будутъ ему пріятны; въ этомъ случаѣ относительной оцѣнки почти нѣтъ, хотя что то подобное должно быть: ибо если и такому нуждающемуся вы дадите 10 коп., то уже удовольствія тѣмъ не возбудите; и здѣсь есть предѣлъ, который, впрочемъ, опредѣлить довольно трудно; одно несомнѣнно, что онъ есть. Но мы имѣемъ въ виду собственно относительную оцѣнку.

По поводу разбираемаго чувствованія мною былъ предложенъ вопросъ: какую часть получаемаго Вами въ годъ содержанія должна составить новая постоянная годовая надбавка къ нему, чтобы она могла возбуждать въ Васъ едва замѣтное чувство удовольствія: напримѣръ, при имѣющемся уже доходѣ въ 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. тысячъ, какое новое мѣсто съ какимъ окладомъ моглобы казаться удобопріемлемымъ? Отвѣты колебались между $^1/_{10}$ и $^1/_3$ и средній получился немного ниже $^1/_5$. Нѣсколько отвѣтовъ $^1/_{10}$ (три) я объясняю тѣмъ, что отвѣчавшіе переходили нѣсколько въ абсолютную оцѣнку и оттого имъ казалось, что увеличеніе на $^1/_{10}$ средствъ къ жизни уже можетъ быть пріятнымъ. И лично я полагаю, что $^1/_5$ приближается къ истинѣ: напримѣръ, получаетъ ли субъектъ 5000, или 5500, то и другое кажется ему одинаковыми средствами къ жизни, но прибавка будетъ казаться пріятною, если она будетъ простираться до 1 тысячи. Оттого, одни и тѣ же матеріальныя пріобрѣ-

тенія для однихъ положительно пріятны, другими же не принимаются вовсе къ свѣдѣнію.

Нѣкоторыя матеріальныя потери возбуждаютъ чувство неудовольствія. Не всякая, однако же, потеря бываетъ причиною неудовольствія; иныя изъ нихъ принимаются къ свѣдѣнію, но не чувствуются: для богатаго человѣка потерять одинъ рубль ничего не значитъ, а для бѣднаго и эта потеря непріятна. Извѣстная потеря въ доходахъ, при одномъ экономическомъ положеніи, ничего не значитъ, при другомъ сопровождается сильнымъ неудовольствіемъ. Биржевой дѣятель, банкиръ, негоціантъ, зарабатывающіе десятки тысячъ въ годъ, не обращаютъ вниманія на потери въ цѣлыя тысячи, но при трехъ или четырехъ тысячахъ дохода такая потеря непріятна. Мною былъ предложенъ вопросъ: лишеніе какой части обыкновеннаго получающагося годоваго содержанія можетъ казаться Вамъ едва замѣтно непріятнымъ. Отвѣтовъ было дано 21 и замѣчательно, что почти всѣ лица, за исключеніемъ двухъ, указали, что къ лишенію матеріальныхъ средствъ они вдвое относятся чувствительнѣй, чѣмъ къ прибавкамъ ихъ. Это есть самъ по себѣ важный психологическій результатъ, который разъясняетъ намъ многое въ жизни сердца. Какъ на прибавку матеріальныхъ средствъ можно смотрѣть съ относительной и абсолютной точки зрѣнія, такъ и на лишенія ихъ. Такъ, потеря 5, 10 руб. получающему пять тысячъ руб. въ годъ можетъ быть непріятна, если онъ смотритъ на нихъ абсолютно, напримѣръ, они кажутся ему все же средствами, на которыя можнобъ было пріобрѣсть что-либо полезное, или, нуждаясь вообще, цѣнитъ потерю какъ случай, увеличившій и безъ того нужду. При отвѣтахъ на упомянутый вопросъ можно было опасаться, что многіе будутъ колебаться между абсолютною и относительною оцѣнками и первая будетъ вліять на вторую. Этимъ вліяніемъ я объясняю, появленіе двухъ отвѣтовъ ($^1/_{50}$, $^1/_{40}$). Остальные отвѣты единогласно показываютъ вдвое, или даже нѣсколько болѣе противъ отвѣтовъ на вопросъ объ удовольствіи и средній отвѣтъ выходитъ нѣсколько болѣе $^1/_{14}$. Но я полагаю, что онъ нѣсколько высокъ. Если для удовольствія требуется надбавка въ $^1/_5$, то, принимая во вниманіе, что, относительно лишеній, мы вдвое чувствительнѣй, слѣдуетъ для неудовольствія принять $^1/_{10}$. Дѣйствительно, надбавка 100 р. къ 1 тыс. не возбуждаетъ удовольствія и принимается только къ свѣдѣнію, но лишеніе тѣхъ же 100 р. есть нѣсколько непріятная потеря.

Слѣды инстинктивнаго пониманія этого закона мы находимъ въ такихъ общественныхъ распорядкахъ, которые, повидимому, далеки отъ всякой Психологіи. Жалованье отъ государства чиновникамъ, конечно, прежде всего, дается для поддержанія существованія ихъ и ихъ семействъ. Однако, законодатель не одну эту цѣль имѣетъ въ виду: директору департамента назначается содержаніе, превосходящее въ 15 разъ жалованье нижняго должностнаго лица въ департаментѣ, не для того, чтобъ онъ ѣлъ и имѣлъ семью въ 15 разъ болѣе, чѣмъ нижній чиновникъ. Но количествомъ жалованья законодатель косвенно обозначаетъ положеніе, какое человѣкъ долженъ занимать въ обществѣ, равно разстоянія въ служебномъ рангѣ одного должностнаго лица отъ другого. Заключая какъ бы a priori, мы должны были бы сказать, руководясь вышеупомянутымъ закономъ, что, если, дѣйствительно, законодательство, назначающее размѣры содержанія должностнымъ лицамъ, имѣло между прочимъ и упомянутую цѣль въ виду, то оно не должно бы дѣлать меньшей разницы въ окладахъ двухъ смежныхъ степеней чиновной Іерархіи, чѣмъ на $^1/_5$, того minimum, который требуется, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы человѣкъ, переходя съ одной ступени службы на другую высшую, чувствовалъ нѣкоторое увеличеніе благосостоянія. Принимая среднія величины содержанія служащихъ въ нашихъ департаментахъ, мы находимъ приблизительно соблюдаемымъ упомянутый законъ, такъ что въ экономическомъ отношеніи всякая высшая смежная ступень чиновнической Іерархіи представляется нижней, какъ нѣчто обѣщающее удовольствіе. Для примѣра возьмемъ временной штатъ центральнаго управленія Министерства Народнаго Просвѣщенія, который составленъ по образцу штатовъ департаментовъ Морскаго министерства и который болѣе или менѣе варіируется во всѣхъ департаментахъ другихъ министерствъ. Такъ, помощникъ дѣлопроизводителя противъ дѣлопроизводителя VIII кл., получаетъ вдвое меньше (500 противъ 1000), послѣдній противъ дѣлопроизводителя VII кл. менѣе на $^1/_5$ (1000 противъ 1200), послѣдній противъ VI кл. менѣе на $^1/_2$ (1200 — 1800), этотъ противъ V кл. на $^5/_9$, т. е. болѣе, чѣмъ на половину (1800 — 2800); старшій дѣлопроизводитель противъ вицедиректора почти вдвое менѣе, на $^{11}/_{14}$, (2800 — 5000); вицедиректоръ противъ директора менѣе на $^2/_5$ (5 т. противъ 7 т.), директоръ противъ товарища Министра тоже почти на половину, на $^3/_7$, (7 т. противъ 10 т.) и товарищъ Министра противъ Министра менѣе въ

$2^{3}/_{10}$ раза (10 т. противъ 23 т.). Можно полагать, что случайныя прибавки, которыя обыкновенно дѣлаются во всѣхъ департаментахъ прочихъ министерствъ къ новому году и которыя, вѣроятно, обычны и въ нашемъ, не измѣняютъ, въ сущности, отношеній окладовъ, получаемыхъ по штату, и что пропорціональность наблюдается приблизительно такая же. Этотъ законъ соблюдался и въ былыя времена. Я просматривалъ XV т. втораго изданія Полнаго собранія законовъ (1841), въ которомъ переложены штаты министерствъ Военнаго и Народнаго Просвѣщенія съ ассигнацій на серебро, и ни въ одномъ штатѣ, даже малыхъ учрежденій, не нашелъ, чтобы положенія на смежныхъ ступеняхъ чиновной Іерархіи различались по содержанію, менѣе чѣмъ на $^{1}/_{5}$-ю. Болѣе часто встрѣчается разность на $^{1}/_{3}$, $^{1}/_{2}$, или даже болѣе. Для сравненія приведемъ данныя изъ штата департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1840 г. (счетъ на ассигнаціи): писецъ нисшаго оклада противъ средняго оклада получалъ менѣе на $^{1}/_{3}$ (300 — 400); средній противъ высшаго на $^{7}/_{8}$ (400 — 750); послѣдній противъ младшихъ помощниковъ столоначальника на $^{3}/_{5}$ (750 — 1200); младшій помощникъ противъ старшаго на $^{5}/_{12}$ (1200 — 1700); старшій помощникъ столоначальника противъ столоначальника немного менѣе $^{1}/_{2}$ (собственно $^{16}/_{35}$, 1700 2550); столоначальникъ противъ начальника отдѣленія менѣе чѣмъ на половину, почти на $^{4}/_{5}$ (собственно на $^{39}/_{51}$, 2550 — 4500); начальникъ отдѣленія противъ вицедиректора немного менѣе $^{1}/_{2}$ ($^{5}/_{9}$, 4500 противъ 7 т.) и вицедиректора противъ директора на $^{5}/_{7}$ (7 т. противъ 12-ти).

Гнѣвное раздраженіе.

Гнѣвъ развивается по поводу противленія чужой воли нашей. Не будемъ говорить о вполнѣ развитыхъ формахъ гнѣва, но остановимся на раздраженіи, въ которомъ замѣчается уже нѣкоторое отталкиваніе одного субъекта отъ другого; въ нѣкоторыхъ случаяхъ условія его появленія, по видимому, могутъ быть приблизительно опредѣлены. Хозяйка гнѣвается на прислугу, которой поручено было купить что либо для стола и которая заплатила слишкомъ дорого, по ея мнѣнію. Мы раздражаемся противъ продавца, который взялъ лишнее противъ обыкновенной цѣны вещи; переѣзжая изъ одного мѣстопребыванія въ другое, хозяйка иногда

сердится на сравнительную дороговизну. Тутъ, конечно, имѣетъ значеніе экономическое положеніе семьи, позволяющее выносить или невыносить поднятія цѣнъ. Нуждающаяся семья смотритъ на всякую переплату съ точки зрѣнія абсолютной оцѣнки, т. е. своей нужды, и потому малая надбавка можетъ ее раздражать, хотя и въ этомъ случаѣ все-таки есть предѣлъ. Но раздраженіе противъ дороговизны и лишнихъ запросовъ бываетъ и у тѣхъ людей, которые отъ извѣстнаго поднятія цѣнъ или передачи не впадаютъ въ обнищаніе. И они не только относятся къ лишнимъ запросамъ продавца по относительной оцѣнкѣ, т. е. соотвѣтственно стоимости вещи и придаютъ имъ значеніе, когда они относительно велики, но въ этомъ случаѣ часто оцѣниваютъ абсолютно, т. е. смотрятъ на переплату, какъ даромъ брошенныя деньги, могшія доставить при случаѣ удовольствіе и т. п. Хотя въ подобныхъ случаяхъ сердце уже гораздо требовательнѣй и чувствительнѣй въ оцѣнкѣ, но, какъ мы увидимъ ниже, и здѣсь оно руководится закономъ.

Вопросъ, мною поставленный, былъ слѣдующій: какая переплата противъ дѣйствительной цѣны вещи можетъ возбудить въ Васъ нѣкоторый, едва чувствуемый, гнѣвъ. На отвѣтахъ можно видѣть, что одни отвѣчали съ точки зрѣнія абсолютной оцѣнки, другіе — относительной. Этимъ объясняю я появленіе дроби $^1/_{20}$. Большинство указываетъ $^1/_{10}$ (десять); за $^1/_5$ шесть, за $^1/_4$ два, и $^1/_3$ одинъ отвѣтъ. Однако, отвѣтъ $^1/_{10}$ я считаю слишкомъ высокимъ и объясняю его двумя обстоятельствами: во 1-хъ, переплата представлялась нѣкоторымъ отвѣчающимъ, какъ лишеніе части той суммы денегъ, которой стоитъ покупаемая вещь, лишеніе, возбуждающее неудовольствіе, оно же слѣдуетъ, какъ мы видѣли выше, закону $^1/_{10}$ и такой именно отвѣтъ данъ былъ на вопросъ; во 2-хъ, думаю, что вліяніе оказала и абсолютная оцѣнка, понизившая отвѣты: многимъ представлялось, что переплата есть все-таки извѣстная сумма, которую почти отнимаетъ купецъ у покупщика. Я присоединяюсь къ $^1/_5$. Я думаю, что прислуга, покупавшая вещь и заплатившая, вмѣсто 1 р., 1 р. 10 к., возбудитъ только едва замѣтное неудовольствіе, но не раздраженіе; если же излишне будетъ переплачено $^1/_5$ часть рубля, то явится и нѣкоторый гнѣвъ. Непріятно будетъ покупщику, если онъ вмѣсто 200 р., настоящей стоимости мебели, заплатилъ 220, но едва ли онъ будетъ уже гнѣваться на это, если онъ думаетъ о 20 р. не отдѣльно, какъ самостоятельной цѣнности, а только

относительно; но и при послѣдняго рода оцѣнкѣ онъ будетъ начинать гнѣваться, только когда заплатитъ 240 р. вмѣсто 200. Хозяйка, переѣзжая изъ города на дачу, не особенно печалится, если вмѣсто 15 коп. за фунтъ мяса, городской цѣны за него, лавочники берутъ 16; неудовольствіе является, когда послѣдніе заставляютъ платить 17-ть, но цѣна 18 коп. возбуждаетъ нѣкоторый гнѣвъ и досаду. Когда цѣна на хлѣбъ съ 3 коп. сразу поднялась на 4, а за тѣмъ на 5-ть, то каждая надбавка въ 1 коп. возбуждала общее раздраженіе.

Чувство новости.

Чувство новости возбуждается при встрѣчѣ съ неожиданнымъ впечатлѣніемъ, вообще съ неизвѣстнымъ намъ содержаніемъ; мы останавливаемся на немъ своимъ вниманіемъ и относимся къ нему съ упомянутымъ чувствомъ. Мы думаемъ, что извѣстному субъекту столько то лѣтъ, но оказывается менѣе или болѣе, чѣмъ мы полагали. Если ошибка будетъ мала, мы холодно примемъ поправку къ свѣдѣнію, но когда она будетъ относительно велика, мы отнесемся къ ней, какъ къ чему то новому и неожиданному для насъ. До Москвы курьерскій поѣздъ идетъ 15-ть часовъ, до Одессы 84 часа. Правленія желѣзныхъ дорогъ могутъ сократить время переѣзда. Предположимъ, что они сократили бы его въ первомъ случаѣ на одинъ часъ, а во второмъ на два, или даже на три; эти сокращенія не обратили бы на себя вниманія и никому не показались бы они чѣмъ то новымъ, стоющимъ вниманія; публика просто приняла бы ихъ только къ свѣдѣнію и лишь нѣкоторые, много путешествовавшіе субъекты, знающіе, что значатъ послѣдніе часы суточныхъ переѣздовъ, отнеслись бы къ извѣстію съ абсолютною оцѣнкою, какъ къ освобожденію отъ лишнихъ трехъ часовъ страданій. Чтобы сокращеніе часовъ переѣзда показалось фактомъ новымъ, останавливающимъ вниманіе на себѣ, оно должно находиться въ извѣстномъ отношеніи къ числу часовъ ѣзды.

Я поставилъ два вопроса: 1) при опредѣленіи числа лѣтъ какого нибудь лица, по внѣшнему виду, какая разность между предположеннымъ и дѣйствительнымъ количествомъ лѣтъ невольно обратитъ на себя Ваше вниманіе и 2) какое увеличеніе скорости поѣздовъ между извѣстными Вамъ пунктами (какими угодно) по-

казалось бы Вамъ заслуживающимъ вниманія, какъ фактъ новый, который долженъ быть принятъ къ свѣдѣнію. На первый вопросъ восемь лицъ дали $^1/_5$, шесть $^1/_4$, трое $^1/_6$ и одинъ молодой субъектъ $^1/_{10}$; средній отвѣтъ будетъ $^3/_{14}$; если послѣдній отвѣтъ исключить, то получится $^{17}/_{84}$. Я лично думаю, что для разбираемаго чувства долженъ быть отвѣтъ $^1/_5$. На второй вопросъ средній отвѣтъ получился нѣсколько выше, чѣмъ на первый. Не повліялъ ли на высоту его нѣсколько серіозный тонъ вопроса, могшій наводить спрашиваемыхъ на мысль, что увеличеніе скорости поѣздовъ должно быть значительнымъ, чтобы казаться таковымъ и быть принятымъ къ свѣдѣнію? Отвѣты колебались между $^1/_5$ и $^1/_2$, двое отвѣтили $^1/_5$, пять $^1/_4$, пять $^1/_3$, четыре $^1/_2$, средній отвѣтъ $^{16}/_{53}$. Но я полагаю, что и во второмъ случаѣ должно удержать $^1/_5$. Если бы переѣздъ до Одессы былъ сокращенъ вмѣсто 84 часовъ на 17-ть, а до Москвы на 3, то эти извѣщенія были бы приняты несомнѣнно съ чувствомъ новости, т. е. это было бы начало этого чувства, а при сокращеніи на $^1/_3$, $^1/_2$, конечно, оно было бы уже довольно значительно. Что вообще есть что то подобное, руководящее наше сердце въ такого рода случаяхъ, это не подлежитъ сомнѣнію. На взглядъ, положимъ, мы полагаемъ юношѣ лѣтъ 20; если бы ему оказалось въ дѣйствительности 19 или 18, мы на этомъ фактѣ не остановились бы; но если бы намъ сказали, что ему 16 лѣтъ, тогда мы нашли бы фактъ новымъ и нѣсколько неожиданнымъ; извѣстному намъ мущинѣ мы даемъ 50 лѣтъ; если намъ скажутъ, что ему собственно 40 лѣтъ, то мы обратимъ вниманіе на извѣстіе, а если поправятъ на 45, то мы примемъ его лишь къ свѣдѣнію; при 80 лѣтнемъ возрастѣ мы считаемъ ни во что ошибку на цѣлые 10-ть лѣтъ.

Чувство страха.

Чувство страха развивается, когда намъ угрожаетъ опасность для жизни и вообще какое либо страданіе. Экономическое положеніе есть одно изъ условій какъ существованія, такъ и дѣятельности личности; лишеніе всего состоянія или большей части его дѣлаетъ для лица невозможнымъ, или слишкомъ труднымъ существованіе и во всякомъ случаѣ выбиваетъ его изъ обычной колеи дѣятельности. Такъ какъ за лишеніемъ и значительнымъ

уменьшеніемъ состоянія, слѣдуютъ страданія, то люди страшатся ихъ. Спрашивается, какіе размѣры уменьшенія состоянія возбуждаютъ страхъ. При небогатомъ положеніи личности, когда всякая копѣйка дорога, конечно, и незначительное уменьшеніе дохода непріятно (хотя и тутъ есть свои предѣлы), но чувство неудовольствія совсѣмъ не то, что страхъ; и бѣдный субъектъ будетъ страшиться сбавки жалованья, только когда она достигнетъ извѣстнаго предѣла. Предложенный мною вопросъ былъ: потеря какой части годоваго дохода можетъ возбудить страхъ; одинъ отвѣтъ $^1/_{10}$, какъ явно случайный, я не считаю за серіозный: потеря десятой доли дохода только нѣсколько непріятна, но, конечно, страха возбудить не можетъ; двое отвѣтили $^1/_3$ и тринадцать $^1/_2$. Потеря половины состоянія возбуждаетъ страхъ. Это совершенная правда, но въ этомъ случаѣ страхъ уже ясно сказывается, слѣдовательно, онъ достигъ нѣкоторой степени развитія, въ немъ есть уже и элементъ удивленія *). Мнѣ кажется, страхъ начинаетъ развиваться нѣсколько ранѣе, при потерѣ $^1/_3$ состоянія.

Какъ страхъ возрастаетъ? Можно предположить два способа возрастанія. Или онъ возрастаетъ по закону $^1/_3$ такъ, что съ уменьшеніемъ состоянія на каждую $^1/_3$ поднимается на одну степень, или такъ, что степени его поднимаются, какъ и въ другихъ чувствованіяхъ, съ прогрессивнымъ на $^1/_3$ уменьшеніемъ состоянія. Въ первомъ случаѣ лишеніе полнаго состоянія должно породить третью степень страха: предположимъ, состояніе равно 60, первая степень страха при потерѣ $^1/_3$ будетъ, когда отъ состоянія останется 40, вторая — 20, третья — 0. Во второмъ случаѣ, развитіе степеней страха должно приблизительно слѣдовать такъ: 40, 27, 18, 12, 8, $5^2/_3$, 3, 2; дальнѣйшая потеря состоянія въ разсчетъ приниматься не будетъ потому, что остатокъ будетъ около $^1/_{50}$ прежняго состоянія и слѣдовательно, станетъ возбуждать чувство мелкоты, т. е. будетъ казаться ничѣмъ: субъектъ будетъ думать, что онъ потерялъ все состояніе, хотя у него малый остатокъ еще остался.

---

*) Мы видѣли, что лишеніе $^1/_{10}$ доли состоянія уже начинаетъ возбуждать неудовольствіе. Въ страхѣ по поводу лишенія состоянія субъектъ можетъ удивляться только размѣру потери, т. е. тому, что она больше обыкновенной непріятной. Но удивленіе является, когда впечатлѣніе болѣе обыкновеннаго въ 5 разъ. Слѣдоват. субъектъ будетъ удивляться потерѣ, когда она вмѣсто $^1/_{10}$ станетъ $^1/_2$. Поэтому въ нѣсколько развитомъ страхѣ есть всегда удивленіе.

По второму предположенію выходитъ, что при потерѣ всего состоянія страхъ достигаетъ 8-й степени, т. е. крайняго напряженія. Въ виду фактовъ необходимо стать на сторону второго предположенія. Во-1-хъ, лишеніе всего состоянія всегда производитъ ошеломляющее дѣйствіе и весьма глубокій страхъ: при такой катастрофѣ, люди часто налагаютъ на себя руки; невѣроятно, чтобы такая глубокая степень страха была только 3-я. Во-2-хъ, по аналогіи прочимъ чувствованіямъ, можно предположить, что и онъ развивается подобно имъ, т. е. по второму способу.

Чувство стыда.

Можно указать, при какихъ условіяхъ чувство стыда въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникаетъ и какъ быстро возрастаетъ. Стыдъ можетъ возникать вслѣдствіе измѣненій въ соціальномъ положеніи личности. Человѣкъ, грандіозно богатый, теряетъ свое могущество и становится человѣкомъ средняго положенія: пока онъ не привыкнетъ къ новой обстановкѣ, онъ испытываетъ нѣчто въ родѣ стыда. Занимавшій высшій служебный постъ принужденъ обстоятельствами принять нѣкое служебное положеніе: одна мысль объ этой необходимости приводитъ его въ краску. Когда разница между бывшимъ и ожидающимъ положеніемъ велика, то къ чувству стыда присоединяется чувство униженія, которое вмѣстѣ съ стыдомъ можетъ возрастать до чувства собственнаго ничтожества.

Можно вообще замѣтить, что всякое пониженіе положенія личности на одну ступень уже возбуждаетъ въ ней чувство нѣкотораго стыда. Ступени положенія опредѣляются при этомъ самою личностію: онѣ могутъ совпадать съ общепринятыми или даже утвержденными закономъ (классы должностей и званій), могутъ и не совпадать: личныя опредѣленія ихъ могутъ быть грубѣе и тоньше. Фактъ несомнѣнный, что каждое лицо, какихъ бы демократическихъ убѣжденій ни держался, всегда имѣетъ свою классификацію людей по ихъ достоинству. Люди различаютъ нисшіе классы и высшіе или по уму, или по занятіямъ, или по нравственнымъ качествамъ, или по богатству, по чинамъ, должностямъ, происхожденію. Почти всякая личность считаетъ себя занимающею извѣстную ступень въ общественной Іерархіи и видитъ надъ собою высшіе разряды людей, подъ собою — нисшіе.

Если въ чувствѣ гордости и самомнѣнія нѣкоторыя личности не соглашаются допускать кого либо надъ собою, то тѣмъ охотнѣе онѣ допускаютъ нисшіе разряды людей сравнительно съ собою. Поэтому каждый съ своей точки зрѣнія, съ своего пункта, занимаемаго въ обществѣ, раздѣляетъ ближайшіе къ нему общественные слои на классы. И мы утверждаемъ, что всякое пониженіе на одну общественную ступень, дѣйствительное, или воображаемое, или ожидаемое уже возбуждаетъ чувство стыда предъ другими людьми. Пусть каждый нашъ читатель представитъ себѣ, что обстоятельства принуждаютъ его понизиться въ служебномъ или экономическомъ или просто-общественномъ положеніи на одну ступень: сейчасъ же онъ найдетъ, что тогда ему стало бы стыдно предъ другими. Такъ какъ въ бракахъ высшіе классы наблюдаютъ чистоту крови и стараются соблюдать равенство соединяющихся сторонъ, то они особенно чутки ко всякому неравенству: сторона, соединяющаяся съ другою нисшею, допускаетъ, по ихъ мнѣнію, mesalliance; она должна стыдиться его. Но въ чемъ состоитъ сущность mesalliance? въ томъ, что одна сторона унижается до другой и униженіе на одну ступень есть уже настоящій mesalliance. Какъ разнообразны бываютъ понятія о немъ, всякому извѣстно: иногда они совпадаютъ съ дѣйствительностію, иногда не совпадаютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣленіе его бываетъ уже слишкомъ тонко и т. д.

Со всякимъ дальнѣйшимъ пониженіемъ личности въ общественномъ положеніи, чувство стыда развивается въ ней сильнѣйшимъ образомъ и къ нему присоединяется уже довольно сильное чувство униженія. Представимъ себѣ, что грандіозный богачъ, мимо ступени значительнаго богатства, опускается до положенія человѣка средняго состоянія: онъ уже значительно стыдится своей сравнительной бѣдности и чувствуетъ себя униженнымъ. Каждый изъ высшихъ общественныхъ классовъ избѣгаетъ знакомствъ съ классомъ нисшимъ на двѣ степени, сравнительно съ нимъ: я разумѣю, знакомство, какъ говорится, домами. Настоящіе аристократы еще допускаютъ общеніе съ высшими средними классами и иногда знакомятся даже домами, хотя такими знакомствами не хвастаютъ; но они не станутъ такъ знакомиться съ настоящимъ среднимъ классомъ: они чувствуютъ въ этомъ случаѣ уже униженіе для себя. Средній общественный слой средняго сословія не совсѣмъ охотно допускаетъ знакомство съ нисшимъ слоемъ средняго сословія и положительно стыдится знакомствъ домами съ

нисшими классами. Я не говорю, что это хорошо или худо, но такъ бываетъ обыкновенно, и этотъ фактъ упоминаю здѣсь. И что особенно замѣчательно, сходство или различіе вкусовъ, привычекъ жизни, образованіе въ этихъ случаяхъ имѣютъ второстепенное значеніе, хотя на разницу всего этого многіе ссылаются, какъ на главную причину, чтобъ оправдать свое нежеланіе опускаться въ знакомствахъ черезъ классъ. Необразованный и грубый аристократъ у себя въ салонѣ легко собираетъ отборное высокое, равное ему по происхожденію, общество. Самый образованный и тонкій во вкусахъ купецъ, если онъ живетъ семейно, не имѣетъ надеждъ собирать у себя аристократическія семьи и если бы нѣкоторыя изъ нихъ стали съ нимъ знакомы, то онѣ навѣрное чѣмъ либо стали бы оправдывать свое знакомство предъ собою или предъ другими, т. е. доказывали бы, что для нихъ въ этомъ случаѣ не должно быть стыда и униженія водить такое знакомство. Слѣдовательно, стыдъ и униженіе есть, но только они парализируются разными соображеніями.

При дальнѣйшемъ пониженіи положенія чувство стыда и униженія доходитъ до чувства позора. Пусть каждый представитъ себѣ въ воображеніи, какъ онъ чувствовалъ бы себя, если бы пришлось понизиться на три ступени: наприм., если бы Министръ вдругъ сдѣлался столоначальникомъ департамента, или столоначальникъ сдѣлался бы сторожемъ при казенномъ какомъ нибудь мѣстѣ, или профессору пришлось бы взять метлу въ руки и быть дворникомъ и т. д. Чувство стыда и униженія такъ велико въ этомъ случаѣ, что многіе люди скорѣе пожертвуютъ своею жизнію, чѣмъ согласятся, хотя на минуту, остаться въ подобномъ положеніи. Знакомство между классами, раздѣленными на три ступени, уже ни въ какомъ случаѣ домами не допускается, даже и при простыхъ встрѣчахъ одна сторона смотритъ на другую, какъ на нѣчто нисшее, болѣе или менѣе низменное. Браки между сторонами, такъ широко раздѣленными, совершенно не допускаются, и если они почему либо de facto дѣлаются, то разсматриваются какъ ошибки, а не какъ что либо нормальное. Униженіе на три степени вообще разсматривается какъ паденіе человѣка съ высоты.

Попытаемся перевести на точныя цифры случаи пониженія личности на одну или двѣ ступени той Іерархіи, въ которой она занимаетъ опредѣленное мѣсто. Всякое пониженіе на одну ступень, мы сказали, вызываетъ стыдъ съ чувствомъ большаго

униженія, а пониженіе на двѣ ступени едва выносится личностію, тогда какъ пониженіе на три ступени возбуждаетъ уже чувство позора.

Значеніе всякой ступени въ лѣствицѣ чиновной Іерархіи опредѣляется тремя обстоятельствами. Во 1-хъ, государственнымъ жалованьемъ, въ размѣрахъ котораго выражается взглядъ государства на цѣнность услугъ, оказываемыхъ должностію пользамъ его, и общественное положеніе, въ которомъ оно желалобы видѣть лицо, занимающее должность. Во 2-хъ, рѣдкостію или обиліемъ подобныхъ извѣстной должности мѣстъ: чѣмъ многочисленнѣй классъ людей, занимающихъ извѣстную должность, тѣмъ они менѣе цѣнятся. Высшія правительственныя мѣста цѣнны не только по присвоенному имъ жалованью, но главнѣе потому, что, при немногочисленности своей, они дѣлаютъ лицъ, занимающихъ ихъ, людьми особаго рода, по своей рѣдкости возвышающимися надъ грамадною толпою; можно сказать, что значеніе придаваемое той или другой должности, обратно пропорціонально суммѣ лицъ, имѣющихъ одинаковое съ нею мѣсто. Наконецъ въ 3-хъ, отношенія различныхъ должностей суть отношенія власти, отношенія приказывающаго къ подчиненному: первый можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ распоряжаться послѣднимъ. Но распоряжаются лишь тѣмъ, надъ чѣмъ имѣютъ чувство силы и къ чему есть извѣстнаго рода пренебреженіе.

Чиновникъ понижается на одну ступень: онъ понижается не только въ отношеніи жалованья, но и въ своей цѣнности, т. е. поступаетъ въ разрядъ людей болѣе встрѣчаемыхъ, и вмѣсто повелѣвающаго становится подчиненнымъ. Слѣдовательно, онъ долженъ терпѣть стыдъ съ униженіемъ и не трудно найти, какъ велико должно быть послѣднее.

Возьмемъ случай, что вице-директоръ департамента назначенъ начальникомъ отдѣленія. Хотя новые штаты гораздо щедрѣе штатовъ 40-хъ годовъ, но, за нѣкоторыми измѣненіями въ общемъ, они придерживаются отношеній между окладами, установленными въ прежнія времена. По старымъ штатамъ начальникъ отдѣленія получалъ 4500, вице-директоръ 7 тыс., если выразить въ цифрахъ ихъ отношеніе, то они соотносились какъ $^{9}/_{9}$ къ $^{14}/_{9}$-хъ. Слѣдовательно, только по экономическому значенію, вице-директоръ, превратившійся въ начальника отдѣленія теряетъ цѣлую треть своей цѣны; отъ него остается только $^{2}/_{3}$ прежняго положенія. Далѣе, тогда какъ вице-директоръ на

весь департаментъ одинъ, начальниковъ отдѣленія, или старшихъ дѣлопроизводителей отъ 4-хъ до 5-ти на учрежденіе. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи онъ уменьшается въ четыре или пять разъ: вмѣсто $^{5}/_{5}$ или $^{4}/_{4}$ дѣлается $^{1}/_{5}$ или $^{1}/_{4}$. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ лицо чрезвычайно уменьшилось, понизившись на одну ступень въ чиновной Іерархіи. Потерявъ $^{1}/_{3}$ содержанія, оно стало, положимъ, изъ $^{12}/_{12}$ (чѣмъ выражается его прежнее положеніе) $^{8}/_{12}$, уменьшившись въ отношеніи рѣдкости своей должности въ 4 раза, оно стало $^{3}/_{12}$. Но всего чувствительнѣе то униженіе, что вмѣсто начальствующаго надъ начальниками отдѣленія или дѣлопроизводителями оно становится подчиненнымъ. Такъ какъ отношеніе власти основывается на чувствѣ силы, которое находится въ прямомъ отношеніи къ кругу власти, то уменьшеніе въ чувствѣ его силы надобно полагать также въ 4-ре раза: и въ этомъ отношеніи отъ прежняго вице-директора осталось лишь $^{3}/_{12}$. Значитъ, съ пониженіемъ вице-директора въ начальника отдѣленія, вмѣсто прежняго положенія, которое можно выразить въ слѣдующихъ дробяхъ: эконом. $^{12}/_{12}$ + рѣдкость $^{12}/_{12}$, власть $^{12}/_{12}$, получается новое, выражаемое дробями $^{3}/_{12} + ^{8}/_{12} + ^{3}/_{12}$; сумма первыхъ дробей равняется $^{36}/_{12}$, вторыхъ $^{14}/_{12}$, послѣдняя менѣе первой въ $2^{4}/_{7}$ раза. Съ пониженіемъ только на одну степень въ чиновной Іерархіи личность уменьшается болѣе чѣмъ въ $2^{1}/_{2}$ раза. Это общій итогъ новаго положенія; онъ умѣряется тѣмъ, что экономическое пониженіе далеко не пропорціонально пониженію въ рѣдкости и власти. Въ послѣднихъ же двухъ отношеніяхъ пониженіе огромное, въ 4-ре раза, и тотъ человѣкъ, который не смотритъ на экономическую сторону своего положенія, а лишь на ущербъ нравственный, тотъ будетъ находить новое положеніе почти достойнымъ презрѣнія (для этого чувства требуется пониженіе въ 5-ть разъ).

Возьмемъ другой случай: дѣлопроизводитель VIII класса понижается на мѣсто помощника. Въ экономическомъ отношеніи онъ становится вдвое меньше (дѣлопроизводитель получаетъ 1000, помощникъ 500), слѣдовательно изъ $^{12}/_{12}$ становится $^{6}/_{12}$-хъ. Далѣе, на шесть дѣлопроизводителей VIII кл. существуетъ 14-ть помощниковъ, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи они соотносятся какъ $^{3}/_{3}$ къ $^{7}/_{3}$, и становясь помощникомъ дѣлопроизводитель становится меньше въ $2^{1}/_{3}$ раза, или вмѣсто $^{7}/_{7}$ только $^{3}/_{7}$. Наконецъ, принимая уменьшеніе власти и соотвѣтствующаго чув-

ства силы также въ $2^1/_3$ раза (мы беремъ minimum; но уменьшеніе власти должно быть болѣе сильное, потому что и въ той маленькой части, которая предоставлена помощнику, онъ не хозяинъ, а долженъ ожидать указаній отъ дѣлопроизводителя), мы приходимъ къ выводу, что вмѣсто $^7/_7$ дѣлопроизводитель, становясь помощникомъ, сдѣлался $^3/_7$. Мы получаемъ дроби $\frac{12}{12}+\frac{7}{7}+\frac{7}{7}=\frac{1764}{588}$, выражающія прежнее положеніе личности, и дроби $\frac{6}{12}+\frac{3}{7}+\frac{3}{7}=\frac{798}{588}$, выражающія новое. Сумма послѣднихъ менѣе суммы первыхъ въ $2^1/_{19}$ раза, или нѣсколько болѣе $2^1/_5$. Во столько разъ понижается младшій дѣлопроизводитель, когда его дѣлаютъ помощникомъ, т. е. понижаютъ на одну степень.

Беремъ третій случай: директоръ понижается въ вицедиректора. По штату извѣстнаго намъ департамента, первый получаетъ 7 т., второй 5-ть, слѣдовательно, онъ дѣлается, въ экономическомъ отношеніи, вмѣсто величины 14 только 10-ть. Хотя вице-директоръ также одинъ на департаментъ, какъ и директоръ, но въ виду того, что ему поручается завѣдываніе только частью департаментскихъ дѣлъ и что нерѣдко бываетъ вицедиректоровъ по два на департаментъ, надобно положить, что въ отношеніи цѣны порѣдкости онъ понизится вдвое, слѣдовательно, вмѣсто 14 будетъ лишь 7. Наконецъ, въ отношеніи власти, если принять minimum, что она уменьшилась на половину, то вмѣсто 14, выражающихъ прежнюю власть онъ станетъ только 7. Получаемъ число 42, означающее силу директора и 24 силу вицедиректора. Еслибы первый понизился на мѣсто второго, то онъ уменьшился бы $1^3/_4$ раза.

Со всякимъ пониженіемъ на одну ступень въ чиновной Іерархіи, личность чувствуетъ свое уменьшеніе въ большинствѣ случаевъ болѣе, чѣмъ въ 2 раза. Такое событіе должно вызывать въ ней большое чувство униженія и даже чувство горя (см. ниже).

Посмотримъ, что происходитъ съ человѣкомъ при пониженіи на двѣ ступени. Предположимъ лишь теоретически возможный случай, что директоръ дѣлается начальникомъ отдѣленія, т. е. ниспадаетъ на двѣ ступени. Мы можемъ это рѣшить, не прибѣгая къ новымъ разслѣдованіямъ. Мы видѣли, что при пониженіи въ вицедиректоры директоръ уменьшается въ $1^3/_4$ раза, и затѣмъ выше нами было показано, что вицедиректоръ, понижающійся въ начальники отдѣленія, уменьшается въ $2^1/_7$ раза. Слѣдовательно, если бы директора сразу низвели на послѣднее мѣсто, то онъ уменьшился бы въ $4^1/_2$ раза. Представимъ себѣ, что онъ палъ

бы еще ниже, сдѣлался столоначальникомъ: изъ вычисленій, подобныхъ вышеприведеннымъ, оказывается, что онъ уменьшился бы еще въ $2^1/_2$ раза. Я буду брать штатъ 1840 года для опредѣленія содержанія. Столоначальникъ получалъ менѣе начальника отдѣленія на $^4/_5$ (собственно на $^{39}/_{51}$ 2550—4500); они соотносились другъ къ другу какъ $^4/_5$ къ $\frac{2}{5}$-мъ. Далѣе, обыкновенно бываетъ на одного начальника отдѣленія три столоначальника; они соотносятся какъ $^3/_3$ къ $^1/_3$ и настолько же уменьшается кругъ власти у человѣка, изъ начальника отдѣленія попавшаго въ столоначальники. Начальнику отдѣленія соотвѣтствуютъ числа 9, 3, 3; столоначальнику 4, 1,1; слѣдовательно, послѣдній менѣе перваго въ $2^1/_2$ раза. Помножая $2^1/_2$ на $4^1/_2$ вышеполученные, мы получаемъ $11^1/_2$. Слѣдовательно, пониженіе на три степени уменьшаетъ администратора въ $11^1/_2$ разъ.

Оттого всякое пониженіе переносится личностію чрезвычайно тяжело. Оцѣнивая нравственную его сторону въ minimum, мы видѣли, что при пониженіи на одну лишь степень человѣкъ уменьшается болѣе чѣмъ въ 2 раза, при двухъ степеняхъ онъ становится менѣе въ 4 слишкомъ, при трехъ степеняхъ уменьшеніе дѣлается въ 11 слишкомъ разъ. Но мы знаемъ уже, что умаленіе предмета противъ обычнаго размѣра только въ 5 разъ возбуждаетъ чувство презрѣнія. Субъектъ, при такомъ несчастіи, долженъ понимать, что онъ попалъ въ болѣе, чѣмъ презрѣнное положеніе, и что соотвѣтственное чувство онъ долженъ возбуждать и въ другихъ людяхъ. Такое положеніе можетъ быть источникомъ даже самопрезрѣнія: потому что законы, управляющіе движеніями человѣческаго сердца общи для всѣхъ и самъ индивидуумъ не можетъ воздержаться отъ чувствованій, которыя по законамъ должны возникнуть, хотябы возбуждающимъ ихъ предметомъ былъ онъ самъ.

Чувствованія удовлетворенія и неудовлетворенія.

При какихъ условіяхъ возникаютъ чувствованія удовлетворенія и неудовлетворенія? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ пріятное чувство удовлетвореннаго желанія, въ другихъ непріятное — неудовлетворенія.

Чтобы поставить изслѣдованіе на правильную дорогу, необходимо, прежде всего, различать два вида желаній: опредѣлен-

ныя и неопредѣленныя; подъ первыми разумѣются тѣ, въ которыхъ точно обозначается предметъ и объемъ, въ какомъ онъ долженъ получиться. Иногда самъ субъектъ, сообразно съ своими нуждами, напередъ точно опредѣляетъ, что именно и въ какомъ размѣрѣ онъ желаетъ имѣть: напримѣръ, человѣкъ желаетъ имѣть извѣстное мѣсто по службѣ съ такимъ то окладомъ; въ иныхъ случаяхъ поводъ къ опредѣленнымъ желаніямъ дается со стороны; напримѣръ, начальникъ обѣщаетъ подчиненному извѣстное мѣсто, или знакомый, на наше приглашеніе, обѣщается придти въ извѣстное время. Въ послѣднихъ случаяхъ съ желаніемъ является и ожиданіе, но, какъ мы увидимъ, послѣднее можно выдѣлить изъ перваго.

Но иногда субъектъ намѣчаетъ только предметъ желанія, но размѣръ его не опредѣляетъ точно: напримѣръ, онъ желаетъ тратить въ день не болѣе 2-хъ или 3-хъ рублей, или нанять квартиру около 1,000 р. Два указанные вида желаній необходимо различать потому, что къ исполненію или неисполненію ихъ мы относимся различно: неопредѣленное желаніе можетъ быть исполнено до нѣкоторой степени не точно, но чувство удовлетворенія при этомъ будетъ; такая же неточность исполненія опредѣленнаго желанія возбудитъ недовольство, и даже большое.

Беремъ случаи неопредѣленныхъ желаній. Путешественникъ ѣдетъ въ путь, имѣющій продлиться, по его предположеніямъ, нѣсколько дней; онъ, конечно, желаетъ, чтобы время путешествія, по возможности, сократилось. Но сокращеніе на одно количество времени удовлетворитъ его, а на другое покажется не стоющимъ вниманія. На вопросъ относительно этого предмета получились довольно согласные отвѣты: десять отвѣчали $^1/_{10}$, трое $^1/_6$, двое $^1/_5$, и по одному $^1/_4$ и $^1/_3$. Лично я считаю $^1/_{10}$ подходящею къ истинной.

Субъектъ ищетъ себѣ квартиру, стоющую около 500, 1,000 р. въ годъ и т. д.; онъ желаетъ найти себѣ квартиру за подобную цѣну, но конечно, стремится нанять дешевле предназначенной суммы и когда, при равныхъ условіяхъ, онъ найдетъ себѣ болѣе дешевую, то считаетъ себя удовлетвореннымъ. Спрашивается, какая должна быть скинута часть предположенной нанимателемъ платы за квартиру, чтобы въ немъ явилось чувство удовлетворенія? Что не всякая скидка удовлетворяетъ его, это не подлежитъ сомнѣнію; напр. наймете ли онъ квартиру за 1,000 р. или 950, онъ будетъ считать, что онъ нанялъ, какъ хотѣлъ,

и не будетъ придавать, въ данномъ случаѣ, 50 рублямъ значенія, то есть, чувствовать большее удовлетвореніе, чѣмъ если бы онъ нанялъ за 1,000 р. При отвѣтѣ на этотъ вопросъ необходимо отвлечься отъ нѣкоторыхъ условій, имѣющихъ, обыкновенно, при такого рода наймахъ значеніе: наприм. нанимателю можетъ очень нравиться извѣстная квартира и его желаніе изъ неопредѣленнаго станетъ опредѣленнымъ; онъ можетъ сумму, на которую дешевле нашелъ квартиру, разсматривать саму по себѣ, какъ количество денегъ, годное для разныхъ мелкихъ нуждъ и т. д. Присоединеніе такихъ и подобныхъ условій оцѣнки къ разсматриваемому случаю, конечно, должно отозваться на чувствованіи и видоизмѣнить результатъ. Но эти могущія присоединяться условія необходимо элиминировать, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи.

Мною былъ поставленъ вопросъ: на сколько болѣе дешевая цѣна квартиры противъ предполагавшейся возбудитъ въ Васъ чувство удовлетворенія? Отвѣты были даны съ такими же колебаніями, какъ и вышеупомянутые: два отвѣта было $^1/_{12}$, пять $^1/_{10}$, четыре $^1/_6$, пять $^1/_5$, по одному $^1/_4$ и $^1/_3$; но, впрочемъ, послѣдній данъ лицомъ, о которомъ я навѣрное знаю, что оно не компетентно въ этомъ вопросѣ и не могло имѣть никакого случая испытать себя въ опытѣ. Очевидно, отвѣты болѣе наклонны къ $^1/_{10}$, во всякомъ случаѣ ниже $^1/_5$ и потому ихъ я не считаю противорѣчущими вышеприведеннымъ, а напротивъ, указывающими, что истиннаго отвѣта должно искать въ направленіи $^1/_{10}$.

Чувство неудовлетворенія развивается, когда исполненіе желанія совершается не во всемъ объемѣ его. Переплата въ извѣстныхъ размѣрахъ противъ желаемой цѣны за квартиру возбуждаетъ это чувство; хозяйка, тратящая въ день извѣстное количество денегъ и желающая вообще держаться нормальнаго, ею опредѣленнаго, дневнаго расхода при нѣкоторомъ перерасходѣ чувствуетъ себя неудовлетворенною. На вопросы относительно перваго рода переплаты отвѣты получились такіе же, какъ и для чувства удовлетворенія. Второй вопросъ былъ составленъ такъ, что отвѣчающій долженъ былъ сопоставить и положительное и отрицательное чувства рядомъ, именно: хозяйка вообще тратящая около 2, 3, 4, 5 и т. д. руб. въ день и желающая вообще держаться нормальнаго, ею опредѣленнаго, дневнаго расхода, при какой съэкономленной за день суммѣ чувствуетъ себя

удовлетворенною, при какомъ перерасходѣ неудовлетворенною? Отвѣтъ былъ данъ относительно чувства удовлетворенія нѣсколько иной, чѣмъ приведенный выше, но во всякомъ случаѣ, ниже $^1/_5$, именно $^5/_{27}$, относительно же неудовлетворенія $^5/_{31}$, такъ что и здѣсь сердце оказывается чувствительнѣй къ неудовлетворяющимъ впечатлѣніямъ, чѣмъ къ удовлетворяющимъ. Я думаю, что во всякомъ случаѣ, дробь неудовлетворенія должна быть нѣсколько ниже $^1/_{10}$, но на сколько, этого не берусь рѣшать, въ виду отсутствія достаточныхъ фактовъ.

Наши замѣчанія касались неопредѣленныхъ желаній; мы обратимся теперь къ желаніямъ опредѣленнымъ. Чувство неудовлетворенія развивается, когда точно опредѣленное желаніе не исполняется во всемъ объемѣ. Повидимому, всякое неисполненіе его должно возбуждать нѣкоторую неудовлетворенность, однако, при всѣхъ почти случаяхъ точныхъ желаній, если нѣкоторая неважная доля ихъ не выполняется на дѣлѣ, то желающій субъектъ, какъ говорится, не гонится за тѣмъ: дабы онъ почувствовалъ свое желаніе неисполненнымъ, необходимо, чтобы неисполненная доля имѣла извѣстный относительный объемъ.

Чтобы изслѣдовать условія чувствованій удовлетворенія и неудовлетворенія опредѣленныхъ желаній, я поставилъ нѣсколько вопросовъ: 1) ассигновавъ на экстренный обѣдъ 15, 20, 30, 40, 50 и т. д. рублей, при какомъ перерасходѣ Вы чувствуете себя неудовлетворенными и какая съэкономленная часть возбуждаетъ чувство довольства и 2) предполагая, что Вы желаете купить вещь за извѣстную опредѣленную сумму, напримѣръ: 10, 20, 30, 40, 50, 100, 200 р. и т. д., какая переплата возбудитъ въ Васъ чувство неудовольства и какая съэкономленная часть назначенной на покупку суммы — чувство удовлетворенія. Оба вопроса были, можетъ быть, немного нескромны: отвѣчающіе не желали показаться въ отвѣтахъ на первый вопросъ нелюбезными относительно своихъ гостей и потому оказались снисходительнѣй къ перерасходу, чѣмъ удовлетворяющимися сбереженіемъ; можетъ быть, имѣло вліяніе на отвѣты то обстоятельство, что въ первомъ вопросѣ упоминалось объ экстренномъ обѣдѣ, бывающемъ обыкновенно по случаю торжествъ, семейныхъ радостей и т. д., когда люди желаютъ выразить особенность своего настроенія и радости и слѣд. болѣе готовы тратиться, ради своего особаго чувства, чѣмъ въ другое время. Возможно, наконецъ, и то обстоятельство, что отвѣчающіе не желали показаться вообще ску-

ными и сказать, что перерасходъ они менѣе цѣнятъ, чѣмъ сбереженіе. На третій подобный вопросъ, обращенный къ хозяйкамъ, отвѣты были даны немногими лицами и потому, всѣ три вопроса можно считать пока неудавшимися. Надобно замѣтить вообще, что сложные вопросы, требующіе двухъ сразу отвѣтовъ, вышли мало удачными и ихъ, очевидно, слѣдуетъ избѣгать. При томъ, я сознаю, что въ такой постановкѣ они только запутывали спрашиваемыхъ: нежеланіе перерасхода есть тоже, что и желаніе сбереженія и слѣдовательно, я спрашивалъ, въ сущности, объ одномъ и томъ же, а форма вопроса указывала, что я ожидаю разныхъ отвѣтовъ, и сверхъ того, въ этомъ сопоставленіи сбереженія съ перерасходомъ, многіе могли видѣть нескромное заглядываніе въ ихъ душу.

Но что исполненіе опредѣленнаго желанія вызываетъ чувствованія удовлетворенія и неудовлетворенія при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ исполненіе неопредѣленнаго — это можно видѣть изъ отвѣтовъ на другіе, предложенные мною вопросы. Положимъ, одинъ знакомый самъ обѣщался зайти къ намъ около 2-хъ часовъ, а другой ровно въ 2 часа, или мы изъявляемъ желаніе, иногда приказаніе кому нибудь придти къ намъ около такого то часа, или во столько то часовъ. Принявъ такое обѣщаніе, или выразивъ такое желаніе, мы будемъ около назначеннаго часа, или въ назначенный часъ, ожидать и желать прибытія извѣстнаго лица. Мы имѣемъ здѣсь въ виду собственно тѣ случаи, когда къ ожиданію присоединяется хотѣніе. Разность въ желаніяхъ при двухъ упомянутыхъ случаяхъ большая: говоря кому либо, заходите около двухъ часовъ, мы выражаемъ не точно опредѣленное желаніе: нашъ знакомый можетъ пріѣхать нѣсколько ранѣе и позже этого срока; говоря же, приходите въ два часа, мы означаемъ точное желаніе или приказаніе. Первый знакомый имѣетъ большую свободу въ этомъ случаѣ, чѣмъ послѣдній, и что первому извинится, то второму поставится въ вину: при неопредѣленномъ желаніи мы относимся иначе къ исполненію его, чѣмъ при опредѣленномъ.

Любопытно опредѣлить, за сколько времени до положеннаго срока начинается ожиданіе, т. е. уже нѣкоторое возбужденіе воли. Вопросъ, мною поставленный, былъ такой: если знакомый Вашъ, равный Вамъ по положенію и значенію (какъ извѣстно всѣмъ, это обстоятельство имѣетъ огромное значеніе) обѣщался зайти къ Вамъ около 1, 2 или 3-хъ часовъ, то за сколько времени до положен-

наго срока Вы начнете ожидать его. Отвѣты были такого рода: шесть — 30 мин., пять 20 м., четыре 15, одинъ 10 и двое 5; послѣдніе три отвѣта я объясняю тѣмъ, что отвѣчающіе, какъ лица, имѣющія, по особому своему положенію, частыя дѣловыя сношенія, привыкли къ опредѣленнымъ ожиданіямъ. Средній отвѣтъ выйдетъ 20 минутъ, во всякомъ случаѣ моментъ начала ожиданія нужно полагать между 30 и 20 минутами. Былъ мною данъ еще вопросъ, имѣющій сюда отношеніе, слѣдующаго содержанія: за сколько минутъ до положеннаго срока Вы будете считать приходъ знакомаго неожиданнымъ. Отвѣты обнаружили колебаніе и конечно, въ этомъ случаѣ должно было сказаться различіе опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ ожиданій, но тѣмъ не менѣе средняя получилась около 35 м. ($34^4/_9$); слѣдоват. за 35 минутъ ожиданія нѣтъ, а оно начинается, вѣроятно, послѣ 30 минутъ.

Знакомый можетъ придти нѣсколько ранѣе назначеннаго срока, какъ неопредѣленнаго, такъ и опредѣленнаго, можетъ придти позже его: болѣе ранній приходъ вызываетъ чувство удовлетворенія, поздній — неудовлетворенія, но въ послѣднемъ случаѣ на нѣкоторое опозданіе, если оно относительно небольшое, не обратится вниманія. Спрашивается: 1) на сколько минутъ ранній противъ не точно обозначеннаго срока приходъ можетъ возбудить чувство удовлетворенія: средній отвѣтъ вышелъ около 13 мин. ($12^9/_{19}$); на такой же вопросъ относительно опредѣленнаго ожиданія (а слѣдовател. и желанія) данъ отвѣтъ 6 минутъ ровно. Относительно опаздыванія оказывается также разность, съ какимъ желаніемъ мы имѣемъ дѣло. На нѣкоторое незначительное опозданіе мы не обратимъ вниманіе и на поставленные по этому поводу вопросы отвѣты были даны: для неопредѣленнаго ожиданія около 14 м. ($13^{10}/_{19}$), для опредѣленнаго около 7 м. ($6^{10}/_{17}$). Но когда опозданіе довольно велико, оно возбуждаетъ чувство неудовлетвореннаго желанія: мы хотѣли видѣться съ извѣстнымъ человѣкомъ, но желаніе наше не исполняется. Вопросъ былъ предложенъ для опредѣленнаго и неопредѣленнаго желаній и отвѣты получились: для перваго $20^2/_3$, для второго — $13^4/_9$: при опаздываніи на такое количество времени развивается уже ясно сознаваемое чувство неудовлетворенія.

Отвѣты эти во всякомъ случаѣ поучительны прежде всего относительно опредѣленныхъ желаній, лежащихъ въ основаніи опредѣленныхъ ожиданій: почти во всѣхъ отвѣтахъ время начала

ожиданія, удовлетворенія и неудовлетворенія опредѣленныхъ желаній сокращается на половину, слѣдовательно, мы гораздо чувствительнѣе къ удовлетворенію и неудовлетворенію ихъ, чѣмъ неопредѣленныхъ ожиданій. Если для послѣднихъ справедливъ выше найденный законъ $^1/_{10}$, то для первыхъ онъ долженъ быть приблизительно вдвое, или около $^1/_{20}$.

Что, дѣйствительно, нѣчто подобное управляетъ чувствами удовлетворенія и неудовлетворенія, это можно видѣть на примѣрахъ большихъ собраній. Въ театрахъ назначается начало спектаклей въ урочное время, для отхода каждаго поѣзда — также свое время. Такъ какъ желѣзныя дороги въ большинствѣ случаевъ пускаютъ поѣзда въ точно назначенное время и пріучаютъ къ этой точности публику, то она садится въ вагонъ съ опредѣленнымъ желаніемъ. Различные театры различно пріучаютъ свою публику: одни поднимаютъ занавѣсъ въ точно назначенный срокъ, другіе обыкновенно опаздываютъ. Въ первые театры публика идетъ съ опредѣленными желаніями, во вторые съ неопредѣленными. По обстоятельствамъ, на желѣзныхъ дорогахъ и въ театрахъ не можетъ быть предупрежденія желанія публики, напримѣръ, на нѣсколько минутъ болѣе ранняго отхода поѣзда или поднятія занавѣса; можетъ быть лишь опаздываніе того и другого. Кто наблюдалъ поведеніе публики въ подобныхъ случаяхъ, тотъ знаетъ, что поѣздъ можетъ запоздать на 1, 2, 3 минуты, но далѣе публика становится нетерпѣливою, заглядывающіе на часы спрашиваютъ, почему не ѣдутъ, и съ каждою минутою нетерпѣніе возрастаетъ. Въ театрѣ, который пріучилъ посѣтителей къ точности, черезъ 3 минуты послѣ срока, въ залѣ раздаются выраженія нетерпѣнія; въ неточныхъ театрахъ, концертахъ публика начинаетъ безпокоиться послѣ 7 или 10 минутъ опаздыванія. Тоже самое бываетъ и въ другихъ случаяхъ. Хозяйка, желающая тратить только опредѣленную сумму на каждый день, будетъ довольна, если сбережетъ $^1/_{20}$ часть ея и будетъ неудовлетворена, если передержитъ такую же долю; если я желаю нанять квартиру за 1,000 руб., не болѣе, то я буду неудовлетворенъ, если мнѣ придется передать 50 руб., и удовлетворенъ, если, при равныхъ прочихъ обстоятельствахъ, сберегу такую же 20-ю часть.

Относительно одного и тогоже предмета до извѣстнаго срока можно имѣть неопредѣленное желаніе, послѣ же него можетъ явиться желаніе опредѣленное. Гости сзываются къ обѣду, положимъ, въ 5-ть часовъ. Извѣстна разница приглашеній къ

обѣду около такого часа и въ такой то часъ. При перваго рода приглашеніи гость имѣетъ, въ сущности, нѣкоторую свободу: онъ можетъ пріѣхать значительно ранѣе и нѣсколько позднѣе 5-ти часовъ, хотя по правиламъ вѣжливости онъ долженъ принять выраженіе неопредѣленнаго желанія за выраженіе опредѣленнаго; оттого даже и при такомъ приглашеніи считается невѣжливостью пріѣхать позже 5-ти часовъ. Второго рода приглашеніе предполагаетъ, что во всякомъ случаѣ нельзя опаздывать, развѣ на самое незначительное время. При первомъ приглашеніи гость можетъ опоздать минутъ на 5, на 6-ть, и не чувствовать необходимости извиняться, при второмъ—просрочка долѣе 3-хъ минутъ должна быть чѣмъ нибудь оправдана. Любопытно, однако, что хозяинъ, приглашающій гостей къ обѣду, до срока его относится къ пріѣзжающимъ гостямъ съ точки зрѣнія неопредѣленнаго желанія, а послѣ срока — опредѣленнаго. Пріѣхать на званый обѣдъ за двѣ минуты до начала его несовсѣмъ вѣжливо, т. е. по правиламъ вѣжливости не слѣдуетъ принимать приглашеніе на обѣдъ во столько то часовъ, какъ приказаніе явиться къ этому часу, ни ранѣе ни позже, т. е. только что соблюсти законъ чувства удовлетворенія опредѣленнаго желанія. Хотя приглашенія на иные обѣды равняются приказаніямъ явиться въ такой то часъ на послушаніе, но тѣмъ не менѣе, по тому соображенію что за однимъ столомъ могутъ собираться лишь равные люди, допускается какъ хозяиномъ, такъ и гостями фикція, что приглашеніе въ опредѣленный срокъ, въ сущности, означаетъ лишь выраженіе не приказанія, а неопредѣленнаго желанія хозяина видѣть извѣстныхъ лицъ у себя на дому. Сообразно съ этой фикціей собираются и гости. По закону удовлетворенія не опредѣленнаго желанія ($^1/_{10}$) слѣдуетъ имъ пріѣхать къ обѣду нѣсколько ранѣе срока, чтобъ доставить хозяину чувство удовлетворенія. Но такъ какъ на любезность гостепріимнаго человѣка необходимо отвѣчать усиленною любезностію, то гости собираются, когда желаніе и ожиданіе предполагаются еще слабыми и неразвитыми, и кто бывалъ на обѣдахъ въ хорошихъ домахъ, въ которыхъ принято за правило не сажать званыхъ гостей за столъ черезъ часъ послѣ назначеннаго для обѣда срока, тотъ знаетъ, что обыкновенно публика съѣзжается отъ 12 до 6 минутъ до начала его и это есть самое настоящее время пріѣзда на обѣдъ.

Назначенное время его наступило. Такъ какъ вѣжливость требо-

вала отъ гостей принять неопредѣленное желаніе хозяина видѣть ихъ къ такомуто часу за опредѣленное, то когда уже назначенный срокъ наступилъ и проходитъ, то въ виду того, что гость во всякомъ случаѣ долженъ былъ слѣдовать принятому имъ приглашенію, дальнѣйшее опаздываніе гостя обсуждается съ точки зрѣнія опредѣленнаго желанія. Одна, двѣ минуты запаздыванія не принимается въ разсчетъ и гость, пропустившій ихъ, долженъ извиняться только за то, что не предупредилъ желанія хозяина и не пріѣхалъ нѣсколько ранѣе срока. Дальнѣйшая просрочка уже порождаетъ въ пригласившемъ болѣе сильное чувство неудовлетворенія и гость долженъ серіозно извиняться.

Замѣтимъ между прочимъ, что въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ значеніе и чувство ожиданія и къ удовлетворенію или неудовлетворенію желанія присоединяется и чувство исполненнаго, или обманутаго ожиданія. Въ вышеприведенномъ случаѣ, чувство ожиданія развивается лишь въ послѣдніе полчаса до начала обѣда. Ранѣе получаса никакой хозяинъ никого изъ гостей не ждетъ къ обѣду, и кто пріѣхалъ бы ранѣе показался бы ему пріѣхавшимъ неожиданно. Начинаясь за 30 минутъ до начала обѣда, къ сроку его ожиданіе развивается вполнѣ. Слѣдовательно, кто пріѣзжаетъ нѣсколько ранѣе срока, тотъ удовлетворяетъ и сильному ожиданію и желанію хозяина. Но быть предметомъ сильнаго желанія его иному гостю не къ лицу, не соотвѣтствуетъ его положенію; поэтому скромный гость, по такому инстинктивному соображенію, забирается гораздо ранѣе и по излишней скромности является, когда ожиданіе мало развито, и потому онъ часто кажется неожиданнымъ. И по этому соображенію, вѣжливому, но и уважающему себя гостю всего приличнѣй являться за 15 минутъ до срока, когда ожиданіе развито еще неособенно сильно и пріѣздъ его можетъ имѣть значеніе предупрежденія воли хозяина.

Послѣ срока пріѣзжающій гость не только вызываетъ въ хозяинѣ неудовлетворенность желанія, но и чувство обманутаго ожиданія и оттого каждому приглашающему гостей на вечеръ, на обѣдъ, крайне непріятно, когда гости или слишкомъ опаздываютъ или совсѣмъ не пріѣзжаютъ.

Чувство ожиданія.

Говоря о чувствахъ удовлетворенія и неудовлетворенія опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ желаній, мы часто упоминали объ ожи-

даніи, обыкновенно развивающемся при нихъ: мы ожидаемъ удовлетворенія своихъ желаній. Покупающій лотерейные билеты ожидаетъ выигрыша, котораго, конечно, и желаетъ въ тоже время. Покупка новыхъ билетовъ къ уже имѣющимся увеличиваетъ ожиданіе выигрыша въ обладателѣ ихъ. Конечно, опредѣленіе вѣроятности выигрыша можетъ дѣлаться математическимъ разсчетомъ, при чемъ важно отношеніе имѣющихся билетовъ къ общей ихъ суммѣ и отношеніе послѣдней къ количеству выигрышей. Но математическимъ разсчетомъ обыкновенно покупатели вовсе не руководятся и не съ нимъ соображаются въ своихъ ожиданіяхъ. Послѣднія возрастаютъ сообразно съ отношеніемъ количества новыхъ пріобрѣтаемыхъ билетовъ къ суммѣ имѣющихся уже. Прикупая къ одному, двумъ, тремъ—пяти билетамъ еще одинъ, субъектъ чувствуетъ, что его ожиданіе выигрыша увеличилось. Но предположимъ, что онъ имѣетъ 10 билетовъ и имѣя средства для покупки новыхъ, желаетъ ею увеличить свое ожиданіе выигрыша. Очевидно, пріобрѣтеніе одного билета не покажется ему стоющимъ вниманія, т. е. при 10 билетахъ, или 11, ожиданіе будетъ одно и тоже и надбавка одного билета къ такому числу не усиливаетъ ожиданія. Сколько же билетовъ долженъ субъектъ прикупить новыхъ, чтобы его чувство поднялось? Мною былъ поставленъ такой вопросъ: при 5, 10, 15, 20 и т. д. лоттерейныхъ билетахъ, сколько, по Вашему мнѣнію, слѣдовало бы прикупить новыхъ, чтобы Ваше ожиданіе выигрыша чуть чуть возросло. Отвѣты были два $^1/_2$, четыре $^1/_3$, два $^1/_4$, шесть $^1/_5$ и одинъ $^1/_{10}$; средній отвѣтъ $^{15}/_{61}$ или нѣсколько ниже $^1/_4$; я думаю, что $^1/_5$ всего ближе къ истинной. При 50, напримѣръ, билетахъ субъектъ не будетъ придавать значеніе новымъ 4, 5, 6 билетамъ и увеличивать свое ожиданіе выигрыша, но пріобрѣтеніе новыхъ 10 билетовъ покажется ему стоющимъ вниманія и т. д.

Чувствованія удачи и неудачи.

Чувство удачи развивается, когда достигается успѣхъ въ болѣе или менѣе сложномъ дѣлѣ, когда дѣятельность приноситъ извѣстные плоды. Торговецъ, опредѣляя въ концѣ года пріобрѣтенный процентъ, при одномъ размѣрѣ чувствуетъ только удовлетвореніе, при другомъ удовольствіе, при третьемъ даже удачу.

Чиновникъ, повышающійся на службѣ и матеріально улучшающій свое положеніе, при одномъ повышеніи, чувствуетъ только удовольствіе, при другомъ—удачу; играющій въ карты иногда находитъ результатъ своей игры удачнымъ; путешественникъ ѣдущій изъ одного мѣста въ другое и сократившій время путешествія на извѣстную часть, чувствуетъ удачу. Задача наша состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, какая надбавка, сбавка и т. под. требуются, чтобы возбудилось чувство удачи. Относительно игры въ карты вопросъ былъ поставленъ мною такъ; какой выигрышъ возбуждаетъ въ Васъ нѣкоторое чувство удачи, и какую часть онъ составляетъ того количества денегъ, которое обыкновенно берется Вами на вечеръ съ картами. Часто играющій *въ карты* привыкаетъ судить объ удачѣ игры смотря по тому, въ какомъ отношеніи результатъ ея находится къ количеству денегъ, которое онъ обыкновенно беретъ съ собою на вечеръ, количество же это зависитъ отъ единицы, или фиши, на которую играется. Сумма денегъ въ карманѣ играющаго джентельмена должна быть нѣсколько выше maximum'а возможнаго по его игрѣ проигрыша, чтобы ему не оказаться въ случаѣ неудачи несостоятельнымъ плательщикомъ. На упомянутый вопросъ отвѣчали немногіе: очевидно, нѣкоторые отвѣчавшіе не желали причислять себя къ занимающимся картами: за $^1/_5$ и $^1/_4$ высказались двое, за $^1/_3$ одинъ, за $^1/_2$ шесть; я считаю послѣднее показаніе слишкомъ высокимъ и думаю, что уже при $^1/_3$ развивается чувство удачи при игрѣ въ карты.

Относительно чувства неудачи даны отвѣты: за $^1/_4$ одинъ за $^1/_4$ трое, за $^1/_2$ шесть; тогда какъ средній отвѣтъ о чувствѣ удачи выходитъ $^3/_8$ или нѣсколько выше $^1/_3$, отвѣтъ о чувствѣ неудачи — $^2/_5$, или на $^1/_{40}$ выше, что, разумѣется, произошло случайно. Я думаю, что и для неудачи болѣе близкое опредѣленіе дается дробью $^1/_3$. На вопросъ, касавшійся сокращенія срока путешествія, отвѣты даны были слѣдующіе: три $^1/_6$, по три $^1/_5$, $^1/_4$, $^1/_3$, пять $^1/_2$; средній отвѣтъ получается $^{17}/_{64}$ или не много выше $^1/_4$; нѣкоторое пониженіе его противъ выше приведеннаго произошло оттого, что длинное путешествіе связано съ нѣкоторыми страданіями, сокращеніе его должно еще цѣниться какъ избавленіе отъ неудобствъ и потому въ этомъ пунктѣ нѣкоторые отвѣчавшіе оказались чувствительнѣй къ удачѣ, чѣмъ при игрѣ въ карты. Лично я считаю и здѣсь допустимою $^1/_3$.

Есть большая вѣроятность, что законъ $^1/_3$ есть норма, управляющая и возрастаніемъ чувства удачи. Для всякого дальнѣй-

шаго повышенія его необходима надбавка въ $^1/_3$ къ существующему впечатлѣнію. Беремъ случай игры въ карты. Играющій, положимъ по 1 коп. въ вистъ, слѣдитъ за своимъ выигрышемъ и замѣчаетъ, что онъ доходитъ до 10 руб.: у него развивается чувство удачи. Сколько еще долженъ онъ выиграть и прибавить къ 10 руб., чтобъ въ немъ явилось новое чувство удачи, т. е. повышенное на одну степень. Очевидно, прибавка одного рубля этого чувства не увеличитъ; прибавка двухъ рублей возбудитъ новое чувство удовольствія ($^1/_5$), но не удачи: выигрышъ долженъ простираться по-крайней-мѣрѣ на $^1/_3$ десяти рублей, чтобы свою игру субъектъ сталъ считать еще болѣе удачной. Слѣдовательно, если удача первой степени разовьется при 10 рублевомъ выигрышѣ, то вторая явится при 13—14 рубляхъ, третья при 17—18, четвертая при 23—24, пятая — 31—32-хъ. При большей или меньшей игрѣ, конечно, и прогрессіи будутъ другія.

Думаю, что возникновеніе и чувства неудачи подчиняется тому же закону $^1/_3$. Неудовольствіе проигрыша начнется ранѣе, чѣмъ будетъ проиграна $^1/_5$ часть карточнаго капитала въ карманѣ: оно начнется уже съ потери $^1/_{10}$ (мы говорили въ свое время, что чувство лишенія начинается съ потери $^1/_{10}$ имѣющагося наличнаго блага), но чувствовать свою неудачу субъектъ начнетъ не ранѣе, чѣмъ проиграетъ также 10 руб., т. е. $^1/_3$ своихъ наличныхъ денегъ, и она будетъ возрастать въ его сознаніи, когда такой проигрышъ увеличится еще на $^1/_3$. Равнымъ образомъ путешественникъ, пребываніе котораго въ дорогѣ продолжилось сверхъ ожиданія, будетъ чувствовать собственную неудачу, и именно, это чувство получитъ онъ въ томъ случаѣ, когда путешествіе его затянется на $^1/_3$ противъ предположеннаго срока: напр. ѣдущій въ Иркутскъ, будетъ чувствовать свою неудачу, если вмѣсто обыкновенныхъ 6 недѣль, онъ проведетъ въ дорогѣ 8-мь, или кому слѣдуетъ прибыть къ мѣсту назначенія въ 3 дня, когда онъ прибудетъ чрезъ 4 дня. Про торговца нельзя просто утверждать, что потеря $^1/_3$ оборотнаго капитала пробуждаетъ въ немъ чувство неудачи. Чтобъ опредѣлить, когда оно явится, для этого нужно принять въ соображеніе нѣкоторыя другія данныя. Лицо пускало свой капиталъ въ оборотъ въ надеждѣ пріобрѣсть на него извѣстный процентъ: положимъ, оно полагало имѣть обыкновенную торговую прибыль 20%. Слѣдовательно, если онъ проторговалъ цѣлый годъ, какъ говорятъ въ ничью, то онъ, въ своемъ представленіи, лишился ожидавшейся прибыли, и такъ какъ она со-

ставляетъ $^1/_5$ противъ доли капитала его, то чувство неудовольствія и лишенія будетъ значительно. Если же сверхъ того, на своей торговлѣ онъ потеряетъ еще $^1/_{10}$ часть оборотнаго капитала, то его потеря въ сложности достигаетъ почти $^1/_3$ того, что, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ бы имѣть въ концѣ года. У него развьется уже чувство неудачи. Поэтому всѣ подобнаго рода потери переносятся очень тяжело.

Чувство забавы.

Обратимся теперь къ опредѣленію существеннаго въ комическомъ чувствѣ элемента — забавы. При анализѣ комизма мы видѣли, что онъ противоположенъ трагизму, и элементу ужаса въ послѣднемъ мы противопоставили чувство забавы въ первомъ. При страхѣ мы сторонимся отъ впечатлѣнія, стараемся уйти отъ него; оно подавляетъ насъ. Ему должно быть противоположно такое чувство, при которомъ мы принимаемъ впечатлѣніе за нѣчто несеріозное, подчиняемъ его себѣ и дѣлаемъ изъ него что хотимъ. Это и есть чувство шутки или забавы. Когда развивается это чувство?

Дитя играетъ и забавляется нѣкоторыми предметами, такъ называемыми, игрушками. Взрослый иногда забавляется, играя мячемъ, пакетомъ съ покупками, или книгой, перебрасывая ихъ съ руки на руку, всячески повертывая, подкидывая ихъ и т. под. Остановимся прежде всего на послѣднемъ примѣрѣ. Такъ забавляться и шутить возможно не со всякимъ предметомъ: напримѣръ, если пакетъ съ покупками вѣситъ одинъ пудъ, даже полпуда, забавляться такою тяжестію мы не будемъ. Если бы мячь для игры вѣсилъ даже 10 фунтовъ, то онъ явно былъ бы неудобенъ для игры въ него даже взрослымъ. Книгу — фоліантъ, вѣсящій свыше 10 фунтовъ, мы не станемъ, во время разговоровъ съ знакомымъ, перебрасывать съ руки на руку, подбрасывать и т. под. Вещи, могущія становиться хотя на моментъ нашими игрушками, должны имѣть извѣстный малый вѣсъ. Далѣе, для разныхъ личностей этотъ вѣсъ долженъ быть неодинаковъ. Чѣмъ взрослый и сильный мущина можетъ еще забавляться, то не будетъ составлять предметъ забавы для женщины, или для юноши съ неокрѣпшею мускулатурою: для послѣднихъ онъ перестанетъ быть предметомъ забавы, такъ какъ довольно тяжелъ. Съ другой сто-

роны, вещь, превращаемая въ игрушку, или предметъ забавы, не можетъ быть произвольно легкаго вѣса. Такого рода предметы, которые не требуютъ ни малѣйшаго напряженія, не могутъ и забавлять: наприм. маленькій шарикъ бумажки взрослый не станетъ перекидывать съ руки на руку, потому, что онъ уже слишкомъ малъ. Если бы взрослые мужчины собрались играть въ мячь, то послѣдній долженъ имѣть извѣстный вѣсъ: маленькіе мячи, годные для трех-, пятилѣтнихъ мальчиковъ не годятся для двадцатилѣтнихъ молодыхъ людей. Для игры и забавы вещію требуется, чтобы она имѣла нѣкоторый вѣсъ и поднятіе, подкидываніе, перебрасываніе ея сопровождалось чувствомъ нѣкотораго мускульнаго напряженія.

Слѣдовательно, есть maximum вѣса для предмета, могущаго, служить для забавы, и если онъ болѣе тяжелъ, то требуетъ уже серіознаго напряженія мускуловъ; существуетъ и minimum вѣса, ниже котораго предметъ, не вызывая сознательнаго мускульнаго ощущенія, кажется ничѣмъ и не годится для игры, забавы. Эти maximum и minimum должны находиться въ извѣстномъ опредѣленномъ отношеніи къ мускульной силѣ играющихъ индивидуумовъ и притомъ, наибольшій допустимый вѣсъ игрушечнаго предмета долженъ находиться въ опредѣленномъ отношеніи къ maximum'у мускульнаго напряженія, возможнаго для субъекта, minimum же къ первому серіозному напряженію его. Оба предѣла вѣса игрушекъ, очевидно, должны быть въ опредѣленномъ отношеніи къ предѣламъ вверхъ и внизъ серіозныхъ мускульныхъ усилій играющихъ.

Я дѣлалъ надъ собою опыты, именно, чтобъ опредѣлить какого вѣса книгою я могъ бы, что называется, играть: перекидывать съ руки на руку, слегка подбрасывать и т. д., и при этомъ разговаривать съ другими, не обращая на нее особеннаго вниманія, т. е., чтобъ не было сознанія, что въ рукахъ у меня вѣсская вещь, манипулированіе съ которою невольно сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе и требуетъ нѣкотораго значительнаго усилія. Я нашелъ, что книгою въ 2 ф. играется довольно удобно, книгою въ 3 фун. едва играется, а книга въ 4 фун. уже для перебрасыванія и забавы негодится. Теперь, крайній вѣсъ который я могу поднять правою рукою $=87$ ф., лѣвою $67=154$, книга въ 3 ф., которою едва могу играть и которая представляетъ для меня maximum вѣса, къ которому могу относиться шутливо, составляетъ $^{3}/_{154}$ мускульной силы обѣихъ рукъ.

Резиновый мячь средней величины, которымъ могъ бы я согласиться играть, вѣситъ приблизительно $^1/_3$ фунта. Пробуя на винтовыхъ вѣсахъ, на которомъ фунтѣ чувствуется первое серіозное усиліе въ рукѣ, я нашелъ, что оно начинается при 15-ти фунтахъ. Значитъ для меня тяжесть въ 15 ф. есть первая тяжесть, требующая не полушутливаго напряженія мускуловъ руки, а серіознаго: $^1/_{50}$ часть 15-ти фунтовъ составляетъ $^{15}/_{50}$ ф., $^3/_{10}$ или немного менѣе $^1/_3$ ф.

Слѣдовательно, по-крайней-мѣрѣ для меня, maximum и minimum вѣса предмета, которымъ я могъ бы шутить, составляетъ $^1/_{50}$ часть maximum и minimum вѣса, поднимаемаго посредствомъ серіозныхъ усилій моей мускульной системы.

Тоже самое замѣчается и на дѣтскихъ игрушкахъ. Тѣ роды ихъ, которые предназначаются для перебрасыванія, подкидыванія, не могутъ быть произвольнаго вѣса, а должны быть въ опредѣленномъ отношеніи къ мускульной силѣ ребенка. Онѣ имѣютъ maximum и minimum своего вѣса, ниже и далѣе которыхъ становятся недостигающими цѣли. Притомъ, извѣстно, что не для каждаго возраста пригодны однѣ и тѣ же игрушки, именно по своему вѣсу: для малаго ребенка негодятся нѣкоторыя игрушки отрока, потому, что для него тяжелы; на оборотъ, многія игрушки перваго незабавляютъ послѣдняго, ибо слишкомъ легки и кажутся ему ничтожными. Мальчикъ 4-хъ лѣтъ; maximum поднимаемаго имъ вѣса — 10—11 ф., minimum, требующій серіознаго усилія — 4 ф.; мячикъ, въ который онъ охотно играетъ, вѣситъ $^1/_5$ часть ф., что составляетъ $^1/_{50}$ ч. 10 ф. ($^{10}/_{50} = ^1/_5$). Дѣвочки играютъ въ куклы, при чемъ большія и относительно тяжелыя по вѣсу, обыкновенно, усаживаются ими на мѣсто, или кладутся въ постель, т. е. ихъ мало держатъ на рукахъ и не подкидываютъ; тѣ же куклы, съ которыми продѣлываются подобныя забавы, и съ которыми дѣвочки часто носятся, вѣсятъ обыкновенно отъ $^1/_4$ ф. до $^1/_2$ ф. Но maximum мускульнаго напряженія дѣвочекъ, которыхъ здѣсь я имѣлъ въ виду, соотвѣтствуетъ: 6-ти лѣтъ — 13 ф., 8-ми лѣтъ — 21, 9—22. Слѣдоват. кукла въ $^1/_4$ ф. для первой будетъ составлять $^1/_{52}$ maximum'а ея мускульнаго напряженія, кукла въ $^1/_2$ ф. для второй будетъ $^1/_{42}$ и для третьей $^1/_{44}$. Трудно сдѣлать опыты надъ наименьшимъ вѣсомъ забавляющихъ ихъ вещей, но какъ я думаю, едва ли первая дѣвочка нашла бы для себя забавной игру въ мячь, вѣсъ котораго менѣе $^1/_{10}$ ф. (первое серіозное усиліе ея

правой руки показало на вѣсахъ 5 ф.; 5 ф. : $^1/_{50} = {}^5/_{50} = {}^1/_{10}$), вторая (первое серіозное усиліе показало: 7 ф. : $^1/_{50} = {}^7/_{50}$) менѣе $^1/_7$ ф. и третья (8 ф. : $^1/_{50} = {}^8/_{50}$) $^1/_6$.

Я дѣлалъ нѣсколько опытовъ со студентами: мы опредѣляли maximum напряженія рукъ, правой и лѣвой, и каждый выбиралъ какую либо изъ моихъ книгъ, которою могъ бы играть, т. е. перекидывать съ одной руки на другую, подбрасывать вверхъ, не дѣлая серіозныхъ усилій; при этомъ, книга выбиралась такая, которая, представляла maximum вѣса, допустимаго при упомянутомъ манипулированіи, такъ что если бы взять другую, не много потяжелѣе, то она уже не годилась бы для этой цѣли. Такъ какъ, при игрѣ съ книгою, важна сила рукъ, то, разумѣется меня интересовалъ прежде всего размѣръ ея. Результаты были слѣдующіе: 1) maximum силы правой руки: 46 ф., лѣвой $46 = 92$, вѣсъ книги $1^1/_2$, что составляетъ $^3/_{184}$ суммы мускульной силы обѣихъ рукъ, или около $^1/_{60}$; 2) maximum сила правой руки 36, лѣвой — $37 = 73 = {}^3/_{156}$, или около $^1/_{50}$; 3) 34, $35 = 69$, книга 1 ф. $= {}^1/_{69}$; 4) 35, $34 = 69$; вѣсъ книги 3 ф. $= {}^1/_{23}$; 5) пожилой мущина, 57, $45 = 102$, вѣсъ книги 2 ф. $= {}^1/_{51}$. Четвертый субъектъ далъ показаніе довольно рѣзко отступающее отъ $^1/_{50}$; но я подозрѣваю въ немъ нѣкоторое желаніе отличиться отъ прочихъ въ томъ смыслѣ, что не шуточное для другихъ для него есть еще шуточное: не можетъ быть, чтобы для него съ гораздо болѣе слабыми руками, чѣмъ мои, книга въ 3 ф. была вѣсомъ, удобнымъ для подкидыванія, перебрасыванія и т. д.

Изученіе условій, при которыхъ возникаетъ чувство забавы, можетъ объяснить намъ условія всякихъ игръ на интересъ и разныхъ явленій при нихъ. Игра можетъ быть серіозною, такова игра биржевая, или даже карточная, но крупными кушами, какъ говорятъ, по большой. Такая игра есть дѣло серіозное, выигрыши и проигрыши могутъ достигать большихъ размѣровъ, и они обсуждаются какъ всякія серіозныя пріобрѣтенія или лишенія: наприм. если биржевой дѣятель заработаетъ одну треть того капитала, который онъ пускаетъ въ дѣло, то онъ чувствуетъ удачу, если $^1/_5$, то — удовольствіе; при неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ, развивается чувство неудачи и неудовольствія, напримѣръ, при лишеніи $^1/_{10}$ капитала, возбуждается чувство неудовольствія и неудачи. Оттого, если человѣкъ, пускающій въ оборотъ на биржѣ 6-ть, 7-мь тысячъ, выигрываетъ 100, 200 рублей, то онъ вовсе

не находитъ своего дѣла удачнымъ и даже, если питалъ чрезмѣрныя надежды, чувствуетъ неудовольствіе.

Тѣже сто рублей, выигранные, положимъ, въ карты, доставятъ человѣку огромное удовольствіе, возбудятъ даже иногда радость. 300 рублей, пріобрѣтенные биржевикомъ на биржѣ, спокойно кладутся имъ въ карманъ, какъ будто особеннаго ничего не случилось, и тѣже 300 р., пріобрѣтенные на зеленомъ полѣ, могутъ возбуждать въ немъ не только чувство удачи, но и радостнаго изумленія. Отчего же происходитъ такая разница? Не отъ того, что въ карты сумма выигрывается въ одинъ вечеръ, а на биржѣ въ нѣсколько дней. Еслибы въ одну и туже биржу спекуляторъ предпринялъ и кончилъ операцію, принесшую ему 200, 300 р. выгоды, то они далеко не доставили бъ ему удовольствія, которое онъ получилъ бы, выигравъ эти деньги въ карты.

Причина заключается въ томъ, что биржевыя и торговыя операціи разсматриваются ведущимъ ихъ лицемъ, какъ дѣло серіозное; игра же въ карты есть шутка, забава, по крайней мѣрѣ, по своей идеѣ. Чтобы она не была забавою ничѣмъ, устанавливается извѣстный кушъ, который самъ по себѣ производитъ впечатлѣніе не серіознаго, а шуточнаго: 1 коп. $^1/_2$, $^1/_4$ и т. под. Правильная, не азартная игра должна допускать лишь такіе проигрыши и выигрыши, которые находились бы въ правильномъ, вытекающемъ изъ понятія шутки, отношеніи къ экономическому положенію играющихъ. Говорятъ же, что одна игра тажела, слишкомъ серіозна, другая слишкомъ мала, ничтожна. Когда могутъ быть размѣры игры правильными? можно опредѣлить какъ maximum, такъ и minimum должныхъ размѣровъ игры.

Игра обыкновенно ведется одинъ вечеръ, по окончаніи котораго производится разсчетъ. Такъ какъ я могу играть, т. е. забавляться, каждый вечеръ, то строго говоря, я имѣю право рисковать лишь на свой дневной заработокъ. Но рискъ на весь заработокъ за одинъ день есть уже серіозный рискъ, а не шуточный. Между тѣмъ игра есть только забава или шутка. Сообразно съ условіями возникновенія этого чувства, если я хочу шутить на счетъ своего дневнаго заработка, то я долженъ уменьшить размѣръ риска на $^1/_{50}$. Вотъ на что я имѣю право шутить и могу рисковать его проиграть. По этому, если играющіе получаютъ 3, 4, 10, 20, 30 руб. въ день, то правильная игра будетъ у нихъ тогда, когда они будутъ въ среднемъ рисковать проиграть первый 6 коп., второй 8, третій 20, четвертый 40,

пятый 60 и т. д. Разумѣется, это самое правильное опредѣленіе размѣра игры и такъ какъ нормальное и закономѣрное не особенно охотно принимается людьми, то можно указанное выше опредѣленіе принять за minimum размѣра игры на интересъ.

Игра можетъ быть серіознѣе и также будетъ согласна съ здравыми психологическими основаніями. Для опредѣленія размѣра ея мы должны выйдти изъ другого соображенія. Выше мы неоднократно говорили о томъ, что изъ серіозныхъ пріобрѣтеній тѣ доставляютъ удовольствіе, которыя составляютъ $^1/_5$ къ наличному доходу: такая прибавка возбуждаетъ чувство удовольствія. Но игра есть шутка и забава. Слѣдовательно, въ ней, по общему закону, мы должны разсчитывать получить удовольствіе или неудовольствіе отъ пріобрѣтеній и лишеній въ $^1/_{50}$ менѣе серіозныхъ. Въ ней мы должны довольствоваться выигрышами въ $^1/_{250}$ нашего наличнаго дохода и имѣть чувство удачи при выигрышѣ въ $^1/_{150}$ его, равно мы должны имѣть чувство неудовольствія, когда теряемъ въ игрѣ $^1/_{500}$ (по закону $^1/_{10}$) своего наличнаго дохода. Имѣющій 6000 дохода можетъ дозволять себѣ игру, въ которой онъ можетъ выиграть 24 рубля (6000 : 250=24), имѣть особенное чувство удачи при 40 руб. выигрыша (6000 : 150=40), или проиграть 12 р. (6000 : 500= =12); получающій 4000 годоваго содержаніе можетъ выигрывать 16 р., имѣть чувство удачи при 27 и проиграть 8 руб. Подобная игра, разумѣется, не можетъ быть частою, не должна быть ежедневною и слѣдовательно, должна быть принята за maximum размѣра, допускаемаго благоразумнымъ человѣкомъ.

При всякомъ дальнѣйшемъ повышеніи размѣра игра теряетъ свой шутливый и забавный характеръ. Тотъ человѣкъ, который рискуетъ проиграть $^1/_{10}$ часть своего годоваго дохода или выигрываетъ $^1/_5$ его, уже не играетъ, а ведетъ серіозную операцію въ разсчетѣ на увеличеніе своего дохода. Таковою игра становится еще далеко до приближенія къ этому maximum безразсуднаго своего размѣра.

Съ нашей точки зрѣнія объясняется, почему человѣкъ, потерявшій на торговой или биржевой операціи, или отъ другихъ причинъ 100, 200 рублей изъ своего годоваго дохода, не обращаетъ на то никакого вниманія, и то же самое лицо, проигравшее эти 100,200 руб. въ карты, на рулеткѣ, очень печалится, почему выигрышъ въ карты доставляетъ удовольствіе тому человѣку, который при другихъ обстоятельствахъ не взглянулъ бы

на него. Какъ мы видѣли, его размѣръ опредѣляется не абсолютною его цѣнностію и не въ отношеніи ко всему состоянію человѣка, а къ оборотному карточному капиталу, который онъ привыкъ носить въ карманѣ для игры; послѣдній опредѣляется размѣромъ игры; minimum и maximum размѣра ея опредѣляется по даннымъ, которыя мы выше привели. Теперь, если играющему случается иногда переходить отъ простой игры къ азартной и если онъ проигрываетъ не только свой оборотный карточный капиталъ, но сумму вдвое, втрое или въ пять разъ большую, то разумѣется, у него является горестное изумленіе. Когда проигрышъ принимаетъ размѣръ, имѣющій значеніе для всего годоваго дохода, то онъ принимаетъ характеръ бѣдствія: такой значительный результатъ явился изъ шутки, забавы; оттого проигрышъ $^1/_5$ ч. годоваго дохода производитъ впечатлѣніе ужаса. При 1000 руб. годоваго дохода *проигрышъ* 200 р. значитъ все равно, какъ если бы на серіозномъ какомъ нибудь дѣлѣ такому человѣку потерять 10,000; при 4-хъ тысячахъ проиграть 1350 тоже самое, что потерять около 70,000 т. и какъ послѣднія потери возбудили бы большое чувство страха съ удивленіемъ, такъ точно дѣйствуютъ на человѣка относительно—серіозные проигрыши.

Съ другой стороны, понятно, почему выигрышемъ можетъ интересоваться человѣкъ, который вообще поставленъ въ экономическомъ отношеніи не только удовлетворительно, но и хорошо. Кромѣ того, что человѣка всегда интересуютъ результаты его усилій, хотя бы и шуточныхъ, пріобрѣтеніе въ игрѣ опредѣляется отношеніемъ его къ оборотному карточному капиталу, къ maximum'у дозволяемаго состояніемъ шуточнаго риска. Самъ по себѣ выигрышъ можетъ быть невеликъ, но онъ относительно великъ и тогда чувствованіе удовольствія, удачи является, какъ бы въ самомъ дѣлѣ человѣкъ дѣлалъ серіозныя пріобрѣтенія.

Радость и горе.

Мы видѣли, что чувство удовольствія развивается, когда къ данной обычной суммѣ нашего благосостоянія прибавляется $^1/_5$ часть, и чувство удачи, — когда нашими усиліями достигается увеличеніе его, или сокращеніе какихъ-либо трудностей и тяготъ на $^1/_3$. Но съ чувствами удовольствія и удачи находится въ тѣсной связи чувство радости. Оно можетъ развиваться, какъ мы видѣли, по

поводу неожиданно большого расширенія нашихъ матеріальныхъ средствъ и въ этомъ отношеніи можно сдѣлать попытку точнѣйшаго опредѣленія условій возникновенія разбираемаго чувства.

Опорою для нашихъ выводовъ служатъ слѣдующія, принимаемыя нами за вѣрныя, положенія. 1) Первоначальною мѣрою, по которой мы оцѣниваемъ размѣръ увеличенія комфорта, или благосостоянія, служитъ minimum надбавки къ нимъ, потребный для того, чтобы возбудилось удовольствіе вообще: именно, онъ, а не что-либо другое, должно быть принято здѣсь въ основаніе вычисленія. Человѣкъ, получившій значительное наслѣдство въ придачу къ имѣющемуся уже у него состоянію, радуется. Чему онъ радуется? Тому, что судьба дала значительную надбавку къ имѣющимся у него средствамъ: еслибъ она дала менѣе полученной, онъ радовался бы менѣе или совсѣмъ не радовался.

2) Въ волненіи радости, какъ таковой, есть несомнѣнно волненіе удивленія. Каждый радующійся чему бы то ни было удивляется событію, его обрадовавшему: оно кажется ему событіемъ большой важности, составляющимъ большую надбавку къ его счастію, большую до удивительности.

Но мы уже опредѣлили, какая надбавка къ данному благосостоянію, возбуждаетъ едва замѣтное удовольствіе: это одна пятая, и также опредѣлено нами, когда въ какихъ случаяхъ возбуждается удивленіе. Въ данномъ случаѣ, собственно надбавка къ существующему благосостоянію представляется удивительною: слѣдовательно, она въ пять разъ болѣе — того minimum'а, который возбуждаетъ удовольствіе.

Предположимъ, что субъектъ имѣетъ въ годъ 3000 р. дохода, — они составляютъ его матеріальное благосостояніе. Надбавка $^1/_5$ возбудитъ въ немъ чувство удовольствія. Она будетъ казаться удивительною, если въ пять разъ будетъ превосходить этотъ minimum, т. е. когда будетъ равняться $^5/_5$, или когда удвоится сумма благосостоянія. Моментъ наступленія удивленія есть начало и радости: ибо, въ сущности, она есть сильное удовольствіе съ характеромъ удивленія.

Слѣдовательно, при всякомъ удвоеніи благосостоянія, ведущемъ за собою расширеніе свободы и круга дѣятельности субъекта, въ немъ развивается чувство радости. Если служащій повышается на ступеняхъ служебной Іерархіи такъ, что его кругъ дѣятельности и экономическое положеніе удвояются, онъ испытываетъ радость.

Чувство радости возникаетъ не отъ однихъ только положительныхъ надбавокъ къ суммѣ нашего благосостоянія. Оно является и бываетъ очень интенсивно, когда сбавляется доля тягостей и лишеній, въ томъ или другомъ отношеніи удручающихъ насъ. Съ какою радостію встрѣчаетъ больной облегченіе отъ болѣзни! она продолжается еще, но ему стало легче и это его радуетъ. Человѣкъ вдругъ избавляется отъ части долговъ, его безпокоившихъ и это его радуетъ. Когда въ этихъ случаяхъ наступаетъ моментъ радости?

Въ свое время мы видѣли, что чувство лишенія и неудовольствія является, когда субъектъ лишается $^1/_{10}$ своего благосостоянія. Отнимается одна десятая часть дохода, прибавляется десятая часть утомительной дороги и т. под.; во всѣхъ этихъ случаяхъ субъектъ испытываетъ непріятное чувствованіе. Слѣдовательно, устраненіе уже одной десятой доли удручающихъ лишеній должно чувствоваться субъектомъ и доставлять ему облегченіе въ его горѣ. Когда устранится въ пять разъ бо́льшая часть стѣсняющихъ обстоятельствъ, то чувство облегченія и сопровождающее его удовольствіе должны соединяться съ удивленіемъ. Но удовольствіе съ удивленіемъ есть уже радость: она наступитъ, когда снимется съ субъекта $^1/_5 \times 5 = {}^5/_{10}$, или $^1/_2$ тягостей.

Слѣдовательно, чувство радости, при освобожденіи отъ удручающихъ обстоятельствъ, наступаетъ, когда сумма бѣдствія уменьшается на половину.

Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Субъектъ будетъ чувствовать удовольствіе, когда съ него снимается $^1/_{10}$ часть безпокоющаго его долга и по мѣрѣ увеличенія снимаемой доли оно будетъ увеличиваться. Но чувство облегченія, доходящее до степени радости, возникнетъ въ субъектѣ, когда съ него снимутъ, простятъ ему, или онъ найдетъ возможнымъ самъ заплатить minimum половину, безпокоящаго его, долга. Съ чувствомъ радости человѣкъ садится въ вагонъ желѣзной дороги, сокращающей ему тяготу путешествія, по крайней мѣрѣ на половину; съ такимъ же волненіемъ встрѣчаетъ темничный узникъ вѣсть о сокращеніи срока заточенія на половину; или банкротъ радуется, когда изъ крушенія, грозившаго поглотить все его состояніе, онъ успѣваетъ спасти половину его.

Чувство горя основывается главнымъ образомъ на чувствѣ лишенія и какъ радость возникаетъ отъ удовольствія, такъ и горе является отъ неудовольствія, возникающаго изъ какихъ

либо громадныхъ потерь, стѣсненія свободы и т. п. Человѣкъ горюетъ о томъ, что стѣсненіе слишкомъ велико, потери невозвратимы и громадны; онъ удивляется ихъ размѣру. Слѣдовательно, во 1-хъ, элементъ горя зарождается въ душѣ въ тотъ моментъ, когда она чувствуетъ неудовольствіе по поводу уменьшенія своего счастія, своего благосостоянія, и во 2-хъ, въ горѣ, какъ и въ радости, должно быть чувство удивленія.

Но чувство лишенія и неудовольствія развивается при потерѣ $^1/_{10}$ благосостоянія, намъ привычнаго. Значитъ, чувство горя должно развиваться по другому закону, чѣмъ радость. Послѣдняя является, какъ мы видѣли выше, изъ чувства удовольствія, наступающаго, когда къ суммѣ счастія прибавляется $^1/_5$. Элементъ удивленія и въ горѣ слѣдуетъ тому же закону, какъ и въ радости. Горе должно наступить, когда лишеніе въ пять разъ будетъ болѣе minimum, потребнаго, чтобъ возбудилось чувство лишенія и неудовольствія. Принимая, что такой minimum есть $^1/_{10}$, лишеніе въ пять разъ большее явится при потерѣ $^5/_{10}$ благосостоянія, или чувство горя является, когда счастіе, свобода и вообще благосостояніе уменьшаются на половину.

Такимъ образомъ, горестное чувство является, когда человѣкъ лишается половины своего состоянія, имущества, когда въ половину сокращается его власть, вліяніе. Въ дѣлахъ шутки, наприм. карточной игрѣ, проигравшій половину карточнаго своего капитала испытываетъ чувство, также подходящее къ горю. И если не всегда оно въ такихъ случаяхъ развивается, то потому, что состоятельный игрокъ съ относительной оцѣнки переходитъ тотчасъ къ абсолютной и тѣмъ парализуетъ чувство: напримѣръ, проигравшій 20 руб. изъ сорока, бывшихъ въ карманѣ, испытываетъ нѣсколько горькое чувство, потому что для забавы такой проигрышъ значителенъ; но онъ сейчасъ же утѣшается, думая о 20-ти руб., какъ абсолютной цѣнности и соотнося ихъ не къ своему карточному капиталу, а къ цѣлому своему состоянію; тогда этотъ проигрышъ можетъ казаться играющему ничтожною потерею и помраченное чело его проясняется.

Какъ возрастаютъ чувства радости и горя? По аналогіи прочимъ чувствамъ, слѣдуетъ предполагать, что они возрастаютъ по степенямъ, соотвѣтственно главнымъ элементамъ, изъ которыхъ они слагаются. Какъ мы видѣли, эти элементы суть удовольствіе, неудовольствіе и удивленіе. Радость, какъ и горе должны развиваться параллельно возрастанію того и другого чувства, и такъ какъ есть основаніе думать, что радость есть удовольствіе высшихъ степе-

ней, а горе неудовольствіе самое глубокое, то ихъ степени должны быть опредѣляемы, какъ вообще степени удовольствія и неудовольствія. Мы уже говорили, что радость возникаетъ, когда сумма благосостоянія увеличивается вдвое, горе, когда она уменьшается на половину, т. е. становится вдвое меньше. Такъ какъ увеличеніе благосостоянія должно вообще возбуждать чувство удовольствія и оно является, когда увеличеніе простирается на $^1/_5$, и въ своемъ возрастаніи управляется приблизительно этимъ же закономъ $^1/_5$, то къ моменту наступленія радости удовольствіе достигаетъ уже 4-й степени (обозначимъ сумму благосостоянія цифрою 50, послѣдовательное увеличеніе будетъ выражаться такъ: 60, 72, 86, 103). Со всякимъ дальнѣйшимъ увеличеніемъ благосостоянія будетъ возрастать и чувство удовольствія: 5-я степень удовольствія будетъ при 123, 6-я 148, 7-я 178, 8-я при 214, 9-я 257, 10-я 307 и т. д. Но при достиженіи 300 возрастаетъ чувство удивленія на цѣлую степень и т. д. Когда сумма благосостоянія возрастетъ въ 11 разъ, то явится чувство грандіозности своего счастія: ибо тогда надбавка къ благосостоянію въ $^1/_5$, возбуждающая удовольствіе, станетъ въ 50 разъ болѣе ($^1/_5 \times 50 = {}^{50}/_5 = 10 + 1 = 11$); по разсчету, это будетъ при 13-й степени удовольствія (368, 441, 529).

Подобнымъ образомъ должно возрастать и чувство горя. Оно является, когда степень неудовольствія достигаетъ 6-й степени (50, 45, $40^1/_2$, 36, $32^1/_2$, 26 — уменьшеніе на половину). Надобно замѣтить, что при чувствѣ горя должна развиваться какъ отрицательная, такъ и положительная гамма чувствованій цѣнности. Такъ, при уменьшеніи благосостоянія на половину должно явиться удивленіе къ великости потери, при уменьшеніи въ 5 разъ, т. е., когда отъ благосостоянія остается $^1/_5$, должно явиться презрѣніе къ новому своему положенію, при уменьшеніи въ 50 разъ, когда остается $^1/_{50}$ — чувство мизерности и малости новаго положенія. Въ большомъ горѣ, дѣйствительно, есть всѣ упомянутыя чувствованія. Понятно, что къ моменту уменьшенія благосостоянія въ 50 разъ чувство неудовольствія достигнетъ самыхъ высокихъ степеней: по приблизительному вычисленію къ этому моменту оно доходитъ почти до 30 степени и этотъ фактъ, что горе начинается при наиболѣе интенсивной степени неудовольствія (6-й ст.), тогда какъ радость при 4-й, и что къ появленію чувства мизерности, неудовольствіе въ горѣ достигаетъ уже 30-й степени, тогда какъ въ радости чувство

грандіозности является при наступленіи 13-й степени удовольствія, снова указываетъ на выводъ, что человѣческое сердце вдвое чувствительнѣе къ лишеніямъ, чѣмъ къ пріобрѣтеніямъ, и что оно тяжелѣе переживаетъ горестныя событія, чѣмъ радуется радостнымъ.

Опять просимъ читателя принимать эти и подобныя наши исчисленія только за приблизительныя и вѣроятныя: и здѣсь дѣло не въ нихъ, а въ разъясненіи того, какъ могло бы чувствованіе возрастать въ степеняхъ, если только оно управляется какимъ либо закономъ, что, говоря вообще, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Мы говорили притомъ о возрастаніи радости и горя почти абстрактно, не принимая во вниманіе конкретныхъ усложненій, которымъ оно всегда почти подвергается. Такъ, мы говорили объ увеличеніи и уменьшеніи только матеріальнаго благосостоянія, но въ сумму счастія входитъ и положеніе общественное, степень власти, которою располагаетъ субъектъ, моральныя отношенія къ людямъ и т. д. На примѣрахъ чиновниковъ, повышающихся и понижающихся на лѣствицѣ чиновной Іерархіи, мы видѣли, наприм., что при пониженіи на одну степень субъектъ уменьшается въ $2^1/_2$ раза, на три же степени въ 11 разъ (при поднятіи онъ соотвѣтственно увеличивается). По нашему вышеприведенному разсчету, при пониженіи своемъ на одну степень, субъектъ долженъ имѣть уже чувство горя, высокую степень неудовольствія, чувство удивленія къ своей потерѣ, а при пониженіи на три степени, высочайшую степень неудовольствія, поднявшееся удивленіе, чувство презрѣнія къ своему положенію; при поднятіи на три степени — высокую степень удовольствія, удивленія и даже чувство грандіозности надбавки благосостоянія. Такъ какъ всякія событія, колеблющія наше счастіе или увеличивающія его, многосторонне захватываютъ насъ, то понятно, почему сердце, слѣдуя своимъ законамъ, такъ глубоко волнуется радостію или горемъ, по поводу ихъ. Можетъ быть и то, что человѣкъ получаетъ ограниченную сумму счастія, избавляющую его отъ большихъ лишеній и страданій: онъ встрѣтитъ ее глубокимъ волненіемъ радости, потому что ко многимъ степенямъ ея, развившимся по поводу освобожденія отъ страданій, присоединятся въ данномъ случаѣ еще нѣсколько степеней по поводу положительнаго, хотя и не большаго, счастія и т. д.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чувства силы и безсилія.

Чувство силы развивается въ индивидуумѣ при борьбѣ съ какими либо препятствіями. Анализируя его, мы нашли въ немъ чувства удачи, довольства собою и собственнаго превосходства. Первое чувство нами уже разобрано и оказалось, что оно развивается, когда надбавка къ обладаемому благополучію достигаетъ $^1/_3$. Что отличаетъ особенно чувство силы, такъ это — чувство превосходства. Оно можетъ имѣть физіологическое основаніе и моральное. Мы говоримъ о чувствѣ умственной силы, нравственной — наприм. силы характера. Браться прямо за опредѣленіе, при какомъ отношеніи двухъ нравственныхъ силъ возникаетъ разбираемое чувство, мы не можемъ: трудно найти единицу для измѣренія. Но чувство силы можетъ имѣть, какъ мы сказали, физіологическое основаніе. Мы различаемъ сильныхъ и безсильныхъ людей и животныхъ по степени ихъ мускульной силы, т. е. напряженія, развиваемаго мускульною системою. По отношенію къ безсильнымъ, сильный чувствуетъ свою силу: послѣ неоднократной борьбы, побѣдитель наконецъ сознаетъ свою силу сравнительно съ побѣжденнымъ. Чувство силы можетъ быть и относительно матеріальныхъ предметовъ. Тяжесть ихъ означаетъ собственно степень противодѣйствія, оказываемаго ими нашимъ желаніямъ двигать ихъ и распоряжаться ими по нашему усмотрѣнію. Одними предметами мы распоряжаемся, какъ хотимъ, можемъ ихъ двигать, повертывать, поднимать: по отношенію къ нимъ мы чувствуемъ силу; съ другими предметами мы не можемъ дѣлать это и чувствуемъ по отношенію къ нимъ свое безсиліе. Такъ какъ впечатлѣнія такого рода могутъ быть точно опредѣляемы, то здѣсь возможно ставить вопросы съ надеждою на нѣкоторое ихъ разрѣшеніе. Когда мы получимъ отвѣты на нихъ, то можно сдѣлать приблизительное заключеніе о чувствѣ силы, опирающемся на нравственныя основанія.

Первый вопросъ нашъ будетъ слѣдующій: при какомъ перевѣсѣ силы надъ противодѣйствіемъ является въ насъ чувство ея. 2) Какъ возрастаетъ оно; 3) нѣтъ ли объективной единицы для

измѣренія чувства силы вообще, которою мы сознательно или безсознательно измѣряемъ всякаго рода противодѣйствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляемъ и чувство силы.

При какомъ перевѣсѣ силы надъ противодѣйствіемъ является въ насъ чувство ея? Отвѣта на этотъ вопросъ прежде всего поищемъ въ отношеніяхъ нашихъ къ матеріальнымъ вещамъ. Между ними мы различаемъ тяжелыя и легкія; съ послѣдними мы управляемся по нашему желанію, съ первыми или совсѣмъ не можемъ справиться, или справляемся съ большимъ трудомъ. По отношенію къ тѣмъ матеріальнымъ предметамъ, которыхъ тяжесть не можетъ быть побѣждена нашимъ мускульнымъ напряженіемъ, мы чувствуемъ себя, понятно, безсильными. Но и относительно тяжелыхъ вещей, которыя только едва могутъ быть сдвинуты съ мѣста или подняты, мы хотя и чувствуемъ себя въ состояніи, при нуждѣ, бороться съ ихъ противодѣйствіемъ, тоже не имѣемъ чувства силы. Когда поднятіе предмета, движеніе его, требуетъ сильнѣйшаго мускульнаго напряженія, мы не охотно уже беремся за работу во второй разъ: противодѣйствіе тяжести слишкомъ серіозно, чтобъ мы чувствовали себя господами надъ нею. Чтобы явилось чувство силы относительно какого либо предмета, необходимо, чтобы мы могли двигать его безъ большого напряженія, хотя съ усиліемъ, но не истощающимъ насъ скоро. О человѣкѣ, который съ усиліемъ едва едва поднялъ вещь, мы не скажемъ, что онъ долженъ имѣть чувство силы по отношеніи къ ней: о силачѣ, который хотя съ нѣкоторымъ усиліемъ, но безъ затрудненія перенесъ тяжелую вещь, мы скажемъ именно такъ. Спрашивается, съ какого рода вещами это бываетъ? Положимъ, взрослый человѣкъ изъ образованнаго класса, какъ обыкновенно, съ неособенно развитою мускулятурою, поднимаетъ 150 фунтовъ, т. е. около четырехъ пудовъ. 3 пуда все еще будетъ составлять тяжесть довольно большую; ее можно поднять на футъ высоты, сдѣлать съ нею шага два, но мускульное напряженіе скоро истощится, за утомленіемъ явится и чувство безсилія. Тоже самое будетъ съ тяжестями около трехъ пудовъ, наприм. 115, 110 фунтовъ. Но, судя по своему опыту, я думаю, что человѣкъ, поднимающій около четырехъ пудовъ, съ чувствомъ силы возьмется за $2^1/_2$ пуда, подниметъ ихъ не особенно принужденно, перенесетъ на нѣкоторое разстояніе, однимъ весьма энергичнымъ усиліемъ можетъ даже поднять ихъ на высоту своей головы, хотя бы на одинъ моментъ.

По отношенію къ двумъ пудамъ съ половиною, такой человѣкъ будетъ имѣть нѣкоторое, хотя небольшое чувство силы: $2\frac{1}{2}$ пуда менѣе 150 ф. на $\frac{1}{3}$.

Сильный человѣкъ имѣетъ чувство силы по отношенію къ менѣе сильному. При равенствѣ силъ субъекты не могутъ имѣть упомянутаго чувства. Но не всякое неравенство возбуждаетъ его: если борцы, хотя различной силы, но мало уступаютъ другъ другу и ни кто изъ нихъ не въ состояніи рѣшительно и съ легкостію побѣдить другого, то въ болѣе сильномъ все таки не можетъ развиться чувство силы по отношенію къ другому: онъ будетъ абстрактно знать, что онъ сильнѣй другого, но не будетъ чувствовать того. Чтобы имѣть такое чувство, онъ долженъ безспорно превосходить другого своею силою, управляться имъ по собственному усмотрѣнію: захочетъ повалить — повалитъ, поднять вверхъ — подниметъ и понесетъ на нѣкоторое разстояніе. Но это возможно, когда противодѣйствіе другого борецъ побѣждаетъ хотя съ усиліемъ, но безъ чувства тягостнаго напряженія, когда онъ съ тяжестію тѣла противника и съ его мускульною силою обходится также, какъ онъ обошелся бы и съ тяжестію, поднятою съ земли. Такое обхожденіе возможно лишь въ томъ случаѣ, какъ это мы видѣли выше, когда субъектъ способенъ развить мускульную силу, большую по-крайней-мѣрѣ на $\frac{1}{3}$ сравнительно съ противодѣйствіемъ, представляемымъ тяжестію тѣла. Примѣняя этотъ выводъ къ отношеніямъ людей, мы скажемъ: тотъ человѣкъ въ мускульномъ отношеніи чувствуетъ предъ другимъ свою силу, который на $\frac{1}{3}$ сильнѣе другого.

Чувство силы, въ данномъ случаѣ только мускульной, возрастаетъ съ дальнѣйшимъ уменьшеніемъ тяжести тѣлъ, съ которыми субъекту приходится имѣть дѣло. Однако, не всякое уменьшеніе чувствуется нами. Въ главѣ объ ощущеніяхъ говорилось, что едва замѣтная разность между тяжестями можетъ быть замѣчена нами лишь въ томъ случаѣ, когда она простирается на $\frac{1}{17}$ или $\frac{6}{100}$. Но чувство силы не совпадаетъ съ ощущеніемъ тяжести тѣлъ. Послѣднее есть только ощущеніе разности въ вѣсѣ тѣлъ; чувство же силы есть чувство власти надъ ними, мѣры, въ какой мы можемъ распоряжаться ими, т. е. степени, въ какой воля наша можетъ орудовать ими. Съ этой точки зрѣнія, воля и чувство образуютъ свои категоріи и группы, и смотря потому, въ какой мѣрѣ предметъ подчиняется волѣ, она и сердце относятъ ихъ въ ту или другую. Если бы такихъ категорій было

столько же, сколько можетъ быть категорій болѣе или менѣе тяжелыхъ тѣлъ по ощущенію, тогда мы сказали бы, что чувство силы возрастаетъ пропорціонально возрастанію ощущенія тяжести. Опытъ, однако, не подтверждаетъ того: мы относимся съ одинаковымъ чувствомъ силы къ предметамъ, различно тяжелымъ на мускульное чувство: наприм. вещи въ $2^1/_2$ пуда и 2 п. 10 ф. на ощущеніе различно тяжелы; но чувство силы по отношенію къ нимъ одинаково: обѣ эти тяжести не легки и хотя мы справляемся съ ними, но они требуютъ серіознаго и сильнаго напряженія: поэтому они относятся къ одной и той же категоріи; равно, двухъ пудовые предметы, даже въ 70 фунтовъ, относятся нами все къ одной и той же группѣ вещей, съ которыми мы управляемся, но которыя, намъ кажется, одинаково противодѣйствуютъ нашей волѣ и требуютъ отъ нея равныхъ усилій. Но тяжесть въ 65 ф., повидимому, начинаетъ уже другую категорію предметовъ, требующихъ менѣе усилій, надъ которыми мы болѣе властны, по отношенію къ которымъ чувствуемъ себя и болѣе сильными. За тѣмъ слѣдуютъ тяжести въ 55, 50 и нѣсколько ниже, которыя, составляя одну группу, кажутся намъ въ одинаковой мѣрѣ подвластными. Тяжести же въ 45, 43 ф. кажутся опять отличными отъ предметовъ второй категоріи и эту третью группу составляютъ вещи въ 45, 40, 35, 30, 28 фунтовъ: онѣ кажутся одинаково сподручными. Четвертая категорія будетъ состоять изъ вещей, вѣсящихъ между 28—19 фунтами и т. д.

Чувство силы относительно матеріальныхъ предметовъ, повидимому, возрастаетъ по закону $^1/_3$: вещи, различныя по вѣсу на цѣлую треть, кажутся намъ въ различной мѣрѣ сподручными, подвластными и уступчивыми усиліямъ нашей воли. Первая категорія тяжелыхъ предметовъ начинается съ 100 ф., а вторая — съ 65 ф., т. е. чувство силы возрасло съ уменьшеніемъ тяжести на $^1/_3$, третья — съ 28—30, четвертая съ 19 ф.: во всѣхъ случаяхъ чувство силы становилось больше, когда тяжесть уменьшалась на $^1/_3$.

Тяжести въ 28—30 ф. въ пять разъ менѣе поднимаемой съ большимъ усиліемъ, требующей maximum напряженія мускулатуры субъекта. По закону, приведенному въ своемъ мѣстѣ, такая тяжесть должна возбудить уже чувство, похожее на презрѣніе: сравнительно съ предметомъ во 150 ф. вещь въ 30 ф. должна казаться уже малою; на нее можно смотрѣть какъ бы свысока. Таковую вещь мы считаемъ легкою: и дѣйствительно,

для человѣка, поднимающаго около 4-хъ пудовъ, вещи въ 28—30 ф. кажутся легкими. Чѣмъ болѣе будетъ уменьшаться тяжесть, тѣмъ болѣе она будетъ казаться легкою. Вся четвертая категорія (между 28—19 ф.) вещей, уже принадлежатъ къ разряду легкихъ. Пятая — должна простираться отъ 19 до 12—13 ф., шестая отъ 12 до 8, седьмая до 5, на восьмой категоріи, до 3-хъ ф., мы доходимъ до вещей, которыхъ тяжесть въ 50 разъ менѣе требующей maximum усилій: онѣ должны, по извѣстному намъ закону, возбуждать чувство мизерности, ничтожности; къ ней мы относимся уже шутливо, играемъ съ нею. Чувство силы можетъ развиваться и далѣе, до того предѣла, на которомъ исчезнетъ сознаніе усилія, напряженія: тяжесть, для своего поднятія не требующая никакихъ усилій, даже не обнаруживающая давленія на кожу, уже чувства силы не возбуждаетъ; и за тѣмъ, какія бы еще меньшія тяжести, мы не представляли въ воображеніи, они будутъ возбуждать одинаковое чувство ничтожности. Я думаю, поэтому, что чувство силы можетъ возрастать до третьей степени ничтожности (почти $^1/_{850}$ ф., собственно $^1/_{833}$).

Чувство силы по отношенію къ матеріальнымъ предметамъ начинается съ тѣхъ тяжестей, которыя на $^1/_3$ требуютъ менѣе maximum усилій, возможныхъ для нашей мускульной системы; при всякомъ дальнѣйшемъ уменьшеніи тяжестей на $^1/_3$, оно поднимается на одну степень. По скольку дѣло идетъ объ орудованіи вещами, непосредственно производимомъ только мускульными усиліями индивидуума, можно сказать, что его чувство силы развивается относительно лишь тѣхъ предметовъ, которые, по своему вѣсу, не переступаютъ вышеозначеннаго предѣла, т. е. не тяжелѣй $^2/_3$ вѣса, поднимаемаго вообще индивидуумомъ и не менѣе вещей, возбуждающихъ чувство ничтожности третьей степени. Мы назовемъ такое чувство силы личнымъ, непосредственнымъ. Но оно можетъ быть посредственнымъ. Предметъ не можетъ быть непосредственно сдвинутъ съ мѣста личными усиліями, но человѣкъ можетъ пользоваться усиліями многихъ людей, болѣе сильныхъ, чѣмъ онъ, живыхъ существъ, можетъ пользоваться силами природы для достиженія своихъ цѣлей. Чувство силы развивается, когда мы подчиняемъ предметъ своей волѣ, распоряжаемся имъ: мы назвали его чувствомъ власти надъ вещами. Будемъ ли мы распоряжаться предметомъ своими руками непосредственно, или какими другими орудіями, или пользоваться для того силами самой природы — это все равно, мы будемъ чувствовать власть

надъ нимъ, у насъ будетъ относительно его чувство силы. Поэтому предметы, требующіе болѣе, чѣмъ $^2/_3$ maximum напряженія мускульной силы, тѣмъ не менѣе могутъ возбуждать въ насъ чувство силы. Тяжесть выше 4-хъ пудовъ, въ 5-ть, 6 и до 10—12 пудовъ, не можетъ быть лично поднята лицомъ образованнаго класса, но онъ знаетъ, что онъ можетъ позвать носильщиковъ тяжестей, которые перенесутъ, перемѣстятъ предметъ въ то именно мѣсто, въ которое онъ укажетъ, и онъ чувствуетъ относительно этого предмета свою силу. Огромное количество кулей, сложенныхъ въ амбарахъ, конечно, не можетъ быть сдвинуто съ мѣста самимъ хозяиномъ, но онъ знаетъ, что, по его приказанію, явятся крючники, лошади для переноски и перевозки и огромное множество кулей двинется по направленію, которое онъ укажетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ въ наукѣ сталъ почерпать искусство пользоваться для своихъ услугъ силами природы, онъ началъ чувствовать свою силу надъ растеніями, временемъ, надъ рѣками, озерами, морями, горами. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ и телеграфамъ, онъ побѣждаетъ разстояніе и сокращаетъ время, переплываетъ моря, рѣки и озера, осушаетъ ихъ, пробиваетъ туннели въ горахъ, взрываетъ скалы, измѣняетъ лицо земли, сообразно своему желанію и своимъ цѣлямъ.

Развитіе такого посредственнаго чувства силы имѣетъ свою исторію. Безъ науки, безъ случайныхъ знаній, человѣкъ могъ распоряжаться только тѣми вещами и предметами, которые, по своей тяжести, могли быть сдвигаемы и переносимы имъ съ мѣста на мѣсто. Изобрѣвши рычагъ, и догадавшись о наклонныхъ плоскостяхъ, онъ сталъ передвигать такія вещи, о которыхъ прежде не смѣлъ и подумать: его чувство силы возросло. Пользуясь случайными открытіями, догадливостью и сообразительностію своего ума, онъ началъ постепенно расширять свою власть надъ природою, свое чувство силы. Въ послѣдніе три вѣка онъ сталъ, съ развитіемъ науки, методически расширять это чувство и съ каждымъ успѣхомъ науки, оно все ширится и множится.

Прототипомъ и первообразомъ этого посредственнаго чувства силы служитъ все таки непосредственное. Какъ и послѣднее, первое проходитъ всѣ степени, начиная отъ первой и кончая грандіознымъ чувствомъ силы по отношенію ко всему ничтожному; только, что въ чувствѣ непосредственной силы наше мускульное напряженіе, т. е. средства нашего тѣла, то въ чувствѣ посредственной средства разнообразнаго рода, которыми мы можемъ

располагать по своему усмотрѣнію для цѣлей распоряженія и управленія предметами. Если мнѣ ничего не стоитъ позвать двухъ трехъ носильщиковъ тяжестей, которые перенесутъ куда угодно, вещь, которую я желалъ бы отослать, то я буду чувствовать по отношенію къ ней силу въ такой же степени какъ еслибы дѣло шло о переносѣ книги изъ комнаты въ комнату. Богатому человѣку ничего не стоитъ выстроить домъ, т. е. трата на постройку ни мало не разоритъ его, не будетъ стоить усилія даже собрать средства для того; онъ будетъ имѣть чувство силы, столь же большое, какое человѣкъ средняго состоянія имѣетъ относительно перевозки своихъ вещей съ квартиры на квартиру. Обладая большими матеріальными средствами, многими техническими приспособленіями, инженеръ относится къ пробивкѣ туннеля чрезъ гору съ такимъ же чувствомъ силы, съ какимъ простой небогатый помѣщикъ относится къ постройкѣ моста черезъ рѣченку въ его имѣніи. Начальникъ дивизіи, распоряжаясь сапернымъ баталіономъ и тысячами рабочихъ въ своихъ солдатахъ, относится къ проложенію гати на версты черезъ болото, какъ шуткѣ, все равно, какъ если бы его попросили достать сигару изъ кармана. Это чувство посредственной силы можетъ быть огромное и малое въ одномъ и томъ же человѣкѣ въ разное время. Тотъ же начальникъ дивизіи можетъ чувствовать трудность устроить мостъ черезъ небольшую рѣку, когда люди и безъ того въ расходѣ. Богачъ, относившійся къ постройкѣ дома, какъ шуткѣ, рѣшившись строить другой домъ, и зная, что средствъ останется у него немного послѣ окончанія его, будетъ относиться къ нему уже съ меньшимъ чувствомъ силы. Вообще, насколько наши средства превосходятъ препятствія, воздвигаемыя на пути къ достиженію цѣли, къ распоряженію вещами, въ такой мѣрѣ мы чувствуемъ въ отношеніи послѣднихъ силу, но первоначальнымъ прототипомъ намъ служитъ при этомъ чувство непосредственной силы.

Что не можетъ быть нашими усиліями сдвигаемо съ мѣста, переносимо, или что требуетъ усилій, истощающихъ насъ, по отношенію къ тому мы чувствуемъ безсиліе. Чувство силы развивается, какъ мы сказали, по отношенію къ вещамъ, которыя требуютъ отъ насъ $^2/_3$ maximum'а усилій мускульной системы. Тѣ предметы, которые для своего передвиженія требуютъ усилій свыше упомянутыхъ $^2/_3$, возбуждаютъ въ насъ чувство безсилія: наприм. если субъектъ поднимаетъ только 150 ф. вообще, то

вещи свыше 100 фунтовъ будутъ порождать самое малое чувство безсилія. И такъ какъ оно, подобно чувству силы, возрастаетъ по закону $^1/_3$, то надбавки къ 100 ф. одной трети, т. е. 33—35 ф. уже поднимет чувство безсилія на одну степень, въ данномъ случаѣ, вторую. Очевидно, что здѣсь чувство безсилія начинаетъ развиваться отъ 100 ф. вверхъ, и слѣдоват. надбавку въ $^1/_3$ мы должны исчислять не по maximum напряженія мускульнаго (150 ф.), а по minimum тяжести, возбуждающей minimum чувства силы. Слѣдовательно, прежде чѣмъ достигается maximum' напряженія, достигнется уже вторая степень чувства безсилія: она начнется со 132—5 фунтовъ. Опытъ, повидимому, подтверждаетъ это: вещи въ 110, 120 ф. могутъ быть сдвигаемы съ мѣста, но взявшись за нихъ, мы сейчасъ же видимъ, что силы наши истощаются, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, сознаемся въ своемъ безсиліи нести ихъ далѣе: такія тяжести несподручны намъ, но еще несподручнѣй кажутся предметы въ 138, 140 и 150 ф.; они составляютъ уже вторую категорію вещей, по отношенію къ которымъ мы болѣе безсильны: ихъ еще менѣе мы можемъ передвигать по своему усмотрѣнію. Третья степень безсилія начинается предметами въ 180 ф. и кончается въ 240; пятая категорія съ 320, шестая 427, седьмая 569, восьмая 750.

Уже 6-я степень почти въ пять разъ превосходитъ тяжесть, которая возбуждала едва замѣтное чувство силы; при восьмой мы имѣемъ дѣло съ вѣсомъ въ пять разъ превосходящимъ тотъ вѣсъ, обращеніе съ которымъ вызываетъ maximum напряженія. Слѣдовательно, этотъ вѣсъ долженъ намъ казаться не просто тяжелымъ, но и удивительно несподручнымъ; всякая попытка сдвинуть такую тяжесть должна вызывать въ насъ нѣкоторое презрѣніе къ собственному безсилію. Увеличивается ли чувство безсилія далѣе? даже можетъ возникнуть вопросъ, увеличивается ли оно по отношенію къ тяжестямъ, превосходящимъ наши силы. Не все ли равно для меня, будетъ ли тяжесть въ 7 пуд. или 10, или 50 или 100 и т д.; ни одну изъ нихъ я немогу сдвинуть съ мѣста. Я думаю, однакожь, что тѣмъ не менѣе чувство безсилія увеличивается. Смотря на куль муки, мы чувствуемъ безсиліе, но это чувство еще сильнѣе по отношенію къ кулю соли, хотя и того и другого одинаково мы не можемъ сдвинуть съ мѣста; и еще сильнѣе оно, по отношенію къ каменной глыбѣ, гранитному монументу. Слѣдоват. чувство безсилія возрастаетъ,

но я думаю до извѣстнаго предѣла. Оно перестаетъ возрастать, когда достигаетъ степени, соотвѣтствующей тяжести, кажущейся намъ грандіозно большою, сравнительно съ едва поднимаемыми. т. е. когда тяжесть въ 50 разъ болѣе послѣднихъ. При 150 ф. едва осиливаемыхъ, такая тяжесть будетъ 7500 фунтовъ, или $187^{3}/_{4}$ пудовъ, около 190 пудовъ. Затѣмъ, будетъ ли тяжесть въ 200, 300, 500, 1000 пудовъ, для насъ все равно, мы относимся къ нимъ съ одинаковымъ чувствомъ безконечнаго безсилія. До тяжести въ 187 пудовъ оно успѣваетъ подняться на 16 степень (750, 1000, 1333, 1750, 2330, 3130, 4170, 5570, 7430).

Это чувство безсилія, какъ и чувство силы, есть прямое непосредственное и оно служитъ прототипомъ всякого чувства безсилія. Мы видѣли, что оно возникаетъ, когда предметы несподручны для нашей мускульной силы. Если бы мы не могли пользоваться разными техническими приспособленіями, силой домашнихъ животныхъ, не могли соединяться съ другими людьми для осиливанія тяжелыхъ предметовъ, то человѣкъ чувствовалъ бы себя безсильнымъ относительно окружающихъ его вещей. Но такъ какъ для насъ все равно, руками ли другихъ людей, силою ли животныхъ, техническими средствами, или нами самими лично орудуются вещи, лишь бы все дѣлалось по нашей волѣ и иниціатива орудованія исходила отъ насъ, то относительно всѣхъ вещей, съ которыми такъ или иначе чрезъ другихъ мы можемъ справляться, мы чувствуемъ силу, а не безсиліе. Мы окружены міромъ матеріальныхъ предметовъ, которыми можемъ посредственно располагать по своему усмотрѣнію. Только когда мы нарочно останавливаемся мыслію на томъ, что вѣдь эти вещи, которыми мы самовластно распоряжаемся, прямо и непосредственно не могутъ быть нами подчинены себѣ, только тогда мы чувствуемъ свое безсиліе въ отношеніи ихъ. Собственно это чувство возбуждаютъ и такіе предметы природы, которые по своимъ грандіознымъ размѣрамъ, или по своей рѣдкости и цѣнѣ, не доступны ни человѣческому искусству, ни нашимъ личнымъ средствамъ. Разъяренное море, громадные пожары, наводненія, ураганы, когда мы сознаемъ, что нужно бы противодѣйствовать разрушенію, но не можемъ, ни мы сами и никто другой, возбуждаютъ наивысшую степень чувства безсилія. Предметы искусства, драгоцѣнныя камни, глыбы золота и серебра и т. д., недоступныя для нашей покупной силы, тоже порождаютъ чувство безсилія и именно въ той мѣрѣ, въ какой

наше экономическое состояніе недостаточно для пріобрѣтенія ихъ себѣ. И то, музеи, богатые сокровищами природы и искусства, открытые для всѣхъ, все болѣе и болѣе сокращаютъ область безсилія частныхъ лицъ, дозволяя имъ, когда угодно, разсматривать и любоваться ими, т. е. дѣлать почти тоже, что они дѣлали бы, пріобрѣвши ихъ въ собственность себѣ.

Посредственное чувство силы основывается уже не на прямомъ развитіи мускульной силы, но на способности человѣка распоряжаться средствами, орудіями, знаніемъ для подчиненія себѣ природы, т. е. на его разумной волѣ. Одно мускульное напряженіе, хотя весьма важное для господствованія надъ ближайшими, окружающими насъ, предметами, не дало бы человѣку огромнаго чувства силы: большинство матеріальныхъ предметовъ и явленій представляютъ противодѣйствіе, которое не можетъ быть прямо осилено человѣкомъ. Еслибы мускульное напряженіе не руководилось разумною волею, человѣкъ не пошелъ бы далѣе животнаго и оставался бы рабомъ внѣшней природы. Слѣдовательно, главнѣйше чувство силы въ человѣкѣ есть чувство интеллектуальнаго превосходства разума и воли. Чувство силы, какъ мы видѣли, развивается, по поводу мускульнаго напряженія, побѣждающаго противодѣйствіе внѣшнихъ предметовъ, но можетъ также возникать изъ напряженія воли и ума. Чувство, силы современнаго человѣка на немъ преимущественно и основывается. Онъ чувствуетъ себя господиномъ и владыкою матеріальнаго, растительнаго и животнаго міровъ. Между животными многіе виды одарены не одною только мускульною силою, но и способностями ума и воли. Однако, человѣкъ подчинилъ себѣ и животныхъ и чувствуетъ себя властнымъ распорядителемъ ихъ, конечно утверждаясь при этомъ на преобладаніе своего разума надъ ихъ умомъ. Въ отношеніи мускульной силы многія животныя превосходятъ человѣка, но они безконечно ниже человѣка по уму, а послѣдній то и даетъ успѣхъ усиліямъ мускульной системы, напрягая ихъ наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ, изобрѣтая орудія, облегчающія достиженіе цѣлей и т. д.

Не одно только соприкосновеніе съ видимою природою служитъ поводомъ къ развитію чувства силы. Собственно интеллектуальная дѣятельность есть борьба съ разными препятствіями. Успѣшное рѣшеніе задачъ познанія, управленіе массами мыслей, сочетаваніе и разложеніе ихъ, превращеніе спутанныхъ и случайныхъ ассоціаціи въ логическое цѣлое, и т. д. есть немалая умственная ра-

бота; приведеніе мыслей въ ясность, связываніе ихъ, классификація, все это представляетъ большія препятствія, которыя должны побѣждаться разумомъ; и онъ также работаетъ въ этихъ случаяхъ, какъ работаетъ мускульная система, переставляя предметы съ мѣста на мѣсто, сдвигая, раздвигая ихъ, соединяя, разрубая части цѣлаго. Различныя предпріятія, чтобъ быть доведенными до конца, требуютъ рѣшимости воли, неуклонныхъ усилій, напряженія ея, будутъ ли то предпріятія, имѣющія въ виду физическій или какой нибудь умственный результатъ, это все равно. Живя въ обществѣ, соприкасаясь съ умами и волями другихъ, субъектъ встрѣчаетъ противодѣйствія различнаго рода; самъ реагируя на нихъ, онъ испытываетъ воздѣйствія со стороны ихъ; своею мыслію онъ измѣряетъ интеллектъ другихъ, своею волею онъ мѣряетъ чужія воли. И такъ какъ такого рода измѣренія происходятъ въ тѣхъ случаяхъ, когда воля и умъ другихъ противодѣйствуютъ субъекту, то борьба всякого рода съ другими субъектами будитъ въ индивидуумѣ чувство силы или безсилія, смотря по обстоятельствамъ.

Мы видимъ, какъ обширна почва, на которой можетъ развиваться чувство силы. Но на ней же можетъ развиваться и чувство безсилія. Есть безсиліе умственное, когда человѣкъ бываетъ не въ состояніи справиться съ мыслями, постигнуть ихъ значеніе, отдать себѣ въ нихъ отчетъ, ориентироваться въ нихъ: есть безсиліе волевое, когда субъектъ одобряетъ намѣренія, цѣли, пламенно желаетъ ихъ, но чувствуетъ, что они для него недостижимы и неосуществимы, что для этого требуются усиліе, выдержка, мощь въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это возможно для его воли. Сталкиваясь съ сильнѣйшими умами, волями, которыя поставляютъ препятствія, для него непреоборимыя, онъ чувствуетъ свое безсиліе.

Единицу для измѣренія такого вида чувствъ силы и безсилія найти невозможно. Но можно ли утверждать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ другимъ родомъ явленія, чѣмъ въ мускульномъ напряженіи, что чувство умственной и волевой силы нето, что̀ чувство мускульной силы? Языкъ глубочайшій психологъ, на этотъ вопросъ отвѣчаетъ утвердительно. Мы говоримъ о тяжелости, тяжеловѣсности мысли, приравнивая въ этомъ случаѣ мысль едва поднимаемой тяжести; говорится о легкости, пустотѣ мысли, какъ будто пониманіе ея не требуетъ ни малѣйшаго усилія, какъ подниманіе пера и тому подобнаго легкаго предмета. При оцѣнкѣ

мысли мы взвѣшиваемъ ее, приравнивая достоинство ея тяжести. Мы говоримъ объ усиліяхъ воли, предполагая въ ней нѣчто подобное усиліямъ мускулатуры, говоримъ о тяжести или легкости достиженія цѣли, и одни результаты признаемъ тяжелыми, другіе легкими. Одну борьбу съ людьми на общественной аренѣ называемъ тяжелою, другую—легкою. Мы говоримъ о напряженіи ума и воли.

Если бы искать условій, при которыхъ одинъ умъ сознаетъ свою силу или безсиліе предъ другимъ, то слѣдовало бы обратиться прежде всего къ сравнительной скорости умственнаго процесса у обѣихъ личностей. Опытъ показываетъ, что скорость его у разныхъ лицъ бываетъ неодинакова: что одному дается въ моментъ, то другому въ сравнительно продолжительное время, тогда какъ одинъ соображаетъ скоро, образуетъ три, четыре вывода, другой все это дѣлаетъ долго, сдѣлаетъ одинъ или два лишь вывода. Представимъ себѣ, что умственные процессы, только по скорости, различаются на $^1/_3$. Отстающее въ умственномъ дѣлѣ, лицо на протяженіи весьма небольшаго времени убѣдится, что борьба съ упреждающимъ его умственно лицомъ невозможна. Послѣдній представитъ четыре соображенія, тогда какъ первый успѣетъ сдѣлать лишь три: послѣдній будетъ имѣть время для того, чтобъ сообразить возможное возраженіе, предвидѣть возможный выводъ изъ своихъ словъ или мыслей противника, послѣдній ни для чего подобнаго времени не имѣетъ. Въ теченіи получаса одинъ почувствуетъ свою силу, другой свое безсиліе: первый будетъ имѣть 10 лишнихъ минутъ для соображеній.

Но чувство умственной силы можетъ доставлятся превосходствомъ образованія и энергіи ума. Предъ широкимъ образованіемъ пасуетъ невѣжество; человѣкъ съ болѣе широкимъ образованіемъ превосходитъ субъекта съ менѣе широкимъ. Опять сдѣлаемъ предложеніе, что одинъ субъектъ отличается отъ другаго, по обширности знаній, на $^1/_3$. Тогда на три предмета, о которыхъ можетъ говорить человѣкъ менѣе образованный, субъектъ съ большимъ образованіемъ будетъ имѣть одинъ лишній, о которомъ онъ можетъ разсуждать съ полнымъ знаніемъ дѣла; при всѣхъ выводахъ онъ будетъ имѣть подъ руками большее количество предметовъ для сравненія и сопоставленія; онъ будетъ имѣть умственный горизонтъ на цѣлую треть обширнѣе круга умственнаго зрѣнія другого; при умственной борьбѣ ихъ, одинъ скоро долженъ сознать себя побѣжденнымъ, другой побѣдителемъ. Человѣкъ, лучше учившійся, прошедшій лучшую школу, привыкшій къ большой умствен-

ной самодѣятельности лучше развился другаго, положимъ на $^1/_3$. Онъ обладаетъ гибкостію и эластичностію мысли, большею примѣнчивостію къ положенію и характеру вопроса, способностію большаго вниканія въ мысль противника, большаго вниманія къ ходу доказательствъ и т. д. Немного нужно времени, чтобы менѣе на $^1/_3$ развитому человѣку убѣдиться въ своемъ безсиліи противъ противника, чтобы у послѣдняго, напротивъ, возникло чувство силы. Все равно, какъ есть субъекты одаренные сильнѣйшею мускулятурою, чѣмъ другіе, такъ есть люди обладающіе большею умственною энергіей. Предположимъ снова, что между двумя субъектами такая разность простирается на одну треть. Что же произойдетъ при ихъ встрѣчѣ? Одинъ умственно видитъ на цѣлую треть далѣе, глубже, справляется съ большими массами мыслей, соображаетъ шире въ ходѣ мыслей какъ въ сторону основаній, такъ и въ сторону слѣдствій, болѣе могучъ въ воспоминаніи, сопоставленіи разнообразнаго умственнаго содержанія; другой во всемъ этомъ отстаетъ и послѣдній скоро можетъ убѣдиться въ своемъ безсиліи, а первый въ своей силѣ.

Различіе воль можетъ быть находимо въ быстротѣ рѣшеній, выдержкѣ и устойчивости при достиженіи цѣли. Сдѣлаемъ предположеніе, что два субъекта различаются и въ этихъ отношеніяхъ на $^1/_3$. Одинъ рѣшитъ три дѣла, другой четыре, одинъ употребитъ четыре минуты на колебаніе, другой только три, менѣе колеблющійся и болѣе рѣшительный будетъ уже дѣлать дѣло, нападать или защищаться, хлопотать о достиженіи цѣли, другой все будетъ еще раздумывать. Болѣе выдерживающій и устойчивый въ достиженіи цѣли, субъектъ съ энергіей будетъ болѣе противостоять препятствіямъ, долѣе продержитъ знамя, за которое взялся, не полѣнится пріискать средства, на исканіе которыхъ у другого не достаетъ терпѣнія. Въ результатахъ должно оказаться огромное различіе у двухъ этихъ личностей: во многихъ случаяхъ болѣе устойчивый и выдерживающій достигнетъ цѣлей, отъ преслѣдованія которыхъ откажется уступающій ему въ этихъ отношеніяхъ субъектъ: одинъ будетъ имѣть чувство силы, другой станетъ жаловаться на неудачи и будетъ чувствовать себя безсильнымъ.

Когда двѣ такихъ личности встрѣтятся, одна неизбѣжно будетъ чувствовать свое безсиліе, другая силу. Болѣе сильная на $^1/_3$ будетъ смотрѣть на другую также, какъ еслибы она имѣла дѣло съ тяжестію, на $^1/_3$ менѣе той, которую съ крайнимъ на-

пряженіемъ онъ передвигаетъ. Опытъ учитъ, что различіе людей въ отношеніи ума и воли бываетъ до крайности разнообразно. Дѣтскій умъ мы разсматриваемъ даже какъ нѣчто несеріозное: мы съ улыбкою слушаемъ дѣтскія соображенія и доказательства, слѣдовательно, относимся къ нему, какъ чему то шуточному. Но развѣ въ дѣтяхъ только мы встрѣчаемъ „дѣтскіе“ умы? Въ любомъ собраніи можно встрѣтить говорящихъ, читающихъ членовъ, которыхъ можно слушать только съ улыбкою, которымъ трудно разъяснить что-нибудь отвлеченное, которыхъ горизонтъ умственнаго зрѣнія крайне ограниченъ. Мы встрѣчаемся съ людьми, неглупыми, но необразованными, или много читавшими, но не далекими, или неразвитыми. Если одинъ субъектъ въ чемъ либо одномъ: образованіи, развитіи, энергіи ума, отстоитъ отъ другого на значительное разстояніе, то, при равенствѣ въ другихъ отношеніяхъ, онъ будетъ все таки чувствовать себя безсильнымъ предъ субъектомъ, который въ одной сторонѣ ума превосходитъ его, или же онъ долженъ одинъ недочетъ покрывать другимъ какимъ либо избыткомъ. Но каждый находитъ въ обществѣ и равные себѣ умы и характеры: всякій легко представитъ себѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ, съ которыми трудно бороться, которые и знаютъ столько же, сколько и онъ, обладаютъ такою же эластичностію, скоростію и умственною энергіей, какъ и онъ, равно не поддаются ему и въ настойчивости и неуклонности стремленій воли. Есть умы и характеры высшаго порядка, которые кажутся превосходящими насъ, которые, мало того, исторгаютъ, вмѣстѣ съ чувствомъ безсилія противъ нихъ, еще чувства уваженія и удивленія.

Чувство силы, какъ основа отношеній власти.

Анализъ чувства силы даетъ намъ возможность разъяснить, весьма важныя для жизни, отношенія власти. Подчиненный исполняетъ приказаніе начальства, подчиняющій отдаетъ ему приказанія. Источникъ всякой власти въ концѣ концовъ есть, конечно, сила. Безсильная власть есть contradictio in adjecto, пародія на дѣйствительную власть. Она можетъ исходить изъ права, опираться на свободное послушаніе, быть охотно признаваемою со стороны подчиненныхъ, но все таки она должна непремѣнно быть представляема, какъ на что то опирающаяся, имѣющая за

собою нравственную силу, по отношенію къ которой подчиняющійся долженъ признавать себя безсильнымъ. Во многихъ случаяхъ эти отношенія возникаютъ изъ грубаго физическаго перевѣса силы, и со временемъ переходятъ на степень нравственно освященныхъ, т. е. опирающихся на свободное послушаніе. Дѣти пріучаются повиноваться болѣе сильнымъ родителямъ, потому что они заставляютъ ихъ быть послушными; выросши они признаютъ права власти за послѣдними, и слушаются ихъ изъ свободнаго повиновенія. Правительство, опирающееся на матеріальную силу, и заставляющее всѣхъ подчиняться себѣ, можетъ внушить своему народу убѣжденіе въ своей пользѣ, благотворности, и кромѣ силы, опираться на свободное подчиненіе себѣ большинства. Но какая бы власть ни была и откуда бы она ни исходила, она должна быть способною во всякій моментъ осуществить свою силу: безсиліе дѣлаетъ власть комическою, смѣшною.

Начальникъ приказываетъ подчиненному и послѣдній не можетъ не исполнить его приказаній. Первый разсматриваетъ послѣдняго, какъ предметъ, который передвигается, переносится, помѣщается въ томъ или другомъ мѣстѣ, по усмотрѣнію распоряжающагося. Отношеніе начальника къ подчиненному совершенно такое же, какое бываетъ между матеріальнымъ предметомъ и субъектомъ, мускульная сила котораго передвигаетъ его, какъ ему угодно. И такъ какъ при прямомъ подчиненіи подвластный долженъ исполнять волю начальства безпрекословно, то, очевидно, какого объема чувство силы мы должны предполагать въ основаніи власти. Она только приказываетъ, что, конечно, стоитъ лишь весьма небольшихъ усилій, или лучше, не стоитъ никакого труда: подчиненный долженъ самъ, по одному приказанію, дѣлать усилія, ставить себѣ цѣли, обнаруживать напряженіе физическихъ и умственныхъ силъ, ѣхать, идти, куда ему приказано, или исчезать, лишаться вліянія, по мановенію высшей власти. Здѣсь между людьми являются такія же отношенія, какія между субъектомъ и вещію, которую сдвигать съ мѣста, бросать, уничтожать, не стоитъ никакого труда. Но мы знаемъ, что такого рода отношенія основываются на грандіозномъ чувствѣ силы, когда сильные мускулы имѣютъ дѣло съ вещію, тяжесть которой въ 50 разъ менѣе той, которая требуетъ maximum ихъ усилій.

Сущность власти состоитъ въ правѣ одного субъекта разсматривать другого, какъ нѣчто легковѣсное, представляющее малое или ничтожное препятствіе, при орудованіи имъ. Всѣмъ извѣстна

строгая военная дисциплина: она требуетъ, чтобы всякій подчиненный безпрекословно и слѣпо подчинялся своему начальнику. Слѣдовательно, ея идеалъ, на практикѣ болѣе или менѣе осуществляемый, тотъ, чтобы начальникъ имѣлъ грандіозное чувство силы по отношенію къ подчиненному, а послѣдній, въ моментъ слушанія приказаній, чувствовалъ себя безсильнымъ, не способнымъ къ противодѣйствію противъ начальника. По нашему обобщенію, первый долженъ имѣть самое развитое чувство силы, какое можно имѣть къ предмету шутки, забавы, а второй долженъ имѣть чувство непосредственнаго безсилія, какое возбуждается грандіозною по тяжести вещію. И что особенно важно, такъ какъ по духу военной дисциплины такого рода отношенія должны быть между начальникомъ и ближайшими его подчиненными, то чувство силы его не увеличивается и не уменьшается отъ того, имѣетъ ли онъ дѣло съ ближайшимъ подчиненнымъ или отдаленнымъ. Начальникъ дивизіи приказываетъ бригадному командиру, полковнику, ротному командиру, оберъ-офицеру, фельдфебелю или простому солдату: для всѣхъ ихъ, не смотря на огромную разность положенія, его приказанія равно обязательны; равно должны быть немыслимы для нихъ противодѣйствіе и ослушаніе. Также и подчиненному, наприм. солдату, все равно, приказываетъ ли ему начальникъ взвода, ротный, полковой, бригадный, дивизіонный, корпусный командиръ или самъ главнокомандующій: во всѣхъ случаяхъ онъ долженъ безпрекословно и слѣпо повиноваться. Такъ какъ у него чувство безсилія уже по отношенію къ ближайшему начальнику должно быть на maximum'ѣ своего развитія, то съ повышеніемъ ранга приказывающаго оно не можетъ увеличиваться.

Собственно говоря, такого же рода отношенія должны существовать между подчиненнымъ и начальникомъ вездѣ, гдѣ только существуетъ власть. И хотя въ нашемъ гражданскомъ обществѣ она на такой высотѣ не удерживается, однако, мысль о томъ, что она должна опираться на такихъ отношеніяхъ подчиненнаго къ начальнику, какія мы выше изобразили, все таки сохраняется, какъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться. Общество управляется тою идеею, что подчиненный долженъ безпрекословно подчиняться начальнику, и она всякій разъ съ ясностію оживаетъ въ умахъ, когда подчиненные начинаютъ противодѣйствовать и не подчиняться своему начальству. Всѣ роды подчиненія должны собственно основываться на грандіозномъ чувствѣ безсилія противъ начальника и всѣ роды власти на грандіозномъ чувствѣ

силы относительно подчиненныхъ. Но жизнь сглаживаетъ этотъ контрастъ, по-крайней-мѣрѣ, въ смежныхъ степеняхъ власти. Дисциплина гражданской Іерархіи тѣмъ и отличается отъ военной, что она de jure, столь же строгая какъ и военная, de facto гораздо слабѣе. Она стремится уравновѣситься съ фактическимъ удѣльнымъ вѣсомъ каждаго начальника. Въ гражданской Іерархіи степень и размѣръ власти соотвѣтствуетъ не идеѣ ея, какъ въ военной, а матеріальному положенію, кругу власти, рѣдкости или обыденности ея типа. Такъ какъ въ ней смежная подчиненная степень сравнительно съ подчиняющей менѣе въ два раза слишкомъ (какъ это мы видѣли въ главѣ о стыдѣ), то обыкновенно начальникъ разсматриваетъ подчиненнаго, какъ существо въ два раза меньшее, чѣмъ онъ. Иллюстрируя эти отношенія на мускульной силѣ, начальникъ, разсматривающій ближайшаго подчиненнаго менѣе себя отъ 2-хъ до 3-хъ разъ, трактуетъ его также, какъ если бы онъ противъ него былъ безсильнѣе въ два, три раза; наприм. предположивъ, что сила начальника равняется 150 ф., сила ближайшаго подчиненнаго = 75 или 50 ф.

Оттого, что отношенія власти въ гражданской Іерархіи складываются въ зависимости отъ реальнаго относительнаго могущества одной ступени ея сравнительно съ другою, въ ней мы видимъ явленіе, котораго нѣтъ въ военной дисциплинѣ. Въ послѣдней ближайшій начальникъ подчиненнаго разсматриваетъ послѣдняго, какъ безотвѣтное орудіе его воли; въ первой могущество и власть начальника измѣряется количествомъ ступеней, отдѣляющихъ его отъ подчиненнаго. Степень власти прямо пропорціональна относительному объему могущества лицъ. Такъ какъ подчиненный, отдѣленный двумя ступенями Іерархіи отъ начальника, менѣе послѣдняго обыкновенно въ 11-ть разъ по могуществу, то послѣдній разсматриваетъ перваго, какъ бы онъ былъ слабѣе его по силѣ въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ; если бы онъ былъ отдаленъ отъ начальника на три степени, то отношенія власти послѣдняго къ нему установились бы такія, какъ если бы начальникъ могъ поднимать 150 ф., а онъ только около $5^1/_2$. Поэтому, въ гражданской Іерархіи, гдѣ смежныя ступени не особенно рѣзко отличаются по власти одна отъ другой, но рѣзко различаются отъ другихъ высшихъ и нисшихъ несмежныхъ ступеней, мы и замѣчаемъ обыденное явленіе, что смежныя ступени обыкновенно сближаются и обнаруживаютъ наклонность трактовать одна другую, какъ равная равную: это во многихъ случаяхъ облегчаетъ ходъ дѣлъ, а иногда и затрудняетъ

его. При такомъ строѣ гражданской жизни, положеніе нисшихъ подчиненныхъ въ гражданской Іерархіи, по моему мнѣнію, неопредѣленнѣе и хуже, чѣмъ въ военной. Въ послѣдней всякій начальникъ долженъ требовать безусловнаго повиновенія отъ подчиненнаго, кто бы онъ ни былъ, и подчиненный знаетъ, что ближайшій начальникъ его есть безусловный распорядитель его службы; чувство безсилія по отношенію къ нему достигаетъ maximum напряженія, и за тѣмъ, сколько бы ни было высшихъ начальниковъ, онъ тяжести и силы ихъ чувствовать не можетъ. Въ гражданскомъ вѣдомствѣ подчиненный de facto находится въ неясныхъ отношеніяхъ къ ближайшему своему начальнику, чувство безсилія его возрастаетъ, когда онъ смотритъ на высшія ступени власти, и послѣднія составляютъ для него тяжесть, тѣмъ болѣе подавляющую, чѣмъ больше такихъ ступеней надъ нимъ. При такихъ условіяхъ низменный чиновникъ можетъ болѣе чувствовать себя приниженнымъ здѣсь, чѣмъ какой нибудь писарь въ военномъ вѣдомствѣ. Стремленіе къ равенству въ смежныхъ степеняхъ и наклонность не смежныхъ чувствовать разстояніе, отдѣляющее ихъ, и объясняютъ смѣсь демократизма съ деспотизмомъ, присутствіе которыхъ чувствуется въ гражданской дисциплинѣ и которые придаютъ ей какой то неустроенный видъ.

Мы сказали, что отношенія власти въ гражданской Іерархіи опредѣляются не идеею, которая лежитъ въ основѣ ея, но de facto реальнымъ могуществомъ положенія, связаннаго съ извѣстною ступенью ея. Оттого эти отношенія подчиняются еще разнымъ постороннимъ вліяніямъ, которыя иногда еще болѣе сокращаютъ разстояніе между начальникомъ и подчиненнымъ, или даже извращаютъ ихъ отношенія. Извѣстная личность занимаетъ какую либо ступень Іерархіи. Кромѣ положенія, даваемаго занимаемымъ мѣстомъ, эта личность можетъ увеличивать свой кажущійся объемъ разными выгодными своими преимуществами. Она отдѣлена, положимъ, отъ начальника двумя ступенями и слѣдовательно, около 11-ти разъ менѣе его. Но человѣкъ, занимающій нисшую ступень власти, можетъ обладать недюжиннымъ умомъ и удивлять имъ свое начальство, можетъ имѣть на своей сторонѣ цѣнность высшаго аристократическаго происхожденія, можетъ быть богатымъ человѣкомъ, въ нѣсколько разъ богаче своего начальника. Въ военной Іерархіи эти всѣ преимущества признаются лишь теоретически, но сущность отношеній власти отъ того не измѣняется: мы видимъ, что Великіе Князья заурядъ съ другими простыми смертными служатъ и

безпрекословно повинуются волѣ своихъ ближайшихъ начальниковъ. Въ гражданской Іерархіи всѣ упомянутыя преимущества присчитываются къ реальному могуществу подчиненнаго и благодаря имъ, послѣдній часто принимаетъ размѣръ, равный начальнику, или даже большій: бываетъ же иногда, что не подчиненный повинуется начальнику, а на оборотъ, и послѣдній даже ухаживаетъ и угождаетъ первому.

И такъ, всякая власть психологически основывается на чувствѣ силы, будетъ ли она физическая, или моральная, все равно: побѣжденный человѣкъ, послѣ физической борьбы, бываетъ принужденъ сознать себя безсильнымъ предъ побѣдителемъ; въ такомъ же положеніи и человѣкъ, который чувствуетъ себя подавленнымъ умомъ и характеромъ болѣе даровитаго субъекта: различіе въ этихъ двухъ случаяхъ то, что въ первомъ субъектъ чувствуетъ себя малымъ противъ физической силы, во второмъ онъ чувствуетъ себя малымъ противъ огромной моральной интеллектуальной силы. Силѣ физической человѣкъ подчиняется принужденно, высшей моральной силѣ добровольно. Такъ какъ человѣкъ не есть только собраніе мускуловъ, а и моральное существо, то конечно, идеалъ устройства всякой Іерархіи таковъ, чтобы въ ней реальное могущество совпадало съ интеллектуальнымъ, одно опиралось на другое, чтобы чувство невозможности неповиновенія совпадало съ признаніемъ нравственно высшей руководящей воли. Это одно изъ бѣдствій здѣшней юдоли плача, что Іерархія власти не рѣдко не совпадаетъ въ ней съ Іерархіей духовъ, въ которой они распредѣляются по удѣльной своей цѣнности, энергіи своего ума и характера.

Симпатія и антипатія.

Обратимся къ опредѣленію условій появленія сочувствія и противоположной ему антипатіи. При сочувствіи мы усвояемъ себѣ радости и горя другого человѣка; при антипатіи, напротивъ, на радость другого человѣкъ отвѣчаетъ скорбію и на горе отзывается радостію.

Въ состраданіи мы усвояемъ себѣ страданія другого человѣка и сами страдаемъ при этомъ; его горе дѣлаемъ своимъ горемъ и вмѣстѣ съ нимъ горюемъ. Въ такія минуты въ насъ развивается жалость къ другому: намъ жалко страдающаго и горюющаго человѣка, и если это человѣкъ любимый, мы страдаемъ ни

чуть не менѣе, чѣмъ онъ. Слѣдовательно, въ состраданіи есть страданіе или горе. Казалось бы, теперь вопросъ о возникновеніи состраданія рѣшается легко: оно возникаетъ и усиливается, какъ всякое горе вообще, т. е. также, какъ оно является и усиливается у того, кто служитъ предметомъ состраданія. И такъ какъ нами найдено, что уменьшеніе благосостоянія или счастія на половину возбуждаетъ чувство горя, и затѣмъ всякое новое лишеніе на $^1/_{10}$ его увеличиваетъ, то, повидимому, слѣдовало бы сказать, что и состраданіе повинуется тому же закону, при своемъ появленіи и усиленіи.

При сочувственныхъ отношеніяхъ къ близкому человѣку, несомнѣнно, знаніе обстоятельствъ, вызвавшихъ страданіе и горе въ немъ, имѣетъ свою долю вліянія. Извѣстіе, что нашъ другъ и любимый человѣкъ заболѣлъ, или что онъ лишился половины состоянія, конечно, вызываетъ большое и сильное неудовольствіе, пожалуй, чувство горя. Мы, по воображенію, ставимъ себя въ подобное же положеніе, и понимаемъ, какъ тяжело должно быть человѣку переживать такія бѣдствія, сочувствуемъ ему. При весьма большомъ сочувствіи къ человѣку бываетъ, что всякая дальнѣйшая потеря или ухудшеніе благосостоянія его, увеличивающія его горе, также увеличиваютъ состраданіе въ сочувствующемъ человѣкѣ.

Но я сомнѣваюсь, чтобы знаніе величины потерь, или ухудшенія благосостоянія друга, жены, дѣтей, имѣло рѣшительное вліяніе на возникновеніе и ростъ сочувствія. Во 1-хъ, можно совсѣмъ не знать причинъ, вызвавшихъ горе или страданіе, и тѣмъ не менѣе сильно и глубоко сочувствовать: одинъ видъ плачущаго и горюющаго человѣка вызываетъ уже чувство состраданія и жалости; если бы знаніе размѣровъ бѣдствія было очень важно въ дѣлѣ сочувствія, то, при незнаніи ихъ, сочувствія не могло бы быть. Во 2-хъ, извѣстенъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при особенно нѣжныхъ отношеніяхъ, сочувствующій сильнѣе страдаетъ, чѣмъ лицо — предметъ сочувствія. Мать, смотря на страданія своего любимаго дѣтища, охотнѣй сама перенесла бы его мученія, чѣмъ смотрѣла бы на нихъ. Да и вообще любящій человѣкъ охотнѣй подвергся бы самъ разнымъ горямъ, чѣмъ видѣть горе любимаго существа. Знаніе размѣровъ бѣдствія, которому подвергся другъ и вообще любимый предметъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ значитъ много, но не во всѣхъ, да и въ тѣхъ, которые здѣсь предполагаются, не составляетъ всего.

Чтобы видѣть, что же именно есть главное въ состраданіи, для этого нужно обратить вниманіе на то, какимъ намъ кажется при состраданіи предметъ его. Онъ представляется жалкимъ, достойнымъ сожалѣнія. Но жалкій предметъ есть тоже самое, что малый, малѣйшій, мизерный: мы часто употребляемъ слова жалкій, ничтожный, малый, какъ взаимно замѣняющія. Слѣдовательно, когда предметъ состраданія мы называемъ жалкимъ, то это значитъ, что мы имѣемъ по отношенію къ нему чувство мизерности, малости. Въ чувствѣ состраданія есть это послѣднее чувство: потому мы и сострадаемъ другому существу, что оно возбуждаетъ въ насъ чувство мизерности и малости. Посмотримъ, дѣйствительно ли такъ на самомъ дѣлѣ.

Страдающій физически человѣкъ всегда намъ кажется малымъ и мизернымъ. Такое впечатлѣніе несомнѣнно выносится отъ больного, который едва можетъ шевелиться: мы въ свое время и говорили, что тяжко больные возбуждаютъ чувство безсильной малости второй степени; но вѣдь и вообще больные, слабые физически, возбуждаютъ это чувство. Намъ бываетъ жалко такихъ людей за ихъ малость, за ихъ ниспаденіе какъ будто съ какой то высоты. Больной ребенокъ кажется болѣе малымъ, чѣмъ какимъ онъ долженъ былъ бы быть, если бы былъ здоровымъ, и по этому намъ жалко его; такое же впечатлѣніе производитъ и горюющій человѣкъ. Такъ какъ горе развивается при какомъ либо бѣдствіи, когда человѣка постигаютъ большія непріятности, выбивающія его изъ обыкновенной колеи дѣйствій, то горюющій тоже представляется намъ существомъ слабымъ, безсильнымъ, малымъ: мы къ нему имѣемъ чувство жалости и мизерности. Когда это чувство есть, возможно и развитіе состраданія, гдѣ его нѣтъ, тамъ послѣднее невозможно. Въ моментъ, когда визжитъ собака отъ боли, сердобольный субъектъ представляетъ ее немощною, безсильною, малою и жалѣетъ ее, страдаетъ за нее. Когда мы видимъ слезы и жалобы горюющаго человѣка, мы также представляемъ его немощнымъ, безсильнымъ и малымъ, жалѣемъ его и страдаемъ за него: передъ тѣмъ, какъ сострадать ему, мы непремѣнно развиваемъ въ себѣ чувство малости и мизерности горюющаго существа. Когда этого чувства не бываетъ, состраданія собственно нѣтъ. Человѣкъ мужественно переносящій страданіе, въ самомъ горѣ не теряющій чувства силы и кажущійся энергичнымъ и бодрымъ, чувства состраданія не вызываетъ, а если и вызываетъ, то по стольку, по скольку мы въ своемъ воображеніи представляемъ

его немощнымъ и слабымъ; когда кажется, что страданіе мимолетно и что съ нимъ легко справится самъ страдающій, состраданіе также не возбуждается. Чувство малости есть, повидимому, condicio sine qua non состраданіе.

Многіе факты изъ жизни людей подтверждаютъ, что во всякомъ состраданіи есть указанное чувство малости. Многіе, плачущіе въ семьѣ или втайнѣ про себя, будутъ изо всѣхъ силъ сдерживать свои слезы при другихъ, такъ какъ слезы, имъ кажется, роняютъ и умаляютъ ихъ предъ другими. Гордые субъекты неохотно, и иногда съ досадою, принимаютъ выраженія соболѣзнованія и состраданія: имъ кажется, что сострадающіе неизбѣжно относятся къ нимъ съ высока, смотрятъ на нихъ, какъ на малыя и безсильныя существа. Притомъ, многіе, соглашаясь принимать отъ нѣкоторыхъ близкихъ знакомыхъ выраженія соболѣзнованія, никакъ не захотятъ быть предметомъ общаго соболѣзнованія, т. е. они не желаютъ казаться малыми и жалкими предъ всѣми.

Итакъ въ состраданіи есть чувство малости и мизерности. Такъ или иначе, но въ минуты его мы непремѣнно относимся къ предмету его свысока. Когда человѣкъ плачетъ изъ состраданія, онъ все таки не перестаетъ смотрѣть на предметъ его, какъ на малое и потому достойное жалости, угнетенное и безсильное существо. Это чувство тѣмъ только различается отъ разсмотрѣннаго нами выше, что въ немъ мало развитъ элементъ презрѣнія, хотя нѣчто подобное ему несомнѣнно есть: сострадающій смотритъ на горюющаго и страдающаго все таки нѣсколько свысока, т. е. до нѣкоторой степени унижаетъ его предъ собою. Въ этомъ умаленіи нѣтъ собственно униженія: мы любимъ малыя существа, смотримъ на нихъ свысока, но это не значитъ, что мы ихъ презираемъ: трактованіе свысока бываетъ часто прологомъ къ любви.

Связь состраданія съ чувствомъ малости указываетъ на условія, при которыхъ первое можетъ развиваться. Если послѣднее есть condicio sine qua non состраданія, то слѣдовательно, оно является, когда предметъ въ какомъ бы то ни было отношеніи умаляется, по крайней мѣрѣ, въ 50 разъ, дѣйствительно или воображаемо, въ этомъ разницы нѣтъ. Если человѣкъ отъ паденія и ушиба обезсилѣлъ, онъ кажется малымъ и мизернымъ и вызываетъ состраданіе; когда человѣка, бывшаго здоровымъ, мы видимъ больнымъ, мы жалѣемъ его и сострадаемъ ему. Тоже самое происходитъ и при видѣ горюющаго человѣка. Онъ умаляется въ нашихъ глазахъ по крайней мѣрѣ въ 50 разъ. И это заключе-

ніе тѣмъ вѣроятнѣе, что чувство горя спеціально выражается ослабленіемъ мускульной энергіи, вялостію и кажущимся безсиліемъ всего тѣла. Мы говоримъ, что горе *убиваетъ* человѣка, т. е. дѣлаетъ его неподвижнымъ, какъ мертвый. Вялость и безсиліе у горюющаго сказывается въ неподвижности всего тѣла, отвислости рукъ или смиренномъ складываніи ихъ на груди, опущеніи головы и т. д.: одинъ внѣшній видъ уже производитъ впечатлѣніе безсилія и малости человѣка.

Чѣмъ существо кажется безсильнѣй, слабѣй, тѣмъ большее вызываетъ оно состраданіе, чѣмъ болѣе оно страдаетъ или горюетъ, тѣмъ оно кажется болѣе слабымъ и безсильнымъ. Слѣдовательно, состраданіе, должно возрастать также, какъ и чувство мизерности, малости, т. е. если первая степень его является, когда существо умаляется для насъ въ 50 разъ противъ обыкновеннаго нормальнаго прежняго состоянія, то слѣдующая ступень его будетъ, когда существо снова умалится, или мы встрѣтимъ другое умалившееся уже въ 2500 разъ ($50 \times 50 = 2500$), а третья степень разовьется, когда существо дойдетъ почти до крайности умаленія ($2500 \times 50 = 125000$). И дѣйствительно, мы сочувствуемъ вообще страдающему человѣку, отчего бы его страданія и горя не происходили, мы сострадаемъ серіозно больному гораздо глубже, чѣмъ въ первомъ случаѣ: это чувство на цѣлую ступень выше перваго. Мы сострадаемъ человѣку въ предсмертныя его минуты, когда онъ едва едва дышетъ: это глубочайшее состраданіе еще новою степенью выше второй ступени разбираемаго чувства. Но можетъ быть еще четвертая степень состраданія. Трудно доказать, что умирающій человѣкъ уменьшается въ нашихъ глазахъ именно въ 120 тысячъ разъ, но каждый согласится, что нѣчто подобное, дѣлается, такъ какъ такой субъектъ кажется намъ столь малымъ, слабымъ, что какъ будто онъ уже есть ничто; точно, здоровый и сильный прежде человѣкъ сдѣлался по силѣ подобнымъ существу, возбуждающему третью степень чувства малости и мизерности (см. выше).

Здѣсь можетъ возникнуть одно недоумѣніе у читателя. Состраданіе является при всякомъ страданіи любимаго существа и при всякомъ горѣ его. Если ему всегда предшествуетъ чувство малости и мизерности, развивающееся, когда предметъ умаляется противъ своей нормы около 50 разъ, то какъ объяснить тѣ несомнѣнные случаи состраданія, въ которыхъ сострадающіе навѣрно знаютъ, что предметъ не умалился въ такой степени. Мать

сострадаетъ ушибшемуся плачущему ребенку, зная, что ушибъ вовсе не серіозный; мы сострадаемъ другу, потерявшему половину своего состоянія, и конечно знаемъ, что въ имущественномъ отношеніи другъ нашъ сталъ менѣе прежняго лишь въ два раза. Даже минутное и небольшое огорченіе любимаго человѣка принимается сильно къ сердцу человѣкомъ любящимъ.

Такіе и подобные случаи объясняются участіемъ воображенія въ возникновеніи состраданія. Замѣтимъ прежде всего, что всѣ упомянутаго рода случаи состраданія бываютъ при нѣжныхъ отношеніяхъ существъ, подъ вліяніемъ болѣе или менѣе сильной любви. Но, подъ вліяніемъ нѣжнаго чувства, воображеніе любящаго человѣка настраивается особеннымъ спеціальнымъ образомъ (объ этомъ подробно скажемъ ниже): оно изображаетъ любимое существо или малымъ, эѳирнымъ, до котораго, что называется, нельзя дотронуться, чтобъ въ тоже время не нарушить его, или грандіознымъ, неприкосновеннымъ именно въ силу своей грандіозности. Страданія и лишенія любимаго существа, даже и малыя, мгновенно вызываютъ въ насъ такой образъ его и намъ становится тяжело, грустно, горестно видѣть такое нѣжное, малое существо страдающимъ или чего либо лишеннымъ. Въ нашихъ глазахъ страдаетъ при такихъ обстоятельствахъ не реальное существо, которое само можетъ и не придавать значенія своимъ страданіямъ, но воображаемое, слабое и безсильное противъ страданія, которому не страдать, а напротивъ, наслаждаться слѣдовало бы своимъ бытіемъ, которое оскорбляется грубымъ прикосновеніемъ, а не только страданіемъ, и лишеніемъ. Оттого, какъ и при видѣ дѣйствительной немощности, возникаетъ въ этомъ случаѣ глубокое чувство жалости и состраданія и любящій субъектъ можетъ гораздо глубже страдать, чѣмъ предметъ состраданія.

При какихъ условіяхъ возникаетъ и какъ развивается сочувствіе радостямъ другихъ? Отмѣтимъ прежде всего фактъ, что несчастія и страданія вызываютъ въ насъ чувство состраданія даже и тогда, когда мы вовсе незнакомы съ мучащимся существомъ и не состоимъ съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ: видъ собаки, чрезъ которую переѣхала карета, уже вызываетъ состраданіе. Но чтобы сорадоваться кому нибудь, необходимо быть съ нимъ связаннымъ какими нибудь нѣжными узами — любви или дружбы. Когда этого условія нѣтъ, то человѣкъ или холодно относится къ чужой радости, или завидуетъ ей, даже печалится по поводу ея.

Слѣдовательно, причина сочувствія радостямъ заключается въ союзѣ одного существа съ другимъ, устанавливаемомъ чувствомъ нѣжности. Мы укажемъ ниже, какъ нѣжно расположенный человѣкъ относится къ предмету своей нѣжности: онъ смотритъ на него какъ что то эѳирное, идеальное, малое или великое, что не допускаетъ никакого грубаго прикосновенія къ себѣ, и такъ какъ въ чувствѣ нѣжности есть признаніе цѣны, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на что то необыкновенно цѣнное и дорогое для себя. Изъ такого отношенія субъекта къ любимому существу возникаютъ два слѣдствія важныя для объясненія сочувствія.

Во 1-хъ, чувствуя необыкновенную цѣну любимаго существа, разсматривая его какъ нѣчто идеальное, хотя и малое, но дорогое въ своей малости, субъектъ не можетъ не желать отъ всего сердца благополучія и счастія такому существу. При сильной нѣжной привязанности такое желаніе доходитъ до самоотреченія; любящій сильнѣе желаетъ добра нѣжно любимому, чѣмъ онъ самъ, можетъ быть, желаетъ самому себѣ. Поэтому всякая радость послѣдняго принимается первымъ, какъ своя собственная, и надбавка къ благополучію, испытываемая имъ, увеличиваетъ радость любящаго. Значитъ, когда радуется любимое существо, то въ сорадованіи любящаго есть непремѣнно чувство удовлетвореннаго желанія. Оно даетъ радостному сочувствію характеръ какого то удовлетворенія, такъ какъ радостное событіе съ любимымъ человѣкомъ есть именно то, чего вообще желаетъ любящій. Сорадованіе, слѣдовательно, должно возникать и усиливаться, какъ вообще возникаетъ и усиливается чувство удовлетвореннаго желанія.

2) Но если бы человѣкъ радовался счастію другихъ только потому, что его желаніе добра имъ удовлетворено, то сорадованіе имѣло бы нѣкоторый эгоистическій характеръ: я радуюсь счастію другого, потому что *мое* желаніе такого счастія ему удовлетворено. Не споримъ, что сочувственныя радости многихъ имѣютъ одно это основаніе: имъ пріятны счастливыя событія съ близкими людьми, потому, что они всегда хлопотали объ этомъ, усиленно желали ихъ, и часто бываетъ, что люди въ счастіи близкихъ себѣ находятъ удовлетвореніе только своему тщеславію. Сочувственная радость можетъ имѣть, однакожъ, и другое, совсѣмъ непричастное эгоизму, происхожденіе.

Радость любимаго человѣка можетъ радовать непосредственно. Какъ въ состраданіи сердце сжималось при видѣ малости, безсилія и слабости живаго существа—и мы нашли что въ состра-

ніи есть чувство малости и мизерности, — такъ въ сорадованіи сердце расширяется при видѣ роста, увеличенія радующагося любимаго существа. Мы говорили выше, что страдающее существо кажется намъ малымъ; по противоположенію, мы должны заключить, что въ моментъ радости оно должно казаться выросшимъ, является больше, чѣмъ оно есть. Языкъ подтверждаетъ это заключеніе. Горе убиваетъ, радость оживляетъ, т. е. придаетъ большую энергію; о дѣтяхъ мы говоримъ, что они растутъ отъ радости; мы говоримъ иногда о возвышенныхъ радостяхъ: онѣ возвышаютъ человѣка, поднимаютъ его, дѣлаютъ какъ будто его больше. Радующійся субъектъ, даже и чуждый намъ, кажется какъ будто другимъ человѣкомъ, чѣмъ за какого мы обыкновенно его знаемъ, или какъ обычно его представляли себѣ: онъ живъ, энергиченъ, онъ возвышается въ нашихъ глазахъ.

Когда такое превращеніе дѣлается съ нѣжно любимымъ существомъ, мы радуемся сами. Мы рады видѣть, какъ это неприкосновенное дорогое существо просвѣтляется, увеличивается, становится выше самого себя. Не то собственно радуетъ, что получилась такая, а не другая надбавка къ благополучію любимаго человѣка, но что онъ самъ радуется. Копѣечная игрушка, обрадовавшая ребенка, радуетъ и мать, сдѣлавшую подарокъ, не потому, чтобъ она полагала, что съ увеличеніемъ количества игрушекъ увеличилось счастіе ея дитяти, а потому, что оно радуется, свѣтлѣетъ духовно и растетъ въ ея глазахъ. Мужъ, подарившій женѣ серьги или брошь, вовсе не думаетъ, что она стала отъ того богаче, и не этому онъ радуется, но этотъ подарокъ понравился женѣ, обрадовалъ ее, и онъ радуется ея радости. Другъ разбогатѣлъ, получилъ важное мѣсто; мы можемъ не видѣть, какимъ образомъ эти обстоятельства увеличатъ счастіе его, даже сомнѣваться въ томъ, и однако, мы будемъ рады первые принести такую вѣсть ему, зная, что она его обрадуетъ: мы будемъ радоваться его радости, т. е. тому, что съ нимъ произойдетъ въ моментъ ея.

При такомъ условіи своего возникновенія, радостное сочувствіе не можетъ быть измѣряемо количествомъ счастія, прибавившагося къ благосостоянію любимаго лица. До нѣкоторой степени оно можетъ зависѣть отъ него и то лишь не прямо: надбавка благосостоянія своимъ размѣромъ будетъ радовать любимаго человѣка, и потому что она радуетъ послѣдняго, будетъ радовать и любящаго. Но во многихъ случаяхъ, какъ наприм. въ тѣхъ,

которые мы выше указали, ничтожная надбавка *) можетъ радовать его, будетъ радовать и любящаго. Здѣсь мы ни мало не справляемся съ тѣмъ, какъ велико дѣйствительное умноженіе счастія любимаго человѣка: что то другое служитъ мѣриломъ нашей радости.

Радостное сочувствіе въ разбираемой нами сторонѣ не можетъ быть объяснено, какъ и состраданіе, если не принимать во вниманіе воображенія, которое принимаетъ такое важное участіе вообще въ нѣжныхъ дѣлахъ. Мы представляемъ любимое существо, какъ дорогое неприкосновенное, идеальное, и вотъ замѣчаемъ, что оно просвѣтляется радостію, духовно растетъ, становится выше самого себя. Сочувственная радость связана съ возвышеніемъ дорогого существа, съ умноженіемъ его энергіи и силы. Такъ какъ во всякой радости есть удивленіе, то и при сочувственной субъектъ также удивляется, но чему? именно тому, что любимое существо стало больше, лучше, выше прежняго. Онъ удивляется размѣру преображенія предмета, надбавкѣ, которая замѣчается въ его существѣ. Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о физическомъ выростаніи, увеличеніи объема, но о томъ нравственномъ и духовномъ ростѣ, который подразумѣвается, когда говоримъ, напримѣръ, что послѣ извѣстнаго разговора или поступка такая то личность выросла въ нашихъ глазахъ вдвое. На моментъ радости любимая личность оживляется и удвояется въ своей энергіи, дѣятельности, преображается въ свѣтлое возвышенное существо, далеко отстоитъ отъ будничнаго сѣренькаго своего вида. Вотъ этотъ видъ непосредственно будитъ въ любящемъ субъектѣ удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость: ибо при нѣжныхъ отношеніяхъ всякое пріумноженіе любимаго человѣка дѣлаетъ его еще цѣннѣе, дороже для любящаго.

Такая сочувственная радость можетъ возрастать какъ и всякое другое чувство, хотя по условіямъ своего происхожденія, она не такъ легко возрастаетъ, какъ прочія чувствованія. Любимый человѣкъ можетъ испытывать высокія духовныя радости: онѣ преображаютъ, возвышаютъ человѣка въ самой сильной сте-

*) Ничтожная, конечно, относительно. Для матери копѣечная игрушка составляетъ ничтожный расходъ и съ ея точки зрѣнія лишняя игрушка у ребенка не составляетъ надбавки благосостоянія его. Но въ глазахъ ребенка копѣечная игрушка, особенно давно желанная имъ, есть важное пріобрѣтеніе и какъ таковое, вызываетъ радость. Если мать, глядя на него, тоже радуется, то, конечно, не тому, что онъ пріобрѣлъ игрушку, а тому, что видитъ его въ радостномъ состояніи.

пени. На внимательное и чуткое духовное зрѣніе, любимое существо можетъ въ моментъ иной радости производить впечатлѣнія чего то грандіознаго, великаго, казаться существомъ инымъ, не отъ міра сего, и любящій будетъ съ радостнымъ изумленіемъ взирать на предметъ своей привязанности. Даже съ психологической точки зрѣнія понятна исторія бывшая на горѣ Θаворѣ съ І. Христомъ и его учениками, видѣвшими его преображеннымъ и блистающимъ, изумлявшимися, конечно радостно, его свѣтлому лицу.

Антипатія есть извращенная симпатія. Послѣдняя состоитъ въ повтореніи и усвоеніи удовольствій и неудовольствій, радостей и скорбей другого человѣка; въ антипатіи, напротивъ, радость субъекта возбуждаетъ горе въ его врагѣ, и на оборотъ, горе — радость.

Послѣ того, какъ мы уже знаемъ, при какихъ условіяхъ возникаютъ удовольствіе и неудовольствіе, радость и горе, намъ легко опредѣлить, какіе размѣры впечатлѣнія могутъ возбуждать антипатическія чувства. Сущность ихъ заключается въ томъ, что событія, совершающіяся съ извѣстнымъ человѣкомъ, находятъ отзывъ въ сердцѣ другого, но со всѣмъ въ противоположномъ смыслѣ. Такъ, увеличеніе благосостоянія, достигшее извѣстнаго размѣра возбуждаетъ, въ врагѣ неудовольствіе, на оборотъ, что порождаетъ въ субъектѣ чувство лишенія, неудовольствія, то радуетъ его врага. Посмотримъ, какъ, при антипатическихъ отношеніяхъ, должны въ субъектѣ отзываться удовольствія и неудовольствія, радости и горя другихъ людей.

Мы знаемъ, что когда сумма счастія субъекта увеличивается на $^1/_5$, то она возбуждаетъ въ немъ удовольствіе, и когда надбавка его доходитъ до $^1/_3$, то въ субъектѣ развивается чувство удачи. Въ силу антипатическаго настроенія субъектъ принимаетъ увеличеніе счастія своего врага или нелюбимаго человѣка, какъ свои личныя лишенія. Но дабы явилось чувство лишенія и связаннаго съ нимъ неудовольствія, достаточно, чтобы субъектъ считалъ себя теряющимъ лишь $^1/_{10}$ долю своего благосостоянія или счастія. Слѣдовательно, простая надбавка въ $^1/_5$ къ счастію человѣка составляетъ для его врага $^2/_{10}$ лишенія, и значитъ, она должна доставлять гораздо большее неудовольствіе антипатически настроенному субъекту, чѣмъ сколько удовольствія она даетъ его врагу.

То же самое должно происходить съ субъектомъ въ томъ случаѣ, когда врагъ его испытываетъ удачу. Она развивается, когда сумма счастія его увеличивается на $^1/_3$. Такъ какъ над-

бавка въ $^1/_5$ уже возбуждаетъ удовольствія, то увеличеніе благосостоянія на $^1/_3$ доставляетъ ему удовольствіе почти второй степени: наприм. если наличное его благосостояніе выразимъ $^{30}/_{30}$, то увеличеніе его на $^6/_{30}$ доставитъ удовольствіе, увеличеніе же на $^{10}/_{30}$ возбуждаетъ чувство удачи: при надбавкѣ въ $^{10}/_{30}$ удовольствіе еще не вполнѣ достигаетъ второй степени (оно достигло бы при надбавкѣ въ $^{12}/_{30}$). Какъ же удача отзывается въ сердцѣ, чувствующемъ антипатію? Надбавка счастія врага въ $^1/_{10}$ или $^3/_{30}$ чувствуется какъ лишеніе. Когда она достигаетъ $^1/_3$ или $^{10}/_{30}$, то должна возбуждать въ враждебномъ субъектѣ, вмѣстѣ съ чувствомъ неудачи, большое чувство неудовольствія, уже третьей степени; недостаетъ только $\frac{5}{30}$, чтобы по извѣстному намъ закону, возбуждать чувство горя. И въ этомъ отношеніи мы должны сдѣлать заключеніе, что удача не симпатической личности возбуждаетъ гораздо большее неудовольствіе въ несочувствующемъ субъектѣ, чѣмъ сколько она доставляетъ удовольствія самому удачливому субъекту.

Какъ должна отзываться радость субъекта на его врагахъ? Выше мы видѣли, что всякое удвоеніе счастія возбуждаетъ чувство радости, т. е. упятеренная надбавка его, возбуждающая удовольствіе, возбуждаетъ удивленіе и удовольствіе, переходящее въ радость ($^1/_5 \times 5 = {}^5/_5$); лишеніе же половины благосостоянія возбуждаетъ чувство горя, т. е. упятеренное лишеніе, возбуждающее чувство неудовольствія, порождаетъ чувство горя ($^1/_{10} \times 5 = \frac{5}{10}$ или $^1/_2$). Такъ какъ надбавка въ благополучіи врага, порождаетъ неудовольствіе въ субъектѣ, чувствующемъ антипатію, то, по вышеприведенному закону, увеличеніе благополучія врага уже на $^1/_2$, служитъ поводомъ къ горестному чувству въ лицѣ, ему недоброжелательномъ. Когда же врагъ увеличиваетъ свое счастіе вдвое, то субъектъ, которому онъ врагъ, чувствуетъ горе гораздо сильнѣйшее, чѣмъ какова бываетъ радость послѣдняго: чувство неудовольствія въ немъ достигаетъ 10-й степени, тогда какъ удовольствіе въ радости врага успѣваетъ достигнуть лишь пятой. Слѣдовательно: 1) при враждебныхъ отношеніяхъ нѣкоторыя надбавки къ счастію враговъ могутъ вызывать горе въ враждебныхъ имъ субъектахъ, тогда какъ сами враги не чувствуютъ еще въ себѣ волненія радости по поводу ихъ; 2) при антипатіи, всякій успѣхъ, радующій врага, возбуждаетъ гораздо больше неудовольствія въ субъектѣ, чѣмъ сколько онъ несетъ радости самому врагу.

Посмотримъ теперь, какое впечатлѣніе производятъ на нашихъ

враговъ наши неудовольствія, неудачи, горя. Чувство неудовольствія возбуждается при потерѣ $^1/_{10}$ благосостоянія, неудачи — при $^1/_3$, горе при $^1/_2$ и мы испытываемъ всѣ эти чувствованія при соотвѣтствующихъ лишеніяхъ. Въ силу своей антипатіи къ намъ, наши враги должны отзываться противоположными чувствами удовольствія, удачи, радости. Могутъ ли, однакожь, въ этихъ случаяхъ возбуждаться эти чувствованія, такъ какъ условія образованія двухъ изъ нихъ совсѣмъ не тѣ, какъ условія возникновенія соотвѣтствующихъ двухъ отрицательныхъ чувствованій: удовольствія и радость возникаютъ при надбавкѣ въ $^1/_5$ и удвоеніи счастія? Очевидно, могутъ. Дѣло въ томъ, что всѣ мы отлично понимаемъ значеніе лишеній и потерь и знаемъ, какое лишеніе какое чувство неудовольствія возбуждаетъ. Слыша, или видя, что врагъ потерялъ $^1/_{10}$ часть состоянія, субъектъ понимаетъ, что это лишеніе породило въ немъ чувство неудовольствія, равно, когда онъ узнаетъ о потерѣ имъ половины состоянія, онъ понимаетъ, что она должна возбуждать чувство горя въ потерявшемъ. Все это каждому отлично извѣстно изъ собственнаго опыта. Но сущность антипатическихъ отношеній въ томъ и состоитъ, что неудовольствія и радости врага возбуждаютъ неудовольствіе и горе, и на оборотъ, неудовольствіе и горе его порождаетъ удовольствіе и радость въ томъ, кто состоитъ съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ.

Слѣдовательно, субъектъ чувствуетъ удовольствіе, когда врагъ его терпитъ потерю $^1/_{10}$ своего благосостоянія, чувствуетъ какъ свою личную удачу, когда потеря счастія врага простирается до $^1/_3$; и — радость, когда онъ теряетъ половину своего благосостоянія.

Оказывается, что, при антипатическихъ отношеніяхъ, мы становимся вдвое чувствительнѣй къ тому, что совершается съ нашими врагами, сравнительно съ тѣмъ, какъ мы относимся къ надбавкамъ и потерямъ собственнаго благополучія. Умѣренныя удовольствія и радости враговъ чувствуются, какъ сильнѣйшія лишенія и горя, и послѣднія начинаются возбуждаться ранѣе, чѣмъ самъ врагъ начнетъ чувствовать удовольствіе и радость; за тѣмъ, относительно не важныя измѣненія въ счастіи врага уже доставляютъ удовольствіе и радость лицу, который находится во враждѣ съ нимъ.

Думаемъ, что факты подтверждаютъ наши выводы. Къ людямъ, которые намъ антипатичны, мы относимся очень завист-

ливо. Небольшая радость врага, небольшое торжество его возбуждаетъ большое чувство горя въ людяхъ, враждебныхъ ему; всякое удовольствіе перваго отзывается большимъ чувствомъ неудовольствія во вторыхъ. Извѣстно, какъ человѣку завистливому, т. е. эгоисту, недоброжелательному къ людямъ, съ которыми его сталкиваетъ судьба, дорого даются успѣхи лицъ, которыхъ онъ не любитъ. Они далеко не доставляютъ удовольствія послѣднимъ, сколько причиняютъ неудовольствія и огорченія первымъ. Зная эффектъ, производимый всякою удачею и успѣхомъ на врага, многіе нарочно въ присутствіи своихъ недруговъ распространяются о своихъ удачахъ и успѣхахъ, которыхъ внутренно не особенно цѣнятъ, но которые, они увѣрены, будутъ раздражать сердце ихъ недоброжелателей. Съ другой стороны, извѣстно, какъ враги внимательно слѣдятъ за неуспѣхами и неудачами другъ друга и лишенія, потери доставляютъ гораздо болѣе удовольствія одной сторонѣ, чѣмъ сколько они порождаютъ неудовольствія въ другой.

Но хотя, при враждѣ, люди внимательно слѣдятъ за повышеніемъ и пониженіемъ благополучія другъ друга, однако, знаніе размѣровъ ихъ имѣетъ въ антипатіи значеніе второстепенное. Какъ бываетъ и при сочувствіи, иногда одинъ видъ торжествующаго врага вызываетъ громадное чувство неудовольствія, при чемъ можно и не знать, какого рода причина доставила врагу чувство радости; при томъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при сильной антипатіи, удовольствіе и неудовольствіе одной стороны бываютъ слишкомъ не пропорціональны неуспѣхамъ и успѣхамъ другой: иногда неважная надбавка въ счастіи врага возбуждаетъ громадное неудовольствіе, горе въ субъектѣ, и напротивъ, небольшая потеря, которая должна была бы возбудить умѣренное удовольствіе во врагѣ, необыкновенно радуетъ его.

Такіе случаи необъяснимы, если не принимать во вниманіе значенія воображенія въ дѣлахъ антипатіи и желаній, которые при этомъ играютъ немаловажную роль. Мы видѣли, какъ при нѣжныхъ чувствованіяхъ мы идеализуемъ любимое существо, какими чертами его надѣляемъ, въ какомъ свѣтломъ и любезномъ видѣ представляемъ его себѣ. При антипатіи, субъектъ представляетъ себѣ существо въ чертахъ совершенно противоположныхъ: онъ изображаетъ своего врага въ ненавистныхъ подробностяхъ; это такое существо, которое достойно обиды, которое слѣдуетъ оскорблять; оно грубое, низкое, презрѣнное и мизерное нѣчто: не бережно съ нимъ обращаться слѣдуетъ, а напротивъ, разру-

шать и уничтожать: представляя своего врага отверженнымъ существомъ, субъектъ въ своемъ воображеніи умаляетъ его цѣну до степени презрѣнія, иногда до чувства мизерности, и даже доходитъ иногда до послѣднихъ степеней его. Такому существу человѣкъ не можетъ желать ничего добраго: напротивъ, чѣмъ хуже ему, тѣмъ для врага лучше. Враги страстно желаютъ, чтобы зло, несчастіе, бѣдствія постигали предметъ ихъ антипатіи и сильнѣйшимъ образомъ не желаютъ, чтобъ антипатичное имъ существо процвѣтало въ какомъ бы то ни было отношеніи, чтобы оно испытывало удовольствіе, радовалось.

Далѣе, мы знаемъ, какимъ вообще кажется намъ человѣкъ страдающій и радующійся. Страданіе понижаетъ существо въ нашихъ глазахъ до степени жалкой малости, радость, на оборотъ, дѣлаетъ ихъ больше, возвышаетъ до степени удивленія и иногда чувства грандіозности.

Что же происходитъ въ душѣ человѣка, когда онъ видитъ своего врага радующимся? Онъ представляетъ его нискимъ и презрѣннымъ, достойнымъ грубаго поруганія и т. д., а между тѣмъ видитъ, что это существо стало велико, выросло на его глазахъ, поднялось выше, чѣмъ обыкновенно казалось въ наблюденіи. На глазахъ субъекта совершается противоположное тому, что, по его мнѣнію, должно быть: радостныя событія съ врагомъ кажутся какою то несправедливостію, беззаконіемъ (не отъ этого ли радость врага возбуждаетъ негодованіе (нравственный гнѣвъ) въ томъ, кому онъ врагъ). Во всякомъ случаѣ, если такое существо радуется и растетъ отъ этого чувства, то уже никакъ не роста, не превознесенія его желалъ и желаетъ враждующій. Онъ видитъ, слѣдовательно, событіе, противное его желаніямъ, котораго онъ не чаялъ и не ожидалъ. Эти чувства неисполненнаго желанія и обманутаго ожиданія несомнѣнно входятъ въ чувство горя при видѣ радости врага. Чѣмъ въ болѣе ненавистныхъ чертахъ изображается врагъ, тѣмъ сильнѣе желаніе вреда ему, тѣмъ сильнѣе бываютъ чувства неисполненнаго ожиданія и желанія, при видѣ его радости.

Но эти чувства не составляютъ единственнаго источника, откуда несется огорченіе для человѣка, враждебно расположеннаго къ другому. При видѣ радующагося врага возникаетъ чувство какой то incohaerentiae между его существомъ (конечно, представляемымъ) и наблюдаемымъ его состояніемъ, какого то внутренняго между ними противорѣчія. Выростающій отъ радости врагъ,

слѣдовательно, наблюдаемый его образъ и внутренній его настоящій ликъ, съ которымъ субъектъ привыкъ изображать его себѣ, составляютъ контрастъ. И вотъ тотъ фактъ, что такъ случилось, такъ есть, что ненавистное, презрѣнное и ничтожное существо выросло, возымѣло силу, угрожающую нашей свободѣ, нашему благосостоянію, служитъ причиною глубокаго горя субъекта. Въ силу такого контраста, особенно при сильнѣйшей враждѣ, небольшого удовольствія, оживляющаго лицо врага, достаточно, чтобы представился такой образъ и явилось сильнѣйшее неудовольствіе, способное дойти до большого чувства горя.

Напротивъ, когда такое лицо испытываетъ горе, то антипатично къ нему расположенный субъектъ принимаетъ этотъ фактъ, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, естественное, должное. Страданіе и горе дѣлаютъ человѣка малымъ въ нашихъ глазахъ: въ страдающемъ мы видимъ немощное и безсильное существо и оно падаетъ до степени мизерности, жалкаго состоянія. Теперь, субъектъ видитъ своего врага страдающимъ и горюющимъ. Такъ какъ онъ и безъ того уже трактуется, какъ существо низкое, ничтожное по своей цѣнности, то субъектъ испытываетъ чувство удовлетворенія: ему кажется, что его врагу естественно страдать и быть въ такомъ положеніи.

Переведемъ наши теоретическія объясненія на цифры. Врагъ испытываетъ небольшое удовольствіе, которое является, какъ мы знаемъ, при увеличеніи счастія на $^1/_5$. Но по существу антипатическаго чувства, субъектъ представляетъ его достойнымъ или презрѣнія, или при крайнемъ развитіи антипатіи, существомъ ничтожнымъ, чѣмъ то вообще гадкимъ и мизернымъ. Придавая столь малую цѣну своему врагу, онъ естественно желаетъ ему и счастія, соразмѣрнаго его ничтожности: если онъ его презираетъ, то желалъ бы видѣть его въ презрѣнномъ положеніи, если онъ его считаетъ совершенно неимѣющимъ никакой цѣны, то желалъ бы видѣть и въ соотвѣтствующемъ состояніи. Субъектъ заранѣе, такъ сказать, предрѣшаетъ, какая судьба должна была бы постигнуть его врага. Въ первомъ случаѣ, врагъ долженъ по мнѣнію субъекта, имѣть счастія въ 5 разъ меньше, чѣмъ сколько имѣетъ; во второмъ, онъ долженъ имѣть его въ 50 разъ менѣе; только такое видимое паденіе могло бы удовлетворить субъекта. Между тѣмъ онъ видитъ врага въ состояніи удовольствія, положимъ, весьма небольшомъ при $^1/_5$ надбавкѣ къ его счастію. Контрастъ въ обоихъ случаяхъ выходитъ чрезвычайный, и по закону неудо-

вольствія и горя, онъ долженъ чувствоваться, при сильной антипатіи, особенно сильно. Предположимъ, сумма счастія врага равняется $^5/_5$ и такъ какъ она увеличилась на $^1/_5$, то стала равна $^6/_5$. Между тѣмъ презираемый врагъ, по мнѣнію субъекта, долженъ былъ бы имѣть сумму счастія вмѣсто $^5/_5$, только въ $^1/_5$ т. е. въ пять разъ меньше. Неудовольствіе чувствуется при лишеніи въ $^1/_{10}$ и горе при лишеніи половины счастія ($^1/_2$). Слѣдовательно, все разстояніе между $^1/_5$ и $^6/_5$ при антипатіи должно чувствоваться, какъ положительное лишеніе. Такимъ образомъ, незначительная надбавка къ счастію врага порождаетъ положительное горе, какъ будто субъектъ потерпѣлъ огромныя потери, большое несчастіе, и изъ его собственно состоянія осталась лишь 12-я доля.

Но врага можно не только презирать, но даже считать ни во что, представлять его мизернымъ существомъ. Онъ получаетъ надбавку въ $^1/_5$ своего счастія. Субъектъ же, въ соотвѣтствіе съ своимъ мнѣніемъ о немъ, считаетъ его заслуживающимъ лишь $^1/_{50}$, т. е. желалъ бы, чтобъ онъ былъ въ 50 разъ меньше того, чѣмъ онъ есть. Контрастъ выходитъ еще болѣе, чѣмъ въ вышеприведенномъ случаѣ. Переведя его на цифры, получаемъ, вмѣсто того, чтобы имѣть счастіе въ $^5/_{250}$, врагъ становится обладателемъ $^6/_5$-хъ. Первая дробь меньше послѣдней ровно въ 60 разъ. Слѣдовательно, если такой врагъ получаетъ незначительное увеличеніе счастія, то субъектъ чувствуетъ горе, какъ будто изъ его собственнаго состоянія осталась лишь 120-я доля: потеря ему должна казаться грандіозною, необыкновенною. Онъ долженъ чувствовать и свое соотвѣтственное уменьшеніе.

Какъ же глубоко несчастнымъ долженъ чувствовать себя субъектъ, когда его жесточайшій врагъ идетъ въ гору, возвышается на его глазахъ, становится предметомъ удивленія и чувства величія для многихъ?

Намъ могутъ сказать, что эти цифровыя разъясненія предполагаютъ, что надбавка въ счастіи врага извѣстна субъекту, между тѣмъ какъ мы желали объяснить фактъ, что иногда только видъ улыбающагося отъ удовольствія врага уже производитъ огромное неудовольствіе въ субъектѣ, и притомъ мы выше замѣтили, что знаніе количества надбавокъ счастія или лишеній не имѣетъ въ симпатіи, какъ и антипатіи большого значенія. Однако, кромѣ того, что надбавка счастія врага можетъ быть во многихъ случаяхъ извѣстною субъекту, мы вѣдь брали mi-

minimum надбавокъ, о которомъ субъектъ догадывается по удовольствію, отражающемуся въ его врагѣ. Онъ можетъ не знать точно, что именно случилось съ врагомъ, но предполагать только, что, если онъ особенно веселъ, доволенъ и даже радуется, то, навѣрное, его счастіе увеличилось, не на едва лишь замѣтную надбавку, а гораздо болѣе, чѣмъ на $^1/_5$. Наше вышеприведенное цифровое объясненіе есть изложеніе minimum того, что должно происходить въ субъектѣ, когда его презираемый, или считающійся ничтожнымъ врагъ едва чувствительнымъ образомъ увеличиваетъ свое счастіе.

Факты подтверждаютъ сказанное нами. Надобно имѣть въ виду случаи сильныхъ антипатій, когда субъектъ представляетъ своего врага презрѣннымъ или совсѣмъ ничтожнымъ, конечно не по силѣ, а по нравственному достоинству. Извѣстно, какъ одна улыбка, одинъ видъ признаковъ веселости врага внутренно смущаетъ того, кто считаетъ себя во враждѣ съ нимъ, и какъ небольшой успѣхъ его доставляетъ сильнѣйшее огорченіе послѣднему, можетъ составить для него настоящее несчастіе. Данное нами объясненіе показываетъ, что субъектъ принимаетъ успѣхъ врага за собственное униженіе. Представляя себя, при успѣхахъ его, въ 12 разъ менѣе или даже въ 120 разъ, понятно, что онъ долженъ чувствовать глубокое униженіе. И по мѣрѣ того, какъ врагъ возрастаетъ, онъ долженъ считать себя опускающимся ниже и ниже. Справедливо поэтому говорится, что торжество и слава, т. е. большіе успѣхи человѣка уничтожаютъ, безконечно унижаютъ его враговъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается проклятіе вражды и всякихъ антипатическихъ отношеній: при нихъ радость и удовольствіе враговъ отзываются горестно, и главное, внѣ всякой пропорціональности, тяжко на душѣ людей, которые считаютъ себя ихъ врагами.

Посмотримъ, какъ должны отзываться, при сильныхъ антипатіяхъ, въ людяхъ неудовольствія и горя враговъ. Выше мы видѣли, чего достойными считаетъ субъектъ своихъ враговъ, тѣхъ, къ кому чувствуетъ только презрѣніе, и тѣхъ, къ кому онъ питаетъ чувство мизерности. Положимъ, врагъ терпитъ лишеніе въ $^1/_{10}$ своего благосостоянія. Такъ какъ субъектъ считаетъ его достойнымъ большихъ лишеній, то, конечно, онъ долженъ чувствовать удовольствіе, какъ будто онъ самъ получилъ надбавку къ счастію въ $^1/_5$. Но онъ считаетъ своего презираемаго врага достойнымъ стать въ пять разъ менѣе того, что онъ есть, врагу же, совсѣмъ ни во что ставимому, онъ желалъ бы быть въ 50 разъ

менѣе. Слѣдовательно, при едва замѣчаемомъ въ врагѣ чувствѣ неудовольствія, субъектъ чувствуетъ удовлетворенія желанія, но считаетъ это лишеніе слишкомъ малымъ: въ первомъ случаѣ ему кажется, что лишенію слѣдовало бы быть большимъ, а во второмъ несравненно большимъ. Чувствуя удовлетвореніе желанія, субъектъ можетъ еще сожалѣть, что лишеніе, постигшее врага ничтожно и что оно должно было бы быть гораздо больше.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда серіозныя несчастія постигаютъ врага, когда наприм., презираемый врагъ терпитъ униженіе и умаленіе противъ прежняго своего положенія, по крайней мѣрѣ, въ 5 разъ, напримѣръ, понижается случайно въ общественной Іерархіи, или врагъ, возбуждающій чувство мизернаго, переноситъ большія несчастія, повергающія его въ прахъ и дѣлающія его истинно жалкимъ (наприм. видный человѣкъ по суду лишается правъ и ссылается въ Сибирь), то первымъ движеніемъ сердца бываетъ чувство полнаго удовлетворенія. Субъектъ считаетъ, что врагу такъ и слѣдуетъ, что онъ получаетъ должное. Большею частію, совпаденіе дѣйствительнаго положенія врага съ тѣмъ, котораго субъектъ считаетъ достойнымъ его воображаемый образъ, реальное осуществленіе антипатичнаго презираемаго лика врага, служитъ началомъ конца антипатіи, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ желаніе насыщается вполнѣ, и какъ всякое насыщенное желаніе, перестаетъ существовать для сознанія. Но можетъ быть и другой случай. Съ врагомъ можетъ случиться несчастіе худшее, и онъ можетъ пасть глубже, чѣмъ субъектъ считалъ его заслуживающимъ. Тогда врагъ можетъ ему казаться достойнымъ сожалѣнія и это обстоятельство можетъ быть также концомъ антипатіи. Сожалѣніе часто бываетъ прологомъ любви и цѣною несчастій, вызывающихъ сожалѣніе у враговъ, иной человѣкъ пріобрѣтаетъ расположеніе ихъ и иногда превращаетъ ихъ антипатію въ дружбу или любовь къ себѣ.

Уже простыя, слабыя антипатическія отношенія дѣлаютъ человѣка вдвое чувствительнымъ къ впечатлѣніямъ, и именно къ тѣмъ, которыя способны умножать его горе. При сильной антипатіи всякій успѣхъ врага составляетъ истинное несчастіе, можно сказать, бѣдствіе для субъекта. Къ обыкновенной суммѣ несчастій, которыхъ не избѣгаетъ никто, и огорченій, которыми полна жизнь всякого человѣка, антипатическія отношенія присоединяютъ массу неудовольствій, огорченій и бѣдствій, которыя, хотя некасаются прямо субъекта, но переживаются имъ, какъ его собствен-

ныя личныя несчастія. Антипатія къ людямъ, съ которыми онъ долженъ часто по обстоятельствамъ сталкиваться, дѣлаетъ жизнь для него почти невозможною, превращаетъ ее въ непрерывное страданіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда искусный врагъ напускнымъ торжествомъ своимъ и минутнымъ успѣхомъ умѣетъ мучить своего недоброжелателя. Антипатическія отношенія измучиваютъ и утомляютъ также, какъ могутъ утомлять душу только реальныя страданія и несчастія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Нѣжныя чувства.

Условія возникновенія ихъ. Привлекательность любимаго предмета.

Нѣжное чувствованіе сложно: въ немъ есть влеченіе къ предмету, чувство цѣны и симпатія. О двухъ послѣднихъ чувствованіяхъ мы уже говорили. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть условія, при которыхъ возникаетъ первое чувство.

Подъ влеченіемъ въ нѣжномъ волненіи мы понимаемъ чувство привлекательности предмета. Въ немъ есть волевой элементъ, присутствующій вообще во всякомъ проявленіи ума и чувства, быть можетъ, тутъ болѣе сильный, чѣмъ во всякомъ другомъ. Наблюдая или представляя предметъ нѣжности, мы чувствуемъ, что онъ привлекателенъ для насъ, что мы должны быть вмѣстѣ съ нимъ, или обладать имъ: этотъ дорогой и цѣнный предметъ какъ будто обладаетъ притягательною силою: не мы къ нему стремимся, а онъ притягиваетъ насъ къ себѣ. Такое то чувство привлекательности намъ теперь и слѣдуетъ разсмотрѣть со стороны условій его возникновенія.

Чтобы отыскать, какой силы впечатлѣнія возбуждаютъ въ насъ чувство привлекательности, мы постараемся прежде всего отдать себѣ отчетъ въ сущности нѣжнаго чувства. Это будетъ отчетъ о сущности чувства привлекательности; оно вѣдь и есть главный элементъ въ нѣжномъ чувствѣ. Можно высоко цѣнить человѣка и гнѣваться, даже ненавидѣть его; можно питать сочув-

ствіе къ другу, но не имѣть любви. Но невозможно не любить привлекательнаго предмета.

Языкъ даетъ намъ глубокія указанія, въ чемъ искать сущности нѣжнаго чувства. Мы говоримъ о нѣжномъ цвѣтѣ, тонѣ, вкусѣ, запахѣ, нѣжномъ предметѣ и противопоставляемъ имъ грубые. Въ свое время нами было говорено, что нѣжность и грубость суть качества осязанія и что мы аналогизируемъ дѣйствія внѣшнихъ впечатлѣній на чувство зрѣнія, слуха, вкуса и обонянія дѣйствію предмета на осязаніе, и называемъ по этому цвѣта, вкусы, запахи и тоны нѣжными или грубыми. Но такія качества мы все таки объективируемъ, т. е. приписываемъ ихъ не себѣ, а предмету, слѣдовательно, называя цвѣтъ или звукъ или вкусъ нѣжными, мы самому предмету приписываемъ извѣстныя качества и свойства, т. е. представляемъ его особеннымъ образомъ, въ видѣ, совсѣмъ противоположномъ тому, въ какомъ представляемъ грубые предметы. Нѣжный цвѣтъ мы представляемъ, какъ нѣчто недопускающее грубаго прикосновенія и тонкое, нѣжный тонъ, какъ нѣчто бархатное, бережно касающееся нашихъ ушей, малое и вмѣстѣ цѣнное. Также точно мы представляемъ себѣ нѣжные вкусы и запахи. Тотъ предметъ мы называемъ нѣжнымъ, до котораго боязно дотронуться, который не терпитъ грубаго обхожденія, который кажется намъ легкимъ и тонкимъ. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ нѣжными предметами мы преимущественно называемъ вещи хрупкія, тонкія, легко поддающіяся разрушенію. Но съ понятіемъ нѣжнаго соединяется представленіе и чего то цѣннаго, дорогаго; съ предметами искусства мы обходимся нѣжно; чѣмъ выше цѣнимъ ихъ, тѣмъ наше обхожденіе съ ними нѣжнѣе. Мы боимся прикоснуться къ нимъ, чтобы неосторожнымъ движеніемъ не исказить, не обезобразить ихъ. Грубое обхожденіе съ памятниками искусства осуждается, какъ вандализмъ.

Въ любви и дружбѣ мы нѣжно относимся къ предметамъ ихъ. Они суть живыя существа и по отношенію къ нимъ мы находимся въ такомъ состояніи, что боимся, какъ бы не причинить имъ страданія, не обидѣть, не нарушить чѣмъ нибудь ихъ свѣтлости настроенія, не омрачить ихъ радости. Намъ кажется, что предметъ нашей нѣжности легко можетъ быть порушенъ, что онъ требуетъ самаго бережнаго обхожденія, что его нужно беречь такъ, чтобъ, какъ говорится въ „Грозѣ“ Островскаго, и вѣтеръ не обидѣлъ его. Онъ представляется намъ, какъ что то малое, легконарушимое, тонкое, эѳирное, чистота и свѣтлость чего

можетъ быть оскорблена даже нечистымъ дыханіемъ. Съ другой стороны, живое существо, предметъ нѣжности, представляется какъ нѣчто въ высшей степени цѣнное, дорогое, грубое обхожденіе съ которымъ умалитъ, обидитъ его, можетъ исказить дорогія черты: оно кажется, въ минуты нѣжнаго настроенія, чѣмъ то высокимъ, чистымъ, святымъ, великимъ. При такомъ своемъ отношеніи къ нему субъектъ не можетъ допустить, чтобы привлекательный предметъ могъ страдать: физическое или моральное страданіе кажется противорѣчіемъ существу любимаго предмета, своего рода contradictio in adjecto; оно вѣчно должно быть свѣтлымъ, радостнымъ, ни чѣмъ не омраченнымъ, должно наслаждаться своимъ бытіемъ. Оттого любящій всегда болѣе страдаетъ, чѣмъ само любимое существо, страдаетъ сочувственными муками за него, и смотритъ на неудовольствіе и боли его, какъ на нѣчто для себя нестерпимое.

Нечего и говорить, что при всякихъ нѣжныхъ отношеніяхъ образъ любимаго существа, такой, какимъ онъ представляется любящему, создается воображеніемъ. Любовь идеализуетъ: вмѣсто реальнаго существа съ его недостатками и не совершенствами, она подставляетъ идеальное, котораго въ дѣйствительности нѣтъ, на которое реальность въ лучшемъ случаѣ только неопредѣленно намекаетъ. Такъ, молодой человѣкъ идеализуетъ молодую дѣвицу, украшая ее всѣми достоинствами ума и сердца, возводя ее въ идеалъ духовной красоты; въ дѣйствительности есть только физическая красота и то, быть можетъ, лишь на его глазъ. Мать идеализуетъ своего ребенка, хотя реально онъ есть существо только плачущее, жадно ищущее матери въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ начинающей только пробиваться интеллигенціей. Для воображенія, при нѣжныхъ отношеніяхъ, даже нѣтъ иногда и надобности въ какихъ либо намекахъ: въ противорѣчіе съ дѣйствительностію, оно ставитъ идеальный образъ и въ смыслѣ его любящій объясняетъ все находимое въ любимомъ существѣ. Не станемъ жалѣть объ этомъ фактѣ. Еслибы мы не способны были идеализовать кого бы нибыло, мы никого и не любили бы, ни къ кому сильно не привязывались бы сердцемъ. Пусть говорятъ, что въ любви человѣкъ обманываетъ самого себя: такой самообманъ, способность къ нему, есть самая лучшая черта человѣческаго сердца: она между прочимъ возвышаетъ его надъ животными. Оттого, такіе идеальные образы всего легче образуются въ молодые годы, когда нѣтъ большого знанія людей, и

молодой человѣкъ способенъ одушевляться любовію, которая потомъ выноситъ сокрушительные удары времеии, собственнаго опыта. Оттого, такъ трудна идеализація людей въ годы зрѣлости, когда знакомая дѣйствительность уже слишкомъ противорѣчитъ всякой попыткѣ идеализовать кого бы то нибыло, и потому всего труднѣе образуются въ такомъ возрастѣ узы любви и дружбы.

Въ свое время мы указывали типы любви: родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, мужа къ женѣ, дѣтей между собою. Это и есть основы, на которыхъ зиждется самый крѣпкій изъ человѣческихъ союзовъ, семья. Живя въ ней, человѣкъ пріучается ко всѣмъ видамъ союзовъ, вообще возможныхъ между живыми существами. Родительская любовь есть первообразъ любви старшихъ къ младшимъ; любовь дѣтей къ родителямъ есть первообразъ всякихъ отношеній младшихъ къ старшимъ. Любовь мужа къ женѣ есть прототипъ отношеній между лицами различныхъ половъ, взаимная любовь братьевъ и сестеръ есть первообразъ отношеній равныхъ къ равнымъ. Семья есть, слѣдовательно, общество и государство въ маломъ видѣ, гдѣ повторяются и при томъ въ самой наилучшей, близкой къ идеалу, формѣ всѣ отношенія, вообще существующія въ обществѣ и государствѣ. Оттого, замѣтимъ между прочимъ, правильное семейное воспитаніе имѣетъ такое важное значеніе для индивидуума самаго, для общества, для государства, и послѣднее, въ видахъ самоохраны, должно употреблять всѣ мѣры для укрѣпленія семьи и защиты ея отъ тлетворныхъ вліяній.

Въ родительскомъ нѣжномъ чувствѣ предметъ его представляется привлекательнымъ потому, что онъ малъ, беззащитенъ, не допускаетъ никакой грубости обхожденія и вмѣстѣ необыкновенно дорогъ и цѣненъ. Такъ мать представляетъ себѣ свое дитя въ первые дни послѣ его рожденія. Ребенокъ растетъ, мужаетъ, становится самъ полноправнымъ гражданиномъ, отцомъ, но нѣжная мать не разстается съ своимъ взглядомъ: она все думаетъ еще о томъ, чтобы кто нибудь не обидѣлъ ея дѣтище, чтобы ему не было тягостно, холодно или голодно, чтобы оно не страдало и не скорбѣло. Ея любовь есть влеченіе къ малому, жалкому. Но мы видѣли, что чувство малости (т. е. мизерности) возбуждается, когда наблюдаемый предметъ кажется, покрайней мѣрѣ, въ 50 разъ менѣе своего должнаго серіознаго размѣра, или наблюдающаго субъекта. Видъ дѣтей, особенно новорожденныхъ, возбуждаетъ чувство ничтожности третьей степени. (См. выше). Этотъ взглядъ,

это отношеніе, это чувство къ дѣтямъ могутъ измѣняться въ родителяхъ: съ ростомъ первыхъ оно можетъ превращаться въ чувство второй, первой степени, въ малонѣжныхъ родителяхъ оно можетъ исчезнуть совсѣмъ; когда дитя выросло и самостоятельно стало на ноги, могутъ образоваться въ родителяхъ чувства цѣны, дружеской симпатіи и замѣстить чувство привлекательности. Но въ истинно любящихъ своихъ дѣтей родителяхъ такое чувство никогда не исчезаетъ: сынъ можетъ самъ посѣдѣть, занять высшій общественный постъ, о которомъ родители не смѣли и мечтать, быть головою выше своихъ родителей, но для ихъ нѣжнаго чувства онъ все еще дитя, съ которымъ нужно обходиться какъ можно бережнѣй и осторожнѣй; онъ для нихъ все еще нѣчто идеальное, цѣнное, малое.

Въ дѣтской любви къ родителямъ, на оборотъ, первая роль принадлежитъ представленію великаго, высокаго, необыкновенно важнаго и цѣннаго, съ которымъ должно, какъ можно нѣжнѣе обходиться, чтобы не оскорбить чего то большого, чтобы не заставить страдать и тревожиться это большое. Такъ относятся глубоко любящія дѣти къ своимъ родителямъ. Но чувство высшаго и великаго возникаетъ, когда мы представляемъ себѣ нѣчто въ 50 разъ болѣе обыкновеннаго, или болѣе насъ самихъ. Въ свое время мы также видѣли, что уже въ отношеніи мускульной силы взрослый въ 50 и болѣе разъ превосходитъ силу дѣтей извѣстныхъ возрастовъ. Со временемъ дѣти выростутъ, сами станутъ сильнѣе, по своему значенію и вліянію выше своихъ родителей, но чувство ихъ и взглядъ, на которомъ оно основано, останется: они все таки останутся дѣтьми своихъ родителей и не перестанутъ смотрѣть на нихъ, какъ на что то высшее себя, что не должно быть ничѣмъ омрачаемо. Ихъ любовь есть влеченіе малаго къ великому.

Что составляетъ сущность любви, связывающей лицъ различнаго пола? Она сложнѣе, чѣмъ всякая другая любовь. Въ ней есть элементъ идеальный, какъ и во всякомъ видѣ любви. Мужъ относится нѣжно къ женѣ и на оборотъ, и тотъ и другая идеализуютъ другъ друга; о сильно влюбившихся говорятъ, что они обожаютъ, боготворятъ одинъ другого; каждый изъ нихъ обожаетъ не реальное существо, а тотъ идеальный образъ, который подсказывается имъ воображеніемъ. Поводомъ къ нему служитъ физическая красота или, просто, благообразіе тѣла. Влюбляющійся начинаетъ съ того, что находитъ фигуру, лицо извѣстной личности красивыми. Услужливое воображеніе внѣшнюю красоту усу-

губляетъ и возводитъ въ идеальную духовную красоту, представляетъ существо цѣнное, чистое, цѣломудренное, которое вѣчно должно свѣтло радоваться, никогда не скорбѣть, съ которымъ немыслимо обойтись грубо: ибо всякое неосторожное прикосновеніе должно, повидимому, нарушить его чистоту, оскорбить и обезобразить его высокую красоту. Превознося такъ другое существо, субъектъ относится къ нему, какъ и вообще къ высокимъ красивымъ предметамъ, т. е. разсматриваетъ ихъ какъ нѣчто возвышенное надъ обыкновеннымъ. Слѣдовательно, любимое существо должно казаться любящему несравненно выше обыкновенныхъ наблюдаемыхъ людей. И такъ какъ для влюбленнаго нѣтъ никакого другого предмета лучше, красивѣе того, кого онъ любитъ, то мы должны предположить, что въ немъ возбуждается чувство красоты не первой степени, а гораздо высшей.

Не одна только красота, какъ таковая, привлекаетъ любящаго человѣка къ любимому. Конечно, она дѣйствуетъ почти во всѣхъ бракахъ, такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ изъ за нея молодые люди обращаютъ вниманіе другъ на друга и взаимно привлекаются. Всякій женится и всякая выходитъ замужъ за привлекательнаго нравящагося субъекта: для другихъ оба брачущіяся лица могутъ быть некрасивы, но они красивы другъ для друга и только это имъ и нужно. Но бракъ былъ бы неустойчивымъ учрежденіемъ, если бы онъ основывался на одной иллюзіи красоты: нашедши другую личность красивѣе своей жены, мужъ имѣлъ бы стремленіе бросить ее, и такъ имѣла бы право поступить и жена. Между тѣмъ, при отношеніяхъ любви, лица различныхъ половъ цѣнятъ другъ друга не соизмѣримо съ прочими людьми. Жена можетъ сознавать, что есть много мущинъ красивѣе мужа, но тѣмъ не менѣе онъ ей дороже всѣхъ другихъ людей и ни на кого она не промѣняетъ его. Еслибъ это было слѣдствіемъ одного самоотреченія, сознанія долга, то супружеская вѣрность была бы рѣдкимъ фактомъ, какъ и всѣ подвиги. Въ половой любви есть еще другой элементъ, который чрезвычайно крѣпко привязываетъ одно лицо къ другому и который отъ времени можетъ только крѣпнуть. Онъ тоже находится въ связи съ фактомъ красоты любимаго человѣка.

Красота цѣнится высоко и представляя себѣ лицо другого пола идеально-красивымъ, человѣкъ высоко ставитъ его надъ собою. При одномъ такомъ отношеніи къ любимому предмету, человѣкъ относился бы къ нему лишь какъ къ рѣдкости, къ ху-

дожественному произведенію: картинѣ, статуѣ и т. под. Но красота живаго существа тѣмъ отличается отъ красоты матеріальнаго предмета, что она сильнѣйшимъ образомъ привлекаетъ къ себѣ. Ниже мы увидимъ, что красота вообще возвышаетъ достоинство предмета: тоны отдѣльно взятые, могутъ не имѣть никакого значенія, но данные вмѣстѣ образуютъ гармонію, которая нравится эстетически, изъ за которой оба тона мы называемъ прекрасными. Еслибъ тоны были живыми существами и знали, какъ они возвышаются въ цѣнѣ отъ того, что раздаются вмѣстѣ съ извѣстными другими, то они искали бы одинъ другого, влеклись бы и вздыхали взаимно другъ по другѣ, находили бы страшно привлекательными одинъ другой. Если бы, далѣе, они сознавали, что и существуютъ они для гармоніи, въ ней находятъ свой raison d'être, а безъ нея они жалки, бѣдны, не могутъ обнаружить своей цѣны и достоинства, то соединеніе съ тѣми, съ которыми образуютъ гармонію, они поставили бы задачею своей жизни и, раздѣленные, находили бы себя вполнѣ несчастными. Не тоже ли самое и въ сочетаніи душъ, связанныхъ любовію? Онѣ видятъ одна въ другой воплощеніе красоты. Эта красота не только цѣнна сама по себѣ, но соединеніе съ нею возвышаетъ соединяющагося; союзъ съ нею дополняетъ существо и чрезъ него оно получаетъ приращеніе, избытокъ, достоинство, которыхъ въ противномъ случаѣ не имѣло бы; только въ соединеніи съ такимъ существомъ, любящій думаетъ, можетъ онъ жить, найти свой raison d'être, раскрыть во всемъ объемѣ свое существо, обнаружить свое внутреннее значеніе, радоваться такому вновь нарождающемуся бытію, наслаждаться отзвуками, которые находятъ звуки его жизни въ другомъ существѣ и которые въ немъ самомъ раздаются на вибрацію другого сердца. Это есть наивысшая психическая гармонія, которой человѣкъ ищетъ въ любви и иногда находитъ и которая служитъ источникомъ счастія, дѣйствительно, неземнаго. Оттого любовь инстинктивно признается источникомъ величайшаго духовнаго наслажденія и для обрѣтенія его, человѣкъ отказывается отъ семьи, въ которой прожилъ долгіе годы, оставляетъ, по слову писанія, отца и мать, мѣняетъ богатство, независимость на бѣдность и стѣсненность. Вся горечь лишеній и бѣдствій ему кажется ничѣмъ предъ счастіемъ гармоническаго существованія. Поэтому любящій сильнѣйшимъ образомъ влечется къ любимому; безъ него жизнь ему кажется не въ жизнь, счастіе невозможнымъ, существованіе только влачится, а не радуетъ. И мы

знаемъ изъ романовъ и жизни, что нѣтъ несчастнѣе положенія, какъ отвергнутой истинной любви: въ отчаяніи такіе люди нерѣдко налагаютъ на себя руки.

Изъ нашего анализа открывается главное и преимущественное значеніе половой любви. Основываясь на идеализаціи любимаго предмета и чувствѣ гармоническаго существованія съ нимъ, она представляетъ самый сильный союзъ, какой только возможенъ между людьми. Она крѣпче родительской любви къ дѣтямъ (сознавая, что новый союзъ будетъ неблагопріятенъ для счастія и благополучія дѣтей, родители тѣмъ не менѣе вступаютъ въ новые браки, уступая влеченію любви), сильнѣе любви дѣтской къ родителямъ; она сильнѣе и братской любви, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Любовь дѣтей: брата и сестры, братьевъ между собою и равно сестеръ, есть любовь равныхъ. Она можетъ подаваться въ типъ родительской при большомъ неравенствѣ лѣтъ и подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ: напримѣръ, старшій братъ, на котораго выпала доля воспитывать своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ, можетъ любить послѣднихъ какъ старшій младшихъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, и послѣдніе могутъ смотрѣть на него, какъ на своего отца. Но мы беремъ здѣсь такія отношенія любви, которыя устанавливаются обыкновенно между братьями и сестрами приблизительно равныхъ лѣтъ. Эта любовь болѣе походитъ на дружбу и элементъ послѣдней трудно отдѣлить отъ первой. Однако, братъ можетъ быть не только другомъ своего брата, своей сестры, но и любить ихъ.

И эта братская любовь основывается также на идеализаціи, хотя и не столь сильной, какова бываетъ въ половой любви. Пока идеализаціи нѣтъ и къ ней дѣти не способны, они не могутъ любить другъ друга: они привыкаютъ быть вмѣстѣ, играютъ другъ съ другомъ, нуждаются одинъ въ другомъ для взаимныхъ забавъ, но любви у нихъ нѣтъ. Въ самой благоустроенной, почти идеальной, семьѣ о дѣтяхъ до извѣстнаго возраста (до 10 лѣтъ) можно сказать только, что они дружны и согласны. Любовь къ большому и высшему имъ понятна чуть не съ самаго дня рожденія, но любовь къ равному требуетъ времени для своего появленія и извѣстной степени развитія. Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: половая любовь является еще позже. Итакъ, братъ начинаетъ любить брата, сестру съ момента идеализаціи ихъ, когда они начнутъ ему представляться вообще, какъ

нѣчто дорогое, цѣнное, стоющее всевозможнаго ухода, легко рушимое, что должно радоваться своему бытію, къ чему страданія не идутъ, какъ противорѣчія понятію его. Такая идеализація идетъ иногда далеко: о братѣ и сестрѣ часто говорятъ, что они обожаютъ другъ друга, т. е. идеализуютъ въ высшей степени.

Законъ гармоніи управляетъ отношеніями любви.

Фактъ, что въ отношеніяхъ любви есть осуществленіе гармоніи, искушаетъ насъ попытаться сдѣлать нѣкоторыя аналогіи между гармоніей тоновъ и гармоніей душъ въ любви. Изъ анализа эстетическихъ чувствованій, возбуждаемыхъ звуками, мы знаемъ, что существуютъ простые и сложные консонансы, простыя гармоніи и аккорды. Полный консонансъ бываетъ между тонами раздѣленными между собою цѣлыми октавами, наприм. между тожественными звуками двухъ смежныхъ октавъ и между примою и квинтою одной и той же октавы: эти звуки соотносятся между собою, по числу колебаній, производящихъ ихъ, какъ 1 : 2 и 2 : 3. Остальныя сочетанія тоновъ одной и той же октавы: примы съ терціей (4 : 5), съ квартою (3 : 4), съ секстою (3 : 5) образуютъ консонансы несовершенные. Условія гармоническихъ аккордовъ состоятъ въ томъ, чтобы въ сочетаніи основныхъ тоновъ консонансы преобладали надъ диссонансами, равно, чтобы въ сочетаніи вторичныхъ и комбинаціонныхъ—гармонія также преобладала надъ дисгармоніей. Сочетаніе тожественныхъ звуковъ одной высоты не даетъ гармоніи, но одинъ и тотъ же тонъ, только усиленный (унисонъ).

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, что въ области звуковъ тожественные звуки не даютъ консонанса, а только одинъ усиленный звукъ. Заключая по аналогіи, мы должны ожидать, что натуры тожественныя, если бы онѣ были только возможны, не могли бы образовать гармоническаго союза и вовсе не любили бы другъ друга. При отношеніяхъ любви одинъ субъектъ влечется къ другому; влеченіе есть стремленіе и желаніе, желаемъ же мы того, чего у насъ нѣтъ, въ чемъ сознаемъ недостатотъ. Совершенно подобный намъ субъектъ былъ бы непривлекателенъ, такъ какъ въ немъ мы встрѣтили бы только повтореніе самого себя и не нашли бы ничего, что пополняло бы пробѣлы въ на-

шемъ существѣ. Этимъ предположеніемъ мы воспользуемся ниже при анализѣ отталкиванія и вражды.

Для образованія консонанса требуется, чтобы тоны были различны, но тѣмъ не менѣе ихъ дрожанія совпадали бы по извѣстному закону: вибрируя различно, струны должны имѣть совпадающія дрожанія и когда они есть, то звуки, ими производимые, кажутся согласными. Такъ и въ отношеніяхъ любви: для союза ея требуется нѣкоторое сходство существъ и нѣкоторое различіе ихъ. Въ чемъ же именно? Относительно звуковъ, даваемыхъ какимъ бы то ни было инструментомъ, мы знаемъ, что при разстройствѣ его гармонія въ нихъ становится невозможною: когда одна струна повышаетъ, а другая нѣсколько понижаетъ, то колебанія ихъ не совпадаютъ и оттого происходитъ дисгармонія. Слѣдовательно, можно предполагать, что и въ душахъ требуется единство психическаго строя, дабы они могли образовать гармоническій союзъ между собою. Единство душевнаго строя разныхъ людей состоитъ въ томъ, что у нихъ моменты наступленія различныхъ чувствованій совпадаютъ между собою. Сила и энергія чувствованій, даже степени ихъ *) могутъ не совпадать у разныхъ людей: напримѣръ, одинъ субъектъ можетъ ранѣе другого начинать удивляться и достигаетъ большей силы и высшей степени удивленія, тогда какъ другой только слабо удивляется и достигаетъ только нисшей; подобное же явленіе можетъ быть въ радости, горѣ, страхѣ, чувствѣ удачи, шуткѣ, грандіозномъ и мизерномъ; одинъ субъектъ болѣе туго поддается на чувствованіе, другой скорѣе и живѣе, но строй у нихъ одинъ, такъ какъ одни и тѣже впечатлѣнія возбуждаютъ тѣже чувства, но различной силы. Въ этомъ и состоитъ одинаковость вкусовъ, привычекъ, воззрѣній. При единствѣ строя, два субъекта могутъ быть вообще сходны во вкусахъ, привычкахъ, воззрѣніяхъ, но они будутъ въ тоже время и различны; какъ въ фортепіано тожественные удары по разнымъ струнамъ вызываютъ звуки одной силы, но различной высоты, такъ и тожественныя впечатлѣнія въ двухъ душахъ могутъ вызывать одинаковыя чувствованія, но различной глубины.

Настолько то мы все таки знакомы съ отношеніями, устанавливающимися между людьми на основаніи любви, чтобы ска-

---

*) Различіе степеней чувствованій различныхъ лицъ, по поводу однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, происходитъ не отъ различія законовъ, управляющихъ движеніями сердца ихъ, а отъ несогласія мѣръ, которыми они измѣряютъ впечатлѣнія.

зать, что самые крѣпкіе союзы между лицами различныхъ половъ образуются при одинаковости общаго ихъ психическаго строя. Тожество и слишкомъ большое сходство въ подробностяхъ его исключаютъ возможность привлекательности субъектовъ другъ для друга. Но сходство во вкусахъ, стремленіяхъ, взглядахъ, особенно же въ способѣ отношенія сердца къ впечатлѣніямъ требуется для упроченія ея. Лица, слишкомъ въ этомъ отношеніи различающіяся, но привлекаемыя кажущеюся взаимною красотою, сходятся вмѣстѣ и любятъ другъ друга, т. е. утверждаютъ свою любовь на одной идеализаціи другъ друга: когда же идеализація исчезаетъ, а другого основанія любви, потребности въ взаимномъ гармоническомъ сліяніи и дополненіи нѣтъ и не можетъ быть, по слишкомъ большой разности вкусовъ настроеній, то такія лица обыкновенно расходятся. Извѣстно, что дѣйствительныя и грубыя mesalliances создаютъ непрочные брачные союзы, дѣлаютъ невозможными истинныя отношенія любви. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что привлекаясь только красотою, лица глубоко различныхъ общественныхъ положеній образуютъ союзъ: у нихъ радость, удивленіе, гнѣвъ, страхъ, стыдъ и т. д. возникаютъ при условіяхъ совершенно различныхъ, такъ что въ рѣдкихъ случаяхъ они могутъ совпасть: любовь, при такихъ условіяхъ, немыслима.

Не смѣя утверждать, что гармоническія отношенія между душами суть тѣже, что и между тонами, мы попробуемъ, однакожъ, на минуту предположить ихъ тожество и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Совершенные консонансы получаются, когда отношенія между тонами соотвѣтствуютъ 1 : 2 и 2 : 3. Въ приложеніи къ сердцу первое отношеніе будетъ значить: одно и тоже впечатлѣніе въ одномъ субъектѣ производитъ чувствованіе вдвое большее, чѣмъ въ другомъ, или чтобы явилось у этихъ двухъ лицъ одинаковой силы чувствованіе требуются два впечатлѣнія, превосходящія одно другое вдвое. Что въ одномъ субъектѣ возбуждаетъ радость, положимъ первой степени, то возбудитъ въ другомъ радость второй, вторая степень радости одного лица будетъ соотвѣтствовать у другого четвертой и т. д. Такъ какъ законы возрастанія чувствованій во всѣхъ людяхъ должны быть одинаковы (иначе общественная и семейная жизнь были бы невозможны), то субъекты могутъ различаться въ пунктахъ отправленія при развитіи чувствованій, могутъ испытывать неодинаковое дѣйствіе впечатлѣній на сердце, но разъ чувствованіе у нихъ на-

чалось, оно будетъ развиваться по однимъ и тѣмъ же законамъ у обоихъ. Подобные примѣры мы находимъ въ ощущеніяхъ. Человѣкъ съ острымъ зрѣніемъ и тонкимъ слухомъ лучше слышитъ и видитъ, чѣмъ субъектъ съ слабыми глазами и тугой на ухо; для одного требуется малый свѣтъ и звукъ, чтобы слышать и видѣть, для другого вдвое или втрое большій. Они различаются по пунктамъ отправленія въ ощущеніи, но законы, опредѣляющіе minimum разности въ впечатлѣніяхъ, производящей различіе ощущеній, остаются одни и тѣже.

Отношеніе 2 : 3 можетъ значить въ разбираемомъ случаѣ слѣдующее; одинаковыя чувствованія могутъ возбуждаться въ двухъ лицахъ впечатлѣніями, изъ которыхъ одно въ полтора раза болѣе другого, или одно и тоже впечатлѣніе возбуждаетъ въ двухъ субъектахъ два чувствованія по силѣ своей въ полтора раза различныя: наприм. одно и тоже радостное, горестное, удивительное событіе возбуждаетъ въ одномъ лицѣ чувствованія радости, горя, удивленія 2-й, или 4 степени, а въ другомъ 3-й или 6-й. Также точно можно перенести на психологическія явленія другія отношенія, управляющія несовершенными консонансами: отношеніе 4 : 5 (прима съ терціей) имѣетъ такой психическій смыслъ, что впечатлѣніе, возбуждающее въ одномъ субъектѣ чувствованіе четвертой степени, въ другомъ возбудитъ 5-ю степень и т. д. Легко истолковать въ подобномъ смыслѣ и другія гармоническія отношенія въ приложеніи къ душѣ.

Что же все это значитъ? Различіе въ пунктахъ отправленія дѣятельности сердца и неодинаковое дѣйствіе впечатлѣній на него означаютъ различныя степени чувствительности его. Разсуждая по аналогіи звукамъ, мы должны сказать, что наивыгодное гармоническое отношеніе между душами бываетъ тогда, когда одна, въ отношеніи чувствительности, вдвое или въ полтора раза превосходитъ другую. Психическая гармонія между душами бываетъ гораздо несовершеннѣе, когда онѣ ближе подходятъ по чувствительности одна къ другой, причемъ minimum разности, допустимый въ этомъ случаѣ, долженъ быть не менѣе $^1/_4$, или одна чувствительность должна относиться къ другой покрайней мѣрѣ какъ 4 : 5 или какъ $1 : 1^1/_4$. Конечно, можно представить себѣ и въ музыкѣ даются, какъ фактъ, въ четверо въ шестеро и т. д. неравныя отношенія между звуками: напримѣръ, звуки, раздѣленные двумя, тремя, четырьмя октавами. И къ нимъ приложимъ законъ консонансовъ. Но полная гармонія дается

звуками, раздѣленными не болѣе, какъ двумя октавами; чѣмъ больше мы будемъ брать разстоянія между тонами, тѣмъ менѣе ухо слышитъ сродство между ними, тѣмъ гармонія становится несовершеннѣе.

Мы полагаемъ, что наши разсужденія имѣютъ нѣкоторое приложеніе къ психическимъ явленіямъ. Половая любовь, опирающаяся, по нашему мнѣнію, на требованіе гармоніи между двумя существами и ею поддерживаемая, возможна между лицами только разныхъ половъ: къ физіологическимъ различіямъ между ними присоединяется различіе и психическое. Если бы духовный строй женщины былъ тожественъ съ строемъ мущины, то, навѣрное, союзъ любви и дружбы между ними не былъ бы возможенъ. Оба пола искали бы одинъ другой лишь физіологически и затѣмъ надоѣдалибы другъ другу. Наблюдательные люди сходятся въ томъ взглядѣ на женщину, что она чувствительнѣе мущины, что на ней сильнѣе и глубже отзываются разныя событія, что ея чувствованіе тоньше: женщина плачетъ и радуется, удивляется и презираетъ, гнѣвается и страшится, стыдится тамъ, гдѣ мущина совсѣмъ не трогается. Это различіе чувствительности между мущиною и женщиною не только не есть препятствіе къ любви, но есть одно изъ главныхъ условій ея. На опытѣ мы дѣйствительно видимъ: жена удивляется тому, что мужу вовсе не кажется страннымъ, что едва обращаетъ на себя его вниманіе; жена горюетъ, мужъ не особенно скорбитъ, невѣста плачетъ по поводу несчастія съ ея любимицею собакою, или кошкою, на женихѣ едва мелькаетъ тѣнь сожалѣнія, жена презираетъ извѣстное лицо, мужъ только пренебрегаетъ имъ, жена въ испугѣ, мужъ только озабочивается. Такія различія строя ни мало не разстроиваютъ семейнаго счастія: каждое лицо, и мужъ и жена—находятъ все это въ порядкѣ вещей. И что особенно замѣчательно, такая разность чувствительности нравится обѣимъ сторонамъ. Жена сильно струсила; она будетъ очень недовольна, если мужъ ея въ такой же степени оробѣетъ; напротивъ, ей желалось бы и было пріятно, если бы мужъ ея только озаботился, но мало струсилъ. Жена плачетъ и горюетъ, но въ мущинѣ такой же плачь и такое же гореваніе она нашла бы неумѣстными и роняющими его; она ахаетъ и удивляется, приходитъ въ восторгъ, конфузится донельзя, но находя въ себѣ все это умѣстнымъ, она подумаетъ не выгодно о своемъ мужѣ, если онъ не будетъ сдержаннѣй ея во всемъ этомъ: большая холодность въ

мущинѣ нравится женщинѣ. Но и наоборотъ, мужъ нашелъ бы скучнымъ, еслибы его жена все также холодно принимала къ сердцу, какъ и онъ самъ. Мы разсказываемъ женщинѣ событіе, новость, чтобы въ ней встрѣтить большее чувство, чѣмъ какое они возбудили въ насъ. Плачь невѣсты о бабочкѣ, лежащей бездыханною, трогаетъ жениха и пріятенъ ему, хотя самъ по себѣ онъ холоденъ къ судьбѣ бабочки. Мужъ съ удовольствіемъ видитъ, что его жена добрѣе, жалостливѣе, сострадательнѣе, любезнѣе, чѣмъ онъ самъ. Большая горячность чувства въ женщинѣ нравится мущинѣ.

Но вѣдь различіе мужчины и женщины простирается не на чувствительность только, а на умъ и волю также. Въ свое время мы скажемъ объ этомъ подробно. Но теперь замѣтимъ общеизвѣстный фактъ, что мущины рѣдко избираютъ себѣ подругъ въ жизни, равныхъ совершенно по уму и характеру. Сплошь и рядомъ бываетъ, что сильные умомъ выбираютъ себѣ женъ гораздо слабѣйшихъ въ умственномъ отношеніи и умныя женщины выходятъ замужъ за дураковъ. Если сходятся два, повидимому, равныхъ ума, то это только кажется: они или заняты совсѣмъ разными вещами и направлены въ разныя стороны, или же способы мышленія, скорость его, манеры сопоставлять вещи и судить нѣсколько различны. Также общеизвѣстно, что наилучшіе союзы любви являются не тогда, когда сходятся два равныхъ по силѣ, одинаково настойчивыхъ характера (такіе брачные союзы или разстроиваются или составляютъ сущее наказаніе для обѣихъ сторонъ), но когда сильный соединяется съ слабымъ, уступчивымъ, все равно будетъ ли сильнѣйшею стороною мужъ, или жена. Поэтому мы скажемъ, что относительно ума и воли совершенная гармонія и любовь между лицами различныхъ половъ являются тогда, когда они по нравственнымъ силамъ различаются между собою вдвое, или въ $1\frac{1}{2}$ раза, но чтобы гармонія и любовь были вообще возможны, minimum различія не долженъ быть менѣе $\frac{1}{4}$, т. е. обѣ стороны должны соотноситься не менѣе, какъ $1 : 1\frac{1}{4}$.

Мы уже говорили, что совершенные консонансы возможны и между соотвѣтственными тонами, раздѣленными болѣе чѣмъ одною октавою, т. е. когда колебанія, ихъ производящія, соотносятся напр. какъ 1 : 4, 1 : 8 и т. д. или для квинтъ (2 : 3) 2 : 6; 2 : 12 и т. д. Но тогда какъ чувство гармоніи между тонами, раздѣленными двумя октавами, возбуждается полное, чѣмъ большее беремъ мы разстояніе между ними, наприм. 1 : 8 или 1 : 16;

2 : 12. или 2 : 24, тѣмъ чувство родственности звуковъ умаляется, и при разстояніи въ четыре, пять и выше октавъ, согласные звуки слышатся намъ уже какъ разные звуки, не диссонирующіе между собою, но и не явно консонирующіе. Совершенно тоже, мы имѣемъ въ душевной гармоніи и любви, на ней основанной. Гармонія между мущиною и женщиною бываетъ полная, когда ихъ чувствительности соотносятся какъ 1 : 2 или 1 : 4; 2 : 3 или 2 : 6; но при большемъ несоотвѣтствіи обѣ стороны кажутся странными одна другой. Мужу пріятна большая чувствительность жены, но при слишкомъ большомъ несоотвѣтствіи онъ находитъ жену слишкомъ увлекающеюся, чувствительность ея излишнею, удивительною, она становится ему въ тягость и непріятна: напротивъ, такая жена находитъ мужа холоднымъ, безчувственнымъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ въ ней по этому поводу возбудятся чувства презрѣнія, негодованія и гнѣва на мужа и т. д. Сильная диспропорціональность возбудитъ въ обѣихъ сторонахъ рознь; онѣ перестанутъ понимать другъ друга и тогда гармонія рушится, а вмѣстѣ съ нею любовь уступитъ свое мѣсто взаимной холодности; для холодной стороны будетъ тягостна горячность другой, а для горячей холодность. Развѣ въ дѣйствительности мы не видимъ подтверждающихъ примѣровъ? Какъ часто мужъ и жена перестаютъ понимать другъ друга, потому что одинъ охладѣлъ подъ впечатлѣніями и опытами жизни, а другая, не зная ея, подъ вліяніемъ иногда женскихъ немощей, сохраняетъ институтскую восторженность! Они могутъ не чувствовать взаимной вражды, но имъ нельзя сказать двухъ словъ другъ съ другомъ, чтобы одна сторона не почувствовала, что другая какъ то странно держитъ себя. Различіе въ чувствительности лицъ разныхъ половъ не должно переходить за извѣстные предѣлы; я думаю, что одно изъ нихъ не должно превышать другое въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ въ 4 раза.

Изъ анализа условій образованія любви становится очевиднымъ смыслъ элемента влеченія въ любви. Мы говорили, что въ ней мы чувствуемъ привлекательность любимаго предмета; влеченіе есть желаніе, желаніе же есть стремленіе пополнить какой либо недостатокъ, пробѣлъ. Мы видимъ теперь, какого рода недостатокъ пополняетъ существо, соединенное съ другимъ узами любви. Любящій представляетъ любимое существо въ идеализованномъ видѣ: къ такому существу онъ старается приблизиться, быть съ нимъ вмѣстѣ, дабы въ непосредственномъ общеніи съ нимъ вку-

сить сладость своего существованія, возвысить его. Таковъ смыслъ родительской любви къ дѣтямъ, ласкать и нѣжить которыхъ для родителей составляетъ счастіе, таковъ же смыслъ дѣтской любви и братской. Половая любовь имѣетъ между прочимъ и этотъ смыслъ, но она, сверхъ того, имѣетъ другое основаніе. Она опирается на внутреннюю потребность существа быть въ гармоническомъ единеніи съ другимъ. Соединяясь вмѣстѣ и живя въ союзѣ, оба существа пополняютъ пробѣлы, недостатки своей природы и какъ звуки, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ цѣнные консонансы, такъ существа въ единеніи составляютъ гармонію, которою сами же и наслаждаются. Дѣйствительно, при фактическомъ духовномъ строѣ мущины и женщины, тотъ и другая чрезвычайно выигрываютъ отъ союза любви. Аналитическій умъ мущины находитъ поддержку для себя въ синтетическомъ, исполненномъ такта, умѣ женщины; его сильная и настойчивая воля, подчиняя до нѣкоторой степени и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ волю женщины, умножается въ своемъ могуществѣ, хотя и не столь сильно, волею послѣдней и соединенныхъ двухъ воль бываетъ достаточно, чтобы справиться съ мелкими и великими затрудненіями жизни. Сердце мущины, обыкновенно холодное и мало податливое на волненія, находитъ въ сердцѣ женщины въ развитой формѣ тѣ сердечныя движенія, которыя у него даны только въ начаточномъ видѣ. Его чувствованія продолжаются въ сердцѣ женщины и достигаютъ своего естественнаго должнаго напряженія. На оборотъ, умъ женщины дополняется умомъ мущины: ея синтезъ дополняется его анализомъ, и то что она представляетъ въ образахъ, то разчленяется имъ, и на оборотъ, аналитическіе выводы его предваряются синтетическими образами женскаго ума. Ея болѣе или менѣе слабая и мало настойчивая воля опирается на крѣпкую и сильную волю мущины и находитъ въ ней пополненіе пробѣла своей натуры: съ мущиною вмѣстѣ женщина становится способною къ подвигу жизни, и бодро несетъ тяготы ея. Усиленная чувствительность женскаго сердца охлаждается постояннымъ соприкосновеніемъ съ болѣе холоднымъ строемъ мущины: въ его низкихъ сердечныхъ тонахъ женщина находитъ руководство для своего, способнаго къ увлеченіямъ, чувства. Какъ много проигрываетъ мущина, не успѣвшій найти себѣ женщину по сердцу, т. е. съ которою онъ могъ бы устроить гармоническое существованіе, показываютъ старые холостяки: извѣстенъ ихъ общій типъ сухой, желчный, черствый, холодный, неспособный къ пониманію тонкихъ оттѣнковъ

чувства, деликатныхъ положеній и т. д.; безъ болѣе чувствительнаго сердца женщины онъ не имѣлъ случаевъ ознакомиться и научиться высшимъ тонамъ сердца. И всѣ мы знаемъ также общій типъ засидѣвшейся въ невѣстахъ дѣвицы, восторженный, истеричный, съ поднятою до невозможности чувствительностію и потому на здравый смыслъ кажущейся смѣшною. Каждый полъ, предоставленный только самому себѣ, безъ союза и взаимодѣйствія съ другимъ, ухудшается, съ теченіемъ времени усиливая присущую себѣ односторонность.

Возрастаніе и укрѣпленіе любви.

Влеченіе въ любви можетъ возрастать и уменьшаться. Во всѣхъ видахъ ея привлекательность существъ основывается на идеализаціи ихъ. Такъ какъ при ней любящій представляетъ себѣ любимое существо нѣжнымъ, чистымъ, высокимъ и т. д., то привлекательность его возрастаетъ соотвѣтственно степенямъ идеализаціи. Въ чистомъ и совершенномъ своемъ видѣ любовь предполагаетъ въ любящемъ идеализацію, возбуждающую въ немъ чувство высокаго, которое является, когда предметъ представляется высшимъ и лучшимъ сравнительно съ обыкновеннымъ будничнымъ своимъ видомъ. Съ усиленіемъ идеализаціи должно возрастать чувство удивленія и прежде чѣмъ явится чувство высокаго второй степени, удивленіе возрастетъ почти до четвертой степени. Судя потому, что намъ доступны чувства высокаго шестой и седьмой степеней, мы должны предполагать, что, по всей вѣроятности, возможна идеализація существа, возбуждающая чувство высокаго этихъ степеней. По крайней мѣрѣ, такъ слѣдуетъ думать, если вѣрить искренности увѣренія любящихъ, что для нихъ любимое существо выше и дороже всего въ мірѣ, что они ни на что его не промѣняютъ, если вѣрить, наконецъ, общему говору, что влюбленные обожаютъ другъ друга. Такое высокое идеализованіе встрѣчается, едва ли не исключительно, только въ половой любви. Къ ней приближается любовь матери къ дѣтямъ, для которой въ минуты нѣжнаго возбужденія, повидимому, нѣтъ никого и ничего выше ихъ. Слабѣе всего идеализація и связанное съ нею влеченіе бываетъ въ братской любви: братья и сестры относятся другъ къ другу гораздо трезвѣе, чѣмъ къ родителямъ или послѣдніе къ дѣтямъ.

Такъ какъ половая любовь основывается, кромѣ идеализаціи, еще на потребности гармоническаго единенія съ другимъ существомъ, то ея возрастаніе зависитъ и отъ усиленія гармоніи. Усиленіе же гармоніи можетъ происходить двумя путями: или путемъ перехода изъ менѣе совершеннаго гармоническаго сочетанія въ болѣе совершенное, или путемъ осложненія.

Струны музыкальнаго инструмента, какъ подчиненныя строгимъ физическимъ законамъ, не могутъ приспособляться одна къ другой: каждая изъ нихъ, при данномъ напряженіи, своемъ матеріальномъ составѣ и данной длинѣ, производитъ извѣстный звукъ, и не въ ея власти приспособиться къ другой струнѣ и нѣсколько уменьшить или увеличить количество своихъ дрожаній, дабы съ нею произвести болѣе совершенную гармонію. Но если бы струны понимали, какое счастіе быть въ гармоніи съ другими струнами, и какъ отъ того возвышается достоинство дѣятельности ихъ, онѣ, навѣрное, употребили бы всѣ усилія взаимно приспособиться. Но гармонія, на которой основывается любовь, является между живыми существами, одаренными свободною волею. Они могутъ желать ея и стараться взаимно приспособиться. Если справедливо то положеніе, что организмъ одаренъ способностію приспособляемости къ окружающей обстановкѣ, то это же, только въ высшей степени, слѣдуетъ приписать и душѣ. Мы приспособляемъ себя къ окружающей обстановкѣ или сознательно, наприм. когда миримся со своею долею, прилаживаемся къ условіямъ жизни и дѣятельности, или безсознательно, сами того не замѣчая, входимъ во вкусъ окружающей обстановки. Также могутъ приспособляться и человѣкъ къ человѣку: можно привыкнуть мыслить и чувствовать въ тонъ другому, можно пріучить себя повиноваться чужой волѣ. Рѣдко бываетъ, чтобы молодые люди, влюбленные другъ въ друга, были совершенно гармоничны во всѣхъ подробностяхъ своей духовной жизни; предъ бракомъ они убѣждаются въ существованіи только гармоніи вообще между натурами ихъ, но затѣмъ совмѣстная жизнь взаимно приспособляетъ ихъ. Они принаравливаются одинъ къ другому отчасти сознательно; мужъ нарочно сдерживаетъ себя отъ слишкомъ рѣзкихъ выраженій своихъ взглядовъ, противорѣчащихъ взглядамъ жены; стараясь вникать въ впечатлѣнія, вызвавшія движенія чувства въ женѣ, онъ пріучаетъ себя быть болѣе чувствительнымъ какъ вообще, такъ особенно въ томъ, что волнуетъ жену; желая угодить ей, онъ смиряетъ порывы своей воли, уступаетъ, привыкаетъ желать нравящееся ей и приводитъ

въ большее согласіе свою волю съ волей жены. Съ своей стороны, и послѣдняя, отказываясь до нѣкоторой степени отъ самостоятельности во взглядахъ и убѣжденіяхъ, повторяя, что говоритъ ей мужъ, пріучаетъ свой умъ придерживаться взглядовъ и убѣжденій его; изъ угожденія мужу отказывается отъ многихъ своихъ намѣреній, умѣряетъ желанія, становится менѣе настойчива въ нихъ и пріучаетъ себя сообразоваться съ волею мужа; равнымъ образомъ, въ сосѣдствѣ съ болѣе холоднымъ сердцемъ, она намѣренно сдерживаетъ порывы своего чувства, пріучается холоднѣй относится къ текущимъ впечатлѣніямъ.

Иногда это дѣлается безсознательно и тѣмъ легче, чѣмъ болѣе мужъ и жена идеализуютъ другъ друга. Такъ они высоки и дороги другъ для друга, что взаимныя уступки во всемъ становятся привычнымъ, само собою разумѣющимся, дѣломъ, при чемъ ни которой сторонѣ не приходитъ на умъ, что онѣ дѣлаютъ взаимныя жертвы. Сильный умъ и характеръ силою своего вліянія и могущества, чрезъ одно соприкосновеніе и сосѣдство, незамѣтно для себя и для другой стороны порабощаетъ другую. Въ рѣдкихъ случаяхъ это взаимное приспособленіе идетъ безъ нѣкоторыхъ шероховатостей, безъ борьбы. Оттого первые мѣсяцы и годы супружеской жизни бываютъ не безъ трудныхъ положеній, пока гармонія наладится. Что же въ этомъ случаѣ дѣлается? Не совершенно гармоническія отношенія мужъ и жена стараются измѣнить въ болѣе гармоническія, устранить нѣкоторое разногласіе между собою и часто достигаютъ этой цѣли. Въ лучшихъ случаяхъ, при счастливомъ соотношеніи натуръ, наилучшая возможная гармонія отыскивается сама собою, и въ ней каждая сторона находитъ свое успокоеніе и счастіе; въ менѣе лучшихъ сильная порабощаетъ слабую и утверждаетъ насильственную гармонію, къ чему слабая сторона наконецъ, послѣ безполезныхъ протестовъ, и привыкаетъ.

И такъ, съ одной стороны, гармонія двухъ существъ, путемъ взаимнаго приспособленія можетъ усиливаться и переходитъ изъ менѣе совершенныхъ консонансовъ въ болѣе совершенные. Съ другой стороны, гармонія звуковъ, какъ мы знаемъ, можетъ увеличиваться чрезъ осложненіе ихъ, какъ то мы видимъ въ гармоническихъ аккордахъ. Послѣдніе могутъ разнообразиться, могутъ быть трехзвучные, четырехъзвучные и т. д. Аккорды въ свою очередь могутъ соединяться снова въ одно цѣлое и почти нѣтъ предѣла для такого осложненія. Аналогичнымъ образомъ можетъ

расти и духовная гармонія между двумя существами: изъ большаго знакомства другъ съ другомъ они могутъ взаимно открывать новыя стороны, которыя будутъ усиливать взаимную гармонію. Сначала она существуетъ у нихъ только въ общихъ чертахъ, затѣмъ, съ теченіемъ времени, она какъ бы дифференціируется: возникаетъ согласіе въ направленіи мыслей, подробностяхъ взглядовъ и убѣжденій, желанія одного находятъ свой гармоническій отголосокъ въ другомъ, для каждаго чувствованія, переживаемаго однимъ, является привычный соотвѣтствующій отзвукъ въ другомъ. Образуется такая многоразличная связь и гармонія существованія, что великое и малое въ жизни переживается двумя существами вмѣстѣ, и ни одно изъ нихъ не можетъ помыслить, чтобы въ чемъ бы то ни было имѣть свой уголокъ, недосягаемый для другого: напротивъ, состояніе переживается существомъ какъ будто неполно, недостаточно, если оно испытывается только однимъ безъ гармоническаго отзвука въ другомъ.

Мы полагаемъ, что брачная жизнь и вообще прочныя отношенія половой любви основываются преимущественно на потребности гармоническаго существованія существъ и этимъ она отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ любви. Идеализація есть и въ половой любви: она, какъ мы видѣли, начинается съ удивленія красотѣ тѣла и по поводу ея удивляющееся существо образуетъ идеальный образъ духа, пребывающаго въ красивомъ тѣлѣ. Но идеальный элементъ въ половой любви такъ не проченъ, что на немъ никакого твердаго союза, особенно на цѣлую жизнь, образоваться не могло бы. Красота женщины скоропроходяща: послѣ нѣсколькихъ дѣтей, отъ нея остается мало слѣдовъ; при томъ ежедневное и постоянное обращеніе съ красивымъ предметомъ притупляетъ чувствительность къ красотѣ. Если мужъ долженъ скоро приглядѣться къ красотѣ своей жены до того, что и не замѣчаетъ ея, то что же сказать о женщинахъ, которыя выходятъ за мущинъ, обыкновенно далеко не такъ красивыхъ, какъ онѣ? Если бы въ половой любви *суть* состояла въ одной красотѣ, то не долго поживъ вмѣстѣ и приглядѣвшись одна къ другой, обѣ стороны должны были бы считать себя взаимно обманутыми. Быть можетъ, это дѣйствительно встрѣчается въ союзахъ, которые заключаются на скоро и преимущественно по мотиву внѣшней красоты. Какъ скоро исчезло обаяніе ея, исчезаетъ и идеализація: предъ влюбленнымъ остается реальная личность со всѣми ея слабостями и недостатками, которые иногда перевѣши-

ваютъ достоинства, является непривлекательная внѣшняя обстановка, минусъ украшавшаго ее красиваго существа. Дальнѣйшая совмѣстная жизнь была бы только непрерывною жертвою, подвигомъ самоотверженія для обоихъ существъ.

Но любовь имѣетъ другую болѣе могущественную поддержку: потребность и счастіе гармоническаго существованія двухъ различныхъ существъ. Къ физіологическимъ различіямъ, также имѣющимъ значеніе для совмѣстной жизни, въ мущинѣ и женщинѣ присоединяются различія духовной природы, дѣлающія, однако, возможнымъ единство общаго имъ строя: оба существа находятъ одно въ другомъ свое дополненіе, отголоски своихъ состояній, ослабляющія или укрѣпляющія движенія ума, сердца и воли каждаго изъ нихъ. Оба они чувствуютъ поднятіе цѣны своей жизни, возвышеніе достоинства бытія и наслаждаются имъ. Чрезъ взаимное приспособленіе, образованіе новыхъ гармоническихъ отношеній въ подробностяхъ психической дѣятельности, гармонія существованія увеличивается до того, что, при различіи и своеобразности способа переживанія событій каждымъ существомъ, они достигаютъ высокой степени взаимнаго пониманія и согласія: они начинаютъ понимать другъ друга съ одного слова и въ иныхъ случаяхъ даже не нуждаются въ обмѣнѣ мыслей, чтобъ вполнѣ понять совершающееся въ душѣ любимаго существа и быть увѣреннымъ въ его сочувствіи. Это состояніе, родъ какого то психическаго ясновидѣнія, прекрасно изображено Толстымъ въ его „Война и міръ“, тамъ, гдѣ изображается возвращеніе Пьера Безухаго домой, къ женѣ. Цѣна и счастіе такого гармоническаго существованія поднимаются до того, что одно существо не можетъ жить безъ другого: разъединеніе чувствуется ими, какъ громадное лишеніе, не переносимое горе. Намъ понятны тѣ нерѣдкіе случаи, когда смерть одного изъ супруговъ влечетъ за собою скорую кончину другого. Послѣ домашней совмѣстной жизни потребность гармоническихъ отзвуковъ такъ сильна, что потеря возможности ихъ дѣлаетъ безсмысленною и ничего не стоющею дальнѣйшую жизнь.

Отношенія дружбы управляются также закономъ гармоніи.

Элементъ влеченія, какъ мы видѣли то при качественномъ анализѣ, есть и въ дружбѣ. Мы любимъ своихъ друзей, мы нѣж-

но относимся къ нимъ. A priori слѣдуетъ предполагать, что въ нѣжной дружбѣ есть идеализація. И дѣйствительно, бываетъ такая дружба, что въ ней обѣ стороны идеализуютъ другъ друга. Между чистыми и честными людьми могутъ установиться такія отношенія, что одинъ будетъ смотрѣть на другого, какъ на идеалъ честности, чистоты, безкорыстія, нравственной высоты. Особенно между молодыми людьми одного пола, еще не утратившими вѣру въ человѣка, охотно предполагающими другъ въ другѣ чистоту намѣреній, безкорыстіе побужденій, сочувствіе ко всему прекрасному, истинному и доброму, воображеніе друзей легко подставляетъ взаимно идеальный, чистый и высокій образъ; къ такому существу каждый изъ нихъ чувствуетъ влеченіе, потому что въ соединеніи съ нимъ онъ чувствуетъ возвышеніе себя, поднятіе цѣны своего бытія. Но такіе случаи дружбы, не рѣдкіе между молодежью, обыкновенно не долго выдерживаютъ пробу жизни. Расширяющійся опытъ, большее знакомство съ друзьями разбиваютъ въ прахъ идеальные образы и въ зрѣлые годы *рѣдко* оказывается возможнымъ идеализовать кого бы то ни было.

Если бы дружба основывалась только на одной идеализаціи, то, конечно, она долго не держалась бы и была чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ, чего къ счастію сказать нельзя: нерѣдко дружба продолжается съ товарищеской скамьи до глубокой старости, и у каждаго порядочнаго человѣка есть одинъ два друга, которые заслуживаютъ этого имени. При томъ, дружба бываетъ между людьми самыхъ дурныхъ настроеній: есть дружба на зло и даже весьма крѣпкая. Очевидно, объ идеализаціи тутъ и говорить нечего.

Какъ и влюбленные, друзья ищутъ другъ въ другѣ отвѣта на переживаемыя состоянія: въ дружбѣ предполагается единство вкусовъ, убѣжденій, одинаковость отношеній къ окружающему міру, сходство симпатій и антипатій, радостей и горя, гнѣва и ненависти: субъектъ слѣдуетъ за своимъ другомъ во всѣхъ переживаемыхъ перипетіяхъ жизни. Слѣдовательно, и въ дружбѣ предполагается единство психическаго строя и при разнородности его никакое дружественное влеченіе невозможно. Далѣе, такъ какъ и въ ней, какъ и въ любви, есть влеченіе, то мы должны предполагать, что субъектъ влечется къ другу, чувствуя какой либо недостатокъ и пробѣлъ въ своемъ наличномъ существованіи. При совершенномъ тожествѣ строя, невозможно, чтобы человѣкъ влекся къ другому, дабы встрѣтить въ немъ тоже самое, что онъ

имѣетъ и самъ. Невѣроятно, чтобы совершенно подобное намъ существо могло быть въ чемъ бы то ни было намъ полезнымъ.

Когда нѣтъ друга, съ которымъ можно было бы поговорить по душѣ, въ чемъ человѣкъ чувствуетъ недостатокъ? Что онъ желалъ бы встрѣтить въ другѣ? Отъ бесѣдъ съ нимъ мы ждемъ утѣшенія въ скорби, ободренія своихъ упавшихъ силъ, поднятія надеждъ; на трезвый взглядъ его мы представляемъ свои соображенія, проэкты дѣйствій, ищемъ опоры своему установившемуся предположенію и т. д. Мы смотримъ на него, не какъ на повтореніе самихъ себя, а видимъ въ немъ нѣчто другое и отъ него ожидаемъ не того, что сами переживаемъ. Когда мы ищемъ въ другѣ утѣшенія своимъ скорбямъ, мы предполагаемъ, что онъ болѣе насъ устойчивъ, и что хотя онъ посочувствуетъ намъ, но отнесшись трезво къ событіямъ, насъ постигшимъ, и обративши вниманіе свое, а потомъ и наше на другія стороны ихъ, онъ доставитъ намъ тѣмъ облегченіе въ горѣ; надѣясь встрѣтить ободреніе въ другѣ, мы предполагаемъ большую крѣпость силъ въ немъ, большее присутствіе духа, болѣе проницательный взглядъ на насъ самихъ и положеніе дѣлъ. Оцѣнивая умомъ и знаніемъ его свои предположенія, мы на это время какъ бы признаемъ его первенство надъ нами, его большую силу ума и выражаемъ готовность выслушивать и принимать въ соображеніе его указанія. Слѣдовательно, въ отношеніяхъ дружбы, при единствѣ психическаго строя, есть нѣкоторое и неравенство сторонъ.

Чтобы уяснить себѣ эти отношенія, мы опять должны прибѣгнуть къ знакомому намъ понятію гармоніи. Она предполагаетъ единство строя, а не равенство звуковъ, соединяющихся вмѣстѣ. Психическая гармонія можетъ быть при единствѣ строя, единствѣ направленія въ дѣятельности ума, сердца и воли, но неравенствѣ напряженія, или высоты консонирующихъ душевныхъ состояній. Такъ, умы друзей должны быть одинаково развиты, одинаковаго направленія въ убѣжденіяхъ и общихъ взглядахъ, но должны различаться въ способахъ отношенія къ вопросамъ, имѣть разность въ наклонностяхъ, одинъ къ синтезу, другой къ анализу, должны придавать разныя степени значенія однимъ и тѣмъ же вопросамъ, чтобъ быть интересными и новыми другъ для друга. Основываясь на томъ фактѣ, что въ дружбѣ одинъ нѣсколько подчиняетъ себѣ другого и что въ ней, какъ и въ любви, полноправности нѣтъ, мы имѣемъ право сказать, что воли друзей не

тянутъ въ разныя стороны, но при единствѣ направленія, тѣмъ не менѣе одна всегда выше и сильнѣе другой. Должно быть между ними различіе и въ чувствительности: при одинаковости строя сердца, одинъ долженъ сильнѣе чувствовать, чѣмъ другой, или вообще, или попеременно, т. е. одно доступнѣе и живѣе чувствуется одною стороною, другое—другою.

Мы уже видѣли въ любви, что, по аналогіи гармоніи звуковъ, самыя выгодныя гармоническія отношенія между чувствительностію двухъ субъектовъ суть отношенія 1 : 2 и 1 : 4, примы съ квинтою 2 : 3 и 2 : 6, но что и другія отношенія 4 : 5, 3 : 4, 3 : 5, слѣдовательно и отношенія 4 : 10, 3 : 8, 3 : 10 даютъ гармонію хотя не совершенную: т. е. наилучшая душевная гармонія можетъ существовать между субъектами, когда чувствительность одного вдвое менѣе чуветвительности другого, или въ отношеніи ея одинъ субъектъ превосходитъ другого въ полтора раза. Мы видимъ также, что для образованія гармоническаго отношенія вообще между людьми необходимо, чтобы они различались по чувствительности minimum на $^1/_4$.

Я полагаю, что нѣтъ надобности дѣлать отетупленія въ этихъ обобщеніяхъ въ разбираемомъ случаѣ. Законы, управляющіе отношеніями существъ, подобно законамъ, властвующимъ надъ матеріальными силами, одни и тѣже для всѣхъ душъ и не можетъ быть, чтобы гармонія между субъектами разныхъ половъ основывались на одномъ законѣ, а гармонія между субъектами одного пола управлялись другимъ. Мы видѣли выше, что друзья психически не бываютъ равны: въ отношеніи чувствительности въ другѣ мы ищемъ то охлажденія своего пыла, то большей горячности при отзывѣ на наше чувство: иногда трезвость нашего друга нравится намъ и отрезвляетъ насъ, иногда большая горячность, съ какою онъ принимаетъ наши извѣстія, заставляетъ насъ радоваться. Что чувствительность друзей, по степени, не должна слишкомъ далеко расходиться,—это понятно: иначе они будутъ казаться странными другъ другу, не будутъ понимать взаимно одинъ другого, станутъ жить врознь, какъ кажутся чуждыми одинъ другому звуки, хотя и консонирующіе, но раздѣленные разстояніемъ болѣе, чѣмъ въ двѣ октавы. Вѣроятно, что такой законъ гармоніи приложимъ къ отношенію ума и воли друзей; и въ самомъ дѣлѣ, если они по своей чувствительности будутъ разниться, какъ выше было сказано, то само собою,

разумѣется, что въ умѣ и волѣ должно сказаться соотвѣтственное различіе между ними.

Различіе гармоніи въ любви и дружбѣ.

По этому разсужденію выходитъ, что дружба тоже самое, что и любовь, и однако же мы чувствуемъ, что она не то самое, что любовь, не только половая, но и любовь вообще; должно же быть какое нибудь различіе между ними. Различіе это прежде всего сказывается въ томъ, что всякая любовь, и половая первоначально, основывается на идеализаціи, такъ что безъ послѣдней никакой любви не можетъ быть; въ дружбѣ идеализація бываетъ очень рѣдко; она основывается преимущественно на гармоніи двухъ натуръ. Поэтому любовь можетъ быть даже безъ гармоніи существъ, какъ это часто показываетъ опытъ. Молодые люди влюблены въ красоту одинъ другого, отецъ любитъ дѣтей и дѣти родителей, а между тѣмъ гармоніи между ними можетъ не быть: они только идеализуютъ другъ друга и потому взаимно привлекаются. Оттого, любовь иногда не требуетъ взаимности (когда она основывается на одной идеализаціи); дружба безъ отвѣта не имѣетъ смысла. Она основывается въ огромномъ большинствѣ случаевъ, на одной гармоніи, а послѣдней безъ взаимности со стороны любимаго предмета быть не можетъ. Но такъ какъ и въ дружбѣ можетъ быть идеализація, хотя и рѣдко, то спрашивается: чѣмъ дружба, сопровождаемая идеализаціей и основывающаяся на гармоніи, отличается отъ любви?

Въ размѣрѣ идеализаціи, хотя и есть разница въ этомъ отношеніи между любовію и дружбою, мы не находимъ причинъ, удовлетворительно разрѣшающихъ, поставленный нами, вопросъ. Конечно, идеализація дружбы не доходитъ до размѣровъ, образуемыхъ любовію: въ любви обожаютъ другъ друга, въ дружбѣ этого не бываетъ, много, если идеализація достигаетъ въ послѣдней первой или второй степени. Но это есть различіе степени, откуда же берется видовое различіе между ними? Мы должны искать объяснительныхъ причинъ въ гармоніи, лежащей въ основаніи дружбы. Руководительными свѣточами при этомъ намъ должны служить слѣдующіе факты. Во 1-хъ, дружба предполагаетъ близкое знакомство между дружественными лицами, полную взаимную раскрытость ихъ душъ, чего въ любви иногда не бываетъ и не можетъ быть. Въ 2-хъ, волненіе дружбы преимущественно

чувствуется въ моменты откровенныхъ разговоровъ, во время осуществленія дружественныхъ отношеній, тогда какъ любовь, чувствуется и въ моментъ близости къ любимому существу, и въ отдаленіи и отчужденіи отъ него можетъ вспыхивать яркимъ пламенемъ и горѣть неугасимо. Этого въ дружбѣ никогда не бываетъ.

Что же это значитъ? Мы полагаемъ, что существенная разность между любовію и дружбою, въ отношеніи психической гармоніи, заключается въ томъ, что въ любви согласіе натуръ основывается преимущественно на первоначальной гармоніи ихъ, тогда какъ дружба на гармоніи вторичной, эмпирически найденной при взаимодѣйствіи и сношеніяхъ двухъ существъ. Любовь начинается съ увлеченія красотою тѣла, сопровождается затѣмъ идеализаціей любимаго существа: такъ какъ потребность возвысить свое достоинство, умножить счастіе своего существованія чрезъ гармоническое единеніе съ высокимъ и красивымъ существомъ сильна во влюбленномъ то онъ ищетъ такого единенія, стараясь всемѣрно приспособить строй своей психической жизни къ строю этого существа. Гармонія можетъ быть еще ненайдена, влюбленный мало или совсѣмъ не приближался къ любимому существу; тѣмъ не менѣе онъ ищетъ единенія и полагаетъ, что гармонія окажется и отыщется сама собою. Оттого здѣсь могутъ быть обманутыя предположенія, недочеты, которые потомъ тяжко сказываются на брачной жизни. Поэтому любовь можетъ начаться съ одного взгляда, вдругъ, послѣ одной встрѣчи. Дружба возникаетъ медленно, понемногу, послѣ многихъ встрѣчъ, разговоровъ. Субъектъ не ищетъ, не предполагаетъ своей гармоніи съ другимъ, но находитъ ее: изъ разговоровъ и вообще сношеній оказывается согласіе въ направленіи мыслей, строѣ убѣжденій, оказывается, что мысли и взгляды одного отражаются нѣсколько сильнѣе или слабѣе въ другомъ человѣкѣ, что у двухъ лицъ есть много общаго въ стремленіяхъ, цѣляхъ, намѣреніяхъ, характерѣ, но есть и различія во всемъ этомъ, которыя гармонически соотносятся съ ихъ характеромъ и стремленіями,—что въ сердечныхъ волненіяхъ субъекты сходятся: одинъ сильнѣе чувствуетъ, другой слабѣе, но однѣ и тѣ же впечатлѣнія волнуютъ ихъ; и тогда, когда все это оказывается существующимъ, возникаетъ отношеніе дружбы. Любовь основывается на желаніи гармоніи, и поэтому она вызываетъ сильнѣйшее желаніе приспособиться къ любимому существу, даже создать гармонію. Успѣхъ усилій, конечно, за-

виситъ отъ первоначальныхъ данныхъ въ духовной природѣ, и когда условій для гармоніи въ двухъ натурахъ нѣтъ, то изъ ничего никакія усилія ея не создадутъ. Въ дружбѣ первоначально подобныхъ усилій не бываетъ, желанія приспособиться къ другому существу нѣтъ, никакихъ предположеній о возможности гармоніи нѣтъ, но она эмпирически находится. Поэтому дружба требуетъ времени для своего образованія, полнаго раскрытія душъ друзей: надобно, чтобы субъекты нашли себя согласными въ многоразличныхъ отношеніяхъ, что невозможно безъ полнаго раскрытія ихъ душъ другъ предъ другомъ.

Съ другой стороны, дружба основывается на гармоническихъ дѣйствіяхъ двухъ субъектовъ, менѣе на гармоніи самыхъ натуръ. Въ любви предполагается, что соединяются двѣ согласныя натуры, составляющія изъ себя одно цѣлое, какъ гармоническіе звуки: оно основывается на гармоніи бытія ихъ. Гармоническая духовная дѣятельность можетъ, конечно, явиться вслѣдствіе гармоніи существъ, но не въ ней центръ тяжести, покрайней мѣрѣ при первыхъ фазисахъ любви. Въ дружбѣ главное въ гармонической духовной дѣятельности субъектовъ, въ отзвукахъ, которые въ нихъ взаимно даются на мысли, желанія и чувствованія. Можно сказать, что любовь, исходя изъ гармоніи двухъ существъ по ихъ природѣ, находитъ гармонію и создаетъ ее въ дѣятельности и жизни ихъ; дружба, на оборотъ, исходитъ отъ гармоніи въ дѣятельности и направляется къ образованію или открытію гармоніи въ самыхъ существахъ. Поэтому влюбленные предчувствуютъ гармонію своихъ натуръ и взимной дѣятельности, и для нихъ увѣренность въ ней иногда замѣняетъ реальное осуществленіе гармоніи. Развѣ рѣдко случается, что влюбленные находятъ наслажденіе только чувствовать взаимную гармонію, не осуществляя ее надѣлѣ? Какъ часто изображается въ романахъ, они сидятъ другъ подлѣ друга, ничего не говорятъ, но наслаждаются предчувствуемою гармоніей и даже не чувствуютъ потребности обмѣна мыслей. Дружба основана вся на обмѣнѣ мыслей, и никогда друзья не чувствуютъ такъ взаимной привлекательности, какъ во время его. Они преимущественно цѣнятъ другъ друга въ тотъ моментъ, когда они въ самомъ обнаруженіи мыслей, желаній и чувствованій обрѣтаютъ гармонію.

Если позволительно дружбу, какъ любовь, уподоблять гармоніи звуковъ, то мы сказали бы, что первая основывается на первоначальныхъ консонансахъ натуръ и отъ нихъ восходитъ къ

образованію сложныхъ гармоническихъ аккордовъ; вторая преимущественно опирается на вторичныхъ консонансахъ, присоединяющихся къ первоначальнымъ. Извѣстно, что въ сложныхъ аккордахъ, кромѣ гармоніи сочетанія первоначальныхъ звуковъ, образуются, во время ихъ звучанія, гармоніи между комбинаціонными и разностными звуками. Мы видѣли въ свое время, при объясненіи характера сочетаній dur и moll'ныхъ, и при анализѣ слуховыхъ впечатлѣній, что сочетаніе звуковъ даетъ, такъ называемые, комбинаціонные и разностные тоны и что гармонія во многихъ случахъ условливается отношеніемъ этихъ третичныхъ тоновъ къ вторичнымъ и первоначальнымъ: наприм. въ moll'ныхъ сочетаніяхъ слышится нѣкоторая шероховатость отъ нѣкоторой дисгармоніи комбинаціонныхъ и разностныхъ тоновъ, а сочетанія dur отличаются, напротивъ, гармоніей ихъ. Хотя эти тоны даются вмѣстѣ съ первоначальными и безъ нихъ немыслимы, но prius существованія принадлежитъ не имъ, а послѣднимъ: вторичныя и третичныя гармоніи являются послѣ первоначальныхъ гармоническихъ консонансовъ. Любовь опирается преимущественно на первоначальное согласіе двухъ натуръ и оно, конечно, укрѣпляется отъ всѣхъ гармоническихъ отзвуковъ въ душахъ, которые суть слѣдствія первоначальнаго консонанса. Дружба основывается, главнѣе всего, на этихъ детальныхъ вторичныхъ консонансахъ дѣйствій и состояній и ея углубленіе состоитъ въ томъ, что она, пользуясь найденнымъ согласіемъ, стремится возвести его къ общему согласію двухъ натуръ. Поэтому въ ней цѣнятся случайныя гармоніи, оказавшіяся между существами, и онѣ служатъ начатками развитія дружественнаго расположенія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ образоваться дружба только въ извѣстныхъ отношеніяхъ, какъ бы ad hoc. Въ сущности, это не есть истинное чувство, а только жалкій суррогатъ ея; имъ питаются даже и враги, сошедшіеся въ ненависти къ третьему лицу, или случайно во взглядѣ на извѣстный предметъ и потому очутившіеся къ своему изумленію какъ будто друзьями.

Всё таки въ концѣ концовъ слѣдуетъ замѣтить, что истинная дружба весьма близка къ половой любви, поскольку та и другая основываются на гармоніи существъ. Въ счастливомъ и давнишнемъ супружествѣ трудно различить, гдѣ кончается любовь и начинается дружба. Первая, какъ мы сказали, основывается на первоначальной гармоніи натуръ и идетъ отсюда къ осложненію гармоническихъ соотношеній, разрастается въ громадный психи-

ческій аккордъ; вторая отъ частныхъ согласій въ психическихъ состояніяхъ идетъ къ образованію многихъ подобныхъ консонансовъ, образуетъ тоже своего рода аккордъ, который заставляетъ друзей вѣрить въ согласіе ихъ натуръ. Первая бываетъ крѣпче, основательнѣе, тѣмъ болѣе, что, при установленномъ природою различіи психической натуры мущины и женщины, возможны наивыгодныя отношенія гармоническія. Вторая бываетъ слабѣе, какъ будто лишена твердыхъ основаній, кажется эмпирическою, и тѣмъ менѣе крѣпче и менѣе доставляетъ наслажденія, чѣмъ труднѣе, при одинаковости общаго духовнаго строя лицъ одного пола, образоваться наивыгоднымъ гармоническимъ соотношеніямъ, или вообще найти ихъ. Сравнительно съ любовью дружба должна казаться лишь блѣдною копіей, слабымъ отраженіемъ ея. Но опираясь на одни основанія и приходя къ однороднымъ результатамъ, оба чувства такъ родственны, что, какъ мы сказали, трудно сказать про супруговъ, давно живущихъ во взаимной гармоніи, что въ ихъ отношеніяхъ относится къ любви и что̀ принадлежитъ дружбѣ. Узы любви и дружбы такъ многоразлично соединяютъ ихъ, что, для посторонняго глаза, они столько же любятъ другъ друга, сколько и дружественны между собою. Только для ихъ глубокаго внутренняго пониманія извѣстно, какія согласія между ними случайно и эмпирически найдены и какія возникаютъ изъ первоначальной гармоніи ихъ натуръ.

Грубыя отношенія между существами; взаимоотталкиваніе ихъ. Законъ дисгармоніи.

Нѣжное чувство составляетъ основу любви и дружбы и въ немъ главный элементъ есть нѣжное влеченіе, сущность котораго мы старались выше разъяснить. Гнѣвъ, ненависть, вражда основываются на отталкиваніи, какъ одномъ изъ главныхъ элементовъ, входящихъ въ нихъ.

Какъ при волненіи любви, предметъ ея представляется намъ привлекательнымъ, такъ при гнѣвѣ, враждѣ, ненависти, лицо, ихъ возбуждающее, кажется отталкивающимъ. Отталкиваніе должно происходить отъ причинъ, противоположныхъ тѣмъ, отъ которыхъ является влеченіе одного лица къ другому. Такъ какъ отталкиваніе есть состояніе противоположное чувству привлекательности, то мы должны a priori предположить, что оно осно-

вывается тоже на идеализаціи, но въ противоположномъ направленіи, и вмѣсто гармоніи между взаимно отталкивающимися существами есть дисгармонія.

Какого же рода идеализація происходитъ при отталкиваніи? При нѣжныхъ отношеніяхъ мы представляемъ другое существо, какъ нѣчто тонкое, къ чему нельзя грубо прикасаться, что требуетъ бережнаго ухода, какъ нѣчто легко обидимое, нарушимое, что по своей красотѣ, величію или малости есть весьма привлекательное. При отталкиваніи человѣкъ идеализуетъ другое существо въ противоположномъ смыслѣ: оно представляется ему, какъ нѣчто грубое, дурное, безобразное, что нужно разрушить, уничтожить. На высшей степени такой идеализаціи другое существо кажется чѣмъ то отвратительнымъ, возбуждающимъ чувство гадливости и омерзѣнія, къ чему даже и руки прилагать не хочется, потому что представляется немыслимымъ даже прикоснуться къ нему. Въ моментъ гнѣва, ненависти и вражды, человѣкъ разгнѣвавшій представляется именно какъ существо достойное грубаго обращенія: даже любимый человѣкъ, какъ мы видѣли, въ эти минуты мгновенно преображается въ воображеніи гнѣвающагося въ отталкивающій образъ. При ненависти и сильной враждѣ, врагъ представляется, какъ существо достойное поруганія, разрушенія, для котораго бѣдствіе всякого рода есть самая приличная обстановка; есть враги, возбуждающіе, какъ гадкія, отвратительныя животныя, чувство омерзѣнія. Какъ нѣжно расположенному человѣку невыносимо видѣть страданія любимаго человѣка, такъ при отталкиваніи страданія отталкивающаго человѣка кажутся не любящему совершенно естественными, даже возбуждаютъ въ немъ удовольствіе.

Конечно, низменность цѣны другого существа, его безобразіе, могутъ представляться въ весьма различной степени. Такъ какъ безобразіе уменьшаетъ цѣну предмета, какъ объ этомъ скажемъ еще ниже, то безобразный представляется сравнительно съ обыкновеннымъ, серіознымъ какъ нѣчто худшее, стоящее низко, дурное. Такой предметъ сроденъ всему, что кажется ничтожнымъ, мизернымъ, т. е. тѣмъ, которые кажутся намъ менѣе обыкновенныхъ, серіозныхъ, по крайней мѣрѣ, въ 50 разъ. Слѣдовательно, при низменной идеализаціи въ моментъ отталкиванія мы представляемъ предметъ качественно худшимъ обыкновеннаго, по крайней мѣрѣ въ 50 разъ. Но такъ какъ мы различаемъ нѣсколько ступеней безобразія, то весьма вѣроятно, что такая

идеализація имѣетъ также нѣсколько ступеней, начиная отъ просто безобразнаго и кончая гадкимъ, отвратительнымъ, омерзительнымъ. Бываютъ ненависти и вражды, при которыхъ враги доходятъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ идеализаціи, быть можетъ до 6-й или 7-й степени.

Съ другой стороны, отталкиваніе можетъ основываться на дисгармоніи двухъ существъ. Все равно, какъ соединеніе съ извѣстнымъ тономъ придаетъ цѣну и значеніе соединяющемуся, потому что оно даетъ консонансъ, такъ и сочетаніе съ нѣкоторыми уменьшаетъ цѣну и значеніе звука, такъ какъ даетъ диссонансъ, рѣжущій ухо. Такое сочетаніе кажется дурнымъ и безобразнымъ и если бы звуки были живыми существами, то они всемѣрно избѣгали бы такихъ соединеній и диссонирующіе отталкивались бы взаимно одинъ отъ другого. Нѣчто подобное происходитъ и съ живыми существами; иногда люди никакъ не могутъ сойтись; у нихъ оказывается полная дисгармонія въ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ: нѣтъ предмета, о которомъ они могли бы думать согласно; отзывъ, который дается въ ихъ сердцахъ на переживаемыя состоянія совсѣмъ не естественный, не симпатичный.

Посмотримъ, отъ какихъ причинъ можетъ происходить и усиливаться дисгармонія между звуками и потомъ сдѣлаемъ заключеніе къ дисгармоніи между существами.

1) Первою и главною причиною диссонансовъ служитъ несовпаденіе колебаній дрожащихъ предметовъ. Самое сильное несогласіе бываетъ тогда, когда волны колебаній совершенно не совпадаютъ однѣ съ другими. Это случается, когда мы наприм. на фортепіано беремъ двѣ сосѣднихъ клавиши: по своей длинѣ волны воздуха, возбуждаемыя сосѣдними струнами, не много розняться одна отъ другой: поэтому онѣ труднѣе совпадаютъ вмѣстѣ, т. е. требуютъ большаго числа дрожаній, чтобы совпаденія повторялись, чѣмъ если бы одна была значительно короче другой, или въ извѣстный періодъ времени такія волны должны болѣе не совпадать, чѣмъ совпадать. Самое наибольшое несовпаденіе бываетъ, когда между волнами воздуха различіе длины незначительное; онѣ дѣлаются тогда почти несоизмѣримыми и всего болѣе диссонирующими. Такъ, при разстройствѣ фортепіанъ, когда одна струна противъ другой повышаетъ или понижаетъ, дѣлается невозможнымъ извлекать изъ него консонирующіе тоны, хотя каждая струна, отдѣльно взятая, вѣрно даетъ должный тонъ: отъ

подобнаго повышенія или пониженія звуки, даваемые дрожащими струнами, перестаютъ совпадать и вмѣсто консонансовъ получаются диссонансы; на двухъ, не въ одинъ тонъ настроенныхъ, фортепіано, соотвѣтствующіе звуки, разумѣется, только немного повышаютъ или понижаютъ другъ противъ друга, но данные вмѣстѣ они образуютъ сильнѣйшіе диссонансы. Выводъ нашъ здѣсь будетъ такой, что диссонансы первѣе всего основываются на не совпаденіи колебаній волнъ воздуха и чѣмъ ближе тоны одинъ другому, тѣмъ большая бываетъ дисгармонія между ними.

2) Диссонансы ухудшаются, когда къ несовпаденію дрожаній присоединяется далекость разстоянія ихъ одного отъ другого. Въ свое время мы видѣли, что даже консонирующіе звуки, если раздѣлены болѣе, чѣмъ двумя октавами, производятъ на насъ впечатлѣніе, какъ два чуждыхъ другъ другу звука. Если разстоянія взять въ четыре, пять и выше октавъ, то на ухо тоны будутъ казаться какъ разные звуки. Это бываетъ даже тогда, когда они въ сущности консонируютъ одинъ съ другимъ; но когда одинъ звукъ повышаетъ или понижаетъ противъ другого. то выходитъ почти нестерпимая для ушей какофонія.

Условія физической дисгармоніи звуковъ много проясняютъ намъ условія психическаго отталкиванія существъ между собою. Что существуютъ основанія для приложенія первыхъ къ вторымъ, то въ этомъ насъ убѣждаютъ факты. Звуки, сами по себѣ безукоризненные и взятые отдѣльно, ни мало не заставляющіе уха страдать, раздираютъ его, когда звучатъ вмѣстѣ. И въ психическомъ мірѣ натуры, взятыя изолированно, могутъ быть, каждая отдѣльно, весьма честными, хорошими, богато одаренными существами; принужденныя жить вмѣстѣ, составивъ союзъ, онѣ не выносятъ другъ друга, т. е. сильнѣйшимъ образомъ взаимно отталкиваются. Мало ли въ обществѣ несходныхъ натуръ, но не всѣ онѣ непремѣнно ненавидятъ другъ друга, взаимно враждуютъ. Пока судьба не сводитъ ихъ вмѣстѣ, онѣ чужды одна другой; не соприкасаясь вмѣстѣ, онѣ ни враждуютъ, ни ненавидятъ взаимно другъ друга. Гнѣвъ, вражда, ненависть возникаютъ тогда, когда личности сходятся и на опытѣ узнаютъ, что не могутъ ни на чемъ сойтись. На совѣщаніяхъ и разныхъ засѣданіяхъ не сходныя воли ихъ, взаимно противящіяся, возбуждаютъ взаимно гнѣвъ. Въ брачныхъ союзахъ, случайной, совмѣстной жизни, или въ семьѣ, гдѣ разныя натуры принужденно со-

прикасаются, при службѣ въ одномъ учрежденіи, только тамъ, гдѣ люди сходятся, возможно взаимоотталкиваніе ихъ.

Прежде всего люди отталкиваются другъ отъ друга вслѣдствіе взаимнаго несовпаденія натуръ. Несовпаденіе означаетъ собственно различіе и противоположность ихъ. Въ свое время мы видѣли, что гнѣвъ возникаетъ въ субъектѣ преимущественно вслѣдствіе противленія волѣ его. Слѣдовательно, отталкиваніе въ гнѣвѣ основывается на несовпаденіи двухъ воль. Предметъ ихъ одинъ и тотъ же, но онѣ не сходятся въ намѣреніяхъ относительно его: одна воля предполагаетъ поступить съ предметомъ такъ, другая иначе, одна рекомендуетъ такой способъ дѣйствій, другая — другой, одна полагаетъ, другая отрицаетъ, одна стремится къ однимъ вещамъ, другая къ совсѣмъ противоположнымъ. Различіе воль есть первая и главная причина отталкиванія: оно дѣлаетъ невозможнымъ для двухъ субъектовъ совмѣстную жизнь въ семьѣ, совмѣстную службу, даже взаимную встрѣчу въ обществѣ и изъ нея возникаютъ сильнѣйшія ненависти и вражды. Къ этому неизбѣжно присоединяется и различіе душевнаго строя. Когда двѣ личности желаютъ различнаго и противоположнаго, то онѣ не совпадутъ и въ своихъ чувствованіяхъ. Что для одной есть предметъ уваженія, то для другой есть предметъ презрѣнія и наоборотъ; нѣжному волненію въ одной будетъ соотвѣтствовать гнѣвъ и ненависть въ другой; онѣ не совпадутъ въ своихъ радостяхъ и горяхъ, впечатлѣніяхъ красоты и безобразія и т. д. Двѣ личности, одинаковыя по положенію, воспитанію, образу жизни, кругу опыта, въ которомъ вращаются, необходимо обращаютъ свою волю и чувство къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, но на нихъ и сталкиваются, не сходясь ни въ своихъ влеченіяхъ и отвращеніяхъ, ни въ наслажденіяхъ, страданіяхъ, волненіяхъ и возбужденіяхъ.

Взаимоотталкиваніе можетъ усиливаться еще далекостію натуръ одной отъ другой, аналогичною большимъ интерваламъ между двумя звуками. Послѣдніе могутъ консонировать, но вслѣдствіе слишкомъ большого разстоянія, слышатся ухомъ, какъ два различныхъ тона. Къ несогласію натуръ можетъ присоединяться еще такая ихъ взаимная далекость: онѣ мало того, что не сходятся ни на чемъ, но могутъ быть направлены и настроены совершенно различно. Ихъ воли стремятся въ разныя стороны, такъ что нѣтъ никакихъ общихъ интересовъ: таковы стремленія артистическихъ и чисто дѣловыхъ практическихъ натуръ, ученыхъ и администраторовъ и т. д. Ихъ умы могутъ быть также чужды другъ друга:

одинъ аналитикъ, другой синтетикъ, одинъ индуктивистъ, другой дедуктивистъ, одинъ эмпирикъ, другой идеалистъ, одинъ достигаетъ почти вершинъ развитія, другой занимаетъ низменное положеніе. Могутъ онѣ расходиться въ своей чувствительности до того, что кажутся странными одна другой: одна только что возбуждается, другая тѣмъ же впечатлѣніемъ доводится до maximum силы чувствованія, и на оборотъ. Если судьба не сводитъ вмѣстѣ такихъ личностей, или сводитъ, но ихъ воли не имѣютъ случая разойтись на какомъ нибудь вопросѣ, или рѣшеніи, то подобные люди чувствуютъ себя только чуждыми другъ другу и, пожалуй, сознаются во взаимномъ непониманіи. Но если имъ приходится жить и служить вмѣстѣ, то далекость натуръ имѣетъ многіе случаи высказаться, какъ различіе воль, и подавать поводъ къ взаимоотрицанію и т. д., и тогда является сильнѣйшая вражда.

При нѣжныхъ отношеніяхъ, какъ мы видѣли выше, личности взаимно приспособляются, прилаживаются, между прочимъ по тому, что желаютъ найти совмѣстное гармоническое существованіе; онѣ намѣренно сглаживаютъ въ себѣ шероховатости и неровности, чтобы быть ближе одна къ другой, потому что взаимно ставятъ высоко другъ друга. При отталкиваніи происходитъ противоположное. Личности въ своемъ воображеніи унижаютъ, обезцѣниваютъ другъ друга, представляютъ себѣ одна другую достойными презрѣнія и даже отвращенія. Поэтому совмѣстная жизнь и дѣятельность, имъ кажется, только унизила бы и уронила ихъ. Онѣ нарочно стараются какъ можно менѣе сойтись на чемъ либо, намѣренно расходятся какъ можно далѣе другъ отъ друга, даже опасаются, какъ бы не оказаться въ согласіи на чемъ либо. Этимъ объясняется общеизвѣстный фактъ, что гнѣвающійся субъектъ нарочно противорѣчитъ предмету гнѣва даже въ томъ, что въ другое время, при другомъ настроеніи, вызвало бы его согласіе, что враги, ненавидящіе другъ друга, намѣренно, иногда сознавая даже неосновательность свою, взаимно противорѣчатъ: что для одного бѣло, то для другого черно, что по одному худо — для другого хорошо, что одному кажется достойнымъ удивленія, то для другого достойно порицанія. Часто это дѣлается врагами съ намѣреніемъ ad hoc, только чтобы не сойтись вмѣстѣ. Но такъ какъ изъ постояннаго дѣйствованія въ какомъ бы то ни было направленіи образуется навыкъ, привычка, то враги привыкаютъ уже противорѣчить другъ другу, взаимный

раздоръ становится обычнымъ способомъ отношеній одного къ другому. Немногія первоначальныя разногласія, при продолжающихся встрѣчахъ, разростаются въ сложныя, къ фундаментальнымъ присоединяются второстепенныя и какъ изъ консонирующихъ звуковъ слагаются гармоническіе аккорды, въ свою очередь могущіе осложняться еще далѣе, между тѣмъ какъ изъ диссонирующихъ звуковъ являются диссонансы, которые могутъ разростаясь образовывать сильнѣйшую какофонію, такъ и въ человѣческихъ душахъ разногласіе и раздоръ, безконечно осложняясь, производятъ наконецъ нестерпимое противорѣчіе душъ, можно сказать, не выносящихъ другъ друга.

Какъ нѣжное влеченіе основывается на гармоніи двухъ существъ, такъ взаимоотталкиваніе ихъ на дисгармоніи. Не говоримъ, что при нѣкоторыхъ отношеніяхъ всегда и вездѣ, въ великомъ и маломъ, бываетъ одна только гармонія. Какъ въ гармоническихъ сложныхъ аккордахъ встрѣчаются диссонансы (иногда они бываютъ неизбѣжны), такъ и въ совмѣстной жизни двухъ взаимно любящихъ существъ разногласіе и нѣкоторый раздоръ бываетъ иногда неизбѣженъ. Но и въ этомъ отношеніи намъ могутъ помочь указанія музыкальной теоріи. Во-1-хъ, во всякомъ гармоническомъ аккордѣ диссонансъ допускается только въ такой мѣрѣ, въ какой онъ не преобладаетъ рѣшительно надъ консонансами; во-2-хъ, всякій допускаемый въ музыкѣ диссонансъ требуетъ разрѣшенія, т. е. обезпокоенное раздоромъ звуковъ ухо должно сейчасъ же быть успокоено гармоніей; слѣдовательно, диссонансъ допустимъ лишь какъ переходъ къ ней. Въ дѣятельности двухъ нѣжно привязанныхъ существъ могутъ быть диссонансы, раздоры, несогласія, но они должны имѣть лишь второстепенное значеніе, не должны перевѣшивать консонансы двухъ натуръ и при томъ, должны разрѣшиться гармоніей, т. е. могутъ быть временными раздорами, за которыми слѣдуетъ опять полное согласіе. Разумныя существа способны еще болѣе цѣнить послѣднее, послѣ того какъ пережили взаимно ихъ мучившій раздоръ. Именно такимъ второстепеннымъ и временнымъ характеромъ дисгармонія въ нѣжныхъ отношеніяхъ отличается отъ раздоровъ и противорѣчій въ ненависти и враждѣ. Здѣсь дисгармонія простирается на главныя и существенныя стороны существъ и ихъ бытія и при томъ она бываетъ неразрѣшима ни въ какую гармонію. При враждѣ противорѣчія людей безвыходны, и ни кто изъ нихъ не можетъ видѣть просвѣта въ сторону спокойнаго гармоническаго суще-

ствованія: таковое признается ими во взаимныхъ отношеніяхъ совершенно невозможнымъ.

Однако, не странно ли, что законъ гармоніи, имѣющій мѣсто лишь въ отношеніи къ звукамъ, прилагается къ взаимоотношеніямъ духовныхъ существъ. Всѣ наши обобщенія въ этомъ родѣ не суть ли плоды только одной фантазіи? Но во 1-хъ, за насъ языкъ, который отношенія любви по преимуществу уподобляетъ гармоніи, а отношенія вражды, ненависти называетъ раздоромъ, разногласіемъ. Про людей, составившихъ крѣпкій неразрывный союзъ говорятъ, что они сошлись, про людей, враждующихъ между собою,—что они разошлись. Языкъ говоритъ объ отликахъ, которые даетъ одна душа на состоянія другой, и прямо о гармоніи сердецъ и душъ. Слѣдуя однимъ указаніямъ лишь языка, мы должны были бы обратить на этотъ фактъ серіозное вниманіе и попытаться прослѣдить мысль о гармоніи двухъ существъ. Во 2-хъ, за насъ нѣкоторые факты въ наблюдаемой психической жизни. Приложивъ законы гармоніи къ ней сначала гипотетически, мы видѣли, что все требуемое ими a priori существуетъ въ опытѣ de facto: мы показали, надѣемся, что законъ этотъ во многомъ уясняетъ намъ условія образованія и прочности человѣческихъ союзовъ, основанныхъ на любви и дружбѣ. Найденныя обобщенія объ отношеніяхъ воли, ума и чувствительности двухъ существъ, вступающихъ въ гармоническій союзъ между собою, показали намъ, что онъ основывается на согласіи строя двухъ различныхъ душъ, отнюдь не на тожествѣ его. Равно, условія для гармоніи оказались приложимы ко всѣмъ отрицательнымъ чувствованіямъ вида нѣжности. Если сообразить всю массу, объясняемыхъ гипотезою гармоніи, фактовъ, то является весьма большая вѣроятность, что она не есть только гипотеза, но и нѣчто большее.

Наконецъ въ 3-хъ, для того, кто, подобно намъ, убѣжденъ въ идеальномъ содержаніи бытія, не можетъ и существовать такого возраженія, что гармонія приложима лишь къ звукамъ и не можетъ имѣть мѣста между духовными существами. Объективной гармоніи внѣ уха, воспринимающаго тоны, быть не можетъ. Гармонія и дисгармонія суть состоянія души, вызываемыя въ ней соотвѣтствующими дѣятельностями нервной системы. Потому, что душа способна чувствовать ихъ, мы и говоримъ о консонирующихъ и

диссонирующихъ звукахъ. Когда для нея даны слуховыя впечатлѣнія въ извѣстныхъ соотношеніяхъ, она возбуждается соотвѣтствующимъ образомъ и чувствуетъ удовольствіе консонанса или неудовольствіе диссонанса. Она подобнымъ же образомъ находитъ гармонію въ цвѣтахъ, вкусахъ, запахахъ, или ихъ разнорѣчіе, раздоръ; равно, она способна чувствовать гармонію въ мысляхъ, ихъ согласіе, или ихъ дисгармонію и раздоръ. Музыкальная гармонія есть только одинъ изъ частныхъ случаевъ гармоніи вообще, управляющей теченіемъ и строемъ психической дѣятельности. Былобы очень странно, еслибы душа, столь чуткая къ ней вообще, не чувствовала гармоніи и дисгармоніи своей дѣятельности съ состояніями другихъ себѣ подобныхъ существъ. Принимая во вниманіе, что существа или влекутся одно къ другому или отталкиваются, и что сущность отношеній любви и дружбы состоитъ въ установленіи какого то согласія между существами, а ненависти и вражды—въ какомъ то раздорѣ, противорѣчіи и противодѣйствіи между ними, мы безбоязненно пытаемся уяснить себѣ эти отношенія по законамъ физической гармоніи и дисгармоніи. Собственно говоря, ничего физическаго, матеріальнаго въ нихъ нѣтъ; онѣ замѣчаются на психическихъ состояніяхъ и слѣдовательно, мы не переносимъ обобщеній, замѣчаемыхъ въ одномъ кругу явленій, на состоянія совершенно иного рода, но только распространяемъ законъ, доселѣ имѣвшій частный характеръ, на болѣе широкую область фактовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣ нашихъ замѣтокъ объ условіяхъ возрастанія простыхъ чувствованій, не представляется надобности входить въ разсужденіе о строѣ сложныхъ движеній сердца, въ которыя первыя входятъ, какъ составные элементы: намъ пришлось бы въ такомъ случаѣ повторяться. Но сдѣланный нами количественный анализъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ даетъ возможность до нѣкоторой степени открыть просвѣтъ на самыя высшія чувства, которыя, по существу своему и по роду впечатлѣній, возбуждающихъ ихъ, не могутъ подлежать количественнымъ измѣреніямъ. Такъ, теперь мы можемъ сдѣлать нѣсколько заключеній объ эстетическихъ и интеллектуальныхъ чувствованіяхъ.

Отношенія сердца къ красотѣ.

Во главѣ эстетическихъ понятій находятся два главныхъ, по которымъ всѣ эстетическіе факты дѣлятся на двѣ группы: явленія красоты и безобразія. Умъ самъ по себѣ, разумѣется, никогда не открылъ бы, какой предметъ красивъ и какой безобразенъ: для него есть сходные, различные предметы, есть мысли общія и частныя, подчиненныя и подчиняющія и т. д., но нѣтъ красивыхъ или безобразныхъ вещей. Если онъ тѣмъ не менѣе трактуетъ о такихъ сторонахъ ихъ, и путемъ обычнаго отвлеченія образуетъ понятія красоты и безобразія, то конечно, онъ основывается при этомъ на другихъ источникахъ, на показаніяхъ чувства. Сердце наше руководитъ умомъ при различеніи красивыхъ и безобразныхъ предметовъ: оно то чуетъ красоту и безобразіе въ фигурахъ, цвѣтахъ и тонахъ, въ произведеніяхъ поэзіи. Качественно анализуя разные виды эстетическихъ чувствованій, доставляемыхъ слухомъ, зрѣніемъ, интеллектуальнымъ путемъ, мы видѣли, какого рода впечатлѣнія, т. е. какого рода сочетанія ихъ возбуждаютъ чувство красоты. Но тамъ мы не поставили вопроса: какой же смыслъ собственно имѣетъ красивое впечатлѣніе для насъ, что дѣлается съ впечатлѣніемъ зрительнымъ, слуховымъ или интеллектуальнымъ, когда оно возбуждаетъ въ насъ чувство красоты и нравится намъ, какъ красивое? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы найдемъ ключъ къ пониманію эстетическихъ явленій и состояній, возбуждаемыхъ ими въ душѣ.

Существенный и характерный признакъ эстетическихъ слуховыхъ и зрительныхъ впечатлѣній тотъ, что они, отдѣльно взятыя, вовсе не эстетичны, но данныя въ извѣстномъ сочетаніи, въ извѣстной формѣ, кажутся красивыми. Отдѣльно взятыя линіи и цвѣта ни красивы, ни безобразны, но данныя вмѣстѣ кажутся красивыми. Если бы расчленить любой романъ на отдѣльныя мысли и сцены, стихъ на отдѣльныя строки, то красоты мы не замѣтили бы ни въ чемъ; но читая ихъ въ послѣдовательномъ разсказѣ, какъ части одного цѣлаго, мы поражаемся ихъ изяществомъ и красотою. Что же собственно прибавляется къ частямъ, когда онѣ соединяются въ одно красивое цѣлое? Конечно, ничего новаго: ни единаго признака мы не встрѣтимъ въ новообразованномъ цѣломъ, котораго не было бы и въ частяхъ. Новое здѣсь есть форма предмета, видъ, въ которомъ онъ является гла-

замъ наблюдателя. И эта форма такова, что предметъ, обладающій ею, намъ нравится, пріобрѣтаетъ особенную высокую цѣну и значеніе для насъ. Отдѣльно взятые тоны ни хороши ни худы: они суть обыкновенныя слуховыя ощущенія; данные вмѣстѣ, они являются какъ консонансы, какъ гармоническія сочетанія: отъ формы, способа своего сочетанія, они становятся цѣнными, пріятными для насъ; въ гармоніи каждый тонъ имѣетъ цѣну для другихъ составныхъ въ ней звуковъ и въ свою очередь самъ извлекаетъ изъ сочетанія съ другими ту выгоду, что кажется наблюдателю пріятнымъ. Тоже самое можно сказать о цвѣтахъ, объ образахъ, сценахъ, событіяхъ, составляющихъ содержаніе живописи и поэзіи. Въ сочетаніи съ другими образами, цвѣтами, сценами, событіями, каждый изъ этихъ элементовъ становится лучше, изящнѣй и возвышается въ своемъ достоинствѣ.

И такъ красота, разсматриваемая объективно, означаетъ возвышеніе достоинства и цѣны предметовъ, или ихъ частей, признаковъ, происходящее отъ сочетанія ихъ въ извѣстной формѣ. Въ какой степени красота возвышаетъ достоинство матеріала и труда, это до нѣкоторой степени можно прослѣдить. Чтобъ написать картину, для этого требуется извѣстный матеріалъ: холстъ, краски, и трудъ. На картину небольшихъ размѣровъ требуется матеріалу рублей на 5-ть, затѣмъ предположимъ, что работа писанья потребуетъ пяти шести дней, которые, по средней дневной платѣ, стоятъ до 10 рублей. По количеству работы и цѣнѣ матеріала, картина собственно стоитъ, положимъ, 15 руб. Но художникъ продаетъ ее за 500—600 руб. Что же цѣнится въ ней такъ высоко. Не матеріалъ, не трудъ, какъ таковой, не то, что она есть произведеніе художника А. или Б.: еслибы онъ испортилъ картину и она вышла у него неудачною, то, навѣрное, никто не сталъ бы платить за нее большія деньги. Очевидно, цѣнится въ картинѣ искусство, или изящная, прекрасная форма, въ которой изображено извѣстное содержаніе: видъ природы, историческій сюжетъ, портретъ и т. д.; красота, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ возвышаетъ цѣнность произведенія въ 27 — 36 разъ. Въ литературѣ плата за романы и повѣсти нашимъ лучшимъ беллетристамъ бываетъ отъ 240 до 400 р. за каждый печатный листъ. Редакторы платятъ, конечно, за изящную форму разсказа, никакъ не за трудъ писанья и не за имя: представь Тургеневъ или Достоевскій повѣсть ниже всякой критики, ее не помѣстятъ даже и даромъ. Произведеніе ихъ представляетъ извѣ-

стное количество труда: беремъ самую широкую оцѣнку, положимъ, каждый печатный листъ стоитъ трехъ дней труда. Еслибы ихъ разсчитывали, какъ поденщиковъ, то принимая во вниманіе трудъ, матеріалъ и т. д., имъ платили бы только отъ 6—8 руб. за печатный листъ. Изящная и глубоко художественная форма, которую они умѣютъ сообщать своимъ произведеніямъ, поднимаетъ ихъ цѣну отъ 31 до 50 разъ. Обыкновенная плата за музыкальные уроки, смотря по извѣстности учителя, колеблется отъ 3 до 10 р. за часъ. Десять рублей за часъ дается уже извѣстности, которой искусство въ дѣлѣ музыки весьма многими признается; для обыкновенныхъ же мало извѣстныхъ артистовъ она 2, 3, 5 руб. maximum. Когда же первоклассный артистъ, наприм. какъ нашъ Рубинштейнъ, выступаетъ предъ публикою въ роли представителя искусства, какъ артистъ, въ концертѣ, часъ его игры во что цѣнится? Концертъ, приносящій ему чистыхъ до 5 тысячъ за три часа игры, показываетъ, что публика цѣнитъ его трудъ, сравнительно съ работою музыкальнаго учителя, во 150 разъ болѣе.

Въ субъективномъ отношеніи красота есть чувство цѣны и достоинства впечатлѣній, по скольку они условливаются ихъ сочетаніемъ, сопоставомъ, формою, въ которой даются наблюдателю. Говоримъ — по скольку цѣна условливается сочетаніемъ и формою впечатлѣній: они могутъ быть сами по себѣ рѣдки и цѣнны, наприм. драгоцѣнные камни, золото, серебро, нѣжный цвѣтъ, глубокая мысль. Мы ихъ ставимъ высоко, предпочитаемъ огромному числу многихъ другихъ предметовъ, но это предпочтеніе не имѣетъ въ себѣ ничего эстетическаго; золото, алмазъ, истинная и глубокая мысль цѣнны сами по себѣ, потому что рѣдко встрѣчаются, потому что даютъ матеріальное, или нравственное могущество обладателю большого количества такихъ вещей, но никто не скажетъ, что они суть художественные прекрасные предметы: они просты и не имѣютъ частей и потому эстетически оцѣниваемы быть не могутъ.

Основаніемъ для подобной оцѣнки впечатлѣній служитъ, конечно, удовольствіе, наслажденіе, доставляемое намъ прекрасными предметами. Публика идетъ въ театръ, на выставку, на концерты, ѣздитъ въ далекія страны, чтобы доставить себѣ удовольствіе, наслажденіе драматическими произведеніями, картинами, чудными произведеніями архитектуры, чудесами природы. Но только ли одно удовольствіе зрѣнія и вообще удовольствіе, какъ таковое, побуждаетъ ее тратить на путешествія большія средства? И какое

удовольствіе собственно сидѣть въ театрѣ на представленіи трагедіи? Публика волнуется и горюетъ о героѣ, переживающемъ тягостныя событія; она бываетъ свидѣтельницею самыхъ тяжкихъ положеній, раздирательныхъ сценъ, страдаетъ и часто плачетъ о воображаемыхъ горяхъ, какъ бы они были дѣйствительными ея страданіями. Съ точки зрѣнія удовольствія не понятно, зачѣмъ люди такъ охотно къ реальнымъ скорбямъ присоединяютъ еще воображаемыя. Далѣе, изъ наблюденія высокихъ явленій въ природѣ, мощной энергіи ея, огромныхъ объемовъ неужели человѣкъ выноситъ только одно удовольствіе? Когда любитель живописи, скульптуры, вообще рѣдкихъ прекрасныхъ предметовъ, тратитъ огромныя средства на пріобрѣтеніе все новыхъ и новыхъ сокровищъ, то развѣ онъ имѣетъ въ виду одно только свое удовольствіе? Нѣтъ, съ пріобрѣтеніемъ ихъ въ свою собственность онъ что то дѣлаетъ для себя большее, чѣмъ только доставляетъ удовольствіе своему зрѣнію: онъ можетъ закрыть картину отъ своихъ и чужихъ взглядовъ, далеко убрать рѣдкую вещь, но одно то, что онѣ у него, что онъ обладаетъ такимъ сокровищемъ и находится подлѣ него, уже доставляетъ ему огромное счастіе и для него то онъ тратитъ иногда послѣднія свои средства, разстроиваетъ свое состояніе.

Съ точки зрѣнія удовольствія нельзя понять и объяснить ни прекрасное въ природѣ и искусствѣ, ни различные факты въ эстетической жизни человѣка. Во 1-хъ, тогда мы должны признать всѣ явленія красоты за простое явленіе, возникающее только въ наблюдающемъ субъектѣ и какъ таковое, поставить его въ одинъ разрядъ съ просто пріятнымъ и нравящимся. Въ такомъ случаѣ пріятная сладость сахара, величественное музыкальное твореніе, высокія явленія природы, по роду своему, должны быть признаны одинаково прекрасными и мнимо эстетическому достоинству сахара должно приписать большее значеніе, чѣмъ двумъ послѣднимъ фактамъ, потому что эстетическое пониманіе природы и музыки доступно ограниченному числу людей, тогда какъ удовольствія сладости понятны почти всѣмъ людямъ. Во 2-хъ, невозможно тогда объяснить той цѣны, которую человѣкъ придаетъ прекраснымъ произведеніямъ природы и искусства. Люди усвояютъ прекрасному не только способность служить источникомъ высокаго наслажденія, но и независимо отъ этой способности, считаютъ его за нѣчто цѣнное само по себѣ, высящееся надъ міромъ обыкновенныхъ обыденныхъ вещей. Они предполагаютъ,

что это цѣнное существуетъ независимо отъ ихъ наклонностей, предрасположенностей, вообще субъективности, что оно таково не случайно, потому и цѣнится, что обладаетъ формою, которая должна высоко цѣнится сама по себѣ, Въ З-хъ, красота имѣетъ огромную привлекательную силу: она не только услаждаетъ, но и привлекаетъ къ себѣ: дѣйствія ея на душу мы называемъ иногда обаяніемъ; она представляется, какъ одна изъ таинственныхъ, великихъ силъ, которыя, дѣйствуя на душу, могущественно подчиняютъ ее себѣ; привлекая душу къ себѣ, красота безобманно обѣщаетъ ей счастіе и наслажденіе. Мыслимо ли, чтобы такая могучая сила нигдѣ не существовала, кромѣ субъекта, способнаго чувствовать удовольствіе, и допустимо ли, чтобы такое дѣйствіе производилось тѣми же сторонами бытія, которыя вообще будятъ въ человѣческомъ сердцѣ чувство удовольствія?

Прекрасное есть нѣчто большее, чѣмъ только пріятное: дѣйствіе красоты на душу, ея значеніе и цѣна, которыя нами вообще приписываются ей, указываютъ, что̀ собственно она возбуждаетъ въ насъ и какого рода впечатлѣніе она сама по себѣ составляетъ.

Чувство высокаго всѣми эстетиками причисляется къ разряду эстетическихъ. Разбирая его, мы указали, что въ составъ его входитъ между прочимъ нѣжное влеченіе. Высокія явленія природы мы не только цѣнимъ, не только мы наслаждаемся ими, но и любимъ ихъ: мы привязываемся сердцемъ къ бурному безбрежному океану, величію горъ; насъ привлекаетъ видъ страшно-энергическаго водопада, всепожирающаго величественнаго пламени. Оттого, никогда не видавъ великихъ людей, мы не только удивляемся имъ, но и любимъ ихъ. Слѣдовательно, въ чувствѣ высокаго есть то самое, что мы признали чувствомъ любви. Но почему же только одно высокое имѣетъ привиллегію возбуждать это чувство? Думается, что оно должно возбуждаться и всякими другими видами красоты. Вообще, изящныя произведенія искусства не только нравятся намъ, мы ихъ любимъ: можно любить картины, статуи, гравюры, оперы, симфоніи, изящныя произведенія архитектуры; не даромъ языкъ называетъ людей, особенно преданныхъ тому или другому виду искусства, любителями, поклонниками его.

Дѣйствительно, можно вполнѣ доказать то положеніе, что все прекрасное, когда намъ нравится, въ сущности, есть предметъ нашей любви и нравится намъ оттого, что мы его любимъ.

Въ любви мы нашли нѣжное влеченіе, чувство цѣны и элементъ сочувствія, причемъ замѣтили, что нѣкоторые виды любви могутъ обойтись и безъ элемента симпатіи. Я думаю, что никто не станетъ спорить, что нѣжное влеченіе есть въ нашемъ стремленіи къ прекрасному; мы говоримъ объ изящныхъ произведеніяхъ природы и искусства, какъ о привлекательныхъ предметахъ. Мы выше говорили, что красота обаятельно дѣйствуетъ на душу; можно привязаться сердцемъ не только къ одному виду искусства, но и къ извѣстнымъ художественнымъ произведеніямъ, и также влечься къ нимъ, какъ мущина влечется къ красивой женщинѣ. Что элементъ признанія цѣны есть въ чувствѣ красоты, это мы доказали выше: мы видѣли, какъ высоко цѣнятся вообще произведенія искусства. Рѣдкія и высоко художественныя вещи и не могутъ даже цѣниться на деньги: Рафаелевская Мадонна не можетъ быть куплена цѣною даже милліарда. Лишь только замѣтна хотя малая искра дѣйствительной красоты въ вещи, она сейчасъ во много разъ поднимается въ своей цѣнности. Объ элементѣ симпатіи, конечно, невозможно говорить, когда рѣчь идетъ о величественныхъ и прекрасныхъ явленіяхъ природы: неодушевленному въ нашихъ глазахъ предмету мы симпатизировать не умѣемъ. Но хотя симпатія въ отношеніи къ прекрасному предмету развивается очень слабо, она все таки есть. Когда чѣмъ либо искажается и нарушается его изящество, намъ жаль его: мы глубоко сожалѣемъ о прекрасной величественной рощѣ, проданной на срубъ, какъ будто исчезло любимое существо, какъ будто оно страдало и мучилось, когда ее срубали. Если бы прекрасный ландшафтъ измѣнился, исчезъ отъ человѣческихъ рукъ, намъ было бы жалко его, какъ будто бы онъ страдалъ, погибая. Въ этихъ случаяхъ намъ жаль не потери возможности своего удовольствія только, а самого прекраснаго предмета, какъ будто бы онъ именно заслуживалъ лучшей участи. Такое же чувство состраданія возбуждается вообще всѣми художественными произведеніями искусства, когда любитель его видитъ, что съ ними обращаются грубо, неделикатно. Вандализмъ въ обращеніи съ искусствомъ осуждается нами не только потому, что онъ ведетъ къ невознаградимымъ утратамъ и лишаетъ людей возможности высокаго удовольствія, но и какъ недостойное, невѣжественное обращеніе съ высокоцѣнными вещами, которыя страдаютъ, какъ какія то существа, отъ него. Если бы случайно исказилось и обезобразилось любимое художественное произведеніе, то любитель его сталъ бы страдать

также, какъ онъ страдалъ бы, еслибы заболѣли и отъ болѣзни обезобразились дорогія сердцу его дитя, любимая женщина. Не этимъ ли обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснять тотъ фактъ, что мы съ такою охотою всегда симпатизируемъ содержанію художественнаго произведенія. События и лица, рисуемыя на полотнѣ, изсѣкаемыя въ мраморѣ, изображаемыя въ повѣсти и романѣ, чрезвычайно интересуютъ насъ: мы сочувствуемъ ихъ страданіямъ и радостямъ, находимъ между ними себѣ друзей и враговъ, живо интересуемся переживаемыми ими событіями. Но такія же лица и событія, встрѣченныя въ сѣрой будничной обстановкѣ, проходятся нами безъ всякого сочувственнаго отзыва. По содержанію своему лица и событія какъ въ искусствѣ, такъ и въ реальномъ мірѣ одни и тѣже, но въ первомъ они являются въ ореолѣ красоты, дѣйствуютъ подъ обаяніемъ ея, возбуждаемая красотою любовь простирается на содержаніе художественнаго произведенія, на лицъ, въ немъ изображаемыхъ, тогда какъ въ реальной дѣйствительности, являясь въ обыденной формѣ, они не могутъ возбудить сочувствія.

Если явленія красоты возбуждаютъ въ сердцѣ всѣ составные элементы любви, то мы можемъ сказать, что поверхъ всѣхъ отдѣльныхъ пріятныхъ возбужденій, какія производятъ въ насъ прекрасныя произведенія искусства и природа, красота пробуждаетъ въ насъ чувство любви. *Влеченіе къ красотѣ есть любовь къ ней.* Вотъ выводъ, который, мы думаемъ, можно сдѣлать изъ анализа эстетической жизни сердца. Дошедши до этого обобщенія, мы можемъ попытаться прослѣдить далѣе съ этой точки зрѣнія сущность нашей привязанности къ красотѣ.

Мы видѣли выше, что любовь основывается, покрайней мѣрѣ первоначально, на идеализаціи. Начиная любить кого бы то ни было и привязываясь сердцемъ къ другому существу, мы идеализируемъ его, т. е. начинаемъ смотрѣть на него, какъ на существо нѣжное, къ которому нельзя грубо прикасаться, которое требуетъ всевозможнаго ухода, чистое, легко омрачимое всякимъ нечистымъ прикосновеніемъ; въ реальномъ существѣ мы видимъ воплощеніе болѣе или менѣе возвышеннаго идеала, построяемаго воображеніемъ. Съ другой стороны, отношенія наши къ любимому существу управляются закономъ гармоніи. Мы ищемъ отвѣта на свои состоянія и сами находимъ удовольствіе давать откликъ на состоянія другого существа, такъ какъ совмѣстная и объединенная жизнь съ нимъ намъ, кажется, возвышаетъ досто-

инство, умножаетъ цѣну нашего собственнаго бытія. Оба эти момента мы находимъ въ любви къ прекрасному, въ наслажденіи имъ.

Во влеченіи къ прекрасному и наслажденіи имъ развѣ нѣтъ идеальнаго момента? Несомнѣнно есть. Стоя предъ художественнымъ произведеніемъ, или прекраснымъ твореніемъ природы, мы смотримъ на него, какъ на нѣчто дорогое, нѣжное, требующее деликатнаго съ собою обращенія, нѣчто рѣдкое. Прекрасной формѣ мы даемъ значеніе воплощенія идеала въ матеріи: прекрасные предметы природы, изящныя существа, создаваемыя искусствомъ, не суть обыкновенные, буднишніе случайные факты; они суть осуществленія не того, что можетъ лишь быть, а того, что должно быть. И тѣ произведенія искусства, которыя изображаютъ обыкновенное содержаніе сѣренькой дѣйствительности, мы все таки разсматриваемъ, какъ типическое воспроизведеніе ея, какъ судъ надъ нею, высказываемый во имя идеи, или какъ отрицательное изображеніе ея. Иногда, отвлекаясь совсѣмъ отъ изображаемаго искусствомъ содержанія, мы дивимся формѣ изображенія: сѣренькіе ландшафты, комическіе образы обыкновенныхъ личностей представляются намъ, какъ художественныя формы, во всей полнотѣ вобравшія въ себя это обыденное содержаніе, какъ такіе образы, къ которымъ нельзя ничего ни прибавить, но ничего отъ нихъ нельзя и отнять, не нарушая тѣмъ ихъ прекрасной цѣлости. Прекрасные предметы имѣютъ значеніе для насъ, какъ идеальныя существа, полныя жизни и всяческаго значенія, которыми нельзя не цѣнить и не дорожить.

Въ стремленіи къ прекраснымъ предметамъ есть и второй элементъ любви, что мы въ свое время назвали элементомъ гармоніи. Мы уже говорили, что одно существо, соединяясь съ другимъ, цѣннымъ и прекраснымъ по его мнѣнію, чувствуетъ возвышеніе достоинства своего, умноженіе своей цѣны. Красота въ природѣ и искусствѣ несомнѣнно производитъ на людей подобное же дѣйствіе. Созерцаніе и наслажденіе ею, по моему мнѣнію, имѣетъ тотъ смыслъ, что, въ моментъ ихъ, душа чувствуетъ свою близость къ красотѣ; принимая отъ нея впечатлѣнія, она объединяются съ нею. Въ близости и единствѣ съ нею, она почерпаетъ новую силу, новую энергію, обновленіе и умноженіе своей нравственной жизни. Чувствуя увеличеніе своей цѣны и достоинства отъ близости къ красотѣ, открывающейся и въ произведеніяхъ искусства и явленіяхъ природы, человѣкъ испытываетъ сча-

стіе и блаженство, которого никогда не могутъ дать наблюденія обыкновенныхъ фактовъ и явленій окружающей жизни. Какъ при сношеніяхъ съ любимыми существами, ради сохраненія гармоніи съ ними, субъектъ старается приспособиться къ нимъ, отыскать строй, при которомъ онъ могъ бы гармонировать съ ними, такъ и при созерцаніи прекраснаго предмета, человѣкъ чувствуетъ свою близость къ нему, готовность сочувствовать ему (чѣмъ и объясняется готовность наша вообще сочувствовать содержанію художественнаго произведенія). Поэтому такое созерцаніе справедливо изображается иногда, какъ благоговѣйное приникновеніе къ красотѣ, вмѣщающейся въ созерцаемомъ предметѣ. Въ эти моменты человѣкъ не старается подчинить своей волѣ и произволу наблюдаемое, но себя настраиваетъ гармонично съ созерцаемымъ, чтобъ хотя на минуту чувствовать свою живую связь съ нимъ и насладиться счастіемъ близости и своего соединенія съ нимъ.

Такъ какъ въ основѣ влеченія и наслажденія красотою лежитъ любовь къ ней, такая же, какая соединяетъ живыхъ существъ между собою, то многое въ эстетической жизни людей должно быть аналогично явленіямъ, сопутствующимъ любви людей. Извѣстно, какъ много люди придаютъ значенія жить вмѣстѣ съ любимымъ существомъ, какъ любящіеся стремятся обладать взаимно другъ другомъ. Мы выше уже упоминали, что истинные любители искусства тратятъ часто послѣднія средства, чтобъ обладать нравящимся имъ произведеніемъ искусства, и не для того только, чтобы постоянно смотрѣть на него, но чтобы оно было ихъ собственностію, чтобы они чувствовали свою близость къ нему, были вмѣстѣ съ нимъ. Съ другой стороны, любовь живыхъ существъ порождаетъ между ними чувство ревности, возникающей изъ желанія нераздѣльнаго обладанія любимымъ существомъ, исключительнаго только съ нимъ однимъ общенія. Тоже замѣчается и во многихъ любителяхъ искусства. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть своего рода ревность къ любимымъ художественнымъ произведеніямъ. Обладая художественными сокровищами, они ревнивы къ нимъ, не допускаютъ всѣхъ смотрѣть на нихъ, какъ будто опасаясь, чтобы невѣжественные взоры не оскорбили святыни, не соглашаются сдѣлать ихъ предметомъ наслажденія всѣхъ желающихъ; они хотѣли бы только одни состоять въ живой связи и близости къ этимъ явленіямъ красоты.

Слѣдовательно, влеченіе къ красотѣ есть, въ сущности, любовь къ ней и наслажденіе ею есть удовлетвореніе потребности

любви. Въ основаніи же самой любви, какъ это мы увидимъ ниже, лежитъ жажда идеала, жажда единенія и близости къ идеальной красотѣ. Душа влечется ко всему, что хотя до нѣкоторой степени открываетъ ее. Встрѣчая ее въ людяхъ и прекрасныхъ явленіяхъ природы, въ произведеніяхъ искусства: музыки, живописи, архитектуры и словесной поэзіи, душа пробуждается, оживляется, чуетъ свою близость къ ней; она чувствуетъ жажду созерцать и единиться съ идеаломъ, который отчасти открылся ей въ природѣ и искусствѣ. Оттого, развитые въ эстетическомъ отношеніи, люди такъ высоко цѣнятъ художественныя произведенія. Малѣйшая въ немъ искра божественной красоты, слѣдъ идеала, высоко ставятъ явленія природы и плодъ искусства надъ обыкновенными и будничными. Красота облагораживаетъ, въ глазахъ понимающаго ее человѣка, содержаніе, которое причастно ей, minimum въ 50 разъ и за тѣмъ по мѣрѣ своего раскрытія въ немъ, она поднимаетъ содержаніе съ собою на безмѣрную высоту, при которой не существуетъ мѣрила, хотя для приблизительной оцѣнки: мы уже говорили, что высокія созданія истиннаго искусства не могутъ цѣниться на деньги. Между maximum и minimum цѣнности ихъ, конечно, существуетъ много промежуточныхъ ступеней, какъ онѣ есть и въ чувствѣ грандіозности; но мы отказываемся входить здѣсь въ подробности, опасаясь упрековъ въ произвольности обобщеній.

И такъ, чувственная красота имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что открываетъ намъ идеальную. Удовольствія уха, зрѣнія, даже интеллектуальныя наслажденія, сами по себѣ, суть простыя пріятныя раздраженія чувствительности, щекотанія нашихъ нервовъ и мозга. Что имъ даетъ смыслъ, что возвышаетъ чувственное наслажденіе, — это любовь къ красотѣ, опирающаяся на него и, можно сказать, возникающая по поводу его. Отъ чувственно пріятнаго мы возвышаемся душою до прекраснаго, не случайнаго, а истинно такового всегда и вездѣ. Въ чувственно прекрасномъ мы видимъ только отблескъ, откровеніе этой духовной красоты и по скольку въ немъ замѣтна искра ея, мы любимъ и цѣнимъ его. Она открывается преимущественно въ формѣ предметовъ, въ формѣ, подчиняющей себѣ извѣстное содержаніе, и главнѣе всего для сердца, а потомъ уже, по указаніямъ его, постигается умомъ.

Отношенія сердца къ безобразію.

Сущность и смыслъ эстетическаго наслажденія еще болѣе разъяснятся для насъ, когда мы обратимся къ условіямъ возникновенія чувства безобразія. Какъ нѣкоторымъ предметамъ и явленіямъ въ природѣ и искусствѣ, мы усвояемъ красоту, такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы говоримъ о безобразіи ихъ. Оно означаетъ не отсутствіе только красоты: мало ли есть обыкновенныхъ вещей, которыхъ мы не называемъ красивыми, но не признаемъ и безобразными. Книга въ обыкновенномъ переплетѣ не есть красивый предметъ, но никто не назоветъ ее и безобразною. Физіономія и фигура пожилого человѣка можетъ быть не красива, но отсюда еще не слѣдуетъ, что она безобразна. Чтобы предметъ сталъ таковымъ, въ немъ должны быть положительные недостатки, уродующіе его.

Красота возвышаетъ достоинство предмета: какія нибудь не важныя украшенія, скрадывающія прямизну угловъ и правильность линій въ столѣ дѣлаютъ видъ его пріятнымъ. Напротивъ, безобразіе уничижаетъ предметъ, сбавляетъ съ него цѣну. Художникъ, написавшій безобразную картину, только испортилъ матеріалъ; безвкусная и погрѣшающая противъ законовъ эстетики, картина нетолько ничего не стоитъ, не сохраняетъ стоимости своего матеріала, но даже за деньги никто изъ знающихъ толкъ въ картинахъ не согласится помѣстить ее у себя въ коллекціи. Безобразно сдѣланная статуя, дурно написанный романъ превращаютъ въ ничто потраченный на нихъ трудъ, не стоятъ цѣны мрамора или исписанной бумаги. Одежда, построенная некрасиво, не стоитъ матеріала, изъ котораго сдѣлана. Всѣ мы знаемъ, какъ роняетъ человѣка безобразное поведеніе, безтактность, угловатость манеръ, безобразіе тѣла: для многихъ чувствительныхъ дамъ безобразіе лица составляетъ, по ихъ сознанію, истинное несчастіе.

Безобразіе можетъ встрѣчаться только въ чемъ либо сложномъ. Что либо простое не можетъ быть ни красивымъ, ни безобразнымъ. Тонъ, отдѣльно взятый, ни красивъ, ни безобразенъ; онъ можетъ имѣть послѣднее качество, только когда соединяется съ другимъ тономъ и вмѣстѣ съ нимъ образуетъ диссонансъ. Ни какой цвѣтъ, отдѣльно разсматриваемый, не можетъ быть названъ безобразнымъ, но въ дисгармоническомъ сочетаніи съ другимъ онъ становится таковымъ. Часть строенія въ отдѣльности

можетъ быть недурна даже, но въ ассиметричномъ соединеніи съ другими будетъ казаться безобразною. Сцена, событіе, разсказанное авторомъ, взятыя отдѣльно, могутъ быть сносны, но данныя вмѣстѣ будутъ производить впечатлѣніе безобразія, все равно какъ мысли въ отдѣльности могутъ быть цѣнны, но соединенныя вмѣстѣ производятъ нестерпимое противорѣчіе.

Съ другой стороны, безобразія, какъ факта, прямо даннаго въ опытѣ и наблюденіи, не существуетъ. Въ природѣ его нѣтъ: всякая вещь есть то, что она есть, и разсматриваемая изолированно сама по себѣ, внѣ сравненія съ чѣмъ либо другимъ, не можетъ быть названа безобразною; она дурна, гадка, отвратительна, но не безобразна; она не имѣетъ цѣны, или даже вредна, но въ сущности, какъ скоро она остается вѣрною своей идеѣ, своему типу, про нее нельзя сказать, что она безобразна. Равно, если мы станемъ разсматривать явленія человѣческой жизни, то не найдемъ безобразія въ нихъ, какъ таковыхъ. Угловатыя движенія суть такія же естественныя движенія, какъ и эластичныя, искривленный носъ тоже выполняетъ свою функцію, изрытое оспинами лицо имѣетъ такое же право называться этимъ именемъ, какъ и хорошенькое личико. Въ состояніи, дѣйствіи, положеніи, организаціи, мы никогда не откроемъ никакого безобразія, пока не станемъ сравнивать предметъ съ какою то мѣрою и противъ нея не откроемъ излишества или недостатка или вообще отступленія.

Почему шесть пальцевъ на рукѣ составляютъ безобразіе и владѣльцу такой руки стыдно за нее? Казалось бы, шесть ли пальцевъ, или семь, или пять — это должно быть для насъ все равно. Шестипалую руку мы считаемъ безобразіемъ, потому что рука, *по нашему типу*, *должна* имѣть пять пальцевъ, а шестой палецъ на ней составляетъ уродство и безобразіе. Угловатыя движенія безобразны не сами по себѣ, а потому, что они должны быть собственно эластичными, и вмѣсто того, чтобъ быть таковыми, дѣлаются угловато. Искривленный носъ безобразенъ потому, что отступаетъ отъ типа человѣческаго носа. Портретистъ безобразитъ лицо тѣмъ, что изображаетъ его худшимъ противъ того, что есть, и чѣмъ собственно онъ долженъ бы изобразить его. Безобразна та картина, которая отъ неискусности писавшаго вышла неудачнымъ намекомъ на то, что должна изображать. Дисгармонія тамъ, гдѣ она должна быть, наприм. въ сложныхъ аккордахъ, требующихъ разрѣшенія, или при изображеніи неупорядоченныхъ, противорѣчивыхъ, раздорныхъ движеній души, не только не безо-

бразна, но и производитъ огромное впечатлѣніе; съ этою цѣлію она весьма часто употребляется въ музыкѣ. Она безобразна, когда является на мѣсто гармоніи: наприм. неискусный артистъ играетъ весьма не чисто, на разстроенномъ инструментѣ, даетъ, вмѣсто гармоническихъ звуковъ, дисгармоническіе и производитъ тѣмъ безобразіе. Ускоренный темпъ вмѣсто *должнаго* медленнаго, не надлежащій тактъ и т. под., неискусство капельмейстера, у котораго инструменты не во время начинаютъ, или играютъ нестройно, безобразятъ музыкальную вещь: они дѣлаютъ изъ нея совсѣмъ не то, чѣмъ она должна собственно быть.

Равнымъ образомъ, въ сочетаніяхъ цвѣтовъ мы находимъ безобразіе лишь тамъ, гдѣ на мѣсто должнаго сочетанія является такое, какое совсѣмъ не надобно: наприм. мы требуемъ гармоніи въ цвѣтахъ одежды, и когда на мѣсто ея является дисгармонія, мы считаемъ ее безобразіемъ. Въ фигурахъ не симметричность частей производитъ впечатлѣніе безобразія, короткія ноги при большомъ туловищѣ безобразны, потому что онѣ должны быть не короткія, а соотвѣтственно длинныя, или когда одна половина лица болѣе другой, мы находимъ его безобразнымъ, потому что обѣ половины должны быть симметричны. Но такая же ассиметрія половинъ въ какомъ нибудь предметѣ природы, наприм. большой горѣ, впечатлѣнія безобразія не возбуждаетъ. Мы находимъ трагедію, комедію, драму безобразными, когда онѣ далеко не достигаютъ своей цѣли: вмѣсто того, чтобъ быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности и художественнымъ цѣлымъ, онѣ представляютъ неестественное изображеніе ея и суть алогическое собраніе разныхъ мыслей.

Вообще безобразіе мы находимъ только тамъ, гдѣ есть противорѣчіе тому, что *должно* быть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ безобразнымъ кажется излишекъ противъ должнаго, наприм. какой нибудь большой наростъ на лицѣ, или шестой палецъ на рукѣ; въ другихъ — недостатокъ, наприм. недостатокъ ноги или руки, или нѣсколькихъ пальцевъ; въ третьихъ, контрастъ долженствующему быть: наприм. дисгармонія тоновъ, цвѣтовъ, ассиметрія частей вмѣсто должныхъ гармоніи и симметріи, или даже простое несогласіе съ долженствующимъ быть, наприм. неподлежащій тактъ и темпъ въ музыкѣ и т. под. Что же это такое долженствующее быть, служащее мѣрою, сравнительно съ которою реальныя явленія признаются или безобразными или прекрасными? Это есть нѣчто типическое, всякое отступленіе отъ котораго есть бе-

зобразное уродство, нормальное противорѣчіе которому непремѣнно безобразно. Но такъ какъ въ реальномъ мірѣ мы находимъ только дѣйствительно сущее, а не долженствующее быть, то понятіе безобразія, какъ и красоты, выводитъ насъ за предѣлы его и указываетъ на присущіе человѣку идеалы, вообще на идеальное начало, которымъ онъ измѣряетъ явленія и предметы, встрѣчающіеся ему въ наблюденіи и опытѣ. Безъ идеальнаго начала, безъ идеи нѣтъ ни красоты, ни безобразія.

Какъ реальная противоположность красоты, безобразіе возбуждаетъ чувство, противоположное возбуждаемому первою. Красота привлекаетъ, безобразіе отталкиваетъ. Таково впечатлѣніе, выносимое отъ всякого уродства: оно кажется чѣмъ то чуждымъ, отъ чего слѣдуетъ держаться какъ можно далѣе. Намъ не хочется смотрѣть на уродливое зданіе, мы бѣжимъ отъ всякой какофоніи и никакія доказательства не могутъ убѣдить насъ, что она должна быть очень привлекательна. Безобразное лицо отталкиваетъ насъ до того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не можемъ смотрѣть на него безъ чувства крайняго отвращенія. Далѣе, красоту мы цѣнимъ: она возвышаетъ достоинство и значеніе предмета, безобразіе унижаетъ его; безобразная вещь не удерживаетъ цѣнности матеріала, изъ котораго она сдѣлана: это мы видѣли выше. Сознаніе своего безобразія для всякого человѣка унизительно; онъ стыдится его и это доказываетъ, что онъ чувствуетъ умаленіе своего достоинства и значенія предъ людьми. Наконецъ, тогда какъ мы легко сочувствуемъ содержанію художественныхъ произведеній, мы смѣемся надъ плаксивыми безобразными трагедіями; прекрасной личности мы охотно готовы симпатизировать, между тѣмъ какъ радость безобразнаго существа возбуждаетъ негодованіе, а его страданіе можетъ даже доставлять удовольствіе.

Слѣдовательно, безобразіе возбуждаетъ всѣ составные элементы чувствованій ненависти и вражды. Оно, дѣйствительно, ненавистно намъ, особенно то безобразіе, съ которымъ мы должны такъ или иначе мириться и устранить которое не въ нашихъ силахъ. Такъ, безобразныя животныя, которыя мы считаемъ неизмѣнно враждебными намъ, въ физіономіи которыхъ мы читаемъ только хищность и прожорство, ненавидятся всѣмъ родомъ человѣческимъ, потому что уничтожить и стереть съ лица земли родъ ихъ не въ нашихъ силахъ; ненавистны нравственнымъ субъектамъ безобразно ведущіе себя люди, противъ которыхъ они должны затаивать свой гнѣвъ. Вообще, ко всякому безобразію

мы относимся враждебно: и какъ при любви мы идеализуемъ любимое существо и стремимся приладить свой духовный строй къ его настроенію, такъ, при ненависти и враждѣ, мы представляемъ, безобразное существо какъ нѣчто грубое и чувствуемъ свою полную дисгармонію съ нимъ.

Безобразіе тоже идеализуется нами, но въ противоположномъ, сравнительно съ красотою, направленіи. Прекрасный предметъ представляется намъ, какъ нѣчто нѣжное, благоухающее, нетерпящее грубаго обхожденія, легко нарушаемое и повреждаемое неосторожнымъ прикосновеніемъ, какъ нѣчто, чистое, возвышенное и т. под.; напротивъ, безобразный предметъ мы представляемъ какъ нѣчто грубое, заскорузлое, достойнаго самого грубаго обхожденія. Мы не только не бережемъ его, но является желаніе порушить его и уничтожить; онъ кажется намъ чѣмъ то низкимъ, ничтожнымъ. Нисколько не жалѣя, художникъ уничтожаетъ своею рукою неудавшееся свое произведеніе, потому что оно, по его мнѣнію, не должно существовать; съ какимъ удовольствіемъ человѣкъ убиваетъ безобразную гадину, существованіе которой кажется ему какъ будто оскорбленіемъ его и вообще съ какою легкостію люди переходятъ въ насиліе, когда имѣютъ дѣло съ безобразными, по ихъ мнѣнію, въ физическомъ или нравственномъ отношеніи личностями! Все это происходитъ оттого, что ко всякому безобразію они подставляютъ ненавистный образъ чего то грубаго, ничтожнаго, незаслуживающаго лучшаго обхожденія.

Потому, что все безобразное представляется намъ ничтожнымъ по цѣнѣ и значенію, мы чувствуемъ полную дисгармонію его съ нашимъ существомъ. Красота привлекательна потому, что сочетаніе, даже простое сосѣдство съ нею, возвышаетъ достоинство прикасающагося къ ней предмета. Она имѣетъ своего рода сіяющую сферу, и все попадающее въ нее является лучшимъ и совершеннѣйшимъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Подобную сферу имѣетъ и безобразіе; все соприкасающееся съ нимъ умаляется въ своей цѣнѣ и значеніи. Одна безобразная, ниже всякой критики, статуя или картина портитъ всю коллекцію; безобразный или уродливый мужъ составляетъ причину стыда и униженія для жены, тогда какъ красивая жена составляетъ предметъ гордости для мужа. Если быть въ союзѣ съ красотою и близости къ ней есть счастіе для человѣка, то быть въ союзѣ, сосѣдствѣ съ безобразіемъ есть для него несчастіе. Онъ поэтому сильнѣйшимъ образомъ будетъ желать быть отъ него какъ можно далѣе, ни въ

чемъ не походить на него, будетъ чувствовать полную дисгармонію съ нимъ и стараться нарочно усиливать ее. Оттого и происходитъ, что безобразныя личности такъ мало находятъ себѣ сочувствующихъ людей, что на ихъ слова, чувства, дѣйствія, когда они навязываются на союзъ любви, отвѣчаютъ отрицаніемъ, антипатіей, противодѣйствіемъ. Но такое же чувство дисгармоніи, раздора, противорѣчія возбуждаютъ и неодушевленные предметы: явленія природы, произведенія искусства, когда они оскорбляютъ вкусъ, кажутся уродами противъ своего типа, искаженіемъ идеи; они кажутся ничтожностями, съ которыми ничего у насъ общаго не можетъ быть.

Такимъ образомъ въ основаніи эстетическихъ чувствованій и понятій красоты и безобразія лежитъ чувство любви къ идеальному, ненависти и вражды къ искаженію и отступленію отъ идеала. Удовольствія, возбуждаемыя въ насъ формою сочетанія или послѣдовательности впечатлѣній и мыслей, служатъ поводомъ къ пробужденію любви къ идеальному; въ красивой формѣ мы думаемъ найти осуществленіе идеала и потому обращаемся къ ней всѣмъ сердцемъ, дѣлаемъ ее предметомъ своей нѣжной привязанности. Съ другой стороны, во имя этой любви къ нормальному, типическому, идеальному, мы враждуемъ со всякимъ отступленіемъ отъ идеи, особенно же противорѣчіемъ ей, искаженіемъ ея и ненавидимъ его. Вражда къ безобразію во всѣхъ видахъ и формахъ даетъ глубокій смыслъ чувственному неудовольствію и даже страданію, которое иногда возбуждается имъ въ насъ.

Отношеніе сердца къ истинѣ и лжи.

Чувства красоты и безобразія составляютъ отзывъ сердца на формы явленій и вообще, впечатлѣній, дѣйствующихъ на душу. Но оно оцѣниваетъ также и содержаніе явленія. Различіе истины и лжи имѣетъ не одно только теоретическое значеніе. Для одного ума ложная мысль, есть тоже мысль какъ и истинная; какъ скоро первая удовлетворяетъ логическимъ законамъ и правиламъ, она въ теоретическомъ отношеніи равна со второю. Умъ самъ по себѣ холоденъ къ этому различію: истина и ложь для него представляютъ только разные случаи мысли. Никогда истина не привлекала бы къ себѣ человѣка, не возбуждала бы его энтузіазма къ себѣ, не вызывали бы съ его стороны всевозможныхъ

жертвъ, если бы она не говорила его сердцу, не была для чувства одною изъ высокихъ цѣнностей, сокровищъ, въ которыя оно влагаетъ себя.

Для чувства истина имѣетъ значеніе и какъ средство и какъ цѣль. Какъ средство, она цѣнна потому, что только при истинномъ познаніи окружающаго міра, мы можемъ опознаться среди другихъ существъ, среди предметовъ и явленій, опредѣлить свое мѣсто и значеніе въ Іерархіи духовъ, познать свой долгъ и нравственный законъ, съ которымъ мы должны сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Она необходима для правильнаго воздѣйствія субъекта на окружающій міръ, для работы и дѣятельности его въ немъ, равно какъ для правильной оцѣнки идущихъ отъ него впечатлѣній. Съ точки зрѣнія воли, дѣйствующей среди другихъ существъ и предметовъ, истина въ познаніи есть condicio sine qua невозможно цѣлесообразное употребленіе и приложеніе энергіи души и такъ какъ чувство вообще подчиняется волѣ (это мы докажемъ впослѣдствіи), то оно высоко цѣнитъ истину, какъ условіе правильнаго приложенія воли. Во всѣхъ этихъ случаяхъ истина цѣнится, какъ условіе правильнаго сознанія цѣны и значенія индивидуума и правильнаго дѣйствованія его среди міра.

Но чувство имѣетъ прямой и непосредственный интересъ въ истинѣ. Волнуясь, наслаждаясь, возбуждаясь на самые разнообразные способы, оно принимаетъ каждое дѣйствующее впечатлѣніе, т. е. въ сущности каждую мысль, возбуждающую въ немъ то или другое состояніе, за нѣчто серіозное и дѣйствительное. Мы страшимся только того, о чемъ думаемъ, что оно на самомъ дѣлѣ гдѣ нибудь намъ угрожаетъ; мы надѣемся, ожидаемъ, наслаждаемся гармоніей, или радуемся, горюемъ, удивляемся, и т. д. только по поводу реальныхъ событій, и всякое чувство мгновенно исчезаетъ, когда намъ скажутъ или мы сами убѣдимся, что въ дѣйствительности нѣтъ къ нему повода, и что событія, возбудившія чувства, нигдѣ не существуютъ, кромѣ нашего воображенія. Если искусство и возбуждаетъ въ насъ разнообразныя чувствованія представляемыми имъ событіями, то во-1-хъ, оно достигаетъ этой цѣли только въ тѣхъ случаяхъ, когда съумѣетъ заставить насъ забыть, что мы видимъ предъ собою сцену, когда правдоподобіе изображенія достигнетъ почти полнаго тожества съ дѣйствительностію; во-2-хъ, оно напоминаетъ намъ реально встрѣчаемыя лица, положенія, случаи, обстановку и т. д. и заставляетъ насъ переносить въ воображеніи себя или

близкихъ намъ лицъ въ изображаемую на сценѣ обстановку; наконецъ, въ-3-хъ, мысль о томъ, что мы видимъ и читаемъ лишь воображаемые ужасы и радости всегда ослабляетъ ихъ дѣйствіе на насъ: если бы содержаніе трагедіи или комедіи дѣйствительно переживалось нами, то онѣ возбуждали бы безконечно болѣе сильныя чувствованія. Когда намъ говорятъ, что мы напрасно радовались, или гнѣвались, страшились или любили, уважали, презирали, намъ всегда бываетъ болѣе или менѣе досадно, что мы напрасно волновались. Напрасная работа и праздный трудъ сердца всегда возбуждаетъ досаду, не только когда оказывается, что мы напрасно мучились страхомъ, гнѣвомъ, сомнѣніемъ и вообще отрицательными чувствованіями, но даже когда мы волновались и пріятными положительными; мы досадуемъ на напрасную радость, надежды, оказавшіяся неосновательными, напрасное удивленіе, довольство собою и т. д.

Такимъ образомъ истина имѣетъ то прямое значеніе для сердца, что только при ней, при истинности лишь познанія, дѣятельность его имѣетъ смыслъ: мы хотимъ наслаждаться и страдать, волноваться и возбуждаться только по поводу дѣйствительно сущаго. Чѣмъ наши чувствованія серьознѣе, глубже, тѣмъ серьознѣе потребность истины, тѣмъ она цѣннѣе для насъ. Многообразныя впечатлѣнія, переживаемыя нами, съ точки зрѣнія сердца, дѣлятся на двѣ группы: одни суть только кажущіяся дѣйствительными, но не таковыя въ сущности, или хотя и дѣйствительныя, но для сердца незначительныя или прямо ничтожныя, возбуждающія, при томъ чувства, мало его затрогивающія; другія дѣйствуютъ глубоко и сильно, но при этомъ и возвышаютъ, укрѣпляютъ его, услаждаютъ не мимолетно, а на долгое время наполняютъ радостію, даже если заставляютъ страдать, то наполняютъ сердце многозначительною горестію, сильною и продолжительною, которой смыслъ очевиденъ и поводъ къ которой кажется достаточнымъ. Перваго рода впечатлѣнія для сердца или вовсе не имѣютъ значенія или мало цѣнятся; тѣмъ цѣннѣе для него вторыя, что они потрясаютъ его до глубины, поднимаютъ его на высоту, или повергаютъ въ пропасть отчаянія, ободряютъ или сокрушаютъ его. Сердце не можетъ допустить, чтобы страшное и ужасное, или нѣжное, грандіозное, высокое, прекрасное, радостное, грустное, любезное и ненавистное и т. под. было ничѣмъ, одною фантасмагоріей, галлюцинаціей. Нѣтъ, это сущее, потрясающее его въ самыхъ основаніяхъ, и есть истинно сущее, тогда какъ первое

есть только видимость. Сколько бы ни убѣждали сердце, что вообще сущее есть явленіе только, одно представленіе, субъективное нѣчто, оно все-таки будетъ заставлять умъ предполагать, что въ явленіи сказывается сущее, и что въ основаніи этихъ субъективныхъ явленій находится истинное сущее, дѣйствующее реально на него и такъ сильно возбуждающее его. Для сердца истина, слѣдовательно, имѣетъ значеніе совокупности сущихъ дѣйствительно предметовъ, при томъ настолько значительныхъ по энергіи и напряженію своего дѣйствованія, что они многостороннимъ образомъ возбуждаютъ чувство.

Поэтому истина имѣетъ великую цѣнность для человѣческаго сердца и человѣкъ представляетъ ее, какъ нѣчто великое и высокое. Она принадлежитъ къ той же группѣ высокихъ и великихъ цѣнностей, къ которымъ принадлежитъ красота, и что особенно важно, она возбуждаетъ въ насъ то же самое чувство и также влечетъ къ себѣ, какъ и эта послѣдняя.

И во-1-хъ, истина для человѣка всегда сохраняетъ свою привлекательность. Этою только стороною ея можно объяснить, почему она привлекаетъ къ себѣ лучшіе и благороднѣйшіе умы: люди употребляютъ самыя тяжкія иногда усилія для того, чтобы достигнуть ея; этой цѣли нѣкоторые изъ нихъ посвящаютъ цѣлую жизнь, что мы видимъ на примѣрѣ многихъ ученыхъ, лучшіе годы своей жизни отдающихъ безкорыстному служенію науки. Мало того, за истину люди готовы идти на страданія, на смерть и никто изъ развитыхъ въ нравственномъ отношеніи людей не находятъ такихъ подвиговъ неестественными; напротивъ, они признаются высокими и предметъ ихъ достойнымъ того. Во-2-хъ, истина цѣнится, какъ нѣчто весьма цѣнное и дорогое. Amicus Plato, sed magis amica veritas; для многихъ она выше дружбы, выше обыкновенныхъ привязанностей; сознательное нарушеніе ея считается за попраніе святыни, за дерзкое поруганіе чего то возвышеннаго и великаго; ради согласія съ истиною люди разстаются съ своими суевѣріями, предвзятыми мнѣніями, убѣжденіями. Такъ какъ наука считается представительницею истины, то для нея дѣлаются громадныя жертвы со стороны государства, общества, личностей—почему? потому что ее цѣнятъ, какъ дорогое сокровище, для пріобрѣтенія котораго не слѣдуетъ жалѣть никакихъ средствъ. И что истину, какъ и красоту, люди цѣнятъ ради ея самой, а никакъ не по отношенію къ какимъ либо полезнымъ цѣлямъ, это доказывается тѣмъ, что они при своихъ стремленіяхъ къ ней же-

лаютъ знать ее, какъ она есть; всякое примѣшиваніе посторонних мотивовъ, интересовъ, измѣненіе ея ради ихъ разсматривается, какъ искаженіе ея. На истину люди не обижаются, даже когда она идетъ противъ нихъ, когда она имъ непріятна: она разсматривается, какъ возвышенный предметъ, на который власть людей и мелкіе интересы ихъ не простираются.

Наконецъ въ 3-хъ, истина симпатична намъ. Людей, которые проповѣдуютъ ее, страдаютъ и умираютъ за нее, мы окружаемъ въ своемъ представленіи ореоломъ: она производитъ на насъ самое симпатическое впечатлѣніе; мы сочувствуемъ имъ не за умъ и характеръ ихъ, а за ихъ любовь къ истинѣ. Увлекаемые страстными желаніями и сильными чувствованіями, люди могутъ идти противъ нея, могутъ не желать ея, но втайнѣ, про себя, они при нѣкоторомъ развитіи сознаютъ, что имъ слѣдовало бы собственно держаться истины и стоять за нее, такъ какъ ей именно и слѣдуетъ отдать свое сердце и ее поддерживать.

Мы имѣемъ право сказать, что истина возбуждаетъ въ сердцѣ человѣка такую же любовь, какъ и прекрасное. И дѣйствительно, наблюденіе свидѣтельствуетъ, что люди любятъ истину. А такъ какъ существуетъ такая любовь, то мы имѣемъ право опредѣлить и тѣ элементы въ ней, на которыхъ, въ сущности, основывается влеченіе и симпатія къ ней, т. е. идеализацію и потребность гармоніи съ нею.

Мы, дѣйствительно, идеализируемъ истину. Она представляется многимъ, какъ нѣчто легко нарушимое, что требуетъ весьма тщательнаго ухода, какъ бы нѣжнаго прикосновенія, что не терпитъ нечистаго дыханія. До какой болѣзненной щепетильности иногда доходитъ у иныхъ людей обращеніе съ фактами, съ выводами изъ нихъ! Такіе люди щепетильны не къ фактамъ, и не то, чтобы они очень цѣнили свои выводы, но имъ такъ дорога истина и такъ кажется легко, при малѣйшей небрежности и опрометчивости, нарушить ее, что они, дѣлая выводы и обобщенія, пугливо осматриваются, чтобы не совершить грѣха противъ нея. Истина представляется, какъ многозначительное и высокое содержаніе, къ которому, какъ идеалу, стремятся науки и человѣческое вѣдѣніе вообще. Онѣ имѣютъ raison d'etre уже по тому одному, что нѣсколько приближаются къ своему идеалу, осуществляютъ въ себѣ малую часть его. Истина кажется уму свѣтомъ, прогоняющимъ душевный мракъ, и къ этому свѣту,

какъ чему-то высочайшему, стремится всякая развитая и чуткая къ правдѣ душа.

Съ другой стороны, мы стараемся быть въ гармоніи съ истиною. Согласіе съ нею мы признаемъ для себя обязательнымъ; при всякомъ противорѣчіи съ нею страдаетъ не она, а мы сами утрачиваемъ цѣну и значеніе. Все равно какъ отъ сосѣдства и согласія съ красотою возвышается достоинство предмета, такъ мысль и самъ субъектъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ цѣны, поскольку болѣе и болѣе приближаются къ истинѣ и становятся согласны съ нею. Истина представляется намъ также окруженною ореоломъ свѣта, какъ и красота, и все, что вступаетъ въ ея сферу, возвышается отъ такого сосѣдства. Поэтому обладаніе истиною, т. е. гармонія мысли съ нею и сознаніе такой гармоніи служитъ источникомъ великаго счастія для человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какое счастіе доставляютъ человѣку новая вѣрная мысль, открытіе, приближающее науку къ истинному разъясненію явленій, новый свѣтъ познанія, въ которомъ факты представляются въ своей настоящей достовѣрной связи! Тратятся усилія, всякого рода жертвы приносятся человѣкомъ, чтобы усилить свою гармонію съ истиною, и согласіе съ нею онъ бываетъ иногда готовъ купить цѣною своей жизни. Существованіе внѣ истины представляется не имѣющимъ смысла и напротивъ, жизнь въ истинѣ кажется человѣку единственно достойною его.

Какъ истина служитъ предметомъ любви человѣка, такъ ложь возбуждаетъ чувство ненависти и вражды. Во 1-хъ, тогда какъ истина привлекательна, ложь напротивъ отталкиваетъ отъ себя человѣка. Языкъ свидѣтельствуетъ это названіями, какія прилагаются къ ней. Кромѣ того, что ее называютъ отталкивающею, она именуется отвратительною, гадкою, омерзительною и т. под. Влеченіе ко лжи объясняется или какъ увлеченіе своекорыстными интересами, или душевнымъ разстройствомъ; но въ здоровой душѣ, не тронутомъ человѣкѣ она всегда возбуждаетъ большее или меньшее чувство отвращенія. По этому трудно даже представить себѣ человѣка, который находилъ бы ложь какъ таковую, привлекательною для себя. Отталкиваніе здѣсь столь сильное, что человѣкъ старается обыкновенно быть, какъ можно, далѣе отъ нея. Во 2-хъ, ложь не только не имѣетъ цѣны и значенія, но всегда представляется, какъ нѣчто, ничтожное, столь же низкое, какъ высока истина. Ложное представленіе, понятіе, ложный выводъ, ложная система не только не уважа-

ются, а презираются, людьми, убѣжденными въ ихъ лживости. Наконецъ въ 3-хъ ложь антипатична. Мы не симпатизируемъ человѣку, говорящему завѣдомую ложь; торжество лжи вызываетъ глубокую печаль. Съ какимъ удовольствіемъ правдивые люди разоблачаютъ ложь и въ униженіи ея находятъ свое торжество! Оттого, представителю лжи, дьяволу, люди ни въ чемъ не могутъ симпатизировать: чѣмъ ему хуже, тѣмъ человѣку кажется лучше, его торжество есть поводъ къ унынію и печали человѣка.

Лжи мы не любимъ: на нее смотримъ какъ на своего врага, съ которымъ не устанно должно биться. Въ ненависти и антипатіи къ ней есть всѣ элементы отталкиванія: идеализація и дисгармонія. Дѣйствительно, мы представляемъ ее, въ противоположность истинѣ, грубою (говорятъ: грубая ложь), предметомъ, который долженъ быть уничтоженъ, опозоренъ. Ложь разбивается и это уничтоженіе ея вмѣняется нападающему на нее субъекту въ заслугу; она позорится и всемѣрно унижается, и это обыкновенно принимается, какъ нѣчто должное. Мы говоримъ о ней, какъ безобразномъ („безобразная ложь“) предметѣ, самой дурной вещи, какая только можетъ существовать. Идеализація лжи въ отрицательномъ направленіи идетъ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ.

Какъ съ истиною мы стремимся быть въ гармоніи, такъ съ ложью мы стараемся быть въ постоянной дисгармоніи, противорѣчіи. Противорѣчить лжи мы считаемъ столь же естественнымъ, какъ соглашаться съ истиною. Близость ко лжи, сосѣдство съ нею унижаютъ и портятъ достоинство мыслей: небольшая ложь, вплетенная въ разсказъ, портитъ его и уничтожаетъ значеніе его; часть лжи, допущенная въ доказательствѣ, въ системѣ, въ понятіи рушитъ достоинство ихъ; дружба съ завѣдомымъ лжецомъ бросаетъ невыгодную тѣнь на того, кто съ нимъ ведетъ дружбу. Всякое соглашеніе съ ложью, дружба съ нею, даже предположеніе ея оскорбляетъ достоинство человѣка; чѣмъ сильнѣе у него раздоръ съ нею, тѣмъ лучше онъ считаетъ себя поступающимъ и тѣмъ больше охраняющимъ свою честь. Извѣстно, что обманъ и ложь оскорбляютъ человѣка, къ которому они обращаются. Никто не желаетъ быть дупированнымъ и только глупцы не обижаются на попытки мистификаціи ихъ. Ложный разсказъ, сдѣланный серіозно и намѣренно, непремѣнно оскорбляетъ достоинство человѣка, повѣрившаго ему.

Мы разумѣемъ здѣсь ложь, какъ нѣчто противоположное

истинѣ, т. е. нетолько простое отсутствіе ея, но и утвержденіе, только ложное. Человѣкъ печалится объ отсутствіи полной истины въ его познаніи, невозможности достиженія ея вполнѣ здѣсь на землѣ. Но далекость отъ истины не есть еще ложь. Она, по существу своему, есть утвержденіе и признаніе, на мѣсто истиннно сущаго, несущаго, намѣсто цѣннаго и значительнаго, ничтожнаго и незначительнаго. Она не есть отрицаніе только истины, но и замѣщеніе ея ничтожествомъ, неимѣющимъ правъ на бытіе. По этому понятно, что ложь вызываетъ къ себѣ неумолимую ненависть и вражду разумныхъ существъ, что борьба съ нею, преслѣдованіе и уничтоженіе ея, считаются у нихъ благороднымъ подвигомъ. Существованіе лжи, т. е. принятіе и допущеніе ея, дѣлаетъ невозможною дѣятельность разумнаго существа, немыслимымъ его существованіе. При господствѣ лжи, оно не можетъ опознаться среди окружающихъ предметовъ и явленій, опредѣлить свое мѣсто въ Іерархіи духовъ, познать свой долгъ и сообразно съ нимъ дѣйствовать, слѣдовательно, правильно прилагать свою энергію. Мало того, при ней, оно все это будетъ дѣлать превратно, т. е. опредѣлитъ свое мѣсто и значеніе въ бытіи фальшиво, признаетъ своимъ долгомъ совсѣмъ не то, что должно и т. д., т. е. совершенно обезсмыслитъ свое бытіе и свою дѣятельность. Для чувства есть еще особыя причины ненавидѣть ложь. Мы видѣли, что оно всегда серіозно относится къ впечатлѣніямъ и если тратитъ свои силы, то лишь въ предположеніи, что къ тому есть дѣйствительные поводы, и что оно, если волнуется и возбуждается, то въ отвѣтъ на что либо истинно сущее. При лжи, трата чувствъ становится безсмысленною: стоитъ ли волноваться разными треволненіями по поводу фантасмогорій и галлюцинацій. Обманъ и ложь всегда огорчаютъ сердце и именно въ той мѣрѣ, въ какой оно серіозно относилось къ нимъ. По этому миръ съ ложью человѣческое сердце не можетъ заключить ни на минуту.

Отношенія сердца къ благу и злу.

Красота касается формы предметовъ и впечатлѣній, ими возбуждаемыхъ; истина имѣетъ отношеніе къ содержанію бытія, переживаемаго нами. Первая есть высокая цѣнность для сердца, открываемая имъ въ формѣ, въ какой бытіе дается; вторая есть

высокая цѣнность, полагаемая сердцемъ въ содержаніи впечатлѣній, идущихъ отъ міру къ человѣку. Синтезъ красоты и истины для сердца дается въ добрѣ, которое, кромѣ того, обладаетъ еще и святостію содержанія.

Основная черта добра есть святость его содержанія. Святой въ нашемъ языкѣ первоначально значилъ особный, отдѣльный, выдающійся изъ ряду, возвышенный надъ мелкимъ и обыденнымъ. Святое содержаніе значитъ особенное, выдающееся и возвышающееся надъ обыкновеннымъ. Мы представляемъ его, какъ совокупность всяческой цѣнности и многозначительности. Такъ какъ все въ физическомъ мірѣ имѣетъ цѣнность не само по себѣ, а только относительно, какъ средство для достиженія чего либо другого, то святое содержаніе, заключающее въ себѣ высочайшую цѣнность, по преимуществу есть нравственное содержаніе, цѣнное не по отношенію къ чему либо иному, а само по себѣ, безотносительно, безмѣрно высящееся надъ всѣмъ просто полезнымъ, выгоднымъ, пріятнымъ. Святое содержаніе мыслится какъ нравственная сила, какъ источникъ всякого нравственнаго блага, какъ воля отождествившаяся съ нравственнымъ закономъ и потому опредѣляющая и полагающая его. Такое содержаніе и есть истинное, цѣнное и многозначительное бытіе, есть сущее въ преимущественномъ смыслѣ. Разумъ представляетъ его, какъ истину; по своей формѣ, оно прекрасно, есть наивысшая, наицѣнная красота. Истинное, прекрасное, святое содержаніе сердце чувствуетъ какъ Верховное Благо, или Добро.

Благу противоположно зло. Оно хуже, ничтожнѣе обыкновеннаго и обыденнаго; оно выдается и отличается отъ послѣдняго, но въ худшую несовершенную сторону. Мы представляемъ его, какъ содержаніе ненормальное, какъ грѣхъ, беззаконіе. Въ немъ есть нетолько отрицаніе святости и противорѣчіе ей, но и утвержденіе противоположнаго содержанія, по преимуществу безнравственнаго; оно мыслится какъ источникъ всего непріятнаго, всякихъ страданій, всего вреднаго, идущаго противъ многозначительнаго и цѣннаго бытія. Въ качествѣ чего то ничтожнаго, зло мыслится какъ ложь, какъ лживое содержаніе: по своей формѣ оно есть безобразіе. Въ немъ такимъ образомъ дается синтезъ грѣшнаго, ложнаго и безобразнаго.

Добро есть предметъ любви, зло—ненависти и вражды. Въ отношеніяхъ сердца къ одному мы находимъ всѣ элементы любви, въ отношеніяхъ его къ другому всѣ элементы ненависти и вражды.

Именно, добро привлекательно. Сердце влечется къ нему и стремится соединиться съ нимъ, какъ великимъ источникомъ счастія. Человѣкъ по природѣ своей ищетъ добра: удовольствіе и наслажденіе, выгоды и пользы, святое и нравственное, ему кажутся привлекательными, потому что во всемъ этомъ онъ находитъ въ большей или меньшей степени свое благо. Представляя его себѣ прекраснымъ, мы стараемся приблизиться къ нему, чтобы, соединившись съ нимъ, успокоиться въ блаженствѣ единенія съ нимъ. Мысля его истинно сущимъ, мы чувствуемъ, что оно то и есть истинное бытіе и что, вошедши въ сферу его, нѣтъ надобности искать чего либо иного. Напротивъ, зло кажется намъ отталкивающимъ. Его мы бѣжимъ; во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно встрѣчается, мы отвращаемся отъ него. Мы отталкиваемся отъ него, когда чувствуемъ присутствіе его въ неудовольствіяхъ и страданіяхъ, несчастіяхъ, и бѣдствіяхъ, насъ удручающихъ, въ грѣхѣ и беззаконіи преступной воли. Сердце вездѣ относится къ нему какъ врагу своему, и такъ какъ оно представляется по преимуществу какъ грѣшное содержаніе, то оно отталкивается особенно сильно отъ грѣха и беззаконія: послѣднія называются имъ отвратительными и мерзкими. Для него зло отталкивающе и по своей формѣ: сердце именуетъ порокъ и беззаконіе безобразными. По содержанію своему, оно есть ложь и также, какъ и послѣдняя, кажется отвратительнымъ.

Во 2-хъ, благо высоко цѣнится. Оно признается совокупностію всяческой цѣнности и многозначительности: внѣ его не можетъ быть ничего имѣющаго значенія. Какъ таковое, оно неустанно преслѣдуется человѣкомъ и на всѣхъ путяхъ своей жизни онъ старается достигнуть его и овладѣть имъ; выше и цѣннѣе его нѣтъ ничего и только о немъ слѣдуетъ хлопотать въ своей дѣятельности. По этому къ благу мы присоединяемъ эпитеты, указывающіе на его значеніе для сердца: мы называемъ его цѣннымъ, значительнымъ, великимъ, высокимъ и т. д. Зло, наоборотъ признается ничтожнымъ, хуже чѣмъ не имѣющимъ цѣны. Въ крайнемъ случаѣ, его можно только терпѣть, но никакъ не усвоять себѣ. Оно есть совокупность всего дурного, ненормальнаго, беззаконнаго, безобразнаго, фальшиваго. Сердце его презираетъ до послѣдней степени.

Въ 3-хъ, благо симпатично, тогда какъ зло антипатично. Хорошему, доброму человѣку мы невольно сочувствуемъ и также, какъ къ чему то близкому, родному, дружественному, относимся

ко всему, что несетъ намъ удовольствіе и наслажденіе, радость; мы сочувствуемъ моральному подвигу, т. е. не дѣйствію собственно, какъ таковому, а тому благу, откровеніе котораго въ немъ видимъ. Напротивъ, зло намъ антипатично. Злой человѣкъ естественно вызываетъ въ насъ отрицаніе, противорѣчіе, противодѣйствіе. Торжество зла для нравственнаго человѣка есть источникъ горестнаго безпокойства, его паденіе и уничтоженіе—радости. Съ зломъ человѣкъ не можетъ имѣть ничего общаго, всюду онъ враждуетъ съ нимъ.

Привлекательность и симпатичность добра, отвратительность зла, любовь къ одному и ненависть и вражда къ другому основываются на идеализаціи обоихъ въ различномъ смыслѣ и чувствѣ гармоніи съ однимъ и дисгармоніи съ другимъ.

Мы идеализируемъ добро какъ что то прекрасное, великое, какъ высочайшую цѣнность. Оно кажется намъ легко порушимымъ, особенно его святость содержанія: какъ неосторожное и грубое прикосновеніе искажаетъ чистоту и портитъ цѣлость нѣжнаго предмета, такъ безоглядное, грубое и беззаботное обхожденіе съ святымъ содержаніемъ оскорбляетъ его. Представляя въ немъ великую нравственную силу, мы чувствуемъ, что не должно быть предѣловъ заботливости и осторожности въ поведеніи относительно такого высочайшаго блага. Его мы изображаемъ себѣ какъ красоту и истину вмѣстѣ, комбинируя такимъ образомъ всѣ высшія цѣнности въ одно идеальное цѣлое. Зло мы идеализуемъ въ противоположномъ смыслѣ. Оно представляется намъ олицетвореннымъ безобразіемъ, сущею ложью, предметомъ нечистымъ и грубымъ; оно достойно всякого грубаго обхожденія; его надобно уничтожить, стереть съ лица земли.

Если соединеніе съ прекраснымъ и истиною можетъ возвышать достоинство и значеніе соединяющагося съ ними существа, то это же слѣдствіе должно получиться и отъ соединенія съ добромъ и близкаго приближенія къ нему. Добро выше, чѣмъ красота и истина: ибо, кромѣ ихъ, оно заключаетъ въ себѣ еще и святость содержанія. Мы приписали истинѣ и красотѣ сферу, вступая въ которую, всякій предметъ становится самъ чище, возвышеннѣе, цѣннѣе. Не въ высшей ли степени мы должны предполагать такую же сферу дѣйствія и для добра? Такъ какъ человѣкъ есть живое, сознающее себя, существо, то какимъ для него счастіемъ должно представляться приближеніе къ нему, когда не по внѣшнему виду, не для другихъ только онъ будетъ казаться

просвѣтленнымъ, очищеннымъ, возвышеннымъ, когда слѣды осіянія красотою, истиною и святостію онъ будетъ сознавать и чувствовать самъ въ себѣ? Поэтому сердце напрягаетъ всѣ усилія, чтобы быть въ гармоніи съ Верховнымъ благомъ: для образованія и усиленія этой гармоніи оно радостно спѣшитъ отзываться на все прекрасное, истинное, святое и въ этихъ сочувственныхъ отзывахъ обрѣтаетъ свое счастіе и блаженство. Оно всѣми своими силами старается возбудить волю дѣйствовать согласно съ требованіями святости, т. е. велѣніями нравственнаго закона, потому что въ сознательномъ приспособленіи къ нему воля находитъ истинно нравственный способъ дѣятельности и развиваетъ согласіе съ святымъ содержаніемъ блага. Равно и умъ, неудовлетворяясь видимостію, возбуждается сердцемъ, также въ видахъ достиженія гармоніи съ благомъ, къ неустанному исканію истины и въ согласіи только съ нею находитъ себѣ миръ и успокоеніе. И чѣмъ сильнѣе у человѣка чувство гармоніи съ благомъ, тѣмъ оно привлекательнѣе и симпатичнѣй ему представляется.

И зло имѣетъ свою силу и его разрушительное и унижающее дѣйствіе простирается на все, что съ нимъ сосѣдится и соприкасается. Какъ сочетаніе безобразія, лжи и грѣха, зло вызываетъ сильнѣйшее противорѣчіе въ сердцѣ и стремленіе быть съ нимъ въ дисгармоніи. Быть съ нимъ въ согласіи и близости къ нему сердце принимаетъ за бѣдствіе и несчастіе: это значитъ уничижать себя, опорочить свой духъ, усвоить себѣ безобразіе, отождествиться съ несущимъ, ибо при сосѣдствѣ съ нимъ утратится всякая цѣна и всякое значеніе; существо обратится въ отрицательную величину. На всякое зло сердце отвѣчаетъ поэтому сильнѣйшимъ раздоромъ. Всякое уподобленіе и подражаніе ему оно считаетъ недолжнымъ, ненормальнымъ. На всѣ обнаруженія его оно отвѣчаетъ чувствами презрѣнія, ничтожности; оно побуждаетъ волю, какъ можно далѣе держаться отъ безобразнаго и лживаго грѣха, никоимъ образомъ не опредѣляться гармонично съ нимъ, желать противоположнаго. Оно отвращается отъ приниканія ко лжи, отъ сосредоточенія на этомъ не сущемъ и ничтожномъ; оно вызываетъ и волю и умъ на борьбу со зломъ, на безпощадное преслѣдованіе его во всѣхъ видахъ на всѣхъ путяхъ жизни и бытія. Чувство дисгармоніи съ нимъ есть между прочимъ для него источникъ счастія и блаженства.

Слѣдовательно, разсуждая метафизически, въ красотѣ, истинѣ, нравственномъ содержаніи открывается намъ, въ сущности, одно и

то же благо, только въ разныхъ своихъ сторонахъ. Въ красотѣ формъ сказывается его форма, въ истинѣ—цѣнное и многозначительное содержаніе его, въ нравственныхъ силахъ и ихъ дѣятельностяхъ святость его содержанія. Разсуждая психологически, одно и то же дыханіе любви вѣетъ въ нашихъ привязанностяхъ, нашемъ наслажденіи и чувствѣ счастія, когда мы соприкасаемся съ красотою во всѣхъ ея видахъ, истиною и нравственною силою. Вотъ здѣсь то мы и находимъ важное указаніе сердца, до нѣкоторой степени эмпирически рѣшающаго важнѣйшій метафизическій вопросъ.

Предметомъ любви можетъ быть только какое нибудь живое существо: къ неодушевленной вещи невозможно питать ея. И однако, мы видѣли выше, что красота, истина, добро суть объекты любви. Невозможно отрицать этотъ фактъ, потому что рѣшительно всѣ элементы ея присущи человѣческой привязанности къ нимъ: есть въ ней чувства привлекательности, цѣны и симпатіи, есть и тѣ болѣе глубокіе элементы, на которыхъ основываются вышеупомянутыя чувства: идеализація и чувство гармоніи. Мы должны признать фактъ существованія любви къ красотѣ, истинѣ и добру, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ отрицать выводъ, отсюда проистекающій. Не можетъ быть, чтобы мы такъ сильно влеклись сердцемъ къ отвлеченіямъ одного нашего ума. Если истина, добро и красота суть лишь абстрактныя понятія, не болѣе, то любовь къ нимъ совершенно безсмысленна и такъ какъ мы инстинктивно любимъ и влечемся къ нимъ, то это значило бы, что безсмыслица внѣдрена намъ отъ природы и что сердце обманываетъ себя и насъ. Это предположеніе невозможно. Мы видѣли выше, что именно сердце цѣнитъ только серіозныя и истинныя впечатлѣнія и всего менѣе любитъ тратить свои силы на воображаемое, не существующее въ дѣйствительности. Когда оно не шутитъ, то одно лишь реально данное считаетъ достойнымъ своихъ положительныхъ и отрицательныхъ треволненій. Но въ любви его къ высокимъ цѣнностямъ: красотѣ, истинѣ и благу, мы видѣли, звучитъ всегда серіозный тонъ: въ сближеніи съ ними оно полагаетъ работу жизни, задачу ея. Повторяемъ, не можетъ быть, чтобы онѣ были порожденіями ума и воображенія. Фактъ любви доказываетъ, что въ красотѣ, истинѣ и любви открывается какое-то существо, и то, что сердце синтезируетъ ихъ въ одномъ цѣломъ—благѣ, имѣющемъ для него цѣну и красоты и истины, убѣждаетъ насъ, что это существо—единое. Въ красотѣ намъ от-

крывается форма его и она такъ прекрасна, что, обращаясь къ нему сердцемъ съ этой стороны, мы пробуждаемся для любви къ нему. Въ истинѣ открывается многозначительность и цѣнность содержанія того же существа и чрезъ любовь къ ней сердце влечется, въ сущности, къ многозначительному существу. Въ нравственныхъ силахъ, дѣйствующихъ согласно съ нравственнымъ закономъ, открывается первоначальный источникъ святости содержанія, и любя такое содержаніе, мы собственно влечемся къ святому существу. Любовь къ добру, какъ синтезу красоты, святости и истины, указываетъ на инстинктивное влеченіе наше къ Единому Верховному Существу, которое во всѣхъ отношеніяхъ есть высочайшее благо. Что теперь красота, истина, святость добра представляются намъ раздробленно, и въ конечныхъ вещахъ и существахъ мы внутренней связи и соотношенія между ними не видимъ, это объясняется какъ тѣмъ, что все конечное и ограниченное не въ состояніи всецѣло открыть въ себѣ красоту, истину и святость безконечнаго Существа, такъ и тѣмъ, что мы сами находимся не въ центрѣ бытія, а въ одной лишь точкѣ, на периферіи его, и по близорукости и слабости умственнаго взора не въ состояніи подмѣтить полноту откровенія, если бы оно даже и было дано.

Принимая выводъ относительно одного предмета, мы, на основаніи такихъ же фактовъ, должны допустить такой же выводъ относительно противоположнаго. Человѣкъ ненавидитъ зло и враждуетъ со всѣми его проявленіями: безобразіемъ, ложью, грѣхомъ. Не можетъ быть, чтобы сердце, такъ серіозно относящееся къ нему, имѣло дѣло только съ одними отвлеченіями; чтобы зло было одною функціей нашего воображенія и отвлеченіемъ ума. Но въ такомъ случаѣ мы должны будемъ сдѣлать выводъ, что для человѣческаго сердца зло столь же реально, какъ и добро, и что фактъ ненависти къ нему и вражды съ нимъ указываетъ на бытіе злого существа, самостоятельнаго и независимаго отъ добраго. Питать ненависть и вражду возможно только по отношенію къ какому-нибудь живому существу, никакъ не къ неодушевленному предмету или пустому отвлеченію. Если и говорятъ иногда, что нѣкоторые ненавидятъ иныя учрежденія, наприм. полицію, или ученіе—матеріализмъ, соціализмъ, страны—Англію и т. д., то это нужно понимать лишь въ метонимическомъ смыслѣ. Ненавидятъ или живыхъ личностей, служащихъ представителями того или другого учрежденія, ученія, страны, или ту силу зла, которая во-

площается, какъ кажется ненавидящимъ, въ послѣднихъ, особенно когда это зло становится чувствительнымъ и обнаруживаетъ въ томъ или другомъ направленіи свою разрушительную силу. Одни же слова, какъ таковыя, или отвлеченія, чувствъ ненависти и вражды возбуждать не могутъ.

Слѣдовательно, человѣческое сердце дуалистично. Оно предполагаетъ два начала въ бытіи: благое и злое существа и столь же оно серіозно относится къ обнаруженіямъ послѣдняго, какъ и перваго. Не споримъ, что такой выводъ, быть можетъ, нуждается въ метафизической поправкѣ, какъ и многія представленія, возникающія изъ ощущеній. Для осязанія теплота и холодъ суть два положительныя ощущенія, указывающія, что въ природѣ существуютъ два начала, соотвѣтственно двумъ родамъ ощущеній. Однако, наука говоритъ только о теплотѣ, въ холодѣ же видитъ лишь одно отсутствіе или слишкомъ малое количество теплоты. Быть можетъ, въ такой же поправкѣ нуждается предположеніе сердца. Зло не есть истинно сущее; оно не имѣетъ цѣли, значенія, raison d'etre. Какъ не сущее и ложь, оно не можетъ быть въ томъ смыслѣ, какъ благо. Можетъ явиться одно только недоумѣніе: можетъ ли одно отклоненіе отъ блага, простое лишеніе его, удаленіе отъ источника свѣта чувствоваться сердцемъ, какъ положительная сила зла, тѣмъ болѣе, что оно всегда кажется не лишеніемъ только добра, но и утвержденіемъ противоположнаго ему содержанія.

Дополнительныя замѣчанія о религіозныхъ чувствованіяхъ вѣры и любви.

Здѣсь мы сдѣлаемъ окончательныя замѣчанія о религіозныхъ чувствахъ любви и вѣры. Очевидно, они находятся въ тѣсной связи съ разобранными уже нами обнаруженіями блага: красотою, истиною и святостію содержанія. Независимо отъ религіи, человѣкъ влечется къ красотѣ, истинѣ и святости, и на всѣхъ ступеняхъ своего образованія любитъ ихъ, идеализуя и понимая ихъ, сообразно своему развитію. Безъ надлежащаго руководства человѣкъ ищетъ красоты, истины, нравственной святости въ разныхъ предметахъ, существахъ, на различныхъ путяхъ дѣятельности и при этомъ часто заблуждается, обманывается. При томъ, для чувства существуетъ не самое благо, какъ цѣльное нѣчто, а

только обнаруженія блага, находимыя имъ разрозненно, изолированно, безъ связи и единства. Въ томъ и заключается смыслъ религіи, что она беретъ на себя руководствованіе человѣкомъ при отыскиваніи имъ блага. Она указываетъ во-1-хъ, что должно быть объектомъ любви, и во-2-хъ, какое существо должно быть имъ, какъ первоначальный источникъ всякой красоты, истины и святости.

Такимъ образомъ христіанская религія говоритъ намъ, что Богъ долженъ быть предметомъ нашей любви и что Онъ есть единое существо, которое открывается намъ въ красотѣ, истинѣ и святости, и что Онъ есть верховное благо, какъ источникъ всѣхъ упомянутыхъ цѣнностей. По скольку субъектъ принимаетъ указанія религіи относительно Бога и его отношеній къ міру и человѣку за выраженіе истины, онъ религіозно вѣритъ въ нихъ, по скольку, повинуясь тѣмъ же указаніямъ, онъ свою любовь направляетъ на такое существо, онъ развиваетъ религіозную любовь.

Послѣ нашихъ замѣчаній о любви къ истинѣ, красотѣ, добру намъ нѣтъ надобности говорить подробно о религіозной любви. Въ свое время мы уже говорили, что въ ней есть всѣ элементы любви вообще: и влеченіе и признаніе цѣны и симпатія. Есть въ ней и тѣ основы всякой привлекательности: идеализація и потребность гармоніи. Мы скажемъ нѣсколько словъ только о двухъ послѣднихъ. Идеализація относительно высочайшаго существа достигаетъ самыхъ крайнихъ предѣловъ, до которыхъ она вообще можетъ развиваться. Воображеніе напрягается до послѣдней степени, представляя себѣ самую высокую грандіозность, совмѣщающую въ себѣ непостижимую красоту, высшую цѣнность и многозначительность бытія, или всю истину, и безусловно святую волю, какъ источникъ нравственнаго закона. Онъ есть источникъ всякой красоты, и если есть въ бытіи какая нибудь истина, то она произошла отъ Творца, тоже источника ея. Такое существо требуетъ безусловнаго подчиненія конечной воли себѣ; къ нему только возможно сосредоточенно влечься, не потому только, что это повелѣвается Имъ, но потому, что это требуется сущностію идеализаціи: человѣкъ представляетъ себѣ, что такое Верховное Существо, можетъ омрачаться и оскорбляться въ своей святости грѣховною дѣятельностью человѣка, что оно можетъ гнѣваться и скорбѣть, когда человѣкъ отвращается отъ него и т. д.

Какая же жажда гармоническаго единенія съ Нимъ должна быть въ человѣкѣ и какое огромное счастіе и блаженство долженъ чувствовать онъ, находя себя въ гармоніи съ Верховнымъ Существомъ? Если сосѣдство и близость къ обыкновенному красивому предмету возвышаетъ достоинство и значеніе предмета, если союзъ съ красивою женщиною обѣщаетъ намъ и возвышеніе нашей цѣны и увеличеніе счастія, то во сколько же разъ единеніе съ истинною непреходящею красотою должно возвышать цѣнность нашего существованія, и какое давать блаженство душѣ? Истинно любящая Бога, душа жаждетъ и ищетъ гармоніи съ Нимъ. Она возлагаетъ свою печаль на Бога, равно свои упованія и надежды, отъ Него ждетъ себѣ душевнаго мира и успокоенія. Все равно какъ другу мы повѣряемъ свои чувства, ожидая отклика въ немъ, такъ мы предполагаемъ, что и Верховное Существо приникаетъ къ нашимъ треволненіямъ жизни. Чтобы найти и утвердить гармоническое единеніе съ Богомъ, человѣкъ, по указанію религіи, долженъ свою волю согласить съ Его волею, т. е. закономъ, и чѣмъ полнѣе будетъ отожествленіе, тѣмъ сильнѣе станетъ чувство гармоническаго единенія. Религіозный человѣкъ приводитъ свой умъ въ послушаніе вѣры, т. е. преклоняетъ его предъ истиною откровенія, опять для того, чтобы не быть въ противорѣчіи и дисгармоніи съ словомъ живого Бога. И хотя на землѣ нѣтъ ни полнаго откровенія воли Божіей, да и человѣкъ не настолько зрѣлъ духовно, чтобы поставить себя въ полную гармонію съ высочайшимъ Существомъ, однако, здѣсь еще онъ можетъ предчувствовать блаженство гармоніи своей съ Нимъ. Здѣсь уже для религіознаго человѣка должно быть понятно, какое это невообразимое блаженство ожидаетъ его, когда онъ лицомъ къ лицу, т. е. несравненно ближе, увидитъ красоту и познаетъ истину и благо, а главное, вступитъ въ неразрывное единеніе съ ними.

Въ свое время нами разбиралось чувство религіозной вѣры. Вѣра вообще есть чувство полноты знанія, но религіозная вѣра есть не только это чувство, но еще и чувство необыкновенной высокой цѣнности вѣруемаго содержанія. Вѣруя въ религіозную истину, человѣкъ чрезвычайно цѣнитъ ее и для нея готовъ, какъ это показываетъ примѣръ христіанскихъ мучениковъ, пожертвовать своею жизнію. Послѣ нашихъ вышеприведенныхъ замѣчаній объ отношеніи сердца къ истинѣ, эти факты становятся понятными. Въ религіи человѣкъ видитъ откровеніе истины, и при томъ только ея одной. Но онъ не только соглашается сво-

имъ умомъ съ нею: онъ любитъ ее. И такъ какъ любовь заключаетъ въ себѣ идеализацію и признаніе цѣны, то въ состояніи вѣры человѣкъ высоко цѣнитъ сокровище ея. Внѣ ея, въ дисгармоніи и противорѣчіи съ нею, онъ долженъ чувствовать себя несчастнымъ, бѣднымъ, подчиненнымъ лжи, т. е. въ сосѣдствѣ съ небытіемъ, или бытіемъ ничтожнымъ, а слѣдовательно, умаленнымъ и уничиженнымъ. Оттого, кромѣ религіозной истины, вѣрующій человѣкъ, въ томъ убѣжденіи, что она есть все, что нужно знать ему, мало цѣнитъ, конечно не совсѣмъ справедливо, истину научную. Не оправдывая его логически, мы понимаемъ, однако, такое настроеніе его психологически. Оттого, ему кажется, что претерпѣть страданія, лишиться жизни гораздо сноснѣе и легче, чѣмъ отречься отъ вѣры, отъ истины.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мѣры, которыми сердце измѣряетъ впечатлѣнія.

Разбирая условія появленія и возрастанія чувствованій, мы находили, что они возникали по поводу соотвѣтствія внѣшнихъ впечатлѣній съ какими то образцами, которыми субъектъ измѣряетъ ихъ: напримѣръ, человѣкъ удивляется росту, силѣ носильщика тяжестей, потому что послѣдній въ нѣсколько разъ превосходитъ его собственную силу; слѣдовательно, онъ оцѣниваетъ носильщика по своей мѣрѣ и удивляется, потому что сила перваго превосходитъ въ нѣсколько разъ послѣднюю; субъекту похвалили помѣщеніе, убранство какой нибудь квартиры, онъ приходитъ и видитъ, что она далеко ниже и меньше ожиданнаго имъ, у него возникаетъ чувство пренебреженія и презрѣнія. Является вопросъ, что же служитъ мѣрою для оцѣнки впечатлѣній, которою руководится сердце при тѣхъ или другихъ отвѣтахъ на нихъ.

Оказывается, что такая мѣра въ разныхъ случаяхъ бываетъ различна. Въ однихъ случаяхъ мы сравниваемъ новыя впечатлѣнія съ привычнымъ въ наблюденіи и опытѣ размѣромъ ихъ, въ

другихъ случаяхъ мѣрою служитъ не наличное, а припоминаемое, въ третьихъ — ожидаемое, въ четвертыхъ воображаемое, въ пятыхъ долженствующее быть и идеально представляемое и наконецъ, въ шестыхъ желаемое.

Привычное какъ мѣра впечатлѣній.

1) Въ большинствѣ случаевъ мѣрою для оцѣнки новыхъ впечатлѣній сердцемъ служитъ для насъ привычный, обыкновенный размѣръ ихъ. Долгій и продолжительный опытъ пріучаетъ насъ представлять вещи и лица въ обыкновенномъ наиболѣе встрѣчаемомъ объемѣ, или наичаще наблюдаемой формѣ. Особенно мы привыкаемъ къ размѣрамъ и формамъ вещей, съ которыми весьма часто, почти ежедневно, обращаемся въ нашей средѣ и обстановкѣ. У насъ складывается міръ представленій, на которыя мы смотримъ какъ на нѣчто обыкновенное, и все, что не подходитъ къ этой мѣрѣ, переступаетъ ее, или не доходитъ, или находится въ противорѣчіи съ нею, вызываетъ разнообразныя чувства различной глубины, смотря потому, въ какой мѣрѣ и степени оно не доходитъ или переступаетъ. Мы привыкли встрѣчать дома, столы, деревья извѣстной величины или извѣстной формы, мы привыкли къ размѣрамъ умственной энергіи и самостоятельности въ окружающей насъ средѣ; нашъ глазъ присмотрѣлся къ общественнымъ порядкамъ, среди которыхъ намъ приходится жить. При такой обстановкѣ, всякое необычное впечатлѣніе, выходящее изъ предѣловъ рутины, кажется новымъ. Когда новая вещь въ нѣсколько разъ превосходитъ размѣры привычной намъ, она, смотря по степени и размѣрамъ превосходства, возбуждаетъ удивленіе или чувство грандіозности разныхъ степеней. Такъ, новые люди, случайно встрѣтившіеся, но превосходящіе личностей, обыкновенно встрѣчаемыхъ нами въ привычномъ кружку, возбуждаютъ чувство уваженія, удивленія. Оттого провинціалъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ столицу, удивляется предъ домами, церквами, размѣромъ города, богатствомъ экипажей, качествомъ рысаковъ, многолюдностію на улицахъ и т. д. Привыкши къ своему экономическому положенію, и приглядѣвшись къ положенію другихъ, субъектъ питаетъ уваженіе, удивленіе, чувство грандіозности къ богатству, превосходящему въ извѣстной степени его экономическую силу.

По такимъ же привычнымъ размѣрамъ субъектъ оцѣниваетъ

вещи, когда чѣмъ либо изъ наблюдаемаго пренебрегаетъ, что̀ либо презираетъ, къ чему либо относится, какъ къ мизерному, ничтожному, или заслуживающему шутки. Иногда субъектъ пренебрегаетъ людьми нѣсколько его бѣднѣе, т. е. которые имѣютъ менѣе того, что онъ самъ разсматриваетъ, какъ обыкновенный размѣръ богатства; презираетъ квартиру и помѣщеніе, въ нѣсколько разъ меньшую, чѣмъ въ какой живетъ самъ. Размѣръ обычнаго намъ собственнаго мускульнаго напряженія служитъ мѣрою, основываясь на которой мы относимся съ пренебреженіемъ, презрѣніемъ, чувствомъ малости или шутки къ силамъ, сравнительно съ нами, безсильныхъ людей и существъ. Оттого иной столичный житель, пріѣхавшій въ провинціальный городъ, деревню, смотритъ на все и на всѣхъ съ пренебреженіемъ.

Большинство людей, реально смотрящихъ на жизнь и привыкшихъ наблюдательно слѣдить за окружающими явленіями, лицами, вещами, привыкаютъ цѣнить впечатлѣнія по обыкновенной мѣркѣ, принимаемой ими за нормальную. Въ зрѣлые годы жизни, когда человѣкъ не поддается такъ легко увлеченіямъ воображенія, онъ вырабатываетъ какъ бы шаблонный взглядъ на все его окружающее, и по нему оцѣниваетъ все, что на него дѣйствуетъ: руководясь такою мѣрою, онъ къ одному относится съ презрѣніемъ, къ другому съ удивленіемъ, чувствомъ пренебреженія или мизерности, смотря по тому, въ какой мѣрѣ то или другое въ ней превосходитъ средніе, обычные размѣры и привычныя формы вещей, лицъ и явленій. Кто проживаетъ всю жизнь въ одномъ уголкѣ, не видывалъ разныхъ обстановокъ и не вращался въ разныхъ сферахъ, тотъ ко всему относится съ своею узкою и малою мѣрою и потому, случайно попавъ въ новую обстановку, самъ кажется страннымъ по своимъ чувствамъ: онъ удивляется, уважаетъ, чувствуетъ величіе того, что людямъ другой обстановки кажется незаслуживающимъ такихъ чувствъ. Кто перебывалъ въ разныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, видѣлъ свѣтъ, людей, наблюдалъ явленія, тотъ каждую обстановку обсуждаетъ по мѣрѣ, ей свойственной.

Прошлое какъ мѣра настоящаго.

2) Во многихъ случаяхъ мѣрою для оцѣнки наличныхъ впечатлѣній служитъ припоминаемое, прошедшее. Есть субъекты, которые не могутъ привыкнуть къ новому своему положенію, худ-

шему или лучшему, и долгое время, иногда въ продолженіе всей своей жизни въ этомъ положеніи, измѣряютъ и оцѣниваютъ свои впечатлѣнія по прежней мѣркѣ. Люди, ниспавшіе съ высоты экономическаго или правительственнаго положенія, перешедшіе изъ высшаго класса и слоя общества въ нисшій, иногда не свыкаются съ новою для нихъ жизненною средою: для нихъ нѣтъ ничего удивительнаго, грандіознаго въ ней, даже просто достойнаго уваженія, потому что они въ прошедшемъ имѣли совсѣмъ другіе образцы уважительныхъ, удивительныхъ и грандіозныхъ вещей. Таково старческое отношеніе къ текущимъ явленіямъ: къ настоящему старцы относятся съ точки зрѣнія прошлаго: новыя лица, факты, вещи кажутся имъ мельче, ничтожнѣе, ибо въ нихъ они не встрѣчаютъ интересовъ и содержанія, къ какимъ привыкли въ теченіе зрѣлыхъ лѣтъ своей жизни. Такія личности не могутъ въ чувствахъ цѣнности вещей, явленій и лицъ сойтись съ новою своею средою, и потому онѣ сами кажутся ей странными, иногда же, при слишкомъ большомъ разнорѣчіи, даже ненавистными: несовпаданіе чувствъ удивленія, уваженія, презрѣнія и пренебреженія и т. д. служитъ, какъ извѣстно, обильнымъ источникомъ вражды между людьми.

Часто человѣкъ, измѣряющій наличныя впечатлѣнія обыкновенною, привычною мѣрою, какъ будто для разнообразія, относится къ нимъ по мѣрѣ прошедшаго: напримѣръ, субъектъ, живущій богато и привыкшій къ богатой обстановкѣ, но бывшій когда то бѣднякомъ и знающій, что̀ такое бѣдность, оцѣниваетъ иногда наличное настоящее по своему прошлому: онъ проникается большимъ чувствомъ самоуваженія, самоудивленія или чувствуетъ свое величіе, потому что настоящее положеніе его слишкомъ превосходитъ прошлое.—Въ сношеніяхъ съ людьми мы оцѣниваемъ ихъ ласки, привѣтливость, или дѣйствія, нерасположеніе и враждебность къ намъ по прошлому, находимъ наличныя отношенія холодными, болѣе враждебными, или горячими, нѣжными, чѣмъ прежде, и отвѣчаемъ на ихъ дѣйствія соотвѣтственными чувствами. Сравнивая блестяще-остроумное общество, въ которомъ приходилось побывать разъ или два, и привычный свой кружокъ, даже нелишенный веселости и остроумія, человѣкъ находитъ грубыми и плоскими его шутки, и послѣ сравненія часто не находитъ удовольствія въ томъ, что прежде, быть можетъ, не мало тѣшило его и веселило.

Измѣреніе настоящаго мѣрою прошлаго можетъ служить источникомъ большихъ и меньшихъ удовольствій и страданій, какія

могли бы доставлять текущія впечатлѣнія субъекту. Когда человѣкъ подвигается въ жизни естественно, не слишкомъ медленно, онъ часто оцѣниваетъ настоящее по своему худшему прошлому и первое является ему лучше, цѣннѣе, чѣмъ если бы онъ оцѣнилъ его по мѣрѣ, взятой отъ него самого. Новая обстановка, пока не превратится въ обыденную и привычную, возбуждаетъ въ немъ большее удивленіе, уваженіе, чувство величія и т. д., т. е. кажется интереснѣе и занимательнѣе, чѣмъ бы она казалась во второмъ случаѣ. При слишкомъ быстромъ повышеніи, субъектъ нѣсколько путается въ своихъ мѣрахъ, берущихся въ такомъ случаѣ отъ разныхъ періодовъ прошедшаго, является нѣкотораго рода непослѣдовательность въ его сердцѣ и такой субъектъ можетъ иногда казаться страннымъ для высокихъ сферъ, въ которыхъ онъ состоитъ de facto, но отъ которыхъ онъ психически очень далекъ. Наоборотъ, при ухудшеніи положенія субъектъ прошлымъ измѣряетъ настоящее и потому страдаетъ болѣе, чѣмъ сколько пришлось бы страдать при мѣрѣ, извлеченной изъ наличнаго своего настоящаго. Воспоминанія о бывшемъ величіи отравляютъ не дурное иногда настоящее; являются контрасты между мѣрою, сдѣлавшеюся привычною въ прошломъ, и наличными впечатлѣніями отъ людей и вещей. Сердце болѣе дѣйствуетъ тогда въ сторону низменныхъ чувствъ и человѣкъ находитъ себя несчастнымъ, потому что имѣлъ слишкомъ хорошее прошлое.

Ожидаемое какъ мѣра впечатлѣній.

3) Иногда мѣрою для оцѣнки наличныхъ впечатлѣній служитъ ожидаемое. Обращаясь къ будущему, мы предупреждаемъ его въ своихъ представленіяхъ: напримѣръ, публика, собравшаяся на зрѣлище, ожидаетъ встрѣтить впечатлѣніе извѣстной силы и извѣстнаго объема. Ожиданія имѣютъ важное значеніе для чувствованій новости, уваженія, удивленія, грандіозности, или пренебреженія, презрѣнія, мизерности и ничтожности, т. е. на всѣ тѣ чувствованія, которыя связаны съ цѣною и значеніемъ вещей и лицъ. Такъ, чиновникъ, ожидавшій большой награды себѣ, но получившій менѣе, наприм. на $^1/_5$, чувствуетъ къ ней нѣкоторое пренебреженіе, если она въ нѣсколько разъ менѣе противъ ожиданной,—то презрѣніе или даже чувство мизерности; наоборотъ, получившій болѣе испытываетъ удивленіе или даже чувство грандіозности. Публика

собираясь смотрѣть на зрѣлище, ожидаетъ, что оно будетъ въ извѣстной степени торжественно и затѣмъ, смотря потому, что дѣйствительность дала, расходится или разочарованная, или удивленная.

Чувствованія удовлетворенія и удачи также связаны съ ожиданіями. Люди бываютъ довольны или не довольны вещами, смотря потому, чего они отъ нихъ ожидали. Когда ожидающему дается именно то, чего онъ ожидаетъ, онъ чувствуетъ удовлетвореніе; если дается нѣчто въ извѣстной степени большее противъ ожиданнаго, — онъ испытываетъ чувство удачи; получаетъ онъ меньшее, возникаютъ, смотря по степени несоотвѣтствія, чувства или неудовлетворенія или неудачи. Самое чувство силы отчасти зависитъ отъ того, съ чѣмъ надѣялся человѣкъ справиться или что̀ осилить. Онъ чувствуетъ себя сильнѣе, когда справляется съ тѣмъ, съ чѣмъ не ожидалъ справиться; въ противоположномъ случаѣ, является чувство безсилія и бываетъ очень напряженно.

Нѣжныя чувствованія и имъ противоположныя въ своемъ развитіи испытываютъ вліяніе ожиданій. Человѣкъ, связанный съ другимъ узами любви и дружбы, обыкновенно ожидаетъ утѣшенія, ободренія, отклика на свои состоянія въ сердцѣ любимаго человѣка; ожидаемое совершается или не совершается, притомъ въ большей или меньшей степени: неожиданная ласка, или большая, чѣмъ ожиданная, вызываетъ глубокое волненіе любви, равно какъ отсутствіе ожиданнаго утѣшенія и отклика порождаетъ глубокое чувство неудовлетворенія и охлаждаетъ сердце по отношенію къ существу, не исполнившему ожиданій. Слишкомъ рѣзкое противорѣчіе между ними и реальностію можетъ при случаѣ вызывать даже чувство гнѣва: наприм. человѣкъ, не получившій ожиданнаго, или въ слишкомъ маломъ размѣрѣ противъ него, приходитъ въ гнѣвъ и тѣмъ легче, если вину своего разочарованія онъ видитъ въ намѣренной или даже и ненамѣренной чьей нибудь волѣ. Ожиданіе увеличиваетъ и уменьшаетъ наши радости и горя. Сильнѣйшее возбужденіе радости является, когда получается выгода, польза въ нѣсколько разъ большая противъ ожидавшейся, или совсѣмъ неожиданная. Горе становится менѣе, когда субъектъ находитъ постигшее бѣдствіе не столь уничтожающимъ его въ своихъ послѣдствіяхъ, чѣмъ какъ онъ ожидалъ, и оно же чувствуется имъ сильнѣе, когда оказывается болѣе ожидавшихся размѣровъ. Ожидаемая опасность не внушаетъ страха въ такой

сильной степени, какъ менѣе ожиданная; равно ожидаемыя оскорбленія чести не столь чувствительны для самолюбія, какъ мало ожиданныя. Гордый и чванный субъектъ постоянно ожидаетъ ѳиміама лести и хвалы со стороны другихъ, и принимая его, онъ неособенно восторгается имъ, тогда какъ таже лесть и хвала человѣку, который мало ожидалъ ихъ отъ извѣстныхъ лицъ или за извѣстный трудъ, чрезвычайно пріятна и сильно возбуждаетъ въ немъ чувство удовлетворенія чести.

Замѣтимъ при этомъ, что ожиданія неопредѣленныя и не твердыя не въ такой мѣрѣ вліяютъ на возникновеніе и усиленіе чувствованій, какъ опредѣленныя и твердыя надежды. Послѣднія отъ простыхъ ожиданій отличаются такъ же, какъ опредѣленныя желанія отъ неопредѣленныхъ. Но мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что неисполненіе и исполненіе опредѣленныхъ желаній вызываетъ чувства удовлетворенія и неудовлетворенія при однихъ условіяхъ, а—неопредѣленныхъ—при другихъ. Есть также большая разница, опредѣленно-ли и твердо мы надѣемся, что извѣстное событіе совершится въ опредѣленной формѣ и размѣрахъ, или неопредѣленно ожидаемъ, что и какъ будетъ. Въ первомъ случаѣ малое несоотвѣтствіе съ размѣрами надеждъ можетъ вызвать, смотря по своей степени, неудовлетвореніе, неудачу, гнѣвъ даже, или пренебреженіе, презрѣніе и т. д.; во второмъ, чтобы произвести эти же чувствованія, требуется большее несоотвѣтствіе реально случившагося съ просто неопредѣленными ожиданіями.

Воображаемое какъ мѣра.

4) Воображеніе нерѣдко даетъ мѣру, съ которою мы сравниваемъ наличныя впечатлѣнія, и смотря по соотвѣтствію или несоотвѣтствію ихъ съ нею, мы отвѣчаемъ на нихъ различными чувствованіями. И оно имѣетъ огромное значеніе для тѣхъ движеній сердца, по которымъ опредѣляются цѣнность и значеніе впечатлѣній. Еще не видя лицъ и вещей, мы заранѣе, иногда по описаніямъ, иногда просто безъ всякихъ основаній, воображаемъ ихъ размѣръ и видъ. Несоотвѣтствіе предметовъ съ воображаемыми размѣрами и формами, въ невыгодную для нихъ сторону, можетъ породить чувства пренебреженія, или презрѣнія, или мизерности, несоотвѣтствіе, выгодное для предмета, — чувствованія уваженія, или удивленія, или грандіозности. Когда мы воображаемъ встрѣтить человѣка высокаго роста, мужествен-

наго вида, и встрѣчаемъ малаго, тщедушнаго человѣка, мы невольно испытываемъ къ нему нѣчто въ родѣ презрѣнія; когда воображаемъ квартиру среднихъ размѣровъ съ обыкновеннымъ для людей средняго класса убранствомъ, а между тѣмъ на дѣлѣ встрѣчаемъ вмѣсто того просторъ и роскошь, то удивляемся ихъ размѣрамъ. Заранѣе построивъ въ воображеніи прекрасный и симпатичный образъ, надѣливъ личность умомъ и характеромъ, мы иногда не находимъ фактическаго подтвержденія образа воображенія и развиваемъ въ себѣ низменныя чувствованія.

Воображеніе имѣетъ рѣшительное вліяніе на силу развитія всѣхъ почти чувствованій. Даже простыя чувственныя удовольствія и страданія какъ будто уменьшаются или увеличиваются, смотря по тому, въ какомъ размѣрѣ мы заранѣе ихъ себѣ воображаемъ. Нахваленное кушанье, удовольствіе отъ котораго предвкушалось въ воображеніи, можетъ показаться не столь пріятнымъ, чѣмъ какимъ оно показалось бы, если бы воображеніе не преувеличивало заранѣе удовольствія. Эстетическія интеллектуальныя наслажденія также зависятъ отъ воображенія: статуя, картина, романъ, ученая книга, публицистическая статья, слишкомъ преувеличенныя воображеніемъ тѣхъ, которымъ ихъ достоинства были слишкомъ нахвалены, кажутся имъ менѣе изящными, умными вещами, когда въ дѣйствительномъ наблюденіи они находятъ ихъ несоотвѣтствующими своимъ, заранѣе составленнымъ образамъ воображенія, и напротивъ, возбуждаютъ въ нихъ положительную радость, даже восторгъ, когда на дѣлѣ они находятъ ихъ лучшими, чѣмъ какъ воображали себѣ. Послѣ долгой разлуки съ близкими сердцу, подъѣзжая къ своему жилищу, субъектъ заранѣе представляетъ себѣ ласки, горячую встрѣчу со стороны любимыхъ существъ: онъ сильнѣе волнуется любовію и дружбою, когда дѣйствительная встрѣча превосходитъ то, что онъ себѣ воображалъ, и холодъ ея чувствуется имъ сильнѣе, чѣмъ оказалось болѣе несоотвѣтствія между воображаемымъ и дѣйствительнымъ пріемомъ. Сильнѣйшій гнѣвъ, усиленная вражда и ненависть часто оправдываются людьми тѣмъ, что ихъ враги ведутъ себя такъ коварно, такъ сильно обнаруживаютъ свои чувства къ нимъ, какъ они никогда не могли себѣ вообразить того. Радость и горе бываютъ особенно чувствительны для субъекта отъ того, что онъ воображалъ счастливыя событія, или бѣдствія, менѣе совершившихся дѣйствительно. Страхъ всегда уменьшается, когда субъектъ находитъ на самомъ дѣлѣ впечатлѣніе менѣе ужаснымъ, чѣмъ какъ заранѣе

онъ представлялъ его себѣ, и наоборотъ, страхъ увеличивается отъ неожиданно большей опасности. Въ своемъ воображеніи мы поднимаемъ себя на высоту предъ другими людьми, мы воображаемъ, какими мы представляемся окружающей насъ обстановкѣ. Воображеніе смиреннаго человѣка иногда умаляетъ его духовный ростъ и нравственную величину, — гордый человѣкъ раздуваетъ себя въ самопредставленіи и воображаетъ себя великимъ и значительнымъ въ глазахъ другихъ. Естественно, что почетъ и уваженіе, воздаваемые смиренному человѣку со стороны людей, будутъ, при такихъ обстоятельствахъ, чувствоваться сильнѣе имъ, чѣмъ человѣкомъ гордымъ, равно порицаніе и даже поруганіе будутъ не такъ для него чувствительны, какъ для послѣдняго. Труднѣе удовлетворить личность, которая предупредила въ живомъ своемъ воображеніи будущее, чѣмъ того человѣка, который скромно думалъ объ ожидающемъ его будущемъ: что смиренный будетъ чувствовать какъ удачу, то самое можетъ произвести на гордаго впечатлѣніе неудачи.

Долженствующее быть какъ мѣра.

5) Во многихъ случаяхъ мѣрою для оцѣнки реальныхъ впечатлѣній и поводомъ въ возникновенію тѣхъ или другихъ чувствованій служитъ долженствующее быть. Долженствующее быть понимается нами, съ одной стороны, какъ необходимое по условіямъ реальной и логической необходимости, а съ другой стороны, какъ требующееся идеалами, какъ идеально и нравственно необходимое.

Изъ личнаго опыта и наблюденія, отчасти пользуясь доступными указаніями науки, мы составляемъ запасъ знаній о теченіи событій въ жизни человѣка и во внѣшней природѣ и руководясь этими знаніями, одни событія считаемъ необходимо имѣющими произойти, другія невозможными, одинъ порядокъ и одну форму ихъ считаемъ естественными, иной порядокъ и другую форму невозможными. Не соотвѣтствіе реально случающагося съ размѣрами и формами явленій, которыя мы считаемъ необходимыми, а равно совершеніе событій въ размѣрахъ и формахъ, которыя мы признали невозможными, даетъ поводъ къ возникновенію разнообразныхъ чувствованій. Когда событіе, по нашему мнѣнію, долженствующее случиться, не случается, или событіе, кажущееся

намъ невозможнымъ, тѣмъ не менѣе совершается, у насъ являются чувство удивленія и даже изумленія. Огромный мостъ, перекинутый черезъ широкую рѣку, которая, повидимому, должна бы сдѣлать невозможнымъ прочное устройство его, вызываетъ чувство грандіозности. Оттого чудо, дѣйствительное или кажущееся, производило всегда огромное впечатлѣніе на свидѣтелей его; на яву предъ ними совершалось то, что совершенно не подходитъ къ мѣрѣ возможнаго, по ихъ мнѣнію.

Всего же чаще мѣриломъ для оцѣнки наличныхъ впечатлѣній служитъ долженствующее быть въ идеальномъ и нравственномъ смыслѣ. Мы оцѣниваемъ сердцемъ вещи, лица, событія по идеальной мѣрѣ, и измѣряемъ наличную дѣйствительность по тому, что собственно должно было бы быть на ея мѣстѣ съ точки зрѣнія эстетической. Мы говорили уже въ главѣ о воображеніи, какъ разнообразны построяемые имъ идеалы. Они касаются всякихъ общественныхъ положеній, занятій, прошедшаго, настоящаго, будущаго, изображаютъ намъ совершенство какъ эстетическое, такъ и нравственное, рисуютъ предъ нами улучшенный общественный, экономическій, нравственный и политическій строй человѣческой жизни и т. д. Такіе идеалы суть образцы долженствующаго быть и по поводу различнаго отношенія дѣйствительности къ нимъ возникаютъ и различныя чувствованія.

Само собою разумѣется, что дѣйствительность, искусство и наука ничего не могутъ дать превосходящаго идеалъ и слѣдовательно, сердце не имѣетъ случаевъ отвѣчать на впечатлѣнія, которыя переступали бы за границы идеальной мѣры. Невозможно поэтому сказать, какой силы возбудились бы радость, удивленіе и чувства высокаго въ человѣкѣ, если бы онъ въ очію увидѣлъ нѣчто вполнѣ осуществляющее его идеалъ или даже превосходящее его. Но сердце не ожидаетъ того и не надѣется, по крайней мѣрѣ, здѣсь на землѣ на такое счастіе: оно радуется и восхищается, изумляется предъ всякимъ предметомъ, хотя нѣсколько приближающимся къ идеалу. Такъ, сердце восхищается красотою въ предметахъ природы и искусства, когда въ нихъ видитъ нѣчто приближающееся къ идеалу, къ долженствующему быть: они вызываютъ въ немъ, смотря по степени своего приближенія, удивленіе и чувство высокаго. Одна встрѣча съ ними возбуждаетъ въ немъ радость и чувство сильнаго удовлетворенія. Равно, съ такою же радостію и восторгомъ оно привѣтствуетъ новыя открытія, новыя сообщенія, новыя системы, въ которыхъ

оно чувствуетъ свое приближеніе къ истинѣ. Удивленіе, радость и удовлетвореніе возбуждаются въ немъ образцами мужества, справедливости, великодушія, нравственной высоты, въ которыхъ онъ видитъ, хотя и не полное, осуществленіе идеала нравственной святости. Руководясь такою мѣрою, оно все близящееся къ идеаламъ красоты, истины и блага привѣтствуетъ самыми высокими и возвышенными чувствами.

Но такъ какъ реальныя вещи, лица и событія въ огромномъ большинствѣ случаевъ далеко не достигаютъ не только уровня высокихъ идеаловъ, а даже и среднихъ, то большею частію приложеніе идеальной мѣры къ нимъ и оцѣнка ихъ по ней возбуждаютъ отрицательныя чувствованія. Идеальная мѣра оказывается для всего земнаго слишкомъ высокою и реальные предметы, сравнительно съ идеальными ихъ образцами, слишкомъ малыми и ничтожными. Человѣческое искусство даетъ чрезвычайно мало произведеній, удовлетворяющихъ идеаламъ красоты и если ими измѣрять обыкновенныя художественныя произведенія, какими жалкими и ничтожными въ большинствѣ должны они казаться! Сравнительно съ идеальными типами, какими несовершенными должны представляться произведенія самой природы. Много ли и въ ней найдемъ животныхъ, растеній, согласныхъ съ идеальными ихъ типами? Обращаясь къ людямъ, ихъ дѣятельности, и при встрѣчѣ съ ними въ обществѣ, церкви, государствѣ, частной жизни, измѣряя ихъ идеальными типами, субъектъ будетъ находить несоотвѣтствіе, уклоненія, отрицанія и даже противоположности имъ. Даже въ себѣ самомъ каждый человѣкъ найдетъ, въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, много уклоненій и противорѣчій идеаламъ: эстетическіе и нравственные идеалы ни въ комъ изъ смертныхъ даже приблизительно не осуществляются. Какія же чувствованія должны возникать въ личности, когда она находитъ полную диспропорціональность между идеальною мѣрою и окружающими ихъ вещами, лицами, когда противорѣчіе ей она открываетъ въ себѣ самой? Очевидно, чувства пренебреженія, презрѣнія, малости; даже къ самому себѣ человѣкъ долженъ питать пренебреженіе, испытывать самопрезрѣніе и чувствовать собственную малость и ничтожество. Въ зависимости отъ идеальной мѣры находятся особенно нравственныя чувствованія; угрызенія и мукисовѣсти порождаются отъ того, что субъектъ признаетъ и себя не исполнившимъ своего долга, оставшимся далеко позади нравственнаго идеала и даже вступившимъ въ противорѣчіе съ нимъ.

Измѣреніе внѣшняго міра и внутренняго идеальными образцами должно порождать въ измѣряющемъ пессимистическое настроеніе. Находя все далекимъ отъ идеаловъ, всюду и даже въ себѣ видя несоотвѣтствіе съ ними и противорѣчіе имъ, человѣкъ привыкаетъ мрачно смотрѣть на людей, на вещи, на себя самого. И чѣмъ выше мѣра, прилагаемая имъ къ предметамъ и фактамъ, тѣмъ низменнѣе и ничтожнѣе должно все представляться ему, тѣмъ менѣе утѣшенія могутъ принести ему наблюденіе и самонаблюденіе. Отсюда можетъ возникнуть въ немъ отрицательное отношеніе ко всему, что онъ ни наблюдаетъ, отрицаніе всего земнаго, какъ конечнаго и ограниченнаго, отрицаніе въ себѣ той стороны, въ которой всего болѣе сказывается диспропорціональность между дѣйствительно существующимъ и долженствующимъ быть.

Желанія и отвращенія какъ мѣрила впечатлѣній.

Наконецъ 6) въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣрами для оцѣнки, окружающихъ насъ, вещей и событій служатъ наши желанія. Они собственно лежатъ въ основѣ другихъ мѣръ: ибо ожидаемое и воображаемое, равно какъ и долженствующее быть, ставятся нами, какъ мѣры, потому, главнѣе всего, что мы ихъ желаемъ. Даже обыденное и привычное имѣетъ таковое значеніе лишь потому, что наша воля приспособилась къ окружающему міру, привыкла къ впечатлѣніямъ, идущимъ отъ него и несущимъ въ постоянныхъ размѣрахъ удовлетвореніе или неудовлетвореніе нашимъ желаніямъ или стремленіямъ.

Именно въ волѣ слѣдуетъ искать происхожденія, такъ называемой, абсолютной и относительной оцѣнки, съ какою мы относимся сердцемъ къ впечатлѣніямъ. Выше мы говорили, что во многихъ случаяхъ мы относимся къ нимъ абсолютно, т. е. отвѣчаемъ такъ или иначе на впечатлѣніе чувствомъ не потому, чтобы оно относительно болѣе или менѣе удовлетворяло насъ, а потому, что оно требуется нами, абсолютно необходимо для насъ. Голодный отринетъ драгоцѣнные камни и золото, потому что не они, въ моментъ голода, ему нужны, и предпочтетъ имъ кусокъ хлѣба. Когда мы требуемъ шутки и забавы и не расположены слушать и читать серіозное, мы будемъ съ удовольствіемъ относиться къ шутливому и забавному и до нѣкоторой степени пренебрегать се-

ріознымъ. Въ нѣжныхъ отношеніяхъ мы любимъ субъекта и дружимъ съ такимъ человѣкомъ, которые нужны намъ: не потому дѣлаемъ ихъ предметами любви и дружбы, что они сравнительно лучше другихъ, а потому, что они именно такіе, какіе намъ нужны. Равно, во множествѣ другихъ случаевъ мы требуемъ именно извѣстныхъ предметовъ и событій, а не какихъ либо иныхъ, и только ими удовлетворяемся: бѣдный человѣкъ, страдающій отъ скудости средствъ, желалъ бы именно умноженія ихъ, лишенный свободы страстно желаетъ ея и только умноженію ея будетъ радоваться. Но также и отвращенія наши служатъ мѣриломъ впечатлѣній: намъ не нужно чего либо гадкаго и омерзительнаго, ни много, ни мало, и нѣтъ надобности ни въ большой, ни малой опасности и т. д.

При абсолютной оцѣнкѣ, мѣрою служатъ наши потребности и желанія, въ которыхъ онѣ выражаются. Степенью, въ какой они удовлетворяются или неудовлетворяются извѣстными впечатлѣніями, мы измѣряемъ цѣну послѣднихъ: мы ихъ презираемъ, пренебрегаемъ ими, когда они или слишкомъ мало отвѣчаютъ нашимъ потребностямъ, или нимало не удовлетворяютъ ихъ; наоборотъ, мы ихъ высоко цѣнимъ, когда они составляютъ именно то, что требуется нами. Вотъ почему мы, какъ замѣчено выше, привѣтствуемъ самыми высокими степенями чувствованій, и притомъ положительныхъ, даже малые проблески идеальнаго высокаго содержанія въ окружающихъ насъ вещахъ и такими высокими степенями отрицательныхъ чувствованій все безобразное, ложное, грѣшное. Мы привѣтствуемъ сердцемъ проблески истины, красоты и добра, потому что на нихъ есть въ душѣ громадный спросъ и малое удовлетвореніе глубокихъ потребностей духа вызываетъ глубокія волненія въ сердцѣ.

Къ многимъ впечатлѣніямъ мы относимся съ точки зрѣнія относительной оцѣнки. Это бываетъ съ тѣми впечатлѣніями, которыя или не имѣютъ прямого и непосредственнаго отношенія къ нашимъ нуждамъ и потребностямъ, или находятъ насъ уже удовлетворенными, покрайней мѣрѣ въ извѣстной степени, или даются намъ въ различныхъ размѣрахъ, такъ что ихъ приходится оцѣнивать относительно. При этомъ оказывается большая разность, относимся ли мы къ впечатлѣнію съ опредѣленнымъ, или неопредѣленнымъ желаніемъ. Мы видѣли уже, что значитъ удовлетвореніе перваго и второго: иное дѣло, когда мы хотимъ найти требуемое впечатлѣніе въ извѣстномъ опредѣленномъ размѣрѣ,

и иное, когда мы желаемъ вообще имѣть то или другое, но въ размѣрѣ неопредѣленномъ.

Необходимо замѣтить, что какъ относительная оцѣнка можетъ соединяться съ абсолютною, такъ и послѣдняя почти переходитъ въ первую. Когда мы опредѣленно желаемъ извѣстнаго размѣра вещи, событія, то мы почти абсолютно относимся къ впечатлѣнію и отъ этого именно обстоятельства происходитъ, что сердце такъ точно слѣдитъ за впечатлѣніемъ и такъ взыскательно къ нему. Но и при абсолютной оцѣнкѣ возможна до нѣкоторой степени относительная. Когда есть выборъ между разными вещами, удовлетворяющими извѣстной потребности, то мы сейчасъ же переходимъ въ относительную оцѣнку. Голодный абсолютно требуетъ пищи и въ моментъ голода его не удовлетворятъ ни золото, ни алмазъ, но онъ можетъ оцѣнивать относительно разные виды предлагаемой пищи и одинъ цѣнить предпочтительно предъ другимъ; равно, онъ можетъ въ различной мѣрѣ удовлетворяться, болѣе или менѣе, такимъ или другимъ количествомъ ея. Привѣтствуя радостію и удовольствіемъ истину и красоту, цѣня ихъ абсолютно, сердце тѣмъ не менѣе одни произведенія природы и искусства считаетъ болѣе полными откровеніями красоты и одни открытія большими шагами къ истинѣ, чѣмъ другія.

И такъ мѣры, по которымъ оцѣниваются сердцемъ впечатлѣнія, разнообразны. Оно можетъ измѣрять ихъ привычною среднею мѣрою, извлеченною изъ опыта и наблюденія, или настоящее оцѣнивать по прошедшему, по мѣрѣ, данной послѣднимъ. Сердце часто придаетъ то или другое значеніе и отвѣчаетъ различными чувствами на впечатлѣнія, смотря по тому, въ какой мѣрѣ они не доходятъ, переходятъ или согласуются съ размѣрами, опредѣленнымъ ожиданіемъ, воображеніемъ, или желаніемъ. И наконецъ, многое оцѣнивается по идеальной мѣрѣ.

Общія замѣчанія о мѣрахъ.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о значеніи и дѣйствіи указанныхъ нами способовъ измѣренія.

1) Что касается до мѣръ, установляемыхъ ожиданіями, желаніями и воображеніемъ, то онѣ иногда могутъ совпадать вмѣстѣ, но могутъ и несовпадать. Иногда мы воображаемъ себѣ, что лицо,

вещь, которыхъ сами не наблюдали, должны быть такихъ то размѣровъ, такой то формы, и встрѣчаемъ ихъ, когда совсѣмъ не ожидали того и не желали. Человѣкъ съ живымъ и дѣятельнымъ воображеніемъ, помимо всякихъ своихъ ожиданій и желаній, составляетъ себѣ подходящіе, по его мнѣнію, образы о чрезвычайно многихъ предметахъ и при реальной встрѣчѣ съ ними испытываетъ то или другое чувство къ нимъ, смотря по тому, въ какой степени они соотвѣтствуютъ, или не соотвѣтствуютъ съ первыми. Ожидаемый размѣръ впечатлѣнія, конечно, воображается нами и потому въ большинствѣ случаевъ мѣра, основанная на ожиданіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воображаемая. Однако, бываетъ, что иногда человѣкъ не хочетъ и думать объ ожидающей непріятности, зная, что она должна быть очень большая, и затѣмъ такъ или иначе относится къ ней сердцемъ, когда она сбывается и когда оказывается меньшихъ или большихъ, сравнительно съ ожидавшимися, размѣровъ: воображеніе въ такихъ случаяхъ не причемъ. Мѣра можетъ основываться исключительно на желаніяхъ, безъ участія воображенія и ожиданія. Часто мы желаемъ извѣстныхъ пріятныхъ событій, не ожидая ихъ и не воображая, въ какомъ видѣ они совершатся, и когда они совершаются, оцѣниваемъ по размѣру, установленному желаніями.

Но указанныя мѣры могутъ и совпадать. Весьма часто ожидая впечатлѣній, мы желаемъ, чтобы они совершились въ извѣстной формѣ, были извѣстныхъ размѣровъ и напередъ изображаемъ ихъ въ своемъ воображеніи. Въ этихъ случаяхъ мѣра устанавливается ожиданіемъ, желаніемъ и воображеніемъ. Иногда мы ожидаемъ впечатлѣній и воображаемъ, каковы они будутъ, но не желаемъ ихъ, потому что они непріятны, иногда же только желаемъ и воображаемъ, но не ожидаемъ, зная, что реальная встрѣча съ ними невозможны.

2) Разные люди въ различной степени обнаруживаютъ наклонность руководиться при оцѣнкѣ впечатлѣній означенными мѣрами. Есть трезвые реалисты, которые придерживаются преимущественно объективной мѣры, т. е. всякое новое впечатлѣніе оцѣниваютъ по обыкновенному среднему уровню подобныхъ ему, доставляемыхъ опытомъ и наблюденіемъ. Такая мѣра у нихъ лежитъ въ основаніи желаемаго, ожидаемаго и воображаемаго. Зная хорошо, что возможно и что невозможно, они желаютъ того и въ такихъ размѣрахъ, что и въ какихъ обыкновенно даетъ жизнь; равно, въ ожиданіяхъ своихъ они предупреждаютъ дѣйствительность, но не переступаютъ границы ея въ своихъ мечтаніяхъ о будущемъ.

Есть мечтатели, которые судятъ о всемъ, встрѣчающемся имъ въ дѣйствительности, по образамъ своего воображенія, которые при томъ они составляютъ, не справляясь съ жизнію. Они неумѣренны въ своихъ ожиданіяхъ и обыкновенно преувеличиваютъ размѣры ожидаемыхъ впечатлѣній. Слишкомъ много требуя отъ жизни, иные люди представляютъ предметы своихъ желаній въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ какихъ можетъ дать ихъ жизнь. Такія личности все оцѣниваютъ по мѣрѣ своихъ хотѣній. Бываютъ идеалисты, относящіеся ко всему, окружающему ихъ, съ точки зрѣнія идеала, которымъ все кажется несовершеннымъ, малымъ и ничтожнымъ. Наконецъ, есть люди, живущіе прошедшимъ, измѣряющіе настоящее по образцамъ прошлаго. Это различіе мѣръ, которыхъ держатся разные субъекты, при оцѣнкѣ сердцемъ текущихъ впечатлѣній, объясняетъ намъ различіе настроеній въ разныхъ людяхъ, ихъ разнорѣчіе въ чувствахъ; чему реалистъ удивляется, то презираетъ идеалистъ или человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ и неумѣренными желаніями, что возбуждаетъ страхъ и горе въ послѣднемъ, то оставляетъ холоднымъ перваго и т. д.

Одинъ и тотъ же субъектъ въ разное время своей жизни обнаруживаетъ склонность къ тому или другому способу оцѣнки впечатлѣній. Въ отрочествѣ, когда человѣкъ еще незнакомъ съ дѣйствительностію, онъ склоненъ все оцѣнивать по мѣркѣ своихъ желаній и ожиданій. Въ юношескіе годы, при все еще маломъ знаніи реальной жизни, онъ часто относится къ фактамъ, людямъ и вещамъ, по идеальнымъ образцамъ, построяемымъ его воображеніемъ. Полный надеждъ, ожиданій и желаній, обращенныхъ къ будущему, онъ оцѣниваетъ все по мѣрѣ, установленной ими. Въ зрѣлые годы, послѣ разочарованій и недочетовъ всякого рода узнавъ, какъ далеко дѣйствительность отстоитъ отъ воображаемой возможности и мало осуществляетъ желаній, человѣкъ переходитъ къ реалистической мѣркѣ. Наконецъ, въ старости оживаетъ мысль о прошломъ; при неспособности быть наблюдательнымъ къ текущимъ впечатлѣніямъ и примѣняться къ измѣнившейся дѣйствительности, человѣкъ относится къ ней по образцамъ своего прошлаго, по той мѣрѣ, которой онъ держался въ зрѣлые годы своей жизни.

Но склонность къ той или другой мѣрѣ не означаетъ, что человѣкъ исключительно въ извѣстномъ возрастѣ держится только ея одной. При случаѣ, сообразно своему настроенію и складу

внѣшнихъ обстоятельствъ, онъ прилагаетъ къ дѣйствительности то одну то другую. Положимъ, обыкновенно мы обсуждаемъ предметы по среднимъ, наиболѣе часто намъ встрѣчавшимся, объемамъ и формамъ. Но иногда тѣмъ не менѣе мы оцѣниваемъ ихъ по объему, предначертанному нашими желаніями, пускаемъ въ ходъ наше воображеніе, ожидаемъ, что дѣйствительность осуществитъ наше желаніе. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и реалистъ, подъ вліяніемъ страха, увеличиваетъ въ воображеніи угрожающую непріятность или опасность и по воображаемому и ожидавшемуся объему, оцѣниваетъ дѣйствительную. Или, такъ какъ безъ идеаловъ невозможно человѣку жить, то развитый и образованный реалистъ все же ко многимъ явленіямъ въ практической жизни и къ своей собственной дѣятельности относится иногда съ идеальными мѣрами.

3) О сравнительномъ достоинствѣ, указанныхъ нами, мѣръ слѣдуетъ замѣтить, что субъектъ наиболѣе трезво относится къ дѣйствительности тогда, когда онъ оцѣниваетъ впечатлѣнія по мѣрѣ, извлеченной изъ опыта и наблюденія окружающей дѣйствительности. Когда онъ дѣлаетъ ее обязательною для своихъ ожиданій и желаній и не позволяетъ своему воображенію отступать отъ нея, онъ мало знаетъ горькихъ обмановъ, разочарованій, тяжелыхъ неудачъ; онъ не даромъ тратитъ свои чувства. За то человѣкъ съ горячимъ воображеніемъ, съ пылкими ожиданіями и неумѣренными желаніями, создаетъ какъ бы искусственную мѣру для всего и готовитъ самъ себѣ всюду обманы, разочарованія, неудачи. Слишкомъ высокая мѣра для реальныхъ фактовъ большею частію бываетъ недосягаема для послѣднихъ и оттого, представляясь малыми и далекими отъ образцовъ, устанавливаемыхъ воображеніемъ, ожиданіями и надеждами, они возбуждаютъ преимущественно отрицательныя чувствованія, или и положительныя, но слабыя. Такой человѣкъ смотритъ на міръ не естественными очами, а сквозь особую призму, создаетъ для себя неестественную, искусственную обстановку; мало радуясь и излишне страдая, онъ самъ служитъ причиною не веселаго характера своей жизни. Субъектъ, живущій прошлымъ, тоже движется въ искусственной атмосферѣ; совершающіяся кругомъ его явленія оказываются для него не тѣмъ, что было въ прошломъ: не тѣ лица, другія привычки, не тотъ складъ общества, другіе факты, иные интересы и т. д. Онъ живо чувствуетъ дисгармонію между собою и настоящимъ, чувствуетъ диспропорціо-

нальность всего налично совершающагося съ его привычными образцами и мѣрами. Естественно, что въ немъ берутъ перевѣсъ отрицательныя чувствованія предъ положительными. Идеальныя мѣры, какъ мы видѣли, неизбѣжно ставятъ субъекта въ отрицательное отношеніе къ дѣйствительности. Измѣряемая по нимъ, она вездѣ представляетъ несовершенство, слабость, уклоненія въ сторону зла. Человѣкъ, съ ними подступающій къ обществу и природѣ, становится пессимистомъ. Съ реалистической точки зрѣнія измѣреніе дѣйствительности идеалами должно быть признано искусственнымъ, неестественнымъ, съ практической — не всегда благоразумнымъ. Оно препятствуетъ извлекать изъ жизни сумму наслажденій, которую она способна дать, искусственно увеличиваетъ силу отрицательныхъ чувствованій, заставляетъ односторонне смотрѣть на лица, вещи и явленія и слѣдовательно, уменьшать ихъ цѣну и значеніе, — должно ослаблять личную энергію и охоту къ жизни и въ концѣ концовъ ведетъ къ отрицанію цѣны бытія, реально даннаго, даже къ самоотрицанію.

Все это такъ съ точки зрѣнія трезваго реализма. Только идеалистъ измѣряетъ дѣйствительность не съ точки зрѣнія своихъ личныхъ желаній, ожиданій, или разгоряченнаго воображенія и не съ точки зрѣнія прошлаго, къ которому влечется его сердце. Не личность свою онъ дѣлаетъ мѣрою вещей, а такъ или иначе относится къ нимъ во имя того, что должно быть. Долженствующее быть имѣетъ болѣе правъ на осуществленіе, чѣмъ только сущее. Слѣдовательно, не его личный произволъ заставляетъ его извѣстнымъ образомъ относиться къ реальности, а то, что онъ полагаетъ какъ необходимое, должное и единственно цѣнное во всей области сущаго. Быть можетъ, полезнѣе для дѣятельности и практически благоразумнѣе не всегда и не вездѣ прилагать къ дѣйствительности идеальныя мѣры, а только тамъ и тогда, гдѣ и когда неизбѣжно навязывается вопросъ о конечной цѣнѣ и значеніи всего совершающагося на нашихъ глазахъ; быть можетъ, лучше иногда спускаться съ идеальныхъ высотъ и не пренебрегать тѣми крохами истины, красоты, блага, которыя все же даются дѣйствительностію. Но именно тотъ фактъ, что человѣкъ вообще способенъ относиться къ ней съ мѣрою, извлеченною не изъ нея, и что не смотря на несчастіе и горе, которыя она несетъ съ собою измѣряющему, онъ тѣмъ не менѣе упорно держится ея и какъ бы ни погружался въ реальность, все таки неизбѣжно возвращается къ ней, какъ истинной мѣрѣ всего су-

щаго и бывающаго, не доказываетъ ли простой истины, что сердце наше собственно не отъ міра сего, что оно или уже знакомо съ чѣмъ то лучшимъ, чѣмъ окружающая насъ реальность, или по крайней мѣрѣ чуетъ, что есть нѣчто таковое?

Приблизительная и безсознательная оцѣнка впечатлѣній.

Считаемъ нужнымъ остановиться здѣсь на одномъ возможномъ возраженіи. Мы говорили о степеняхъ чувствованій, о возрастаніи ихъ соотвѣтственно увеличенію значенія впечатлѣній и старались указать точно порядокъ этого возрастанія. Намъ могутъ сказать: все нами сказанное въ этомъ отношеніи допустимо относительно тѣхъ случаевъ, въ которыхъ субъектъ можетъ точно знать качественные и количественные размѣры встрѣчаемыхъ впечатлѣній, но можетъ ли это быть приложимо къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ субъекту размѣры остаются неизвѣстными и какъ въ такихъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ его сердце? могутъ ли тогда имѣть приложеніе наши обобщенія?

Мы полагаемъ, что субъектъ, не знающій точно размѣровъ значенія явленія, отвѣчаетъ на него сердцемъ, тѣмъ не менѣе слѣдуя извѣстнымъ, указаннымъ нами, законамъ. Случаи, въ которыхъ субъектъ совсѣмъ не догадывается о значеніи явленія, сюда не относятся: ибо такое явленіе не возбуждаетъ никакого чувства; субъектъ безбоязненно идетъ по тонкому льду, когда не предполагаетъ возможности провалиться въ глубину, и проходитъ мимо произведенія искусства, не наслаждаясь имъ, когда не обращаетъ вниманія на значеніе его. Слѣдовательно, возможно говорить только о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ субъектъ приблизительно лишь опредѣляетъ значеніе встрѣчающагося явленія: напримѣръ, прогуливаясь по Невскому проспекту и встрѣчая джентльменовъ, ѣдущихъ на тысячныхъ рысакахъ, идущихъ въ тысячныхъ шубахъ, съ дорогою сигарою во рту, я представляю ихъ себѣ болѣе богатыми, чѣмъ я, даже поражаюсь ихъ богатствомъ и т. д.; но эти джентльмены мнѣ совершенно неизвѣстны и о богатствѣ ихъ я не имѣю никакого понятія; или, проѣзжая мимо громаднаго дома, огромнаго помѣстья, я думаю о владѣльцахъ ихъ и удивляюсь грандіозности ихъ богатства и т. под. Эти случаи, очевидно, говорить противъ насъ не могутъ: незная точно

размѣровъ богатства неизвѣстнаго лица, я сужу о нихъ по внѣшнимъ признакамъ, въ данномъ случаѣ, по шубѣ, рысакамъ, или чему либо подобному: замѣчая тысячную шубу и самъ имѣя ее лишь во сто рублей, я заключаю приблизительно объ относительномъ богатствѣ лица, имѣющаго дорогую шубу, и если представится мнѣ, что оно богаче меня около, или болѣе 5-ти разъ, то развивается чувство удивленія; или мы предполагаемъ только, что оно вообще богаче и тогда развивается чувство уваженія, или же думаемъ, что оно богаче насъ болѣе, чѣмъ въ 50 разъ, и развиваемъ чувство грандіозности: какой размѣръ богатствъ вообразимъ себѣ, такое развиваемъ и чувство. Такъ мы поступаемъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ при чувствахъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Мы при этомъ часто и ошибаемся: считаемъ того человѣка богаче насъ, который, въ сущности, бѣднѣе и имѣетъ лишь наружность богаче, даже считаемъ грандіозно богатымъ того, кто на дѣлѣ ничего не имѣетъ, но широко живетъ. Все равно, какъ обманъ глаза, принимающаго миражъ за дѣйствительность, не говоритъ противъ закономѣрности его дѣятельности, такъ и обманъ сердца, слушающагося нашихъ ложныхъ представленій, ничего не говоритъ противъ строгой опредѣленности его дѣятельности. Когда точно не знаемъ размѣровъ и значенія впечатлѣнія, то мы, по внѣшнимъ и немногимъ признакамъ, тѣмъ не менѣе представляемъ ихъ себѣ и при этомъ придерживаемся болѣе въ сторону minimum'а, или слишкомъ передвигаемся къ maximum и часто допускаемъ большія ошибки.

Такъ мы поступаемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ: не совсѣмъ отдавая себѣ отчетъ въ значеніи явленія и находя его великимъ, мы часто прямо отвѣчаемъ на него maximum'ами чувствованій; многіе склонны преувеличивать значеніе всего, что они плохо понимаютъ; такъ, удивляются безъ мѣры слабымъ произведеніямъ искусства, слабымъ умамъ, чувствуютъ грандіозность видовъ природы, весьма скромныхъ по сущности, и т. под. Сердце ихъ не обманывается: ему данъ поводъ со стороны интеллекта для чувства грандіозности, maximum'а горя, удовлетворенія, радости и т. д. и оно развиваетъ ихъ: ошибки не въ сердцѣ, а въ оцѣнкѣ впечатлѣнія. Замѣтимъ еще, что при такихъ случаяхъ мы обыкновенно подстановляемъ случайныя мѣры для измѣренія впечатлѣній и отъ нихъ происходитъ часто случайность результатовъ въ сердцѣ.

Конечно, мы допускаемъ возможность развитія большого на-

выка въ оцѣнкѣ впечатлѣній. Въ теченіи многихъ лѣтъ жизни, вслѣдствіе опыта и наблюденія, образуется своего рода интеллектуальный глазомѣръ, которымъ почти безошибочно опредѣляется размѣръ значенія явленій, фактовъ, событій, при чемъ соотвѣтственно дѣйствуетъ и сердце. Такой глазомѣръ для произведеній искусства образуется у художника, для умовъ и нравственныхъ силъ вообще у дѣятельныхъ, умныхъ ученыхъ и профессоровъ и т. д. Сердце функціонируетъ у всѣхъ людей одинаково, у опытныхъ въ оцѣнкѣ впечатлѣній также, какъ и у неопытныхъ, какъ равно подчиняются опредѣленнымъ законамъ зоркій и проницательный глазъ и близорукій, недальновидный. И тотъ и другой на впечатлѣнія свѣта отвѣчаютъ одинаковыми ощущеніями желтаго, зеленаго и т. д. цвѣтовъ, но разность между результатами ихъ дѣятельностями будетъ та, что, при опредѣленіи предметовъ, зоркій будетъ видѣть угловатый предметъ тамъ, гдѣ близорукому покажется круглый, или при вечернемъ освѣщеніи первый будетъ видѣть красный цвѣтъ, а второй темный. Какъ это часто бываетъ, послѣ долгой и большой практики, оцѣнка впечатлѣнія можетъ производиться быстро, почти безсознательно, даже не намѣренно, и для сознанія будетъ обнаруживаться только одно чувство, получившее силу.

Но, я думаю, что, сверхъ такого безсознательнаго знанія и цѣненія впечатлѣній, возникшаго изъ сознательнаго, необходимо допустить въ немалыхъ размѣрахъ безсознательное знаніе, таковое первоначально, являющееся въ нѣдрахъ интеллекта отъ соприкосновенія съ явленіями, недоступнаго сознанію, или съ такими сторонами ихъ, которыя не объявляются ему и не могутъ стать предметомъ анализа. Не буду говорить здѣсь о безсознательной жизни вообще, о безсознательной дѣятельности интеллекта, на которой зиждется сознательная, но только скажу о необходимости допустить ее для объясненія дѣятельности сердца. Художественный глазъ, не имѣющій опытности въ оцѣнкѣ произведеній искусства, различно оцѣниваетъ, по видимому, близкія и сродныя, и при томъ сразу, по своему художественному чутью: иногда онъ даже не можетъ сознательно отдать отчетъ, почему одно произведеніе болѣе цѣнитъ, чѣмъ другое. Чѣмъ же онъ руководится въ подобныхъ случаяхъ, какъ не дѣятельностію своего интеллекта, прикоснувшагося къ откровенію красоты и оцѣнившаго его, но сокровенно для сознанія. Въ обществѣ, послѣ двухъ трехъ словъ, человѣкъ, чуткій въ умственномъ отношеніи, сразу почти безо-

шибочно оцѣниваетъ относительныя силы умовъ, но спрашивается, на какія мѣры можно перевести для сознанія оцѣнку того, что одинъ умнѣе другого, или глупѣе, выше, ниже и т. под. Сознаніе не съумѣетъ точно выразить результатъ оцѣнки, даже оправдать его какими либо резонами, а между тѣмъ часто чутье относительной цѣны и силы другихъ умовъ бываетъ безошибочно. Особенно же, какимъ образомъ мы узнаемъ, что одинъ человѣкъ намъ нуженъ, какъ любимый предметъ, или другъ, или не нуженъ, какъ врагъ и ненавистная личность, когда для сознанія сплошь и рядомъ невозможно оправдать, почему нравится или не нравится такая то личность, когда даже кажется для него, что есть всѣ основанія противъ чувствъ, когда и время бываетъ явно недостаточно для сознательнаго знакомства съ предметомъ чувства? Какъ перевести на мѣру и счетъ высшія радости, горя, степени трагизма и комизма? И однако, не безъ причины и не на угадъ, мы различаемъ своимъ сердцемъ степени горя и радости, комизма и трагизма? Чѣмъ, напримѣръ, мы руководимся, находя одинъ разсказъ смѣшнѣе другого, или одно положеніе трагичнѣе другого? Для объясненія такихъ и подобныхъ имъ фактовъ, возможно сдѣлать два предположенія: или внѣшнія впечатлѣнія, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя, прямо и непосредственно возбуждаютъ сердце къ извѣстнымъ степенямъ чувствованій и мы эмпирически находимъ его, въ своемъ сознаніи, волнующимся, или нѣкоторыя впечатлѣнія оцѣниваются безсознательно нашимъ интеллектомъ и сердце отвѣчаетъ на оцѣнку степенями чувствованій. Но противъ перваго предположенія говоритъ слѣдующее: сколько мы знаемъ о дѣятельности сердца, всякія внѣшнія впечатлѣнія не имѣютъ прямого и непосредственнаго доступа къ нему: они доходятъ до него чрезъ интеллектъ: въ дѣтствѣ, по неразвитости послѣдняго, человѣкъ не боится, не горюетъ, не радуется и т. д., въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ бы непремѣнно это дѣлать: если бы впечатлѣнія прямо и непосредственно могли бы дѣйствовать на его сердце, то оно чувствовало бы горе, радость, страхъ при подобныхъ случаяхъ; во-2-хъ, человѣкъ взрослый проходитъ не трогаясь сердцемъ, мимо великаго и малаго, трагическаго и смѣшного, страшнаго, какъ скоро о нихъ не думаетъ: да и какъ можетъ передаваться сердцу впечатлѣніе, помимо умственнаго глаза, и какъ оно можетъ чувствовать его цѣну и значеніе, когда оно не оцѣнено имъ? Остается допустить второе предположеніе. Какъ существуетъ вообще об-

широная безсознательная дѣятельность ума, что мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, такъ она есть и въ отношеніи многихъ впечатлѣній наивысшаго порядка, нѣкоторыхъ сторонъ явленій природы и живыхъ существъ: интеллектъ оцѣниваетъ ихъ сокровенно отъ сознанія, а сердце отвѣчаетъ соотвѣтственною степенью чувствованія, которая, однако, по силѣ своей часто становится предметомъ сознанія.

Безсознательная оцѣнка впечатлѣнія не есть непремѣнно правильная и безошибочная. Какъ это доказывается фактами неудачной дружбы, несчастной и главное, недолговременной или даже фальшивой любви, ошибками знатоковъ и ученыхъ, удивляющихся, по чутью, фальшивой красотѣ и замаскированной лжи, безсознательный интеллектъ часто ошибается: открываетъ гармонію, красоту, истину и добро тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или даже высоко цѣнитъ сущее безобразіе, ложь, зло и дисгармонію, когда они имѣютъ благовидную форму. Нашъ интеллектъ во всякомъ случаѣ ограниченъ и, слѣдовательно, способенъ къ ошибкамъ. Но возможность въ немъ ошибокъ оцѣнки и безсознательность послѣдней ни мало не говорятъ противъ закономѣрности сердца. Какъ за сознательною оцѣнкою оно слѣдитъ правильно соотвѣтствующими степенями чувствованій, такъ и на безсознательную оно отвѣчаетъ тоже правильно: развиваетъ большія чувства комизма, трагизма, высокаго, малаго, горестнаго, ужаснаго, даетъ болѣе любви, удивленія, симпатіи, по поводу того, въ чемъ безсознательный интеллектъ найдетъ болѣе такого или другого значенія. Можетъ быть, какъ это мы говорили уже, при такихъ условіяхъ, могутъ развиться самыя высокія степени чувствованій; но, конечно, не безпричинно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Различіе глубины и силы чувствованій.

Что мы до сихъ поръ говорили о чувствованіяхъ, касалось болѣе высоты чувствованій. Мы видѣли, какъ возрастаетъ оно вслѣдъ за возрастаніемъ объема впечатлѣній; оно идетъ правильно, наподобіе того, какъ тонъ, т. е. ощущеніе его, поднимается, смо-

тря по увеличенію числа дрожаній въ опредѣленный моментъ времени. На возникновеніе тѣхъ или другихъ чувствованій, на поднятіе ихъ тона, имѣетъ вліяніе мѣра, по которой измѣряются и оцѣниваются впечатлѣнія и которая можетъ быть разнообразна.

Но отъ высоты чувствованій, намъ кажется, слѣдуетъ отличить силу ихъ. Мы знаемъ, что въ простомъ тонѣ высота и сила его могутъ совпадать вмѣстѣ, но могутъ и не совпадать. Высокій тонъ можетъ быть и сильный, равно низкій можетъ быть слабымъ, но весьма часто первый бываетъ слабымъ, а послѣдній сильнымъ. Нѣтъ ли того же самаго и въ чувствованіяхъ? Въ большинствѣ случаевъ высота чувствованія совпадаетъ съ ихъ энергіей: напримѣръ, удивленіе высшихъ степеней весьма часто бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и энергичнымъ чувствомъ, страхъ высокихъ размѣровъ въ тоже время бываетъ обыкновенно и чрезвычайно сильнымъ волненіемъ, любовь крайняго напряженія можетъ быть очень сильною; и на оборотъ, низкое по степени чувствованіе бываетъ обыкновенно слабо. Намъ кажется, однакожь, что встрѣчаются случаи и не совпаденія высоты чувствованій съ ихъ силою. Можетъ быть высокій по степени, но тихій страхъ; напримѣръ, человѣкъ смертельно боится опасности, когда идетъ въ сраженіе, приближается къ заразительному больному, но этотъ страхъ не энергичный и оттого субъектъ можетъ совладать съ собою и ничѣмъ его не обнаружить. Бываютъ примѣры тихой радости, но высокой по степени: мы называемъ ее глубокою, хотя она нетолько не выражается, но и не стремится выразиться какими нибудь энергичными движеніями. Всѣ безъ исключенія виды чувствованій могутъ быть высоки по степени, но не сильны, или сильны, но невысоки. Мы называемъ высоту обыкновенно глубиною чувства и въ языкѣ отдѣляемъ ее отъ силы, энергіи его. Можетъ быть глубина въ чувствованіи, но нѣтъ энергіи, просящейся наружу, можетъ быть сила и энергія въ немъ, даже бурная, но нѣтъ глубины. О впечатлѣніяхъ, производимыхъ на сердце разными предметами, мы и говоримъ такъ, что иногда они производятъ глубокое и сильное впечатлѣніе, иногда сильное, но не глубокое, въ иныхъ же случаяхъ глубокое, но не бурное и сильное.

Въ доказательство своего положенія прослѣдимъ примѣры главныхъ видовъ чувствованій. Можетъ быть глубокое трагическое чувство въ сердцѣ, но отнюдь не энергичное, и не выражающееся никакими бурными движеніями. Большею частію тра-

гизмъ и бываетъ глубокъ, но не буренъ и не энергиченъ. Но онъ можетъ быть мелокъ, по степени не высокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ буренъ и энергія его можетъ выражаться сильными слезами и даже воплями. Комизмъ также можетъ быть чрезвычайно глубокъ, т. е. въ высочайшей степени, но тихій и спокойный, хотя большею частію онъ бываетъ бурнымъ, энергичнымъ, зато поверхностнымъ, т. е. слабой степени. Комическое впечатлѣніе, выносимое читателемъ изъ Мертвыхъ душъ глубокое и навѣки напечатлѣвается въ душѣ, хотя бы онъ при чтеніи и не разражался бурнымъ смѣхомъ; между тѣмъ шутливый анекдотъ можетъ вызвать сильное комическое движеніе, но оно бываетъ поверхностно и тотчасъ же почти забывается. Чувство высокаго обыкновенно бываетъ глубоко, но не сильно; по своей энергіи, оно скорѣе уступитъ простому чувству удивленія, хотя возбуждается большаго объема впечатлѣніями. Его иногда бурный характеръ объясняется обыкновенно сопутствующимъ ему удивленіемъ, которое склонно скорѣе развиваться въ сторону силы, чѣмъ степени. Всѣ мы говоримъ далѣе о глубокихъ наслажденіяхъ музыки, живописи, хотя они и не выбиваютъ человѣка изъ его обыкновенной колеи, не доводятъ до безсознательнаго состоянія своею энергіей: они бываютъ глубоки по своей степени, но не бурны по силѣ. Интеллектуальныя удовольствія обыкновенно бываютъ тихи, но это не мѣшаетъ имъ быть глубокими: почти никогда они не бываютъ бурными.

Чрезвычайно разнообразно ведутъ себя въ разсматриваемомъ отношеніи нѣжныя чувствованія и противоположныя имъ. Любовь, сочувствіе, дружба могутъ быть глубокія, но не энергичныя; таковы нѣжныя чувства у людей, давно связанныхъ узами любви и дружбы: они глубоко привязаны другъ къ другу, но ихъ чувства такъ не сильны, что даже не требуютъ для себя выраженія. Это значитъ, что чувства ихъ высоки по степени, но силы, и энергіи въ нихъ собственно мало. Бываетъ на оборотъ, на первое время любовь и дружба бываютъ энергичны, но поверхностны, и просуществовавъ нѣкоторое время, исчезаютъ безъ всякого слѣда. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ глубина и сила любви и дружбы соединяются вмѣстѣ. Грусть гораздо чаще бываетъ глубокая, но не энергичная и бурная, и ей свойственнѣе расти въ глубинѣ своей, чѣмъ въ силѣ. Гнѣвъ ненависть, вражда, антипатія представляютъ такого же рода явленія. Они бываютъ иногда глубоки, т. е. высоки по своей степени, но вовсе не

энергичны, и на оборотъ, человѣкъ сильно и энергично гнѣвающійся можетъ имѣть не высокой степени гнѣвъ: это волненіе сильное, но поверхностное и оно можетъ быстро пройти, исчезнуть безъ всякого слѣда.

Личныя волненія могутъ расти въ глубину, и быть незначительными по своей силѣ, равно, быть энергичными, но не глубокими. Такъ, самодовольство обыкновенно бываетъ чувствомъ энергичнымъ, но не глубокимъ и лишь у чванливыхъ гордецовъ оно достигаетъ высокой степени т. е. глубины. Чувство чести способно къ особой глубинѣ: всякого рода нарушенія ея глубоко чувствуются лицомъ, а между тѣмъ оно, въ сущности, тихое движеніе сердца. Равно и стыдъ, когда съ нимъ соединяется чувство униженія, есть глубокое волненіе и оно способно достигать великой глубины; когда же онъ состоитъ изъ одного замѣшательства и робости только, то развивается иногда съ особою энергіей, хотя тогда глубокъ не бываетъ. Этотъ второй стыдъ легко и скоро проходитъ, между тѣмъ какъ первый чувствуется иногда цѣлые періоды жизни. Самоуваженіе можетъ быть глубоко и тихо, иногда сильно и энергично, но неглубоко.

Чувство новости обыкновенно бываетъ сильнымъ, но поверхностнымъ движеніемъ сердца: равно и удивленіе развивается скорѣе всего въ силу, энергію, чѣмъ въ глубину: оно можетъ не быть глубокимъ чувствомъ, но рѣзко выражаться, хотя нельзя отрицать, что оно можетъ быть и сильнымъ и глубокимъ вмѣстѣ; въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ оно бываетъ тихимъ, но глубокимъ. Уваженіе по преимуществу способно къ глубинѣ, такъ что языкъ нашъ даже не охотно допускаетъ выраженіе: сильное уваженіе. Нравственныя возбужденія: чувство долга, довольство совѣсти—особенно способны быть глубокими. Такъ мы говоримъ о глубокомъ ни чѣмъ не искоренимомъ, чувствѣ долга, о глубокомъ довольствѣ совѣсти,—глубокомъ мирѣ ея. Между тѣмъ, что касается энергіи ихъ, то они тихія чувствованія и вовсе не обнаруживаютъ никакой склонности къ сильному обнаруженію. Угрызенія же совѣсти, напротивъ, способны къ развитію силы предпредпочтительнѣй, чѣмъ глубины: мы говоримъ о сильныхъ угрызеніяхъ совѣсти, а не глубокихъ. Языкъ, далѣе, указываетъ намъ на глубокую вѣру, такое же сомнѣніе, ожиданіе же называетъ только сильнымъ; равно надежды бываютъ сильныя, а не глубокія чувствованія. Чувства удовлетворенія и безсилія бываютъ глубокими, чувства же удачи и силы преимущественно сильными. Языкъ по-

казываетъ, что вѣра и сомнѣніе суть чувствованія по преимуществу тихія, но способныя достигать высокой степени развитія, хотя иногда они могутъ быть вмѣстѣ и сильными (сильная вѣра и сильное сомнѣніе). Ожиданіе и надежда, чувства удачи и силы имѣютъ склонность къ силѣ развитія и отличаются энергіей: оттого они стремятся выразиться во внѣ. Удовлетвореніе и безсиліе склонны развиваться болѣе въ глубину, энергія же ихъ обыкновенно бываетъ не сильная. Религіозныя чувствованія, какъ извѣстно, отличаются, по преимуществу, глубиною, не всегда силою.

Различая силу чувствованій отъ ихъ глубины, не смѣшиваемъ ли мы въ этомъ случаѣ съ силою чувствованія силу его обнаруженія въ тѣлѣ? Какъ мы увидимъ ниже, различныя чувствованія обнаруживаются въ тѣлѣ съ различною силою и спрашивается, когда мы говоримъ о силѣ чувствованій отдѣльно отъ ихъ глубины, то не разумѣемъ ли только тотъ фактъ, что иногда выраженія глубокихъ чувствованій задерживаются сознательно субъектомъ и оттого они кажутся лишь глубокими, а не сильными? Мы утверждаемъ, что сила и глубина чувствованія суть двѣ различныя стороны ихъ, могущія совпадать и не совпадать вмѣстѣ, и что сила чувствованій есть отдѣльный моментъ въ нихъ, независимый отъ силы выраженія ихъ въ тѣлѣ. Мы утверждаемъ именно, что независимо отъ всякого выраженія въ тѣлѣ, есть чувствованія высокія по степени, но тихія по энергіи, вовсе и не стремящіяся выражаться въ тѣлѣ: напр. глубокая вѣра, или глубокое довольство совѣсти, или тихая, но глубокая радость, и на оборотъ, есть энергичныя въ выраженіи чувствованія, но не высокія по степени: всякій согласится, что стыдъ униженія есть глубокое постепени чувство, новыражается онъ не сильнѣе, чѣмъ обыкновенное чувство стыда въ смыслѣ робости и замѣшательства; послѣднее же, сильное по своей энергіи, въ сущности, есть не глубокое чувство и быстро проходитъ безъ всякого слѣда. По этому высокія чувствованія по степени не суть задержанныя чувствованія и оттого получившія какъ бы искусственную глубину, а таковы они по своему первоначальному типу и по условіямъ своего возникновенія, Равно, если есть сильныя по энергіи и особыя по степени движенія сердца, то это не оттого, что они стремятся выразиться въ тѣлѣ и такимъ образомъ теряютъ въ своей глубинѣ, а потому, что таковъ типъ и таковы условія ихъ возникновенія. Далѣе, въ главѣ о выраженіи ихъ въ тѣлѣ, мы обратимъ вниманіе на значеніе его для силы и глубины чувствованія, но здѣсь говоримъ, что не слѣдуетъ смѣшивать явленій въ

чувствѣ вторичныхъ, происходящихъ отъ физіологическихъ условій, съ первоначальными особенностями въ самыхъ чувствахъ.

Условія глубины и силы чувствованій.

Мы должны теперь отыскать условія, при какихъ чувствованія получаютъ особенную энергію, или становятся глубокими.

Чтобы этотъ вопросъ рѣшить съ надлежащею основательностію и чтобы читатель самъ могъ слѣдить за нашимъ разслѣдованіемъ, мы прежде всего представимъ перечень чувствованій, способныхъ развиваться въ глубину, и тѣхъ, которыя отличаются силою болѣе, чѣмъ глубиною, затѣмъ укажемъ чувствованія, которыя могутъ развиваться какъ въ глубину, такъ и въ сторону энергіи. Потомъ мы сдѣлаемъ замѣчанія, которыя намъ покажутъ, гдѣ искать условій, вліяющихъ на силу или глубину движеній сердца.

Чувствованія, способныя развиваться въ глубину, по степени:
Чувство безсилія
Удовлетворенія
Сомнѣнія и вѣры
Долга
Довольство совѣсти
Уваженія
Чести
Грандіозности, презрѣнія
Стыда и униженія
Самоуваженія
Трагизма
Интеллектуальныя наслажденія
Эстетическія музыкальныя и пластическія
Религіозныя чувствованія

Чувствованія, отличающіяся энергіей болѣе, чѣмъ глубиною:
Чувство ожиданія и надежды
Угрызенія совѣсти
Чувство новости
Удивленія
Самодовольства
Стыдъ, какъ робость и замѣшательство
Комизмъ.

Чувствованія, способныя быть глубокими и сильными:

Радость, страхъ и вся группа нѣжныхъ чувствованій, какъ положительныхъ такъ и отрицательныхъ.

Сравнивая первую таблицу, мы видимъ, что 1) разрядъ чувствованій, способныхъ развиваться болѣе въ глубину, заключаетъ

въ себѣ по преимуществу высшія чувствованія, т. е. такія, которыя признаются болѣе серіозными движеніями сердца. Для своего возникновенія они требуютъ впечатлѣній большихъ размѣровъ, такъ что если какое либо изъ нихъ возникаетъ, то поводъ возникновенія всегда бываетъ болѣе или менѣе объемный, какъ бы массивный. Глубокое безсиліе, удовлетвореніе, сомнѣніе, глубокая вѣра, глубокое довольство совѣсти, уваженіе, чувство чести, глубокій стыдъ, глубокое самоуваженіе, трагизмъ, наслажденія эстетическія и интеллектуальныя, религіозныя чувствованія возникаютъ по поводу чего либо важнаго по цѣнѣ, значенію, или объему. Напротивъ, чувство ожиданія, угрызенія совѣсти, новости, удивленіе, самодовольство, комизмъ, стыдъ второго типа развивается или по поводу неважнаго, неособенно цѣннаго и даже незначительнаго, и только въ томъ случаѣ пріобрѣтаютъ глубину, если они разовьются по поводу болѣе цѣнныхъ и значительныхъ впечатлѣній: угрызенія совѣсти могутъ быть глубокими только при этомъ условіи.

2) Высокія и глубокія по степени чувствованія оставляютъ по себѣ въ душѣ надолго слѣдъ, такъ что не только воспоминаніе о нихъ сохраняется на долгое время въ душѣ, но и возникаетъ способность возвращаться къ нему съ большею легкостію. Между тѣмъ чувствованія, отличающіяся энергіей болѣе, чѣмъ глубиною, оставляютъ въ душѣ сравнительно поверхностный слѣдъ, такъ что исчезаютъ изъ нея, какъ будто безъ остатка. И дѣйствительно, пусть читатель возьметъ любой примѣръ изъ первой таблицы, сопоставитъ съ любымъ чувствованіемъ второй и сравнитъ, которое изъ чувствованій оставляетъ болѣе глубокій слѣдъ въ душѣ. Между тѣмъ какъ почти всякое движеніе сердца первой категоріи, разъ прочувствованное не забывается иногда на цѣлую жизнь, чувствованія второго рода безслѣдно исчезаютъ для сознанія, какъ скоро они прекратились. Между ними есть движеніе сердца, замѣчательныя по своей поверхностности: наприм. чувство новости, ожиданія или комизма нисшаго разряда. Новое впечатлѣніе, привлекавшее къ себѣ вниманіе своею новизною, сейчасъ же по ознакомленіи съ нимъ перестаетъ быть новымъ и чувство исчезаетъ скоро, равно ожиданіе, когда ожидаемое совершилось, исчезаетъ почти безъ остатка, легкій комизмъ шутки, анекдота, разъ испытанный нами, часто совсѣмъ пропадаетъ для насъ въ той же шуткѣ или анекдотѣ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, помнитъ остроты, слышанныя въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ слу-

чаяхъ, въ свое время вызывавшія на лицѣ улыбку, или помнимъ ли мы, кого когда, или что ожидали? Но чувства безсилія, разъ испытаннаго, вѣры, глубокаго сомнѣнія, долга, трагизма, интеллектуальнаго и эстетическаго наслажденія, надолго не забываются и мало того, разъ нарѣзавшись въ душѣ, дѣлаютъ ее предрасположенною къ повторенію такихъ состояній, такъ что она motu proprio ихъ снова возстановляетъ и даже снова переживаетъ.

3) Вторая группа чувствованій состоитъ изъ такихъ движеній сердца, которыя имѣютъ близкую связь съ воображеніемъ. Они всѣ обыкновенно возбуждаютъ воображеніе. Ожиданіе и надежда, предупреждающія дѣйствительность, сопровождаются необыкновеннымъ оживленіемъ воображенія, которое на разные способы изображаетъ ожидаемое событіе. Въ состояніи угрызеній совѣсти человѣкъ болѣзненно, какъ замѣчаетъ Достоевскій въ „Преступленіи и наказаніи“, передѣлываетъ снова и снова въ своемъ представленіи преступное дѣйствіе. Чувство новости и удивленія тѣмъ бываютъ сильнѣе, чѣмъ болѣе они возбуждаютъ воображеніе: при нихъ оно неоднократно возвращается къ интересной новости, къ удивившему факту. Комическое чувство какъ возникаетъ изъ созданій воображенія, такъ и пробуждается чрезъ постиженіе ихъ воображеніемъ: кто невоспроизведетъ въ себѣ шутливой формы изображенія, неожиданныхъ сближеній и различеній, тотъ не пойметъ шутки, анекдота, у того не разовьется и комическаго чувства. Стыдъ, какъ робость и замѣшательство, бываетъ оттого и силенъ, что человѣкъ воображаетъ, что о немъ думаютъ другіе, что онъ падаетъ въ ихъ мнѣніи, что онъ смѣшонъ и т. д. И самодовольство въ субъектѣ бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше лицо о себѣ думаетъ, т. е. чѣмъ въ лучшихъ и совершеннѣйшихъ чертахъ себя воображаетъ.

Чувствованія первой группы въ такой близости къ воображенію не состоятъ. Чувства безсилія и удовлетворенія не могутъ живо возбуждать воображеніе. Сомнѣніе и вѣра сопровождаютъ состоянія рефлексіи, извѣстные моменты познанія, и потому при нихъ воображеніе находится въ покоѣ. Чувства долга, довольства совѣсти также не даютъ сильныхъ поводовъ къ его дѣятельности: человѣкъ сознаетъ, что онъ исполнилъ велѣніе долга, онъ чувствуетъ миръ совѣсти, или онъ чувствуетъ принужденіе, обязательство исполнить его, — воображенію здѣсь нѣтъ почвы для работы. Уваженіе, конечно, связано съ представле-

ніемъ нравственной могущественной силы, слѣдоват. воображающій построяетъ себѣ образъ моральной силы. Но при глубокомъ чувствѣ уваженія воображеніе не возбуждается, а импонируется, поражается. Таково же состояніе его при глубокихъ оскорбленіяхъ чести, поруганіяхъ ея. Въ моментъ глубокаго презрѣнія, субъектъ представляетъ презираемый предметъ уменьшеннымъ и уничиженнымъ, но воображеніе въ такіе моменты вовсе не оживлено: особой охоты заниматься такимъ предметомъ у него нѣтъ, даже напротивъ, у него бываетъ явная неохота заниматься имъ, именно потому, что субъектъ презираетъ его. При стыдѣ, сопровождающемся чувствомъ глубокаго униженія, воображеніе бываетъ поражено, импонировано картиною самоуничиженія, но эта картина тогда только живо изображается и разработывается имъ, когда стыдъ униженія не только глубокъ, но и силенъ. Тоже самое мы замѣчаемъ при чувствованіяхъ самоуваженія, трагизма, интеллектуальныхъ и эстетическихъ наслажденій, религіозныхъ. Въ нихъ воображеніе не возбуждается къ дѣятельности, а поражается и подчиняется дѣйствующимъ на душу впечатлѣніямъ. Въ минуты пробужденнаго самоуваженія воображеніе вовсе не спѣшитъ рисовать и настойчиво заниматься изображеніемъ собственной личности въ радужномъ свѣтѣ. Трагизмъ положенія поражаетъ воображеніе, интеллектуальное наслажденіе приковываотъ вниманіе исключительно къ содержанію разговора, книги, при эстетическихъ наслажденіяхъ человѣкъ всею душою отдается музыкальнымъ или пластическимъ впечатлѣніямъ и воображеніемъ постигаетъ ихъ смыслъ, цѣну, ихъ внутреннюю красоту. Въ минуты религіозныхъ возбужденій субъектъ неизбѣжно представляетъ себѣ содержаніе, импонирующее и даже подавляющее его воображеніе.

Замѣтимъ еще, что чувствованія какъ первой, такъ и второй группы хотя и охарактеризованы нами, одни какъ способныя развиваться въ глубину, другія—въ сторону энергіи, но мы оговаривали при этомъ: большею частію, преимущественно, отнюдь не исключительно. Поэтому нѣкоторыя чувствованія второй группы допускаютъ и глубину развитія; напримѣръ, удивленіе, комизмъ, а чувствованія первой — силу; невсегда, быть можетъ, нечасто такъ бываетъ, но бываетъ. Когда же нѣкоторыя чувствованія второй группы становятся глубоки, мы замѣчаемъ, что воображеніе въ эти моменты поражается чѣмъ либо, импонируется, наприм. при глубокомъ удивленіи, глубокомъ комизмѣ. Чувствованія первой группы становятся сильны тогда, когда воображеніе

не поражается, а возбуждается, становится живымъ и развиваетъ непрерывную дѣятельность.

Условія развитія нѣкоторыхъ чувствованій въ глубину и силу.

Мы видѣли выше, что нѣкоторыя чувствованія, группа нѣжныхъ, радость, страхъ—способны развиваться какъ въ глубину, такъ и въ отношеніи силы. Въ нихъ мы имѣемъ примѣръ движеній сердца, которыя могутъ быть и сильны и глубоки, иногда только сильны, но не глубоки, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ глубоки, но не сильны. Спрашивается, при какихъ условіяхъ эти движенія сердца развиваются особенно въ глубину и когда они пріобрѣтаютъ особенную силу?

1) Эти чувствованія пріобрѣтаютъ какъ силу, такъ и глубину, когда на душу дѣйствуютъ впечатлѣнія по качествамъ своимъ высокія и притомъ, болѣе или менѣе продолжительное время. Когда человѣкъ встрѣчается съ большою красотою, для него притомъ симпатичною по другимъ своимъ качествамъ, и когда онъ болѣе или менѣе долго находится подъ ея вліяніемъ, въ немъ зарождается глубокая и сильная любовь. Глубокая и сильная дружба завязывается тогда, когда субъектъ встрѣчаетъ въ другомъ лицѣ наиболѣе цѣнныя, для него, душевныя качества, когда онъ успѣваетъ оцѣнить и понять значеніе ихъ для себя. Любовь, дружба, какъ и ненависть, антипатія, чтобы быть глубокими и сильными, требуютъ всегда, чтобы предметъ ихъ представлялся важнымъ и значительнымъ вообще, и предполагаютъ непремѣнно время, достаточное для произведенія сильнаго впечатлѣнія на душу. Всѣ упомянутыя чувствованія развиваются поэтому въ глубину и силу лишь вслѣдствіе долгихъ и продолжительныхъ сношеній между людьми. Равно, глубокая и сильная радость и глубокій и сильный страхъ возникаютъ, когда значительны впечатлѣнія, въ томъ или другомъ смыслѣ дѣйствующія на субъекта, и притомъ, когда онъ довольно продолжительное время находится подъ ихъ вліяніемъ: напримѣръ, важное событіе, котораго благотворныя послѣдствія субъектъ чувствуетъ значительное время, производитъ въ немъ сильную и глубокую радость, равно какъ и опасность, которой размѣръ и значеніе субъектъ успѣваетъ разъяснить себѣ, возбуждаетъ глубокій и сильный страхъ.

Въ упомянутыхъ явленіяхъ мы имѣемъ два обстоятельства, условливающія глубину и силу чувствованій: значительность впечатлѣній и продолжительность ихъ дѣйствованія на душу. Къ чему должна быть отнесена глубина чувствованій и къ чему сила ихъ? Можно сказать навѣрное, что какъ бы долго ни дѣйствовало впечатлѣніе на душу, оно не производитъ чувствованія высокой степени, если оно само по себѣ незначительно по содержанію. Любовь и вражда не станутъ глубокими, если предметъ ихъ не кажется заслуживающимъ того въ высокой степени, въ какихъ бы продолжительныхъ отношеніяхъ къ нему субъектъ ни состоялъ. Равно, страхъ не станетъ высокимъ отъ того, что небольшая опасность угрожаетъ субъекту нѣкоторое время. Продолжительность дѣйствованія впечатлѣній на душу никакъ не содѣйствуетъ большой глубинѣ упомянутыхъ чувствованій; послѣдняя прямо зависитъ отъ серіозности, значительности впечатлѣній. Но для силы любви и ненависти, дружбы и вражды, радости и страха существенно важно, дѣйствуетъ впечатлѣніе мгновенно или продолжительно. Даже необыкновенно красивая личность, видѣнная мелькомъ, производитъ хотя глубокое, но не сильное впечатлѣніе; мгновенная вспышка, сопровождавшаяся обидою на словахъ для какого либо лица, производитъ въ послѣднемъ глубокое, но не сильное чувство вражды. Мимолетный испугъ бываетъ глубокъ, но какъ чувство страха, онъ не особенно силенъ. Но небольшой поводъ къ тѣмъ или другимъ чувствованіямъ, дѣйствуя долго и продолжительно, можетъ возбудить сильное чувство. Такъ понемногу складывается сильная любовь къ субъекту, который первоначально казался едва едва красивымъ, или отъ продолжительнаго, хотя и не рѣзкаго противорѣчія, развивается сильная вражда къ противорѣчащему и т. д.

2) Какъ и вообще при возникновеніи чувствованій, на развитіе силы въ нѣжныхъ чувствованіяхъ, радости и страха имѣетъ вліяніе воображеніе. Чѣмъ оно энергичнѣе, живѣе, дѣятельнѣе, тѣмъ субъектъ, имъ обладающій, способнѣе по преимуществу къ сильнымъ чувствованіямъ. Такіе люди легко поражаются внѣшнею красотою лица, которая живымъ воображеніемъ ихъ моментально идеализуется, пробѣлы ея дополняются имъ и влеченіе такимъ образомъ разжигается. Такимъ людямъ достаточно одной или двухъ сочувственныхъ фразъ, чтобы создать симпатичный и дружественный образъ, къ которому они сейчасъ же почувствуютъ сильную дружбу. Немного нужно для живого воображенія, чтобы

сильнѣйшимъ образомъ растравить старую еле зажившую рану въ сердцѣ. Къ воображенію слѣдуетъ отнести причину того факта, что иногда люди съ немногихъ словъ и послѣ непродолжительныхъ встрѣчъ чувствуютъ вражду и антипатію другъ къ другу: на основаніи обнаружившагося противорѣчія они надѣляютъ, въ своемъ живомъ воображеніи, одинъ другого ненавистными чертами и такимъ образомъ возбуждаютъ каждый въ себѣ сильную вражду и антипатію къ другому. Извѣстно далѣе, какъ человѣку съ живымъ воображеніемъ немного нужно, чтобъ придти въ состояніе сильнѣйшаго страха: стоитъ сдѣлать намекъ ему на ту или другую опасность, его воображеніе моментально начнетъ изображать ее въ подробностяхъ, ему станутъ рисоваться картины одна другой живѣе и онъ растравитъ себя до того, что станетъ чувствовать сильный, хотя не глубокій по степени, страхъ. Равно, человѣку съ живымъ воображеніемъ одна удача кажется поворотомъ въ его жизни къ славѣ, блеску положенія, и останавливаясь на радостномъ событіи воображеніемъ, онъ успѣваетъ довести себя до сильнаго пароксизма радости. Горе такимъ человѣкомъ чувствуется сильное, даже и небольшое. За то, какъ скоро воображеніе утомится, или образы потеряютъ для него интересъ новизны, чувствованія исчезаютъ. Они продолжаются, пока воображеніе даетъ имъ пищу, и исчезаютъ, когда оно перестаетъ питать ихъ.

Наконецъ 3) причину особенной силы упомянутыхъ чувствованій въ нѣкоторыхъ личностяхъ можно видѣть въ сильной чувствительности ихъ, постоянной или временной. О человѣкѣ сильно влюбляющемся говорятъ, что онъ очень влюбчивъ, про склоннаго къ сильному гнѣву, что онъ — гнѣвливъ, про склоннаго къ сильному страху — трусливъ. Что это значитъ? Подобными выраженіями, очевидно, означается возвышенная чувствительность индивидуума. Это фактъ извѣстный, что разныя личности различаются по степени своей чувствительности; одни и тѣ же впечатлѣнія сказываются въ разныхъ лицахъ различной силы чувствованіями. Представимъ себѣ субъекта съ весьма высокою чувствительностію. Небольшое впечатлѣніе красоты, безобразія, легкое противорѣчіе, небольшое пріятное впечатлѣніе, малая опасность вызываютъ въ немъ сильныя чувствованія любви, симпатіи, гнѣва, вражды, радости и страха: отъ небольшихъ возбужденій субъектъ агитируется сильнѣйшимъ образомъ. При пониженной чувствительности тѣ же впечатлѣнія произведутъ свое

дѣйствіе и возбудятъ чувствованія соотвѣтствующей степени, но энергіи, силы въ нихъ не будетъ такой, какова бываетъ въ чувствованіяхъ перваго субъекта. Съ пониженною чувствительностію человѣкъ можетъ глубоко чувствовать, т. е. проходить всѣ степени любви и вражды, радости и страха, но движенія сердца у него не будутъ имѣть энергіи.

Соображая, что мы сказали о чувствованіяхъ, способныхъ возрастать преимущественно въ силу, или въ глубину, или въ ту и другую сторону, мы можемъ резюмировать свои замѣчанія въ слѣдующихъ обобщеніяхъ, при чемъ постараемся, гдѣ возможно, еще далѣе углубить и дополнить ихъ.

Объективныя вліянія на глубину и силу чувствованій. Массивность или цѣнность впечатлѣній, какъ условіе глубины чувствованій.

1) Прежде всего, что касается до внѣшнихъ впечатлѣній, возбуждающихъ чувствованія, какія изъ нихъ возбуждаютъ главнѣе всего чувствованія глубокія и какія сильныя?

Глубокія чувствованія, или движенія сердца высокихъ степеней, возбуждаются массивными или большого объема впечатлѣніями. Такъ, всѣ чувствованія, возбуждаемыя значительными по объему или по внутреннему своему значенію впечатлѣніями, бываютъ болѣе или менѣе глубоки. Высокая красота, грандіозная картина природы, высокій трагическій характеръ, громадныя нравственныя силы, чрезвычайное событіе, открывающее личности широкій просторъ для дѣятельности, великая опасность возбуждаютъ глубокія соотвѣтствующія чувствованія.

Здѣсь важно то обстоятельство, что впечатлѣніе представляется субъекту огромнымъ и массивнымъ. Будетъ ли оно таково на самомъ дѣлѣ, это вопросъ другой; главное здѣсь, какъ смотритъ на него субъектъ. Объемъ впечатлѣнія можетъ во многихъ случаяхъ какъ бы искусственно увеличиваться отъ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ. Съ одной стороны, отъ способности субъекта объединять въ одно цѣлое, объемное, разнообразныя впечатлѣнія и съ другой стороны, отъ контраста смѣняющихся впечатлѣній.

Чувствованіе не измѣняется въ своей степени, пока значеніе впечатлѣнія остается однимъ и тѣмъ же въ глазахъ субъекта.

Какъ скоро значеніе его увеличится или уменьшится, чувствованіе возрастетъ въ своей глубинѣ, или понизится. Но значеніе впечатлѣнія опредѣляется часто точкою зрѣнія на него субъекта и его способностію комбинировать и объединять разныя впечатлѣнія въ одно цѣлое. Туча, смочившая дождемъ землю, не производитъ никакого впечатлѣнія на сердце, пока мы смотримъ только кругомъ себя и видимъ, что земля смочена на какой нибудь вершокъ глубины, но если представимъ себѣ, что она увлажила поверхность въ сотни квадратныхъ верстъ и подумаемъ о массѣ воды, которую она должна была содержать въ себѣ, то можемъ придти въ состояніе большого удивленія и даже почувствовать грандіозность явленія природы. Пока мы смотримъ на полкъ солдатъ, какъ большую толпу людей, мы относимся къ нему, какъ вообще значительному собранію людей. Но если мы подумаемъ о полкѣ, дивизіи въ строю, двигающейся, какъ одинъ человѣкъ, по мановенію одной воли, то нами овладѣетъ чувство грандіозности этой громадной человѣческой силы. Маленькая бѣда сама по себѣ непріятна, но если субъектъ, испытавшій ее, присоединитъ ее мысленно къ другимъ, когда либо имъ испытаннымъ, и представитъ ихъ, какъ одну цѣлую бѣду, обрушивающуюся на его голову, онъ почувствуетъ глубокое горе. Объединивъ въ одно всѣ мелкія непріятности, испытанныя отъ одного лица, субъектъ получитъ впечатлѣніе большой вражды со стороны своего непріятеля и самъ почувствуетъ въ отвѣтъ на его дѣйствія глубокую вражду. Такъ углубляются вѣра, сомнѣніе: собирая въ одно впечатлѣнія истинности или ложности, не устойчивости теоріи, системы, науки, религіи, мы представляемъ себѣ ихъ какъ одно общее и большое впечатлѣніе, какъ истину или ложь вообще и отвѣчаемъ на нихъ или глубокою вѣрою или глубокимъ сомнѣніемъ. Способность обнять въ цѣломъ разнообразныя мелкія впечатлѣнія служитъ источникомъ многихъ глубокихъ движеній сердца.

Эта способность въ свою очередь предполагаетъ живость и энергичность ассоціаціи, равно и широту ума. Чтобы умѣть объединять въ одно многія однородныя впечатлѣнія, для этого надобно представить себѣ ихъ въ тѣсномъ преемствѣ или смежности. Въ данномъ случаѣ долженъ дѣйствовать тотъ случай ея, который мы въ свое время обозначили, какъ ассоціацію между чувствованіями и представленіями предметовъ, ихъ возбудившихъ. По поводу одного событія, возбуждающаго опредѣленное чувствованіе, приходятъ на память многія другія, въ свое время возбу-

ждавшія такое же чувство. Но одна ассоціація даетъ только матеріалъ для объединенія. Чтобы соединить въ одно цѣлое различныя событія и факты, для этого требуется извѣстной степени широта ума, привыкшаго отъ частнаго восходить къ общему и въ разрозненныхъ подробностяхъ видѣть цѣлое. По этому, что часто приписывается чрезвычайной чувствительности субъекта и понимается, какъ его особая способность глубоко чувствовать мелочи жизни, пріятныя или непріятныя, и отъ неважныхъ фактовъ приходить въ глубокое движеніе, въ сущности есть не особая способность сердца, а чрезвычайно живая ассоціація между чувствованіями и представленіями ихъ поводовъ, и широкій умъ, комбинирующій частности въ одно цѣлое.

Вліяніе контрастовъ на глубину чувствованій. Субъективные и объективные контрасты.

Съ другой стороны, контрастъ впечатлѣній можетъ увеличивать глубину чувствованій. Такъ какъ онъ имѣетъ огромное значеніе для искусства и вообще въ жизни сердца, то здѣсь мы остановимся на немъ подробно. Объяснимъ сначала сущность дѣйствія его.

Въ природѣ, искусствѣ и жизни мы встрѣчаемся съ контрастами. Они могутъ быть даны намъ объективно: напримѣръ, два впечатлѣнія, два факта составляютъ контрастъ одинъ другому. Такъ какъ контрастъ означаетъ противоположность, а противоположности суть наиболѣе расходящіеся виды одного и того же рода, или противоположныя крайности въ однородномъ содержаніи, то объективный контрастъ можетъ быть лишь въ однородныхъ впечатлѣніяхъ. Малый и богатый не составляютъ контраста, но малому контрастомъ служитъ большой, а богатому бѣдный. Жизнь представляетъ намъ многочисленные контрасты въ характерахъ, умахъ, нравственныхъ свойствахъ людей, природа въ видахъ, качествахъ, свойствахъ, величинахъ предметовъ. Искусство, изображающее намъ природу и жизнь, при описаніяхъ той и другой, выводитъ предъ нами многочисленные контрасты явленій природы, людскихъ характеровъ, свойствъ, стремленій и т. д.

Объективные контрасты существуютъ для насъ, какъ таковые лишь въ томъ случаѣ, если мы въ состояніи воображеніемъ или умомъ измѣрить разстояніе между двумя крайностями. Вещи,

явленія, лица, о которыхъ мы не имѣемъ никакого представленія, могутъ находиться между собою въ контрастѣ, но онъ для насъ не существуетъ, потому что намъ не понятенъ. Ангелы, существа чистыя и безгрѣшныя, несравненно разумнѣйшія человѣка, составляютъ контрастъ по отношенію къ намъ, понятный для насъ; но они безконечно менѣе разумны, могущественны и нравственно чисты, чѣмъ Богъ, они должны составлять контрастъ съ нимъ; но для насъ этотъ контрастъ неуловимъ и непонятенъ. Между инфузоріями есть свои геркулесы и малютки, но и этотъ контрастъ не понятенъ намъ. Между звѣздами есть контрасты по величинѣ, но они не постигаются и воображеніемъ. Мало того, если оба впечатлѣнія составляютъ контрастъ одного рода и въ одномъ направленіи къ нашему понятію и представленію, то онъ для насъ не существуетъ: напримѣръ, дитя можетъ быть Геркулесомъ по отношенію къ другому и составлять съ нимъ своего рода контрастъ по силѣ, но оба они, въ томъ же отношеніи, составляютъ контрастъ къ нашей собственной силѣ и потому относительная между ними противоположность не порождаетъ удивленія. Человѣкъ, получающій 50 тысячъ годоваго дохода, есть тоже контрастъ сравнительно съ Ротшильдомъ, но такъ какъ они оба въ отношеніи субъекта составляютъ контрастъ, то перваго контраста онъ совершенно не чувствуетъ. Но, кромѣ объективныхъ контрастовъ, возможны многіе субъективные

Слѣдовательно, подъ субъективнымъ контрастомъ мы разумѣемъ противоположность не между самими объективными впечатлѣніями, а между объективнымъ впечатлѣніемъ и субъективнымъ нашимъ представленіемъ: напримѣръ, мы воображаемъ и ожидаемъ видѣть великолѣпный дворецъ, а на дѣлѣ находимъ скромный домикъ, составляющій контрастъ къ ожидавшемуся впечатлѣнію и домикъ производитъ на насъ дѣйствіе контраста; или мы встрѣчаемъ человѣка огромнаго роста, который далеко превосходитъ обыкновенный средній ростъ, какой мы обыкновенно представляемъ въ людяхъ, и онъ производитъ удивленіе, по закону контраста къ нашему обычному представленію.

Чтобъ объяснить дѣйствіе субъективныхъ контрастовъ, необходимо намъ припомнить сказанное выше о мѣрахъ, которыми мы измѣряемъ встрѣчающіяся впечатлѣнія. Точкою отправленія при измѣреніи служатъ, какъ мы сказали, или привычныя, обыденныя представленія о вещахъ, явленіяхъ и лицахъ, выносимыя нами изъ обыкновеннаго жизненнаго опыта и наблюденія, или изъ прош-

лаго пережитаго, или желаемые размѣры впечатлѣній, или ожидаемые, или просто воображаемые, или наконецъ идеальные и, по нашему мнѣнію, долженствующіе быть. Жизнь, искусство и природа даютъ намъ огромное количество впечатлѣній, составляющихъ контрастъ къ нашимъ мѣрамъ. Въ природѣ мы видимъ, слишкомъ большое или малое, слишкомъ сильное или слабое сравнительно съ тѣмъ, что мы обыкновенно привыкли представлять о вещахъ и явленіяхъ въ ней, или она даетъ намъ несравненно болѣе или менѣе, чѣмъ сколько мы отъ нея ожидали, желали и воображали встрѣтить. Въ искусствѣ мы встрѣчаемъ благородство, низкій эгоизмъ, разсчетъ и благородные порывы, честныя, безчестныя дѣйствія, далеко отстоящія или отъ идеаловъ, которые мы предъявляемъ обществу и людямъ, или превосходящія обыкновенныя представленія ихъ, вынесенныя изъ практическаго наблюденія. Въ обществѣ мы часто сталкиваемся съ фактами, которые въ дурномъ или хорошемъ смыслѣ далеко оставляютъ за собою то, что мы представляемъ обыкновеннымъ, или воображаемъ, желаемъ, ожидаемъ, или требуемъ съ идеальной точки зрѣнія.

Въ субъективныхъ контрастахъ главное—въ разстояніи между объективно даннымъ впечатлѣніемъ и субъективнымъ о немъ представленіемъ. Оно не можетъ быть малое. Судя по тому, что всякій контрастъ по меньшей мѣрѣ возбуждаетъ удивленіе и чувство малости, размѣръ объективно даннаго не можетъ быть менѣе представляемаго, чѣмъ въ 50 разъ, если только субъектомъ чувствуется контрастъ между тѣмъ и другимъ. Такое соотношеніе между наблюдаемымъ и представляемымъ, думаю, составляетъ minimum контраста. При сильныхъ контрастахъ отношеніе можетъ измѣняться до размѣровъ, при которыхъ наблюдаемое будетъ возбуждать большое чувство грандіозности. Такъ какъ вопросъ о дѣйствіи контрастовъ на душу имѣетъ важное значеніе для ученія о возникновеніи чувствованій, то мы подробно разберемъ, въ какой степени и какъ каждая изъ упомянутыхъ мѣръ способствуетъ возникновенію контрастовъ.

Что касается до первой обыкновенной мѣры, извлеченной изъ опыта и наблюденія, то все далеко отстоящее отъ нея in plus или minus, представляющее своего рода крайность, дѣйствуетъ на насъ какъ контрастъ. Отъ сопоставленія съ этою мѣрою объективныя впечатлѣнія получаютъ въ нашихъ глазахъ большую яркость, опредѣленность, выдающуюся рельефность. Мы умственно пробѣгаемъ разстояніе, отдѣляющее наше представленіе отъ даннаго впечатлѣнія. Не будь такой мѣры, послѣднее было бы

принято къ свѣдѣнію и никакого чувствованія удивленія, презрѣнія къ своему объему или своей силѣ не возбуждало бы; при ней мы не только знакомимся съ впечатлѣніемъ, каково оно есть, но и оцѣниваемъ его и смотря по содержанію, характеру его, отвѣчаемъ на него тѣми или другими движеніями сердца. Главное же значеніе разбираемой мѣры заключается въ томъ, что чрезъ нее мы понимаемъ всякого рода объективные контрасты. Мы видѣли, что въ вещахъ и предметахъ, о которыхъ мы не имѣемъ никакого представленія, для насъ не существуетъ контрастовъ. Необходимо имѣть знакомство съ ними, чтобы понимать, что чему и въ какой степени противоположно. Притомъ, контрастъ не оцѣнивается нами, когда оба факта, образующіе его, составляютъ также контрастъ хотя въ различной степени, но въ одномъ направленіи, къ нашему представленію: необходимо, чтобы или только одно изъ нихъ составляло контрастъ къ послѣднему, или даже оба, но въ разныхъ направленіяхъ. Въ первомъ случаѣ, значитъ, наше представленіе будетъ родственно одному члену контраста, а другому противоположно, во второмъ— оно противоположно обоимъ членамъ его.

Почему, спрашивается, имѣетъ мѣсто, при дѣйствованіи контрастовъ, такое условіе, что оба члена его, или одинъ изъ нихъ, должны быть до нѣкоторой степени противоположны представленію субъекта, которое онъ прилагаетъ къ соотвѣтствующимъ вещамъ, какъ обыкновенную мѣру? Потому, что въ противномъ случаѣ субъектъ не въ состояніи былъ бы правильно судить о разстояніи между двумя членами контраста. Все равно, какъ разстоянія между двумя отдаленными въ одномъ направленіи предметами скрадываются для субъекта, наблюдающаго ихъ издали, всего же лучше разстояніе между предметами замѣчается имъ въ томъ случаѣ, когда онъ находится на одномъ изъ пунктовъ линіи, соединяющей оба предмета, такъ и въ контрастахъ вообще: наиболѣе вѣрно и глубоко дѣйствуютъ тѣ изъ нихъ, которые могутъ измѣряться соотвѣтствующимъ представленіемъ субъекта. Имъ послѣдній измѣряетъ разстояніе между членами контраста. Такъ, своимъ экономическимъ положеніемъ, субъектъ измѣряетъ контрасты имущественныхъ состояній. Для меня непонятны контрасты между лицами, стоящими экономически ниже меня, равно и между стоящими выше, хотя они несомнѣнно есть; понятны лишь тѣ, между членами которыхъ я стою, или покрайней мѣрѣ къ одному изъ членовъ которыхъ очень близокъ: такъ, я понимаю контрастъ

между собою и бѣднѣйшимъ человѣкомъ, или богатѣйшимъ въ Петербургѣ, между богатѣйшимъ и бѣднѣйшимъ, или человѣкомъ нѣсколько богаче или бѣднѣе меня и бѣднѣйшимъ или богатѣйшимъ. Понятенъ намъ контрастъ между благородствомъ и низостію, между большими разстояніями въ нравственномъ отношеніи, потому что ихъ мы измѣряемъ нашимъ обычнымъ понятіемъ о себѣ, о людяхъ. Руководясь своимъ понятіямъ и представленіемъ о власти, мы измѣряемъ контрасты между тѣмъ, что ниже насъ и выше, между своимъ и низменными положеніями въ Іерархіи власти или высшими, но намъ мало понятны контрасты между двумя высшими степенями ея или нисшими, сравнительно съ нашей. Такъ какъ въ зрѣломъ и развитомъ человѣкѣ существуютъ представленія и понятія объ огромномъ количествѣ предметовъ вещей, лицъ, то, благодаря имъ, онъ способенъ понимать огромное количество контрастовъ, какъ въ природѣ, обществѣ человѣческомъ, такъ и искусствѣ. Источникомъ чрезвычайно многихъ субъективныхъ контрастовъ служатъ мѣры, выносимыя изъ прошлаго. Человѣкъ, живущій воспоминаніями изъ прошлаго и измѣряющій ими дѣйствительность, весьма часто испытываетъ контрастъ между фактическими впечатлѣніями и представленіями прошлаго, съ которыми онъ ихъ сравниваетъ. Старецъ, постоянно прилагающій прошлые пережитые взгляды, прежній складъ жизни, привычки, воззрѣнія къ своему настоящему, грустно чувствуетъ огромное разстояніе между собою и дѣйствительностію. Человѣкъ, ниспавшій съ высшаго общественнаго положенія или неожиданно быстро поднявшійся по лѣствицѣ Іерархіи, принося съ собою или слишкомъ высокую или малую, низкую мѣру въ своихъ представленіяхъ и понятіяхъ, живо чувствуетъ контрастъ между нею и явленіями, окружающими его, оказывающимися несоразмѣрно малыми или великими для него.

Бываютъ контрасты между ожидаемымъ и воображаемымъ и дѣйствительно совершающимся. Мы говоримъ: между ожидаемымъ и воображаемымъ, потому что чего мы ожидаемъ, то заранѣе представляемъ и воображаемъ. Наши ожиданія даютъ поводъ къ переживанію многочисленныхъ контрастовъ. Во первыхъ, мы можемъ ожидать благопріятнаго для себя событія, а между тѣмъ случается неблагопріятное: наприм. человѣкъ ожидалъ выгоды, пользы для себя отъ предпріятія, а вышла неудача, большая потеря, или ожидалъ отъ союза съ другимъ лицомъ увеличенія счастія, а между тѣмъ на дѣлѣ оказалось несчастіе; такія собы-

тія составляютъ контрастъ къ его ожиданіямъ и производятъ глубокое впечатлѣніе, глубокое въ той степени, какъ велики и высоки были его ожиданія. Можетъ случиться и на оборотъ. Субъектъ ожидаетъ горя, несчастья, но дѣйствительность можетъ дать пріятное радостное впечатлѣніе. Тогда, по причинѣ контраста къ ожиданію, субъектъ глубоко чувствуетъ радость и свое счастіе. Во вторыхъ, можетъ быть и такое соотношеніе между ожиданіями и дѣйствительностію, что субъектъ ожидалъ minimum удовольствія, а надѣлѣ оно получилось большихъ размѣровъ, или ожидалъ maximum, а случился minimum: и это же бываетъ съ непріятностями. Мнѣ думается, что къ категоріи контрастовъ же слѣдуетъ отнести и тѣ случаи, когда пылкія ожиданія совершенно не исполняются на дѣлѣ, т. е. ничего соотвѣтствующаго имъ не случается, равно, когда ничего не ожидающій субъектъ вдругъ встрѣчается съ сильнымъ и энергичнымъ впечатлѣніемъ. Извѣстно, какое глубокое разочарованіе испытывается всякимъ, кто ожидалъ видѣть, слышать, получить многое, а на дѣлѣ ничего не видалъ, не слыхалъ, ничего не получилъ. Особенно, если ожиданіе было крѣпко и сильно до степени надежды и ничего соотвѣтствующаго ему не случается, то нуль въ дѣйствительности и большая ожидаемая величина составляютъ большой контрастъ, производящій глубокое впечатлѣніе. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о неожиданныхъ впечатлѣніяхъ. Хотя мы иногда не отдаемъ себѣ въ томъ отчета, но находясь въ извѣстной, знакомой обстановкѣ, мы всегда знаемъ приблизительно рядъ могущихъ представиться впечатлѣній и хотя спеціально не ожидаемъ никакого опредѣленнаго событія, но уже такъ настроиваемся, что обыкновенныя впечатлѣнія, не выходящія изъ обычнаго круга этой обстановки, хотя бы они были по содержанію, но не по роду своему, новы, не застаютъ насъ неподготовленными и мы ими не тревожимся, какъ будто мы ихъ ожидали. Но когда впечатлѣніе по роду своему ново и необычно при окружающей обстановкѣ, то оно является неожиданнымъ для насъ, потому что о немъ мы не думали, не могли думать и ожидать его въ данномъ положеніи. Если при томъ оно до нѣкоторой степени энергично, наприм. неожиданный сильный крикъ, шумъ, мгновенное появленіе блестящаго предмета, или необычный сильный запахъ, взрывъ чувства въ собесѣдникѣ нашемъ, то оно дѣйствуетъ по закону контраста, т. е. глубоко, и является живымъ противорѣчіемъ и противоположностію къ окру-

жающей мирной обстановкѣ и нашимъ ожиданіямъ спокойныхъ и мирныхъ впечатлѣній.

И желанія наши служатъ, съ своей стороны, источникомъ контрастовъ. Во 1-хъ, можно желать выгоднаго, пріятнаго, шутливаго, или отвѣта на любовь, вражду, желать похвалъ и т. д., а дѣйствительность приноситъ вредное и непріятное, вмѣсто желаемой любви ненависть, вмѣсто дружбы вражду, порицаніе, горе и т. п. Равно какъ и на оборотъ, субъектъ сильно не желаетъ и отвращается отъ ожидаемаго впечатлѣнія, а вмѣсто того онъ получаетъ въ дѣйствительности пріятное, чего онъ навѣрное сильно желалъ бы, если бы хотя что нибудь обнадеживало его въ успѣхѣ стремленія. Здѣсь разстояніе между желаемымъ или нежелаемымъ и дѣйствительностію огромное и впечатлѣніе дѣйствуетъ какъ контрастъ къ нашему желанію. Во 2-хъ, сильныя и пылкія желанія могутъ удовлетворяться гораздо менѣе, чѣмъ въ половину, или только въ ничтожной долѣ и тогда дѣйствительность явится контрастомъ къ нимъ.

Само собою разумѣется, что идеальныя мѣры, прилагаемыя къ реальности, неизбѣжно должны служить поводомъ къ возникновенію разнообразныхъ контрастовъ. Какъ мало въ реальномъ мірѣ человѣкъ встрѣчаетъ явленій, лицъ и предметовъ, удовлетворяющихъ эстетическимъ нравственнымъ требованіямъ! Какъ глубока пропасть раздѣляющая что должно быть отъ того, что есть! Куда бы человѣкъ, идеально настроенный, ни пошелъ съ своею мѣрою, онъ вездѣ встрѣтитъ контрасты. Жизнь представляетъ множество лицъ, которыя составляютъ живое отрицаніе и противоположеніе тому, чѣмъ они должны были бы быть на такомъ или другомъ общественномъ постѣ, представляетъ множество дѣйствій, прямо противоположныхъ нравственнымъ требованіямъ. Въ себѣ самомъ такой субъектъ найдетъ множество сторонъ, дѣйствій, намѣреній, составляющихъ яркій контрастъ тому, чѣмъ ему слѣдовало бы быть. Картина общественнаго быта съ его зломъ, неправдою, кривдою всякого рода рѣзко противорѣчитъ идеальному общественному строю. Много ли идеально относящійся ко всему человѣкъ найдетъ въ литературѣ и искусствѣ идеальныхъ типовъ, или идеально искусныхъ изображеній дѣйствительности. Наконецъ и природа съ множествомъ страданій, которыя она насылаетъ на живыя существа, съ ея вредными вліяніями на здоровье ихъ, съ смертію и разрушеніемъ, на которое она обрекаетъ все въ ней

находящееся, развѣ не составляетъ контраста къ тому, что собственно желалось бы, какъ идеалъ? Такъ какъ разстояніе между идеалами и дѣйствительностію, можно сказать, неизмѣримо, то нигдѣ контрастъ не бываетъ такъ силенъ, какъ при сопоставленіи идеальнаго съ реально даннымъ.

Степени контрастовъ.

Какъ субъективные, такъ и объективные контрасты могутъ быть различной силы. Она прямо пропорціональна разстоянію между двумя его членами. Послѣднее же условливается степенью противоположности между ними. Наиболѣе сильный по этому контрастъ бываетъ между двумя крайностями, противоположными одна другой, наприм. между maximum'ами, взаимно отрицающими себя: между высокимъ нравственнымъ подвигомъ и вопіющимъ беззаконіемъ, между истиною и ложью, между идеаломъ красоты и самымъ сильнымъ безобразіемъ, зломъ и добромъ. Въ природѣ и жизни почти не встрѣчаются полные контрасты. Самыя далекія крайности даются только идеально и въ дѣйствительности не могутъ встрѣтиться. Но искусство можетъ въ своихъ изображеніяхъ приближаться къ нимъ: въ музыкѣ, живописи, поэзіи противополагаются крайности гармоніи и дисгармоніи, красоты и безобразія, добра и зла. Наиболѣе совершенные контрасты, слѣдовательно, могутъ быть даны только идеальною мѣрою; когда мы данное въ жизни и природѣ сопоставляемъ съ идеалами, несовершенство первыхъ рѣзко противополагаемъ совершенству вторыхъ. De facto мы противополагаемъ идеалы только болѣе или менѣе сильнымъ (но никакъ не крайнимъ) обнаруженіямъ лжи, безобразія, зла, такъ что одинъ членъ контраста представляетъ дѣйствительно идеальное maximum, другой же членъ только одну изъ формъ противоположнаго ему начала, иногда даже и не особенно сильную по степени напряженія. И такіе контрасты все таки принадлежатъ къ разряду сильнѣйшихъ, къ первой категоріи.

Въ контрастахъ перваго разряда разстояніе между противоположными сравниваемыми членами равняется двумъ разстояніямъ: отъ maximum къ minimum одного члена его и отъ minimum къ maximum другого; въ менѣе совершенныхъ и менѣе полныхъ отдаленность членовъ одного отъ другого во всякомъ

случаѣ гораздо большая, чѣмъ на одно разстояніе. Слѣдующая степень контраста будетъ та, которая дается maximum'омъ напряженія одной противоположности и minimum'омъ другой; наприм. между идеальною красотою и фигурою, которая только что можетъ быть названа нѣсколько безобразною, или между крайнимъ безобразіемъ и предметомъ, который едва можетъ быть признанъ красивымъ, между большимъ нравственнымъ подвигомъ и слабымъ обнаруженіемъ лукавства и эгоизма, между грандіознымъ богатствомъ и не совсѣмъ достаточнымъ человѣкомъ. Къ этой же второй категоріи контрастовъ слѣдуетъ отнести и тѣ случаи, когда чрезмѣрно сильныя ожиданія, крѣпкая надежда или желаніе совершенно не выполняются на дѣлѣ. Горячо желавшій извѣстнаго впечатлѣнія или сильно ожидавшій и крѣпко надѣявшійся на что либо субъектъ, когда дѣйствительность совсѣмъ не выполняетъ его ожиданій, надеждъ, желаній, невольно измѣряетъ умственно огромное разстояніе между ними и дѣйствительностію. Иногда размѣры ожидаемаго, желаемаго бываютъ огромны и тогда нуль дѣйствительности, сравнительно съ величинами ожидавшимися или желавшимися, кажется контрастомъ къ нимъ. Но даже и въ томъ случаѣ, когда эти величины невелики, но субъектъ очень глубоко обнадеженъ, что онѣ непремѣнно будутъ даны реально, онъ живо чувствуетъ контрастъ дѣйствительности, не признающей его желаній и ожиданій, къ той, которую онъ воображалъ, надѣялся, и сильно желалъ найти. Какъ встрѣча съ фактомъ, котораго субъектъ не ожидалъ и котораго существованія не подозрѣвалъ, производитъ въ немъ глубокое впечатлѣніе, потому что бытіе его есть отрицаніе и контрастъ къ его крѣпкому убѣжденію и его надеждамъ, такъ неосуществленіе надеждъ, сильныхъ желаній, тоже производитъ глубокое впечатлѣніе, такъ какъ не бытіе здѣсь составляетъ также контрастъ къ рѣшенному, предположенному, ожидавшемуся и желанному бытію. Всѣ такого рода контрасты составляютъ вторую категорію, меньшую по своимъ разстояніямъ, чѣмъ первая.

Третью категорію контрастовъ составляютъ maximum и minimum одного качества, дѣятельности, слѣдовательно, равняющіеся только одному разстоянію между крайностями и при томъ не противорѣчащими одна другой. Такъ, крайности экономическаго положенія: бѣдности и богатства, ума — глубина его и поверхностность, остроуміе и тупоуміе, крайности общественнаго положенія: главнокомандующій и солдатъ, министръ и писецъ, и

т. д. составляютъ между собою контрастъ. Противорѣчія между двумя фактами здѣсь нѣтъ, но одна крайность есть maximum напряженія силы, дѣятельности, великости положенія, а другая въ томъ же родѣ есть minimum.

Могутъ ли быть контрасты меньшей силы, т. е. меньшей, чѣмъ на одно разстояніе, отдаленности одного члена его отъ другого? Искусство для большого оттѣненія типовъ, картинъ, допускаетъ иногда сопоставленія съ болѣе малыми разстояніями. Жизнь и природа представляютъ впечатлѣнія, довольно далеко отстоящія одно отъ другого по степени и качеству, однако, не на все разстояніе maximum'а отъ minimum'а, тѣмъ не менѣе дѣйствующія на насъ какъ контрасты: наприм. въ комедіи и драмѣ выводятся два типа честности, одинъ довольно высокой степени, но далеко не идеальный, другой малой, но далеко не minimum ея, богатый и бѣдный, далеко не крайніе представители богатства и бѣдности; въ жизни поражаютъ насъ далекія по разстоянію одна отъ другой степени силъ и совершенствъ духовныхъ, какъ и въ природѣ весьма разныя по величинѣ, энергіи, явленія: наприм. ручей и большая рѣка, малый холмъ и высокая гора, слабые и сильные удары грома и т. д.

И такія сопоставленія необходимо признать также контрастами. Въ тѣхъ свойствахъ, дѣятельностяхъ, положеніяхъ, величинахъ, достоинствѣ и цѣнности и т. д., въ которыхъ maximum и minimum отстоятъ одно отъ другого на большое разстояніе, контрасты могутъ быть допускаемы меньшей отдаленности, чѣмъ на все разстояніе отъ maximum до minimum. Однако, мы знаемъ, что здѣсь должны быть предѣлы, далѣе которыхъ сопоставленные предметы болѣе напоминаютъ другъ друга, чѣмъ кажутся контрастами, или такъ мало оттѣняютъ одинъ другого, что производятъ одно впечатлѣніе различія, но никакъ не контраста.

Я думаю, что эти предѣлы могутъ быть отысканы. Сущность дѣйствія контраста состоитъ въ томъ, что при немъ одинъ членъ его кажется огромнымъ, тогда какъ другой очень малымъ и далекимъ отъ него. Слѣдовательно, одинъ производитъ впечатлѣніе грандіозности сравнительно съ другимъ, а этотъ другой возбуждаетъ чувство малости или мизерности. Такія чувства возбуждаются членами контраста не самими по себѣ, безотносительно, но только сравнительно: одинъ является великимъ сравнительно съ другимъ, и послѣдній малымъ сравнительно съ первымъ; но очень можетъ быть, что ни первый самъ по себѣ не громаденъ,

ни второй не малъ. Въ романѣ выведенный на сцену богачъ, получающій 50 т. годоваго дохода, и чиновникъ, живущій одною тысячью — не суть одинъ грандіозенъ, другой мизеренъ для читателя, имѣющаго 6 тысячъ дохода, но сопоставленные вмѣстѣ и измѣряемые одинъ другимъ, они возбуждаютъ оба упомянутыя чувствованія. Различной честности дѣятели, выведенные на сцену, сопоставленные вмѣстѣ, произведутъ на зрителя впечатлѣніе контраста: одинъ будетъ казаться великимъ, другой низкимъ въ нравственномъ отношеніи только относительно другъ друга; сами же по себѣ оба могутъ не имѣть права на такіе эпитеты.

Но мы знаемъ, при какихъ условіяхъ возникаютъ чувства малости и грандіозности: первое является, когда наблюдаемый предметъ менѣе прилагаемой мѣры около 50 разъ, второе напротивъ, когда предметъ превосходитъ обыкновенные размѣры (что каждый субъектъ опредѣляетъ по своему) также въ 50 разъ. Слѣдовательно, члены контраста должны соотноситься одинъ къ другому по энергіи или степени напряженія, по своимъ размѣрамъ, какъ 1 : 50: наприм., человѣку, получающему 1 тысячу дохода можно противопоставить лицо съ 50 т., или освѣщеніе въ 50 свѣчей будетъ составлять контрастъ къ освѣщенію равнаго пространства съ одною свѣчею. Возмужалому человѣку, поднимающему одною рукою 100 фунтовъ можно противопоставлять, какъ контрастъ, ребенка, поднимающаго два фунта. Члены контраста, самаго малаго, должны находиться другъ съ другомъ въ отношеніяхъ малаго къ грандіозному.

Я пробовалъ дѣлать наблюденія надъ звуками фортепіано. Звуки могутъ такъ далеко отстоять одинъ отъ другого по своей высотѣ, что произведутъ впечатлѣніе контрастовъ. Необходимо при опытѣ брать тоны тожественные, наприм. до или ля, только въ разныхъ октавахъ. По моему наблюденію оказалось, что разстояніе между тонами въ три-четыре и даже пять октавъ не даетъ контраста. Если взять два до, отстоящія на пять октавъ, то уху покажется, что они различны, но еще не противоположны, но два до, раздѣленныя шестью октавами, особенно если заставлять ихъ звучать одно послѣ другого, кажутся по высотѣ контрастомъ одно къ другому. Отношеніе же дрожаній до первой октавы къ до — шестой такое же, какъ 1 : 62, къ до пятой — 1 : 32. Въ тонахъ, слѣдовательно, можно найти нѣкоторое фактическое подтвержденіе высказаннаго нами предположенія, что впечатлѣ-

нія кажутся контрастами лишь въ томъ случаѣ, если они относятся взаимно, почти какъ 1 : 50.

Итакъ сила контрастовъ бываетъ различна, начиная съ вышеуказаннаго minimum его и кончая самымъ сильнѣйшимъ между maximum'ами двухъ противоположныхъ качествъ. Какъ мы сказали, можно различить четыре категоріи: къ первой мы относимъ всѣ контрасты, члены которыхъ или равняются двумъ разстояніямъ или взаимно отстоятъ болѣе, чѣмъ на одно разстояніе; ко второй тѣ, члены которыхъ только что переступаютъ цѣлое разстояніе, относясь взаимно какъ maximum и minimum противоположныхъ качествъ; къ третьей относятся контрасты, равняющіеся цѣлому разстоянію между maximum и minimum напряженія одного и того же качества и наконецъ, къ четвертой категоріи мы относимъ контрасты, члены котораго отстоятъ менѣе, чѣмъ на цѣлое разстояніе.

Разстоянія членовъ контраста, опредѣляющія силу ихъ, не суть постоянныя пріуроченныя непремѣнно къ maximum или minimum, они могутъ быть между произвольно взятыми степенями напряженія противоположныхъ качествъ, или даже одного и того же качества, свойства дѣятельности. Говоря о категоріяхъ контрастовъ, мы указываемъ только возможныя величины разстояній между членами ихъ; de facto они могутъ браться на всемъ протяженіи двухъ противоположностей: наприм. контрастъ первой степени равняется болѣе, чѣмъ одному, разстоянію между maximum и minimum, поэтому, возьмемъ-ли мы среднее напряженіе качества и maximum противоположнаго ему, или $^3/_4$ напряженія одного свойства и среднее противоположнаго ему — въ этихъ обоихъ случаяхъ контрастъ будетъ первой категоріи. Въ контрастѣ третьей степени отдаленность членовъ равняется одному разстоянію: оно можетъ быть взято между maximum и minimum одного и того же качества, между среднимъ напряженіемъ одного качества и среднею же степенью противоположнаго ему, между нисшими степенями одного и высокими степенями противоположнаго ему. Сила контраста во всѣхъ подобныхъ сопоставленіяхъ равняется одному цѣлому разстоянію. Наконецъ, самые малые контрасты могутъ браться произвольно на протяженіи одного качества, свойства, дѣятельности, и одно и тоже протяженіе можетъ давать ихъ въ неограниченномъ количествѣ.

Дѣйствіе контрастовъ на сердце.

Постараемся опредѣлить дѣйствіе контрастовъ на сердце. Сущность его состоитъ въ томъ, что въ немъ сопоставляются два предмета или представленія, далеко отстоящія одно отъ другого и потому кажущіяся наблюдателю противоположностями. Какое же дѣйствіе на него оказываетъ сопоставленіе противоположностей? Оба предмета указываютъ ему другъ на друга и каждый служитъ мѣрою для измѣренія другого. Идя въ наблюденіи отъ maximum къ minimum наблюдатель первымъ измѣряетъ послѣднее и въ немъ является чувство малости, мизерности: онъ привлекается къ нему или глубоко презираетъ, смотря по качеству его содержанія, и обратно, наблюдатель идетъ отъ малаго къ великому и получаетъ чувствованія грандіозности, по меньшей мѣрѣ, первой степени. Слѣдовательно, почти одновременно, или въ тѣсномъ преемствѣ, у него развиваются два глубокихъ чувствованія: малости и величія или грандіозности. Съ другой стороны, такъ какъ впечатлѣнія имѣютъ самостоятельное содержаніе, и притомъ имѣющее прямое значеніе для человѣческаго сердца—эстетическое, нравственное, горестное, радостное, ужасное и т. далѣе, то, смѣняясь по контрасту, каждое изъ нихъ, измѣряемое другимъ, чувствуется наблюдателемъ съ особою силою. Не говоримъ про контрасты первой степени: при разстояніяхъ въ нихъ, сопоставляемыя впечатлѣнія кажутся относительно огромными. Человѣкъ, который имѣетъ возможность выбрать способъ дѣйствія, могшій привести его къ великому счастію, но de facto выбравшій путь, приведшій его къ несчастію, навѣрно усиленно страдаетъ отъ представляемаго контраста. Съ одной стороны, онъ думаетъ о великомъ своемъ несчастіи, съ другой—о возможномъ, но недостигнутомъ счастіи: сопоставляемыя вмѣстѣ, счастіе кажется огромнымъ по степени блаженствомъ, несчастіе—огромнымъ бѣдствіемъ; то и другое чрезвычайно увеличиваются въ силѣ, степени въ глазахъ субъекта и возбуждаютъ соотвѣтственно глубокія чувствованія. Но и въ контрастахъ второй, третьей и даже послѣдней степени одно содержаніе также соизмѣряется другимъ и потому одно кажется чрезвычайно слабымъ, а другое чрезвычайно сильнымъ и такъ какъ они могутъ быть сложны, имѣть эстетическій, нравственный, радостный и печальный характеръ, то чувствова-

нія возбуждаются увеличенныя, какъ высокія положительныя, такъ и низменныя отрицательныя.

Поэтому, впечатлѣнія, которыя, сами по себѣ отдѣльно взятыя, не возбуждали бы никогда никакихъ чувствованій, или только слабыя, ставъ членами контраста, возбуждаютъ ихъ въ высокой степени. Наприм., русскій человѣкъ, живущій въ глуши Новгородской губерніи, привыкнувъ къ окружающей обстановкѣ, можетъ вовсе не подозрѣвать, что кругомъ его бѣдняки и что эта обстановка есть среда нищеты и бѣдности. Побывавъ въ богатой Франціи, Англіи, онъ сопоставляетъ Новгородскую губернію съ ними и казавшаяся обыкновенною, ни богатою ни бѣдною, среда начинаетъ ему казаться необыкновенно скудною, а богатыя страны необыкновенно могущественными и богатѣйшими: онъ удивляется послѣднимъ и завидуетъ имъ. Отъ сопоставленія и контраста онъ получилъ два чувствованія, глубоко его взволновавшихъ, которыхъ прежде не имѣлъ и безъ контраста никогда бы не имѣлъ. Небогатый, недостаточный человѣкъ, сопоставляя себя съ грандіозными богачами, является себѣ, какъ контрастъ къ послѣднимъ: измѣряя собою богача, онъ удивляется ему и питаетъ чувство грандіозности, измѣряя себя имъ, онъ чувствуетъ свою мизерность и малость; не будь сопоставленія контраста, онъ не имѣлъ бы этихъ обоихъ чувствованій. Это особенно важно, когда сопоставляются среднія напряженія двухъ взаимно противоположныхъ качествъ: мы беремъ средняго размѣра богатаго человѣка, и бѣдняка, не самаго уже бѣднаго, но также средней степени бѣдности. Отдѣльно взятые, они составляютъ въ нашей русской средѣ обыкновенныя явленія, къ которымъ мы привыкли до того, что не обращаемъ на нихъ вниманія. Однако, выведенные на сцену, они именно потому, что являются вмѣстѣ, заставляетъ насъ соизмѣрять себя взаимно, и относительно одинъ является грандіознымъ богачемъ, а другой мизернымъ бѣднякомъ. Вниманіе наше невольно сосредоточивается на нихъ оттого, что взятые отдѣльно и изолированно, они суть обыденныя впечатлѣнія, но въ сопоставленіи они являются, какъ значительные факты, возбуждающіе глубокія чувствованія.

Сказанное нами относится преимущественно къ объективнымъ контрастамъ, но это же самое слѣдуетъ замѣтить и о субъективныхъ. И въ нихъ есть сопоставленіе субъективно представляемаго, какъ чего-то обыкновеннаго и обыденнаго, ожидаемаго, желаемаго, идеальнаго съ реально данными впечатлѣніями и так-

же при этомъ происходитъ измѣреніе послѣднихъ первыми. Не маловажная разность субъективныхъ контрастовъ отъ объективныхъ состоитъ въ томъ, что въ первыхъ сравниваніе происходитъ только въ одномъ направленіи: мы сравниваемъ фактически осуществившееся съ размѣрами желаемаго и ожидавшагося и смотря по тому, какъ находимъ реально данное—превосходящимъ или недостигающимъ, или вообще различнымъ отъ субъективныхъ образцовъ для сравненія, мы развиваемъ соотвѣтствующія чувства. Наша мысль здѣсь идетъ отъ факта къ представленію; но такъ какъ у насъ нѣтъ при этомъ интереса въ оцѣнкѣ самой нашей мѣры, то есть, своего представленія, то мысль не идетъ отъ представленія къ факту. Такая односторонность субъективныхъ контрастовъ не препятствуетъ имъ быть истинными контрастами: они производятъ свое дѣйствіе. Впечатлѣніе, взятое отдѣльно, не производило бы никакого вліянія на сердце, но составляя въ томъ или другомъ отношеніи контрастъ къ нашему субъективному образцу, оно получитъ значеніе для чувства: напримѣръ, субъектъ ожидалъ малой прибыли отъ предпріятія, а получилъ неожиданно большую. Сама по себѣ, безъ предшествовавшаго ожиданія, она была бы, можетъ быть, только принята къ свѣдѣнію, но сопоставленіе ея съ размѣрами ожидавшагося дѣлаетъ ее грандіозною въ глазахъ субъекта и конечно, сильно волнуетъ его сердце. Правда, что дѣйствительность рѣдко даетъ факты, въ грандіозныхъ размѣрахъ превосходящіе наши ожиданія или желанія; но удовлетворяетъ она ихъ весьма часто только въ мизерныхъ размѣрахъ и въ этихъ случаяхъ она дѣйствуетъ на насъ, какъ контрастъ къ нашему представленію. Это бываетъ особенно тогда, когда мы приступаемъ къ ней съ идеальными требованіями. Всего же обыкновеннѣе въ ней такого рода стеченія обстоятельствъ, что de facto совершается противное тому, что мы желаемъ, ожидаемъ и воображаемъ, и событія дѣйствуютъ на насъ какъ болѣе или менѣе рѣзкій контрастъ.

Какое же дѣйствіе производитъ контрастъ на чувство? По существу своему, онъ долженъ производить дѣйствіе по преимуществу глубокое. Оно можетъ быть и сильнымъ вмѣстѣ, и весьма часто контрасты производятъ глубокое и сильное впечатлѣніе. Но сила въ нихъ происходитъ отъ особыхъ условій, которыя чаще сопутствуютъ контрасту, чѣмъ отсутствуютъ. Собственно же, онъ способенъ производить дѣйствіе по преимуществу глубокое. Сопоставленіе противоположностей, крайностей, или далеко отстоя-

щихъ одинъ отъ другого типовъ, объемовъ какъ бы искусственно возвышаетъ впечатлѣнія и чувствованія развиваются болѣе высокихъ степеней, чѣмъ какія возникли бы, если бы впечатлѣніе дѣйствовало на субъекта изолированно, безъ сопоставленія съ другимъ. Милосердіе рядомъ съ жестокостію, глупость съ большимъ умомъ, нравственная сила съ безнравственною, богатство рядомъ съ бѣдностію, любовь съ ненавистію, страшное и ужасное рядомъ съ шуткою возбуждаютъ чувствованія несравненно высшей степени, чѣмъ какой возбуждали бы они безъ сопоставленія съ своими противоположностями. Такъ какъ наименьшій по силѣ контрастъ требуетъ, чтобы одинъ членъ его относился къ другому, какъ 1 : 50, то онъ всегда возбуждаетъ чувствованія высшихъ степеней. Чрезъ контрастъ намъ доступны такія глубины ихъ, какія, быть можетъ, никогда не возбуждались бы одиночными впечатлѣніями. Поэтому искусство, которое стремится вообще къ тому, чтобы произвести глубокое впечатлѣніе на наблюдателя, постоянно употребляетъ контрастъ, какъ средство, наиболѣе вѣрно достигающее упомянутой цѣли.

Итакъ, насколько дѣло касается впечатлѣній, дѣйствующихъ на сердце, массивныя и объемныя впечатлѣнія, объединяемыя субъектомъ въ одно цѣлое, съ другой стороны, данныя въ порядкѣ контраста, производятъ по преимуществу глубокое дѣйствіе. Посмотримъ теперь, когда впечатлѣнія производятъ сильное дѣйствіе на сердце.

Вліяніе продолжительности и силы впечатлѣній на чувствованія.

Факты убѣждаютъ насъ, что сила чувствованій, на сколько то зависитъ отъ впечатлѣній, зависитъ отъ продолжительности и энергіи дѣйствованія ихъ.

Впечатлѣнія, дѣйствующія болѣе или менѣе продолжительное время на субъекта, производятъ въ немъ сильныя движенія сердца. Если взять два равныхъ по энергіи впечатлѣнія, то различіе въ силѣ, производимыхъ ими, чувствованій будетъ прямо пропорціонально количеству времени, въ продолженіи котораго каждое изъ нихъ дѣйствовало.

Чувственныя наслажденія и страданія всѣ возрастаютъ въ силѣ, если впечатлѣніе дѣйствуетъ съ нѣкоторою продолжитель-

костію. Отъ того, что на языкѣ нѣкоторое время пролежитъ сладкое тѣло, удовольствіе не становится глубже, но оно становится сильнѣй, чѣмъ было бы, еслибъ языкъ соприкасался со сладостію болѣе короткое время. Удовольствіе эстетическое возрастаетъ не въ глубинѣ, а въ силѣ отъ того, что субъектъ долго слушаетъ музыку, долго созерцаетъ картину, статую, архитектурное произведеніе. Наслажденіе не можетъ стать глубже вслѣдствіе продолжительности дѣйствія впечатлѣнія: его степень опредѣляется первыми моментами наблюденія и дальнѣйшіе за тѣмъ не могутъ поднять его выше ни на одну іоту. Когда впечатлѣніе дѣйствуетъ не долго, то чувствованіе бываетъ опредѣленной глубины, но слабо по энергіи; отъ продолжительнаго же дѣйствованія оно возрастаетъ въ своей силѣ, хотя не углубляется. Продолжительное созерцаніе прекраснаго произведенія искусства или природы усиливаетъ внутреннюю агитацію наблюдателя. Степень умственнаго наслажденія, доставляемаго книгою, умнымъ человѣкомъ, опредѣляется сразу при первомъ знакомствѣ съ ними; дальнѣйшія сношенія съ нимъ, повторительное чтеніе не углубятъ наслажденія, но безъ сомнѣнія могутъ увеличить его энергію. Нѣжныя чувствованія усиливаются отъ непрерывнаго продолжительнаго дѣйствованія симпатическихъ сторонъ другихъ существъ на субъекта: такъ, любовь увеличивается въ силѣ отъ общенія съ любимымъ предметомъ, равно и дружба крѣпнетъ отъ продолжительныхъ дружескихъ бесѣдъ, грусть—отъ сосредоточенія ума на потерѣ дорогаго существа, гнѣвъ и ненависть возрастаютъ съ страшною силою, если ненавистное и раздражающее лицо, или противленіе нашей волѣ продолжаютъ дѣйствовать не отступно на субъекта. Страхъ усиливается отъ того, что впечатлѣніе, внушающее ужасъ, не перестаетъ устрашать. Отъ долгаго и непрерывнаго сосредоточенія на предметѣ удивленія возрастаетъ и усиливается энергія этого чувства, равно какъ отъ того, что человѣкъ долго и непрерывно думаетъ о нарушенномъ долгѣ, усиливается сила угрызеній совѣсти. Ожидающій тѣмъ болѣе агитируется въ моментъ ожиданій, чѣмъ болѣе онъ думаетъ о томъ, что будетъ и какъ будетъ. Всѣ чувствованія вообще возрастаютъ въ энергіи отъ того, что впечатлѣнія дѣйствуютъ на субъекта непрерывно въ продолженіи нѣкотораго времени.

Очевидно, движенія сердца ведутъ себя иначе, чѣмъ простыя ощущенія, при подобныхъ условіяхъ. Послѣднія отъ продолжительнаго дѣйствія впечатлѣній не наростаютъ въ своей силѣ: ощу-

щеніе сладкаго не станетъ сильнѣе отъ того, что языкъ долго соприкасается съ сладкимъ предметомъ; красный цвѣтъ поверхности не станетъ краснѣе отъ того, что глазъ долго смотритъ на нее, равно и тонъ не дѣлается энергичнѣй, когда нѣкоторое время мы со вниманіемъ слушаемъ его. По анологіи физическимъ явленіямъ слѣдовало бы ожидать противнаго: скорость паденія тѣла возрастаетъ по квадратамъ, потому что сила, пріобрѣтенная тѣломъ въ предшествующій моментъ суммируется съ силою, пріобрѣтаемою имъ въ послѣдующій; при непрерывномъ и продолжительномъ наблюденіи предмета, сила ощущенія одного момента, повидимому, должна была бы соединяться съ силою ощущенія въ послѣдующій моментъ. Этого, однако, не бываетъ, отчасти вслѣдствіе разсѣянія нервнаго возбужденія, отъ силы котораго зависитъ и сила ощущенія, отчасти отъ причинъ, доселѣ не выясненныхъ. Чувствованія ведутъ себя иначе. Они увеличиваются въ силѣ, конечно, до извѣстнаго предѣла, если впечатлѣніе продолжаетъ непрерывно дѣйствовать на сердце и въ нихъ энергія, достигнутая ими въ одинъ моментъ, какъ будто суммируется съ энергіей послѣдующаго момента, почему для нихъ и возможно возрастаніе въ силѣ только отъ одной непрерывности дѣйствія впечатлѣнія, остающагося постояннымъ въ своемъ напряженіи. Въ отношеніи глубины чувствованіе отъ этой причины ничего пріобрѣсти не можетъ, если качество и внутренняя цѣна впечатлѣнія отъ продолжительнаго наблюденія субъектомъ не измѣняется, но въ силѣ, энергіи оно выигрываетъ много. Впечатлѣнія, дѣйствующія не продолжительно, хотя вызываютъ высокія по степени и глубокія чувствованія, но не успѣваютъ сообщать имъ энергію, и потому, при всей своей глубинѣ, они бываютъ иногда слабы.

Говоря о зависимости силы чувствованій отъ продолжительности дѣйствія впечатлѣній на субъекта, мы должны, во избѣжаніе недоразумѣній, сдѣлать три оговорки. 1) Отъ непрерывнопродолжительнаго дѣйствованія впечатлѣній чувствованіе возрастаетъ, но до извѣстной степени напряженія. Здѣсь есть предѣлъ, далѣе котораго продолженное дѣйствованіе ихъ уже не усиливаетъ чувствованія. Когда впечатлѣніе само по себѣ не особенно велико, то, доведши чувствованіе до извѣстнаго напряженія, оно бываетъ не въ состояніи поддерживать его на этой степени энергіи и чувствованіе далѣе не только неможетъ возрастать, но даже имѣетъ наклонность къ ослабленію. Примѣры того можно найти почти во всѣхъ родахъ чувствованіяхъ. 2) Слишкомъ продолжительное

дѣйствіе впечатлѣнія, возбудивъ чувствованіе большой энергіи и доведши его до возможнаго maximum въ отношеніи силы, какъ будто истощаетъ чувствительность сердца въ направленіи такого чувствованія и оно наконецъ перестаетъ возбуждаться впечатлѣніемъ: при такихъ обстоятельствахъ, легко образуется привычка къ впечатлѣнію и оно переходитъ въ разрядъ обыкновенныхъ, обыденныхъ, невозбуждающихъ вниманія: все равно какъ мельникъ привыкаетъ къ мельничному шуму, глазъ къ цвѣту снѣга зимою и перестаетъ имъ возбуждаться, такъ постоянныя оскорбленія дѣлаются привычными и перестаютъ затрогивать чувство чести и возбуждать гнѣвъ. Величайшія красоты природы для мѣстнаго жителя не имѣютъ никакой привлекательности, или очень мало; слишкомъ частый ѳиміамъ лести перестаетъ щекотать самолюбіе, постоянное обыденное обращеніе со священными предметами ослабляетъ чувство благоговѣнія къ нимъ; можно до того наслушаться анекдотовъ, что они перестанутъ возбуждать чувство комизма и станутъ скорѣе докучать.

3) Продолжительное дѣйствованіе впечатлѣнія неизбѣжно усиливая чувствованіе, только въ томъ случаѣ не углубляетъ его, если отъ умственнаго сосредоточенія на впечатлѣніи внутренняя важность и значеніе его не измѣняются въ глазахъ субъекта. Весьма часто бываетъ, что субъектъ, при продолжительномъ дѣйствованіи впечатлѣнія, имѣя болѣе времени для наблюденія явленія и относясь къ нему съ большимъ вниманіемъ, открываетъ въ немъ новыя стороны, болѣе оцѣниваетъ его и такимъ образомъ увеличивъ его важность въ своихъ глазахъ, поднимаетъ чувствованіе на болѣе высокую степень, углубляетъ его. Такъ, внимательно слушая музыку, субъектъ открываетъ въ ней особыя красоты, искусство гармонизаціи, смѣлость переходовъ и т. д., и поэтому поводу углубляетъ свое наслажденіе; созерцая высокія явленія природы, искусства — живописи, скульптуры, архитектуры, вдумываясь въ ихъ цѣну, значеніе, необыкновенность, онъ подвышаетъ и степень чувствованія. Вдумавшись въ значеніе обиды и противленія, субъектъ возбуждается глубокимъ гнѣвомъ и глубокою ненавистью къ оскорбителю и противнику своему. Благоговѣйное размышленіе, требующее, разумѣется, времени, о Богѣ и дѣлахъ его, о связи его съ твореніемъ, углубляетъ религіозное чувствованіе, пробудившееся при входѣ въ храмъ. Все это мы признаемъ; но какъ скоро, подъ вліяніемъ вниманія и умственнаго сосредоточенія на впечатлѣніи, оно возвысилось для

насъ въ цѣнѣ и значеніи, то это значитъ, что, вмѣсто одного предмета, своимъ размышленіемъ мы создали для себя другой, болѣе цѣнный, который и возбуждаетъ соотвѣтствующее чувствованіе. Съ другой стороны, размышленіе и оцѣнка впечатлѣнія не состоятъ въ прямой связи съ продолжительностію дѣйствованія его. Они только облегчаютъ болѣе легкое открытіе цѣны и важности вещей, но прямо его не обусловливаютъ: прозорливый духовно человѣкъ можетъ сразу понять цѣну впечатлѣнія и возбуждаться глубокимъ соотвѣтствующимъ чувствованіемъ. Сама же по себѣ продолжительность дѣйствія впечатлѣнія содѣйствуетъ только силѣ чувствованія, а никакъ не его глубинѣ. Что субъектъ при этомъ условіи болѣе сосредоточивается на впечатлѣніи и легко открываетъ въ немъ большую важность и цѣну его, это есть обстоятельство случайное, котораго часто и не бываетъ при упомянутомъ фактѣ.

Сила чувствованій зависитъ отъ энергіи впечатлѣній, дѣйствующихъ на субъекта; какъ сила звука зависитъ отъ энергіи колебаній, т. е. размѣра волнъ воздуха, такъ и сила движеній сердца зависитъ отъ энергіи дѣйствованія впечатлѣній на субъекта. Въ движеніяхъ, звукахъ, въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ тѣла, намъ чуется мощь духовной или физической силы и наблюденіе ея бываетъ причиною болѣе или менѣе сильныхъ чувствованій. Водопадъ съ громадною массою падающей воды, наполняющій всю окрестность шумомъ и ревомъ, производитъ на наблюдателя глубокое и сильное впечатлѣніе: глубокое по великому объему мощи, развиваемой падающею водою, сильное по чрезвычайной энергіи слуховаго впечатлѣнія. Глубокое чувство высокаго является интеллектуальнымъ путемъ: субъектъ умомъ своимъ оцѣниваетъ значеніе высокаго явленія, постигаетъ великость силы природы; энергія чувства возникаетъ чрезъ сильное слуховое впечатлѣніе. Если бы какимъ либо чудомъ водопадъ былъ безшуменъ, то впечатлѣніе было бы глубоко, но не сильно: таково чувство, вызываемое медленнымъ движеніемъ ледника на высокихъ горахъ. Блескъ освѣщенія, яркость красокъ, чрезвычайная наглядность и рельефность, бросающаяся въ глаза, производятъ обыкновенно сильное впечатлѣніе на чувство зрителя; такія картины и зданія эффектны, какъ говорятъ, но не всегда эффектъ соединяется съ глубиною: зритель ослѣпленъ, удивленъ, зрительныя впечатлѣнія такъ скомбинированы, что кажутся энергичными, бьющими въ глаза. Изъ наблюденія такихъ предметовъ зритель

выноситъ сильное, но не глубокое впечатлѣніе. Полутемная церковь, грандіозная по размѣрамъ, наполненная сокровищами скульптуры и живописи, не удивляющая и небьющая ни чѣмъ въ глаза посѣтителя, производитъ глубокое впечатлѣніе, хотя и неотличающееся силою. Музей, наполненный сокровищами искусствъ разнообразной цѣны и значенія, залитый яркимъ свѣтомъ, производитъ сильное, не всегда глубокое чувство въ посѣтителѣ. Такова вообще цѣль яркихъ освѣщеній, равно какъ сильныхъ потрясающихъ звуковъ въ музыкѣ. Бальная обстановка съ блестящимъ освѣщеніемъ, съ музыкою, производитъ сильное впечатлѣніе, но глубокое ли?

Сильное выраженіе чувства способно возбуждать такое же сильное чувство и въ наблюдателѣ. Сила сочувствія почти прямо пропорціональна силѣ и горячности выраженія чувствованій. Оттого актеръ, играющій роль съ энергіей, обыкновенно увлекаетъ зрителей энергіей своихъ движеній, силою горя, отчаянія, любви, выражаемою въ голосѣ, тѣлодвиженіяхъ, игрѣ физіономіи: онъ даетъ сильныя энергичныя впечатлѣнія, которыя вызываютъ въ зрителѣ соотвѣтственныя чувствованія. И всякое сильное обнаруженіе чувствованій въ другомъ человѣкѣ дѣйствуетъ увлекающимъ образомъ на зрителя. Энергическая любовь, такой же гнѣвъ, сильная грусть, радость, горе, страхъ, сильная вѣра, какъ энергическое сомнѣніе, сильное религіозное одушевленіе производятъ обыкновенно сильное впечатлѣніе на наблюдателя. Паническій страхъ, какъ извѣстно, увлекаетъ цѣлую массу людей и сообщается даже самымъ безстрашнымъ; онъ возникаетъ какъ по поводу самыхъ опасныхъ, угрожающихъ бѣдъ, такъ и самыхъ пустыхъ случайностей, наводящихъ на мысль объ опасности. Для возбужденія его не требуется даже, чтобы всякій изъ массы, поддавшейся страху, непосредственно замѣчалъ опасность. Страхъ, точно электрическая искра, вдругъ разливается по толпѣ. Отъ чего? Я думаю, здѣсь существенное значеніе имѣетъ энергичное выраженіе страха на лицахъ и особенно въ тѣлодвиженіяхъ, бѣгствѣ цѣлой толпы. Взятыя вмѣстѣ, обнаруженія страха составляютъ такое сильное и энергичное впечатлѣніе, что человѣкъ, мужественный и безстрашный, въ большихъ даже опасностяхъ, невольно овладѣвается сильнымъ чувствомъ. Всѣ сильныя волненія, энергично обнаруживающіяся, способны овладѣвать вдругъ массами людей, иногда безпричинно, потому только, что въ нѣкоторыхъ индивидуумахъ ея, искренно или только наружно, но энер-

гично обнаруживается чувство: такъ, толпы увлекаются гнѣвомъ, радостью, отчаяніемъ. Всегда ли глубоки эти чувствованія? Можно сомнѣваться въ томъ. Сильны они бываютъ всегда и потому наталкиваютъ увлекшіяся толпы на энергичныя дѣйствія, но едва ли глубоки. Если бы они отличались большою глубиною, то не могли бы скоро исчезать, между тѣмъ какъ подобныя движенія чувства, какъ быстро возникаютъ, также быстро и уничтожаются: одинъ видъ командира, не потерявшаго присутствія духа, быстро возвращаетъ бѣгущихъ солдатъ къ чувству долга.

Общій нашъ выводъ относительно силы въ чувствованіяхъ такой: на энергію ихъ имѣютъ вліяніе продолжительность дѣйствованія впечатлѣній и энергія ихъ.

Субъективныя вліянія на глубину и силу чувствованій. Вліяніе воображенія.

Выше мы старались выяснить, какія особенности внѣшнихъ впечатлѣній условливаютъ глубину и силу чувствованій, т. е. отчего именно зависитъ то, что въ однихъ случаяхъ впечатлѣнія возбуждаютъ въ сердцѣ по преимуществу глубокое чувствованіе, а въ другихъ сильное. Но, кромѣ объективныхъ причинъ, на глубину и силу движеній сердца имѣютъ вліяніе и нѣкоторыя субъективныя условія, къ анализу которыхъ мы теперь и обратимся.

Несомнѣнно, что воображеніе имѣетъ большое вліяніе на то, почему въ однихъ случаяхъ въ субъектѣ образуется глубокое чувствованіе, а въ другихъ слабое. Можно сказать вообще, что во всѣхъ случаяхъ, когда воображеніе только раздражается впечатлѣніями, возникаетъ сильное чувствованіе, когда же оно поражается — является по преимуществу глубокое. Въ свое время мы уже приводили факты вліянія воображенія на чувствованія; теперь мы постараемся выяснить, какимъ образомъ оно въ однихъ случаяхъ можетъ содѣйствовать силѣ чувствованія, а въ другихъ ихъ глубинѣ.

Предположимъ прежде всего, что впечатлѣніе возбуждаетъ и раздражаетъ воображеніе. Первое послѣдствіе раздраженія его то, что оно овладѣваетъ впечатлѣніемъ и занимается имъ. Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно дѣйствуетъ не долго, мгновенно почти, воображеніе субъективно увеличиваетъ продолжительность дѣйствія: прошедшее впечатлѣніе для субъекта про-

должаетъ быть чрезъ воображеніе настоящимъ. Но мы видѣли, что продолжительность дѣйствованія впечатлѣній условливаетъ силу чувствованій. Съ другой стороны, возбужденное воображеніе субъективно увеличиваетъ силу, энергію впечатлѣнія тѣмъ, что входитъ въ подробности его, изображаетъ разные детали, или какъ часто бываетъ, подъ вліяніемъ появившагося чувствованія, начинаетъ изображать образы, картины, могущія поддерживать и умножать энергію чувства: такъ, предметъ, возбуждающій удивленіе, приводитъ въ агитацію воображеніе, хотя бы онъ только блеснулъ предъ глазами зрителя, но раздраженное воображеніе, продолжая имъ заниматься и рисовать его въ подробностяхъ, усугубляетъ силу чувства. Угроза, подѣйствовавшая на воображеніе, тѣмъ энергичнѣе возбуждаетъ страхъ, чѣмъ мрачнѣй оно рисуетъ картины будущаго, когда угроза будетъ приведена въ исполненіе. Испугъ, глубокій вслѣдствіе контраста неожиданнаго впечатлѣнія къ тишинѣ, окружавшей субъекта, бываетъ силенъ между прочимъ оттого, что встревоженное воображеніе субъекта живо говоритъ ему о неизбѣжной опасности, даже гибели для него.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда воображеніе поражается впечатлѣніемъ, чувствованіе возникаетъ по преимуществу глубокое. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что напряженіе воображенія далеко не безгранично, что оно можетъ удаляться отъ опыта только на извѣстное разстояніе, не только не безграничное, но даже и не очень отдаленное. Такъ какъ кругъ наблюденія у каждаго субъекта свой и онъ можетъ быть вообще не широкъ, или слишкомъ спеціаленъ, то многія новыя впечатлѣнія могутъ быть такъ далеки отъ обыденныхъ и привычныхъ субъекту представленій и понятій, что могутъ казаться ему или непонятными, или едва постижимыми воображеніемъ: о такихъ вещахъ говорятъ обыкновенно, что ничего подобнаго не ожидалось, не представлялось, не воображалось. Выше мы говорили о различныхъ образцахъ и мѣрахъ, которыми мы измѣряемъ впечатлѣнія. У многихъ субъектовъ эти мѣры слишкомъ малы: они составлены на основаніи случайныхъ немногихъ наблюденій, или, какъ это бываетъ у спеціалистовъ, погрузившихся въ изученіе только извѣстнаго круга явленій, составлены только по однимъ предположеніямъ. Реальныя вещи и предметы весьма часто могутъ оказываться для такихъ мѣръ и образцовъ или слишкомъ великими или слишкомъ малыми. Когда случается нѣчто такое, чего субъектъ никогда

не представлялъ, не ожидалъ, не воображалъ, его воображеніе поражается: впечатлѣніе кажется ему непостижимымъ, необъятнымъ и онъ отвѣчаетъ на него самымъ высокимъ, т. е. глубокимъ чувствомъ. Такъ, деревенскій житель, въ первый разъ попавшій въ столицу, поражается громадными зданіями ея; онъ никогда не представлялъ и не воображалъ ничего подобнаго и его удивленіе доходитъ до послѣдней степени высоты и чувства грандіозности. Въ первый разъ наблюдающій микроскопическихъ животныхъ удивляется, что есть жизнь въ такихъ малыхъ, незримыхъ организмахъ: такъ какъ воображеніе его поражено, то онъ чувствуетъ грандіозность природы въ самомъ маломъ. Такое же впечатлѣніе производитъ на человѣка встрѣча съ необыкновеннымъ умомъ, возможность какого онъ никогда не предполагалъ: если его воображеніе поражено, то чувство въ немъ по отношенію къ такому уму возбудится глубокое. Опасность, подавляющая всякое разумѣніе, отнимающая, какъ говорятъ умъ, т. е. поражающая воображеніе, которое никогда ничего подобнаго не могло себѣ представить, возбуждаетъ страхъ величайшей степени, или ужасъ.

Можетъ возникнуть здѣсь недоумѣніе у читателя: глубина, или степень высоты чувствованій зависитъ отъ объема впечатлѣній и когда мы пытались указать, какіе размѣры ихъ производятъ то или другое чувствованіе и какой степени, то предполагали, что существуютъ для всѣхъ одинаковые въ этомъ отношеніи законы. Если же воображеніе каждаго субъекта можетъ случайно углублять или повышать чувствованіе, то не разрушаются ли отъ того всѣ обобщенія, нами сдѣланныя, и можно ли послѣ того говорить о какихъ нибудь общихъ для всѣхъ людей законахъ? Но когда мы рѣшались дѣлать обобщенія относительно того, какихъ размѣровъ впечатлѣнія возбуждаютъ какія чувствованія, то мы предполагали, что субъектъ имѣетъ дѣло не съ объективными предметами и вещами, какъ онѣ есть, а съ явленіемъ ихъ, т. е. въ сущности, съ представленіями, которыя въ немъ возбуждаются ими. Чувствованія появляются отъ того, что такія представленія измѣряются субъективными мѣрами и образцами, о которыхъ мы говорили. Но нельзя отрицать, что воображеніе можетъ имѣть вліяніе на первыя: можетъ преувеличивать и уменьшать ихъ размѣры. Когда оно поражается, то можетъ вообразить себѣ непостижимымъ, необъятнымъ, грандіознымъ то, что въ сущности не таково само по себѣ и что по-

томъ при болѣе холодномъ наблюденіи и здравомъ размышленіи, можетъ быть найдено недалекимъ отъ обыкновеннаго. Какъ часто опасность, обида, красота лица, произведенія искусства и т. д., поражая воображеніе субъекта, кажутся ему грандіозными, огромными, и однако присмотрѣвшись и обсудивъ хладнокровнѣй, онъ находитъ ихъ даже неважными! Иногда, на оборотъ, воображеніе умаляетъ и уничижаетъ впечатлѣніе противъ должнаго, потому что уже слишкомъ въ огромныхъ размѣрахъ заранѣе, до реальнаго знакомства съ ними, представляло его. Все это такъ; но мы не видимъ, какимъ образомъ приведенные факты говорятъ противъ нашихъ обобщеній. Чувство слѣдуетъ за впечатлѣніемъ, въ извѣстной степени превосходящимъ или недоходящимъ до нашей субъективной мѣры; для него все равно, реальное ли впечатлѣніе превосходитъ ее, или раздутое пораженнымъ воображеніемъ, даже, быть можетъ, составляющее результатъ галлюцинаціи субъекта. Какъ показываютъ наблюденія надъ душевными разстройствами, галлюцинирующій субъектъ столь же серіозно слѣдитъ сердцемъ за представляющимися образами, развертывающимися въ его мозгу исторіями, какъ и самый здоровый человѣкъ за объективными явленіями. Какъ галлюцинирующіе субъекты, горюющіе, пугающіеся, ненавидящіе образы своего воображенія, не доказываютъ, что чувствованія могутъ возникать ни съ того ни съ сего, безъ всякихъ поводовъ, такъ и факты преувеличенія впечатлѣній пораженнымъ воображеніемъ не доказываютъ, что возникновеніе чувствованій не подлежитъ никакимъ законамъ и что послѣднихъ нельзя даже и предполагать. Когда воображеніе поражается впечатлѣніемъ, то оно представляетъ его, какъ maximum въ своемъ родѣ и, въ силу обязательнаго для чувства закона, послѣднее отвѣчаетъ maximum'омъ волненія. Въ этомъ смыслѣ мы утверждаемъ, что пораженное воображеніе содѣйствуетъ большей глубинѣ его.

Вліяніе повышенія и пониженія чувствительности.

На глубину и силу чувствованій несомнѣнно вліяютъ повышеніе и пониженіе чувствительности. Извѣстенъ фактъ, что различные люди обладаютъ чувствительностію не въ одинаковой степени. Бываютъ субъекты съ чрезвычайно высокимъ строемъ сердца, такъ что небольшого объема впечатлѣніе вызываетъ въ нихъ усиленное чувствованіе: напримѣръ, истеричной женщинѣ доста-

точно неособенно сильнаго впечатлѣнія, чтобы вызвать огромное удивленіе, огромный гнѣвъ, радость; есть много субъектовъ, о которыхъ говорятъ, что они не знаютъ мѣры своимъ чувствованіямъ, которыхъ все волнуетъ и притомъ до послѣдней степени. Встрѣчаются другія крайности: есть субъекты съ пониженною чувствительностію, которыхъ ничто не можетъ, повидимому, привести въ волненіе: они съ трудомъ удивляются тому, что другихъ приводитъ въ восхищеніе, не легко гнѣваются, увлекаются любовью или ненавистію, не особенно доступны радости и горю, страху и т. д. Перваго рода субъектовъ мы называемъ горячими головами, вторыхъ—холодными. Чувствительность въ разные возрасты бываетъ неодинакова у одного и того же человѣка. Въ молодости субъектъ горячѣй относится сердцемъ къ впечатлѣніямъ, сильно волнуется по поводу того, что спокойно принимается взрослымъ человѣкомъ: онъ бываетъ весьма чувствителенъ къ радостямъ, скорбямъ, сильно привязывается сердцемъ, легко волнуется изъ-за-обидъ, прискорбныхъ для его самолюбія; его чувство болѣе или менѣе бываютъ бурны. Въ зрѣломъ возрастѣ тотъ же субъектъ гораздо холоднѣй относится ко всему, а въ старости чувствительность еще болѣе понижается. Но даже въ одномъ и томъ же возрастѣ человѣкъ въ разное время подъ различными вліяніями то повышается, то понижается въ отношеніи чувствительности. Иногда подъ вліяніями физіологическими, кроющимися во временныхъ разстройствахъ органовъ пищеваренія и нервной системы, иногда же подъ вліяніемъ многихъ психически раздражающихъ причинъ, субъектъ бываетъ особенно раздражителенъ, въ другихъ случаяхъ мало чувствителенъ. Одно и то же впечатлѣніе въ одно время возбуждаетъ человѣка чрезвычайно сильно къ гнѣву, или къ страху, радости, любви, наслажденію, религіознымъ чувствованіямъ, нравственнымъ и т. д., а въ другое все окружающее и встрѣчающееся мало трогаетъ, занимаетъ. Факты подобнаго рода столь извѣстны, что на нихъ нѣтъ надобности здѣсь долѣе останавливаться.

Какого же рода вліяніе на дѣятельность сердца должны оказывать повышеніе и пониженіе чувствительности? О томъ, какого рода значеніе для чувствованій они должны имѣть, можно судить по такого же рода фактамъ, извѣстнымъ намъ изъ области ощущеній. Извѣстны случаи болѣзненной чувствительности глаза, уха къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, когда наприм. больные глазами не выносятъ почти ни малѣйшаго свѣта, или для больного уха не-

стерпимъ даже сильный звукъ. Вѣроятны также подобнаго рода случаи чрезмѣрной чувствительности и въ остальныхъ внѣшнихъ чувствахъ: обоняніи, вкусѣ и осязаніи, хотя они хорошо еще не обслѣдованы. Для насъ, впрочемъ, совершенно достаточно остановиться на случаяхъ гиперэстезіи глаза и уха. Чрезмѣрно чувствительный глазъ даетъ необыкновенно сильныя ощущенія, но качества ихъ не измѣняетъ. Небольшой силы красный лучь онъ видитъ необыкновенно и сильно краснымъ, но какъ бы чрезмѣрно энергично не было его ощущеніе, все же онъ не становится зеленымъ, или желтымъ, т. е. не переходитъ въ ощущеніе другой степени. Ощущеніе зеленаго и желтаго цвѣтовъ вызывается большимъ количествомъ билліоновъ дрожаній въ секунду, чѣмъ краснаго; но повышеніе чувствительности не переводитъ нисшаго ощущенія въ высшее; оно становится отъ нея сильнымъ, энергичнымъ, но качественно тѣмъ, какое должно вызываться впечатлѣніемъ. Равно, больное раздражительное ухо даетъ по поводу даже малыхъ звуковъ необыкновенно сильныя ощущенія, но высота ихъ не измѣняется отъ того. Звуки басового регистра слышатся какъ громоподобные звуки, но ни при какомъ измѣненіи чувствительности они не станутъ слышаться, какъ тоны сопрано. Сила, энергія звука, при повышеніи ея, могутъ увеличиваться до высокихъ степеней, но она ни на одно дрожаніе не подвыситъ тона и *до* среднихъ октавъ будетъ слышаться только какъ *до*, но не какъ *ре* или *ми* октавъ высшихъ.

Напротивъ, бываютъ случаи пониженія чувствительности внѣшнихъ чувствъ, наприм. глаза, или уха. Есть субъекты съ слабымъ зрѣніемъ, съ тупымъ слухомъ. Что происходитъ съ ихъ ощущеніями зрительными и слуховыми? Скала ощущеній ихъ непередвигается, она остается таже самая, какъ и гиперэстезическаго субъекта. Съ слабымъ зрѣніемъ человѣкъ способенъ видѣть всѣ цвѣта, лишь бы они дѣйствовали на его глазъ достаточно энергично, и съ слабымъ слухомъ — слышать всѣ тоны подъ тѣмъ же условіемъ, когда они сильны. Пониженіе чувствительности сказывается отнюдь не въ томъ, что глаза и ухо переводятъ ощущенія высшихъ степеней въ нисшія и вмѣсто наприм. фіолетоваго цвѣта, субъектъ видитъ красный, и вмѣсто *соль* высшей октавы слышитъ *до* нисшей. Такой субъектъ слышитъ и видитъ все, что доступно обыкновенному человѣку, но только если впечатлѣніе сильно.

Факты съ ощущеніями помогаютъ намъ разъяснить вліяніе

повышенной и пониженной чувствительности на силу и глубину чувствованій. При пониженіи ея, впечатлѣнія будутъ производить соотвѣтствующія степени чувствованій, но слабыя сравнительно съ тѣми, какія возбуждаются въ человѣкѣ съ нормальною чувствительностію; слишкомъ слабыя впечатлѣнія совсѣмъ не произведутъ никакихъ чувствованій: наприм. сильное оскорбленіе произведетъ чувство нарушенной чести соотвѣтствующей степени, но не энергичное, которое и не будетъ проситься наружу, требовать соотвѣтствующаго дѣйствія. Страхъ, радость могутъ въ немъ возбуждаться всѣхъ степеней, но только слабѣе, чѣмъ въ лицахъ средней чувствительности. Удивляться онъ можетъ также въ высокой степени, но только его чувство будетъ относительно слабо. Напротивъ, при повышенной чувствительности, чувствованія будутъ въ субъектѣ возбуждаться такія же по степени, какъ и въ лицѣ съ пониженною, но несравненно энергичнѣй, такъ что онъ будетъ имѣть чувствованія нисшихъ степеней, но очень сильныя. Незначительныя обиды будутъ вызывать гнѣвъ, чувство нарушенной чести невысокой степени, т. е. глубины, но энергичное, требующее себѣ выраженія. Малая опасность будетъ вызывать хотя не глубокій по степени страхъ, но необыкновенно сильный, который все таки потрясетъ субъекта. Извѣстіе, не особенно важное, но пріятное, въ такомъ субъектѣ вызываетъ, какъ и обыкновенно, по степени не глубокую, но энергичную радость. Степени горя, наслажденія, удивленія, угрызенія совѣсти, удачи, силы, религіозныхъ чувствъ будутъ у такого субъекта такія же, какъ и у прочихъ людей, но какъ басовые тоны могутъ быть чрезвычайной силы, такъ и у него движенія сердца будутъ необыкновенно сильны и будутъ стремиться соотвѣтствующимъ образомъ отразиться въ тѣлѣ.

Но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, это мы замѣтили уже выше, массивныя и высокія по степени впечатлѣнія бываютъ въ то же время и сильныя, то понятно, что, при возвышеніи чувствительности, субъектъ de facto не можетъ переносить ихъ, все равно какъ, при болѣзненной раздражительности уха, субъекту рѣшительно невыносимы становятся всякіе высокіе тоны, хотя бы и не сильные. Поэтому, при высокой чувствительности, способность къ чувствованіямъ ограничивается извѣстными не достигающими большой глубины чувствованіями. Но съ другой стороны, такой субъектъ способенъ сильно чувствовать невысокія движенія чувства и для его сердца существуютъ впечатлѣнія, кото-

рыя для другихъ не существуютъ: онъ выгадываетъ въ нижнихъ регистрахъ сердца. Пониженная чувствительность весьма слабо отвѣчаетъ на впечатлѣнія, мало выдающіяся надъ обыкновенными, и многія изъ слабыхъ впечатлѣній, быть можетъ, ею проходятся безъ вниманія, не чувствуются совсѣмъ; за то субъектъ съ подобнымъ сердцемъ способенъ къ самымъ высокимъ степенямъ чувствованій. Такъ какъ массивныя, объемныя и самыя серіозныя впечатлѣнія бываютъ часто и сильно дѣйствующія, то пониженная чувствительность возбуждается ими сильно и даетъ глубокія и сильныя движенія. Для этого субъекта возможны такія высокія чувствованія, которыя de facto невозможны для человѣка съ возвышенною чувствительностію.

Итакъ, слишкомъ большая чувствительность способствуетъ развитію преимущественно сильныхъ чувствованій, тогда какъ пониженная облегчаетъ появленіе наиболѣе глубокихъ. Первая чутка ко всему, что едва-едва выдается за предѣлы нормальнаго и обыденнаго, и люди, имѣющіе ее, истрачиваютъ свое сердце на сравнительно менѣе цѣнное и важное, хотя за то принимаютъ живое участіе во всемъ, что около нихъ случается новаго и сколько нибудь оригинальнаго. Чувствительность второго рода холодно относится къ текущимъ впечатлѣніямъ, но она способна слѣдить за всѣмъ, что есть въ природѣ, искусствѣ и жизни высокаго и грандіознаго.

Общій нашъ выводъ относительно развитія чувствованій въ глубину или въ сторону силы будетъ такой: чувствованія по преимуществу глубокія возникаютъ, когда на субъекта дѣйствуютъ впечатлѣнія массивныя или объемныя, или мелкія, но умомъ и воображеніемъ его объединяемыя въ одно большое цѣлое, или дающіяся ему въ формѣ контрастовъ, далѣе, когда воображеніе субъекта поражается впечатлѣніемъ; наконецъ, появленію преимущественно глубокихъ чувствованій благопріятствуетъ общее пониженіе чувствительности; напротивъ, сильныя и энергическія движенія сердца развиваются, когда впечатлѣнія дѣйствуютъ продолжительно, или обнаруживаютъ въ себѣ особую энергію, когда воображеніе возбуждается и ажитируется впечатлѣніемъ и наконецъ, когда чувствительность субъекта возвышена противъ нормальной.

Возможность различныхъ сочетаній условій глубины и силы чувствованій.

Сказанный выводъ необходимо понимать не въ томъ смыслѣ, что глубокія или сильныя чувствованія появляются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда указанныя условія соединяются вмѣстѣ, и что условія глубины дѣйствуютъ всегда отдѣльно отъ условій силы. Мы уже нѣсколько разъ выше признавали, что глубокія движенія сердца весьма часто бываютъ и сильныя и, конечно, наоборотъ. Слѣдовательно, условія, разсмотрѣнныя нами, каждое отдѣльно, могутъ соединяться и вмѣстѣ.

Именно, въ данныхъ впечатлѣніяхъ могутъ соединяться массивность съ продолжительностью и энергичностью дѣйствованія. Примѣръ такого сочетанія можемъ видѣть въ впечатлѣніяхъ, возбуждающихъ страхъ: опасность можетъ быть огромною и угрожать жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовать на субъекта довольно продолжительное время и обнаруживаться самымъ энергичнымъ образомъ; въ подобномъ положеніи находится человѣкъ, захваченный пожаромъ, подвергшійся опасному насилію. Обида можетъ быть чрезвычайно важною, продолжаться нѣкоторое время и быть веденною энергически: тогда гнѣвъ возбудится глубокій и сильный. Таковыя же бываютъ впечатлѣнія радости. Интеллектуальныя наслажденія могутъ быть глубоки и сильны, когда книги, бесѣды, богаты новыми и оригинальными мыслями, даютъ новыя точки зрѣнія на предметы, открываютъ просвѣтъ въ область неизслѣдованныхъ фактовъ и т. д., когда притомъ мы бесѣдуемъ съ сочиненіями и лицами нѣкоторое время, т. е. подвергаемся продолжительному дѣйствію важныхъ, по содержанію, впечатлѣній, и наконецъ, когда бесѣды ведутся живо и энергично. Глубокое униженіе можетъ быть и сильно, когда всѣ обстоятельства, произведшія чувство, соединяли въ себѣ всѣ три условія. Особенно искусство умѣетъ возбуждать глубокія и сильныя чувствованія тѣмъ, что оно даетъ весьма цѣнныя искусныя изображенія страстей, характера, продолжительно занимаетъ ими вниманіе читателя и своему изображенію сообщаетъ всѣ условія сильнаго эффекта, да и содержаніемъ его избираетъ нѣчто живое, энергичные моменты жизни природы или человѣка.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объемность впечатлѣнія можетъ соединяться только съ продолжительностью дѣйствованія. Глубокое

и сильное чувствованіе грусти возбуждается предъ гробомъ, въ которомъ заключено дорогое существо, отошедшее на вѣки: впечатлѣніе огромной важности здѣсь дѣйствуетъ на субъекта продолжительное время. Такъ, любовь глубокая и сильная возникаетъ въ субъектѣ тогда, когда высоко идеализованная имъ личность продолжаетъ долгое время быть въ соприкосновеніи съ нимъ, слѣдовательно, дѣйствуетъ на него. Глубокое и сильное удивленіе является предъ явленіемъ, которое объемно и массивно и на которомъ вниманіе субъекта долго сосредоточивается. Сомнѣніе или вѣра растутъ въ глубинѣ и силѣ, когда человѣкъ долго останавливается мыслію на весьма основательныхъ и важныхъ поводахъ сомнѣваться или вѣрить. Массивностію впечатлѣнія и продолжительностію своего дѣйствованія, контрастъ въ большинствѣ случаевъ производитъ глубокое и сильное дѣйствіе на сердце, особенно контрастъ, даваемый искусствомъ. Оно избираетъ нарочно самые дальніе одинъ отъ другого предметы, далеко различныя степени ихъ дѣятельности, совершенствъ, свойствъ и т. д., слѣдовательно, даетъ два замѣчательныхъ и глубоко дѣйствующихъ образа: одинъ членъ контраста, замѣчательный по своей относительной величинѣ или положительнымъ качествамъ, другой—по своей малости или отрицательнымъ качествамъ. Искусство при томъ не на мгновеніе только ставитъ контрастъ: оно изображаетъ его въ подробностяхъ и деталяхъ, даетъ контрастъ разработанный, такъ что въ картинѣ, наприм., во все время ея наблюденія, одна подробность напоминаетъ о другой, ей противоположной. Трагедія, комедія и драма проводятъ контрасты въ цѣломъ рядѣ смѣняющихся картинъ, такъ что подъ дѣйствіемъ ихъ читатель и зритель находятся въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Къ этимъ объективнымъ причинамъ глубины и силы чувствованій могутъ присоединяться еще субъективныя, кроющіяся въ воображеніи и высотѣ чувствительности субъекта. Массивныя и объемныя впечатлѣнія въ большинствѣ случаевъ поражаютъ воображеніе; но можетъ случиться и такъ, что воображеніе субъекта скоро оправляется отъ слишкомъ огромнаго впечатлѣнія и затѣмъ начинаетъ агитироваться и возбуждаться, или оно уже не разъ встрѣчало подобныя впечатлѣнія, до нѣкоторой степени привыкло къ нимъ и потому скорѣе возбуждается ими, чѣмъ поражается. У такихъ субъектовъ чувствованія должны быть глубоки, по огромности впечатлѣнія, но они также бываютъ и сильны, между прочимъ отъ того, что ихъ воображеніе дѣятельно

занимается впечатлѣніемъ. Таковы чувства знатока художественныхъ произведеній, много видѣвшаго ихъ на своемъ вѣку: онъ иногда поражается картиною, статуей, слишкомъ неожиданными по своимъ достоинствамъ, глубокое чувство наслажденія, удивленія ими уже произведено; но онъ скоро оправляется отъ впечатлѣнія, его воображеніе приходитъ въ дѣятельность и начинаетъ представлять то одну, то другую подробность въ нихъ и его глубокое чувство растетъ въ отношеніи силы. Такъ бываетъ съ глубокими обидами, явнымъ противленіемъ волѣ, которыя въ первый моментъ могутъ поразить воображеніе субъекта и произвести глубокое чувство оскорбленія чести, гнѣва, но затѣмъ, когда оправившееся воображеніе начинаетъ разрисовывать подробности дѣла, появляется въ упомянутыхъ чувствахъ и сила. Мы знаемъ изъ опыта, что многія, глубоко дѣйствующія на сердце, впечатлѣнія, сначала какъ бы оглушаютъ его, а затѣмъ уже въ немъ является сильный и энергичный откликъ на него. Возможны и такіе случаи, что при необыкновенно широкомъ и сильномъ воображеніи и при нѣкоторой опытности въ сильныхъ и большихъ впечатлѣніяхъ, субъектъ, глубоко волнуясь таковыми, еще можетъ оперировать съ ними своимъ воображеніемъ, т. е. представлять ихъ себѣ то съ одной, то съ другой стороны, держать ихъ предъ своими умственными очами, вникать въ подробности, детали, прояснятъ ихъ себѣ еще на контрастахъ и т. д. Такіе субъекты, конечно не частые, способны къ самымъ глубокимъ и сильнымъ чувствованіямъ.

Какъ ни рѣшительно вліяніе на силу или глубину движеній сердца повышеніе и пониженіе чувствительности, но и оно можетъ существенно видоизмѣняться отъ того или другого вмѣшательства вышеуказанныхъ обстоятельствъ. Пониженная чувствительность покровительствуетъ появленію преимущественно глубокихъ чувствованій, повышенная сильныхъ. Но и при первой могутъ быть сильныя движенія сердца. Впечатлѣніе, незначительное само по себѣ, можетъ на него дѣйствовать продолжительно и тогда, въ силу накопленія силы чувствованія, оно бываетъ сильно; или же впечатлѣніе дѣйствуетъ необыкновенно энергично и результатъ будетъ тотъ же. Флегматикъ не раздражается легко насмѣшкою и холодно къ ней относится, но всѣмъ извѣстно, что когда продолжительно его дразнятъ, то иногда выводятъ его изъ терпѣнія и возбуждаютъ страшную силу гнѣва, по степени, не глубокаго. Долговременное сосѣдство съ красотою и во флег-

матикѣ порождаетъ сильное чувство любви, хотя въ первыя минуты знакомства онъ, быть можетъ, чувствовалъ только очень слабое чувство къ ней. Этотъ фактъ мы обозначаемъ въ жизни, какъ расшевеливаніе человѣка. Часто субъектъ неожиданно находитъ себя исполненнымъ чувства вѣры, силы, или безсилія, благоговѣйнаго настроенія, уваженія и т. д., хотя по натурѣ своей и не совсѣмъ расположенъ къ сильнымъ чувствованіямъ. Обыкновенно говорятъ, что извѣстная атмосфера, т. е. среда, обстановка, охватываетъ сердце человѣка и внѣдряетъ въ него извѣстныя чувствованія. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что окруженный извѣстными впечатлѣніями, хотя слабо возбуждающими сердце, флегматическій вообще или таковой въ данное время, субъектъ накопляетъ, самъ того не сознавая, чувство и по этой причинѣ оно бываетъ у него сильно, хотя и глубоко. Съ другой стороны, весьма энергичное дѣйствованіе впечатлѣнія можетъ затрогивать даже апатичнаго человѣка и вызывать въ немъ сильное чувство. Такъ энергичная обида, сильное стыдѣніе, неожиданная потеря, или опасность и т. под. могутъ вызывать во флегматикѣ сильное волненіе.

При сильно повышенной чувствительности обыкновенно бываетъ живое воображеніе и всякое впечатлѣніе заставляетъ субъекта сильно волноваться; поэтому de facto во многихъ случаяхъ принимаются мѣры по отношенію къ слишкомъ нервнымъ личностямъ, чтобы, при неизбѣжности глубокаго волненія, хотя нѣсколько ослабить энергію его. Грустныя и печальныя извѣстія сообщаются имъ обыкновенно какъ бы мимоходомъ, или послѣ подготовки, т. е. окружающіе по возможности ослабляютъ энергію впечатлѣнія; они не позволяютъ такимъ лицамъ много думать о потерѣ, даже смотрѣть на печальныя церемоніи, участвовать въ нихъ, все это для того, чтобы сократить для нихъ продолжительность дѣйствія впечатлѣнія. И во многихъ случаяхъ такія мѣры достигаютъ цѣли: извѣстія, подъ неожиданнымъ и долгимъ впечатлѣніемъ, отъ которыхъ лицо могло бы рехнуться или опасно заболѣть, переносятся если и съ трудомъ, то все же съ меньшею опасностію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Гаммы чувствованій.

Въ музыкѣ говорится о послѣдовательности звуковъ: слѣдованіе тоновъ въ извѣстномъ порядкѣ, восходящемъ и нисходящемъ, называется въ ней гаммою. Такъ какъ слѣдованіе можетъ быть самыхъ различныхъ видовъ, то и гаммы въ музыкѣ чрезвычайно разнообразны. И въ чувствованіяхъ замѣчается нѣчто подобное. Одни чувствованія всего легче переходятъ въ другія и подготовляютъ для нихъ почву. Могутъ быть случаи, что одно и тоже впечатлѣніе, послѣдовательно дѣйствуя на субъекта и увеличиваясь въ объемѣ, возбуждаетъ различныя чувствованія въ извѣстномъ порядкѣ, одни послѣ другихъ. Мы постараемся теперь отыскать, какія чувствованія обыкновенно слѣдуютъ одно за другимъ, т. е. отыщемъ, такъ сказать, гаммы чувствованій.

Удовольствіе и неудовольствіе служатъ начальными звѣньями нѣсколькихъ гаммъ чувствованій. Текущія впечатлѣнія, такъ или иначе дѣйствуя, возбуждаютъ въ субъектѣ удовольствіе и неудовольствіе. Но представимъ себѣ, что впечатлѣнія возрастаютъ и усиливаются, пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе для субъекта: удовольствія и неудовольствія будутъ возрастать въ немъ въ глубину и въ силѣ, но сверхъ того, станутъ присоединяться къ нимъ еще другія чувствованія.

Такъ, беремъ неудовольствія, возбуждаемыя всякого рода потерями, событіями, совершающимися противъ нашихъ выгодъ и интересовъ. Если потеря становится значительною для субъекта, и явилась въ результатѣ дѣятельности его, то она возбуждаетъ въ немъ чувство неудачи, и если таковыя потери повторяются, то неудача возрастаетъ до чувства безсилія. Но вѣдь неудачи могутъ суммироваться и умножаться въ своемъ значеніи; тогда является чувство печали, доходящее до состоянія горя. Когда виною неудачъ субъекту кажется чья нибудь воля, къ чувству горя присоединяется еще гнѣвное раздраженіе. Потери и неудачи могутъ возрастать еще и еще, субъектъ чувствуетъ впечатлѣніе чего-то ужаснаго, разрушающаго его благосостояніе, онъ испытываетъ волненіе страха. Наконецъ, при новомъ повтореніи бѣдъ, онъ чувствуетъ себя окончательно потерянным и впадаетъ въ состояніе отчаянія. Это послѣднее есть заключительное чувство, далѣе

котораго сердце идти не можетъ. Указанный рядъ чувствованій явился по поводу однородныхъ впечатлѣній, послѣдовательно суммировавшихся. Чувствованія здѣсь развивались съ извѣстною послѣдовательностію, такъ что впечатлѣнія, достигши извѣстнаго объема, стали возбуждать новое, однако не отрицающее прежнихъ, чувствованіе.

Упомянутая гамма состоитъ изъ отрицательныхъ чувствованій, тяжелыхъ для сердца. Ей соотвѣтствуетъ положительная гамма. Нѣкоторый успѣхъ въ предпріятіи порождаетъ чувство удовольствія, нѣсколько успѣшныхъ дѣйствій возбуждаютъ чувство удачи. Настроеніе удачи легко переходитъ въ чувство радости; въ радостномъ волненіи человѣкъ становится расположеннымъ къ чувству нѣжности и вообще къ волненіямъ, стоящимъ съ нимъ въ близкой связи. Въ отрицательной вышеприведенной гаммѣ за гнѣвомъ слѣдуетъ страхъ; въ разбираемой положительной должна слѣдовать противоположность страха, чувство шутки. Можно-ли, однакожь, сказать, что волненіе нѣжности переходитъ въ чувство шутки? Мнѣ кажется, да: именно, въ нѣжномъ расположеніи человѣкъ всего болѣе бываетъ готовъ шутить, играть съ предметомъ нѣжности. Въ отрицательной гаммѣ за страхомъ слѣдовало отчаяніе, въ положительной должно слѣдовать чувство, противоположное ему. Отчаянію мы противополагаемъ чувство надежды и вообще состояніе, полное надеждъ, спокойное, при которомъ человѣкъ переходитъ обыкновенно къ надеждѣ, и притомъ непремѣнно къ какой нибудь опредѣленной. Но если чувству этому дать вообще значеніе самоувѣреннаго, обнадеженнаго состоянія, то, дѣйствительно, можно сказать, что отъ шутливаго расположенія духа субъектъ легко переходитъ къ спокойному самоувѣренному настроенію: онъ бываетъ полонъ надеждъ на себя и смѣло обращаетъ свои взоры къ будущему!

Можно найти еще гамму чувствованій, которую слѣдовало бы назвать личною, такъ какъ она представляетъ постепенно возвышающееся самочувствіе. Начало ея составляетъ чувство удовлетворенія, развивающееся по поводу исполненія желаній. Цѣлый рядъ исполнившихся желаній порождаетъ чувство удачи; за рядомъ удачъ слѣдуетъ чувство силы. Въ такомъ настроеніи субъектъ способенъ впадать въ самодовольный тонъ; самодовольство смѣняется чувствомъ самоуваженія: субъектъ чувствуетъ свою многозначительность, опираясь на чувство своей силы. Возрастающее самоуваженіе доводитъ субъекта до сознанія своего превос-

ходства предъ другими, причемъ у него возникаетъ чувство гордости. Эта гамма начинается чувствомъ удовлетворенія и кончается горделивымъ чувствомъ своего достоинства.

Отрицательная гамма чувствованій этого рода начинается чувствомъ неудовлетворенія, восходитъ далѣе къ чувству неудачи, возникающаго по поводу ряда неудовлетворенныхъ желаній и стремленій, къ недовольству собою, сопровождающемуся самопорицаніемъ, когда причины неудачъ субъектъ открываетъ преимущественно въ себѣ самомъ. Когда неудачи возрастаютъ и становятся все болѣе и болѣе чувствительными для субъекта, онъ чувствуетъ собственное безсиліе, за которымъ слѣдуетъ самоуниженіе, т. е. онъ падаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ; за самоуниженіемъ слѣдуетъ стыдъ предъ другими, чувство уничиженія предъ окружающимъ обществомъ. Какъ рядъ вышеприведенныхъ положительныхъ чувствованій есть гамма возрастанія субъекта въ собственномъ самочувствіи, такъ рядъ отрицательныхъ — есть гамма паденія его въ своихъ глазахъ, до полнаго униженія предъ собою и предъ другими.

Третій рядъ чувствованій можно назвать гаммою цѣны и значенія предметовъ. Когда лишь нѣчто въ предметѣ привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе и мы замѣчаемъ, что онъ выдается нѣсколько надъ другими, или представляетъ не совсѣмъ то, что мы ожидали отъ него и воображали въ немъ встрѣтить, мы имѣемъ чувство новости. Выдающіяся стороны предмета такъ велики, что онъ замѣтно выдается предъ другими, — мы чувствуемъ нѣкоторое уваженіе къ нему. Предметъ въ нѣсколько разъ превосходитъ другіе, — онъ возбуждаетъ въ насъ чувство удивленія. Послѣднее переходитъ въ чувство грандіозности, когда предметъ превосходитъ обыкновенную мѣру во много разъ, а за чувствомъ грандіозности можетъ слѣдовать благоговѣніе, или просто страхъ предъ великимъ и грознымъ предметомъ. Соотвѣтствующія противоположныя чувства будутъ слѣдующія: во 1-хъ, чувство слишкомъ обыкновенной заурядности предмета, возбуждаемое въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ претензію быть чѣмъ то, а между тѣмъ едва ли не хуже обыкновеннаго уровня; это есть чувство нѣкоторой пошловатости предмета. Представимъ себѣ, что этотъ же предметъ дѣлается замѣтно ниже обыкновеннаго уровня, мы чувствуемъ къ нему пренебреженіе. Если онъ въ нѣсколько разъ ниже среднихъ размѣровъ, которые слѣдовало бы ему имѣть, мы презираемъ его. Наконецъ, презрѣніе можетъ дойти до чувства

малости и мизерности предмета, къ которому субъектъ можетъ даже, относиться шутливо. Въ положительной гаммѣ сердце слѣдитъ за возрастаніемъ цѣны и умноженіемъ значенія предметовъ, въ отрицательной за ихъ ниспаденіемъ.

Четвертая пара гаммъ характеризуется нѣжными чувствованіями; ее мы назовемъ нѣжною гаммою. Начинается она чувствами цѣны другого существа: человѣкъ встрѣчаясь, съ другимъ существомъ, прежде всего, конечно, останавливаетъ на немъ вниманіе по какимъ нибудь причинамъ. За чувствомъ новости слѣдуетъ уваженіе или чувство цѣнности его, и за тѣмъ удивленіе. Удивленіе переходитъ въ чувство высокаго, т. е. другое существо представляется необыкновенно цѣннымъ, гораздо выше обыкновенныхъ существъ. Но существо, кажущееся удивительнымъ по своимъ свойствамъ и даже высокимъ, возбуждаетъ чувство нѣжности: мы любимъ великое и влечемся къ нему. Нѣжность открываетъ путь для симпатіи. Изъ нихъ возникаетъ или любовь или дружба, смотря по существу, объекту нѣжности, и преимущественно по тому, какого рода гармонія устанавливается между субъектами. Въ этой гаммѣ чувство грандіозности можетъ выпадать; тогда отъ удивленія человѣкъ прямо переходитъ къ нѣжности и т. д. Отрицательная гамма начинается чувствами отрицательной цѣны существа: пошлости, пренебреженія, презрѣнія, мизерности и затѣмъ переходитъ въ гнѣвъ, антипатію, ненависть или вражду. Чувство мизерности, антиподъ грандіозности, можетъ въ ней также выпадать, т. е. отъ презрѣнія субъектъ переходитъ къ гнѣву и т. д. Слѣдовательно, четвертая пара гаммъ, въ сущности, есть третья, но продолженная въ нѣжный тонъ.

Пятая пара гаммъ касается пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій. Самое слабое пріятное чувство, которымъ она открывается, есть чувство удовлетворенія, наступающее, когда удовлетворяется какое либо желаніе или стремленіе, которому субъектъ не придаетъ, однакожъ, никакого особаго значенія. Удовлетвореніе болѣе сильнаго желанія, или большее удовлетвореніе поднимаетъ чувство до состоянія удовольствія. Сосредоточенное и сильное удовольствіе становится наслажденіемъ. Когда событіе имѣетъ огромную цѣну для субъекта, расширяетъ кругъ его дѣятельности, или увеличиваетъ его свободу, онъ предается радости. Что тутъ есть градація чувствованій, такъ это несомнѣнно: не всякое удовлетвореніе есть удовольствіе, но всякое

удовольствіе есть удовлетвореніе; не всякое удовольствіе есть наслажденіе, но въ послѣднемъ есть и первое; не всякое наслажденіе есть радость, но въ радости можетъ быть наслажденіе, наприм. какъ про обрадованнаго значительнымъ повышеніемъ на службѣ, говорятъ что онъ восхищается и наслаждается своимъ новымъ положеніемъ. Противоположную гамму составляютъ чувства: неудовлетворенія, которое возрастая становится неудовольствіемъ. Послѣднее усиливаясь превращается въ страданіе. Страданіе, усилившееся до того, что полагаетъ препону для дѣятельности субъекта, чувствуется какъ горе.

Есть основаніе полагать, что существуетъ гамма нравственныхъ чувствованій. Начнемъ съ отрицательной, какъ наиболѣе частой и потому болѣе ясной. Когда субъектъ недоволенъ своимъ поступкомъ или своимъ образомъ дѣйствій, онъ порицаетъ себя и испытываетъ неудовольствіе самопорицанія. Онъ сопоставляетъ свой поступокъ, свои дѣла съ требованіями долга и самопорицаніе восходитъ до чувства раскаянія, или горя о прошедшемъ. Признавая свое паденіе, онъ чувствуетъ униженіе какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и предъ другими. Положительная гамма состоитъ изъ чувства самохвалы и довольства собою, возвышающагося въ состояніе радости осуществленію требованія долга и сохраненію своей нравственной свободы; это чувство далѣе поднимается до чувства своего нравственнаго достоинства, какъ предъ собою, такъ и предъ другими людьми.

Наконецъ укажемъ на существованіе гаммы религіозныхъ чувствованій. Она открывается чувствомъ вѣры, безъ которой, конечно, немыслимо никакое религіозное чувство и духовно-религіозное возвышеніе чувствъ человѣка. Чрезъ нее открывается ему существованіе великаго и превознесеннаго Существа: вѣра приводитъ такимъ образомъ субъекта къ чувству величія и превознесенности Божіей. Чувство величія и связанное съ нимъ сознаніе необъятности Высочайшаго Существа восходитъ къ состоянію трепета предъ нимъ: это страхъ Божій. Такъ какъ такое Существо есть олицетвореніе истины, правды, и красоты, то въ сердцѣ страхъ соединяется съ любовью къ Нему. Стремясь къ единенію съ Нимъ, человѣкъ возлагаетъ все на упованіе на Него: Онъ есть предметъ христіанской надежды. Есть также рядъ противоположныхъ состояній, который можетъ быть названъ гаммою иррелигіозныхъ и атеистическихъ чувствованій. Она начинается сомнѣніемъ, доходящимъ до положительнаго отрицанія религіозной истины. При

рѣшительномъ невѣріи субъектъ легко переходитъ къ пренебреженію и презрѣнію религіозной истины: Великое Существо онъ считаетъ только измышленіемъ человѣческой фантазіи съ извѣстными цѣлями касты и можетъ дойти до кощунственнаго (шутливаго) къ нему отношенія. Къ религіознымъ предметамъ и догматамъ онъ далѣе начинаетъ чувствовать ненависть, побуждающую его къ нападенію на религію и борьбѣ съ нею. Отрицая будущую жизнь и существованіе духовнаго міра, онъ не полагаетъ никакихъ надеждъ за предѣлами этой жизни и такъ какъ она явно разсчитана никакъ не на удовольствіе и наслажденіе людей и не можетъ духовно питать человѣка, то атеистъ чувствуетъ себя бѣднымъ духомъ и безнадежнымъ и если онъ человѣкъ съ сердцемъ и не можетъ успокоиться на томъ, чтобъ ѣсть, пить, и веселиться, онъ или отказывается отъ своей точки зрѣнія и начинаетъ религіозную гамму, или впадаетъ въ состояніе отчаянія:

Такимъ образомъ мы нашли слѣдующія группы гаммъ:

1) неудовольствіе, неудача, безсиліе, горе, гнѣвъ, страхъ, отчаяніе.
   удовольствіе, удача, чув. силы, радость, нѣжность, шутка, надежда.
2) удовлетвореніе, удача, чув. силы, самодовольство, самоуваженіе, гордость.
   неудовлетвореніе, неудача, безсиліе, самопорицаніе, самоуниженіе, стыдъ.
3) ч. новости, уваженія, удивленія, грандіозности, благоговѣніе страхъ.
   ч. пошлости, пренебреженіе, презрѣніе, ничтожность (мизерность), шутка.
4) чувства цѣны (уваженіе, удивленіе, грандіозности), нѣжность, симпатія, любовь, дружба.
   отриц. цѣны (пренебреженіе, презрѣніе, ничтожности), гнѣвъ, антипатія, ненависть, вражда.
5) удовлетвореніе, удовольствіе, наслажденіе, радость.
   неудовлетвореніе, неудовольствіе, страданіе, горе.
6) самопорицаніе, раскаяніе (горе о прошедшемъ), униженіе.
   довольство собою, радость, чувство собственнаго достоинства.
7) вѣра, чувство величія и превознесенности Божіей, страхъ предъ Богомъ, любовь, надежда.
   сомнѣніе, пренебреженіе, кощунство, ненависть, отчаяніе.

Эти гаммы имѣютъ тотъ смыслъ, что онѣ представляютъ естественную градацію состояній сердца, Впечатлѣніе, послѣдова-

тельно увеличиваясь въ своемъ значеніи для индивидуума, вызываетъ чувствованія въ указанномъ порядкѣ: напримѣръ, этимъ способомъ развиваются вторая, третья, пятая, отчасти шестая гаммы. Пока впечатлѣніе существенно не измѣняется въ своей цѣнѣ для субъекта, онъ на увеличеніе его отвѣчаетъ большею высотою чувствованія; но какъ скоро оно, съ увеличеніемъ объема, получаетъ иной качественный смыслъ, начинаетъ затрогивать большій кругъ интересовъ, въ сердцѣ являются новыя чувствованія. Они суть новые психическіе факты, явившіеся въ соотвѣтствіе съ измѣнившеюся окружающею обстановкою: напримѣръ, въ первой гаммѣ за безсиліемъ слѣдуетъ горе, за горемъ страхъ, за страхомъ отчаяніе, въ четвертой за удивленіемъ нѣжность, симпатія и т. д. или въ седьмой за вѣрою чувство величія и превознесенности Божіей и т. д. Такое слѣдованіе чувствованій въ извѣстномъ порядкѣ объясняетъ намъ, почему высшее чувство содержитъ въ себѣ нисшее: съ наступленіемъ перваго послѣднее во многихъ случаяхъ не исчезаетъ, но входитъ въ высшее, какъ его составная часть. Такъ, въ первой гаммѣ неудовольствіе входитъ во всѣ чувствованія, ее составляющія: въ неудачу, безсиліе, горе, гнѣвъ, страхъ, отчаяніе; неудача и безсиліе въ горе, гнѣвъ, страхъ и отчаяніе и т. д. Во 2-й гаммѣ въ чувство гордости входитъ самоуваженіе, самодовольство, чувство силы, въ 3-й въ грандіозность удивленія, уваженіе, чувство новости. Фактъ, что большая часть чувствованій имѣетъ сложный характеръ, нами уже показанъ при качественномъ анализѣ ихъ, теперь мы видимъ причину этого. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что явилось чувство неудовольствія вслѣдствіе какой нибудь потери и послѣдняя возрастаетъ до того, что начинаетъ возбуждать чувство горе или страхъ: неудовольствіе не исчезаетъ, ему нѣтъ причины исчезнуть, ибо горестное или ужасное возбуждаетъ и неудовольствіе. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ субъектъ переходитъ отъ одного чувства къ другому, различному отъ него, предшествующее чувство не уничтожается, но остается второстепеннымъ, сообщая новому чувствованію особый колоритъ. Такъ, въ первой положительной гаммѣ отъ радости субъектъ переходитъ къ нѣжности и любви: причина радости не исчезаетъ и радостный строй остается; отъ него нѣжность принимаетъ особый характеръ; все равно какъ, нѣжно волнуясь, субъектъ въ тоже время нерѣдко бываетъ шутливо настроенъ; волненіе нѣжности не поглощается

чувствомъ веселости, а напротивъ, придаетъ ему особую колоритность; мы говоримъ тогда о нѣжныхъ шуткахъ.

Рядъ чувствованій, составляющихъ гамму, можетъ развиваться на протяженіи какъ долгаго, такъ и короткаго времени. Бываютъ положенія, когда гамма быстро доходитъ до своего конца: наприм. въ большомъ собраніи, на балу, субъектъ, имѣющій успѣхъ и сознающій его, быстро продѣлываетъ первую положительную гамму и уходитъ съ нею полный разнообразныхъ надеждъ, унося съ собою въ сердцѣ разнообразныя чувствованія, послѣдовательно въ немъ возбуждавшіяся въ теченіи вечера: или, посѣщая собраніе рѣдкостей, субъектъ быстро переходитъ отъ одного чувства къ другому (3-я гамма) въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. За карточною игрою, когда она становится серіозною, человѣкъ въ одинъ вечеръ можетъ, смотря по счастію игры, пережить первую пару гаммъ, какъ положительную, такъ и отрицательную, и даже неоднократно. Оттого эта игра и обнаруживаетъ привлекательную силу на многихъ, что она можетъ разнообразно волновать сердце и заставлять его быстро переходить отъ одного волненія къ другому. Близкія отношенія любви или дружбы, ненависти или вражды даютъ также нерѣдкіе случаи, на протяженіи немногихъ минутъ, пережить цѣлыя гаммы.

Но можно переживать послѣдовательно гамму впродолженіи цѣлыхъ недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ, цѣлой жизни. Можетъ выпадать непріятное, несчастливое время, тянущееся недѣли и мѣсяцы, въ теченіи которыхъ бѣды послѣдовательно постигаютъ человѣка и онъ, постепенно переходитъ отъ одного чувствованія и настроенія къ другому: сначала вызывается неудовольствіе, и къ нему субъектъ возвращается въ теченіи нѣсколькихъ дней; новая бѣда порождаетъ чувство неудачи и это чувство по преимуществу раздается въ сердцѣ нѣкоторое время; далѣе идутъ дни чувства безсилія, горя, гнѣвнаго раздраженія, страха и наконецъ, отчаянія. Такъ, бываетъ, что четвертая гамма, оканчивающаяся любовью, переживается въ продолженіи лишь нѣсколькихъ часовъ, какъ наприм. молодые люди знакомятся и послѣ двухъ трехъ часовъ разстаются влюбленные другъ въ друга, но эта же гамма иногда развивается медленно: послѣ полугода или года взаимныхъ сношеній, наконецъ, между людьми является дружба или любовь, вражда или ненависть. Религіозныя гаммы и вторая положительная обыкновенно развиваются впродолженіи

многихъ лѣтъ. До горделиваго чувства человѣкъ доходитъ не сразу, а послѣ многихъ лѣтъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ успѣховъ: иногда долгое время человѣкъ остается на ступени чувства силы, переходитъ къ самодовольству и самоуваженію и на этой ступени остается немалое время; наконецъ переходитъ къ настроенію и чувству гордости. Всѣ, пережившіе періодъ моральнаго кризиса, періодъ крушенія вѣры, знаютъ, что въ теченіи двухъ трехъ лѣтъ человѣкъ переходитъ отъ сомнѣнія, на которомъ останавливается иногда довольно долго, къ пренебреженію, къ ироніи относительно религіозныхъ предметовъ; при дурномъ исходѣ кризиса, онъ отъ этого настроенія перейдетъ къ ненависти религіи и можетъ опять годы питать въ себѣ такое чувство, пока явится заключительное чувство этой гаммы-отчаяніе. Положительная религіозная гамма можетъ развиваться и въ короткое время, наприм. религіозный человѣкъ, пришедши въ храмъ на молитву, быстро переходитъ отъ одного чувства къ другому: отъ чувства вѣры къ чувству величія и превознесенности Божіей, къ страху, любви и полный религіозныхъ надеждъ уходитъ изъ храма. Но можетъ эта гамма развиваться на пространствѣ и долгаго времени: наприм. человѣкъ постепенно овладѣваетъ содержаніемъ вѣры и проходитъ долгое время, пока онъ достигнетъ состоянія полной вѣры. Далѣе, можетъ выпасть время, когда этотъ человѣкъ будетъ культивировать въ себѣ по преимуществу чувство благоговѣнія, настанетъ для него, затѣмъ, время любви и наконецъ религіозной надежды. Нравственная гамма можетъ развиваться и быстро, по поводу какого либо дѣйствія, но можетъ субъектъ проходить ее, какъ рядъ настроеній, въ теченіи многихъ лѣтъ своей жизни.

Говоря, что чувствованія являются въ порядкѣ той или другой гаммы, мы не думаемъ, однако же, утверждать, что они всегда и вездѣ такъ и развиваются, и что не иначе является то или другое чувствованіе, какъ послѣ того, какъ сердце пройдетъ рядъ, предшествующихъ ему въ гаммѣ, состояній: чувствованія, занимающія высшія мѣста въ гаммѣ, могутъ возбуждаться, по-крайней-мѣрѣ въ элементарномъ видѣ, прямо соотвѣтствующими впечатлѣніями: напримѣръ, стыдъ въ смыслѣ конфуза, или замѣшательства и нѣкоторой робости, можетъ являться прямо при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не подготовленный рядомъ предшествующихъ ему въ гаммѣ движеній сердца; или чувства мизерности, грандіозности могутъ возбудиться вдругъ при взглядѣ

на нѣкоторые предметы, радость при вѣсти о счастливомъ событіи, или надежда сряду послѣ чьихъ либо обѣщаній и т. д. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что возникая вдругъ, какъ бы внезапно, такое чувство быстро дополняется другими чувствованіями, входящими въ составъ его, или той гаммы, въ которой обыкновенно имѣетъ мѣсто такое чувство: напримѣръ, испугъ является вслѣдствіе внезапно наступившей опасности: возникаетъ удивленіе, робость и за тѣмъ охватываетъ сердце чувство горя по поводу угрожающаго бѣдствія. Важное извѣстіе возбудило въ субъектѣ восторгъ, къ нему присоединяется удивленіе, чувства силы и удачи.

Гаммы не всегда неизбѣжно доходятъ до своего конца. Онѣ часто обрываются на томъ или другомъ чувствѣ, за недостаткомъ ли впечатлѣній, которыя могли бы поднять и усилить чувство, или за насильственнымъ перерывомъ противоположными впечатлѣніями: напримѣръ, первая положительная гамма можетъ остановиться на чувствѣ удачи, или силы, на радости, нѣжности, шуткѣ и не дойти до конечнаго пункта — свѣтлой надежды; вторая — часто останавливается на чувствѣ самодовольства, самоуваженія; въ третьей — не всегда субъектъ доходитъ до чувства величія и часто останавливается на удивленіи. Тоже самое бываетъ со всѣми остальными положительными и отрицательными гаммами. За тѣмъ, чувствованія, начавши развиваться по одной гаммѣ, могутъ продолжать появляться въ душѣ по другой, однородной: наприм. весьма часто лицо, по третьей гаммѣ, доходитъ въ отношеніи существа до удивленія, или даже до чувства величія, и отъ удивленія переходитъ къ нѣжности и любви, т. е. по четвертой, — а отъ этого чувства къ шуткѣ, надеждамъ по первой. Субъектъ можетъ дойти по пятой гаммѣ до состоянія радости, отъ нея же, по первой, перейти къ волненію любви, шуткѣ и т. д. Тоже самое можетъ быть и съ отрицательными гаммами.

Наконецъ, замѣтимъ, что не всегда субъектъ методически и правильно переживаетъ въ строго установленномъ порядкѣ чувствованія извѣстной гаммы, одно за другимъ: нерѣдко бываетъ, что субъектъ, впродолженіи долгаго времени, благодаря стеченію обстоятельствъ и опредѣленному порядку жизни, постепенно поднимается въ своихъ настроеніяхъ и чувствахъ по скалѣ ихъ, т. е. гаммамъ, и нѣкоторое время какъ бы останавливается болѣе или менѣе долго на разныхъ ступеняхъ; при быстромъ переживаніи гаммъ бываетъ, что субъектъ правильно только переходитъ

отъ одной нисшей ступени къ высшей. Но гораздо чаще случается, что субъектъ, достигнувъ высшей ступени, возвращается на нисшія, снова переходитъ къ высшей и снова возвращается и т. д. Какъ играющій гамму на музыкальномъ инструментѣ, дойдя до конца ея, возвращается къ началу и снова идетъ вверхъ, останавливается на срединѣ и опять восходитъ при чемъ можетъ остановиться на нѣкоторое время на любомъ звукѣ, такъ бываетъ и съ движеніями сердца. Дошедши до шутливаго настроенія, субъектъ можетъ возвратиться на чувство нѣжности, на радость, чувство силы, удачи, удовольствія и снова постепенно подняться къ чувству веселой шутки. При этомъ онъ можетъ задержаться нѣкоторое время на моментѣ нѣжности, или радости, или чувства силы; вмѣсто того, чтобы отъ нихъ спускаться внизъ, можетъ снова возвращаться къ одной изъ высшихъ ступеней и т. под. Человѣкъ можетъ дойти въ счастливый день быстро до горделиваго чувства (вторая гамма), но не останавливаясь на немъ долго, спуститься къ самоуваженію, самодовольству, чувству силы, удачи, удовлетворенія, отъ послѣдняго подняться до самоуваженія и опять спуститься до чувства силы, отсюда къ самодовольству и т. под. Ходя по художественному музею, человѣкъ будетъ испытывать (пятая гамма) удовлетвореніе, удовольствіе, наслажденіе, даже радость при видѣ высшихъ произведеній искусства. И его состоянія сердца будутъ различно варіироваться между этими двумя крайностями, радостью и удовлетвореніемъ: онъ непрерывно, смотря по впечатлѣніямъ, будетъ быстро восходить и нисходить, останавливаясь по временамъ на той или другой степени болѣе продолжительно. Такая смѣна движеній сердца имѣетъ видъ энергичной игры чувствъ, субъектъ непрерывно съ малыми остановками проигрываетъ гаммы, какъ будто капризно поднимаясь и опускаясь въ своихъ чувствахъ. Такой игры на положительныхъ гаммахъ люди ищутъ на балахъ, театрахъ, въ спекуляціяхъ, картахъ и т. под.; игра же на отрицательныхъ скоро истощаетъ и обезсиливаетъ душу и дни такихъ гаммъ никогда не забываются.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чувствованія имѣютъ, какъ извѣстно, неодинаковую продолжительность; на нихъ имѣетъ вліяніе неоднократное повтореніе впечатлѣній, ихъ возбуждающихъ; эти два факта, какъ ни кажутся разнородными, состоятъ въ нѣкоторомъ соотношеніи между собою. Въ главѣ о памяти мы уже говорили, что мы отрицаемъ возможность полнаго исчезновенія изъ души пережитыхъ состояній; однажды пережитое душою сохраняется въ ней и теряетъ только одну энергію, требующуюся для того, чтобы сознаваться, но эта энергія можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возстановляться до той степени, при которой оно вообще можетъ быть предметомъ сознанія. Слѣдовательно, если ни одно чувствованіе не прекращается въ душѣ совсѣмъ, то вопросъ о продолжительности ихъ, въ сущности, есть вопросъ о томъ, почему одни чувствованія преимущественно предъ другими бываютъ очень энергичны, такъ что продолжительно занимаютъ собою сознаніе. Вопросъ о значеніи повторенія впечатлѣній для чувствованій, ими возбуждаемыхъ, значитъ собственно то, что дѣлается съ чувствованіемъ, продолжающимся въ душѣ безсознательно, при повтореніи впечатлѣній, причинъ его.

Продолжительность чувствованій. Объективныя и субъективныя условія ея.

Сердечныя движенія одного и того же рода могутъ продолжаться въ сознаніи различное время. Состояніе наслажденія можетъ продолжаться очень долго, то понижаясь, то повышаясь, ослабляясь и усиливаясь, и можетъ быть также короткое, на нѣсколько мгновеній. Эстетическія и интеллектуальныя наслажденія могутъ быть тоже различной продолжительности. Нѣжное волненіе бываетъ по времени долгое и короткое, какъ и гнѣвъ, радость, горестное чувство, стыдъ, страхъ, чувства удивленія, новости, угрызенія совѣсти, удачи, благоговѣнія могутъ продолжаться долго или быстро исчезать. Затѣмъ, различныя чувствованія имѣютъ разную способность къ продолжительности: напримѣръ, изъ наслажденій чувственныя бываютъ не столь продолжительны, какъ эстетическія и интеллектуальныя. Нѣжное волненіе обык-

новенно бываетъ короче, чѣмъ движеніе сочувствія. Гнѣвъ отличается замѣчательною способностію къ продолжительности. Горе продолжается долѣе, чѣмъ радость, которая бываетъ лишь мимолетнымъ моментомъ. Волненіе страха, самодовольство, оскорбленная честь, стыдъ съ униженіемъ, чувство уваженія могутъ раздаваться въ сердцѣ очень долго, тогда какъ чувство новости, удивленіе, стыдъ, какъ конфузъ, суть чувствованія короткія. Чувство долга менѣе способно продолжаться, чѣмъ состояніе угрызенія совѣсти, удовлетвореніе и удача; чувство силы обыкновенно бываетъ короче, чѣмъ возбужденіе сомнѣнія, вѣры, безсилія, благоговѣнія и вообще религіозныя возбужденія.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, два факта: одинъ тотъ, что чувствованія одного и того же вида продолжаются не равно долго и другой, что чувствованія разныхъ видовъ имѣютъ также неравную продолжительность. Конечно, намъ было бы легко снять съ себя трудъ объясненія второго факта, сославшись на спеціальную способность разныхъ чувствованій къ неодинаковой продолжительности. Но спрашивается, почему разныя движенія сердца имѣютъ такую способность? Было бы странно и между всѣми явленіями въ природѣ безпримѣрно, что короткость или продолжительность дѣйствія зависятъ не отъ причинъ, его условливающихъ, а отъ самого его. Невозможная во внѣшней природѣ причинность не можетъ встрѣчаться и въ психологическомъ мірѣ. Если нѣкоторыя чувствованія коротки сравнительно съ другими, болѣе продолжительными, то должны быть на то свои особыя причины въ условіяхъ и обстоятельствахъ возникновенія ихъ; отъ нихъ зависитъ, почему разныя движенія сердца имѣютъ разную продолжительность. И такъ какъ общее индуктивное правило запрещаетъ искать различныхъ причинъ для объясненія явленій, пока не доказано, что онѣ не могутъ быть объяснены одною общею, то мы въ условіяхъ различной продолжительности чувствованій одного вида постараемся искать причинъ также не одинаковой продолжительности чувствованій различныхъ видовъ.

Чувствованія возбуждаются представленіями различныхъ фактовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Поэтому мы должны прежде всего поставить вопросъ: на сколько продолжительность чувствованій можетъ условливаться впечатлѣніями, дѣйствующими на субъекта? Различныя впечатлѣнія различаются между собою въ отношеніи своихъ объемовъ и размѣровъ, продолжительности и

энергіи. И мы должны разсмотрѣть, на сколько эти стороны впечатлѣній условливаютъ продолжительность чувствованій.

На сколько вліяютъ на нее объемъ и размѣры впечатлѣній? Мы видѣли, что чувствованія возникаютъ изъ сравненія впечатлѣній или между собою или съ субъективными мѣрами и образцами. Впечатлѣнія, слишкомъ далеко отстоящія in plus или in minus отъ того, съ чѣмъ сравниваются, производятъ глубокія движенія сердца. Чѣмъ больше они отстоятъ, тѣмъ чувствованія бываютъ глубже и выше. Но глубокія волненія въ сердцѣ должны имѣть такія же послѣдствія, какъ и всякія глубокія волненія, наблюдаемыя во внѣшней природѣ. Чѣмъ глубже всколыхалась глубокая вода, тѣмъ долѣе не можетъ она успокоиться; глубокія волненія продолжаются долго послѣ того, какъ причина, ихъ произведшая, уже исчезла: глубоко нарушенное равновѣсіе не скоро можетъ быть возстановлено. Поэтому различная продолжительность чувствованій должна быть прежде всего отнесена къ ихъ различной глубинѣ. Чувство грандіозности волнуетъ насъ продолжительнѣй, чѣмъ простое удивленіе, потому что послѣднее мельче перваго и впечатлѣніе, его возбуждающее, меньше впечатлѣнія, возбуждающаго первое. Естественно, что глубокое волненіе любви, вызываемое первостепенною красотою, продолжается дольше, чѣмъ волненіе, вызываемое только смазливымъ лицомъ. Эта причина, различіе въ размѣрахъ впечатлѣній, должна прежде всего объяснять не одинаковую продолжительность чувствованій.

Какое вліяніе продолжительности впечатлѣній на продолжительность чувствованій? Впечатлѣніе, продолжающееся одно мгновеніе, конечно, должно имѣть менѣе шансовъ вызвать долговременное чувствованіе, чѣмъ продолжающееся нѣкоторое время. Мы видѣли, что продолжительное впечатлѣніе, способствуя накопленію силы чувства, помогаетъ усиленію его, слѣдовательно, прямо служитъ причиною болѣе продолжительнаго движенія сердца, чѣмъ большое, но короткое. Здѣсь мы должны сдѣлать два замѣчанія. Во 1-хъ, продолжительность чувствованій, условливается продолженіемъ дѣйствія впечатлѣній, тѣмъ, что они не перестаютъ быть въ наличности: чувствованіе продолжается столько времени, сколько дѣйствуетъ впечатлѣніе на субъекта. Продолженіе его въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ представлять, какъ непрерывное возобновленіе его: волна его, постоянно возобновляясь, какъ бы нагоняетъ одна другую и соединяясь,

волны кажутся одною непрерывною волною. Между тѣмъ продолжительность, условленная размѣрами впечатлѣній, со всѣмъ другого рода: чувствованіе въ этихъ случаяхъ продолжительно отъ размѣровъ волненія и оно продолжается въ сознаніи иногда долго послѣ того, какъ впечатлѣніе перестало дѣйствовать. Во 2-хъ, продолжительность чувствованія, зависящая отъ долгаго дѣйствованія впечатлѣній, имѣетъ свои предѣлы. И въ ощущеніяхъ бываетъ, что слишкомъ долго дѣйствующіе цвѣтъ, тонъ, вкусъ, запахъ, перестаютъ наконецъ замѣчаться субъектомъ: нервы, истощенные впечатлѣніемъ въ одномъ отношеніи, отказываются далѣе возбуждаться ими. То же самое бываетъ и съ чувствованіями. Впечатлѣніе, когда мы долго надъ нимъ останавливаемся, перестаетъ наконецъ волновать сердце. Встрѣтивъ предметъ съ съ удивленіемъ и присмотрѣвшись къ нему въ теченіи нѣкотораго времени, мы перестаемъ удивляться, униженіе, долго продолжающееся, перестаетъ чувствоваться, трагическое положеніе, на которое долго смотримъ, перестаетъ наконецъ возбуждать трагизмъ и т. д. Одно впечатлѣніе очень скоро истощаетъ свою возбудительную для сердца силу и переходитъ для него въ разрядъ обыкновенныхъ фактовъ, не трогающихъ его. Мало того, мы скоро истощаемся сердцемъ даже въ отношеніи различныхъ впечатлѣній, но одного и того же рода, такъ что есть предѣлъ продолжительности всякого чувствованія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно поддерживается многими однородными впечатлѣніями: посѣтитель художественнаго музея скоро перестаетъ удивляться предъ произведеніями искусства и послѣ двухъ часовъ внимательнаго осмотра становится не способенъ чувствовать наслажденіе новыми художественными предметами. Рядъ остротъ, шутокъ, анекдотовъ наконецъ прискучиваетъ и комическое чувство перестаетъ возбуждаться. Также точно впечатлѣнія могутъ утомлять сердце для гнѣва, стыда, даже страха.

Что касается до энергіи впечатлѣній, то она одна, если не соединяется съ объемностію и массивностію и если не бываетъ продолжительна, не въ состояніи образовать продолжительнаго волненія. Какъ бы энергиченъ не былъ ударъ, но если ударяющее тѣло слишкомъ легко и если движеніе его слишкомъ быстро, онъ не сообщаетъ продолжительнаго движенія, или колебанія ударяемому тѣлу. Такъ и впечатлѣнія, если они сами по себѣ не имѣютъ большой цѣны и значенія, и если притомъ они дѣйствуютъ лишь мгновенно, не даютъ продолжительнаго

чувствованія, какъ бы энергично они ни дѣйствовали. Нервы, мозгъ, а за тѣмъ душа нуждаются въ извѣстномъ количествѣ времени, чтобы придти въ движеніе, и сверхъ того, приводящая ихъ въ движеніе, причина должна быть извѣстнаго размѣра. Энергія впечатлѣній можетъ имѣть долю своего вліянія на силу чувствованій только въ томъ случаѣ, если она соединяется съ массивностію, т. е. большими размѣрами впечатлѣнія и продолжительно дѣйствуетъ на душу.

Слѣдовательно, что касается до объективной причины, то продолжительность волненія зависитъ отъ объема и высоты качествъ впечатлѣній. Тѣ изъ нихъ, которыя рѣшительнѣе выводятъ душу изъ состоянія равновѣсія, заставляютъ ее глубже волноваться, даютъ и самыя продолжительныя чувствованія. Глубоко нарушенное равновѣсіе не можетъ скоро быть возстановлено и душа нѣкоторое время продолжаетъ волноваться послѣ того, какъ впечатлѣніе перестало на нее дѣйствовать. Такъ, всѣ глубокія чувствованія, однажды возбужденныя, не скоро улегаются въ сердцѣ и продолжаютъ его колыхать, ослабляясь съ нѣкоторою постепенностію. Разъ возбужденные—страхъ, глубокій стыдъ, радость и горе высокой степени, чувства глубокаго комизма, трагизма, высокаго, благоговѣнія, долга, не скоро могутъ быть утишены. И это суть истинно продолжительныя волненія, колеблющія и потрясающія все существо души. Сила и продолжительность впечатлѣній условливать прямо продолжительности волненій не могутъ: онѣ возбуждаютъ въ теченіи извѣстнаго времени новыя волны чувствованій и этимъ только способомъ поддерживаютъ продолжительность ихъ. Сами по себѣ волны ихъ коротки и не высоки, но такъ какъ онѣ слѣдуютъ непрерывно, то, состоя въ сущности изъ множества отдѣльныхъ тожественныхъ чувствованій, образуютъ для сознанія одно непрерывное продолжительное движеніе сердца, которое, впрочемъ, тотчасъ перестаетъ возбуждаться, какъ скоро впечатлѣніе прекращаетъ свое дѣйствіе на него.

Кромѣ объективныхъ причинъ, условливающихъ продолжительность чувствованій, существуютъ и субъективныя. Въ этомъ отношеніи имѣетъ вліяніе, во 1-хъ, степень раздражительности ума и воображенія, во 2-хъ, тѣсно связанная съ нею степень чувствительности, въ 3-хъ, имѣетъ вліяніе воля и наконецъ, въ 4-хъ, физіологическія причины, кроющіяся въ ненормальномъ состояніи важныхъ частей организма.

Степень раздражительности ума и воображенія должна существенно вліять на продолжительность чувствованій. Чѣмъ впечатлительнѣй умъ и воображеніе, чѣмъ быстрѣе они способны переходить въ дѣятельное состояніе, чѣмъ скорѣе овладѣваютъ они матеріаломъ для своей работы, чѣмъ долѣе они могутъ выдерживать свою дѣятельность, тѣмъ большую продолжительность они способны сообщить чувствованію. Дѣятельный умъ овладѣваетъ впечатлѣніемъ, оцѣниваетъ его, анализуетъ, отдаетъ отчетъ въ значеніи подробностей его и тѣмъ питаетъ и поддерживаетъ чувство. Такъ, любуясь картиною, музыкою, поэтическимъ разсказомъ, драмою, трагедіей, наслаждаясь умною и оригинальною бесѣдою, книгою, впечатлительный и дѣятельный умъ размышляетъ о содержаніи, о достоинствѣ той или другой подробности, о красотѣ цѣлаго, о художественномъ пріемѣ, смѣлости его, новости, самостоятельности, глубинѣ замысла, и т. д. и онъ создаетъ условія для поддерживанія чувства на той высотѣ, до которой оно достигло сразу подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ художественнаго произведенія. Подобнымъ образомъ онъ можетъ поддерживать нѣкоторое время всякое чувство. Размышленія о красотѣ любимаго лица, его добрыхъ нравственныхъ качествахъ могутъ питать волненія любви и дружбы, какъ размышленія о потерѣ дорогого существа, о значеніи ея, о громадности лишенія, ею причиненнаго, питаютъ и поддерживаютъ чувство грусти. Радость и горе, страхъ, самоуваженіе, стыдъ, удивленіе, чувство долга, вѣра и сомнѣніе, чувство удачи и религіозныя возбужденія могутъ поддерживаться долгое время тѣмъ, что субъектъ сосредоточивается на ихъ причинѣ и объектахъ, размышляетъ о нихъ, углубляется въ подробности и т. д.

Воображеніе возбуждается вообще чувствомъ къ созданію образовъ, картинъ, могущихъ питать и поддерживать его. Эстетическія наслажденія, раздражая воображеніе, направляютъ его на построеніе поэтическихъ образовъ, въ созерцаніи которыхъ субъектъ находитъ новую пищу для своего чувства. Подъ вліяніемъ возбужденнаго комизма, въ воображеніи складываются картина, анекдотъ, шутка, которыя поддерживаютъ его на извѣстной высотѣ. Волненія нѣжности, сочувствія заставляютъ воображеніе идеализовать предметъ ихъ и никогда эта идеализація не заходитъ такъ далеко, какъ въ моментъ нѣжнаго созерцанія предмета любви. Грустящая о потерѣ сына, мать представляетъ его въ своемъ воображеніи страдающимъ, безпомощ-

нымъ, и конечно, грусть ея отъ того не умаляется. Радующійся и горюющій субъекты, одинъ въ свѣтлыхъ, другой въ мрачныхъ чертахъ, воображаютъ себѣ будущее, какъ оно должно сложиться вслѣдствіе совершившихся событій, какъ они будутъ себя чувствовать въ немъ и т. д., ихъ радость и горе продолжаются именно отъ картинъ, построяемыхъ ими въ воображеніи. Страхъ и стыдъ продолжаются довольно долго отъ того, что воображеніе, овладѣвъ впечатлѣніями и представленіями ихъ возбудившими, спѣшитъ добавлять отъ себя къ нимъ разныя подробности: при страхѣ разныя ужасныя детали, при стыдѣ — унизительную картину положенія, представляетъ смущеніе друзей и торжество враговъ и т. под. Возбужденное удивленіемъ, воображеніе долго носится съ удивившимъ субъекта предметомъ, держитъ его предъ глазами субъекта и заставляетъ чувство продолжаться. Чувство силы всегда поддерживается и сопутствуется представленіемъ собственной силы, энергіи, и чѣмъ настойчивѣе воображеніе построяетъ его, тѣмъ, конечно, чувство это бываетъ продолжительнѣй.

Чѣмъ дѣятельнѣй и раздражительнѣй умъ и воображеніе субъекта, тѣмъ продолжительнѣй онъ способенъ волноваться чувствомъ. Представимъ себѣ случай, когда впечатлѣніе дѣйствуетъ на субъекта съ апатичнымъ умомъ и недѣятельнымъ воображеніемъ. Онъ или не обратитъ на него совсѣмъ вниманія и тогда, конечно, чувствованія возникнуть не можетъ, или онъ отнесется къ нему полувнимательно: тогда чувствованіе можетъ возникнуть, но оно не можетъ долго продолжаться, такъ какъ умъ и воображеніе не въ состояніи дать ему отъ себя пищу. Можетъ быть такой случай, что умъ и воображеніе субъекта отнесутся съ полнымъ вниманіемъ къ впечатлѣнію и оно возбудитъ соотвѣтственное чувство, но, при своей апатичности и вялости, они скоро оставятъ впечатлѣніе, будутъ или тупо, безъ мысли, держать его въ головѣ, или не въ состояніи будучи долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ, что всегда возможно только подъ условіемъ силы и энергіи въ нихъ, скоро перейдутъ къ другимъ предметамъ и представленіямъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ чувствованіе продолжаться долго не можетъ: за недостаткомъ субъективной для него пищи, оно должно исчезнуть. Оттого люди, скудно одаренные умомъ и воображеніемъ, выжившіе изъ ума отъ старости, или потерявшіе его отъ душевной болѣзни, замѣчательно не способны къ долгому и продолжительному чувству.

Посмотримъ теперь, какое вліяніе на продолжительность волненій имѣютъ возвышеніе и пониженіе чувствительности. Мы видѣли, что возвышенная чувствительность облегчаетъ появленіе сильныхъ, энергическихъ движеній сердца, тогда какъ пониженная способствуетъ образованію глубокихъ чувствованій. Глубина и сила волненій, конечно, благопріятны для продолжительности ихъ. Глубоко нарушенное равновѣсіе не можетъ быть возстановлено и взволнованное высокимъ чувствованіемъ, сердце не можетъ скоро успокоиться. Но и сильное возбужденіе, именно потому, что оно энергично, тоже не можетъ вдругъ исчезнуть. Сильные, хотя не глубокіе, гнѣвъ, страхъ, стыдъ, не могутъ быть мгновенно утишены: каждое сильное волненіе непремѣнно болѣе или менѣе продолжительно. Слѣдовательно, и повышенная и пониженная чувствительность, такъ какъ первая способствуетъ глубинѣ, а вторая силѣ чувствованій, благопріятствуетъ продолжительности ихъ. Но всѣ ли роды ихъ одинаково выигрываютъ отъ повышенія и пониженія чувствительности?

Повышенная чувствительность должна способствовать продолжительности чувствованій по двумъ причинамъ. Энергическое движеніе, разъ начавшись, не скоро утрачиваетъ свою силу и при равенствѣ въ другихъ отношеніяхъ, два движенія должны, по своей продолжительности, быть прямо пропорціональны размѣрамъ своей энергіи. Отъ чего бы не происходила сила чувствованій, отъ объективныхъ или субъективныхъ причинъ, наприм. въ данномъ случаѣ отъ повышенія чувствительности, энергичное движеніе сердца будетъ во всякомъ случаѣ продолжительнѣе, чѣмъ слабое, и именно пропорціонально своей энергіи. Съ другой стороны, повышеніе чувствительности соединяется обыкновенно съ раздражительностію ума и воображенія. Такъ называемой, нервности въ большинствѣ случаевъ сопутствуетъ впечатлительность ума и живость воображенія. Когда впечатлѣніе дѣйствуетъ на субъекта съ повышенною чувствительностію, оно сейчасъ же овладѣвается умомъ и воображеніемъ его и слѣдовательно, чувство находитъ въ работѣ ихъ надъ впечатлѣніемъ обильную для себя пищу. Говоря абстрактно, отъ повышенія чувствительности всѣ движенія сердца должны становиться сильными, какъ низшія, такъ и высшія. Но de facto этотъ выводъ терпитъ ограниченія. Нѣтъ человѣческаго существа, которое было бы въ состояніи выносить и глубокія и чрезвычайно силь-

ныя волненія, все равно, какъ нѣтъ глаза и уха, которые, при не нормальной раздражительности, могли бы выносить свѣтовыя и слуховыя впечатлѣнія высокихъ степеней и притомъ большой энергіи. Человѣкъ вынесетъ сильныя, но не глубокія волненія. Значитъ, повышенная чувствительность фактически покровительствуетъ продолжительности чувствованій лишь нисшихъ степеней. И это мы видимъ на опытѣ. Чувствительная дама не можетъ долго успокоиться отъ гнѣва, возбужденнаго въ ней ничтожною причиною, но сильнаго, такъ какъ она вообще очень раздражительна, отъ испуга, происшедшаго отъ пустой причины но сильнаго, отъ удивленія неважному впечатлѣнію и т. д. Незначительные поводы возбуждаютъ въ ней сильныя чувства, которыя, по причинѣ своей энергіи, бываютъ обыкновенно продолжительны.

Пониженіе чувствительности само по себѣ должно имѣть не благопріятное вліяніе на продолжительность чувствованій. Оно означаетъ какъ бы нѣкоторое отсутствіе эластичности и мягкости въ сердцѣ: оно мало и туго поддается дѣйствію на него впечатлѣній. Слѣдовательно, для нисшихъ размѣровъ ихъ и равно для среднихъ такое сердце можетъ давать только слабые отвѣты. Слабость же чувствованій есть обстоятельство невыгодное для продолжительности ихъ. Слабый звукъ во всякомъ случаѣ продолжается недолго и слабое чувствованіе, отъ чего бы эта слабость ни происходила, долго волновать сердце не въ состояніи. Но мы видѣли въ свое время, что пониженіе чувствительности дѣлаетъ возможнымъ для субъекта переживаніе самыхъ глубокихъ и высокихъ движеній сердца. Будь они энергичны въ той мѣрѣ, въ какой они глубоки, субъектъ не могъ бы перенести ихъ: онъ неизбѣжно разстроился бы или физически или духовно. Пониженная чувствительность, какъ менѣе эластичная и подвижная, отвѣчая на объемныя и высшія по качествамъ своимъ впечатлѣнія, какъ того требуютъ вообще законы, управляющіе жизнію сердца, даетъ, однако же, чувствованія далеко не энергичныя: часть силы впечатлѣнія какъ бы скрадывается, игнорируется имъ. И потому для такого сердца возможны самыя глубокія движенія. Хотя они не столь сильны, какъ должны были бы быть при нормальной чувствительности, но все же они не могутъ быть и слабы: ибо, въ большинствѣ случаевъ, массивныя и самыя интенсивныя впечатлѣнія бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и энергичныя. Эти глубокія движенія должны быть продолжи-

тельны. Такимъ образомъ пониженная чувствительность не прямо, косвенно, содѣйствуетъ продолжительности чувствованій: она благопріятствуетъ глубинѣ ихъ, которая въ свою очередь условливаетъ продолжительность.

Вѣрность нашихъ замѣчаній подтверждается наблюденіями. Сангвиникъ, отличающійся высокою чувствительностію, на незначительныя впечатлѣнія отвѣчаетъ продолжительными сильными чувствованіями; онъ, какъ говорятъ, ни въ чемъ не знаетъ мѣры. Волны удивленія, страха, гнѣва, нѣжности, наслажденія, радости, горя энергично настигаютъ у него одна другую и долгое время продолжаютъ идти одна за другою. Флегматикъ туго поддается на малыя или средняго уровня впечатлѣнія, достаточныя, при нормальной чувствительности, для возбужденія чувствованій, но для него слишкомъ слабыя. Но и онъ способенъ отвѣчать на самыя высокія и объемныя впечатлѣнія глубокими чувствами, и когда уже разъ возбуждено въ немъ такое глубокое движеніе, то оно скоро остановиться не можетъ. Малое и незначительное впечатлѣніе, трогая его слабо, даетъ движенія, по своей слабости, скоро исчезающія изъ сознанія: это мимолетныя тучки, чуть чуть проясняющія или омрачающія чело его, проходящія мимо очень быстро; когда же значительное впечатлѣніе разтрогало его, то чувство бываетъ глубоко и сердце долго не успокоивается. Такого человѣка трудно разсердить, но разгнѣвавшись, онъ будетъ гнѣваться долго, нелегко удивить, устрашить, обрадовать, но разъ эти чувства въ немъ явились, онъ не скоро придетъ въ спокойное состояніе.

Далѣе, не касаясь теперь общаго вопроса объ отношеніяхъ воли къ чувству, въ разбираемомъ частномъ случаѣ мы должны замѣтить, что на продолжительность чувствованій можетъ имѣть вліяніе воля. Можно желать и не желать чувствованія: мы отвращаемся угнетающихъ движеній сердца и стремимся къ услаждающимъ и возбуждающимъ. И когда мы желаемъ чувствованія, мы не только намѣренно порождаемъ строй, при которомъ легко такое состояніе сердца является, но и усиливаемся возбудить себя къ его продолженію. Въ такомъ положеніи находится любитель предъ художественною вещею, о которой ему много наговорили, или которую онъ желалъ бы найти высоко прекрасною: онъ будетъ всемѣрно принуждать себя къ наслажденію ею и несомнѣнно, что въ нѣкоторой степени можетъ, если только хотя малый къ тому поводъ есть, усилить его. О такомъ чув-

ствѣ говорятъ, что оно вымучено, но все таки оно есть: усиленно принуждая себя къ нему, онъ можетъ сообщить ему силу и тѣмъ поддержать его продолжительность. Когда человѣку хочется смѣяться, онъ можетъ своею волею усилить чувство комизма, возникшее изъ шутки, анекдота, и такимъ образомъ дать ему большую продолжительность. Извѣстно, какъ различны выходятъ шутка, анекдотъ, смотря потому, желаютъ ли слушатели смѣяться или нѣтъ; напримѣръ, разсказываетъ анекдотъ врагъ, комизма слушатель отрицать не можетъ, но онъ не желаетъ чувствовать шутку врага и потому чувство комизма сокращается имъ до послѣдней степени: онъ не можетъ не чувствовать его вообще, но продолжительность его урѣзывается его волею; со всѣмъ противоположное бываетъ, когда туже шутку разсказываетъ другъ и когда слушателю хочется угодить ему. Въ нѣжныхъ чувствованіяхъ есть моментъ влеченія и потому въ нихъ сравнительно легче волею усиливать волненіе и слѣдовательно, продолжать его. Волею субъектъ можетъ продлить или укоротить его, но, конечно, все это лишь въ извѣстной степени. Бываютъ минуты, когда субъекту хочется грустить и онъ пользуется малѣйшимъ поводомъ въ своихъ представленіяхъ, чтобы появившуюся грусть продолжить и усилить. Въ иное время встрѣчается потребность гнѣва и субъектъ, нарочно раздражая себя, придаетъ силу своему волненію и нарочно продолжаетъ его. Иногда мы радуемся и горюемъ столь долго, сколько того желаемъ. Усиленная и продолжительная радость часто бываетъ отъ того, что субъектъ очень желаетъ продолжить минуты ея и горестное чувство укорочивается, потому что субъектъ его не желаетъ, потому что онъ ему противодѣйствуетъ.

Человѣкъ, съ охотою отдающійся чувству удивленія, гораздо дольше будетъ поддерживать его силу, чѣмъ субъектъ, совсѣмъ не желающій удивляться. Потому, что воля имѣетъ такое большое вліяніе на продолжительность чувствованія, происходитъ тотъ фактъ, что люди очень коротко удивляются подвигамъ и великимъ дѣламъ своихъ враговъ и не изъ притворства, а совершенно искренно долго поддерживаютъ удивленіе къ дѣламъ своихъ друзей. Гордецъ и чванливый человѣкъ потому такъ долго волнуется самоуваженіемъ и чувствомъ чести, что онъ ихъ хочетъ и желаетъ возможно долгаго продолженія ихъ. Тоже можно замѣтить на чувствахъ долга и совѣсти, сомнѣніи и вѣрѣ, чувствѣ силы и религіозныхъ возбужденіяхъ. Является чувствованіе

и если его желаетъ субъектъ, онъ усиливается продолжить его, если же оно для него не удобно или онъ отвращается отъ него, то онъ старается ослабить и укоротить его.

Спрашивается, какъ возможно для воли намѣренно продолжать и также сознательно укорочивать чувствованія? Она можетъ достигать своей цѣли въ этомъ случаѣ прямо и косвенно. Воля можетъ продолжать и сокращать ее или чрезъ перенесеніе вниманія отъ поводовъ къ чувствованіямъ на другіе предметы, отъ чего они лишаются почвы для себя, или чрезъ сосредоточеніе вниманія на поводахъ къ нимъ, отъ чего для нихъ умомъ и воображеніемъ дается новая пища и они становятся продолжительными. Мы увидимъ что съ силою и продолжительностію чувствованій воля можетъ бороться часто физіологическимъ путемъ, препятствуя ихъ выраженію въ тѣлѣ. Прямой способъ вліянія воли на продолжительность чувствованій возможенъ потому, что въ нихъ есть значительный волевой элементъ. Въ послѣдствіи мы спеціально займемся вопросомъ объ отношеніяхъ воли къ чувству и надѣемся доказать фактъ, теперь нами только констатируемый: всякое чувствованіе развивается на основѣ какого либо влеченія или отвращенія. Воля оказывается такимъ образомъ прямо прикосновенною къ чувствованіямъ и можетъ вліять на ихъ продолжительность: она можетъ усилить и продолжить сторону желанія или отвращенія чувства и этимъ объясняется, почему можно до нѣкоторой степени вымучить изъ себя усиленныя: любовь, гнѣвъ, наслажденіе, удивленіе и т. д.; воля можетъ прямо сократить чувствованіе, отнимая отъ него свой элементъ. Мы перестаемъ находить въ чемъ бы то ни было наслажденіе, какъ скоро перестаемъ его желать, перестаемъ гнѣваться, какъ скоро перестаемъ отрицать и отвращаться предмета его, задерживаемъ стыдъ, какъ скоро принимаемъ твердое рѣшеніе не конфузиться. Человѣкъ съ твердымъ характеромъ и крѣпкою волею можетъ, въ извѣстной степени, бороться съ своимъ чувствомъ, продолжать и прекращать его прямо чрезъ волевой элементъ, входящій въ составъ его.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о физіологическихъ вліяніяхъ, служащихъ иногда причиною продолжительности чувствованій. Какъ чувствованіе вліяетъ на многія органическія отправленія, такъ и обратно, послѣднія могутъ возбуждать первыя. Страданія сердца служатъ причиною трусливаго настроенія, неопредѣленнаго страха, болѣзни кишечнаго канала, не нормальный

составъ крови порождаютъ угрюмое, боязливое, раздражительное состояніе. Бодрое и веселое настроеніе твердо держится при общемъ здоровьѣ тѣла, печальныя и угнетенныя состоянія духа при разстройствѣ его. Особенно же нормальныя или не нормальныя состоянія нервной системы имѣютъ рѣшительное значеніе для возникновенія веселыхъ, радостныхъ, или печальныхъ, раздражительныхъ волненій. Присутствіе въ крови постороннихъ ея составу веществъ—алкоголя, наркотическихъ веществъ, аффицируя мозгъ, предрасполагаетъ сердце къ извѣстнымъ чувствованіямъ, бываетъ причиною поднятія или пониженія чувствительности. Такъ какъ никто не свободенъ отъ временныхъ или хроническихъ разстройствъ въ той или другой части организма, то физіологическія причины возбуждаютъ чувствованія весьма часто, чаще, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.

Предположимъ теперь, что впечатлѣнія вызываютъ чувствованія, которыхъ требуетъ или которымъ благопріятствуетъ состояніе тѣла: наприм. на человѣка съ органическимъ порокомъ сердца и предрасположеннымъ къ страху дѣйствуетъ что либо опасное и безъ того возбуждающее страхъ. Онъ будетъ чувствовать сильный страхъ и при томъ продолжительный, такъ какъ и безъ того онъ къ такому чувствованію предрасположенъ. Предположимъ даже, что на субъекта дѣйствуетъ впечатлѣніе, вызывающее чувствованіе противоположное тому, какого требуетъ организмъ: наприм. когда, по состоянію своему, человѣкъ легко отдался бы меланхолическому настроенію, съ нимъ совершается событіе радостное или забавное. Тогда или чувствованія не произойдетъ совсѣмъ, или оно явится, но очень слабое, слѣдовательно, будетъ непродолжительно. До какой степени состояніе организма можетъ вліять на продолжительность чувствованій, показываютъ душевныя болѣзни, происшедшія отъ физіологическаго разстройства: между прочимъ онѣ отличаются не естественною продолжительностію чувствованій: недѣли и мѣсяцы проходятъ, а субъектъ постоянно находится въ состояніи печали или страха или гнѣвнаго раздраженія. Эта не естественная продолжительность чувства и есть вѣрный показатель нарушенія духовнаго равновѣсія и во многихъ случаяхъ органической болѣзни.

Такимъ образомъ вопросъ о продолжительности чувствованій превращается въ вопросъ о причинахъ, которыми сила ихъ поддерживается въ сознаніи болѣе или менѣе продолжительное

время. Мы видѣли, что тѣже причины, которыя условливаютъ ихъ энергію вообще, вліяютъ и на продолжительность ихъ: послѣдняя прямо пропорціональна первой. Никакое чувствованіе не исчезаетъ изъ души и въ этомъ смыслѣ всякое одинаково продолжительно, но они не равно бываютъ интенсивны и слѣдовательно, могутъ не равное время занимать собою сознаніе.

Значеніе неоднократнаго повторенія впечатлѣній для силы чувствованій.

Фактъ повторенія душевныхъ состояній, вслѣдъ за повтореніемъ впечатлѣній, самъ по себѣ есть явленіе обыкновенное и повидимому, не требующее никакихъ особыхъ замѣчаній. Но повтореніе чувствованій и какъ мы потомъ увидимъ, желаній представляетъ нѣкоторыя любопытныя особенности. Ощущеніе можетъ повторяться сколько угодно разъ и при томъ въ одной и той же формѣ съ одинаковою силою и качествомъ; въ немъ все зависитъ отъ впечатлѣнія; если оно во второй или третій разъ дѣйствуетъ съ одинаковою силою, то ощущеніе каждый разъ будетъ одинаково. Равно и мысль возобновляется легко въ одномъ и томъ же размѣрѣ глубины и силы, если напряженіе умственной дѣятельности одинаково. Чувствованіе же ведетъ себя при повтореніи иначе: оно въ такомъ случаѣ или усиливается или ослабляется. Положимъ, извѣстное впечатлѣніе возбудило какое нибудь чувство; тоже впечатлѣніе повторилось, но чувство является или болѣе слабое или болѣе сильное, но рѣдко — прежнее. Повтореніе обиды или вызываетъ болѣе сильный гнѣвъ или мало сердитъ субъекта, но почти никогда невозбудитъ такого гнѣва, какой возбудила въ первый разъ; опасность возбуждаетъ страхъ; при повтореніи она причинитъ или большій страхъ, или субъектъ будетъ менѣе страшиться ея. При повтореніи уменьшается наслажденіе, доставляемое впечатлѣніемъ: шутка во второй разъ не такъ уже забавна, какъ въ первый; чувственныя наслажденія съ повтореніемъ впечатлѣнія или усиливаются или, какъ это бываетъ большею частію, уменьшаются. Едва ли возможно указать хотя одно чувство, которое не усиливалось бы или не ослаблялось отъ повторенія.

Мы не имѣемъ въ виду тѣхъ случаевъ, когда субъектъ, переживъ извѣстное событіе, находитъ, что оно, въ сущности,

серіознѣе, чѣмъ онъ предполагалъ прежде. Такъ какъ въ этихъ двухъ случаяхъ дѣйствуютъ на субъекта два различныхъ впечатлѣнія, ибо смыслъ одному и тому же событію усвояется различный въ разное время, то понятно, что и чувствованіе, при такихъ обстоятельствахъ, бываетъ не одинаково. Здѣсь разность чувства происходитъ отъ того, что субъектъ сначала относится къ впечатлѣнію или слишкомъ легкомысленно, или слишкомъ серіозно и потомъ какъ бы одумавшись, находитъ правильную точку зрѣнія на него и отвѣчаетъ болѣе соотвѣтствующимъ чувствомъ. Затѣмъ, мы не разумѣемъ здѣсь тѣхъ случаевъ, когда одни и тѣже впечатлѣнія возбуждаютъ различныя чувствованія вслѣдствіе различія мѣръ, которыми они измѣряются. Понятно, что одинъ и тотъ же предметъ будетъ дѣйствовать на сердце различно, смотря по тому, обыденнымъ и привычнымъ размѣромъ мы измѣряемъ его, или идеальнымъ долженствующимъ быть.

Въ движеніяхъ сердца душа оцѣниваетъ впечатлѣніе и по скольку значеніе послѣдняго не измѣняется, чувствованіе остается неизмѣннымъ. Оно и должно оставаться таковымъ, если только въ жизни сердца есть какой нибудь смыслъ и законъ, котораго оно держится. Если же при повтореніи впечатлѣнія сердце отвѣчаетъ усиленнымъ или болѣе слабымъ сравнительно съ прежнимъ волненіемъ, то мы можемъ, до нѣкоторой степени a priori, заключить, что оно измѣнилось, стало не тѣмъ, какимъ было прежде. И дѣйствительно, повтореніе впечатлѣній, волнующихъ субъекта, можетъ имѣть для него двоякое значеніе. Въ повтореніи субъектъ можетъ видѣть настойчивость противодѣйствія ему, усиленіе не благопріятныхъ обстоятельствъ для его дѣятельности, опасность болѣе глубокаго паденія. Не приспособившись къ впечатлѣнію, напротивъ, отрицая его всѣми силами своей души, субъектъ будетъ имѣть не прежнее впечатлѣніе, хотя объективно оно, можетъ быть, остается одно и тоже, но гораздо большее, усиленное. Такъ, вторичное противленіе одному и тому же приказанію начальника вызываетъ въ немъ большій гнѣвъ, чѣмъ первое, потому что оно означаетъ сильнѣйшее противодѣйствіе ему. Повтореніе опасности можетъ вызвать болѣе сильный страхъ, когда въ ней субъектъ видитъ настойчивую угрозу его благосостоянію. Равно, повторенное униженіе, во второй разъ совершившееся нарушеніе долга, могутъ глубже взволновать человѣка, первое стыдомъ, второе муками совѣсти, если субъектъ придаетъ значеніе повторенію событія. Усиленіе чув-

ства при повтореніи впечатлѣнія является во всѣхъ случаяхъ, когда субъектъ не успѣваетъ и не можетъ приспособиться къ нему, примириться съ нимъ, перестать противодѣйствовать ему и отрицать его.

Съ другой стороны, при неоднократномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, случается, что чувство выражаемое имъ становится съ каждымъ новымъ повтореніемъ слабѣе и слабѣе. Бываетъ, что повторенная обида вызываетъ усиленный гнѣвъ, бываетъ и такъ, что она менѣе раздражаетъ, чѣмъ въ первый разъ. Есть униженные и оскорбленные, которые почти нечувствуютъ повторяющихся униженій: на многія оскорбленія они отвѣчаютъ столь слабымъ гнѣвомъ, что, повидимому, они лишь принимаютъ ихъ къ свѣдѣнію. Стыдно человѣку въ первый разъ просить другого объ одолженіи, но иногда онъ менѣе стыдится во второй; при первомъ проступкѣ субъектъ можетъ чувствовать большое угрызеніе совѣсти, во второй менѣе и т. д. Можно пріучиться къ противодѣйствію и непослушанію другихъ людей до того, что они будутъ вызывать гнѣвъ только въ слабой степени. Радостно волнуетъ впечатлѣніе въ первый разъ, но во второй оно можетъ возбуждать менѣе радости. Извѣстно, какъ отъ частаго повторенія одной и той же обстановки уменьшаются чувства благоговѣнія, страха, т. е. религіозныя чувствованія, удивленіе, грусть и т. д.

Фактъ уменьшенія чувствованій отъ повторенія впечатлѣній не подлежитъ сомнѣнію. Что же онъ значитъ? На что простирается уменьшеніе, на силу или глубину движеній сердца? Прежде всего, конечно, на силу. Впечатлѣніе возбуждаетъ чувствованіе извѣстной глубины, но энергія его становится съ каждымъ повтореніемъ менѣе и менѣе. Чувство униженія, вызываемое обидами, продолжаетъ быть глубокимъ, но неоднократное повтореніе образуетъ въ субъектѣ привычку къ нему: онъ успѣваетъ уже до нѣкоторой степени примириться съ нимъ и чувство слабѣетъ въ своей силѣ. Радость, вызванная первымъ большимъ выигрышемъ, можетъ быть велика, но вторичный выигрышъ радуетъ менѣе сильно, потому что новость впечатлѣнія для субъекта уже исчезла, онъ успѣлъ приспособиться къ нему и прежняго значенія для него оно не можетъ имѣть. Представимъ теперь, что впечатлѣніе продолжаетъ повторяться; оно вызываетъ въ субъектѣ приспособленіе, примиреніе съ собою, привычку къ нему: оно продолжаетъ возбуждать чувствованіе извѣстной глубины,

но все слабѣе и слабѣе, такъ что наконецъ оно не доходитъ до minimum'а, при которомъ могло бы сознаваться. Въ этомъ случаѣ дѣлается съ чувствованіемъ тоже самое, что и съ слуховымъ ощущеніемъ. Извѣстное впечатлѣніе вызываетъ въ ухѣ тонъ извѣстной высоты; часто повторяясь, онъ слышится субъектомъ все слабѣе и слабѣе, и наконецъ бываетъ такъ слабъ, что перестаетъ имъ слышаться. Тонъ, какъ таковой, не понижается и не повышается, а только теряетъ силу.

Такъ, я думаю, слѣдуетъ смотрѣть и на возрастаніе чувствованій въ нѣкоторыхъ случаяхъ повторенія впечатлѣній. Чувство, какъ таковое, не углубляется, и оставаясь строго соотвѣтствующимъ значенію впечатлѣнія, только усиливается въ энергіи. Конечно, возможны и такіе факты, что при первыхъ случаяхъ повторенія извѣстныхъ обстоятельствъ чувство усиливается, такъ какъ субъектъ еще противодѣйствуетъ ему и отрицаетъ его всѣми силами души, но затѣмъ, дальнѣйшія повторенія ихъ вызываютъ постепенно ослабѣвающія чувствованія и наконецъ, они перестаютъ возбуждаться, потому что субъектъ уже до нѣкоторой степени приспособляется къ обстоятельствамъ и примиряется съ ними. Возможенъ, разумѣется, и такой случай, что съ каждымъ разомъ впечатлѣніе будетъ для субъекта все значительнѣй и значительнѣй и, особенно въ случаяхъ отрицательныхъ чувствованій, будетъ казаться все нестерпимѣй. Это бываетъ тогда, когда субъектъ не въ состояніи примириться съ обстоятельствами, приспособиться къ нимъ. Чувство будетъ имѣть все одну и туже высоту или глубину, но съ каждымъ повтореніемъ будетъ сильнѣй и сильнѣй, пока не дойдетъ до maximum' напряженія.

Выше мы предполагали, что повторяющееся впечатлѣніе продолжаетъ возбуждать чувствованіе, при чемъ глубина его остается не прикосновенною, а только энергія постепенно ослабѣваетъ. Но повтореніе можетъ имѣть вліяніе на измѣненіе мѣры, которою субъектъ измѣряетъ впечатлѣніе. Мы видѣли, что впечатлѣніе вызываетъ чувство лишь въ томъ случаѣ, когда оно не доходитъ или переходитъ за мѣру, съ которою субъектъ обращается къ нему, и что съ измѣненіемъ ея должна измѣняться и глубина чувствованій. Извѣстное впечатлѣніе, положимъ, возбуждало соотвѣтствующее чувствованіе, затѣмъ, оно стало часто повторяться; вмѣсто необыкновеннаго и страннаго, оно становится привычнымъ, обыденнымъ; оно само дѣлается мѣрою и какъ таковое, совсѣмъ перестаетъ возбуждать сердце. Слѣдо-

вательно, здѣсь прекращеніе чувства вслѣдствіе повторенія впечатлѣній объясняется не примиреніемъ субъекта съ нимъ, а переходомъ ихъ въ разрядъ обыкновенныхъ и обыденныхъ представленій, или образцовъ, съ которыми сравниваются новыя впечатлѣнія. Въ жизни мы находимъ частыя подтвержденія указываемаго нами факта. Забитый человѣкъ такъ часто встрѣчается съ обидами, оскорбленіями, противодѣйствіями всякого рода, что они становятся для него обычными мѣрами отношеній къ нему другихъ людей и чувствованія возбуждаются у него, когда дѣйствія людей недоходятъ, или переходятъ за эту привычную мѣру. Нѣкогда гордый и взыскательный человѣкъ, подъ вліяніемъ превратностей жизни, бываетъ благодаренъ за малѣйшую благожелательность, доброе слово, потому что обыкновенно этого онъ не встрѣчаетъ. Присмотрѣвшись ко многимъ удивительнымъ вещамъ, субъектъ ими измѣряетъ другіе предметы и первыя уже не кажутся ему удивительными: онѣ перешли для него въ разрядъ обыденныхъ. Такъ, можно избаловаться счастіемъ и что прежде возбуждало въ человѣкѣ великую радость, то будетъ казаться для него обыкновенною, не важною вещію.

Слѣдовательно, повтореніе впечатлѣній можетъ двоякимъ образомъ вести къ ослабленію чувствованій. Съ одной стороны, оно иногда пріучаетъ волю мириться съ событіями, менѣе противодѣйствовать и пріучаться къ нимъ; съ другой, оно дѣйствуетъ на мѣру, которою измѣряется впечатлѣніе, переводя его изъ разряда необыкновенныхъ въ привычныя и обыкновенныя. Что эти два процесса слѣдуетъ различать, это доказывается тѣмъ, что во многихъ случаяхъ, хотя впечатлѣніе повторяется, но чувствованіе усиливается, а не уменьшается: повидимому, отъ повторенія оно должно было бы перейти въ разрядъ обыкновенныхъ, но этого не происходитъ, а напротивъ, оно кажется еще страннѣе и необыкновеннѣе. Въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ главнѣе всего воля, ея противодѣйствіе или несогласіе съ впечатлѣніемъ, усиливающееся съ каждымъ повтореніемъ его. Во второмъ же процессѣ дѣйствуетъ привычка къ представленію, какъ обыкновенно вызываемому ходомъ событій. Оба процесса могутъ и соединиться вмѣстѣ, т. е. съ уменьшеніемъ противодѣйствія души впечатлѣнію, оно переходитъ отъ повторенія въ разрядъ обыкновенныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Настроеніе. Разстройство сердца.

Разсмотримъ теперь ту форму жизни сердца, которая именуется настроеніемъ. Терминъ этотъ взятъ отъ музыки: въ ней говорится о строѣ инструмента, наприм. скрипки, фортепіано и т. д. и одинъ строй называется въ ней правильнымъ, другой неправильнымъ, высокимъ или низкимъ. Строй опускается, когда струны ослабляются и начинаютъ давать слабые звуки; онъ повышается, когда натяженіе ихъ возрастаетъ и звуки, извлекаемые изъ нихъ, становятся выше. Инструментъ правильно настроенъ, когда напряженіе каждой струны согласовано съ напряженіемъ всѣхъ другихъ въ немъ и каждая изъ нихъ даетъ звукъ должной высоты, тотъ самый, для произведенія котораго она предназначена; напротивъ, инструментъ разстроенъ, когда нѣкоторыя струны его даютъ звуки, высшія или нисшія сравнительно съ тѣми, какими они должны быть, отчего гармонія звуковъ становится невозможною. Очевидно, подъ музыкальнымъ строемъ разумѣются: во 1-хъ, степень натяженія струнъ, опредѣляющаго высоту получаемыхъ отъ нихъ звуковъ и во 2-хъ, согласіе или несогласіе ихъ между собою.

Выраженія: психическій строй, душевное настроеніе, употребляются преимущественно въ отношеніи сердца и какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ этимъ терминамъ дается различный смыслъ. Иногда подъ настроеніемъ разумѣется нѣкоторый спросъ въ сердцѣ на извѣстное чувствованіе, какъ бы внутреннее хотѣніе его. Въ другихъ случаяхъ, въ соотвѣтствіе музыкальному словоупотребленію подъ настроеніемъ разумѣется степень чувствительности субъекта, высокая или низменная. Наконецъ, настроеніемъ часто называютъ господство въ сердцѣ извѣстной гаммы чувствованій, причемъ субъектъ обнаруживаетъ естественную или неестественную послѣдовательность смѣны чувствованій.

1) Несомнѣнно, что бываетъ по временамъ нѣкоторый спросъ въ душѣ на извѣстныя чувствованія и въ такіе моменты она обнаруживаетъ склонность быть чувствительною въ извѣстномъ направленіи. Это нужно особенно замѣтить о нѣкоторыхъ болѣе или менѣе легкихъ и пріятныхъ чувствованіяхъ. Такъ, иногда является внутренняя потребность въ художественныхъ наслажде-

ніяхъ и съ такимъ настроеніемъ люди идутъ въ музей, театры, концерты; среди серіозныхъ занятій является потребность шутки, игры и забавы и субъектъ оказывается въ шутливомъ настроеніи; можетъ быть потребность отклика со стороны другого сердца на страданія, на душевныя тревоги вообще, и тогда субъектъ чувствуетъ въ себѣ дружественное настроеніе. Гордыя и чванливыя настроенія души происходятъ оттого, что субъекты чувствуютъ потребность ѳиміама лести, и за недостаткомъ его со стороны другихъ, сами воздаютъ его себѣ. Такъ какъ хотѣніе чести у такихъ субъектовъ наиболѣе постоянно, то оно-то и даетъ постоянство ихъ настроенію. Можно чувствовать глубокую потребность религіозной вѣры и также, въ моменты особеннаго усиленія ея, быть соотвѣтственно настроеннымъ. Я думаю, что иногда душа чувствуетъ потребность въ нѣкоторыхъ даже отрицательныхъ чувствахъ: наприм. есть моменты, когда она проситъ безпокойства гнѣва, пользуется ничтожнымъ случаемъ для развитія его и умиротворяется, когда эта потребность удовлетворена, или по временамъ многіе чувствуютъ нужду въ самобичеваніи и самоосужденіи, или даже грусти, часто безпричинной, какъ будто имъ необходимо нѣкоторое время потравить, помучить самихъ себя. При такихъ условіяхъ субъекты оказываются, по временамъ, въ видимо безпричинныхъ настроеніяхъ — гнѣвномъ, грустномъ, самонедовольномъ.

Эти факты непонятны, если не обратить вниманія на тѣсную связь чувствованій съ волею, ея хотѣніями, желаніями и стремленіями. Какъ мы увидимъ, не чувствованія порождаютъ хотѣнія, а наоборотъ, они развиваются на основѣ воли, ея сознательныхъ и безсознательныхъ хотѣній и желаній. Изъ глубины ихъ идутъ вызовы искать впечатлѣній, могущихъ удовлетворить ихъ и такимъ образомъ человѣкъ оказывается въ настроеніяхъ эстетическихъ, шутливыхъ, горделивыхъ, религіозныхъ. Можетъ чувствоваться потребность самоутвержденія въ гнѣвѣ, самообличенія худшей своей стороны, союза съ другомъ, отшедшимъ въ вѣчность, что, однако, осуществлено быть не можетъ; поэтому является грусть и самая потребность союза сказывается, какъ потребность грусти.

2) Во многихъ случаяхъ настроенію дается значеніе строя, въ силу котораго въ разное время одинъ и тотъ же субъектъ весьма различно отвѣчаетъ на впечатлѣнія; въ одномъ настрое-

ніи онъ сильно гнѣвается на то, что при другомъ его мало трогаетъ, неодинаково страшится, радуется, горюетъ по поводу однихъ и тѣхъ же фактовъ. Въ сердцѣ бываютъ разные строи, разныя степени и размѣры чувствительности. Постараемся теперь съ этой стороны освѣтить изслѣдуемый фактъ.

Прежде всего, разныя настроенія могутъ происходить отъ различія мѣръ, прилагаемыхъ къ впечатлѣніямъ, какъ разными субъектами, такъ даже однимъ и тѣмъ же лицомъ. Выше мы видѣли, какъ различно сердце оцѣниваетъ впечатлѣнія: въ однихъ случаяхъ оно измѣряетъ ихъ обыкновенною, среднею мѣрою, въ другихъ образцами прошлаго, въ третьихъ ожидаемыми или воображаемыми размѣрами и въ четвертыхъ идеальною мѣрою. Различіе мѣръ ведетъ къ неодинаковости чувствительности разныхъ субъектовъ и даже одного и того же субъекта въ разное время къ однимъ и тѣмъ же впечатлѣніямъ. Абсолютная чувствительность по степенямъ собственно остается у всѣхъ неизмѣнною, но ея результаты чрезвычайно мѣняются смотря по тому, кто какою руководится мѣрою. Руководящійся практическою обыденною мѣрою будетъ удивляться выходящему изъ ряда вонъ явленію, тогда какъ идеалистъ будетъ даже презирать его, какъ нѣчто низменное, далеко отстоящее отъ идеальнаго образца. Субъектъ, увлекшійся воображеніемъ и ожиданіемъ, будетъ гнѣваться на то дѣйствіе со стороны другихъ, которое лицу практическому будетъ казаться даже услугою. Въ своемъ мѣстѣ мы уже разъяснили вліяніе мѣры на характеръ и высоту чувствованій, возбуждающихся въ субъектѣ впечатлѣніями, и потому намъ нѣтъ нужды долѣе останавливаться на этомъ предметѣ.

Отъ различія указанныхъ мѣръ происходитъ различіе настроеній. Оптимистическое и пессимистическое настроенія могутъ возникать въ человѣкѣ — первое отъ того, что онъ приступаетъ къ обсужденію вещей съ слишкомъ ничтожными ожиданіями, или привыкъ измѣрять ихъ слишкомъ малыми мѣрами: онъ будетъ импонироваться очень многими фактами и въ немъ будутъ возбуждаться высокія чувства слишкомъ обыкновенными вещами. Напротивъ, субъектъ, примѣняющій къ нимъ не естественно высокія, или идеальныя мѣры, будетъ имѣть низменныя отрицательныя чувствованія: онъ будетъ пессимистомъ. Отъ такихъ причинъ возникаютъ оптимистическія и пессимистическія, возвышенныя и низменныя настроенія. Они означаютъ различные строи души. Одни и тѣже впечатлѣнія будутъ совершенно раз-

лично дѣйствовать на идеалиста, практика, фантазера, и такъ какъ субъектъ въ различныя времена и при разныхъ обстановкахъ можетъ быть и первымъ, вторымъ, или третьимъ, то понятно, что одно и то же лицо будетъ различно волноваться въ разное время и въ разныхъ обстоятельствахъ отъ однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, будетъ обнаруживать разныя настроенія.

Въ разсмотрѣнномъ случаѣ разность настроеній возникла изъ неодинаковости мѣръ, которыми измѣряются впечатлѣнія. Но она можетъ являться отъ неодинаковости раздражительности сердца какъ у разныхъ индивидуумовъ, такъ и у одного и того же лица, но въ разное время. Въ струнныхъ инструментахъ могутъ быть высокіе и низкіе строи и если мѣнять въ музыкальномъ инструментѣ строй, то одинъ и тотъ же ударъ можетъ въ немъ вызывать, смотря по натяженію струнъ, сильные, энергичные, или слабые, вялые звуки. Музыка различаетъ нормальный средній, высокій и низкій строи. Но несомнѣнно, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ раздражительность сердца то увеличивается, то уменьшается и что въ разныхъ лицахъ она бываетъ различна. Какія обстоятельства имѣютъ вліяніе на нее,—объ этомъ мы уже говорили. Раздражительность можетъ увеличиваться или уменьшаться отъ причинъ физіологическихъ и психическихъ — вліянія воли, воображенія. Слѣдствія уменьшенія и увеличенія ея сказываются на силѣ чувствованій. Уменьшенная чувствительность даетъ слабыя по силѣ чувствованія, увеличенная чрезмѣрно сильныя. Глубина ихъ и качества остаются въ обоихъ случаяхъ одними и тѣми же; законъ возрастанія и пониженія чувствованій остается неизмѣннымъ, только при низкомъ строѣ высокія, низкія и среднія волненія становятся слабы, привысокомъ — сильны. Въ такомъ случаѣ происходитъ то же самое явленіе, какое бываетъ при сильно раздраженномъ состояніи внѣшнихъ чувствъ, или ихъ ослабленіи. Тугой на ухо не перемѣшиваетъ тоновъ, но слабо ихъ слышитъ, равно какъ и слабый зрѣніемъ не смѣшиваетъ красокъ, но видитъ ихъ какъ бы сквозь туманъ. Равно раздраженное ухо и больные глаза, не смѣшивая ни тоновъ, ни цвѣтовъ, испытываютъ чрезвычайно сильныя ощущенія ихъ. Скала чувствованій не перемѣщается при пониженіи и повышеніи чувствительности, только волненія сердца слишкомъ бываютъ слабы по своей силѣ, или слишкомъ сильны.

Различныя повышенія и пониженія чувствительности также

именуются названіемъ настроеній. Такъ мы говоримъ иногда, что субъектъ находится въ раздражительномъ настроеніи, или тупомъ, вяломъ, апатичномъ. Раздражительность означаетъ чрезвычайно поднятую чувствительность: незначительныя впечатлѣнія въ ней вызываютъ сильныя энергичныя чувствованія; напримѣръ, человѣкъ съ трусливымъ настроеніемъ легко отдается сильному страху по поводу незначительной опасности, съ гнѣвнымъ — сильнымъ, хотя не глубокимъ, вспышкамъ гнѣва и т. д. Тупое, вялое, апатичное настроеніе означаетъ пониженную чувствительность: сердце при этомъ не лишается способности къ чувствованіямъ, но всякое волненіе въ немъ бываетъ слабо, безъ энергіи; бываютъ моменты, когда мы радуемся, гнѣваемся, тоскуемъ, удивляемся, наслаждаемся, но слабо, какъ будто мы неохотно отдаемся этимъ чувствованіямъ.

3) Наконецъ настроеніе не рѣдко означаетъ и тотъ фактъ, что субъектъ переживаетъ въ извѣстный моментъ тотъ или другой рядъ чувствованій. Мы указывали въ своемъ мѣстѣ, что существуетъ нѣкоторый порядокъ въ слѣдованіи ихъ, есть своего рода гаммы чувствованій. Такихъ гаммъ мы нашли семь паръ, по одной положительной и одной отрицательной въ каждой парѣ. Онѣ переживаются иногда очень быстро, иногда медленно; въ нѣсколько часовъ и въ нѣсколько дней, или цѣлые мѣсяцы, годы, періоды жизни субъектъ постоянно идетъ отъ одного къ другому. Имъ овладѣваетъ настроеніе, или рядъ настроеній, послѣдовательно, въ порядкѣ гаммы, смѣняющихся одно другимъ. Такъ, беремъ первую пару гаммъ. Положительная слагается изъ чувствованій: удовольствіе, удача, чувство силы, радость, нѣжность, шутка, надежда, отрицательная — неудовольствіе, неудача, безсиліе, горе, гнѣвъ, страхъ, отчаяніе. Подъ вліяніемъ постепенно смѣняющихся впечатлѣній субъектъ отъ чувства удовольствія восходитъ къ высшимъ чувствованіямъ одного съ нимъ тона: о немъ можно сказать, что онъ находится въ веселомъ бодромъ настроеніи; наоборотъ, о переживающемъ первую отрицательную гамму можно сказать, что онъ находится въ угнетенномъ настроеніи. Мы дѣйствительно говоримъ о настроеніяхъ нѣжномъ, религіозномъ и т. д.

Теперь мы можемъ легко разъяснить, что собственно разумѣется подъ разстройствомъ сердца. Оно противополагается нормальному, естественному настроенію. Такъ, говорятъ о нѣкоторыхъ субъектахъ, что они разстроены, и подразумѣваютъ при

этомъ, что ихъ сердце функціонируетъ неправильно, обнаруживаетъ неестественныя волненія. Разстройство можетъ быть временное и постоянное.

Фактъ разстройства, т. е. неправильныхъ настроеній чрезвычайно важенъ для діагноза душевныхъ болѣзней: онѣ начинаются обыкновенно съ того, что настроеніе субъекта глубоко измѣняется.

Ненормальныя настроенія могутъ возникать изъ неестественности мѣры, прилагаемой сердцемъ къ впечатлѣніямъ, изъ неестественной раздражительности или пониженія чувствительности и наконецъ, неестественности въ послѣдованіи чувствованій, одного за другимъ.

Мѣра для впечатлѣній можетъ быть у субъекта совершенно неправильна. Она можетъ быть не къ мѣсту и не ко времени, слишкомъ высокою или слишкомъ низкою. При слишкомъ низкой мѣрѣ, субъектъ бываетъ неестественно доволенъ всѣмъ на свѣтѣ, при ненормально высокой — недоволенъ; въ первомъ случаѣ онъ будетъ неестественно веселъ, во второмъ мраченъ. Въ иныхъ случаяхъ мѣра, подсказанная воображеніемъ, прилагается тамъ, гдѣ требуется только практическая, и бываетъ наоборотъ. При такихъ условіяхъ настроенія будутъ ненормальныя; все будетъ казаться субъекту въ неправильномъ ложномъ свѣтѣ.

Всего болѣе источникомъ ненормальныхъ настроеній служитъ чрезмѣрное пониженіе, или повышеніе чувствительности. Въ первомъ случаѣ происходитъ апатичное, тупое настроеніе по отношенію ко всему окружающему. Нормальныя впечатлѣнія бываютъ тогда слишкомъ слабы, чтобы достаточно возбудить сердце апатичнаго субъекта и давать его чувствованіямъ нѣкоторую силу. Поэтому его не радуетъ, не гнѣвитъ, не устрашаетъ, не печалитъ, не стыдитъ то, что обыкновенно радуетъ, гнѣвитъ, устрашаетъ, печалитъ и стыдитъ другихъ. При неестественномъ повышеніи чувствительности субъектъ слишкомъ живо и энергично отзывается на всякое впечатлѣніе, такъ что онъ по поводу его волнуется болѣе, чѣмъ это дѣлаютъ здоровые люди. Понятно, что при неестественно поднятой чувствительности субъектъ сильно волнуется по такимъ причинамъ, которыя въ нормальномъ сердцѣ возбуждаютъ только minimum чувствованія.

При высшемъ разстройствѣ сердца являются неправильности въ гаммахъ переживаемыхъ чувствованій. Во 1-хъ, онѣ чрезвычайно быстро развиваются, такъ что субъектъ въ одинъ часъ, или

даже нѣсколько минутъ отъ неудовольствія переходитъ къ отчаянію, отъ чувства недовольства къ самоуниженію, стыду, или отъ удовлетворенія къ гордости и т. д. Во 2-хъ, можетъ быть неестественность въ переходахъ сердца отъ одной гаммы къ другой. Обыкновенно человѣкъ отдается гаммѣ чувствованій на болѣе или менѣе продолжительное время, онъ постепенно восходитъ отъ одного чувства къ другому и если переходитъ къ другой гаммѣ, то по какимъ либо достаточнымъ основаніямъ. Разстроенное сердце быстро перескакиваетъ отъ одной гаммы къ другой. При чрезвычайно живой ассоціаціи, неестественно напряженномъ воображеніи, субъектъ слѣдитъ сердцемъ за быстрыми воспоминаніями и смѣняющимися образами воображенія и отъ того чувствованія путаются, нарушается послѣдовательность гаммъ и онѣ перебиваютъ какъ бы одна другую. Наконецъ, разстройство можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сказываться неестественнымъ преобладаніемъ отрицательныхъ гаммъ, что всего чаще бываетъ при такъ называемыхъ мрачныхъ умопомѣшательствахъ. Весьма часто разстройство сердца понимается въ томъ именно смыслѣ, что на короткое или долгое время человѣкъ овладѣвается исключительно угнетающими чувствами. Они, конечно, дезорганизуютъ его какъ физически, такъ и умственно.

О перечисленныхъ источникахъ разстройства сердца надобно замѣтить, что собственно только вторая причина можетъ быть признана прямо заключающеюся въ сердцѣ. При ней впечатлѣнія правильно доходятъ до субъекта, дѣйствуютъ на него соотвѣтственно своему объему и значенію, но сердце, не умѣренно поднятое или опущенное въ своемъ строѣ, не въ состояніи развивать нормальную энергію: въ силѣ чувствованій оказываются неумѣстные плюсъ или минусъ. Но въ первомъ родѣ разстройствъ сердце само по себѣ можетъ функціонировать совершенно правильно. Если же оно даетъ не нормальныя и неумѣстныя чувствованія, то это происходитъ отъ не правильно выработанной или прилагаемой мѣры. Здѣсь ошибка ума или воображенія ведетъ за собою неправильности въ сердцѣ. Равно и въ третьемъ родѣ разстройства сердце остается въ сущности вѣрнымъ своимъ законамъ. Вина въ этомъ случаѣ падаетъ на ассоціаціи и иногда на воображеніе. При безпорядочности и спутанности продуктовъ ихъ, сердце, слѣдя за ними по своимъ законамъ, должно представлять въ себѣ ненормальный порядокъ явленій.

Смыслъ чувствованій. Второстепенное значеніе удовольствій и страданій.

Анализъ чувствованій показываетъ, какъ несправедливо мнѣніе психологовъ, утверждающихъ, что всякое чувствованіе есть непремѣнно состояніе удовольствія или неудовольствія, что самое сердце имѣетъ своимъ назначеніемъ доставлять человѣку удовольствіе, и что въ немъ, равно какъ страданіи, заключается смыслъ цѣлой жизни.

Начать съ того, что состоянія удовольствія, въ обширномъ смыслѣ, составляютъ лишь весьма не значительную долю чувствованій. Гаммы пріятныхъ и непріятныхъ движеній сердца слагаются изъ удовлетворенія и неудовлетворенія, удовольствія или неудовольствія, наслажденія и страданія, радости и печали. Во всѣхъ остальныхъ чувствованіяхъ удовольствіе или есть лишь второстепенный элементъ, или почти никакого значенія не имѣетъ. Весьма важный родъ чувствованій, волненія, тѣмъ и отличаются отъ наслажденій, что въ нихъ сторона пріятности или непріятности находится на второмъ планѣ: любовь, дружба и вообще нѣжныя чувствованія могутъ служить источникомъ большого счастія для человѣка, но наслажденіе, какъ таковое, вовсе не главная сторона въ нихъ: оно есть слѣдствіе любви, а не сама любовь или дружба. Личныя волненія: удовольствіе хвалы, удовлетвореніе чести, самоуваженіе, конечно, пріятны, но не о немъ идетъ въ нихъ, такъ сказать, рѣчь. Единственно прямое пріятное волненіе есть радость; за то сколько волненій, заставляющихъ сердце положительно страдать: гнѣвъ и ненависть, антипатія и вражда, страхъ и стыдъ! Самыя радости, очень рѣдкія въ чистомъ видѣ, болѣе, чѣмъ уровновѣшиваются горями. При томъ, радость утомляетъ: слишкомъ сильная грозитъ разстройствомъ какъ тѣлу, такъ и душѣ; слѣдовательно, она можетъ нести страданія человѣку. Возбужденія еще менѣе связаны съ удовольствіемъ. Чувства новости, удивленія и уваженія имѣютъ весьма мало отношенія къ удовольствію; долгъ, довольство совѣсти, вѣра, ожиданіе, надежда, удача, чувство силы бываютъ болѣе или менѣе пріятны, но лишь per accidens, ни какъ не потому чтобы въ понятіи этихъ чувствованій удовольствіе было существенною чертою, или предполагалось ихъ идеей. Что касается до религіозныхъ чувствованій: чувства величія и славы Бо-

жіей, страха и благоговѣнія, вѣры, надежды и любви къ Богу, то и они не доставляютъ удовольствія и наслажденія человѣку: они успокоиваютъ его отъ тревогъ, но удовольствія собственно не имѣютъ въ виду. Но и въ этомъ классѣ чувствованій есть такія, какъ наприм. угрызенія совѣсти, сомнѣнія, отчаянія, неудачи, безсилія, которыя могутъ быть прямымъ источникомъ страданій для человѣка. Слѣдовательно, огромное большинство чувствованій имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ удовольствіямъ, между тѣмъ какъ многія изъ этихъ группъ, которыя имѣютъ лишь косвенную связь съ удовольствіемъ, доставляютъ огромное страданіе.

Остается собственно одна гамма удовольствій, объемлющая въ себѣ чувства удовлетворенія, удовольствія, наслажденія и радости. Послѣдняя, какъ мы выше замѣтили, слишкомъ волнуетъ и утомляетъ душу и тѣло, слѣдовательно, смыслъ ея ни какъ не въ наслажденіи или удовольствіи, ибо въ концѣ концовъ его то она и не доставляетъ, а въ чемъ то другомъ. Чувство удовлетворенія есть собственно слабое удовольствіе и въ немъ видѣть цѣль существованія человѣка, очевидно, невозможно. Наслажденіе чувственное, доставляемое внѣшними чувствами, есть удовольствіе грубое, чрезвычайно скоропроходящее. Наслажденія эстетическія, въ сущности, случайны: эстетическихъ впечатлѣній необходимо искать, такъ какъ они не даются обыкновенною обстановкою и обыденнымъ теченіемъ жизни; они понятны при томъ лишь для избранныхъ субъектовъ, обладающихъ художественнымъ вкусомъ. Наслажденія умственныя, чѣмъ они выше, тѣмъ встрѣчаются рѣже и тѣмъ болѣе возвышенныхъ требуютъ для себя условій. О наслажденіяхъ, слѣдовательно, можно сказать, что они бываютъ или слишкомъ низки, или слишкомъ высоки: послѣднія требуютъ для себя особыхъ условій, не могущихъ быть всеобщими и всюду встрѣчающимися. Они могутъ возвышать жизнь въ нѣкоторые моменты ея, доставлять нѣсколько счастливыхъ минутъ, но по условіямъ своего возникновенія не могутъ быть постоянными и для всѣхъ. Остается одно удовольствіе, какъ чувствованіе легко доставляющееся и всѣмъ доступное. Оно есть въ наслажденіяхъ, радостяхъ, въ чувствѣ удовлетворенія, хотя и слабо, и оно же сопутствуетъ нѣкоторымъ волненіямъ и возбужденіямъ.

Однако, понятіе удовольствія есть, въ сущности, наше отвлеченіе. Реально удовольствія, какъ такового нѣтъ и состоянія,

которое было бы только удовольствіемъ, указать нельзя. Есть удовольствіе наслажденія, есть удовольствіе любви, радости, удовлетворенія и т. д., т. е. въ сущности, есть удовольствіе чего нибудь: оно есть оттѣнокъ, характеръ или принадлежность, главная или второстепенная или даже третьестепенная, того или другого движенія сердца, все равно какъ красный цвѣтъ есть всегда принадлежность того или другого предмета. И какъ красный цвѣтъ вообще, или цвѣтъ вообще, суть наши отвлеченія, такъ неудовольствіе есть тоже отвлеченіе. Въ гаммѣ ему дано было самостоятельное мѣсто между удовлетвореніемъ и наслажденіемъ, но это не значило, что мы его трактуемъ какъ самостоятельное чувствованіе; оно есть моментъ, степень или ступень пріятности чувствованій, высокая степень удовлетворенія или низшая степень наслажденія, и такъ какъ въ языкѣ эта ступень пріятности отмѣчается словомъ, получившимъ самое широкое употребленіе, то мы и сочли нужнымъ обозначить имъ особую ступень пріятности. И такъ то, что̀, повидимому, моглобъ быть выставлено, какъ центръ, средоточный пунктъ, около котораго вращается жизнь сердца, оказывается отвлеченіемъ, несуществующимъ измышленіемъ рефлексіи.

Но если даже допустить, что удовольствіе есть только общее названіе для разнообразныхъ пріятныхъ движеній сердца, то и въ этомъ случаѣ его нельзя поставить, какъ главную цѣль человѣческой жизни. На одно удовольствіе жизнь даетъ десятки неудовольствій. Этотъ фактъ скорѣе могъ бы навести на мысль, что сердце въ своемъ устройствѣ разсчитано скорѣе на неудовольствіе и страданіе, чѣмъ на удовольствіе. Если подобное предположеніе не можетъ быть допущено, то нельзя допускать и того, что сердце своимъ строеніемъ указываетъ на удовольствіе, какъ цѣль его дѣятельности.

Я не говорю о другихъ соображеніяхъ, непозволяющихъ видѣть въ удовольствіи цѣль человѣческой дѣятельности, напр., что удовольствіе основывается на удовлетвореніи какой либо потребности, которая до него была неудовлетворена, слѣдоват. удовольствіе слѣдуетъ за неудовлетвореніемъ, за неудовольствіемъ. Это одно показываетъ, что къ удовольствію путь идетъ чрезъ неудовольствія и что оно есть благо лишь фиктивное, пріобрѣтаемое цѣною страданія. Съ психологической точки зрѣнія, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что самое сильное удовольствіе, наслажденіе, радость возбуждаются не по-

ложительными какими нибудь впечатлѣніями, а освобожденіемъ отъ страданій. Нѣтъ удовольствія сильнѣе и глубже, какъ то, которое происходитъ, когда субъектъ перестаетъ страдать тѣлесно или духовно.

Справедливо по этому мнѣніе древнихъ стоиковъ, что удовольствіе есть только ἐπιγέννημα, приростокъ, но не что либо само по себѣ существенное. Въ дѣятельности человѣческаго сердца оно имѣетъ лишь второстепенное мѣсто; мы сказали бы, что его значеніе случайное, если бы оно не играло значительной роли въ механизмѣ человѣческой дѣятельности, въ мотивизаціи воли. Основаніемъ счастія и цѣлію человѣка оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть.

Связь чувствованій съ положеніемъ человѣка въ Іерархіи духовъ.

Разбирая разные роды чувствованій, нельзя не прійти къ мысли, что они связаны съ положеніемъ существа въ Іерархіи духовъ и какъ бы разсчитаны на то, чтобы человѣкъ не только не сбивался съ мѣста, имъ занимаемаго въ ней, но крѣпко держался за него и развивалъ соотвѣтствующую дѣятельность. Человѣческое общество есть союзъ душъ. Конечно, не просто физическое принужденіе, или случайное сопребываніе въ пространствѣ и времени объединяетъ людей. Они единятся духовно въ одно крѣпкое цѣлое и въ немъ есть великіе и малые, сильные и слабые, родственные и враждебные члены. При томъ, на землѣ человѣкъ не единственное существо: множество живыхъ существъ составляютъ міръ животныхъ и къ нему человѣкъ долженъ имѣть какое либо отношеніе. Религія говоритъ, сверхъ того, о существахъ высшихъ, чѣмъ человѣкъ. Слѣдовательно, онъ оказывается вообще занимающимъ мѣсто въ цѣлой Іерархіи духовъ. Человѣческое сердце свидѣтельствуетъ намъ, что такая Іерархія существуетъ и что всѣмъ, что затрогиваетъ положеніе человѣка въ ней, оно интересуется сильнѣйшимъ образомъ. Такъ какъ положеніе въ общей Іерархіи духовъ, и въ частной человѣческой, можетъ обезпечиваться существу только дѣятельностію и соотвѣтственною энергіей, а безъ нея, или при неправильномъ направленіи ея, существо можетъ ниспадать съ своего мѣста и понижаться, то сердце отзывчиво на всё, что имѣетъ прямое вліяніе

и отношеніе къ энергіи и дѣятельности. Любопытно съ этой точки зрѣнія разсмотрѣть чувствованія.

Наслажденія и страданія разныхъ видовъ тѣсно связаны съ дѣятельностію субъекта. Самыя сильныя наслажденія суть удовольствія духа: эстетическія и интеллектуальныя. Мы наслаждаемся обнаруженіемъ красоты во всѣхъ формахъ и отблескомъ истины вездѣ, гдѣ они замѣчаются нами. Всё закономѣрное, гармоничное, истинное служитъ предметомъ сильнѣйшихъ влеченій, оживляетъ и возбуждаетъ энергію духа, напоминаетъ ему о высшемъ и совершеннѣйшемъ мірѣ, сравнительно съ обыденнымъ и обыкновеннымъ. Красота и истина, предметы наслажденія сердца, суть или безсмысленная роскошь, неизвѣстно кѣмъ придуманная для человѣка, или чрезъ наслажденія человѣкъ влечется къ нимъ потому, что въ близости и единеніи съ ними онъ почерпаетъ свое духовное здоровье, возстановленіе духовныхъ силъ, мощь для дѣятельности. Въ этихъ источникахъ живой воды онъ находитъ средства удержать, чрезъ свою энергію, мѣсто, занимаемое имъ въ Іерархіи духовъ, и даже подняться въ ней чрезъ внутреннее совершенствованіе.

Волненія и возбужденія имѣютъ прямое отношеніе къ положенію человѣка въ упомянутой Іерархіи и сообразной съ нимъ дѣятельности. Смыслъ нѣжныхъ чувствованій, положительныхъ и отрицательныхъ, съ этой стороны очевиденъ. Чрезъ любовь субъектъ связывается тѣсными узами съ нисшими, высшими и равными существами: мы нѣжно влечемся къ малымъ существамъ и также къ великимъ и равнымъ; чрезъ гнѣвъ, ненависть и вражду мы отталкиваемся отъ чуждыхъ, не родственныхъ намъ духовъ: союзъ и связь однихъ существъ съ другими возвышается до единенія во взаимныхъ радостяхъ и печаляхъ чрезъ сочувствіе. Мы радуемся расширенію круга своей дѣятельности и увеличенію свободы, т. е. тому, что мы чрезъ извѣстныя событія становимся больше и лучше, чѣмъ были, что усиливается тѣмъ и упрочивается наше положеніе между духами. Мы страшимся, когда событія угрожаютъ нашему бытію или сбиваютъ съ мѣста, занимаемаго нами въ Іерархіи, страшимся за свое земное существованіе, потому что и земное поприще имѣетъ для насъ свой смыслъ и быть снятымъ съ него случайно, неожиданно, представляется всякому существу, какъ огромное зло и бѣдствіе. Мы чувствительны къ похвалѣ и порицанію со стороны другихъ, стоимъ за свою честь, потому что для нашей дѣя-

тельности чрезвычайно важно, какого мнѣнія о насъ окружающія подобныя существа, потому что низменное положеніе среди духовъ есть паденіе въ Іерархіи: всякое пониженіе въ ней или даже опасеніе пониженія отъ какихъ бы то ни было причинъ, вызываетъ чувство стыда. Сознаніе своей цѣны сравнительно съ другими существами вызываетъ чувство самоуваженія. Все большое, высокое и великое, вызываетъ чувство удивленія, все меньшее, низменное — чувства пренебреженія и презрѣнія. Такъ какъ Іерархія духовъ каждому существу даетъ у себя мѣсто, сообразное съ его нравственною цѣнностію, и это мѣсто можетъ удерживаться имъ, только если оно вѣрно своему назначенію и дѣйствуетъ сообразно съ нимъ, то сердце при разныхъ обстоятельствахъ волнуется чувствами долга, раскаевается при отступленіи отъ него и радуется, когда ему удалось осуществить его. Для положенія существа въ Іерархіи и для его бытія весьма важна дѣятельность вообще: ибо въ ней оно реализуетъ свое бытіе, и потому сердце сопровождаетъ ее сильными возбужденіями, смотря по моменту и обстоятельствамъ дѣйствія: сомнѣніемъ или вѣрою, ожиданіемъ и надеждою, удовлетвореніемъ и неудовлетвореніемъ, чувствами удачи и силы и противоположными имъ чувствами.

Такимъ образомъ оказывается, что посредствомъ сердца мы связываемся нравственными узами съ существами равными, высшими и нисшими. Съ высшими существами насъ единятъ чувства любви, уваженія, удивленія и грандіозности, смотря по степени ихъ великости относительно насъ. Съ Высочайшимъ Существомъ мы вступаемъ въ единеніе чрезъ религіозныя чувствованія. Съ равными насъ связываютъ чувства любви, дружбы, сочувствія, съ нисшими — любовь и сочувствіе. Отъ вмѣшательства въ высшія сферы духовъ, стоящихъ на болѣе высокихъ ступеняхъ Іерархіи, мы удерживаемся страхомъ — трепетомъ предъ великимъ, отъ вмѣшательства въ нисшія и отожествленія съ нисшими духами удерживаютъ насъ униженіе и стыдъ. Отъ существъ, намъ не сродныхъ или противоположныхъ мы отстраняемся въ чувствахъ гнѣва, ненависти и вражды. Смыслъ этихъ чувствованій съ нашей точки зрѣнія очевиденъ: тогда какъ мы вступаемъ въ духовный союзъ съ существами, соединеніе съ которыми можетъ служить нашему духовному росту, развитію и вообще успѣху дѣятельности, и поддерживаемъ этотъ союзъ чрезъ положительныя чувствованія, соприкосновеніе съ противодѣйст-

вующими существами, отъ сочетанія съ которыми можетъ происходить только одно зло для насъ—ослабленіе энергіи, неуспѣхъ дѣятельности и т. под., возбуждаетъ всѣ упомянутыя отрицательныя состоянія. Мы охотно сближаемся съ высшими и бо̀льшими, чѣмъ мы, существами, въ союзѣ и общеніи съ ними находимъ для себя счастіе и удовлетвореніе; напротивъ, всякое уравненіе съ нисшими разсматривается какъ пониженіе, возбуждаетъ униженіе и стыдъ.

Судя по чувствамъ, возможны для каждаго человѣка умаленіе и ростъ въ духовномъ отношеніи. Стремясь во что бы то ни стало удержать свое мѣсто въ Іерархіи духовъ, мы волнуемся радостно при расширеніи свободы и дѣятельности нашей, горюемъ—при съуживаніи ея, страхомъ, когда угрожаетъ ей перерывъ, и какъ видѣли выше, слѣдимъ внимательно своимъ сердцемъ за всѣми моментами своей дѣятельности.

Строй Іерархіи духовъ, по строю человѣческаго сердца.

Намъ кажется, что, по строенію человѣческаго сердца, можно сдѣлать заключеніе даже къ строю самой Іерархіи духовъ, въ которой каждый человѣческій субъектъ занимаетъ свое мѣсто. Возможно такимъ образомъ открыть просвѣтъ въ одну изъ самыхъ любопытныхъ сторонъ бытія и при томъ не на основаніи произвольныхъ гаданій, а положительныхъ фактовъ, даваемыхъ человѣческимъ сердцемъ. Мы дѣлаемъ при этомъ одно только предположеніе: что сердце человѣческое не случайно имѣетъ фактически существующій въ немъ строй, что оно приспособлено къ условіямъ и обстановкѣ человѣческаго существованія, въ самой идеѣ его, конечно, Творцомъ человѣка. Это положеніе есть не предположеніе, а скорѣе фактъ въ виду того, что строй сердца общъ, на сколько мы знаемъ, всему человѣческому роду.

Очевидно, что человѣческое общество заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ нѣсколько Іерархій разныхъ видовъ. На одну Іерархію и притомъ главную указываютъ нѣжныя чувства: мы влечемся къ великому и малому, слѣдовательно, находимся въ союзѣ съ существами высшими и большими, чѣмъ мы, и съ существами меньшими. Удивленіе, уваженіе, чувство высокаго возбуждаются въ насъ разными высшими субъектами; любя малое, какъ дорогое и близкое къ намъ, мы тѣмъ не менѣе вовсе не желаемъ

сами стать на мѣсто малаго: ибо меньшее, когда бы намъ пришлось стать на его мѣсто, возбуждаетъ пренебреженіе, презрѣніе и чувство мизерности. Эта Іерархія образуетъ рядъ духовъ, стоящихъ одинъ надъ другимъ. Судя по тому, что съ одними существами мы соединяемся узами любви и дружбы, отъ другихъ отталкиваемся въ ненависти и враждѣ, слѣдуетъ предполагать, что іерархическихъ рядовъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ большое количество, въ народѣ и человѣчествѣ безчисленное множество. Ряды, далеко отстоящіе одинъ отъ другого, просто чужды взаимно и существуя въ дали одинъ отъ другого, не соединяются любовью и не разъединяются ненавистью: послѣдняя была бы въ такомъ случаѣ безсмысленна. Но ряды, близко или рядомъ стоящіе, легко могли бы перемѣшиваться и для этого приняты въ сердцѣ мѣры: члены, ихъ составляющіе, особятся другъ отъ друга гнѣвомъ, ненавистью и враждою. Мы говорили въ своемъ мѣстѣ, что мы отталкиваемся наиболѣе отъ тожественнаго съ нами и слишкомъ похожаго на насъ самихъ, т. е. отъ того, что легко можетъ замѣстить насъ въ Іерархіи духовъ или вмѣшаться въ нашъ рядъ, и что, въ сущности, должно входить въ другой рядъ, быть можетъ сосѣдній.

Тотъ фактъ, что сильнѣйшія привязанности образуются между субъектами разныхъ половъ, указываетъ, что, по назначенію своему, разные полы образуютъ въ Іерархіи не отдѣльные самостоятельные ряды, но состоятъ въ одномъ рядѣ, и при томъ такъ, что объединенные любовью, субъекты занимаютъ одно мѣсто, составляя какъ бы одну душу, одно существо. Фактъ дружбы, для которой необходимо нѣкоторое равенство, духовное товарищество, указываетъ, что различные ряды могутъ находиться въ близкихъ отношеніяхъ, духовномъ союзѣ, опредѣляемомъ закономъ гармоніи. Но это равенство не есть тожество; какъ мы видѣли, въ дружбѣ оба субъекта сохраняютъ свою самостоятельность и это, по нашему мнѣнію, указываетъ, что чрезъ дружбу звѣнья разныхъ рядовъ сближаются вмѣстѣ, но не сливаются.

На существованіе другой Іерархіи въ человѣческомъ обществѣ указываетъ чувство силы. Различные субъекты въ человѣческомъ обществѣ имѣютъ безконечно варіирующееся чувство силы по отношенію къ меньшимъ и слабѣйшимъ его членамъ и также чувство безсилія по отношенію къ старѣйшимъ и сильнѣйшимъ. На этихъ чувствахъ основывается всякая власть. Общество неизбѣжно расчленяется на классы, круги, сословія,

званія съ разными объемами власти и существо ея предполагаетъ, что подчиняющійся добровольно или насильственно испытываетъ чувство безсилія по отношенію къ властвующему и приказывающему, а послѣдній сознаетъ и чувствуетъ по отношенію къ нему свою силу; первый разсматриваетъ послѣдняго какъ нѣчто грандіозное относительно себя, второй перваго, какъ нѣчто шуточное, могущее передвигаться по его одному желанію. Понятіе общественнаго равенства основывается также на этомъ чувствѣ: субъекты одного сословія, класса, званія относятся съ одинаковымъ чувствомъ безсилія и силы къ другимъ сословіямъ, классамъ и званіямъ, между тѣмъ какъ по отношенію другъ къ другу не могутъ имѣть ни малѣйшаго чувства силы. Понятно, что въ дѣйствительности чувство силы можетъ безконечно оттѣняться смотря по личностямъ, встрѣчаемымъ характерамъ, положенію и т. д. Первоначально, всякія отношенія власти возникли изъ чувства простой мускульной силы; съ развитіемъ обществъ оно стало чувствомъ духовной силы — характера и ума, въ благоустроенномъ обществѣ сосредоточеніе и распредѣленіе ея, основанное на преданіи, обычаѣ, опредѣляется правомъ: власть сосредоточивается въ рукахъ того, кому она, по общественному мнѣнію, подобаетъ, и чрезъ извѣстные органы распредѣляется на пункты, гдѣ дѣйствіе власти оказывается нужнымъ. На силѣ основанъ государственный бытъ и само государство есть олицетвореніе этой силы. Она можетъ окружаться моральнымъ ореоломъ, возвышаться въ глазахъ народа — чрезъ обстановку и т. д., но въ концѣ концовъ, какъ въ природѣ всѣ вопросы бытія рѣшаются силою, modi дѣйствія которыхъ суть законы природы, такъ и въ государствѣ послѣднее основаніе, на которое оно опирается, есть сила, или лучше сказать, чувство силы. Всякая моральная сила въ немъ дѣйствуетъ и властвуетъ лишь по стольку, по скольку она подкрѣпляется силою власти. Имѣетъ въ немъ значеніе экономическая мощь, но опять, по скольку она опирается на силу.

Кромѣ отношеній по гармоніи, дающей свой строй человѣческому обществу, и отношеній по силѣ, на которой основывается Іерархія власти, есть еще нѣсколько и другихъ строевъ въ обществѣ, которыя также признаются и предполагаются чувствомъ. Чувства уваженія и пренебреженія съ однородными положительными и отрицательными чувствованіями развиваются по поводу встрѣчъ съ разными примѣрами нравственнаго и экономическаго

могущества. По крайней мѣрѣ въ человѣческомъ обществѣ, люди безконечно разнообразятся по уму и характеру и какъ жидкости разнаго удѣльнаго вѣса располагаются въ порядкѣ своей тяжести, такъ и въ обществѣ умы и характеры, располагаются по достоинствамъ своимъ въ ряды, въ которыхъ есть высшія, нисшія и среднія звѣнья. Такъ какъ уваженіе, удивленіе, чувство грандіозности и соотвѣтствующія отрицательныя чувствованія развиваются безразлично по отношенію ко всѣмъ умамъ и характерамъ, которые выше или ниже насъ, то строеніе рядовъ слѣдуетъ представлять состоящимъ изъ звѣньевъ группъ, стоящихъ одна надъ другою. Это есть Іерархія умовъ и характеровъ. Существуетъ въ обществѣ еще Іерархія экономической мощи: есть разные классы и положенія разныхъ экономическихъ степеней. Она, по крайней мѣрѣ, изъявляетъ притязаніе на всѣ права и выгоды іерархическаго строя и до нѣкоторой степени успѣваетъ исторгать изъ сердца чисто іерархическія чувствованія. Это ей удается потому, что она окружаетъ себя внѣшнимъ блескомъ, и не имѣя въ себѣ ни духовной, ни физической мощи, старается опереться или на Іерархію нравственную или Іерархію силы.

Одно изъ бѣдствій теперешняго земного существованія, что упомянутыя четыре Іерархіи не совпадаютъ вмѣстѣ. Іерархія умовъ и характеровъ не совпадаетъ съ строемъ общества по гармоніи, Іерархія силы не совпадаетъ съ Іерархіей умовъ и Іерархія экономической мощи не совпадаетъ съ нравственною. Не часто наилучшій умъ и характеръ пользуется наилучшимъ экономическимъ положеніемъ, стоитъ на верхнихъ ступеняхъ власти и не всегда онъ на столько счастливъ, чтобы вступать въ союзъ любви и дружбы съ тѣми существами, которыя могли бы достойно соединиться съ нимъ: не всегда онъ находитъ ихъ, а тѣ, съ которыми онъ сближается, не всегда возвышаютъ его счастіе. Отъ несовпаденія Іерархій происходитъ то обстоятельство, что сердце испытываетъ смѣшанныя чувствованія и волнуется въ противоположныхъ направленіяхъ. Субъектъ, умаленный въ Іерархіи власти, и возбуждающій съ этой стороны пренебреженіе, однако, высоко стоитъ въ Іерархіи умовъ и характеровъ, и на оборотъ: малый въ нравственной Іерархіи великъ въ Іерархіи экономической, и т. под. Одно и тоже лицо вызываетъ и пренебреженіе и удивленіе въ разныхъ отношеніяхъ. Все это производитъ смуту въ сердцѣ, вооружаетъ

его противъ реальнаго порядка вещей и побуждаетъ чаять новой земли и новаго неба, когда Іерархіи силы и нравственная совершенно совпадутъ одна съ другою.

Смыслъ перевѣса отрицательныхъ чувствованій въ сердцѣ предъ положительными.

Нашъ взглядъ на значеніе чувствованій объясняетъ до нѣкоторой степени, почему въ человѣческомъ сердцѣ отрицательныя чувствованія берутъ перевѣсъ надъ положительными. Несомнѣненъ фактъ, что удовольствія и наслажденія рѣдки, пріобрѣтаются почти при исключительныхъ обстоятельствахъ, тогда какъ страданія и неудовольствія часты, почти наполняютъ жизнь человѣка. Нужели же сердце человѣческое есть орудіе страданія, устроено нарочно для несчастія человѣка?

Аналогичный фактъ встрѣчается намъ въ примѣрѣ тѣлеснаго организма. Здоровое тѣло всего менѣе напоминаетъ о себѣ: главный признакъ здоровья того или другого органа есть тотъ, что онъ функціонируетъ безшумно; какъ скоро онъ начнетъ о себѣ напоминать, значитъ, онъ болитъ, не въ нормальномъ положеніи. Изъ того, что всякое отступленіе отъ нормы въ организмѣ сказывается какъ страданіе, какъ боль, слѣдуетъ ли, что наше тѣло есть орудіе человѣческихъ страданій? Очевидно, судить о немъ съ точки зрѣнія удовольствій или страданій, доставляемыхъ его здоровьемъ или болѣзнями, значило бы навязать тѣлесному организму назначеніе, котораго онъ явно имѣть не можетъ. Тѣло имѣетъ цѣлію служить человѣку орудіемъ для дѣятельности среди чувственнаго міра и такое назначеніе его всего менѣе требовало, чтобы оно при здоровомъ своемъ состояніи обращало на себя вниманіе дѣйствующаго субъекта, но это же назначеніе предполагало, что разстройство его непремѣнно должно дѣлаться извѣстнымъ ему, дабы имъ приняты были соотвѣтствующія мѣры, или съ такимъ неисправнымъ орудіемъ онъ не брался за трудныя предпріятія.

Также мы должны отнестись и къ человѣческому сердцу. Съ точки зрѣнія удовольствія и неудовольствія мы не поймемъ смысла его дѣятельности; напротивъ, оно можетъ показаться орудіемъ муки для человѣка, что явно безсмысленно. Сердце имѣетъ прямое отношеніе къ положенію человѣка въ Іерархіи

духовъ. Творческая мысль имѣла въ виду укрѣпить человѣка на мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ ней. Эта цѣль требовала двоякаго рода приспособленія: чтобы, во 1-хъ, субъектъ чувствовалъ свои отношенія къ высшимъ, низшимъ и равнымъ существамъ, интересовался ими и не вмѣшивался въ чужіе ряды, чтобы уклоненіе, ослабленіе, прекращеніе, препятствованіе дѣятельности, или расширеніе, улучшеніе ея живо чувствовались имъ. Если субъектъ дѣлаетъ свое дѣло и твердо стоитъ на занимаемомъ имъ пунктѣ, нѣтъ надобности развлекать его вниманіе чувствованіями нормальности его положенія. И дѣйствительно, въ сердцѣ осуществлены эти условія. Мы видѣли, какія чувствованія указываютъ на связь человѣка съ другими существами, съ которыми онъ тѣсно связанъ нравственно. Мы видѣли, какими разнообразными движеніями сердца человѣкъ ограждается отъ паденія съ своего мѣста, отъ всякихъ перерывовъ и уклоненій въ дѣятельности и т. д. Понятенъ для насъ долженъ быть теперь фактъ, что только подъемъ, расширеніе дѣятельности или встрѣча съ истинною красотою и благомъ, возвышающими человѣка и духовно питающими его, даютъ положительныя наслажденія, но что нормальная обыденная дѣятельность человѣка не доставляетъ ему никакихъ наслажденій. Сердце какъ бы нормируетъ дѣятельность субъекта, есть служебное орудіе для цѣлей духовной дѣятельности и оттого оно, какъ и тѣло, въ нормальныхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, ни чѣмъ не даетъ о себѣ знать. Смыслъ наслажденія и страданія для насъ теперь долженъ быть также виденъ. Послѣднимъ субъектъ предохраняется отъ паденія, первымъ влечется къ духовному росту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Выраженіе чувствованій въ тѣлѣ. Законы Дарвина.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія чувствованій мы остановимся на выраженіи ихъ въ тѣлѣ.

Выраженіе чувствованій въ тѣлѣ было предметомъ весьма многихъ дѣльныхъ изслѣдованій, начиная съ прошлаго столѣтія. Книга живописца Лебреня, (Conférences sur l'expression des

differens caracteres des passions, par Le Brun) по замѣчанію Дарвина, содержитъ въ себѣ весьма много дѣльныхъ замѣчаній. О Чарльзѣ Беллѣ, извѣстномъ своимъ сочиненіемъ: „Анатомія и физіологія выраженія“ тотъ же ученый замѣчаетъ, „что онъ нетолько положилъ основаніе этой особой вѣтьви науки, но и возвелъ самое зданіе“. Оно замѣчательно многочисленными рисунками, наглядно объясняющими дѣло; имъ подмѣченъ фактъ, что во время сильнаго выдыханія, окологлазные мускулы невольно сокращаются, дабы предохранить нѣжные органы глаза отъ давленія крови. Затѣмъ Дюшенъ (Механизмъ человѣческой физіогноміи), съ помощію электричества изслѣдовалъ движенія личныхъ мускуловъ и приложилъ къ своей книгѣ великолѣпныя фотографіи: онъ изучалъ сокращеніе каждаго отдѣльнаго мускула и складки, которыя образуются ими на кожѣ, онъ указалъ, какіе мускулы всего менѣе подлежатъ контролю воли. Дарвинъ высоко ставитъ лекціи Грасіоле о выраженіи, изданныя послѣ его смерти подъ заглавіемъ: De la physionomie et des mouvements d'expressions. Спенсеръ въ своихъ „Началахъ Психологіи“ старался поставить фактъ выраженія чувствованій въ тѣлѣ въ связь съ принципомъ развитія. Дарвинъ нашелъ, что въ слѣдующихъ словахъ Спенсера находится вѣрная теорія для объясненія большинства обнаруженій чувства: страхъ, когда онъ силенъ, обнаруживается крикомъ, попытками скрыться, убѣжать, подергиваніемъ мускуловъ и дрожью: и это суть именно тѣ явленія, которыя обнаруживаются, когда на самомъ дѣлѣ переживается что нибудь страшное. Разрушительныя страсти сказываются общимъ напряженіемъ мускульной системы, въ скрежетѣ зубовъ, распусканіи когтей, вытаращенныхъ глазахъ, раздуваніи ноздрей, ворчаніи; и это суть слабыя формы того рода дѣйствій, которыми сопровождается умерщвленіе добычи. На сколько, однакожъ, можно согласиться съ этими словами Спенсера, это будетъ видно.

Въ 1872-мъ году явилось сочиненіе извѣстнаго натуралиста Чарльза Дарвина: The expression of the emotions in man and animals. London. 1872. (Выраженіе чувствованій въ человѣкѣ и животныхъ). Это былъ плодъ многолѣтнихъ наблюденій автора. Руководясь мыслію, что законы выраженія чувствованій какъ въ человѣкѣ, такъ и въ животныхъ, одни и тѣ же, онъ старался указать ихъ для того и другихъ. Такихъ законовъ онъ находитъ три:

1) Принципъ цѣлесообразныхъ ассоціированныхъ привычекъ. Дарвинъ беретъ обычное у англійскихъ психологовъ обобщеніе, что движенія легко ассоціируются съ другими движеніями, или съ различными душевными состояніями. Такою ассоціаціей объясняется фактъ, что, съ одной стороны, мы не легко отучиваемся отъ обычныхъ движеній, а съ другой — пріобрѣтаемъ способность легко и свободно совершать движенія, первоначально стоившія намъ большого труда: напримѣръ, падая, мы обыкновенно предохраняемъ себя отъ послѣдствій паденія тѣмъ, что протягиваемъ руки, и привычки къ подобнымъ движеніямъ образуются столь крѣпкія, что мы ихъ дѣлаемъ всегда, хотя бы падали на мягкую постель. Иной человѣкъ почесываетъ себѣ голову въ минуту раздумья или какого нибудь затрудненія: Дарвинъ полагаетъ, что онъ дѣлаетъ это изъ привычки и какъ будто испытываетъ при этомъ непріятныя тѣлесныя ощущенія. Такъ какъ глаза всего чаще находятся у насъ въ дѣйствіи, то они всего болѣе испытываютъ вліяніе ассоціаціи. Такъ, Грасіоле замѣчаетъ, что человѣкъ сильно отрицающій высказываемое предъ нимъ мнѣніе, непремѣнно или закрываетъ свои глаза при этомъ, или отворачиваетъ лицо; когда же онъ соглашается съ положеніемъ, то киваетъ головою и открываетъ свои глаза.

2) Второй законъ у Дарвина называется принципомъ противоположности. Онъ излагаетъ его такъ. Извѣстныя душевныя состоянія ведутъ къ извѣстнымъ привычнымъ движеніямъ, которыя первоначально были и даже еще могутъ быть полезными. Но если произойдетъ прямо противоположное душевное состояніе, то возникаетъ сильная и недобровольная наклонность производить прямо противоположныя движенія, хотя бы они были также безполезны. Онъ представляетъ изображенія собакъ въ томъ видѣ, когда онѣ приближаются къ другимъ съ враждебнымъ намѣреніемъ, и въ томъ, когда смиренно ластятся около человѣка, или другой собаки. Станъ, положеніе головы, хвоста, волосъ, ушей, характеръ глазъ, прямо противоположны въ обоихъ случаяхъ и вполнѣ соотвѣтствуютъ противоположности ихъ душевныхъ состояній. Такъ какъ у кошекъ выраженіе гнѣва совсѣмъ иное, чѣмъ у собакъ, то и выраженіе смиренія и ласковаго настроенія также иное, но противоположное гнѣвному. Дарвинъ полагаетъ вѣроятнымъ, что эти выраженія возникли путемъ воли, т. е., что первоначально они были употребляемы добровольно, подъ вліяніемъ противоположнаго состоянія чув-

ства, и такъ какъ они производились чрезъ длинный рядъ поколѣній, то сдѣлались прирожденными.

Третій законъ есть принципъ прямого дѣйствія возбужденной нервной системы на тѣло, независимо отъ воли и отчасти отъ привычки. Возбужденный мозгъ производитъ нервную силу въ излишествѣ, и послѣдняя распространяется въ извѣстныхъ направленіяхъ, условливаемыхъ связью нервныхъ клѣтокъ и природою движеній, сдѣлавшихся обычными: такъ, бываютъ, хотя и рѣдко, случаи, что подъ вліяніемъ сильнѣйшаго страха или печали сѣдѣютъ волоса; сюда же относятся дрожаніе мускуловъ подъ вліяніемъ страха, шорохъ въ спинѣ у нѣкоторыхъ лицъ подъ вліяніемъ неопредѣленныхъ волненій, возбуждаемыхъ музыкою. Далѣе, подъ вліяніемъ сильныхъ движеній сердца независимо отъ воли и привычекъ, измѣняются отправленія питательнаго канала, печени, почекъ, молочныхъ железъ. Особенно впечатлительно сердце, а за нимъ и система кровообращенія.

Дарвинъ полагаетъ, что, на основаніи указанныхъ трехъ принциповъ, можно объяснить такъ много выразительныхъ движеній, что, можно надѣяться, со временемъ всѣ формы выраженія объяснятся ими или подобными имъ принципами. Дѣйствительно, онъ старается представить объясненія выраженія многихъ чувствованій: страданій тѣлесныхъ и духовныхъ, грусти, радости, нѣжности, симпатіи, благоговѣнія, умственной тягости, недовольства, гнѣва, чувства силы, отвращенія, безсилія, чувства новости, удивленія, страха, стыда. Много разсѣяно у Дарвина прекрасныхъ мѣткихъ замѣчаній, много остроумныхъ сближеній и предположеній; его книга не можетъ быть обойдена изслѣдователемъ, берущимъ на себя задачу объяснять выраженія чувствованій въ тѣлѣ.

Главныя причины неуспѣшности работъ по разбираемому вопросу.

Успѣху работъ, посвященныхъ нашему вопросу, много препятствовалъ неудовлетворительный психологическій анализъ чувствованій. Физіологи и натуралисты, бравшіеся за изученіе выраженія ихъ въ тѣлѣ, приступали къ дѣлу или съ ненаучными, а такъ сказать, только ходячими понятіями о чувствованіи вообще и каждомъ въ частности, или же съ слишкомъ общими,

какихъ до сихъ поръ держится Психологія, и потому для изслѣдованія почти безполезными. На этомъ вопросѣ можно видѣть, какъ важенъ для изслѣдованія чего бы то ни было тщательный анализъ дѣла. Только съ помощію его возможно правильно истолковывать уже наблюденные факты и ставить правильно вопросы для дальнѣйшаго изслѣдованія.

Во 1-хъ, изслѣдователи занимались выраженіемъ чувствованій, предполагая, что они просты, а не сложны. Изслѣдуется наприм. выраженіе гнѣва: Дарвинъ, предполагая, что это чувство есть простое состояніе, прямо перечисляетъ, чѣмъ сказывается оно въ тѣлѣ; между тѣмъ мы знаемъ, что гнѣвъ слагается изъ чувства отталкиванія, презрѣнія и антипатіи. Часть выраженія гнѣва можетъ быть сведена къ первому чувству, часть ко второму и часть къ третьему. Признавая вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что гнѣвный субъектъ прищуриваетъ глаза и откидываетъ голову нѣсколько назадъ, мы не нуждаемся въ натянутомъ объясненіи этого факта, что это явленіе есть высматриваніе врага въ отдаленіи, остатокъ неизвѣстно какого животнаго состоянія человѣка: это есть выраженіе презрѣнія, составной части гнѣва. Застыдившійся человѣкъ отворачивается и особенно отворачиваетъ свое лицо, стараясь скрыть его какимъ бы то ни было образомъ; онъ не переноситъ взгляда другихъ и потому онъ или потупляетъ свой взоръ, или поднимаетъ его вверхъ. Это, какъ и большая часть дѣйствій застыдившагося субъекта, есть выраженіе робости, составной части стыда, которая достигаетъ значительнаго развитія въ послѣднемъ. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о страхѣ, радости, горѣ и т. д. Не различая составныхъ частей въ волненіяхъ, ученые принимали выраженіе различныхъ чувствъ за выраженіе одного.

Во 2-хъ, главный промахъ всѣхъ безъ исключенія работъ по нашему предмету заключается въ томъ, что ни одна не выдѣляетъ въ выраженіи чувствованій выраженіе волеваго элемента, сопутствующаго имъ. Мы увидимъ ниже, какое значеніе слѣдуетъ давать волѣ во всей нашей духовной жизни, и въ какомъ отношеніи она находится къ чувствованіямъ въ частности. По нашему мнѣнію, невозможно понять смыслъ ихъ, если не имѣть въ виду воли, сказывающейся въ нихъ. При томъ же, при объясненіи какихъ бы то ни было душевныхъ явленій, не слѣдуетъ думать, что они совершаются въ душѣ изолированно: какъ въ актѣ ума есть воля и даже чувство, такъ и въ актѣ

сердца есть непремѣнно интеллектъ и воля. Всякое чувствованіе сопутствуется или желаніями или отвращеніями, воля въ нихъ или проситъ дѣла, даетъ импульсъ, или парализуется на время, подавляется, не переставая безпорядочно обнаруживаться. Не различая волевого элемента въ волненіяхъ, ученые принимали за выраженіе чувства то, что должно быть признано за выраженіе потребности, хотѣнія дѣйствія: напримѣръ, возбужденіе мускульной системы у гнѣвнаго есть выраженіе возбужденія воли въ моментъ ярости; волевое же возбужденіе находится въ тѣсной связи съ чувствомъ антипатіи, однимъ изъ элементовъ гнѣва. Равно нѣкоторыя обнаруженія страха становятся понятны, какъ выраженія судорогъ воли, то дающей импульсъ къ бѣгству отъ причины страха, то неспособной ни къ какому рѣшенію, что̀ выражается въ тупомъ созерцаніи ужаснаго предмета. Выраженіе отрицанія и согласія понятны, какъ обнаруженія воли, что либо допускающей или чего либо не желающей.

И такъ изслѣдователь нашего вопроса необходимо долженъ прежде всего произвести тщательный анализъ волненій и выдѣлить въ сложныхъ чувствованіяхъ простыя, дабы знать, какія психическія состоянія въ какихъ физіологическихъ фактахъ обнаруживаются. Это есть первое необходимое условіе успѣха. Затѣмъ изъ совокупности выраженій чувства выдѣлить то, что составляетъ обнаруженіе собственно воли: важно знать, что многія движенія волнующаго человѣка суть слѣдствія возбужденной воли, а не собственно чувства.

3) Наконецъ, при рѣшеніи нашего вопроса, необходимо различать въ чувствѣ глубину его отъ силы. Мы уже нѣсколько разъ останавливались на этомъ различеніи. Сила чувства есть его энергія; она можетъ чрезвычайно разнообразиться, быть большою и малою во всѣхъ степеняхъ чувствованій, нисшихъ и высшихъ; глубина чувствованій означаетъ степень ихъ и соотвѣтствуетъ тому, что мы называемъ въ музыкѣ высотою тона. Въ нашемъ вопросѣ это различеніе необходимо. Когда чувство обнаруживается въ тѣлѣ, мы вправѣ предполагать, что одна часть выраженій должна быть отнесена на долю глубины чувствованій, другая на долю силы ихъ. Въ отношеніи глубины, чувствованія рѣзко различаются одно отъ другого: каждое изъ нихъ занимаетъ свое мѣсто на скалѣ извѣстнаго разряда и по условіямъ своего происхожденія имѣетъ свое количество степеней; въ отношеніи же силы чувствованія почти не различаются;

каждое изъ нихъ во всякой степени можетъ быть и сильно и слабо, такъ что энергія можетъ быть принята за элементъ, общій во всѣхъ видахъ чувствованій. Слѣдовательно, можно ожидать, что тогда какъ всякое чувство имѣетъ свои спеціальныя выраженія, усиливающіяся или уменьшающіяся, смотря по степенямъ его, энергія сердца выражается одинаково во всѣхъ чувствахъ. Рядомъ съ спеціальными обнаруженіями чувствованій могутъ существовать, общія почти всѣмъ имъ, выраженія ихъ въ тѣлѣ, которыя наблюдаются всегда, когда то или другое чувствованіе достигаетъ извѣстнаго напряженія.

Мы намѣрены вести свое изслѣдованіе въ такомъ порядкѣ: сначала укажемъ, какія измѣненія въ тѣлѣ служатъ выраженіями чувствованій и затѣмъ, въ какомъ порядкѣ располагаются чувствованія по степени обширности выраженій. Этотъ выводъ будетъ служить точкою отправленія для послѣдующихъ нашихъ разсужденій, и между прочимъ имъ мы воспользуемся въ отдѣлѣ о волѣ. Далѣе, укажемъ, въ какихъ выраженіяхъ тѣла обнаруживаются простыя чувствованія и выдѣлимъ въ нихъ волевые элементы. Указавъ главные недостатки законовъ, установленныхъ Дарвиномъ, перейдемъ къ объясненію выраженій.

Главныя выраженія чувствованій и сравнительная широта обнаруженія ихъ въ тѣлѣ.

Обратимъ вниманіе на совокупность выраженій чувства и перечислимъ особенности въ положеніи и состояніи частей тѣла, служащія выраженіемъ для чувствованій. Это перечисленіе намъ покажетъ, какія части нашего организма всего болѣе принимаютъ на себя вліяніе волненій.

1) Всего болѣе волненія сказываются въ глазахъ. Подъ вліяніемъ чувствованій въ нихъ совершаются различнѣйшія измѣненія. Такъ, мы говоримъ о взглядахъ: страдальческомъ, нѣжномъ, когда глаза покрыты поволокою и медленно движутся, сочувственномъ, грустномъ, характеризующемся медленностію движеній, полузакрытомъ, гнѣвномъ, ненавистномъ и негодующемъ, когда глаза хмуры и быстро движутся, радостномъ (широко раскрываются и быстро движутся, причемъ блестятъ), горестномъ

(матовый, вялый взглядъ), пугливомъ, самодовольномъ (опущеніе вѣкъ), стыдливомъ, о взглядѣ уваженія, удивленія и презрѣнія, вѣры (спокойный) и надежды (поднятіе глазъ вверхъ), чувства силы, благоговѣнія, о взглядѣ торжествующемъ. Если разобрать, при какихъ волненіяхъ дѣлается съ глазомъ то или другое измѣненіе, то окажется, что онъ *сгуживается* (щурится) при гнѣвѣ, въ моментъ чувства собственнаго превосходства, при страданіи, въ минуты презрѣнія, *расширяется* зрачокъ (глазъ таращится) при удивленіи и страхѣ, *опускается* въ минуты стыда и чувства смиренія, *закрывается* (жмурится) при нѣкоторыхъ степеняхъ страха и стыда, *покрывается* поволокою въ минуты нѣжности, *туманится* при горѣ и грусти, *блеститъ* во время гнѣва, радости и чувства надежды (глаза блестятъ надеждою).

2) Слезы, хотя признаются обыкновенно за выраженія горя, служатъ, однако же, средствомъ для обнаруженія самыхъ разнообразныхъ состояній. Такъ, мы говоримъ о слезахъ страданія (люди плачутъ отъ боли), радости, сочувствія и нѣжности, обиды, т. е. глубокаго и незаслуженнаго поруганія чести, трагизма, грусти и горя, страха, стыда, раскаянія, безсилія, благоговѣнія (умиленія) и чувства высокаго.

3) Лобъ морщится при страданіи, сомнѣніи, безпокойномъ ожиданіи, умственныхъ усиліяхъ, когда чувствуется тягость ихъ, грусти, разглаживается при радости, чувствѣ забавы.

4) Хмурятся брови въ минуты гнѣва, напряженнаго ожиданія, чувствѣ недовольства, чувствѣ силы.

5) Лицо *блѣднѣетъ*: при гнѣвѣ, страхѣ, горѣ, отчаяніи; *краснѣетъ* при стыдѣ, гнѣвѣ, страхѣ (испугѣ), радости, *перекашивается* и вообще, какъ говорятъ, *обезображивается* отъ страха, гнѣва, горя, мукъ совѣсти, отчаянія.

6) Ротъ *раскрывается* при страхѣ, удивленіи, радости, презрѣніи и отвращеніи, *смыкается* въ минуты страха, при начинающемся гнѣвѣ (при сердитомъ настроеніи), въ моменты самодовольства, стыда, грусти.

7) Смѣхъ выражаетъ также разнообразныя волненія. Бываетъ смѣхъ забавный, сочувственный, злобный (гнѣвный), самодовольный, презрительный.

8) Улыбка обнаруживаетъ большее количество состояній, чѣмъ смѣхъ: мы говоримъ объ улыбкѣ радости, комизма (за-

бавы), нѣжной, сочувственной, грустной, горестной, улыбкѣ наслажденія, презрѣнія, самодовольства, чувства удовлетворенія.

9) Голова вообще принимаетъ участіе въ волненіяхъ. На ней поднимаются волосы при страхѣ и гнѣвѣ. Она *закидывается* назадъ въ минуты гнѣва, страха, удивленія, чувства самодовольства, гордости, сильнаго комизма, *опускается* при грусти, горѣ, стыдѣ, мукахъ совѣсти, безсиліи, чувствѣ благоговѣнія, отчаянія, *отворачивается* въ сторону — при чувствѣ ненависти и вражды, стыда, отвращенія, *вращается изъ стороны въ сторону* въ минуты сомнѣнія, отрицанія, *киваетъ* въ знакъ согласія.

10) Станъ выпрямляется при гнѣвѣ, чувствѣ самодовольства, оскорбленной чести, чувствахъ удачи, силы и надежды, сгибается (горбится) при страданіи, грусти и горѣ, чувствѣ порицанія и брани, мукахъ совѣсти, отчаяніи, неудачѣ и безсиліи.

11) Руки приходятъ въ болѣе или менѣе сильное движеніе въ минуты сильнаго комизма, нѣжности, страданій, гнѣва, радости, горя, испуга и страха, стыда, удивленія.

12) Процессъ дыханія принимаетъ участіе въ волненіяхъ грусти (вздохи), комизма, гнѣва (душитъ смѣхъ, гнѣвъ), радости (задыхается отъ радости), страха (еле дышетъ отъ страха), стыдѣ, сильномъ удивленіи, дѣлается неспокойнымъ при сильномъ наслажденіи, напряженномъ ожиданіи, отчаяніи (вздохъ отчаянія).

13) Судя по выраженіямъ языка, наше сердце постоянно отзывается на чувства. Оно ноетъ при грусти и горѣ, отчаяніи, въ немъ колетъ отъ испуга, оно прыгаетъ и скачетъ отъ радости, колотится и бьется отъ страха, любви, разрывается отъ жалости (сочувствія), обливается кровью отъ состраданія и трагизма, дрожитъ отъ страха и гнѣва.

14) Дрожь, дрожаніе мускуловъ, замѣчается при гнѣвѣ, страхѣ, наслажденіи, радости, удивленія.

Изъ этого перечисленія можно сдѣлать нѣкоторые выводы. Если выраженія чувства поставить въ порядокъ по числу чувствованій, въ нихъ сказывающихся, то онъ окажется слѣдующій: измѣненія въ глазахъ, станѣ, движенія, головы вообще, слезы, измѣненія въ сердце, дыханіе, улыбка, движенія около рта, на лбу, лицѣ, въ рукахъ, смѣхъ, дрожь, движенія бровей. Во главѣ всѣхъ обнаруженій чувствъ находятся измѣненія глазъ. Если отнести къ нимъ слезы, которыя хотя возникаютъ особымъ процессомъ, но для простаго наблюдателя кажутся измѣненіями въ глазахъ,

то они могутъ считаться, преимущественно предъ всѣми прочими органами тѣла, выразителями чувства: они составляютъ какъ бы малое зеркало души. Далѣе, улыбку, смѣхъ можно отнести къ движеніямъ около рта и тогда движенія около рта, вообще измѣненія въ формѣ его, займутъ въ ряду выразителей чувствъ второе мѣсто. Затѣмъ будетъ слѣдовать сердце, измѣненія въ станѣ, движенія головы вообще, дыханіе, движенія на лбу, измѣненія въ мускулахъ лица, дрожь, движенія бровей. Такъ какъ къ измѣненіямъ лица вообще слѣдуетъ относить измѣненія глазъ, движенія около рта, движенія личныхъ мускуловъ, морщеніе и разглаживаніе лба, то нельзя не признать справедливымъ старое выраженіе, что лицо есть зеркало души: дѣйствительно, оно отражаетъ на себѣ почти всѣ душевныя волненія. Измѣненія стана, движенія головы, рукъ, совершаются при посредствѣ произвольной мускульной системы и вышеуказанный перечень показываетъ, какое большое участіе она принимаетъ въ выраженіи чувствованій. Классифицируя обнаруженія ихъ въ болѣе широкіе классы, можно свести ихъ къ тремъ главнымъ группамъ: измѣненія лица въ общемъ смыслѣ, движенія произвольной мускульной системы, измѣненія въ процессахъ кровообращенія и дыханія. Чувствованія прежде всего такъ или иначе отражаются на лицѣ, затѣмъ возбуждаютъ мускульную систему и вызываютъ особыя состоянія въ органахъ дыханія и кровообращенія.

Любопытно будетъ прослѣдить, какъ сравнительно широки выраженія различныхъ чувствъ въ тѣлѣ. Въ этомъ отношеніи во главѣ всѣхъ волненій безспорно стоитъ страхъ: онъ искажаетъ лицо, исторгаетъ слезы, морщитъ лобъ, производитъ пугливый взглядъ, заставляетъ отворачивать голову отъ опасности; ротъ въ минуты страха то сжимается, то широко раскрывается, лицо то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, сердце колотится и бьется, дыханіе дѣлается слабымъ и прерывистымъ, голова закидывается назадъ, ротъ широко раскрывается, руки устремляются къ предмету опасности, волосы на головѣ поднимаются. Такимъ образомъ страхъ сказывается почти на всѣхъ видимыхъ частяхъ тѣла, имѣетъ, говоря статистическимъ языкомъ, 16-ть обнаруженій *). За нимъ

*) Конечно, счетъ числа обнаруженій того или другого чувствованія приводится только приблизительный, причемъ принимаются во вниманіе только видимыя или внѣшнія обнаруженія. Отчасти по обширности ихъ можно судить о размѣрахъ внутреннихъ процессовъ въ тѣлѣ, вызываемыхъ волненіями сердца.

слѣдуетъ гнѣвъ: хмурятся брови, взглядъ дѣлается суровъ и зрачки съуживаются, голова отворачивается отъ разгнѣвавшаго лица и быстро откидывается назадъ, лицо то блѣднѣетъ, то краснѣетъ и искажается, гнѣвъ душитъ, сердце при немъ дрожитъ, станъ выпрямляется, мускулы рукъ напрягаются и кисть руки сжимаетъ кулакъ, тѣло дрожитъ и иногда волосы поднимаются на головѣ. Гнѣвъ имѣетъ 13-ть обнаруженій.

Далѣе слѣдуетъ радость, сказывающаяся улыбкою, слезами, разглаживаніемъ лба, особымъ взглядомъ, раскрываніемъ рта, краснѣніемъ лица, біеніемъ сердца, оживленнымъ дыханіемъ, быстрыми движеніями рукъ и иногда дрожью. Радость имѣетъ 11-ть обнаруженій. Горе и грусть, какъ весьма близкія одно къ другому волненія, сказываются въ однихъ и тѣхъ же послѣдствіяхъ для тѣла. Они имѣютъ 10-ть обнаруженій: въ положеніи головы, морщеніи лба, взглядѣ, слезахъ, улыбкѣ, сжатіи губъ, блѣдности лица, особенностяхъ положенія стана, изнываніи сердца, глубокихъ вздохахъ.

За горемъ и грустью слѣдуютъ: удивленіе имѣющее 6 обнаруженій, чувство забавы, стыдъ и муки совѣсти, имѣщіе по 6-ти выраженій, страданіе, сочувствіе—по 5-ти, надежда и отчаяніе по 4, наслажденіе, нѣжное волненіе, сомнѣніе, чувство удовлетворенія, удачи и безсилія, самодовольства—по 3; чувство порицанія и брани 2 и умственной тягости одно — морщеніи лба.

Оказывается, что обширнѣйшее обнаруженіе въ тѣлѣ имѣютъ волненія: страха, гнѣва, радости, горя и грусти, которыя въ этомъ отношеніи можно назвать волненіями первой категоріи. Удивленіе, чувство забавы, стыда, муки совѣсти, страданія, сочувствіе, имѣющія не менѣе пяти, можно отнести къ второй; надежда и отчаяніе, наслажденіе, нѣжное волненіе, сомнѣніе, чувство удовлетворенія, удачи, безсилія, самодовольства—къ третьей; чувство порицанія и брани и умственной тягости къ четвертой и послѣдней. Этотъ анализъ фактически открываетъ намъ относительную высоту аффектовъ и силу, которой они способны достигать: понятно, что наибольшаго распространенія въ тѣлѣ достигаютъ тѣ волненія, которыя способны достигать бо́льшей глубины и силы.

Выраженія простыхъ чувствованій въ тѣлѣ.

Мы должны сами произвести тотъ предварительный анализъ, недостатокъ котораго ставили выше въ вину ученымъ, занимавшихся нашимъ предметомъ.

Во 1-хъ, мы должны сложныя волненія разрѣшить на прòстыя, чтобы знать, что въ обнаруженіяхъ ихъ на долю какого составнаго чувства отнести. Это уже нами сдѣлано въ своемъ мѣстѣ. Нами уже указаны первоначально простыя, не разложимыя на составныя части, волненія. Укажемъ теперь, какими послѣдствіями вообще они сказываются въ тѣлѣ.

Наслажденія выражаются въ улыбкѣ, особомъ взглядѣ и дрожи (шорохъ въ спинѣ отъ музыкальнаго наслажденія).

Страданія: морщеніе лба, измѣненія въ глазахъ, слезы, сомкнутіе губъ, ломаніе рукъ.

Чувство забавы — въ улыбкѣ, смѣхѣ, быстрыхъ движеніяхъ глазъ, разглаживаніи лба, откидываніи головы.

Умственная тягость — въ сморщиваніи лба.

Чувство пошлости — въ движеніяхъ около рта.

Сочувствіе — въ слезахъ, взглядѣ, улыбкѣ, волненіи сердца (сердце разрывается отъ состраданія), движеніи рукъ (сочувственные жесты).

Чувство лишенія — въ морщеніи лба, взглядѣ, опущеніи головы.

Чувство новости — легкомъ поднятіи бровей и широкомъ раскрытіи глазъ.

Отвращеніе, какъ и отталкиваніе — въ отворачиваніи лица, движеніяхъ около рта и носа.

Чувство мизерности и низменности: прищуриваніе глазъ и опущеніе ихъ.

Восторгъ: улыбка, разглаживаніе лба, блескъ глазъ, краснота лица, біеніе сердца, движенія рукъ.

Робость: измѣненіе во взглядѣ, отворачиваніе головы, дрожь, блѣдность лица, біеніе сердца, движенія.

Самодовольство: улыбка, взглядъ, выпрямленіе стана.

Чувство удовлетворенія — улыбка.

Чувство замѣшательства — краснѣніе лица.

Такъ какъ многія волненія сложны, то мы теперь будемъ знать, какія выраженія ихъ на долю какихъ составныхъ частей слѣдуетъ отнести.

Обнаруженіе волевыхъ элементовъ чувствованій.

Во 2-хъ, мы должны выдѣлить обнаруженія волеваго элемента въ выраженіи волненій. Въ нихъ сказывается воля, къ чему либо стремящаяся, или чего либо избѣгающая, чему либо противодѣйствующая. Какъ мы увидимъ ниже, она имѣетъ прямое отношеніе къ аппарату движенія, къ движущимъ нервнымъ центрамъ и мускульной системѣ; возбужденіе воли должно такъ или иначе отражаться въ послѣднихъ, особенно когда волненіе велико, а слѣдовательно, бываетъ велико и возбужденіе воли. Чувствованіе можетъ и не сопровождаться тѣлодвиженіями, напримѣръ, слабое, не способное достигать значительной силы и глубины, въ которомъ волевой элементъ слабъ. Но когда волненіе сильно и глубоко и слѣдовательно, волевое возбужденіе сильно, мускульная система должна приходить въ движеніе. Воля, сказывающаяся въ волненіяхъ и собственно производящая ихъ, безсознательна и её не слѣдуетъ смѣшивать съ вторичными желаніями и хотѣніями, возникающими уже, на основаніи первоначальныхъ хотѣній, въ продолженіи волненія, или даже послѣ него: послѣднія всегда бываютъ болѣе или менѣе сознательны.

И дѣйствительно, мы видимъ, что волненія первой категоріи вызываютъ наиболѣе сильныя движенія или измѣненія въ мускульной системѣ: страхъ, гнѣвъ, радость, горе и что̀ замѣчательно, какъ разъ въ этомъ порядкѣ; всего значительнѣй движенія вызываются страхомъ, за тѣмъ слѣдуетъ гнѣвъ, радость и т. д. Такъ какъ и вторая категорія представляетъ еще сильныя чувствованія, то возбужденіе мускульной системы при нихъ сильно. Удивленіе, чувство забавы, стыда, муки совѣсти, страданія, сочувствіе—всѣ отражаются на произвольныхъ мускулахъ тѣла и нельзя не удивляться, что тогда какъ, при удивленіи и забавѣ, тѣлодвиженія значительны и сильны и напоминаютъ движенія, бывающія при волненіяхъ первой категоріи, начиная со стыда, они послѣдовательно уменьшаются. Третья категорія все таки еще болѣе или менѣе отражается въ мускулахъ, но относительно слабѣй, чѣмъ вторая категорія: такъ, надежда и отчаяніе, наслажденіе, нѣжное волненіе, сомнѣніе, чувство удовлетворенія, удачи, безсилія, самодовольства — имѣютъ свои спеціальныя движенія, но относительно слабыя. Наконецъ, въ волненіяхъ четвертаго

разряда: чувствахъ порицанія и брани и умственной тягости тѣлодвиженія почти ничтожны.

Такъ какъ воля прежде всего имѣетъ отношеніе къ произвольной мускульной системѣ, то дѣйствіе волевого элемента волненій прежде всего должно сказаться на ней. Изъ обнаруженій чувствованій въ тѣлѣ, произвольною мускульною системою дѣлаются: движенія глазъ, закрываніе ихъ, движенія головы, на лбу, измѣненія формы рта, измѣненія въ положеніи стана, движенія рукъ и ногъ.

Судя по тому, что во взглядѣ обнаруживается наибольшее число волненій, а характеръ взгляда между прочимъ условливается движеніями глазъ, степенью сближенія вѣкъ, измѣненіями зрачка, можно думать, что волевой элементъ сказывается прежде всего и легче всего въ мускулахъ глаза и вѣкъ. И дѣйствительно, изъ вышесказаннаго видно, что взглядъ отражаетъ въ себѣ почти всѣ чувства первыхъ трехъ категорій. Затѣмъ слѣдуютъ измѣненія въ станѣ, который испытываетъ вліяніе одного чувства даже четвертой категоріи, движенія головы, являющіяся преимущественно при волненіяхъ первой и высшихъ второй категоріи, движенія рта и около его также при болѣе сильныхъ волненіяхъ первой и второй категорій, хотя количество ихъ менѣе, чѣмъ тѣхъ, которыя вліяютъ на движенія головы. Наконецъ, слѣдуютъ движенія рукъ при волненіяхъ первой категоріи и нѣсколькихъ высшихъ второй. Если предположить что возбужденія мускульной системы наростаютъ отъ меньшихъ степеней до большихъ, послѣдовательно расширяясь въ ней, то въ вышеприведенныхъ данныхъ мы имѣемъ указанія на путь распространенія дѣйствій аффектовъ на мускульную систему. Прежде всего возбуждаются мускулы глазъ; затѣмъ сила аффекта сказывается въ мускулахъ стана, головы, рта, рукъ и, прибавимъ, ногъ. Возбужденіе головного мозга передается мускуламъ глаза; возрастая, оно переходитъ въ спинной мозгъ на мускулы преимущественно крестца и спины; еще усиливаясь, оно заставляетъ сокращаться головные мускулы и наконецъ мускулы рукъ и ногъ.

Это общій ходъ возбужденія мускульной системы тѣла при аффектахъ. Сильные изъ нихъ, въ которыхъ волевой элементъ тоже силенъ, возбуждаютъ произвольную мускульную систему до конца, до послѣднихъ предѣловъ; слабые до извѣстныхъ только границъ, наприм. ограничиваются возбужденіемъ только глазъ, стана и т. под. Есть аффекты, мало способные достигать осо-

бенной силы, наприм. третьей и четвертой категорій; они сказываются только въ мускулатурѣ глазъ, или совсѣмъ не сказываются.

Но форма движеній и общій видъ ихъ очень различны смотря по различію чувствованій. Если бы волевой элементъ въ нихъ выражался въ мускулатурѣ всегда однообразно, то понятно, что мы различали бы выраженія его только по силѣ и распространенію ихъ. Между тѣмъ извѣстно, что разные аффекты вызываютъ движенія хотя однихъ и тѣхъ же частей тѣла, но различныя по своей сущности; мы должны теперь отыскать причину этого обстоятельства.

Въ волненіяхъ сказывается воля. Они возникаются отъ того, что субъектъ въ впечатлѣніяхъ, событіяхъ, обстоятельствахъ встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе или содѣйствіе, осуществленіе или отрицаніе своихъ первоначальныхъ или вторичныхъ желаній. Какъ увидимъ ниже, чувствованія, разсматриваемыя внѣ связи съ волею, не могутъ имѣть raison d'etre и только съ нашей точки зрѣнія получаютъ смыслъ. Смотря по тому, въ какой мѣрѣ и какъ впечатлѣнія и событія противодѣйствуютъ или содѣйствуютъ волѣ, смотря по особенностямъ встрѣчъ и положеній субъекта, возникаютъ различныя чувствованія. Каждое изъ нихъ должно имѣть свой смыслъ, свою идею, которою опредѣляется его raison d'etre, даваемую ничѣмъ инымъ, какъ волею. Такъ какъ она въ чувствованіяхъ высказывается различно, то и выраженіе ея въ мускулатурѣ при волненіяхъ должно быть не одинаково. Воля дѣйствуетъ, хотя безсознательно, но подъ руководствомъ интеллекта, и въ движеніяхъ мускуловъ смыслъ волненія не можетъ не отражаться. По этому хотя чувствованія послѣдовательно разливаются въ мускулахъ, все таки они сказываются въ нихъ различно, смотря по смыслу волненія.

Страхъ является, когда жизни и дѣятельности субъекта угрожаетъ опасность. Въ немъ воля съ одной стороны наисильнѣйшимъ образомъ отрицаетъ ее, съ другой, ни въ какой другой моментъ, какъ именно въ этотъ, въ волѣ пробуждается пламенное желаніе жизни и дѣятельности. Первое обнаруженіе страха по этому есть сильнѣйшее напряженіе всей мускулатуры для бѣгства отъ опасности, бѣгства, къ которому онъ чувствуетъ безсознательное сильнѣйшее стремленіе. Но когда опасность не отвратима и неизбѣжность катастрофы сознается субъектомъ, онъ, какъ и всегда бываетъ въ случаѣ не возможности испол-

нения желанія, безсильно только пытается, пробуетъ дѣлать движенія и это сказывается въ поворотахъ зрачковъ, вращающихся изъ стороны въ сторону, въ конвульсивномъ сокращеніи мускуловъ, въ сжатіи и разкрытіи кулаковъ. Другія движенія при страхѣ происходятъ частію отъ крайняго удивленія, которое непремѣнно бываетъ при немъ, частію должны быть отнесены на другія причины.

Гнѣвъ есть слѣдствіе противленія волѣ. Въ немъ волевой элементъ есть желаніе побороть, уничтожить, сломить противленіе и мускульная система выражаетъ готовность къ борьбѣ, желаніе ея. Такой смыслъ аффекта даетъ намъ возможность объяснить нѣкоторыя особенности вида и движеній гнѣвнаго человѣка. Тѣло его принимаетъ прямое положеніе, иногда оно нѣсколько наклоняется въ сторону ненавистнаго лица. Ротъ закрывается, чѣмъ выражается рѣшимость, зубы сжимаются и часто скрежещутъ; руки поднимаются не рѣдко съ сжатыми кулаками и не многіе изъ страстныхъ людей, въ минуту сильнаго гнѣва, могутъ воздержаться отъ послѣдняго движенія. Губы въ нѣкоторыхъ случаяхъ страннымъ образомъ вытягиваются, но всего чаще оттягиваются, вслѣдствіе чего обнажаются стиснутые зубы, какъ будто гнѣвающійся человѣкъ приготовляется напасть на ненавистнаго врага и растерзать его (Дарвинъ). Это есть видъ человѣка, приготовившагося во что бы то ни стало провести свою волю. И гнѣвъ и страхъ почти равно возбуждаютъ мускульную систему до послѣднихъ предѣловъ, но такъ какъ смыслъ ихъ различенъ, то и форма возбужденія и видъ представляемый тѣломъ въ обоихъ случаяхъ различенъ. Нѣтъ ни какой надобности предполагать здѣсь какіе то остатки отъ животнаго давняго состоянія, когда дѣло объясняется гораздо проще.

Здѣсь мы объяснили часть движеній въ тѣлѣ при страхѣ и гнѣвѣ только для примѣра, чтобы пояснить нашу мысль. Приложеніе ея къ остальнымъ волненіямъ мы оставляемъ до того времени, когда перейдемъ къ спеціальному обсужденію выраженія чувствованій.

Обнаруженія глубины и силы чувствованій.

Въ 3-хъ, мы должны различать въ чувствованіяхъ глубину и силу. Волевой элементъ ихъ выражается въ произвольной му-

скульной системѣ. Чувство, какъ таковое, отражается въ частяхъ тѣла, его системахъ, не подлежащихъ нашему контролю, или если оно отражается на произвольной мускульной системѣ, то такими явленіями, которыя обыкновенно не вызываются произвольнымъ путемъ, не походятъ на вызываемыя произвольно и потому не всегда подлежатъ сознательному контролю. Къ перваго рода выраженіямъ чувства относятся измѣненія во взглядѣ, слезы, морщеніе, разглаживаніе лба, хмуренье бровей, измѣненія въ лицѣ, смѣхъ, измѣненія въ дѣятельности сердца и легкихъ, ко второго рода улыбка и дрожь всего тѣла. Къ перваго же рода выраженіямъ слѣдуетъ отнести и измѣненія въ дѣятельности нѣкоторыхъ внутреннихъ органовъ, напр. кишечнаго канала, печени, которыя впрочемъ суть спеціальныя выраженія только очень немногихъ чувствованій: страха и гнѣва.

Сила каждаго чувствованія зависитъ отъ условій одинаковыхъ для всякого волненія вообще. Она можетъ быть велика и мала какъ при низшихъ степеняхъ чувства, такъ и при высшихъ. Ее можно назвать элементомъ общимъ всѣмъ чувствамъ: ибо, какъ энергія, она въ сущности одна и таже, встрѣчается ли она въ гнѣвѣ, страхѣ, удивленіи, или самодовольствѣ и т. д. Если она въ чемъ либо выражается, то это происходитъ способомъ для всѣхъ чувствъ одинаковымъ. Пути обнаруженія ея должны быть одинаковы у всѣхъ чувствъ и могутъ различаться развѣ только тѣмъ, что у однихъ они длиннѣе, сложнѣе, у другихъ короче и проще. Глубина чувствованій тѣсно связана съ спеціальнымъ характеромъ чувства, съ его сущностію, въ силу которой оно есть то, а не другое, и которою оно отличается отъ всѣхъ другихъ. Различныя чувствованія способны достигать различной высоты, имѣютъ неодинаковое количество степеней, и это различіе зависитъ отъ условій возникновенія того или другого волненія, отъ качества его. Если глубина ихъ выражается въ тѣлѣ, то она должна обнаруживаться въ какихъ либо спеціальныхъ измѣненіяхъ органовъ или частей его и эти обнаруженія должны быть различны для разныхъ чувствованій. Они могутъ касаться однихъ и тѣхъ же органовъ, но измѣненія въ дѣятельности ихъ будутъ болѣе или менѣе спеціальны по своему характеру.

Попытаемся отыскать, въ чемъ состоитъ выраженіе силы чувствованій. Искать его, очевидно слѣдуетъ въ тѣхъ непроизвольныхъ перемѣнахъ частей тѣла, независящихъ отъ сознательнаго контроля, о которыхъ мы выше сказали. Если расположить ихъ

въ порядкѣ встрѣчаемости ихъ при волненіяхъ, то онъ окажется слѣдующій. Болѣе всего встрѣчаются при волненіяхъ измѣненія въ качествахъ взгляда, (въ немъ выражаются 13-ть волненій); затѣмъ слѣдуютъ измѣненія въ дѣятельности сердца (11-ть волненій), въ дыханіи (10-ть), движеніяхъ на поверхности лба и измѣненіяхъ лица (7), дрожь всего тѣла въ 5-ти, хмуренье бровей въ 4-хъ. Морщеніе лба, какъ явно спеціальное обнаруженіе, и хмуреніе бровей, какъ выраженіе неудовольствія страданія, должны быть прямо отнесены къ спеціальнымъ обнаруженіямъ чувства, а равно и смѣхъ долженъ быть признанъ также спеціальнымъ обнаруженіемъ чувства забавы. Не смотря на то, что онъ встрѣчается во многихъ даже противоположныхъ чувствованіяхъ, мы надѣемся доказать ниже, что смѣхъ и улыбка бываютъ тамъ, гдѣ хотя мимолетно въ душѣ мелькаетъ это чувство. Поэтому остаются какъ возможные выразители силы чувствованій: глаза, сердце, легкіе, лицо вообще и дрожь.

Тотъ фактъ, что глаза всего болѣе отражаютъ волненій, слѣдуетъ приписать не иному чему, какъ сравнительно легкой раздражимости этого органа при всякихъ чувствахъ, переживаемыхъ человѣкомъ. Онъ дѣйствительно, отражаетъ въ себѣ почти всѣ чувства первыхъ трехъ категорій. Сердце участвуетъ въ волненіяхъ значительно меньше. На него дѣйствуютъ волненія первой категоріи и только нѣкоторыя второй и третьей. Почти рядомъ съ нимъ должно быть поставлено дыханіе. Слѣдовательно, сердце и легкія труднѣе возбуждаются, чѣмъ глаза. За сердцемъ и легкими слѣдуетъ лицо, измѣненія котораго совершаются почти исключительно при волненіяхъ первой категоріи. Наконецъ и дрожь встрѣчается только при нихъ и еще при первомъ чувствѣ второй группы. Значитъ, лицо сравнительно съ сердцемъ и легкими болѣе трудно измѣняется, но легче, чѣмъ мускульная система приводится въ дрожь. Способныя къ наибольшей силѣ, волненія производятъ всѣ эти роды измѣненій, среднія только нѣкоторые, и слабыя по своему характеру вліяютъ только на глаза. Очевидно теперь, какъ сказывается сила чувствованій: она обнаруживается въ обширности измѣненій въ тѣлѣ. При небольшой энергіи чувствованій, они выражаются въ глазахъ, при дальнѣйшемъ усиленіи обнаруживается вліяніе на сердце и легкія, новое усиленіе ихъ измѣняетъ и даже искажаетъ лицо и наконецъ, на высшей степени своего развитія чувство сказывается дрожью. Всѣ стадіи обнаруженія проходятъ

лишь чувствованія, способныя къ наибольшей энергіи, но и они дѣлаютъ это только въ случаяхъ наибольшаго своего напряженія. Въ слабыхъ степеняхъ и гнѣвъ и страхъ вліяютъ только на глаза, въ болѣе сильныхъ отражаются на сердцѣ и легкихъ, въ высокихъ и высшихъ степеняхъ сказываются въ лицѣ и приводятъ въ дрожь тѣло.

Сила чувствованій выражается въ обширности измѣненій въ тѣлѣ, глубина должна отражаться въ спеціальномъ дѣйствіи ихъ на тотъ или другой органъ. Реально сила волненій не встрѣчается безъ глубины. Какъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, какой бы малой глубины чувствованіе ни было, оно должно имѣть нѣкоторую силу, и какъ бы слабо оно ни было, оно не можетъ быть безъ нѣкоторой глубины. Только для научныхъ цѣлей мы позволяемъ себѣ абстрагировать ихъ, одну отъ другой, и о каждой разсуждать отдѣльно. И въ выраженіи чувствъ тоже самое: сила ихъ обнаруживается не отдѣльно отъ глубины и на оборотъ: въ органѣ чувство производитъ свое спеціальное дѣйствіе, но отъ силы его зависитъ, на сколько частей тѣла и на сколько органовъ простирается спеціальное дѣйствіе. На глаза гнѣвъ иначе дѣйствуетъ, чѣмъ страхъ, равно на сердце, легкія и т. д., но сила ихъ опредѣляетъ, почему въ одномъ случаѣ они ограничиваются спеціальными вліяніями на глаза, въ другомъ на глаза, сердце и легкія, а въ третьихъ, кромѣ этихъ вліяній, искажаютъ лицо и производятъ дрожь.

Мы должны теперь отыскать, какія спеціальныя дѣйствія производятся чувствованіями на упомянутыя части тѣла.

Наслажденія выражаются въ особомъ оживленномъ взглядѣ, при чемъ глаза нѣсколько увлажняются; затѣмъ, они сказываются въ улыбкѣ, на высшей степени — въ дрожи (шорохъ отъ музыкальнаго наслажденія).

Страданія въ воспаленномъ взглядѣ, морщеніи лба, слезахъ. Чувство удовольствія въ улыбкѣ, въ разглаживаніи лба и легкомъ сближеніи вѣкъ.

Чувство забавы въ смѣхѣ.

Умственная тягость въ морщеніи лба.

Чувство пошлости въ движеніяхъ около рта.

Сочувствіе въ слезахъ, особомъ взглядѣ, улыбкѣ, волненіи сердца.

Чувство лишенія въ морщеніи лба, взглядѣ.

Чувство новости — легкое поднятіе бровей, глаза широко раскрываются.

Отвращеніе, какъ и отталкиваніе: движенія около рта и носа.

Презрѣніе въ опусканіи верхней вѣки, нѣкоторомъ выпрямленіи стана и откидываніи головы.

Восторгъ — блескъ глазъ, разглаживаніе лба, улыбка, краснота лица, біеніе сердца.

Самодовольство — въ улыбкѣ.

Чувство удовлетворенія — въ улыбкѣ.

Чувство замѣшательство — краснѣніи лица.

Это спеціальныя дѣйствія чувствованій на системы тѣла. Къ нимъ можно причислить еще вліяніе страха на кишечный каналъ, на запирающіе его мускулы и вліяніе гнѣва на отправленіе печени. Надобно, однакожь, замѣтить, что эти дѣйствія обнаруживаются только при высокихъ степеняхъ и большой силѣ упомянутыхъ волненій. Тоже слѣдуетъ сказать о поднятіи волосъ на головѣ, замѣчаемомъ только при сильныхъ припадкахъ гнѣва и волненіяхъ страха.

Спеціальныя дѣйствія чувствованій на сердце и легкія состоятъ въ томъ, что, при нѣкоторыхъ изъ нихъ, сердце переполняется кровью, отчего происходитъ чрезмѣрное растяженіе стѣнокъ его, или оно быстро выпоражнивается; иногда оно сильно и учащенно бьется, иногда на оборотъ, дрожитъ. Легкія, подъ вліяніемъ чувствъ, дышатъ медленно или часто, глубоко или поверхностно, судорожно.

И такъ, тогда какъ сила чувствованій сказывается въ обширности измѣненій въ непроизвольныхъ системахъ тѣла, глубина обнаруживается въ различныхъ спеціальныхъ дѣйствіяхъ на зрительный органъ, сердце, легкія, лицо, мускулы около рта.

Критическія замѣчанія о законахъ Дарвина.

Предъ установленіемъ своихъ обобщеній, мы считаемъ нужнымъ остановиться на вышеприведенныхъ Дарвиновскихъ законахъ. Первый законъ его цѣлесообразныхъ ассоціированныхъ привычекъ объясняетъ дѣло очень мало. Онъ можетъ служить для объясненія только нѣкоторыхъ индивидуальныхъ особенностей въ выраженіи чувствованій: сначала намѣренно принимаемыя лицомъ позы, тѣлодвиженія при волненіяхъ, съ теченіемъ времени, у

него же превращаются въ ненамѣренныя и привычныя. Каждый разъ, какъ возникаютъ въ немъ извѣстныя волненія, привычныя движенія, ассоціировавшіяся въ извѣстномъ порядкѣ, являются сами собою, безъ сознательныхъ усилій со стороны субъекта. Но едва ли возможно давать этому закону такое значеніе, что многія дѣйствія, имѣвшія смыслъ въ свое время, когда наши предки были въ животномъ состояніи, стали наслѣдственными и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, уже какъ безсознательныя. Являются недоумѣнія: дѣйствительно ли было первоначальное животное состояніе, какое предполагается Дарвиномъ. Если и было, то кто поручится, что движенія, теперь безсознательно дѣлаемыя, тогда имѣли смыслъ? Какъ могутъ передаваться ассоціаціи въ готовомъ видѣ? Изобрѣтать подобные законы, не значитъ ли дѣлать произвольныя предположенія съ тѣмъ, чтобы объяснить фактъ? Съ другой стороны, въ такихъ объясненіяхъ не представляется и надобности. Мы видѣли выше, какъ великъ волевой элементъ въ каждомъ волненіи; онъ даетъ смыслъ послѣднему; различныя движенія при чувствованіи опредѣляются собственно имъ и производятся чрезъ произвольную мускульную систему. Всѣ движенія, которыя должны объясняться Дарвиновскимъ закономъ, легко могутъ быть объяснены вліяніемъ волевого элемента волненій.

Второй законъ Дарвина, принципъ противоположности, вообще объясняетъ очень мало. Во 1-хъ, онъ даетъ такое же объясненіе, какъ если бы кто сказалъ, что бѣлое слѣдуетъ объяснять чернымъ, несправедливость тѣмъ, что существуетъ справедливость и т. под.: это значитъ перелагать затрудненіе съ одного пункта на другой. Намъ говорятъ: гнѣвное выраженіе собаки противоположно ласковому; оно таково потому, что противоположно послѣднему. Что же этимъ объясняется? и ласковое выраженіе противоположно гнѣвному, слѣдовательно, vice versa можно сказать, что ласковое выраженіе таково потому, что оно противоположно гнѣвному. Является вопросъ, какъ возникли оба эти выраженія? Во 2-хъ, къ выраженію многихъ волненій въ человѣкѣ законъ противоположности неприложимъ: напримѣръ, радость выражается улыбкою, смѣхомъ; противоположное радости чувство горя выражается слезами; слезы и смѣхъ, однако же, не противоположны, а просто суть различныя выраженія. Забава противоположна страху, первая выражается въ смѣхѣ, второй въ цѣломъ рядѣ состояній тѣла, которыя не противоположны смѣху,

а просто различны. Гнѣвъ и нѣжное чувство также противоположны; но ихъ выраженія? Вообще, что касается вліянія чувствованій на непроизвольныя системы тѣла, то нѣтъ возможности провести упомянутый Дарвиновскій законъ, не встрѣчая большихъ противорѣчій въ фактахъ.

Но этотъ законъ указываетъ на одно обстоятельство, требующее вниманія психолога. Дѣйствіе многихъ противоположныхъ чувствованій на произвольные мускулы и выраженія ихъ въ тѣлѣ, дѣйствительно, противоположны. Зависитъ это оттого, что волевые элементы въ противоположныхъ чувствованіяхъ также противоположны и потому они выражаются въ тѣлѣ противоположнымъ образомъ. Въ забавѣ человѣкъ играетъ съ впечатлѣніемъ, обращается съ нимъ по произволу, придавая ему какую вздумается форму: онъ внимателенъ въ такіе моменты къ нему, но чувствуетъ свою силу надъ нимъ и потому, при этомъ чувствѣ, мускульная система его держится свободно, напрягается и ослабляется, играетъ. Въ страхѣ человѣкъ уничтожается предъ впечатлѣніемъ, или страстно желаетъ освободиться отъ него и уничтожить его, или опускаетъ руки, чувствуя свое безсиліе предъ нимъ. Мускульная система здѣсь то напрягается, чтобъ убѣжать или побороть опасность, или парализуется и состояніе ея въ однихъ частяхъ представляетъ страшное напряженіе, въ другихъ параличъ, и одни и тѣ же мускулы то напрягаются то парализуются. Такимъ же образомъ слѣдуетъ объяснить и противоположныя выраженія противоположныхъ чувствъ и у животныхъ.

Третій законъ — принципъ прямого дѣйствія возбужденной нервной системы на тѣло, независимо отъ воли и привычки, — въ сущности, формулируетъ давно извѣстный фактъ, что возбужденіе нервной системы обнаруживается въ организмѣ, по мимо воли и привычки. Это обобщеніе есть первый и не опредѣленный шагъ въ разъясненіи выраженій чувства. Нѣкоторая попытка указать форму дѣйствія этого закона была сдѣлана Гарлесомъ (Wagners Handwörterbuch der Phys. III 1, 560. Сравн. Lotze, Medicinische Psychol. 526). Но съ его обобщеніемъ согласиться нельзя: онъ не выдѣлялъ обнаруженія въ непроизвольныхъ системахъ отъ выраженія въ произвольныхъ и для тѣхъ и другихъ старался установить общій законъ, что невозможно. На подробное развитіе и разъясненіе состоянія центральныхъ частей нервной системы, во время чувствованій, и путей, ка-

кими оно обнаруживается въ системахъ организма, и должно направляться вниманіе физіологовъ. Къ сожалѣнію, о характерѣ измѣненій нервной системы, подъ вліяніемъ волненій, мы знаемъ весьма мало.

При объясненіи выраженія высшихъ волненій въ тѣлѣ, необходимъ, какъ мнѣ кажется, законъ аналогіи. Несомнѣнна родственность многихъ высшихъ чувствъ съ нисшими. Чувство отвращенія, внушаемое высокимъ и оригинальнымъ умамъ пошлостію, или нравственному человѣку безнравственными личностями, родственно физіологическому отвращенію ко всему грязному, гнилому; чувство духовной силы и нравственнаго безсилія близко къ чувству физической силы и физическому безсилію. Не будемъ спорить: развились ли высшія чувства изъ нисшихъ, или они являются въ душѣ самостоятельно, въ силу ея способности къ высшему развитію: теперь для насъ оба мнѣнія безразличны. Но при выраженіи въ тѣлѣ, всякія чувства сказываются также, какъ и нисшія, конечно потому, что физіологическое при нихъ состояніе таково же, какъ и при нисшихъ. Въ минуты большого раздумья, интеллектуальныхъ затрудненій, чувство возбуждаемое ими, похоже на непріятное чувство, возбуждаемое зудомъ кожи и потому такое душевное состояніе выражается соотвѣтственнымъ же образомъ: человѣкъ въ раздумьи почесываетъ себѣ затылокъ, хотя кожа на самомъ дѣлѣ не чувствуетъ зуда. По той же аналогіи можно объяснять и факты, подмѣченные Грасіоле. Закрытіе глазъ и отворачиваніе лица дѣлается тогда, когда мы не желаемъ или не можемъ смотрѣть прямо на какой нибудь предметъ. Случайно взглянувъ на солнце, или какое нибудь слишкомъ ярко свѣтящееся тѣло, мы, подъ вліяніемъ чувства боли, закрываемъ глаза и поворачиваемъ лицо въ сторону. Такъ дѣлаетъ ребенокъ, но также точно поступаетъ взрослый уже сознательно, когда не желаетъ видѣть непріятный въ какомъ бы то ни было отношеніи предметъ: пока лицо обращено къ непріятному предмету, человѣкъ закрываетъ глаза, чтобъ не видѣть его, и чтобы сдѣлать невозможнымъ видѣніе, онъ отворачиваетъ лицо. Напротивъ, мы открываемъ глаза шире обыкновеннаго, когда встрѣчаемъ предметъ, пріятно возбуждающій глазъ, дабы сдѣлать свое зрѣніе острѣе, и даже вытягиваемъ нѣсколько шею, наклоняя голову впередъ. Подобныя этимъ движенія мы совершаемъ при отрицаніи и утвержденіи, именно въ силу закона аналогіи. Слушая непріятное мнѣніе, такъ какъ

оно производитъ въ насъ подобнаго же рода непріятное, а иногда болѣзненное, чувство, какъ сильно яркій свѣтъ или непріятный предметъ, мы закрываемъ глаза и отворачиваемъ лицо; а слушая мнѣніе по сердцу намъ, мы открываемъ глаза шире и если не вытягиваемъ головы, то по крайней мѣрѣ, дѣлаемъ быстрое движеніе головы впередъ.

Относительно размышленія Дарвинъ говоритъ, что люди всѣхъ расъ морщатъ лобъ, когда затрудняются умственно, и доказываетъ, что это движеніе не есть собственно выраженіе вниманія, но чувство трудности или непріятности, испытываемой во время размышленія. Изслѣдуя далѣе, отчего происходитъ это морщеніе, онъ находитъ, что оно есть тоже самое движеніе, которымъ обыкновенно начинается плачь, то есть, собственно сильное сжатіе вѣкъ; такъ какъ умственное затрудненіе аналогично непріятнымъ ощущеніямъ боли, голода, жажды, отъ которыхъ ребенокъ плачетъ, то оно и выражается подобно имъ. Движеніе, первоначальное назначеніе котораго — быть первымъ симптомомъ плача, сдѣлалось родовымъ обнаруженіемъ чувствъ подобнаго рода. Такова же аналогія въ выраженіяхъ физическаго и интеллектуальнаго отвращенія. Физическое отвращеніе выражается тѣмъ, что ротъ широко раскрывается, какъ будто человѣкъ желаетъ избавиться отъ вещи, попавшей въ него; человѣкъ при этомъ часто плюетъ и отдувается съ вытянутыми губами. Высшая степень отвращенія сопровождается движеніями, тожественными съ тѣми, которыя предшествуютъ рвотѣ. Такъ выражается отвращеніе отъ гадкой на вкусъ и запахъ пищи. Но таково же обнаруженіе и интеллектуальнаго отвращенія. Намъ могутъ казаться въ высшей степени отвратительными безчестный поступокъ, фраза, извѣстная личность, и мы выражаемъ это чувство гадливости вышеупомянутымъ образомъ, потому что поступокъ, выраженіе, человѣкъ, возбуждаютъ въ насъ движенія сердца, аналогическія физическому отвращенію. Въ такой же связи по аналогіи находятся выраженія гнѣва и благороднаго негодованія, рабскаго подчиненія и благоговѣнія.

Принципъ аналогіи дѣйствуетъ въ насъ какъ сознательно, такъ и безсознательно. Мы прилагаемъ его къ дѣлу сознательно во многихъ случаяхъ. Чтобы выразить презрѣніе и отвращеніе къ врагу, человѣкъ намѣренно употребляетъ выраженія, характеризующія физическое отвращеніе. Мы нарочно принимаемъ благоговѣйную смиренную позу, дабы выразить предъ всѣми, что

мы дѣйствительно настроены благоговѣйно, или хотимъ казаться таковыми. Воля такимъ образомъ намѣренно пользуется готовымъ механизмомъ выраженія. Но иногда тѣже самыя чувствованія выражаются безсознательно, инстинктивно: неожиданное воспоминаніе о непріятной и отвратительной фигурѣ человѣка вызываетъ на лицѣ, помимо воли и произвола, знаки отвращенія. Нѣчто подобное мы можемъ прослѣдить въ тонѣ нашей рѣчи. Ораторъ, выражая суровыя, неумолимыя требованія закона, или выражая чувство негодованія, намѣренно и сознательно прибѣгаетъ къ нѣкоторымъ выраженіямъ гнѣва на лицѣ, возвышаетъ тонъ голоса, придаетъ ему нѣкоторую суровость. На оборотъ, выражая благожелательныя чувства, онъ даетъ лицу нѣжное выраженіе и смягчаетъ голосъ; желая возбудить чувство жалости въ слушателяхъ, онъ употребляетъ жалобный тонъ; его лицо обнаруживаетъ признаки печали. Но эти обнаруженія могутъ быть и безсознательными. Въ жару рѣчи, увлеченный живыми образами, ораторъ безсознательно отражаетъ въ своемъ лицѣ и голосѣ соотвѣтствующія чувствованія. Хотя содержаніе рѣчи далеко отстоитъ отъ первоначальныхъ грубыхъ чувствованій удовольствія или печали, гнѣва и т. п., но такъ какъ высокія чувствованія, возбуждаемыя въ рѣчи, тѣмъ не менѣе подобны имъ, то въ силу аналогіи, они совершаются также подобно имъ, совершенно помимо воли и произвола оратора.

И такъ при объясненіи происхожденія выраженій чувства въ тѣлѣ, необходимо предварительно выдѣлить изъ нихъ принадлежащія волевому элементу, затѣмъ, для объясненія выраженій его въ непроизвольныхъ системахъ и непроизвольныхъ дѣйствій на произвольныя системы, допустить прежде всего принципъ прямого дѣйствія возбужденныхъ нервныхъ центровъ на системы тѣла и принципъ аналогіи. Уже на основѣ дѣйствія волеваго элемента, въ чувствѣ сказываются и законъ привычки и отчасти принципъ противоположности.

Выраженія простыхъ чувствованій.

Мы перейдемъ къ замѣткамъ о выраженіи чувствованій въ отдѣльности: прежде всего простыхъ, затѣмъ сложныхъ.

Страданія выражаются въ воспаленномъ взглядѣ, морщеніи лба, слезахъ. Самымъ типическимъ выраженіемъ страданій слѣ-

дуетъ признать плачъ и слезы. Дѣти, чувствуя боль или горе, издаютъ при этомъ сильный и продолжительный крикъ. Въ продолженіи крика глаза крѣпко смыкаются, такъ что кожа около нихъ складывается въ складки и на лбу образуются морщины. Ротъ широко раскрывается и губы оттягиваются такимъ образомъ, что ротъ принимаетъ четырехугольную форму. Десны или зубы при этомъ открываются, вдыханіе происходитъ почти судорожнымъ образомъ. Дарвинъ выясняетъ эти факты слѣдующимъ образомъ. Закрытіе глазъ служитъ къ предохраненію ихъ отъ чрезмѣрнаго переполненія кровью. Это движеніе происходитъ чрезъ сокращеніе окологлазныхъ мускуловъ, что ведетъ за собою сокращеніе мускуловъ, идущихъ къ верхней губѣ, отчего послѣдняя поднимается и на щекамъ образуются двѣ рѣзкія складки, идущія отъ боковъ ноздрей къ угламъ рта. Такъ какъ верхняя губа поднимается во время крика, то мускулы, оттягивающіе углы рта, сильно сокращаются, дабы могъ свободно раздаваться сильный звукъ; вслѣдствіе дѣятельности обоихъ, противодѣйствующихъ другъ другу, мускуловъ, ротъ принимаетъ четырехугольную фигуру. Маленькія дѣти въ раннемъ періодѣ плачутъ безъ слезъ. Дарвинъ наблюдалъ надъ дѣтьми и нашелъ, что слезы являются у нихъ въ весьма различное время: у одного онъ замѣтилъ на 139 днѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 104 днѣ слезы обильно текли по щекамъ. Способность плакать различна у разныхъ народовъ, дикіе плачутъ по самымъ незначительнымъ поводамъ. Причину отдѣленія слезъ Дарвинъ объясняетъ тѣмъ, что судорожное давленіе на поверхность глаза и растяженіе сосудовъ внутри ихъ возбуждаетъ слезныя железы путемъ рефлексіи. При дальнѣйшемъ развитіи ребенка этотъ процессъ сокращается: въ силу привычки и ассоціаціи, равно какъ и потому, что мускулы лица и глазъ въ дѣятельности своей подчиняются контролю воли и сокращенію ихъ воля начинаетъ противодѣйствовать, страданіе прямо производитъ отдѣленіе слезъ, невозбуждая при этомъ уже никакой другой дѣятельности.

Противъ объясненія появленія слезъ можно замѣтить, что если онѣ являются отъ судорожнаго давленія на поверхность глаза, то почему дѣти въ ранній періодъ плачутъ безъ слезъ, когда давленіе есть, и равно, почему во взросломъ возрастѣ слезы выдѣляются, когда судорожнаго давленія на глаза нѣтъ? Очевидно, отдѣленіе слезъ составляетъ особый процессъ при плачѣ,

не связанный съ нимъ тѣсно. Фактъ такого рода, что слезы являются при нѣжномъ чувствѣ, умиленіи, когда плача въ собственномъ смыслѣ быть не можетъ, показываетъ, что онѣ могутъ возбуждаться совершенно независимо отъ судорожнаго давленія на глаза. Затѣмъ, что касается собственно обстоятельствъ плача, то они очень вѣрно описаны Дарвиномъ. По этому описанію въ плачѣ два первоначальныхъ факта, изъ которыхъ вытекаютъ остальные: переполненіе глазъ кровью и потребность крика. Но такъ какъ первый фактъ можетъ быть признанъ, по крайней мѣрѣ, отчасти слѣдствіемъ второго, то остается, въ сущности, два факта, какъ характерныя выраженія страданія: слезы и крикъ. Первыя могутъ быть признаны спеціальнымъ дѣйствіемъ возбужденнаго чувствомъ мозга на слезныя железы, второй какъ рефлексъ на мускулы грудной клѣтки, энергично сжимающейся и расширяющейся и съ силою гонящей воздухъ въ голосовой органъ. Однако, всѣ обнаруженія плача на лицѣ возможно ли считать послѣдствіями крика? Закрытіе глазъ вѣками можно дѣйствительно принять за предохранительное средство для глаза. Но морщеніе лба и движенія около рта, поднятіе верхней губы не слѣдуетъ ли отнести на долю другой причины? Они не вызываются ни потребностію раскрыть ротъ во время крика, ни сжатіемъ вѣкъ. Когда человѣкъ просто кричитъ, то какъ бы его крикъ силенъ ни былъ, онъ не имѣетъ вида плачущаго человѣка; иначе пѣвчіе, пѣвцы на сценѣ, казались бы плачущими, при исполненіи высокихъ арій. Мнѣ случалось наблюдать на дѣтяхъ: если имъ даютъ что нибудь кислое или горьковатое, то ихъ лицо принимаетъ плачущій видъ: раскрывается ротъ, приподнимается верхняя губа, оттягиваются въ сторону, но не отвисаютъ углы рта и на лбу являются, характеристичныя для плача, морщины. Не слѣдуетъ ли эти движенія въ плачѣ принять за выраженіе горечи, непріятности, подобное тому, какъ сказывается непріятность горькаго или кислаго вкусовъ. Первоначально физіологическое выраженіе, по закону аналогіи, дѣлается типичнымъ выраженіемъ всякого непріятнаго состоянія, переживаемаго тѣломъ, а затѣмъ и собственно духовныхъ затрудненій и страданій всякого рода. Порядокъ движенія въ плачѣ, по нашему, будетъ слѣдующій: 1) движенія губъ и оттягиваніе рта, морщины на лбу и сближеніе вѣкъ, 2) крикъ и вызванныя имъ открытіе рта, закрываніе глазъ, 3) слезы. Первыя движенія суть выраженія горечи и непріятности состоя-

нія, крикъ et caet. есть выраженіе страданія и боли. Но чего выраженіемъ считать слезы? Спеціальнымъ выраженіемъ страданія, неудовольствія признавать ихъ невозможно: онѣ встрѣчаются при различныхъ волненіяхъ. Выше мы говорили, что плачутъ отъ радости, сочувствія, есть нѣжныя слезы (любви), слезы трагизма, грусти и горя, страха, стыда, раскаянія, благоговѣнія и чувства высокаго. Если считать ихъ выраженіемъ неудовольствія и страданія, то какъ объяснить, что слезы сопутствуютъ радости, благоговѣнію, чувству высокаго. Если признать ихъ выраженіемъ силы, или глубины чувствованій, то отъ чего удивленіе, гнѣвъ, чувствованія, безспорно способныя къ большой силѣ и глубинѣ, не сопровождаются слезами? По индуктивному методу согласія во всѣхъ этихъ чувствахъ мы должны отыскать какую либо общую сторону, или общій элементъ, который своимъ присутствіемъ въ нихъ и производитъ изслѣдуемое нами явленіе слезъ.

Что же можетъ роднить столь различныя чувствованія между собою? Не всякая радость вызываетъ слезы, а та, которая, кромѣ того, что радуетъ, еще умиляетъ сердце: таковы слезы радости при свиданіи съ глубоко любимыми лицами, или слезы узника, получившаго неожиданно, какъ милость, свободу и т. д. Въ этихъ случаяхъ мы должны отнести слезы къ чувству умиленія, къ чувству одного рода съ нѣжнымъ. Простая радость вызываетъ улыбку, смѣхъ, а никакъ не слезы. Благоговѣйное волненіе сопровождается иногда слезами, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда сердце умиляется грандіозностію церемоній, гармоничностію пѣнія, или скромностію и высокою простотою обстановки. Но въ благоговѣніи, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, есть чувство нѣжности, мягкое, растрогивающее насъ чувство. Есть слезы стыда и раскаянія, когда онѣ сопровождаются сознаніемъ жалкаго положенія, созданнаго глубокимъ паденіемъ. Мы знаемъ, что не всякій стыдъ и не всякое раскаяніе бываютъ со слезами: человѣкъ плачетъ отъ стыда, когда онъ сопровождается униженіемъ, когда онъ думаетъ о своемъ паденіи и когда при этомъ онъ самъ представляется себѣ жалкимъ; при такомъ же условіи и раскаяніе возбуждаетъ слезы. Слѣдовательно, здѣсь онѣ возбуждаются, когда въ чувствахъ есть элементъ жалости и состраданія, хотя къ самому себѣ. Также можно плакать отъ незаслуженной и горькой обиды, т. е. глубокаго поруганія чести, когда субъекту представляется, что онъ жалко палъ, не заслу-

женно притомъ. Слезы безсилія объясняются тѣмъ же, что въ моментъ этого чувства человѣкъ самъ себѣ представляется безпомощнымъ и жалкимъ: въ нихъ сказываются состраданіе и жалость къ самому себѣ. Въ страхѣ есть чувство безсилія и безысходнаго горя и потому понятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ его замѣчаются слезы; однако, плачутъ отъ страха преимущественно дѣти, женщины; мущина плачетъ отъ него, когда опасность угрожаетъ не только ему, но вмѣстѣ съ нимъ, или въ лицѣ его (и когда онъ это сознаетъ), любимымъ и дорогимъ для него существамъ, или же когда чувство безсилія доходитъ до огромныхъ размѣровъ. Плачутъ легко отъ страха дѣти и женщины; первыя потому что, видя опасность, чувствуютъ свое безсиліе противъ нея, думаютъ о близкихъ людяхъ, которыхъ помощь они призываютъ всѣми силами души, и хотя не называютъ себя словами, но de facto чувствуютъ себя жалкими, оставленными, слѣдовательно, волнуются и страхомъ и любовью и состраданіемъ къ себѣ; вторыя плачутъ, потому что въ нихъ чувство безсилія, покинутости и жалости къ себѣ самимъ, равно какъ грусть о разставаніи навсегда съ дорогими людьми легче возбуждаются, чѣмъ въ мущинѣ. Въ трагизмѣ и грусти бываютъ слезы, когда чувство состраданія сильно возбуждается: но въ горѣ онѣ бываютъ не всегда, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть въ немъ или грустный тонъ, или чувство безсилія; есть виды сухого горя, наиболѣе тяжкіе, ничѣмъ не смягчаемые, когда человѣкъ чувствуетъ громаду лишенія, потери, но лишь ожесточается противъ судьбы и людей, досадуетъ, гнѣвается, негодуетъ и при такомъ настроеніи естественно плакать не можетъ.

Итакъ слезы суть спеціальное выраженіе чувства жалости, будетъ ли субъектъ питать его по отношенію къ другимъ или даже самому себѣ. Можно и самому себѣ представляться жалкимъ, несчастнымъ, безпомощнымъ, и я думаю, что состояніе чувства, при этомъ являющееся, и есть чувство умиленія. Человѣкъ умиляется предъ видомъ несчастія другихъ, ихъ хилости, безпомощности. Но когда почему либо онъ самому себѣ кажется таковымъ и въ немъ пробуждается потребность въ обмѣнѣ ласки, желаніе помощи, то онъ умиляется сердцемъ и въ такіе моменты слезы являются на его глазахъ. Слезы могутъ явиться и чисто физіологическимъ путемъ: при нѣкоторыхъ видахъ боли онѣ вызываются невольно, наприм. при мучительной зубной боли, страданіи отъ выдергиванія больного зуба, слезы

являются путемъ рефлекса. Въ такомъ случаѣ онѣ не имѣютъ никакого психическаго значенія и самому субъекту кажутся странными. Но физическія же страданія могутъ вызывать обильныя слезы, имѣющія психологическій смыслъ, когда съ ними соединяется чувство безпомощности и безсилія, или когда они суть результатъ униженія и жалкаго положенія по винѣ собственной или людской несправедливости. Дѣти кричатъ отъ боли, но безъ слезъ, если въ ней они не видятъ для себя обиды, или не чувствуютъ при этомъ своей оставленности и безпомощности. Волнуемый жалостію и нѣжностію къ себѣ или другимъ, человѣкъ плачетъ, равно какъ и въ моменты радости, благоговѣйнаго волненія, особенно въ моменты безсилія, съ какимъ бы чувствомъ послѣднее ни соединялось: со страхомъ, горемъ, стыдомъ, раскаяніемъ, даже гнѣвомъ: можно плакать отъ безсильнаго гнѣва.

Слѣдовательно, слезы суть выраженіе чувства умиленія, жалостливаго настроенія по отношенію или къ себѣ или къ другимъ.

Чувство удовольствія выражается въ улыбкѣ, разглаживаніи лба и легкомъ сближеніи вѣкъ. Мы знаемъ, что всякая радость и удовольствіе прогоняетъ заботу съ чела, т. е. разглаживаетъ его морщины; при удовольствіи замѣчаются далѣе блескъ и живость движеній глазъ, которыя отъ легкаго сближенія вѣкъ, становятся менѣе, причемъ на лицѣ является улыбка. Порядокъ выраженія удовольствія такой: блескъ и живость глазъ, сближеніе вѣкъ (иногда только въ этомъ одномъ сказывается удовольствіе); возрастающее удовольствіе вызываетъ улыбку и наконецъ, разглаживается лобъ.

Блескъ и живость глазъ происходятъ главнѣе всего отъ напряженнаго состоянія ихъ, а отчасти отъ легкаго увлажненія ихъ слезою. Эта часть выраженія есть прямое дѣйствіе возбужденнаго мозга на глазъ. При высокомъ удовольствіи глаза бѣгаютъ, т. е. приходятъ въ оживленную дѣятельность аппараты ихъ движенія. Такъ какъ мускулы глазъ произвольны, то дѣятельность ихъ возбуждается, хотя безсознательно, волевымъ элементомъ чувства: быстрые бѣгающіе глаза выражаютъ какъ бы желаніе не упустить впечатлѣнія изъ виду, осмотрѣть его, взять съ него все, что только оно можетъ дать.

Разглаживаніе лба есть слѣдствіе сближенія вѣкъ: при всякомъ ихъ сближеніи, кожа на лбу растягивается и онъ дѣлается

глаже. Такъ какъ и это движеніе производится произвольными мускулами, то оно должно имѣть какой либо смыслъ. Но какой? Быть можетъ, въ немъ сказывается инстинктивное стремленіе съузить поле зрѣнія, дабы тѣмъ сильнѣе сосредоточиться на предметѣ наслажденія, а такъ какъ при духовныхъ удовольствіяхъ и многихъ эстетическихъ (напр. въ музыкѣ) зрѣніе не имѣетъ никакой роли, или только второстепенную, то это сближеніе вѣкъ является результатомъ невольнаго желанія уменьшить количество зрительныхъ впечатлѣній, дабы отдаться наслажденію и тѣмъ усилить его. Любители музыки и пѣнія жмурятъ нарочно глаза, чтобы безраздѣльно наслаждаться гармоническими звуками. А можетъ быть, эти движенія суть прямое дѣйствіе не произвольнаго возбужденія головнаго мозга на произвольные мускулы.

Улыбка сказывается въ легкомъ оттягиваніи угловъ рта. Дарвинъ считаетъ ее началомъ смѣха. Онъ полагаетъ, что смѣхъ есть выраженіе радости и естественно, что улыбка, какъ начало смѣха, есть по нему выраженіе удовольствія. Мы думаемъ, что смѣхъ есть выраженіе комизма, а не радости, и что улыбка есть выраженіе не начинающагося комизма, а просто удовольствія, поэтому нельзя ее считать началомъ смѣха. Значеніе улыбки гораздо шире, чѣмъ смѣха: при многихъ обстоятельствахъ улыбка возможна, но комизмъ немыслимъ, а главное, нельзя представить себѣ, чтобы при нихъ улыбка могла какъ нибудь перейти въ смѣхъ. Смѣхъ, какъ мы видѣли, бываетъ забавный, сочувственный, злобный, самодовольный, презрительный; улыбка бываетъ, кромѣ этихъ чувствъ, еще при радости, нѣжная, сочувственная, грустная, горестная, улыбка наслажденія и удовлетворенія: наприм. съ улыбкою встрѣчаютъ любящія другъ друга лица, скажетъ ли кто, что ихъ начинаетъ одолѣвать чувство комизма и можетъ ли эта улыбка перейти въ смѣхъ? Человѣкъ наслаждается и улыбается, возможно ли принять улыбку за начало смѣха; тоже самое слѣдуетъ замѣтить объ улыбкахъ самодовольства, удовлетворенія и довольства, которыя никакъ нельзя считать начинающимся смѣхомъ. Слѣдовательно, улыбка должна быть признана спеціальнымъ выраженіемъ удовольствія, а не началомъ смѣха, имѣющаго другое спеціальное значеніе. Такой смыслъ она удерживаетъ во всѣхъ случаяхъ, когда появляется на лицѣ. Она является при комизмѣ, такъ какъ шутка и забава доставляютъ удовольствіе, при грусти и горѣ, какъ вы-

раженіе мелькнувшей комической мысли, забавнаго контраста, шутливаго напоминанія, т. е. также мимолетнаго удовольствія, при чувствѣ самодовольства и удовлетворенія, потому что въ нихъ дѣйствительно есть удовольствіе, въ минуту нѣжной встрѣчи, сочувственнаго волненія, какъ выраженіе удовольствія встрѣчи съ любимымъ существомъ. Бываетъ улыбка презрѣнія, когда оно или доставляетъ удовольствіе субъекту, *или когда соединяется* съ комизмомъ: презирающій не всегда улыбается при видѣ презираемаго, но только въ томъ случаѣ, когда онъ желаетъ ему презрѣннаго положенія и, находя его въ такомъ видѣ, чувствуетъ тайное удовольствіе, или когда субъектъ хочетъ показать, какъ велико разстояніе между нимъ и другимъ лицомъ, желающимъ его обидѣть, задѣть, унизить и т. д. Такъ презрительною улыбкою награждаются обыкновенно врагъ или соперникъ или обидчикъ, надъ которыми высоко стоитъ и ставитъ себя обидимый.

Почему оттягиваются углы рта при удовольствіи, сказать трудно. Мнѣ случалось видѣть на маленькихъ дѣтяхъ дѣйствіе сладкаго вкуса. 9-ти и 10 мѣсячныя дѣти при сладости, попавшей имъ въ ротъ, дѣлаютъ движенія ртомъ, очень похожія на улыбку. Такъ какъ у нихъ есть спеціальныя движенія рта, когда они получаютъ ощущеніе кислаго, горькаго, то можно предполагать, что оттягиваніе угловъ рта, при ощущеніи сладкаго, есть также рефлексъ. Но при удовольствіи и наслажденіи духовномъ, человѣкъ физіологически переживаетъ нѣчто подобное тому, что переживается при ощущеніи сладости, и по закону аналогіи, выраженіе духовнаго удовольствія бываетъ такое же, какъ дѣйствіе сладости на мускулы рта.

Чувство забавы выражается въ смѣхѣ. Представимъ по Дарвину его описаніе. Звукъ смѣха есть слѣдствіе глубокаго вдыханія, сопровождающагося короткими судорожными сокращеніями грудной клѣтки и грудобрюшной преграды; голова склоняется то туда, то сюда, нижняя челюсть дрожитъ; ротъ болѣе или менѣе широко раскрывается; углы рта оттягиваются назадъ и притомъ, немного вверхъ, верхняя губа приподнимается, нижніе и верхніе круговые окологлазные мускулы также болѣе или менѣе сокращаются. Вслѣдствіе оттягиванія угловъ рта и поднятія губы, щеки также поднимаются къ верху, оттого образуются складки подъ глазами, у стариковъ складки собираются даже около внѣшнихъ угловъ рта; носъ кажется укороченнымъ,

и спинка носа покрывается какъ поперечными бороздами, такъ и нѣсколькими косыми по длинѣ носа; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ ноздрей идутъ къ угламъ рта рѣзко обозначенныя складки. Глаза дѣлаются свѣтлыми и нѣсколько блестящими; при сильномъ смѣхѣ они подергиваются слезою и оттого теряютъ свой блескъ, при умѣренномъ—небольшое отдѣленіе слезы только способствуетъ усиленію блеска, хотя главная причина его заключается преимущественно въ напряженномъ состояніи глазъ.

Смѣхъ есть цѣлая совокупность выраженій чувства. Улыбка или оттягиваніе угловъ рта, сближеніе вѣкъ, разглаживаніе лба въ немъ должно признать за выраженіе чувства удовольствія, а не забавы. Въ ней есть чувство удовольствія и до такой степени съ нимъ связано, что если по обстоятельствамъ шутка возбуждаетъ неудовольствіе, чувство забавы исчезаетъ. Обида, какъ бы остроумна ни была, не забавляетъ, смѣхъ сейчасъ же прекращается, какъ скоро лицо замѣчаетъ, что шутки дѣлаются на его счетъ. Забава веселитъ насъ и удовольствіе ея сказывается вышеупомянутымъ образомъ.

Остаются дрожаніе нижней челюсти, движенія головы, поднятіе верхней губы, складки подъ глазами, отъ ноздрей къ угламъ рта, на носу, и судорожныя сокращенія грудной клѣтки и грудобрюшной преграды. Это и есть выраженіе чувства забавы собственно. При сильномъ волненіи возбужденіе лица сказывается и на мускулахъ окологлазныхъ, которые сильно сокращаются до того, что отверстія глазъ дѣлаются совершенно узкими и даже совсѣмъ закрываются, и на мускулахъ рта, который безобразно удлиняется. Движенія смѣха на лицѣ не произвольны и потому составляютъ результатъ прямого спеціальнаго дѣйствія возбужденнаго нервнаго центра на мускулы лица. Трудно объяснить причину и смыслъ сокращенія грудной клѣтки и грудобрюшной преграды въ моментъ комизма: ихъ также нужно объяснить дѣйствіемъ вышеприведеннаго закона.

Чувство умственной тягости сказывается въ морщеніи лба: брови сдвигаются и между концами ихъ образуется нѣсколько морщинъ. Одно размышленіе, какъ бы оно напряженно ни было, не заставляетъ лба морщиться, но это бываетъ, когда, въ теченіи размышленія, субъектъ наталкивается на затрудненія и препятствія. А такъ какъ сосредоточенное мышленіе обыкно-

венно встрѣчается съ ними, то складки на лбу принимаются за обычное выраженіе размышленія.

Изслѣдуя, откуда взялось это выраженіе, Дарвинъ приходитъ къ такому выводу. У ребенка во время крика брови сдвигаются и образуются морщины на лбу: это суть первые предвѣстники крика или плача. Такъ какъ это повторялось въ продолженіи безконечнаго ряда поколѣній, то образовалась привычка, при появленіи всякого непріятнаго чувства, сводить брови и вслѣдствіе того морщить лобъ. Плачъ и крикъ ребенокъ пріучается подавлять, но эти два обнаруженія остаются внѣ контроля воли: слишкомъ раздражительныя дѣти, равно какъ нѣкоторые сумасшедшіе плачутъ, при всякомъ духовномъ замѣшательствѣ. Слѣдовательно, это обнаруженіе есть какъ бы рудиментарный остатокъ плача, проявляющійся и теперь при всякомъ умственномъ затрудненіи. Свой выводъ Дарвинъ подкрѣпляетъ еще и тѣмъ соображеніемъ, что наши предки издавна изощряли свое зрѣніе, съ напряженнымъ вниманіемъ оглядывая горизонтъ, дабы избѣжать опасности, высмотрѣть добычу; когда же человѣкъ напряженно смотритъ съ непокрытою головою на далекій предметъ (отдаленные предки наши не знали шапокъ), то чтобы защищать глазъ отъ яркаго свѣта, онъ хмуритъ брови; нижнія вѣки, щеки и верхняя губа также приподнимаются, чтобы съузить отверстіе для глазъ. Между тѣмъ есть аналогія между внимательнымъ разсматриваніемъ отдаленнаго предмета и умственнымъ слѣдованіемъ за труднымъ вопросомъ, или производствомъ механической работы.

Съ объясненіемъ Дарвина, какъ мнѣ кажется, нельзя согласиться. Въ немъ есть нѣкоторое противорѣчіе. Сначала онъ принимаетъ морщеніе чела за начало плача, слѣдовательно, за выраженіе непріятнаго чувства, затѣмъ говоритъ, что онъ есть остатокъ отъ древняго оглядыванія нашими предками горизонта, съ цѣлію добычи. Не плакали же наши предки, когда оглядывали горизонтъ? и почему непремѣнно имъ приходилось оглядывать, стоя противъ солнца? Мы уже признали морщеніе лба за выраженіе непріятнаго состоянія, сознаніе котораго всегда предшествуетъ плачу и думаемъ, что оно имѣетъ такое же значеніе и здѣсь. Оно является при размышленіи, когда субъектъ встрѣчается съ препоною, затрудненіемъ для себя. Они непріятны для него, какъ неожиданныя препятствія, которыя во что бы то ни стало необходимо преодолѣть. Когда препятствія ожи-

даются и ихъ предвидитъ субъектъ, то онъ не хмуритъ бровей. За простое выраженіе вниманія едва ли оно можетъ быть принято. Какъ бы внимательно мы ни разсматривали вещь, мы не морщимъ лба, но дѣлаемъ это въ томъ случаѣ, когда трудно разглядѣть предметъ по его малости, или мелкотѣ, или неясности чертъ его, т. е. когда является непріятное напряженіе глазъ. И такъ значеніе хмуренья бровей таково: оно есть выраженіе непріятнаго состоянія, будетъ ли оно происходить отъ боли, голода, или препятствій, встрѣчаемыхъ умомъ въ мышленіи: выраженіемъ умственной тягости оно стало въ силу закона аналогіи.

Сочувствіе, собственно состраданіе, выражается въ слезахъ, въ мягкомъ увлаженномъ взглядѣ, волненіи сердца. О дѣйствіи сочувствія на слезныя железы Дарвинъ замѣчаетъ, что сочувствіе горю другого иногда вызываетъ болѣе обильныя слезы, чѣмъ собственное горе; иногда сильное сочувствіе радости и счастію другихъ вызываетъ слезу, тогда какъ собственная радость не вызываетъ слезъ. Мы говорили выше, что слезы суть прямое выраженіе умиленія, состоянія жалости къ другимъ, или къ себѣ. И такъ какъ въ симпатіи есть состояніе умиленія, наприм. въ сорадованіи и жалостливости при состраданіи, то понятно, что она спеціально выражается въ слезахъ. Увлаженіе глазъ происходитъ, конечно, отъ слезъ и составляетъ начало ихъ. Дѣйствіе симпатіи на сердце обозначается языкомъ, когда говорятъ наприм., что сердце разрывается отъ жалости. Оно переполняется кровью и стѣнки желудковъ его испытываютъ усиленное давленіе, какъ бы едва переносимое ими. Отдѣленіе слезъ и переполненіе сердца есть слѣдствіе прямого дѣйствія возбужденной нервной системы.

По Дарвину вниманіе, по нашему мнѣнію чувство новости, выражается легкимъ поднятіемъ бровей, при чемъ глаза широко раскрываются. Поднятіе бровей служитъ причиною образованія поперечныхъ складокъ на лбу. Ротъ раскрывается и нижняя челюсть не много отвисаетъ. Поднятіе бровей въ минуту удивленія объясняется тѣмъ, что въ минуты чувства новости, мы стараемся покороче узнать новый предметъ и для этой цѣли желаемъ имѣть поле зрѣнія какъ можно шире и для глазъ сохранить свободу движенія по всѣмъ направленіямъ. Одно поднятіе верхней вѣки для этой цѣли не достаточно, а требуется энергическое поднятіе бровей. Это движеніе, очевидно, относится

не къ чувству новости, какъ таковому, но къ волевому возбужденію, неизбѣжно ему сопутствующему. Оно означаетъ желаніе субъекта полнѣй и всестороннѣй разглядѣть интересующій предметъ. Открытіе рта есть слѣдствіе отвисанія нижней челюсти. Дарвинъ объясняетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ:

Какъ скоро наше вниманіе сосредоточивается, мы или задерживаемъ на время дыханіе, или открываемъ ротъ, стараясь дышать какъ можно тише. Сосредоточеніе нервной энергіи на одномъ занятіи служитъ отчасти причиною, что ослабѣваютъ мускулы нижней челюсти. Но почему въ такомъ случаѣ не отвисаютъ руки? Сосредоточеніе энергіи на бровяхъ, должно отнести къ ослабленію не однихъ мускуловъ нижней челюсти и развѣ сосредоточеніе ея такъ велико, что должно вести къ временному параличу другихъ частей мускульной системы? Гораздо лучше, по моему мнѣнію, признать отвисаніе нижней челюсти, во время упомянутаго волненія, спеціальнымъ дѣйствіемъ его на мускулы нижней челюсти.

Отвращеніе выражается движеніями около рта и носа. Носъ нѣсколько приподнимается и ноздри иногда съеживаются, какъ будто непріятный запахъ поражаетъ носъ. Въ крайнихъ случаяхъ губы втягиваются и приподнимаются, или оттопыривается одна только верхняя губа, какъ бы съ цѣлію закрыть собою ноздри, пальцы щелкаютъ или просто разводятся, растопыриваются, какъ будто бы человѣкъ хочетъ сбросить противный предметъ. Такъ какъ отвращеніе первоначально возникаетъ въ связи съ актомъ ѣды или ощущеніемъ вкуса, то оно выражается преимущественно движеніями около рта. Эти движенія суть, очевидно, выраженіе волевого элемента, связаннаго съ отвращеніемъ. Въ отвращеніи есть стремленіе освободиться отъ предмета, возбуждающаго его: движенія около носа имѣютъ тотъ смыслъ, чтобы защитить обоняніе отъ дурного запаха, — около рта, чтобы удалить изъ него отвратительный предметъ,—рукъ, какъ будто мы ими попали въ липкую густую грязь. Первоначальный смыслъ упомянутыхъ движеній есть физіологическій, но по закону аналогіи, такъ какъ и при интеллектуальномъ отвращеніи человѣкъ переживаетъ физіологически нѣчто подобное физическому, субъектъ выражаетъ его также, какъ и послѣднее.

Отвращеніе имѣетъ разныя степени и разныя обнаруженія. Первая степень его обнаруживается движеніемъ около носа, нѣ-

которымъ приподнятіемъ бровей, губы и самого носа; вторая — тѣми же движеніями около рта, нѣкоторымъ оттопириваніемъ вѣкъ и трясеніемъ головы; наконецъ, въ выраженіи высшаго отвращенія принимаютъ участіе и руки: человѣкъ разводитъ ихъ и растопыриваетъ пальцы. Въ этомъ состояніи онъ выражаетъ какъ бы физическое отвращеніе всѣми своими внѣшними чувствами — глазами, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Трясеніе головы есть выраженіе отрицанія, т. е. прямо желанія показать, что субъектъ не соглашается принимать къ свѣдѣнію наблюдаемое.

Холодное презрѣніе, съ сознаніемъ своего достоинства, выражается опусканіемъ верхней вѣки при нѣкоторомъ выпрямленіи спины и откидываніи головы. Выпрямленіе стана, по всей вѣроятности, есть выраженіе желанія субъекта обнаружить свою энергію и силу, дабы получился контрастъ сравнительно съ ничтожествомъ презираемаго. Откидываніе головы назадъ производится также подъ вліяніемъ воли. Оно тоже, какое дѣлаетъ человѣкъ, когда желаетъ казаться выше ростомъ; такой же смыслъ, повидимому, имѣетъ оно и здѣсь. Субъектъ желаетъ показаться высокимъ презираемому, который, слѣдовательно, въ глазахъ его есть предметъ малый, мизерный. Въ связи съ этимъ движеніемъ находится и опусканіе верхней вѣки. Дарвинъ полагаетъ, что этимъ движеніемъ субъектъ показываетъ, что онъ не хочетъ смотрѣть на презираемый предметъ. Но въ такихъ случаяхъ субъектъ отворачиваетъ голову или закрываетъ глаза, т. е. сближаетъ совершенно обѣ вѣки. Верхняя вѣка опускается, когда приходится смотрѣть внизъ на что либо лежащее у ногъ. Этимъ движеніемъ субъектъ выражаетъ низменность и малость презираемаго предмета: на него должно смотрѣть, по его мнѣнію, какъ на малый и низкій.

Элементъ *восторга* въ *радости* выражается прежде всего въ глазахъ: они блестятъ и широко раскрываются. Человѣкъ держится прямо и поднимаетъ голову; брови расправляются и слегка округляются, вѣки приподнимаются, морщины разглаживаются; углы рта оттягиваются и является улыбка; лицо дѣлается шире и нѣсколько краснѣетъ, кровообращеніе быстрое, сердце бьется сильнѣе и учащеннѣй.

Появленіе улыбки при радости легко объясняется тѣмъ, что послѣдняя есть и чувство удовольствія. Блескъ глазъ есть слѣдствіе напряженнаго состоянія ихъ, и отчасти легкаго увлажне-

нія ихъ слезою. Въ немъ сказывается прямое дѣйствіе нервной системы, возбужденной радостію. Широкое раскрываніе глазъ, приподнятіе вѣкъ есть выраженіе вниманія и интереса къ впечатлѣнію: радующая новость, конечно, возбуждаетъ значительное чувство новости и болѣе или менѣе сильное удивленіе. Я полагаю, что и легкое округленіе бровей слѣдуетъ объяснить, легкимъ приподнятіемъ бровей, тоже характеристичнымъ выраженіемъ чувства новости. Это приподнятіе сопровождалось бы морщинами на лбу, если бы тому не препятствовало дѣйствіе мускуловъ, разглаживающихъ кожу лба; разглаживаніе же лба есть результатъ чувства удовольствія, какъ это мы указали при анализѣ смѣха. Поднятіе головы и выпрямленіе стана есть выраженіе чувства своей цѣны и достоинства: въ минуты радости человѣкъ чувствуетъ подъемъ своей цѣны и значенія: чувство радости и возникаетъ потому поводу, что совершается событіе, увеличивающее нашу свободу, расширяющее кругъ дѣйствій, или снимающее препятствіе къ нашей дѣятельности; поэтому въ моментъ ея, воля обнаруживаетъ энергію, готовность на всякое дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ самочувствіе субъекта естественно поднимается. Сердце при радости учащенно бьется: отъ этого кровообращеніе дѣлается быстрымъ, и лицо отъ притока крови нѣсколько краснѣетъ. Усиленное возбужденіе дѣятельности сердца есть собственно прямое дѣйствіе нервной системы, возбужденной чувствомъ.

И такъ лишь особый блескъ глазъ, да усиленная дѣятельность сердца суть спеціальныя обнаруженія радости: остальныя сопуствующія ей движенія суть выраженія чувствъ: удовольствія, новости и начинающагося удивленія и чувства силы.

Чувство замѣшательства, главная составная часть стыда, сказывается въ краснѣніи лица. Это выраженіе принадлежитъ исключительно человѣку: ни объ одномъ животномъ неизвѣстно, чтобы у него происходило краснѣніе лица при стыдѣ. Оно производится чисто психологическими причинами. Молодые люди чаще краснѣютъ, но не въ самомъ юномъ возрастѣ, что̀ замѣчательно, ибо подъ вліяніемъ гнѣва дѣти часто краснѣютъ. Далѣе, женщины краснѣютъ чаще, чѣмъ мущина; даже слѣпые могутъ краснѣть.

Въ большей части случаевъ краснѣютъ лицо, уши и шея; многіе находятъ, говоритъ Дарвинъ, что въ минуту сильнаго краснѣнія всё тѣло у нихъ какъ бы начинаетъ горѣть; зна-

читъ, цѣлая повѣрхность тѣла подвергается извѣстному вліянію. Краска первоначально появляется на щекахъ и потомъ переходитъ на уши и шею. Только въ рѣдкихъ случаяхъ она доходитъ до ключицъ. Во время сильнаго краснѣнія человѣкъ обнаруживаетъ сильное желаніе скрыться: онъ отворачивается и особенно отворачиваетъ свое лицо, стараясь скрыть его какимъ бы то ни было образомъ. Застыдившійся не переноситъ взгляда другихъ и потому онъ или потупляетъ свой взоръ или поднимаетъ глаза вверхъ. Желая скрыть свой стыдъ, онъ дѣлаетъ тщетныя попытки смотрѣть въ глаза другимъ, что ведетъ только къ вообще безпокойнымъ движеніямъ глазъ. Сильнѣйшая краска иногда сопровождается легкимъ изліяніемъ слезъ.

Въ этомъ выраженіи стыда часть должна быть отнесена на долю волевого элемента, желанія скрыться. Движенія головы и туловища, потупленіе глазъ объясняются этимъ желаніемъ. Остается краска, какъ спеціальное выраженіе замѣшательства. Дарвинъ приводитъ разныя доказательства въ пользу своего мнѣнія, что вниманіе именно къ своей внѣшности, а не къ моральнымъ качествамъ, есть первоначальная причина привычки краснѣть. Ничто такъ не конфузитъ робкую личность, какъ хотя бы незначительное замѣчаніе относительно ея внѣшности. Молодые люди того и другаго пола очень чувствительны къ взаимному мнѣнію относительно внѣшности. Изъ всѣхъ частей тѣла мы обращаемъ преимущественное вниманіе на лицо, какъ органъ выраженія внутренняго состоянія, источникъ голоса и объектъ красоты и безобразія. Поэтому на немъ мы преимущественно сосредоточиваемъ вниманіе и оно по преимуществу краснѣетъ отъ стыда. Приступая къ объясненію того, почему мысль о томъ, что другіе о насъ думаютъ, имѣетъ вліяніе на кровообращеніе въ волосныхъ сосудахъ, Дарвинъ отправляется отъ гипотезы, что сосредоточенное вниманіе, обращенное къ какой либо части тѣла, можетъ нарушать обыкновенное сжатіе малыхъ артерій этой части, вслѣдствіе чего эти сосуды ослабляются и мгновенно наполняются артеріальною кровью. Эта способность усиливается въ высшей степени, если вниманіе, впродолженіи многихъ поколѣній, устремлялось на одну и туже часть: образуется такимъ образомъ привычка, которая и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ силу наслѣдственности. Какъ скоро мы думаемъ, что другіе думаютъ о нашей внѣшности презрительно или только оглядываютъ насъ, наше вниманіе сейчасъ

же обращается къ наружнымъ и видимымъ частямъ тѣла; изъ всѣхъ же частей тѣла мы всего чувствительнѣе относительно лица. Если допустить, что волосные сосуды могутъ испытывать волненіе отъ сильнаго вниманія, то сосуды лица должны были въ теченіи многихъ поколѣній сдѣлаться въ высшей степени чувствительными. Дарвинъ обставляетъ нѣкоторыми доказательствами гипотезу, что вниманіе дѣйствительно можетъ нарушать правильное кровообращеніе въ тѣхъ частяхъ тѣла, къ которымъ оно обращается.

Послѣдняя гипотеза Дарвина о томъ, что установка вниманія на какую либо часть тѣла можетъ служить причиною притока къ ней крови, т. е. измѣненія упругости стѣнокъ волосныхъ сосудовъ, ничѣмъ, въ сущности, не доказана. Когда книга Дарвина о выраженіи чувствованій явилась въ свѣтъ, то гипотеза живо отрицалась физіологами. Точно удостовѣренныхъ фактовъ въ пользу ея никакихъ нѣтъ; слѣдовательно, и разсужденія объ образованіи привычки краснѣнія преимущественно лица не имѣютъ за себя основанія. Фактъ несомнѣненъ, что замѣшательство возбуждается мыслію о томъ, что о насъ думаютъ другіе, и въ моментъ его лицо краснѣетъ. Совершенно безразлично, безпокоитъ ли субъекта мысль о томъ, каковы кажутся его внѣшность, одежда, или его духовныя и моральныя качества, безпокоющая мысль во всѣхъ случаяхъ можетъ вызвать краску въ лицѣ. Дѣти, женщины, мущины зрѣлыхъ лѣтъ стыдятся отъ различныхъ причинъ и въ разныхъ степеняхъ: одинъ и тотъ же человѣкъ въ разное время стыдится по не одинаковымъ поводамъ, какъ это бываетъ со всякими волненіями. Изъ того, что женщины и дѣти краснѣютъ преимущественно за свою внѣшность, нѣтъ основанія заключать, что предки наши стыдились сначала только по поводу замѣчаній о ихъ внѣшности.

Краска лица вызывается не однимъ стыдомъ: гнѣвъ, страхъ, радость, безпокойное ожиданіе, вообще сильная агитація увеличиваютъ притокъ крови къ лицу, которое отъ того краснѣетъ. Раскраснѣвшееся лицо бываетъ у субъекта, котораго безпокоитъ какая либо неотвязчивая мысль, возбуждающая въ немъ гнѣвъ, страхъ, радость и т. д. Во время стыда субъектъ агитируется мыслію, что о немъ думаютъ другіе; вброшенная въ рядъ другихъ мыслей, сосредоточивая на себѣ его вниманіе, она путаетъ мысли вообще, возмущаетъ умственную дѣятельность, дѣлаетъ человѣка на моментъ неспособнымъ спокойно продолжать теченіе

представленій и мыслей: она порождаетъ замѣшательство, которое составляетъ главный элементъ чувства стыда. Возбужденіе головного мозга при этомъ бываетъ несомнѣнно сильное, такое же, какъ и при другихъ сильныхъ аффектахъ, и какъ при послѣднихъ бываетъ притокъ крови къ лицу, такъ онъ же бываетъ и при стыдѣ, отчего и происходитъ краснѣніе лица. Оно есть слѣдствіе агитаціи, которою сопровождается духовное замѣшательство, происходящее отъ неотвязно представляющейся мысли о томъ, что думаютъ о насъ другіе.

Но возникаетъ вопросъ: почему эта мысль служитъ причиною краснѣнія лица, почему чувство замѣшательства сказывается имъ? Только оно одно собственно есть выраженіе стыда, остальныя сопутствующія движенія характернаго въ себѣ ничего не имѣютъ. Я полагаю, что этотъ фактъ можно объяснить характеромъ самаго волненія. Краснѣніе лица встрѣчается при аффектахъ радости, гнѣва, страха, напряженнаго ожиданія. Для нихъ оно есть одно изъ многихъ выраженій и возникаетъ изъ сильнаго возбужденія нервной системы и дѣйствія ея на сердце и сосуды. Но эти аффекты гораздо многозначительнѣе стыда. Радость имѣетъ смыслъ отвѣта сердца на расширеніе круга дѣятельности субъекта, слѣдовательно, по поводу умноженія его бытія; страхъ развивается по поводу возможнаго прекращенія существованія или умаленія дѣятельности, гнѣвъ — по поводу противленія воли, напряженное ожиданіе имѣетъ дѣло съ важнѣйшими для жизни и счастія субъекта событіями, когда дѣло идетъ иногда о томъ, быть или не быть ему и чѣмъ быть. Но стыдъ не связанъ прямо ни съ существованіемъ, ни съ дѣятельностію субъекта; сердце имъ волнуется, когда субъекта поражаетъ мысль о возможности униженія. Когда униженіе дѣйствительно постигаетъ субъекта, то онъ чувствуетъ его, какъ горе, какъ бѣдствіе; стыдъ, какъ таковой, отходитъ тогда на второй планъ; онъ поглощается и даже уничтожается чувствомъ дѣйствительнаго униженія. Въ моментъ стыда субъектъ думаетъ о томъ, что о немъ думаютъ другіе, т. е. онъ не увѣренъ, что онъ палъ во мнѣніи другихъ, а только безпокоится, какъ бы не показаться другимъ людямъ ниже, чѣмъ онъ есть. Какъ скоро онъ увѣрится, что дѣйствительно палъ предъ другими, то является уже униженіе, въ которое стыдъ переходитъ. Субъектъ при стыдѣ волнуется по поводу возможнаго паденія и униженія въ какомъ бы то ни было отношеніи. Въ стыдѣ нѣтъ поэтому опредѣлен-

наго отношенія къ впечатлѣнію, нѣтъ настоящаго объекта, который поражалъ бы субъекта опредѣленнымъ образомъ, какъ это бываетъ наприм. въ радости, гнѣвѣ, страхѣ. Строго говоря, стыдъ есть одинъ изъ безсодержательныхъ аффектовъ. Поэтому, тогда какъ въ первыхъ аффектахъ къ краснѣнію лица присоединяются различныя движенія около глазъ, рта, на лицѣ, во всемъ тѣлѣ, въ стыдѣ къ обыкновенному выраженію волненія, агитаціи, ничего не присоединяется: за недостаткомъ объекта, нѣтъ движеній около глаза и въ самомъ глазѣ (расширеніе или суженіе зрачка), около рта и на лицѣ, въ рукахъ и цѣломъ корпусѣ. Лишь движеніе головы или потупленіе глазъ свидѣтельствуютъ о возбужденіи желанія скрыться и не видѣть другихъ людей.

Чувство безсилія выражается тѣмъ, что человѣкъ быстро приподнимаетъ свои плечи, сгибаетъ руки и разводитъ ихъ, нѣсколько растопыривая пальцы. Часто при этомъ голова склоняется на бокъ и брови приподнимаются, отчего образуются горизонтальныя морщины на лбу. Противоположное ему чувство Дарвинъ называетъ негодованіемъ, въ чемъ, конечно, онъ ошибается: негодованіе часто бываетъ и безсильнымъ и есть видъ гнѣва, т. е. порядка нѣжныхъ чувствованій. Близость его къ чувствамъ силы и безсилія объясняется тѣмъ, что съ послѣдними оно легко соединяется: негодованіе можетъ быть дѣятельнымъ и пробуждать чувство силы, но можетъ быть и безсильнымъ. Чувству безсилія слѣдуетъ противополагать чувство силы, а не негодованія. Поэтому изъ сдѣланнаго Дарвиномъ описанія негодованія мы возмемъ то, что относится къ чувству силы. Человѣкъ поднимаетъ голову, откидываетъ свои плечи и расширяетъ грудь; рука сжимается часто въ кулакъ; ротъ смыкается въ знакъ рѣшимости: съ такимъ выраженіемъ выходитъ въ чувствѣ силы борецъ на арену. Дарвинъ объясняетъ эти оба выраженія закономъ противоположности. Но въ сущности онъ только резюмируетъ фактъ, что выраженія противоположныхъ чувствованій противоположны. Мы спрашиваемъ, откуда взялись они?

Чувства силы и безсилія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ волею; первое есть чувство энергіи, напряженія ея, второе — чувство ничтожности ея или недостаточности для достиженія извѣстнаго, или вообще какого нибудь результата. Слѣдовательно, a priori можно было бы полагать, что ихъ выраженіе должно совершаться чрезъ тотъ же органъ, чрезъ который выражается воля вообще, т. е. чрезъ мускульную систему. Дѣйствительно,

всѣ вышеупомянутыя движенія понятны, какъ выраженія волевого элемента чувства. Выраженія чувства силы показываютъ состояніе воли, приготовившейся къ дѣйствію, но еще не дѣйствующей на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ, приготовляющійся къ защитѣ или нападенію, поднимаетъ голову, чтобъ лучше видѣть противника, откидываетъ свои плечи, чтобы достигнуть выгоднаго розмаха для рукъ, расширяетъ свою грудь, сжимаетъ иногда кулаки, чтобы лучше показать свою силу, и чтобы задержать воздухъ въ груди, смыкаетъ ротъ; на оборотъ, человѣкъ, сознающій себя неспособнымъ къ борьбѣ и противодѣйствію, даетъ себѣ положеніе, показывающее, что борьба и противодѣйствіе имъ не принимаются ни въ въ какомъ случаѣ: такъ, въ чувствѣ безсилія, онъ приподнимаетъ плечи, отчего сильныя движенія рукъ становятся неудобными, сгибаетъ руки и разводитъ ихъ, растопыривая пальцы, чѣмъ онъ показываетъ, что онъ не хочетъ ни хватать, ни удерживать никакого предмета. При чувствѣ безсилія является поднятіе бровей и образованіе горизонтальныхъ складокъ на лбу, тогда какъ при чувствѣ силы брови часто хмурятся. Первое движеніе встрѣчается при удивленіи и въ немъ оно означаетъ хотѣніе субъекта, какъ можно скорѣе раскрыть причину удивленія, т. е. расширить горизонтъ наблюденія. Нѣтъ ли того же волевого элемента и въ чувствѣ безсилія и не желаетъ ли субъектъ инстинктивно показать при немъ, что онъ внимательно осматривается кругомъ себя, имѣетъ предъ собою широкій горизонтъ, но тѣмъ не менѣе ничего сдѣлать не можетъ? Если это правда, то хмуренье бровей при чувствѣ силы не слѣдуетъ ли объяснять нѣкоторымъ презрѣніемъ къ противнику, которое сопровождается сближеніемъ вѣкъ? Въ чувствѣ силы есть чувство собственнаго превосходства надъ другими, довлѣемости энергіи на всѣ случаи, слѣдоват. если нѣтъ въ немъ самаго чувства презрѣнія, какъ такового, то можетъ быть его волевой элементъ, который и выражается сближеніемъ вѣкъ и происходящимъ оттого нѣкоторымъ хмуреньемъ бровей.

Чувство уваженія выражается въ такъ называемыхъ, знакахъ почтенія: дѣлается поклонъ головою, при чемъ станъ наклоняется въ сторону лица, кому воздается почтеніе. Со стороны высшаго по положенію лица достаточнымъ знакомъ уваженія къ лицу нисшему считается простой кивокъ головы или протянутая рука для пожатія. Чѣмъ лицо, которому выражается уваженіе, выше сравнительно съ выражающимъ, тѣмъ поклонъ бываетъ

глубже. Въ Европѣ не принято кланяться кому бы то ни было въ ноги, хотя это и бываетъ въ частной жизни; на Востокѣ поклоны въ землю есть обыкновенная дань уваженія, воздаемая значительно нисшимъ лицомъ высшему и всѣми — мѣстному главѣ государства. Очевидно, всѣ эти общепринятыя движенія, хотя весьма часто суть только выраженія мнимаго, а не дѣйствительнаго чувства, тѣмъ не менѣе возникли потому, что чувству естественно такъ, а не иначе, выражаться. Эти движенія суть обнаруженія воли, сопутствующей уваженію: они суть выраженія желанія человѣка показать, что предъ извѣстнымъ лицомъ онъ становится меньше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, что предъ нимъ онъ добровольно уменьшается. Съ этою цѣлію голова склоняется внизъ, сгибается станъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ на Востокѣ лицо повергается въ прахъ, т. е. смотря по степени только должнаго, или дѣйствительнаго уваженія къ лицу, субъектъ показываетъ, на сколько предъ нимъ онъ готовъ показаться меньше ростомъ, или даже готовъ признать себя за ничто, сравняться съ подошвою уважаемаго. Когда высшее по положенію и значенію лицо свидѣтельствуетъ свое уваженіе нисшему, то считается достаточнымъ легкое киваніе головы и протягиваніе руки: эти движенія имѣютъ смыслъ, что старшій намѣренъ уменьшиться лишь на моментъ предъ нисшимъ и подавая руку, считаетъ его равнымъ себѣ.

Выраженіе сложныхъ волненій.

Обратимся къ разъясненію выраженія сложныхъ волненій. Они отличаются отъ простыхъ чувствованій тѣмъ, что въ нихъ соединяются нѣсколько чувствованій: наприм. гнѣвъ состоитъ изъ чувствъ отталкиванія, мизерности или малости и антипатіи. При объясненіи выраженія сложныхъ чувствованій фактъ сложности ихъ долженъ быть принятъ во вниманіе. Оттого, что суммируется въ одно цѣлое нѣсколько чувствованій, волненіе пріобрѣтаетъ особенную силу и его обнаруженія въ тѣлѣ идутъ гораздо далѣе простыхъ чувствованій: они захватываютъ цѣлыя системы тѣла и даже потрясаютъ весь организмъ. Отъ сильнаго общаго возбужденія его, спеціальныя обнаруженія чувствованій получаютъ также особую энергію. И наконецъ, волевые элементы различныхъ волненій, тоже суммируясь, производятъ мощныя

движенія въ мускульной системѣ, на этотъ разъ совершенно послушной взволновавшемуся духу.

Всѣхъ сложныхъ волненій намъ нѣтъ нужды касаться. Мы будемъ говорить о такихъ, которыя имѣютъ болѣе характерныя выраженія. Къ таковымъ мы относимъ: нѣжное чувство, гнѣвъ, горе, страхъ, удивленіе, благоговѣніе.

Нѣжное волненіе сопровождается легкою улыбкою и нѣкоторымъ блескомъ глазъ. При сильномъ порывѣ глаза увлажаются слезою. Нѣжныя волненія сопровождаются сильнымъ желаніемъ прикоснуться къ любимому лицу: такъ, животныя — собаки и кошки находятъ большое удовольствіе тереться около любимыхъ лицъ. У Европейцевъ выраженіемъ нѣжности служитъ поцѣлуй, у Новозеландцевъ и Лапландцевъ — потираніе носовъ, поглаживаніе рукъ, груди или живота.

Такъ какъ въ нѣжное чувство входятъ, какъ мы знаемъ, чувства влеченія и симпатіи, то его выраженіе не трудно объяснить. Блескъ глазъ происходитъ отъ легкаго увлажненія ихъ слезами: ихъ появленіе здѣсь связано съ чувствомъ симпатіи. Улыбка возникаетъ по поводу чувства удовольствія, съ какимъ субъектъ смотритъ на нѣжно любимое существо, или прикасается къ нему. Желаніе прикоснуться къ любимому предмету, объятія, поцѣлуи суть обнаруженія волевого элемента чувства: возбужденное желаніе близости къ любимому существу и слитія съ нимъ удовлетворяется объятіями и поцѣлуями.

Мы беремъ описаніе выраженія *гнѣва* изъ сочиненія Дарвина. Ярость (такъ называетъ онъ это чувство) вліяетъ на сердце и кровообращеніе: лицо дѣлается краснымъ, при чемъ вены на лбу и шеѣ растягиваются; во время гнѣва дѣятельность сердца парализуется иногда до такой степени, что лицо дѣлается краснымъ, при чемъ вены на лбу и шеѣ растягиваются, иногда же лицо дѣлается блѣднымъ. Дыханіе также нарушается: грудь тяжело вздымается и расширенныя ноздри дрожатъ. Возбужденный мозгъ сильно возбуждаетъ мускулы и придаетъ волѣ энергію: тѣло принимаетъ прямое положеніе, иногда оно нѣсколько наклоняется въ сторону ненавистнаго лица. Ротъ закрывается, чѣмъ выражается рѣшимость, зубы сжимаются и часто скрежещутъ; руки поднимаются нерѣдко съ сжатыми кулаками и немногіе изъ страстныхъ людей, въ минуту сильнаго гнѣва, могутъ воздержаться отъ послѣдняго движенія. Тѣло-

движенія иногда принимаютъ совершенно безсмысленный характеръ: дѣти въ минуту сильной ярости валяются по полу, кричатъ, бьютъ, царапаютъ и кусаютъ все, что̀ ни попадется. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ минуту сильной ярости, мускулы дрожатъ; губы перестаютъ повиноваться волѣ и голосъ замираетъ въ горлѣ или становится сиплымъ, грубымъ, не гармоническимъ. Если человѣкъ много и быстро при этомъ говоритъ, то является пѣна у рта. Волосы часто становятся дыбомъ. Въ большинствѣ случаевъ видна рѣзкая морщина на лбу. Брови, вмѣсто того, чтобы хмуриться, остаются гладкими. Глаза блестятъ и наливаются кровью, такъ какъ вообще кровь приливаетъ къ головѣ. Губы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, страннымъ образомъ вытягиваются, но всего чаще оттягиваются, вслѣдствіе чего обнажаются стиснутые зубы, какъ будто гнѣвающійся человѣкъ приготовляется напасть на ненавистнаго врага и растерзать его.

Гнѣвъ есть сложное волненіе и заключаетъ въ себѣ чувства отталкиванія, презрѣнія или пренебреженія и антипатіи. Каждое изъ нихъ сопровождается своимъ возбужденіемъ воли. Многія подробности выраженія гнѣва понятны, какъ выраженія такихъ различныхъ ея возбужденій. Прямое положеніе тѣла, его наклоненіе въ сторону ненавистнаго лица, закрытіе рта, сжиманіе и скрежетъ зубовъ понятны, какъ выраженія антипатіи: человѣкъ хотѣлъ бы причинить страданія лицу, возбудившему гнѣвъ, видѣть эти страданія и поэтому его тѣло принимаетъ положеніе, обнаруживающее готовность къ нападенію. Въ безсильной антипатіи ребенокъ безсмысленно бьетъ, кусаетъ, царапаетъ все, что попадется подъ руку. Вліяніе на сердце и кровообращеніе; краснота и блѣдность лица, — на дыханіе: тяжелое вздыманіе груди, дрожаніе ноздрей, губъ, хриплый голосъ, суть спеціальныя дѣйствія сильнаго волненія на органы дыханія и кровообращенія. Поднятіе волосъ на головѣ встрѣчается въ страхѣ и объясняется дѣйствіемъ этихъ двухъ аффектовъ на мускулы кожи. Вытягиваніе губъ при легкихъ степеняхъ гнѣва и оттягиваніе при сильныхъ не суть ли волевыя обнаруженія гнѣва? Вытягиваніе губъ имѣетъ мѣсто и при отвращеніи, тоже какъ обнаруженіе его волевой стороны. Но въ гнѣвѣ есть, какъ, мы знаемъ, отталкиваніе одного субъекта отъ другого, или отвращеніе. Оттягиваніе и обнаженіе зубовъ не есть ли выраженіе животнаго желанія какъ бы растерзать, или съѣсть человѣка, возбудившаго гнѣвъ, т. е. выраженіе волевой стороны антипатіи?

Какъ видно изъ красноты глазъ разгнѣваннаго человѣка, гнѣвъ сильнѣйшимъ образомъ гонитъ кровь въ голову.

Чувство удивленія выражается поднятіемъ бровей, причемъ глаза широко раскрываются; человѣкъ поднимаетъ свои руки высоко надъ головою, или, по крайней мѣрѣ, до высоты своей головы; открытыя ладони обращены къ предмету, возбудившему чувство, пальцы растопыриваются. Послѣднее выраженіе бываетъ при высокой степени удивленія, которое мы называемъ изумленіемъ.

Поднятіе бровей, широкое раскрытіе глазъ суть выраженія сильнаго чувства новости, которое, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, несомнѣнно есть въ удивленіи. Подниманіе рукъ, растопыриваніе пальцевъ Дарвинъ объясняетъ принципомъ противоположности: эти движенія противоположны выраженію негодованія. Но во 1-хъ, удивленію противоположно презрѣніе, а не негодованіе, и во 2-хъ, принципъ противоположности только резюмируетъ фактъ, ничего не объясняя. Поэтому слѣдуетъ поискать другой причины для объясненія упомянутыхъ движеній. Подниманіе рукъ до высоты головы и растопыриваніе пальцевъ есть довольно частое выраженіе сильнаго отрицанія. Когда человѣкъ хочетъ энергичнѣе выразить, что онъ всѣмъ своимъ существомъ отрицаетъ мысль, дѣйствіе, приписываемое ему, что онъ и думать не хочетъ о совѣтѣ, просьбѣ, обращаемой къ нему, или что онъ не хочетъ вѣрить, чтобы извѣстныя вещи были на самомъ дѣлѣ, онъ или простираетъ руки къ говорящему съ нимъ лицу и растопыриваетъ пальцы или поднимаетъ ихъ, въ томъ же видѣ, до высоты головы. Въ изумленіи и сильномъ удивленіи есть несомнѣнно сторона отрицанія. Изумляемся мы тому, дѣйствительности чего не хотимъ или не можемъ вѣрить. Человѣкъ изумляется, наприм., видя знакомаго, котораго считалъ по свѣдѣніямъ, казавшимся вѣрными, умершимъ, или слыша о смерти человѣка, котораго только что видѣлъ живымъ. Интеллектуальное состояніе человѣка въ эти минуты таково, что онъ не хочетъ или не можетъ повѣрить дѣйствительности видимаго или слышимаго. Въ первый моментъ онъ сильнѣйшимъ образомъ отрицаетъ возможность факта и выражаетъ это свое энергическое отрицаніе также, какъ и въ другихъ случаяхъ выражаетъ сильнѣйшее отрицаніе, поднимая руки съ разведенными пальцами, ладонью къ источнику своего изумленія. Слѣдовательно, упомянутыя движенія суть выраженія волевого элемента чувства.

Удивляющійся желаетъ показать ими, что онъ ничего подобнаго не ожидалъ, не допускаетъ и не можетъ примириться съ изумительною вещію, событіемъ.

Во время *страха* сердце сокращается сильно и быстро, такъ что оно стучитъ о ребра; между тѣмъ сомнительно, чтобъ оно при этомъ дѣятельно работало: ибо кожа вдругъ становится блѣдною, какъ при начинающемся обморокѣ. Вліяніе страха на кожу обнаруживается потомъ, при томъ холоднымъ, что странно, такъ какъ потъ обыкновенно является при теплой кожѣ. Волосы становятся дыбомъ; дыханіе ускоряется; слюнныя железы прерываютъ свою дѣятельность; ротъ становится сухимъ, то закрывается, то открывается. Мускулы всего тѣла дрожатъ и прежде всего замѣтно дрожаніе губъ. По этой причинѣ и по сухости рта, голосъ становится хриплымъ и даже совершенно теряется. На высшей степени страхъ выражается, какъ и всѣсильнѣйшія душевныя движенія, различными формами. Сердце сильно стучитъ или почти перестаетъ биться и наступаетъ обморокъ; смертная блѣдность покрываетъ лицо; дыханіе затруднено, ноздри расширяются; губы конвульсивно двигаются, щеки дрожатъ, горло какъ бы перехватывается; выступившіе изъ своихъ впадинъ глаза устремляются на предметъ ужаса или безпокойно вращаются изъ одной стороны въ другую; зрачки сильнѣйшимъ образомъ расширяются. Всѣ мускулы или цѣпенѣютъ или конвульсивно сокращаются. Руки то сжимаются, то закрываются, при чемъ часто обнаруживаются подергиванія въ нихъ; при этомъ онѣ протягиваются, какъ будто съ цѣлію отвратить ужасную опасность, или закидываются за голову. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается неудержимое стремленіе къ безоглядному бѣгству.

При самой высшей степени ужаса (смертномъ ужасѣ), человѣкъ издаетъ страшный крикъ. Крупныя капли собираются на кожѣ. Всѣ мускулы тѣла ослабляются. Скоро наступаетъ крайній упадокъ всѣхъ силъ, и душевныя силы отказываются дѣйствовать. Дѣятельность внутреннихъ органовъ нарушается; мускулы, запирающіе входы, перестаютъ дѣйствовать и не въ состояніи уже удержать содержимое во внутреннихъ полостяхъ.

Это описаніе выраженія страха въ тѣлѣ мы взяли изъ сочиненія Дарвина. Страхъ обнаруживаетъ сильнѣйшее вліяніе на органы кровообращенія и дыханія. Сильное и быстрое сокращеніе сердца, стукъ его о ребра и остановка даже дѣятельности его при высшихъ степеняхъ, ускоренное дыханіе, вліяніе на

кожу (потъ ея), прекращеніе дѣятельности слюнныхъ железъ и дальнѣйшія послѣдствія нарушенія главнѣйшихъ отправленій организма составляютъ спеціальное дѣйствіе нервной системы, возбужденной страхомъ. Сначала онъ ускоряетъ и біеніе сердца и дыханіе, а затѣмъ парализуетъ и то и другое. Но всего очевиднѣй повсемѣстное въ организмѣ дѣйствіе этого чувства на мускульную систему какъ произвольную, такъ и непроизвольную. Онъ приводитъ ее въ особое состояніе конвульсивныхъ движеній и быстро слѣдующихъ одно за другимъ сокращеній, которыя называются спеціальнымъ названіемъ дрожи: дрожатъ мускулы тѣла, губъ, щекъ, конвульсивно сокращаются мускулы губъ и горла; руки то сжимаются, то сокращаются, конечно, безсознательно. При самомъ сильномъ развитіи страха, дѣйствіе, возбужденной имъ, нервной системы простирается на непроизвольные мускулы кожи и запирающіе входы. Какъ вліяніе страха на сердце и легкія состоитъ въ томъ, что оно сначала ускоряетъ ихъ дѣятельность, а потомъ парализуетъ, такъ и мускулы сначала приводятся въ неестественную дѣятельность (конвульсіи и дрожь), а затѣмъ также парализуются. Безпокойное вращеніе глазъ, или ихъ неподвижное устремленіе на предметъ страха, расширеніе зрачковъ, объясняются необыкновеннымъ удивленіемъ, однимъ изъ элементовъ страха. Протягиваніе рукъ впередъ есть выраженіе воли, желающей предотвратить угрожающую опасность, закидываніе ихъ за голову есть выраженіе полнаго безсилія.

Пока опасность не представляется субъекту неотвратимою, онъ сильнѣйшимъ образомъ желаетъ и ищетъ спасенія и это желаніе (инстинктивное, безсознательное) выражается въ безоглядномъ бѣгствѣ: субъектъ напрягаетъ въ такія минуты послѣднія свои силы и его мускульная система возбуждается до послѣдней степени. Какъ скоро опасность признается неотвратимою, наступаетъ моментъ полнаго безсилія и высшая степень ужаса выражается въ параличѣ какъ произвольныхъ, такъ и непроизвольныхъ мускуловъ. Состояніе ихъ прямо соотвѣтствуетъ состоянію воли въ различныхъ степеняхъ страха. Въ субъектѣ то пробуждается страстное желаніе жизни, жажда спасенія, то состояніе полнѣйшаго безсилія, сознаніе ничтожности своего противодѣйствія опасности: воля его то сильнѣйшимъ образомъ возбуждается до конвульсій и дрожи въ мускульной системѣ, то ея энергія падаетъ до нуля—до паралича ея. Выраженія сильнѣйшаго страха

въ мускулахъ понятны, какъ обнаруженія сильнѣйшей безсильной борьбы субъекта съ отрицаніемъ жизни и бытія и неизбѣжнымъ уничтоженіемъ его, и такъ какъ, при опасности жизни, дѣло идетъ о самомъ важнѣйшемъ интересѣ для человѣка и отрицается самое первоначальное и важнѣйшее желаніе всякого существа (желаніе быть и дѣйствовать), то въ такихъ обстоятельствахъ потрясается все духовное существо: весь органъ тѣла, во всѣхъ своихъ системахъ, отражаетъ въ себѣ и страшное напряженіе и огромное безсиліе въ одно и тоже время.

Въ *горѣ* человѣкъ не чувствуетъ себя расположеннымъ къ дѣятельности: онъ остается безъ движенія, или безсознательно бродитъ изъ угла въ уголъ; кровообращеніе медленное, лицо блѣдное; мускулы дряблы, вѣки обвисли, голова склоняется къ согнутой груди; губы, щеки и нижняя челюсть отвисаютъ подъ ихъ собственною тяжестію, отчего черты лица удлиняются. Послѣ продолжительнаго горя глаза дѣлаются тусклыми и часто слегка подергиваются слезою; брови дѣлаются косыми, что зависитъ отъ того, что внутренніе концы ихъ (около корня носа) поднимаются вверхъ. Поднятіе это производитъ довольно характеристичныя морщины на лбу; углы рта оттягиваются (кислая гримаса).

Первое обнаруженіе горестнаго чувства сказывается въ кровообращеніи и мускульной системѣ. Послѣдняя, находясь вообще въ зависимости отъ воли, отражаетъ ея состояніе въ моментъ горя. Это чувство возникаетъ, какъ мы видѣли, когда субъекта постигаетъ несчастіе, угрожающее стѣснить, или уже стѣсняющее его свободу, съуживающее кругъ его дѣятельности; при такомъ положеніи, энергія воли субъекта должна или падать до нуля, или въ значительной степени ослабляться: дѣйствительно, горе часто бываетъ безсильнымъ. Упадокъ энергіи воли сказывается на всей произвольной мускульной системѣ: она дрябнетъ, голова падаетъ на грудь, вѣки, губы, щеки и нижняя челюсть обвисаютъ. Ослабленіе энергіи воли сказывается и на кровообращеніи, которое дѣлается медленнымъ, отчего лице становится блѣднымъ.

Тусклость глазъ и подергиваніе ихъ слезою являются, какъ слѣдствія нѣкотораго состоянія умиленія, жалости къ себѣ, или къ другимъ, когда къ горю присоединяется нѣкоторый элементъ сочувствія или нѣжности. Оттого, когда въ немъ есть скрытый гнѣвъ, негодованіе (на людскую несправедливость) горе стано-

вится ожесточеннымъ, и глаза горюющаго обыкновенно бываютъ сухи.

Косое положеніе бровей Дарвинъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Во время дѣтства, мы привыкаемъ сокращать окологлазные мускулы, стягиватели бровей и пирамидальные, дабы предохранить глазъ отъ напора крови во время крика; наши предки, въ продолженіи многихъ поколѣній, дѣлали тоже самое; и хотя съ годами мы легко сдерживаемся отъ крика во время печали, однако, въ силу долгой привычки, не можемъ вполнѣ воспрепятствовать легкому сокращенію упомянутыхъ мускуловъ. Но пирамидальные мускулы всего менѣе находятся подъ контролемъ воли и если они правильно развиты, то ихъ стягиванію можно воспрепятствовать чрезъ противодѣйствіе ихъ антагонистовъ—среднихъ пучковъ лобнаго мускула. Вслѣдствіе того, что эти пучки энергично сокращаются, концы бровей стягиваются къ верху, образуется складка между этими концами и морщина посреди лба. Такимъ образомъ Дарвинъ косое положеніе бровей объясняетъ какъ слѣдствіе противодѣйствія попытокъ плакать. Но во 1-хъ, это выраженіе горя обще не только европейцамъ но и дикимъ, которые между тѣмъ плачутъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Для нихъ нѣтъ надобности противодѣйствовать плачу, потому что и безъ того они предаются ему при всякомъ случаѣ. А между тѣмъ особое выраженіе для чувства горя у нихъ существуетъ, что должно казаться, по меньшей мѣрѣ, страннымъ. Во 2-хъ, когда взрослый сознательно сдерживаетъ свой плачь, онъ не дѣлаетъ ничего подобнаго выраженію горя: его брови не принимаютъ косого положенія и характеристичныхъ морщинъ не образуется на лбу. Еслибы это выраженіе было слѣдствіемъ безсознательнаго сдерживанія плача, то слѣдовалобы ожидать его и при сознательномъ, все равно какъ, намѣренно дающій знать о своемъ горѣ, субъектъ употребляетъ тѣже выраженія, какія являются на его лицѣ безсознательно, при дѣйствительномъ горѣ. Въ 3-хъ, въ состояніи горя человѣку, по видимому, нѣтъ поводовъ сдерживать плачь. Почему именно тогда, когда плачь, какъ, какъ выраженіе страданія, былъ бы всего умѣстнѣе и естественнѣе, субъектъ сдерживаетъ его и такъ постоянно въ этой привычкѣ, что именно въ минуты только горя обнаруживается его противодѣйствіе? И какъ въ обществѣ людей типичнымъ выраженіемъ горя стало считаться противодѣйствіе плачу? И наконецъ въ 4-хъ, хмуренье бровей, одинъ

изъ спутниковъ плача, безпрепятственно дѣлается при горѣ, слѣдовательно, плачу собственно противодѣйствуется при немъ не вполнѣ. Сокращеніе центральныхъ пучковъ лобнаго мускула противодѣйствуетъ сокращенію пирамидальнаго на спинкѣ носа, причемъ противодѣйствіе идетъ далѣе того, сколько нужнобъ было для уничтоженія послѣдствій его сокращенія, и производитъ положительное и рѣзкое выраженіе: горизонтальныя морщины среди лба.

По этому думается, что причины косого положенія бровей при горѣ слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ пытается найти ихъ Дарвинъ. Это выраженіе горя складывается изъ двухъ движеній: хмуренья бровей и поднятія концовъ ихъ. Первое есть характеристичное выраженіе страданія, встрѣчающееся въ плачѣ, при умственномъ напряженіи. Оно совершенно умѣстно при горестномъ волненіи сердца: ибо въ горѣ есть страданіе и притомъ большое. Сокращеніе лобнаго мускула встрѣчается при чувствѣ безсилія и удивленія. Выражая свое безсиліе и удивленіе, человѣкъ поднимаетъ брови, отчего образуются горизонтальныя морщины. Такъ какъ въ чувствѣ безсилія есть удивленіе, то мы признали его за выраженіе желанія субъекта расширить горизонтъ своего зрѣнія, дабы скорѣй открыть и разузнать причину, возбудившую чувство. Но и въ горѣ есть удивленіе (см. выше): горюющій думая о причинѣ своего горя, непремѣнно удивляется, какъ могъ совершиться прискорбный фактъ, какъ его могло постигнуть такое событіе, какой контрастъ между тѣмъ, что было, и что есть и т. д. До какой степени удивленіе постоянно сопутствуетъ горю, доказывается тѣмъ, что какъ скоро мы привыкаемъ къ новому скорбному положенію и оно перестаетъ насъ удивлять, ослабляется и даже уничтожается чувство горя. По этому мы вправѣ предположить, что сокращеніе лобнаго мускула при немъ есть собственно выраженіе удивленія, являющагося, когда человѣкъ умственно занятъ своимъ горемъ, раздумываетъ о горестномъ фактѣ. Но почему сокращаются только центральные пучки лобнаго мускула, а не весь онъ, какъ это бываетъ при удивленіи? Оттого, отвѣчаемъ, что сокращеніе остальныхъ пучковъ его парализуется хмуреньемъ бровей: онъ сокращался бы весь, еслибы не было этой причины, отчасти парализующей его сокращеніе. Совѣтуемъ читателю сдѣлать опытъ: сначала нахмурить брови и потомъ стараться поднять брови вверхъ, или на оборотъ, сначала поднять брови

вверхъ, а за тѣмъ, неопуская ихъ, нахмурить. Тогда онъ увидитъ въ зеркалѣ, что получится характеристичное выраженіе горя. Части кожи къ бокамъ лба разгладятся, потому что сокращеніе боковыхъ пучковъ лобнаго мускула будутъ совершенно парализовано стягивателями бровей, но въ центрѣ лба, такъ какъ сокращенію центральныхъ пучковъ ничто не противодѣйствуетъ (пирамидальный мускулъ носа не возбуждается къ дѣйствію), то они дѣйствуютъ безпрепятственно и такимъ образомъ получается подковообразная форма морщинъ. Это объясненіе намъ кажется болѣе естественнымъ, чѣмъ предложенное Дарвиномъ, и совершенно согласнымъ съ психологическимъ анализомъ чувства горя.

Остается объяснить оттягиваніе угловъ рта. Оно производится мускулами (depressores anguli oris), пучки которыхъ концентрируются около угловъ рта, между тѣмъ какъ другіе концы расходятся почти вѣерообразно. Дарвинъ объясняетъ и это выраженіе изъ того же общаго принципа, какъ и косое положеніе бровей. Эти depressores, въ продолженіи многихъ поколѣній, весьма сильно дѣйствовали, и въ силу привычки, даже въ позднюю пору нашей жизни, нервная сила притекаетъ къ нимъ, какъ скоро возникаетъ легкое чувство огорченія. Такъ какъ они менѣе подчинены контролю воли, чѣмъ другіе мускулы, то они сокращаются, тогда какъ другіе остаются спокойными. Опять здѣсь для объясненія является привычка, когда то пріобрѣтенная нашими предками. Почему нервная сила притекала во время горя къ этимъ пучкамъ мускула, тогда какъ самъ же Дарвинъ, при описаніи выраженія горя, замѣчаетъ вообще, что при немъ мускулы становятся дряблыми и именно на лицѣ, которое оттого отвисаетъ. Отчего происходило и происходитъ это исключеніе изъ общаго правила? Я думаю, что ключь къ разъясненію оттягиванія угловъ рта заключается въ томъ фактѣ, что горестное чувство сопровождается ослабленіемъ энергіи мускульной системы вообще, и что оно есть слѣдствіе временного парализованія воли субъекта. При той связи, какая есть между состояніями воли и энергіей мускульной системы, ослабленіе первой должна отражаться и на послѣдней. Но отраженіе это неможетъ быть одинаково на всѣхъ мускулахъ: произвольные должны прежде всего и болѣе всего выражать состояніе воли, чѣмъ непроизвольные, и притомъ въ той мѣрѣ и степени, въ какой они легче подчиняются волѣ. Изъ мускуловъ лица depressores,

по замѣчанію Дарвина, менѣе всѣхъ подчинены контролю воли, слѣдовательно, ослабленіе энергіи воли, и затѣмъ мускульной, наступающее при чувствѣ горя, должно всего менѣе сказываться на depressores. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого факта должно быть слѣдующее явленіе: тогда какъ остальные мускулы ослаблены, depressores, дѣйствуя съ обычною, нормальною, или мало ослабленною энергіей, оттягиваютъ углы рта, чего при спокойномъ состояніи духа и при нормальномъ положеніи прочихъ мускуловъ они сдѣлать не въ состояніи: ибо встрѣчаютъ въ нихъ противодѣйствіе. По нашему объясненію, здѣсь происходитъ тоже явленіе, какъ при параличѣ нерва, посылающаго возбужденіе къ мускуламъ правой стороны лица: оно перекашивается въ лѣвую сторону: потому что бездѣйствующіе мускулы правой стороны не могутъ уравновѣшивать дѣйствія и естественнаго напряженія мускуловъ лѣвой. Мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ едвали мы далеки отъ истины.

Чувство благоговѣнія выражается въ цѣлованіи священныхъ предметовъ, подниманіи глазъ къ небу, преклоненіи колѣнъ и складываніи рукъ, ладонь къ ладони. Дарвинъ замѣчаетъ, что въ чувствѣ благоговѣнія есть элементъ любви. У нѣкоторыхъ какъ прежнихъ, такъ и современныхъ сектъ, религія и любовь страннымъ образомъ комбинируются и утверждаютъ даже, какъ ни печаленъ фактъ, что священный поцѣлуй любви мало различенъ отъ того, который дается мужемъ женѣ и обратно. Въ этихъ словахъ есть правда и неправда. Было бы невѣрно смѣшивать любовь къ Богу съ половою. Любовь есть родовое имя для многихъ отдѣльныхъ видовъ: отецъ любитъ сына и обратно, и цѣлуетъ его, есть ли этотъ поцѣлуй тотъ самый, какой дается мужемъ женѣ? Собака любитъ своего хозяина, конечно, безъ всякого полового характера. Какъ тотъ фактъ, что въ иныхъ рѣдкихъ случаяхъ въ отношенія родителей къ дѣтямъ вкрадываются половыя отношенія, не доказываетъ, что любовь родительская вообще опирается на половую, такъ и связь религіи у нѣкоторыхъ сектъ съ половою любовью не доказываетъ, что послѣдняя есть нѣчто родственное благоговѣнію. Человѣческая слабость примѣшиваетъ къ религіи и своекорыстіе: можно ли сказать, что въ основѣ благоговѣнія лежитъ своекорыстное, эгоистическое чувство? Но въ замѣчаніи Дарвина есть и вѣрная сторона, что одна изъ сторонъ благоговѣнія имѣетъ прямое отношеніе къ нѣжному чувству. Любовь къ Богу есть тотъ видъ

любви вообще, какой бываетъ между нисшимъ и высшимъ существами, наприм. между дѣтьми и родителями. Съ другой стороны, въ основаніи любви, вездѣ, гдѣ бы она ни встрѣчалась, лежитъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, влеченіе къ прекрасному, стремленіе возвысить, украсить свое существованіе. Въ этой чертѣ сходятся всѣ виды любви, какъ любовь между лицами разныхъ половъ, такъ и любовь къ Богу.

Во всякой любви есть одинъ и тотъ же волевой элементъ: стремленіе слиться или сблизиться съ любимымъ предметомъ, и онъ сказывается въ желаніи обнять и цѣловать его. По отношенію къ священнымъ предметамъ, благоговѣйный субъектъ, изъ любви къ Богу, котораго благодатную силу онъ предполагаетъ въ нихъ, желая сблизиться и слить на моментъ свое существованіе съ ними, оказываетъ тѣже знаки нѣжности, какъ и вообще къ любимымъ предметамъ.

Но кромѣ нѣжнаго чувства, въ благоговѣніи есть и чувство страха предъ всемогущимъ Существомъ и чувство высокаго, возбуждаемаго представленіемъ Высочайшаго Существа: остальныя три выраженія разбираемаго чувства должны быть признаны выраженіями страха, а отчасти чувства высокаго.

Положеніе глазъ Дарвинъ объясняетъ тѣмъ, что высшую силу мы представляемъ обитающею вверху. Но это положеніе можетъ быть объяснено и какъ выраженіе чувства высокаго. Все высокое мы представляемъ себѣ прежде всего выше и болѣе, чѣмъ мы, и смотря на такой предметъ грандіозной величины мы поднимаемъ обыкновенно глаза вверхъ. Движеніе глазъ къ верху можетъ быть выраженіемъ чувства величія Существа Божія, его несравненной великости сравнительно съ нами. Но при благоговѣніи глаза могутъ опускаться и внизъ: тогда они означаютъ чувство смиренія или робости предъ Богомъ, то чувство, которое имѣетъ малое существо предъ большимъ, страхъ такого существа какъ бы за свою малость. Въ этомъ состояніи человѣкъ не дерзаетъ взирать на Великое Существо. Колѣнопреклоненіе и сложеніе рукъ Веджвудъ, а за нимъ и Дарвинъ, объясняетъ тѣмъ, что это положеніе означаетъ подчиненіе и преданность волѣ другого, или положеніе раба предъ господиномъ. Такъ какъ въ чувство благоговѣнія входитъ чувство страха, то неудивительно, что человѣкъ выражалъ его также, какъ онъ самъ привыкъ видѣть въ рабѣ выраженіе всецѣлаго подчиненія разгнѣванному господину. Возникло, слѣдова-

тельно, это выраженіе въ силу аналогіи: ибо въ обоихъ чувствахъ есть нѣчто сходное. Воля, сопутствующая благоговѣнію, безсознательно заставляетъ тѣло принимать выраженіе, которое обыкновенно означаетъ самую полную и безпрекословную покорность волѣ другого.

Выраженія остальныхъ чувствованій имѣются смѣшанный характеръ, соотвѣтствующій ихъ сложности. *Чувство трагизма* слагается изъ чувствованій состраданія, страха и чувства высокаго; его выраженіе имѣетъ смѣшанный характеръ, такъ что въ немъ можно найти слѣды этихъ чувствъ. Глаза пораженнаго трагическимъ впечатлѣніемъ субъекта увлажняются слезами и онъ нерѣдко плачетъ; въ трагическіе моменты ужасъ изображается на лицѣ его; хотя онъ не есть страхъ за себя собственно, но тѣмъ не менѣе вызываетъ блѣдность лица, дрожаніе мускуловъ, даже иногда своего рода цѣпенѣніе; сердце сильно бьется или, какъ говорятъ, разрывается отъ жалости. Глаза широко раскрываются и съ расширенными зрачками устремляются на трагическое существо. Слезы и плачъ, переполненіе сердца кровью есть выраженіе глубокаго состраданія. Широкое раскрытіе глазъ и расширеніе зрачковъ есть выраженіе сильнаго удивленія. Выраженія этихъ различныхъ чувствъ до нѣкоторой степени взаимодѣйствуютъ. Такъ какъ при плачѣ глаза закрываются, а между тѣмъ удивленіе побуждаетъ ихъ открываться, то отъ этого происходитъ, что въ трагическомъ выраженіи глаза не выходятъ изъ своихъ орбитъ, не кажутся вытаращенными, какъ при страхѣ: удивленіе производитъ смягчающее дѣйствіе. Сердце бьется при чувствѣ трагизма, какъ при страхѣ, но не такъ стучитъ, какъ при немъ одномъ, потому, что чувство состраданія переполняетъ его кровью и дѣлаетъ менѣе подвижнымъ. Я думаю, этимъ смягченіемъ дѣйствій страха, происходящимъ отъ чувствъ удивленія и состраданія объясняется, почему переживаніе трагизма вовсе не такъ вредно для организма, чѣмъ волненіе страха.

Комизмъ слагается изъ чувствъ: забавы, нѣжности и малости. Чувство забавы выражается въ улыбкѣ и смѣхѣ; нѣжность въ блескѣ глазъ, нѣсколько увлажняемыхъ слезою; чувство малости — сближеніи вѣкъ и нѣкоторомъ щуреніи глазъ. Комическая улыбка сопровождается довольно сильнымъ сближеніемъ вѣкъ, чего при простой улыбкѣ собственно не бываетъ. Только при сильномъ смѣхѣ глаза становятся малыми, тогда какъ

простая улыбка такимъ уменьшеніемъ или не сопровождается, или оно бываетъ ничтожно. Слѣдовательно, сильное сближеніе вѣкъ въ комической улыбкѣ мы должны относить къ особой причинѣ, къ чувству малости. Далѣе, нѣжностію мы должны объяснять сильное увлажненіе глазъ, когда мать улыбается проказамъ своего любимаго дѣтища: ибо слезы на глазахъ могутъ являться только при очень сильномъ смѣхѣ, а не простой улыбкѣ. Но комическій смѣхъ можетъ быть и презрительно-злобнымъ. Тогда къ выраженіямъ забавы и малости присоединяются и волевыя обнаруженія гнѣва: улыбающійся субъектъ выпрямляется и нѣсколько наклоняется въ сторону ненавистнаго лица, ротъ закрывается (субъектъ смѣется не раскрывая его, зубы сжимаются). Такъ какъ, при наклонномъ положеніи тѣла и головы впередъ, мускулы грудной клѣтки не могутъ выталкивать изъ легкихъ всего воздуха, въ нихъ заключающагося, и притомъ же подъ вліяніемъ гнѣва вдыханіе беретъ перевѣсъ надъ выдыханіемъ, а между тѣмъ смѣхъ требуетъ усиленнаго выдыханія, то происходитъ тяжелый, какъ будто неестественный смѣхъ.

Въ *чувствѣ вражды* есть отвращеніе, презрѣніе и антипатія. Эти разныя чувствованія могутъ сочетаваться въ разныхъ степеняхъ напряженія: въ сочетаніи можетъ преобладать отвращеніе (отвратительный врагъ), презрѣніе (презрѣнный врагъ), и антипатія и давать оттѣнокъ враждѣ. Вотъ почему она выражается въ разныхъ случаяхъ различно, смотря по тому, какое составное чувство преобладаетъ. Когда въ ней преобладаетъ отвращеніе, то при имени врага, являются въ субъектѣ: движенія около рта и носа и иногда онъ даже трясетъ головою, чѣмъ выражается сильное отрицаніе, т. е. нежеланіе видѣть его и слышать имя его. Когда во враждѣ преобладаетъ презрѣніе, то видъ врага заставляетъ выпрямлять станъ, откидывать голову и сближать вѣки. Вражда, въ которой преобладаетъ антипатія, выражается сомкнутыми губами, сжиманіемъ и скрежетомъ зубовъ. Выраженія презрѣнія и антипатіи легко могутъ соединяться вмѣстѣ, но обнаруженія отвращенія сопутствуютъ имъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сильнѣйшей вражды: первыя и второе приводятъ въ дѣйствіе мускулы антагонисты, до нѣкоторой степени взаимно парализующіе другъ друга и потому не легко соединимые. Въ такихъ случаяхъ лицо или постоянно мѣняется, переходя отъ одного выраженія къ другому и обратно, или на немъ является гримаса, почти звѣрское выраженіе: полуоткры-

тый ротъ, сквозь который виднѣются стиснутые или скрежещущіе зубы, въ тоже время — движенія около носа, попытки оттянуть углы рта.

Замѣчаніе о волевыхъ элементахъ въ выраженіи чувствованій.

Въ заключеніе разбора выраженій чувствъ въ тѣлѣ не можемъ не сдѣлать замѣчанія о значеніи волевыхъ элементовъ ихъ. Мы видѣли, что почти всѣ обнаруженія волненій въ мускульной системѣ легко понимаются и объясняются, какъ выраженія воли, дѣйствующей въ чувствѣ или сопутствующей ему. Одни движенія, преимущественно въ лицѣ, выражаютъ волевой смыслъ чувства, т. е. то, къ чему собственно субъектъ стремится, чего отрицается, когда такимъ или другимъ чувствомъ отвѣчаетъ на внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія. Таковъ смыслъ закрытія, сближенія вѣкъ, расширенія зрачковъ, поднманія кожи на лбу, нѣкоторыя движенія около рта и носа и т. д. Другія движенія при волненіяхъ выражаютъ стремленія, неизмѣнно всегда сопутствующія имъ: напр. движенія головы, рукъ, стана. Какъ тѣ, такъ и другія дѣлаются безсознательно: ихъ прямой смыслъ и назначеніе не сознаются, или смутно лишь представляются субъектомъ. Такъ какъ волненія не могутъ не сопровождаться возбужденіемъ воли, то выраженія стремленій ея при чувствѣ могутъ быть признаны за выраженія какъ бы самого чувства, хотя они должны пониматься и объясняться, какъ слѣдствія извѣстнымъ образомъ возбужденной воли. Такое объясненіе дѣлаетъ совершенно ненужною гипотезу Дарвина, что многія движенія, сопутствующія чувству, первоначально когда то имѣли смыслъ, а потомъ въ теченіи многихъ поколѣній онъ затерялся и въ настоящее время эти движенія дѣлаются по ассоціаціи, по привычкѣ. Таковъ уже строй души, что подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній воля возбуждается различнымъ образомъ и ея стремленія, отвращенія, состоянія сказываются въ чувствахъ и вмѣстѣ съ чувствами. Все равно, какъ нѣтъ надобности обращаться къ безчисленному множеству прошлыхъ поколѣній, дабы объяснить, что страхъ заставляетъ иногда бѣгать людей отъ опасности, или гнѣвъ возбуждаетъ ихъ къ дракѣ, такъ нѣтъ нужды призывать предковъ на помощь, когда дѣло идетъ наприм. о поднятіи

бровей при удивленіи, или морщеніи лба при напряженномъ размышленіи.

Наше объясненіе многихъ выраженій чувства въ тѣлѣ волевыми элементами дѣлаетъ понятными два факта. Во 1-хъ, при немъ становится понятнымъ, почему почти всякому чувству, выражающемуся въ мускульной системѣ, сопутствуетъ полусознательное намѣреніе что то выразить движеніями въ ней, какъ будто субъектъ хочетъ ими сказать что то. Поэтому всякому, кто станетъ вдумываться въ нихъ, представляется искушеніе принять ихъ за символическое выраженіе мыслей, сопровождающихъ чувство и слѣдоват. превратить прямо въ сознательныя выраженія отношеній субъекта къ впечатлѣніямъ. Это, конечно, не возможно, такъ какъ обнаруженія чувства не намѣренны. Во 2-хъ, наше объясненіе дѣлаетъ понятнымъ фактъ, что, хотя выраженія въ мускульной системѣ безсознательны и ненамѣренны, тѣмъ не менѣе, они могутъ иногда производиться намѣренно и сознательно. Тѣ обнаруженія чувства, которыя оказываются въ системахъ, не подлежащихъ нашему произволу, никогда не могутъ быть сдѣланы намѣренно. Какъ бы искусенъ актеръ ни былъ, но ему нельзя заставить свое сердце биться, разрываться, лицо блѣднѣть, глаза блестѣть и т. д. Но онъ можетъ выражать по произволу удивленіе, уваженіе, плачь, горе, радость и т. д., потому что возможно сознательно заставить волю повторить состоянія стремленія и отвращенія, которыя она имѣетъ при удивленіи, уваженіи, плачѣ, горѣ, радости и т. д. Что особенно замѣчательно въ намѣренныхъ обнаруженіяхъ чувствъ и что подтверждаетъ, по нашему мнѣнію, сдѣланное нами объясненіе, это—различіе способовъ совершенія чисто произвольныхъ движеній и непроизвольныхъ выраженій чувства. Первыя изучиваются: требуется болѣе или менѣе долговременная практика, чтобы выучиться сложнымъ движеніямъ, требующимся для писанія, гравированія, танцевъ и т. д.; вторымъ собственно никто не учится: даже ребенокъ умѣетъ притворяться плачущимъ, нѣжнымъ, удивляющимся, почтительнымъ, испугавшимся и т. д. Для совершенства мимики и тѣлодвиженій актеръ, конечно, упражняется надъ выраженіями чувства, но онъ не учится имъ, а только привыкаетъ овладѣвать своими мускулами и старается сдѣлать ихъ совершенно послушными себѣ. Первоначальныя, хотя не столь совершенныя, какъ у взрослыхъ, намѣренныя выраженія чувства вполнѣ доступны и для ребенка. Между тѣмъ, какое

удивительное множество тонкихъ движеній онъ долженъ при этомъ сдѣлать, скомбинировать ихъ и, главное, не учась ни у кого, знать, что именно такое, а не другое движеніе должно быть сдѣлано для выраженія того или другого чувства. Это своего рода чудо перестанетъ быть таковымъ въ нашихъ глазахъ, если вспомнить, что трудъ ребенка, равно какъ и взрослаго, при намѣренномъ обнаруженіи чувства, состоитъ лишь въ томъ, что онъ сознательно возбуждаетъ въ волѣ то состояніе, которое находится въ извѣстномъ чувствѣ или его сопровождаетъ, и затѣмъ волевое выраженіе его является въ тѣлѣ само собою.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О волѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Во многихъ пунктахъ нашего изслѣдованія мы встрѣчались уже съ вопросомъ о волѣ: о ней приходилось напоминать, когда мы пытались разъяснять процессы воспоминанія и забыванія, ея существенное вліяніе на дѣятельность интеллекта въ обширномъ смыслѣ также была поставлена нами внѣ всякого сомнѣнія и даже въ различіи ея стремленій и хотѣній мы видѣли главную причину различія дѣятельности разума, какъ рефлексіи, такъ и воображенія; и наконецъ, разбирая разные вопросы о чувствованіяхъ, мы должны были не рѣдко говорить о волѣ, какъ существенномъ дѣятелѣ въ нихъ. Теперь, по ходу изслѣдованія, мы должны заняться спеціально ею и разъяснить ея значеніе вообще въ душевной дѣятельности.

Желанія и хотѣнія.

Анализъ состояній воли мы начнемъ съ самыхъ простыхъ ея обнаруженій, каковы желанія и хотѣнія. Это суть простѣйшіе акты ея, въ которыхъ обнаруживается практическая дѣятель-

ность воли. Затѣмъ, отъ анализа ихъ мы перейдемъ къ болѣе постояннымъ формамъ ея, отличающимся нѣкоторою устойчивостію, къ которымъ душа въ своихъ желаніяхъ и хотѣніяхъ болѣе или менѣе часто возвращается и которыми она опредѣляется: таковы привычки, влеченія и наклонности, стремленія и страсти.

Желаніе есть самый простой актъ воли. Обыкновенно оно мало бываетъ энергично: отъ желаній человѣкъ легко отказывается, но они могутъ достигать и большой степени напряженія: такъ, мы говоримъ о сильныхъ желаніяхъ. Главное существенное отличіе ихъ отъ хотѣній въ томъ, что въ нихъ воля сосредоточивается преимущественно на цѣли, но не дѣлаетъ усилій для осуществленія ея, т. е. не простирается на средства, ведущія къ ней; мы желаемъ извѣстнаго результата, но сами достигать его не хотимъ или не можемъ: напримѣръ, субъектъ желаетъ славы, богатства и т. д., но не хочетъ трудиться для этихъ цѣлей; онъ съ радостію принялъ бы ихъ, если бы всё это далось ему разомъ, безъ всякихъ усилій, но пройти тернистый путь къ нимъ не желаетъ. Иногда субъектъ желаетъ невозможнаго: напримѣръ, мечтанія Манилова были простыми желаніями, неосуществимость которыхъ онъ самъ понималъ; таковы всѣ общественныя и соціальныя утопіи, которыя могутъ быть предметомъ весьма сильныхъ желаній, но средствъ для осуществленія которыхъ представители ихъ не могутъ разумно желать, потому что они невозможны. Такъ какъ при желаніяхъ о средствахъ осуществленія желаемаго результата нѣтъ и рѣчи, то субъектъ ничѣмъ не сдерживается *въ своихъ желаніяхъ* и не находитъ нужнымъ сдерживаться; поэтому желанія могутъ быть безграничны, касаться всевозможныхъ вещей.

Хотѣнія болѣе дѣятельныя состоянія воли: чего субъектъ не только желаетъ, но и хочетъ, то онъ намѣренъ осуществить на самомъ дѣлѣ. Въ хотѣніяхъ опредѣляются не цѣль и результатъ только, какъ это бываетъ въ желаніяхъ, но желаются и средства для ихъ осуществленія. Когда воля просто желаетъ, то она не особенно настаиваетъ на результатѣ: хорошо, еслибъ какъ нибудь онъ былъ достигнутъ, но субъектъ не считаетъ себя неудовлетвореннымъ, если онъ не исполнится; когда же воля чего либо хочетъ, она усиленно стремится къ цѣли и чтобы достигнуть ея, она желаетъ и всѣхъ средствъ, которыя существенно для того необходимы; если человѣкъ хочетъ быть богатымъ, онъ

принимаетъ мѣры къ своему обогащенію; если онъ хочетъ издать трудъ, стать ученымъ, достигнуть ученыхъ почестей, онъ не праздно созерцаетъ только желанный результатъ, но и хочетъ всѣхъ мѣръ, которыя въ данномъ случаѣ ведутъ къ достиженію цѣли. Хотѣніе есть желаніе цѣлей + средства для нихъ. Понятно, что имъ называется актъ воли болѣе сложный, чѣмъ простое желаніе. Въ нѣкоторомъ родѣ, хотѣніе есть совокупность желаній, въ которыхъ одно главное условливаетъ другія логически, или по закону реальной необходимости. Такъ какъ въ хотѣніяхъ субъектъ думаетъ о средствахъ осуществленія цѣли, и не можетъ не думать о нихъ, то въ постановкѣ объектовъ хотѣній онъ сознаетъ себя связаннымъ условіями логической и реальной возможности. Желанія могутъ быть безсмысленны, фантастичны; хотѣнія, при нормальномъ здоровомъ состояніи человѣка, должны представляться ему, по крайней мѣрѣ, возможными къ осуществленію. По слабости ума, по силѣ стремленія, по недостатку опытности, человѣкъ можетъ хотѣть и фантастичныхъ цѣлей. Но ему то самому онѣ не могутъ представляться таковыми: онѣ фантастичны, даже чудовищны, для постороннихъ, болѣе разумныхъ людей, но самому хотящему кажутся болѣе или менѣе, въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ, осуществимыми.

Желанія и хотѣнія суть положительныя возбужденія воли. Какія состоянія имъ противорѣчатъ и противоположны? Желанія могутъ противополагаться съ одной стороны, по своимъ предметамъ, съ другой — какъ психическія состоянія. Вмѣсто желанія извѣстнаго событія, я могу желать другого какого нибудь: все равно какъ въ логической области, вмѣсто одного мнѣнія, я полагаю другое, наприм. вмѣсто зеленаго цвѣта утверждаю желтый. Далѣе, во мнѣ могутъ быть желанія противоположныхъ предметовъ: наприм. въ этомъ смыслѣ противоположны желанія добра и зла, удовольствія и страданія и т. д.: въ логическомъ мірѣ такъ противоположны напр. бѣлый и черный цвѣта, начало и конецъ и т. д. Перваго рода желанія могутъ быть названы диспаратными, второго — противоположными, но только по своимъ объектамъ.

Какъ субъективное состояніе, желаніе противополагается нежеланію. Его нельзя, однакожъ, считать простымъ отсутствіемъ желанія. Нежеланіе есть положительное отрицаніе извѣстнаго предмета, событія: оно предполагаетъ нѣкоторое отвращеніе отъ того, что навязывается намъ теченіемъ событій, или волею дру-

гого субъекта. Въ состояніи нежеланія человѣкъ чувствуетъ въ себѣ состояніе отталкиванія отъ нежелаемаго предмета. Состояніе нежеланія есть столько же отрицаніе желанія, сколько и противоположность его: ибо при немъ субъектъ положительно отрицаетъ не желаемый предметъ.

Также и хотѣнія могутъ быть диспаратны, когда касаются различныхъ предметовъ, противоположны, когда объекты ихъ противоположны. Это различіе хотѣній по ихъ предметамъ, хотя сами по себѣ, какъ состоянія духа, хотѣнія одинаковы. Въ послѣднемъ отношеніи, мы противополагаемъ имъ нехотѣнія: они заключаютъ въ себѣ отрицаніе хотѣній и вмѣстѣ положительное состояніе, но только имъ противоположное.

Желанія и хотѣнія имѣютъ предметомъ своимъ извѣстный объектъ: онъ называется цѣлію; человѣкъ стремится въ нихъ къ какой нибудь цѣли: овладѣть извѣстнымъ предметомъ, совершить дѣло, достигнуть удовольствія и т. д. Слѣдовательно, цѣль есть конечный результатъ такъ или иначе осуществляемый, къ которому стремится воля и по достиженіи котораго она удовлетворяется. То, что реально условливаетъ цѣль, называется средствомъ. Такимъ образомъ въ области воли порядокъ зависимости фактовъ представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ въ реальномъ мірѣ. Въ послѣднемъ предыдущее условливаетъ послѣдующее, наприм. причина производитъ дѣйствіе и всегда предшествуетъ послѣднему; въ волѣ послѣдующее условливаетъ предыдущее: такъ какъ результатъ достигается извѣстными средствами, то послѣднія приводятся волею въ дѣйствіе, дабы осуществить первый: не будь желаемой цѣли, не были бы осуществлены факты, къ ней ведущіе. Вотъ почему телеологическое объясненіе явленій и механическое взаимно противоположны: одно говоритъ: явленіе А условливаетъ В; другое: явленіе В условило собою явленіе А.

Отношеніе цѣли и средствъ не есть какое либо особенное отношеніе, независимое отъ связи причины и дѣйствія. Ни одна конечная воля не въ состояніи настоять, чтобы причина не производила дѣйствія, или чтобы дѣйствіе, зависящее отъ причины А, стало зависѣть отъ причины В, отъ которой оно обыкновенно не зависитъ: какъ мы не можемъ своимъ хотѣніемъ остановить паденіе тѣла, лишеннаго подпоры, такъ не въ состояніи заставить кислородъ, соединяющійся съ водородомъ, давать не воду, а какой либо металлъ. Реальная зависимость явленій остается

для воли какъ фактъ, ничѣмъ не устранимый, съ которымъ она должна всегда считаться. Воля только предупреждаетъ дѣйствительность; она обращается къ событію, котораго нѣтъ, но которое можетъ случиться, если будутъ осуществлены предварительно нѣкоторые факты. Такъ какъ въ силу реальной зависимости желаемый результатъ можетъ быть дѣйствіемъ только извѣстныхъ причинъ, то воля обращается къ этимъ причинамъ и стремится вызвать ихъ къ бытію, не ради ихъ самихъ, но для ихъ послѣдствій. Слѣдовательно, отношенія цѣли и средствъ совпадаютъ съ отношеніемъ причины и дѣйствія: реально средства условливаютъ цѣль, какъ причины — дѣйствіе, но въ духѣ, способномъ мыслію предупреждать будущее, послѣдующій результатъ условливаетъ предыдущую причину: ради перваго онъ избираетъ и осуществляетъ послѣднюю.

Установка цѣлей, выборъ средствъ предполагаютъ представленіе ихъ и знаніе реальной связи и зависимости явленій. Но воля сама по себѣ есть способность стремленія, а не познавательная сила. Слѣдовательно, при дѣятельности своей она нуждается въ помощи и содѣйствіи ума. И дѣйствительно, воля пользуется опытностію ума, когда избираетъ возможныя цѣли, когда останавливается на выборѣ средствъ, ведущихъ къ ней; только умъ, можетъ подсказать ей, что дѣйствіе достигается различными причинами, что въ извѣстномъ случаѣ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, наиболѣе возможная цѣль есть такая то; только умъ уже собравшій значительныя опытныя знанія людей, общества, физическаго міра, можетъ внушить волѣ, что для извѣстной цѣли лучшія и наиболѣе осуществимыя средства суть такія то и такія. Извѣстно, въ какой мѣрѣ человѣкъ богатъ такими знаніями, въ такой степени лучше и цѣлесообразнѣе онъ дѣйствуетъ въ большинствѣ случаевъ своей дѣятельности. Однако, мы здѣсь же замѣтимъ, что отношеній воли къ уму не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что воля есть только слѣпое стремленіе и умъ есть только знаніе и болѣе ничего, и что для установки цѣлей и выбора средствъ воля должна обращаться къ уму. Мы увидимъ ниже, что нѣтъ дѣйствія воли, въ которомъ не было бы состоянія умственнаго, и нѣтъ акта ума, который не былъ бы въ тоже время и актомъ воли. Поэтому хотѣніямъ и желаніямъ, неотдѣлимо отъ нихъ, присущи дѣйствія ума, которыя суть представленія цѣли и средствъ.

Хотѣнія мы назвали желаніями цѣли и средствъ, ведущихъ

къ ней. Воля полагаетъ цѣль, но она полагаетъ и средства, которыми цѣль осуществляется. Послѣднія не абстрактно только представляются, но и желаются волею: иначе хотѣніе было бы простымъ желаніемъ + теоретическое знаніе средствъ къ осуществленію его. Слѣдовательно, что̀ мы называемъ хотѣніемъ, это есть цѣпь актовъ воли, взаимно себя условливающихъ и слѣдующихъ одинъ за другимъ.

Желанія и хотѣнія суть акты воли, т. е. состоянія ея, возникающія въ связи съ представленіемъ извѣстныхъ объектовъ и затѣмъ преходящія для сознанія, какъ скоро цѣль достигнута. Есть однако въ волѣ болѣе постоянныя формы обнаруженія, являющіяся въ ней или оттого, что часто опредѣляясь въ извѣстномъ направленіи, она пріобрѣтаетъ навыкъ и охоту дѣйствовать въ одномъ направленіи, или оттого, что онѣ основываются на первоначальныхъ данныхъ въ человѣческой волѣ, составляющихъ ея природу, выражаютъ иногда такія нужды и потребности, которыя, не смотря на свое удовлетвореніе, постоянно возникаютъ вновь, или, по своему существу, не могутъ быть удовлетворены здѣсь, въ условіяхъ земной жизни. Къ такого рода постояннымъ обнаруженіямъ воли мы относимъ привычки, влеченія, наклонности, стремленія въ собственномъ смыслѣ и страсти.

Привычки.

Неоднократно опредѣляясь въ извѣстномъ направленіи, воля пріобрѣтаетъ склонность развивать по нему свою дѣятельность: послѣ каждаго сдѣланнаго усилія ей становится всё легче и легче производить усилія одинаковаго, или тожественнаго характера: трудъ напряженія для извѣстной цѣли дается ей легче послѣ того, какъ она нѣсколько разъ уже подвинулась къ достиженію той же цѣли. Это есть общій фактъ въ психической жизни, что душа легче повторяетъ акты, чѣмъ развиваетъ ихъ вновь, и онъ понятенъ съ нашей точки зрѣнія на память: мы говорили уже въ своемъ мѣстѣ, что пережитыя состоянія никогда не исчезаютъ изъ души совершенно, слѣдовательно, состоянія и акты воли также не уничтожаются: разъ совершенный, онъ можетъ лишиться огромной доли энергіи и перестать сознаваться, но небольшого усилія воли достаточно, чтобы онъ повторился для

сознанія съ каждымъ реальнымъ повтореніемъ, легкость вызова его и перехода въ самое дѣйствіе должна всё болѣе и болѣе увеличиваться.

Привычка есть установившійся modus дѣйствованія воли, охотно ею воспроизводимый при всякомъ поводѣ къ нему. Повтореніе хотѣній и желаній облегчаетъ ихъ послѣдующее возникновеніе, т. е. они пріобрѣтаютъ такую энергію, при которой легко повторяются въ сознаніи и легко переходятъ въ дѣйствіе. Частое повтореніе одного и того же дѣйствія и самоопредѣленія къ нему могутъ вести за собою столь большое увеличеніе энергіи, что душѣ не будетъ надобно сознательно самоопредѣлять себя къ новому вызову и повторенію ихъ, или точнѣе говоря, самоопредѣленія будутъ для нея такъ легки, что станутъ требовать лишь ничтожныхъ усилій. Но сознаваніе, какъ мы увидимъ ниже, всегда болѣе или менѣе тѣсно связано съ усиліемъ и какимъ либо напряженіемъ; поэтому такое самоопредѣленіе становится почти безсознательнымъ. Это и есть безсознательная привычка. Дѣйствительно, сначала стоющія большихъ усилій и сопровождающіяся сознаніемъ, опредѣленія воли отъ повторенія дѣлаются легче и легче и мало по малу перестаютъ быть сознательными.

Привычки основываются, какъ мы говорили, на томъ свойствѣ воли, что усилія, первоначально дѣлаемыя волею съ трудомъ, съ каждымъ повтореніемъ дѣлаются все легче. Поэтому всѣ дѣйствія, въ которыхъ участвуетъ воля, могутъ стать предметомъ привычки.

Такъ, многія привычки являются въ тѣхъ сторонахъ воли, которыми она обращена къ тѣлу. Замѣчательно, что въ послѣднемъ они развиваются по преимуществу въ мускульной системѣ, именно въ той части тѣла, которая находится подъ прямымъ контролемъ воли. Отъ повторенія пріобрѣтаются извѣстныя манеры держать станъ, голову, ходить, кланяться, дѣлать движенія глазами, гримасничать ртомъ, держать извѣстнымъ манеромъ руки и двигать ихъ и т. под. Сначала каждое движеніе дѣлается по сознательному импульсу, но отъ повторенія они дѣлаются все съ меньшими и меньшими усиліями и наконецъ, послѣднія становятся такъ малы, что почти не сознаются субъектомъ. Многіе психологи считаютъ подобныя привычки результатомъ мозговыхъ рефлексовъ, т. е. рефлективными движеніями: по ихъ мнѣнію, движенія, первоначально сознательныя, съ теченіемъ времени,

переходятъ въ рефлективныя: таковъ, напримѣръ, процессъ ходьбы: сначала ребенокъ дѣлаетъ усилія двигать каждою ногою, сознательно дѣлаетъ каждый шагъ, а затѣмъ отъ повторенія онъ менѣе и менѣе сознательно контролируетъ свои шаги и наконецъ хожденіе становится процессомъ чисто рефлективнымъ. Нѣкоторые думаютъ, что простое прикосновеніе подошвы ноги къ полу, землѣ, служитъ возбужденіемъ для спинного мозга, разрѣшающимся въ рефлективное движеніе ногъ. Не рѣшая здѣсь вопроса о всѣхъ вообще рефлективныхъ движеніяхъ, мы должны, однакожъ, замѣтить, что главнымъ основаніемъ для признанія чисто механическаго характера привычныхъ движеній, наприм. ходьбы, служитъ ихъ безсознательность. Но безсознательность ихъ не можетъ служить основаніемъ для признанія ихъ чисто физіологически-механическими; при ходьбѣ совершается не малая психическая работа, — принимаютъ участіе какъ интеллектъ, такъ и воля: если зажмурить глаза и пытаться идти, то чрезъ нѣсколько же шаговъ мы сознаемъ, что далѣе такимъ способомъ идти почти невозможно: шаги становятся не увѣренными, часто оступаемся и т. д. Ходьба дѣлается подъ контролемъ воли и разумѣнія: мы останавливаемся гдѣ нужно и когда нужно, мы оглядываемъ впередъ свою дорогу, приноравливаемъ къ неровностямъ ея свой шагъ, устанавливаемъ на нихъ подошву ноги, соразмѣряемъ усилія съ подъемами и спусками дороги: мы дѣлаемъ при ходьбѣ большое и при томъ разумное дѣло. Но такъ какъ дѣлать подобныя вещи намъ бываетъ въ привычку и требуетъ усилій воли очень малыхъ, то мы или слабо сознаемъ свои усилія, свою работу, или даже совсѣмъ не сознаемъ ея. Такъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ разсуждать о всякихъ привычныхъ манерахъ движеній въ тѣлѣ: въ нихъ всегда есть импульсъ и контроль воли, разумѣнія, только ихъ мы не сознаемъ.

Есть привычка сдерживать выраженіе чувствованій въ тѣлѣ. Взрослый человѣкъ пріучается контролировать обнаруженіе своихъ чувствованій, по крайней мѣрѣ, по скольку они отражаются въ произвольныхъ мускулахъ: онъ сознательно ослабляетъ иннервацію мускуловъ, выражающихъ чувство, посылаетъ импульсъ противодѣйствующимъ и парализующимъ ихъ: напримѣръ, въ моментъ гнѣва, когда мускульная система сильно возбуждается, субъектъ намѣренно держитъ ее въ покоѣ, препятствуетъ сокращаться мускуламъ лица, намѣренно даетъ голосу мягкое выраженіе; въ моментъ страха онъ сдерживаетъ крикъ, сближаетъ вѣки, ста-

рается не смотрѣть на ужасный предметъ, даетъ непринужденное положеніе рукамъ и т. д. Первоначально это удается съ трудомъ, но затѣмъ все менѣе и менѣе требуетъ усилій. Такъ образуется привычка контроля надъ своими чувствами, и человѣкъ иногда достигаетъ такого господства надъ своими мускулами, что, при сильныхъ движеніяхъ сердца, не выдаетъ ихъ ни малѣйшимъ сокращеніемъ мускуловъ.

Какъ мы въ свое время говорили, въ чувствованіяхъ есть волевой элементъ и чрезъ него воля можетъ дѣйствовать на сердце. Посредствомъ намѣреннаго сдерживанія или возбужденія его могутъ возникать привычки чувства. Такъ, намѣренно попуская себя раздражаться гнѣвомъ, страхомъ, стыдомъ, удивляться, субъектъ привыкаетъ гнѣваться, пугаться, стыдиться, удивляться, т. е. давать этимъ чувствованіямъ особую силу, не глубину, которая, какъ мы видѣли, зависитъ всегда отъ опредѣленныхъ условій, а особую энергичность, которая является отъ того, что субъектъ привыкъ хотѣть такихъ чувствованій; на оборотъ, отъ намѣренныхъ и сознательныхъ усилій можетъ развиться привычка не хотѣть извѣстныхъ чувствованій и они станутъ имѣть столь незначительную силу, что будутъ казаться несуществующими. Такъ, человѣкъ привыкаетъ не раздражаться привычными укорами, обидами, не стыдиться унизительной обстановки, не бояться и не трусить предъ привычными опасностями и т. д. Въ этомъ случаѣ привычка, слѣдовательно, уменьшаетъ силу чувствованій и способствуетъ пониженію чувствительности не тѣмъ только способомъ, что повышаетъ субъективную мѣру, которою измѣряются впечатлѣнія, но воля пріобрѣтаетъ власть надъ чувствованіями, отнимая отъ нихъ силу, по крайней мѣрѣ, часть ея.

Такъ какъ въ дѣйствіяхъ ума воля принимаетъ прямое участіе, давая направленіе его дѣятельности, опредѣляя начало, продолженіе ея, ставя цѣли для нея и т. д., то могутъ образоваться въ умѣ привычки. Умъ можетъ привыкать къ труду или бездѣйствію, методично терпѣливо идти по дорогѣ къ цѣли, или капризно дѣлать скачки; мы говоримъ даже о консервативныхъ и либеральныхъ привычкахъ ума, разумѣя подъ ними фактъ, что умъ привыкаетъ ставить себя на извѣстныя точки зрѣнія, стремиться къ цѣли извѣстными способами, достигать извѣстныхъ цѣлей, намѣренно ставить себѣ цѣлію извѣстные выводы и заключенія и т. д. Волевой элементъ въ мышленіи,

нѣсколько разъ дѣйствуя въ извѣстномъ направленіи и извѣстнымъ способомъ, пріобрѣтаетъ навыкъ дѣйствовать по такому, а не другому modus'y.

Привычки суть установившіеся modi дѣйствованія воли. Поэтому онѣ всего очевиднѣе могутъ наблюдаться въ послѣдней. Въ хотѣніяхъ и желаніяхъ своихъ воля стремится къ извѣстнымъ цѣлямъ, для достиженія ихъ желаетъ извѣстныхъ средствъ. Послѣ неоднократнаго повторенія процесса хотѣній и желаній весьма часто устанавливаются привычки къ извѣстнымъ цѣлямъ, хотя при нихъ средства избираются волею не привычныя, а случайныя, или является привычка къ извѣстнымъ средствамъ, хотя цѣль, для которой они прежде принимались волею, забывается, или становятся одинаково привычными какъ цѣли, такъ и средства.

Отъ повторенія могутъ становиться привычными извѣстныя опредѣленныя цѣли, причемъ средства могутъ избираться волею болѣе или менѣе случайно. Такъ, человѣкъ можетъ привыкнуть ставить себѣ цѣлію своей дѣятельности науку, здоровье, наживу, удовольствіе и т. д., но въ выборѣ средствъ можетъ оставаться свободнымъ и пользоваться каждымъ представляющимся случаемъ, чтобы достигать своей цѣли; онъ можетъ дойти до такого настроенія, что будетъ постоянно возвращаться къ своей цѣли, но ему будетъ все равно, чѣмъ бы ни пришлось достигать ея.

Далѣе, можетъ устанавливаться привычка къ извѣстнымъ опредѣленнымъ средствамъ, хотя человѣкъ можетъ быть равнодушенъ къ цѣлямъ, для которыхъ они могли бы употребляться: воля привыкаетъ желать средствъ, но теряетъ интересъ къ цѣлямъ, къ которымъ они пріурочивались: напримѣръ, субъектъ предпринималъ частыя прогулки ради цѣлей здоровья и привыкъ ихъ дѣлать: онъ будетъ желать ихъ и продолжать дѣлать ихъ въ дурную погоду, при рѣзкомъ вѣтрѣ, когда онѣ для здоровья могутъ быть даже вредны. Также объясняются привычки къ разнымъ холоднымъ обливаньямъ, ѣды и питья въ опредѣленные часы, хотя субъектъ не чувствуетъ ни голода, ни жажды, къ разнымъ обрядностямъ и формальностямъ, первоначально имѣвшимъ свою цѣль, но потомъ ставшимъ привычными. На привычкахъ такого рода устанавливается обычная рутина дѣйствій, порядка въ жизни: люди тяготятся иногда ею, сами не видятъ особой пользы отъ нея, а тѣмъ не менѣе акку-

ратно и постоянно продѣлываютъ весь обрядъ дѣйствій: они желаютъ ихъ и осуществляютъ на дѣлѣ.

Наконецъ, могутъ являться привычки къ извѣстнымъ цѣлямъ и опредѣленнымъ средствамъ ихъ достиженія. Субъектъ стремится къ извѣстнымъ результатамъ и привыкаетъ имѣть ихъ въ виду, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ, чтобы они достигались не какъ прійдется, а извѣстнымъ уже привычнымъ образомъ. Честолюбивый человѣкъ, привыкшій къ ѳиміаму со стороны окружающихъ, кромѣ того, что желаетъ воздаванія чести, какъ обычной свой цѣли, но любитъ, чтобы она воздавалась извѣстнымъ образомъ. Такъ, люди привыкаютъ желать чистоты тѣла и достигать ея привычнымъ имъ манеромъ, именно извѣстнымъ, а не другимъ способомъ, — привыкаютъ постоянно искать какого-нибудь одного удовольствія, но чтобы оно давалось извѣстнымъ порядкомъ, или почерпалось изъ извѣстнаго источника. Въ молодости люди не придаютъ особеннаго значенія постоянству средствъ для достиженія, имъ нравящихся, цѣлей: такъ или иначе, тѣмъ или другимъ способомъ онѣ достигнутся—это для нихъ не важно, главное, чтобы онѣ были достигнуты; но въ зрѣлые годы, и особенно къ старости, съ привычками къ цѣлямъ являются привычки и къ извѣстнымъ средствамъ для нихъ и часто субъектъ послѣднимъ болѣе придаетъ значенія и болѣе держится ихъ, чѣмъ первыхъ.

Итакъ что же собственно дѣлаетъ съ душевными состояніями привычка? Мы знаемъ, что отъ привычки удовольствіе слабѣетъ, теряетъ энергію, неудовольствіе также ослабѣваетъ и даже совсѣмъ исчезаетъ; въ волѣ происходитъ такого рода явленіе, что съ каждымъ повтореніемъ усиліе напряженія дѣлается менѣе, желаніе становится устойчивѣе, нежеланіе и нехотѣніе между тѣмъ утрачиваютъ свою силу. Что удовольствіе отъ повторенія слабѣетъ, это объясняется легко тѣмъ, что при вторичномъ появленіи оно уже теряетъ интересъ новизны, равно, неудовольствіе можетъ слабѣть при повтореніи отъ того, что субъектъ нѣсколько приспособляется къ нему при каждомъ новомъ появленіи его, до нѣкоторой степени воля примиряется съ неизбѣжностію зла, а неудовольствіе, съ которымъ субъектъ мирится, не есть уже неудовольствіе. Понятно и то, что желанія, повторяясь и дѣлаясь болѣе и болѣе знакомыми субъекту, требуютъ для своего появленія менѣе и менѣе усилій со стороны его. Сами по себѣ они устойчивы и тверды, но послѣ

повтореній стоятъ ему меньшей траты энергіи, чѣмъ при первомъ своемъ появленіи. Но какимъ образомъ слѣдуетъ объяснять такіе факты, какъ полное, повидимому, исчезновеніе нѣкоторыхъ хотѣній и желаній въ привычкахъ? Къ непріятнымъ впечатлѣніямъ, сначала сильно отрицаемымъ волею, при частомъ повтореніи ихъ, можно такъ привыкнуть, что нежеланіе подъ конецъ совсѣмъ исчезаетъ: наприм. съ трудомъ человѣкъ рѣшается купаться въ холодной водѣ, съ неохотою заводитъ знакомство съ нѣкоторыми личностями, съ отвращеніемъ пьетъ лѣкарство, а затѣмъ привыкаетъ ко всему этомъ до того, что потомъ и не вспоминаетъ даже о своемъ нежеланіи. Этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что первоначально, хотя дѣйствіе возбуждало неудовольствіе и отрицалось волею, всетаки въ человѣкѣ было и хотѣніе его, и такъ какъ оно было сильнѣе нежеланія, то и побѣдило послѣднее; при каждомъ повтореніи хотѣніе, побѣдившее нежеланіе, становилось устойчивѣе и съ большею и большею легкостью брало перевѣсъ надъ нежеланіемъ; наконецъ, нежеланіе потеряло почти всю свою энергію и должно уступить окончательно свое мѣсто хотѣнію.

Влеченія.

Нѣкоторыя желанія могутъ отличаться такимъ постоянствомъ, что почти наполняютъ собою душу: они могутъ возникать при всякомъ удобномъ случаѣ, и являться даже безъ всякихъ поводовъ извнѣ, изъ внутреннихъ нуждъ и потребностей духа. Такія желанія мы называемъ влеченіями. Ознакомимся прежде всего съ фактами.

Мы часто говоримъ объ умственныхъ влеченіяхъ. О Линнеѣ разсказываютъ, что онъ имѣлъ большое влеченіе къ изученію преимущественно цвѣтовъ и вообще растеній; есть влеченія къ изученію природы, къ собиранію точныхъ фактовъ, къ реализму въ знаніи, есть влеченіе ума къ исторіи, къ разъясненію и собиранію фактовъ прошлой жизни человѣчества; бываютъ влеченія въ умѣ къ философіи, къ разъясненію смысла и значенія фактовъ природы и жизни, къ идеализму. Кромѣ такихъ частныхъ влеченій, мы говоримъ о влеченіи ума человѣческаго къ наукѣ, истинѣ вообще. Существенная черта этихъ влеченій, во 1-хъ, та, что субъектъ не отдаетъ себѣ точно от-

чета, почему онъ влечется къ той или другой области познанія. Спеціалисты, ставшіе таковыми по внутреннему влеченію, никогда не въ состояніи объяснить, почему они избрали такую, а не другую спеціальность: они могутъ сказать только, что чувствуютъ влеченіе къ такому, а не другому роду знаній. Во вторыхъ, субъектъ совсѣмъ не ясно представляетъ себѣ цѣль, къ которой онъ влечется: его умъ преслѣдуетъ задачу за задачей, отъ одного предмета переходитъ къ другому, чего то ищетъ въ извѣстномъ кругу предметовъ, но чего? Обыкновенно, онъ задается въ каждомъ случаѣ работы опредѣленною цѣлію, но частною: ему желалось бы найти разрѣшеніе такого то вопроса, уяснить темное соотношеніе фактовъ, довести возможно далеко свой анализъ и т. д. Но очевидно, эти цѣли, руководящія имъ въ частныхъ работахъ, не сами по себѣ привлекательны; влечетъ ученаго что то другое и ради этого другого, онъ избираетъ и частныя цѣли: однако, объ этомъ другомъ онъ обыкновенно и не думаетъ и только въ минуты сосредоточенія и сознанія значенія своей дѣятельности, онъ характеризуетъ свое влеченіе, какъ влеченіе къ истинѣ. Въ 3-хъ, такія влеченія ума обыковенно бываютъ глубоки; они таятся въ нѣдрахъ души и не могутъ не быть удовлетворяемы. Неблагопріятныя обстоятельства всякого рода: неудобство общественнаго положенія, бѣдность, непріязнь окружающей среды, огромныя усилія для достиженія цѣли — ничто не можетъ отвратить человѣка отъ повиновенія своему влеченію. Примѣры Ломоносова, Фаредея всѣмъ извѣстны.

Есть влеченія въ сердцѣ: они составляютъ существенную часть чувствованій: любви, симпатіи. Мы влечемся къ малому: напримѣръ, къ дѣтямъ, къ болѣзненнымъ захудалымъ личностямъ, къ животнымъ, влечемся и къ великому: къ знаменитымъ, выдающимся умомъ и характеромъ, личностямъ, къ высшимъ существамъ, къ Богу; влечемся также къ разнороднымъ и въ нѣкоторомъ отношеніи противоположнымъ намъ личностямъ, къ тѣмъ именно, съ которыми возможно для насъ найти гармоническій откликъ на наши духовныя состоянія. Эти влеченія мы уже достаточно разбирали въ своемъ мѣстѣ, именно, когда говорили о любви и теперь нѣтъ надобности анализировать ихъ. Замѣтимъ, что, по руководству сердца, мы можемъ найти много и другихъ влеченій, но о нихъ скажемъ ниже. Мы укажемъ только существенныя черты, хотя бы однихъ тѣхъ, которыя сказываются въ любви. 1) Мотивы ихъ также не сознаются субъектомъ: ни-

кто не въ состояніи сказать, почему онъ любитъ такое то существо и влечется къ нему, а другого не любитъ и отвращается отъ него; иногда этого влеченія нельзя оправдать ни красотою, ни умомъ, ни характеромъ любимаго человѣка и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно сослаться на послѣдствія союза съ нимъ, именно, что въ союзѣ живется хорошо, пріятно, то какъ часто человѣкъ въ привязанности къ другому находитъ для себя источникъ однихъ огорченій, страданій и бѣдъ, а все таки влечется къ такому лицу и сознаетъ невозможность отдѣлиться отъ него. 2) Эти влеченія не сопровождаются яснымъ сознаніемъ цѣли. Кто можетъ сказать, для чего собственно онъ влечется къ лицу другого пола, къ знаменитостямъ, къ геніямъ, къ дѣтямъ? Цѣль какая то въ этихъ влеченіяхъ есть, но она скрыта для самого субъекта за цѣлями ближайшими и не сознается имъ. 3) И эти влеченія бываютъ болѣе или менѣе глубоки и сильны. Несмотря ни на какія препятствія, они ищутъ себѣ удовлетворенія: человѣкъ оставляетъ отца и мать, чтобы соединиться съ другимъ существомъ, собственно чужимъ ему; для Бога покидаетъ семью, положеніе, комфортъ, обрекаетъ себя на лишенія, бѣдность, дѣлитъ свой хлѣбъ пополамъ—для дѣтей.

Несомнѣнно, что въ волѣ, какъ таковой, существуютъ многія влеченія: такъ, мы говоримъ о влеченіяхъ эгоистическихъ, когда человѣкъ во всей своей дѣятельности преслѣдуетъ только свое личное благо; о влеченіяхъ къ благу ближнихъ, наприм. о влеченіяхъ къ дѣламъ благотворенія, къ осуществленію общественнаго блага и т. д. Во главѣ всѣхъ влеченій, какъ послѣдняя цѣль ихъ, стоитъ благо. Эти влеченія принадлежатъ прямо волѣ, а не сказываются въ дѣйствіяхъ ума, или состояніяхъ сердца и потому болѣе ясны для сознанія, чѣмъ дѣйствующія въ умѣ или чувствѣ. Тѣмъ не менѣе и они имѣютъ характерныя черты, отличающія вообще влеченія. Во 1-хъ, причина почему такъ, а не иначе субъектъ влечется, имъ не сознается: почему одинъ человѣкъ эгоистъ, другой неустанный заботникъ о ближнихъ, объ общественномъ благѣ, на это причинъ указать нельзя и всего менѣе въ состояніи объяснить то сами дѣйствующія лица. Все что они могутъ сказать, это, что они такъ желаютъ, что имъ такъ лучше, что иначе они держать себя не могутъ. Во 2-хъ, прямыя влеченія воли не сопровождаются яснымъ сознаніемъ цѣли. Для чего собственно человѣкъ такъ много хлопочетъ объ устройствѣ своихъ дѣлъ, собираніи богатствъ, прежде всего и

главнѣе всего вездѣ ставить впередъ свое „я“, на что ему все это, когда никакой личной пользы изъ этого онъ не извлекаетъ и не можетъ извлечь, а напротивъ, своекорыстіе и эгоизмъ влеченій навлекаетъ на него негодованіе и недоброжелательство окружающей среды, этого субъектъ не объяснитъ. Къ чему постоянные труды и лишенія, поднимаемые человѣкомъ на пользу ближнихъ, когда непосредственно для себя онъ изъ нихъ не извлекаетъ никакой пользы, и какая конечная цѣль такой дѣятельности, объ этомъ субъектъ, занятый ближайшими цѣлями, не помышляетъ. Наконецъ, указанныя влеченія бываютъ такъ глубоки, что, можно сказать, не отдѣлимы отъ природы души, составляютъ ея натуру, и такъ сильны, что субъектъ чувствуетъ невозможность для себя отказаться отъ нихъ.

И такъ факты показываютъ, что влеченія суть желанія или скрыто дѣйствующія въ умѣ и сердцѣ, или обнаруживающіяся въ дѣйствіяхъ воли, какъ красная нить, проходящая чрезъ всю ткань. Причины ихъ и мотивы, какъ мы видѣли, не сознаются имъ, равно не сознается окончательная и послѣдняя цѣль, къ которой они стремятся: эта цѣль закрывается для субъекта ближайшими непосредственными объектами желаній. Наконецъ, во влеченіяхъ есть глубина и сила, почти неотвратимая: отказаться отъ нихъ для субъекта значитъ отречься отъ самого себя. Если цѣль и мотивы влеченій не сознаются субъектомъ и они такъ глубоки и сильны, что составляютъ вторую натуру человѣка, а между тѣмъ не можетъ же быть, чтобъ они никакой цѣли не имѣли и чтобы никакихъ причинъ столь сильныхъ влеченій, не существовало, то очевидно, цѣли ихъ находятся за предѣлами сознанія человѣка и они указываютъ на глубокія потребности души, создающія подобныя влеченія. Повинуясь своимъ влеченіямъ, мы идемъ по линіи, которая оканчивается за сферою настоящаго нашего существованія. Потребности, которыхъ удовлетворенія ищутъ влеченія, должны корениться въ самой натурѣ души и при томъ столь глубоко, что какъ ни маскируются онѣ служеніемъ текущимъ мелкимъ нуждамъ и потребностямъ тѣла и духа, все таки мощь ихъ сказывается въ общемъ теченіи жизни и придаетъ характерный тонъ человѣческому существованію. Поэтому ихъ можно было назвать инстинктивными влеченіями человѣческой души. Такъ какъ окончательныя цѣли ихъ лежатъ за предѣлами сознанія, и какъ мы имѣемъ право подозрѣвать, за предѣлами теперешняго нашего существованія, то онѣ въ настоящемъ

достигнуты быть не могутъ. Человѣкъ лихорадочно агитируется, борется за одно, другое, третье, удовлетворенія себѣ ни въ чемъ не находитъ: по временамъ только онъ чувствуетъ, что онъ къ чему то приближается, но самая цѣль ему все таки не дается, онъ находится въ положеніи лица, который чувствуетъ сильный голодъ и сильную жажду; весь его организмъ проситъ пищи и воды, но подъ руками у него есть только суррогаты воды и хлѣба; онъ пробуетъ одно, другое, третье, но видитъ, что все это не то, что нужно ему, и все это утолить его жажду и голодъ не можетъ: онъ снова алчетъ и жаждетъ и будетъ влечься къ пищѣ и питью, пока не встрѣтитъ настоящую воду и питательный хлѣбъ. Дѣйствительно, въ земной жизни душа ищетъ истины, но ей дается только суррогатъ ея, наука, и она конечно, не удовлетворяетъ ея; душа жаждетъ красоты, но предметы земной любви суть жалкія замѣны истинной красоты и потому она не удовлетворяется и любовью: душа алчетъ добра, но земное добро есть только суррогатъ вѣчнаго добра. И потому алчба и жажда истины, красоты и блага создаютъ неудовлетворимыя здѣсь влеченія.

Наклонности.

Во влеченіяхъ мы видимъ прямую дѣятельность воли, положительно направляющейся къ опредѣленной цѣли, хотя послѣдняя находится за предѣлами сознанія субъекта. Но воля можетъ реально не опредѣляться, какъ хотѣніе извѣстной цѣли, а быть только готовою, при всякомъ удобномъ случаѣ, желать опредѣленныхъ цѣлей. Такая готовность воли къ самоопредѣленіямъ въ извѣстномъ направленіи и къ такимъ или другимъ результатамъ называется наклонностію.

Такого рода наклонности мы находимъ въ умѣ, такъ какъ въ немъ есть всегда значительный волевой элементъ. Онъ можетъ имѣть наклонность къ занятіямъ извѣстнаго рода, готовность имѣть дѣло преимущественно съ извѣстнымъ матеріаломъ и обработкою понятій извѣстнаго рода. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о вообще научныхъ наклонностяхъ, даже спеціализируя ихъ иногда, напр. толкуютъ о философскихъ, натуралистическихъ наклонностяхъ ума. Нѣкоторые умы бываютъ наклонны вращаться въ сферѣ либеральныхъ или консервативныхъ понятій,

религіозныхъ и фантастическихъ представленій. Бываетъ иногда въ умѣ склонность къ намѣренному смѣшиванію понятій, къ умышленно неправильному ходу въ силлогизаціи, въ доказательствахъ: мы предполагаемъ тогда въ умѣ софистическую наклонность. Мало того, въ умахъ замѣчаются иногда наклонности къ извѣстнаго опредѣленнаго рода результатамъ: бываютъ наклонности къ преувеличеніямъ въ выводахъ, или намѣреннымъ уменьшеніямъ, искаженіямъ и т. д.

Не смотря на разнообразіе наклонностей, замѣчаемыхъ въ умѣ, можно подмѣтить общіе ихъ признаки. Во 1-хъ, въ нихъ субъектъ обыкновенно имѣетъ въ виду свое удовольствіе. Софистъ по призванію находитъ удовольствіе въ своей діалектикѣ и онъ любитъ вращаться въ ея сферѣ, такъ какъ именно въ ней ему всего болѣе пріятно находиться. Либералы и консерваторы отдаются соотвѣтственному теченію мыслей, потому что имъ пріятно именно такъ, а не иначе разсуждать и дѣйствовать. Намѣренное искаженіе, уменьшеніе, преувеличеніе часто доставляютъ умамъ наслажденіе. Во 2-хъ, такія наклонности обыкновенно создаются въ умахъ вліяніемъ окружающей обстановки, обстоятельствъ воспитанія и образованія, привычками и т. д. Тщеславная и малообразованная среда, ободряющая смѣлость выводовъ, но неумѣющая ихъ критически цѣнить, гоняющаяся за фразами, можетъ породить софиста, котораго умъ будетъ наклоненъ вносить фальсификацію и смѣшеніе понятій во все, чтобы только имѣть блескъ и успѣхъ. Обращеніе въ слояхъ общества, склонныхъ къ консерватизму или либерализму, въ кругахъ людей съ религіозными интересами, въ кругу истинно ученыхъ часто образуетъ въ воспріимчивыхъ умахъ соотвѣтствующія наклонности. Всѣ мы знаемъ, какое огромное вліяніе на образованіе такихъ наклонностей имѣютъ раннее воспитаніе, разныя цѣнныя личности, съ которыми судьба сводитъ насъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Въ 3-хъ, какъ и во влеченіяхъ, причины наклонностей несознаются субъектомъ: почему одинъ наклоненъ къ философствованію, или естествовѣдному реализму, другой къ религіознымъ или просто фантастическимъ представленіямъ, третій къ преувеличеніямъ или искаженію факта, истины, причинъ тому никто изъ нихъ не укажетъ. Онѣ кроются въ болѣе или менѣе сильныхъ и глубокихъ измѣненіяхъ, которыя, подъ разными вліяніями, претерпѣваетъ душа, и зародившейся потребности опредѣленной, такой, а не

другой дѣятельности, или такихъ, а не другихъ результатовъ ея.

Существуютъ наклонности и въ сердцѣ: онѣ сказываются, какъ готовность желать преимущественно извѣстнаго вида чувствованій. Такимъ образомъ мы говоримъ о наклонностяхъ къ симпатіи и дружбѣ, къ чувственнымъ наслажденіямъ, эстетическимъ удовольствіямъ, склонности къ нѣжности и любви, или гнѣвливости, антипатіи и враждѣ, о наклонности къ тщеславію и гордости, стыду, чувству долга, къ религіознымъ чувствованіямъ. Человѣкъ, склонный къ тому или другому чувствованію, сознаетъ какъ бы потребность въ немъ и при всякомъ удобномъ случаѣ развиваетъ его съ особенною силою. И наклонности сердца отличаются такими же чертами, какъ и наклонности ума. Субъектъ, во 1-хъ, съ удовольствіемъ отдается тому чувству, къ которому въ немъ есть наклонность: онъ имѣетъ при этомъ въ виду какъ бы потѣшить самого себя. Таковъ онъ, когда удовлетворяетъ своей наклонности къ симпатіи и дружбѣ, нѣжности и любви, чувственнымъ и эстетическимъ удовольствіямъ, тщеславнымъ волненіямъ, даже религіознымъ чувствованіямъ. И наклонность чувствовать долгъ, совѣстливость, если не опирается на болѣе глубокое влеченіе, часто мотивируется какимъ либо тщеславнымъ эгоистическимъ побужденіемъ. Даже въ наклонностяхъ къ тяжелымъ чувствованіямъ послѣдняя цѣль, преслѣдуемая субъектомъ, нерѣдко бываетъ тѣшенье самого себя: напр. нѣкоторые тѣшатся гнѣвомъ, враждою и антипатіей. Во 2-хъ, наклонности сердца развиваются также, какъ и наклонности ума, подъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, среды, воспитанія, и т. д. Такъ, несправедливость, злоба окружающихъ лицъ могутъ развить наклонность къ гнѣвливости и враждѣ, счастливыя встрѣчи сдѣлать человѣка склоннымъ къ нѣжнымъ и дружественнымъ чувствованіямъ, ѳиміамъ и кажденіе заискивающихъ льстецовъ— къ тщеславію и гордости, богатая обстановка и среда, гоняющаяся за чувственными удовольствіями, могутъ создать наклонность къ нимъ. Въ 3-хъ, причины наклонностей сердца не могутъ сознаваться субъектомъ: ему кажется всякій разъ, какъ онъ удовлетворяетъ своей наклонности, что его увлекаютъ ближайшія цѣли; но почему онъ увлекается скорѣе ими, чѣмъ другими, отчета въ томъ онъ отдать себѣ не можетъ. Эти причины слишкомъ глубоки, чтобъ быть предметомъ сознанія. Также, какъ и наклонности ума, наклонности сердца являются результатомъ

разныхъ измѣненій въ душѣ, претерпѣваемыхъ ею подъ разными вліяніями, вслѣдствіе которыхъ она оказывается готовою съ большею силою желать извѣстныхъ чувствованій.

Особенно обильна разными наклонностями собственно воля. Могутъ быть разнообразныя наклонности къ извѣстнымъ опредѣленнымъ цѣлямъ: такъ, мы говоримъ, что одинъ человѣкъ имѣетъ наклонности артистическія: къ театру, музыкѣ, живописи. Иногда говорятъ о наклонностяхъ къ комфорту, скупости, т. е. бережливости относительно средствъ къ жизни и къ собиранію ихъ, къ разсѣянной жизни; мы говоримъ о наклонностяхъ эгоистическихъ или человѣколюбивыхъ и благотворительныхъ. Далѣе бываютъ наклонности къ дѣятельности вообще, къ труду, или напротивъ, бездѣйствію, лѣности, даже къ дѣятельности при извѣстной обстановкѣ, наприм. къ уединенію или къ общежитію.

Наклонности воли отличаются тѣми же чертами, какія мы видѣли въ наклонностяхъ ума и сердца. И въ нихъ, во 1-хъ, ясно сознаваемая цѣль есть какое либо удовольствіе, которое субъектъ желаетъ пріобрѣсти, удовлетворяя ихъ: такъ, живописецъ, скульпторъ, стараясь видѣть или пріобрѣсти себѣ картины, статуи, находятъ въ томъ огромное для себя удовольствіе; аскетъ, который стремится къ уединенію, или скупецъ, жадно желающій собрать побольше денегъ, думаютъ доставить себѣ тѣмъ пріятное состояніе. Во 2-хъ, наклонности воли до нѣкоторой степени создаются окружающими субъекта вліяніями, обстоятельствами воспитанія и образованія, привычками; такъ, наклонность къ уединенію развивается вслѣдствіе долгаго, случайнаго и даже невольнаго пребыванія въ уединенномъ мѣстѣ, или къ общежитію отъ обстановки, при которой субъектъ былъ постоянно окруженъ людьми. Можно пріобрѣсти наклонность къ труду или бездѣйствію отъ долгаго навыка къ первому, или послѣднему: напримѣръ, отъ необходимости усиленнаго труда для обеспеченія средствъ образуется наклонность къ дѣятельной трудовой жизни. Наконецъ 3-я причина и этихъ наклонностей, т. е. источникъ, откуда онѣ проистекаютъ, не сознается субъектомъ. Онъ сознаетъ, что онъ желаетъ извѣстной цѣли, что онъ можетъ удовлетворить ей извѣстными средствами, но почему такая, а не другая наклонность дѣйствуетъ въ немъ, этого онъ не сознаетъ. Онѣ имѣютъ болѣе или менѣе глубокія и потому скрытыя отъ сознанія причины и должны состоять въ измѣненіяхъ, претерпѣ-

ваемыхъ душою отъ разныхъ внѣшнихъ причинъ, а также какъ мы увидимъ ниже, и въ разныхъ внутреннихъ влеченіяхъ, въ которыхъ сказывается ея природа.

Стремленія.

Въ наклонностяхъ мы видѣли готовность извѣстнаго рода хотѣній; воля въ нихъ склоняется лишь въ извѣстномъ направленіи и въ немъ постоянно готова обнаружить свою дѣятельность. Въ стремленіяхъ, къ которымъ мы теперь обратимся, воля сказывается болѣе опредѣлительнымъ образомъ: въ нихъ она не только наклонна къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, но и положительно направляется къ нимъ.

Мы часто говоримъ о положительныхъ стремленіяхъ ума, какъ волѣ, скрытой въ его дѣятельности и опредѣляющей его къ достиженію извѣстныхъ цѣлей. Такъ, бываютъ умы съ возвышенными идеальными цѣлями, стремящіеся къ достиженію истины; такіе умы вездѣ во всей своей дѣятельности ставятъ истину главною своею цѣлію; они анализуютъ, синтезируютъ, ищутъ новыхъ фактовъ, дѣлаютъ открытія, одушевляемые надеждою приблизиться къ истинѣ. Возвышенные умы любятъ направляться къ идеальному высшему міру, стремятся открыть связь фактическаго реальнаго міра съ высшимъ духовнымъ и т. д. Бываютъ умы съ низменными стремленіями, ограничивающіеся лишь тѣмъ, что опознаются среди окружающихъ явленій, умы, служащіе лишь текущимъ нуждамъ жизни. Иногда мы придаемъ стремленіямъ болѣе спеціальный характеръ, наприм. говоримъ о философскихъ стремленіяхъ ума, т. е. его настойчивомъ хотѣніи разсматривать факты съ точки зрѣнія смысла и значенія ихъ.

Есть стремленія и въ сердцѣ. Они очень разнообразны и въ нихъ слѣдуетъ различать первообразныя и вторичныя. О первыхъ мы будемъ говорить ниже: по указанію самого сердца мы откроемъ ихъ, какъ хотѣнія, дающія бытіе и смыслъ различнымъ чувствованіямъ. Второго рода стремленія возникаютъ на основаніи первыхъ: такъ въ людяхъ встрѣчаются стремленія къ удовольствіямъ и развлеченіямъ, честолюбивыя и т. д.

Стремленія воли, какъ таковой, могутъ быть открыты, какъ мы сказали, по указаніямъ сердца. Такъ какъ объ этомъ будетъ у насъ рѣчь ниже, то здѣсь мы ограничимся только про-

стыми указаніями на нѣкоторыя изъ нихъ: таковы стремленія къ дѣятельности, свободѣ, укрѣпленію мѣста въ Іерархіи духовъ, союзу и единенію съ другими людьми, эгоистическія, стремленія къ осуществленію долга, достиженію блага.

Въ отличіе отъ всякихъ другихъ проявленій воли, стремленія отличаются слѣдующими характеристичными чертами. Во 1-хъ, въ нихъ всегда есть конечная цѣль, которая болѣе или менѣе сознается субъектомъ. Въ стремленіяхъ вторичныхъ, производныхъ, она ясно представляется ему: наприм. честолюбивая душа ясно понимаетъ, что̀ собственно ей надобно и къ чему она стремится, равно и человѣкъ стремящійся къ удовольствіямъ, эгоистъ, философъ и т. д. Но уже менѣе ясно цѣль представляется тому, кто своимъ умомъ стремится къ истинѣ, въ идеальную область знанія, или когда воля стремится къ дѣятельности, занятію должнаго мѣста въ Іерархіи духовъ, достиженію блага. Въ этихъ случаяхъ она движется только въ извѣстномъ направленіи, и это направленіе сознается субъектомъ, но что собственно слѣдуетъ опредѣленно понимать подъ цѣлію стремленій, въ этомъ онъ не отдаетъ себѣ отчета: такъ, онъ стремится къ истинѣ, благу, къ дѣятельности, идеальному міру, но чего именно онъ хотѣлъ бы тѣмъ достигнуть, какой опредѣленный предметъ, обладаніе которымъ желалось бы ему, этого онъ не знаетъ. Затѣмъ цѣли стремленій болѣе или менѣе отдаленны и трудно достижимы, или совсѣмъ не осуществимы. Достиженіе истины, блага, идеальнаго міра, или стремленія къ искусству, дѣятельности и т. д. слишкомъ далеки, потому что болѣе или менѣе общи; они удаляются по мѣрѣ, какъ мы къ нимъ приближаемся: даже человѣкъ съ низменными стремленіями и тотъ съ каждымъ шагомъ своимъ находитъ, что все имъ находимое въ этомъ направленіи, не то собственно, чего онъ искалъ, и что цѣль отодвигается далѣе и далѣе. Поэтому осуществленіе стремленій есть дѣло не минуты, или вообще короткаго времени, но цѣлой жизни, или значительной части ея. Они придаютъ ей характеръ, опредѣленный тонъ: такъ, мы говоримъ о разныхъ возрастахъ, характеризующихся извѣстными стремленіями, о цѣлой жизни, прошедшей въ такихъ или другихъ стремленіяхъ.

2) Разбираемая нами, форма дѣятельности воли отличается особенною настойчивостію. Стремленія суть хотѣнія, постоянно возобновляющіяся и съ особенною силою опредѣляющія волю въ извѣстномъ направленіи. Отъ стремленій человѣкъ никогда до-

бровольно не отказывается; развѣ уже полная невозможность осуществить ихъ заставляетъ его скрыть ихъ и отказаться проводить ихъ. Человѣкъ, стремящійся къ истинѣ, употребляетъ на приближеніе къ ней громадный трудъ; равно честолюбецъ, эгоистъ, человѣкъ, ищущій правды и блага, прилагаютъ всѣ мѣры къ достиженію своихъ цѣлей; энергія воли ихъ борется съ препятствіями, не жалѣетъ для того ни времени, ни усилій.

3) Стремленія возникаютъ изъ первоначальныхъ хотѣній воли и опредѣляютъ собою бытіе, жизнь и дѣятельность субъекта. Они даютъ, какъ мы сказали выше, опредѣленный характеръ существованію человѣка. Его бытіе, взятое отдѣльно отъ главныхъ стремленій его, не имѣетъ собственно смысла. Почему такъ, а не иначе онъ дѣйствуетъ своимъ умомъ, обнаруживаетъ тонкость и глубину въ одномъ, а не другомъ направленіи, почему онъ съ особенною силою волнуется въ ту или другую сторону, это опредѣляется его стремленіями: эгоистъ виденъ во всемъ, какъ въ умственной работѣ, такъ и дѣятельности сердца; ученый, отдавшій всего себя на служеніе истинѣ, иначе настроивается умомъ и сердцемъ, чѣмъ аскетъ, стремящійся осуществить благо и правду на землѣ. Возникшее стремленіе можетъ сразу опредѣлить человѣка на извѣстный моментъ, или часть жизни, и въ немъ должно искать ключа къ разъясненію всей его дѣятельности за это время. Возбужденное видомъ опасности, стремленіе къ сохраненію жизни, заставляетъ умъ и сердце человѣка напрягаться только для этой одной цѣли. Опасность паденія и лишенія чести возбуждаетъ въ человѣкѣ стремленіе къ удержанію за собою мѣста въ Іерархіи духовъ и имъ исключительно возбуждается на этотъ моментъ какъ умъ такъ и сердце человѣка.

Такая важность стремленій для жизни, ихъ настойчивость и сила заставляютъ насъ искать корня и первоначальнаго источника ихъ не въ мимолетныхъ желаніяхъ, а въ тѣхъ первоначальныхъ хотѣніяхъ, которыми опредѣляются бытіе и дѣятельность каждаго индивидуума. Иному человѣку отказаться отъ главныхъ своихъ стремленій, значитъ отказаться отъ жизни, измѣнить ихъ — значитъ измѣнить всего себя и исказить смыслъ всей своей дѣятельности. Они, какъ и влеченія, таятся въ самыхъ глубокихъ сторонахъ человѣческой души; мы постараемся разъяснить этотъ пунктъ впослѣдствіи.

Страсти.

Самая дѣятельная и настойчивая форма дѣятельности воли есть страсть. Какъ самая напряженная степень усилій воли, она заключаетъ въ себѣ всѣ другія формы ея обнаруженій: мы говоримъ о страстныхъ желаніяхъ и хотѣніяхъ, о страстныхъ влеченіяхъ и стремленіяхъ; страсть къ чему либо предполагаетъ сильную и крѣпкую привычку.

Страсти дѣлятся обыкновенно на двѣ главныхъ группы: страсти тѣла и духа. Къ первой относятся тѣ, которыя направляются на удовлетвореніе какихъ либо тѣлесныхъ потребностей: таковыя страсти пьянства, обжорства, сладострастія. Гораздо разнообразнѣе духовныя страсти. Могутъ быть въ умѣ влеченія, доходящія до размѣровъ страсти: такъ, нѣкоторые субъекты имѣютъ страсть къ наукѣ, къ философіи. И въ сердцѣ мы предполагаемъ присутствіе страстей: напримѣръ, говоримъ о страстно влюбленныхъ, что они имѣютъ страсть другъ къ другу; инымъ приписываемъ страсть къ искусству вообще и даже въ частности: къ театру, живописи, музыкѣ. Страсти могутъ корениться прямо въ волѣ: такъ, мы говоримъ о страстяхъ эгоистическихъ: честолюбія, скупости, или страсти благотворенія.

Перебирая указанныя страстныя формы воли, мы находимъ, что онѣ первоначальною своею основою имѣютъ какую либо нормальную потребность тѣла или духа. Страсть обжорства основывается на естественной потребности организма въ пищѣ, страсть пьянства — во временномъ оживленіи физіологическихъ дѣятельностей; страсти къ наукѣ, искусству, къ философіи — на потребности приближенія къ истинѣ, красотѣ, знанія смысла и значенія сущаго. Страсть честолюбія коренится въ естественной потребности держать свое имя честно и грозно; скупость — въ потребности обеспечить себѣ средства жизни подъ старость; даже страсть благотворенія, когда она есть дѣйствительно, опирается на сознаніе потребности дѣлать другимъ добро.

Но страсти тѣмъ именно и характеризуются, что первоначальная потребность, совершенно естественная, становится не естественно сильною и потому не нормальною. Страстный пьяница, любитель опіума, гастрономъ чувствуютъ потребность, одинъ въ винѣ, другой въ опіумѣ, третій въ услажденіи вкуса, какъ огромную нужду, которую избыть другимъ способомъ

они не въ состояніи. Страстное стремленіе къ наукѣ, честолюбіе, скупость, благотвореніе предполагаютъ тоже потребности, возросшія до степени неотвратимой нужды, которая инымъ способомъ не удовлетворима. Ненормальныя и неестественно развитыя потребности тѣла и духа порождаютъ страстную жажду удовлетворенія и къ утоленію ея направляются всѣ силы духа и тѣла. Страсти являются, какъ неотразимыя и неуклонныя влеченія воли къ извѣстному объекту.

Чтобы разъяснить натуру страстей, мы должны обратить вниманіе и на то, что въ нихъ обыкновенно принимаетъ сильное участіе чувство. Ни что не вызываетъ такого удовольствія, радости, въ страстномъ человѣкѣ, какъ удовлетвореніе страсти, достиженіе объекта, къ которому онъ чувствуетъ страстное влеченіе. Для пьяницы вино есть нѣчто самое дорогое, и на него онъ ничего не промѣняетъ; для скупого деньги представляются истиннымъ сокровищемъ, дороже всего на свѣтѣ; для честолюбца таковою кажется почесть, къ которой онъ стремится, для истинно ученаго наука, для милостивца — помощь и облегченіе страждущимъ.

Такимъ образомъ во всякой страсти находимъ два элемента: 1) влеченіе, опирающееся на сознаніе безысходной нужды, потребности и 2) идеализацію извѣстнаго объекта, или даже состоянія, конечной цѣли страсти. Но мы знаемъ уже, какое чувство состоитъ изъ этихъ элементовъ. Это есть любовь. Она предполагаетъ влеченіе къ извѣстному объекту и соединяется съ идеализаціей его: любящій стремится сблизиться съ любимымъ предметомъ, соединиться съ нимъ и безъ него ему жизнь кажется невозможною. Съ другой стороны, любящій представляетъ себѣ любимый предметъ дорогимъ, неоцѣненнымъ, идеализуетъ его.

Дѣйствительно, въ состояніи страсти человѣкъ относится къ предмету ея, какъ влюбленный. Страстно преданный наукѣ чувствуетъ неодолимую потребность въ ней и представляетъ ее себѣ, какъ нѣчто высокое, дорогое, ставитъ ее выше всего на свѣтѣ. Страстный честолюбецъ чувствуетъ жажду почестей и идеализуетъ свои будущія положенія, удовлетворяющія его тщеславнымъ потребностямъ. Скупецъ ведетъ себя, какъ влюбленный въ деньги, въ собранныя имъ сокровища: онъ бережетъ ихъ и лелѣетъ не по абстрактному соображенію, что они суть средства для жизни, обеспечиваютъ ему спокойное продолженіе ея, но онъ видитъ въ нихъ нѣчто дорогое, неприкосновенное, онъ отдается имъ всѣмъ

своимъ сердцемъ и привязывается къ нимъ. Такъ страстный гастрономъ смотритъ на лакомыя яства и питья и также относится къ вину алкоголистъ, къ наркотическимъ средствамъ любитель опіума. Не даромъ говорятъ, что пьяница влюбленъ въ вино: это мудрое замѣчаніе. Въ тотъ моментъ, когда онъ чувствуетъ въ немъ потребность, онъ относится къ нему съ любовью, т. е. не просто признаетъ его для себя нужнымъ, на подобіе того, какъ голодный или жаждущій хотѣлъ бы имѣть подъ руками пищу и питье, но болѣе, чѣмъ нужнымъ: вино ему кажется водою жизни, безъ которой ему невозможно жить.

Можетъ казаться страннымъ, что столь высокое психическое состояніе, какъ любовь, мы предполагаемъ въ основаніи всякой страсти; особенно, странно ее видѣть наприм. въ физической страсти, каково пьянство: скажутъ, тутъ дѣйствуетъ простая физіологическая потребность: отравленный алькоголемъ, организмъ требуетъ его для себя во что бы то ни стало. Но одинъ фактъ, что пьянство основывается на тѣлесной потребности столь же мало говоритъ противъ возможности развитія, на основаніи ея, любви, какъ и противъ высокаго значенія половой любви ничего не говоритъ фактъ, что она примыкаетъ тоже къ физіологической потребности одного пола въ другомъ. И какъ въ послѣднемъ случаѣ, на основаніи тѣлесной потребности развиваются идеализація и сильное влеченіе, такъ и въ алкоголизмѣ человѣкъ неудержимо влечется и идеализуетъ предметъ своего влеченія. То обстоятельство, что вино не есть живое существо, есть предметъ матеріальный, ничего не говоритъ противъ нашего положенія: деньги такой же матеріальный предметъ, какъ и вино, однако, скупецъ привязывается къ нимъ своимъ сердцемъ, влюбляется въ нихъ. Равно не говоритъ противъ насъ и тотъ фактъ, что алькоголистъ часто относится съ сожалѣніемъ къ своей страсти и даже ненавидитъ по временамъ предметъ ея. Это же явленіе встрѣчается и въ настоящей страстной любви между живыми существами. Всякая страсть допускаетъ свѣтлые промежутки и въ нихъ субъектъ способенъ критически относиться къ объекту своей страсти. Мы уже говорили въ свое время, что любящій идеализуетъ любимое существо часто не по достоинству: объектъ любви бываетъ иногда положительно дуренъ, но тѣмъ не менѣе любящему представляется прекраснымъ. Сплошь и рядомъ бываетъ, что въ свѣтлые промежутки страсти съ глазъ любящаго спадаетъ завѣса, закрывающая отъ него дѣйствитель-

ность, и онъ отдаетъ себѣ отчетъ, какъ недостоинъ и худъ предметъ его страсти; но это не мѣшаетъ ему снова влечься къ нему и любить его. Такъ и алькоголистъ въ иные моменты можетъ презирать, ненавидѣть предметъ своей привязанности, смотрѣть на нее какъ на слабость, глубоко сожалѣть о ней и тѣмъ не менѣе чувствовать невозможность отстать отъ вина, снова влечься къ нему и любить его всѣми своими силами.

Предположеніе, что въ основаніи страстей лежитъ состояніе любви, проливаетъ свѣтъ на многія стороны ихъ и на нѣкоторыя явленія, съ ними связанныя. Во 1-хъ, становится понятнымъ, почему всякое стремленіе и влеченіе, которыя, по своему предмету, допускаютъ присоединеніе къ себѣ любви, можетъ превращаться въ страсть. Такимъ образомъ влеченія къ изученію растеній, животныхъ, ко благу, могутъ становиться страстными, когда субъектъ начинаетъ идеализовать предметы своихъ влеченій; равно, стремленія къ истинѣ и правдѣ, къ религіи, искусству, наукѣ, философіи могутъ превратиться въ страсти, если субъектъ начнетъ любить и обожать предметъ своихъ стремленій.

Во 2-хъ, фактъ, что въ основаніи страстей находится любовь, объясняетъ намъ, почему она ненасытна: по мѣрѣ, какъ она удовлетворяется, она растетъ, ширится. Это замѣчаніе въ одинаковой степени прилагается какъ къ духовнымъ, такъ и къ тѣлеснымъ страстямъ. Страстный честолюбецъ, отъ одной почести восходя къ другимъ, желаетъ все большихъ и большихъ и нѣтъ предѣловъ его страсти. Погружаясь въ науку, страстно преданный ей человѣкъ отрекается отъ самаго себя и чѣмъ глубже уходитъ въ нее, тѣмъ болѣе и болѣе отождествляетъ съ нею свое существованіе. Скупецъ, собирая сокровища, желаетъ большаго и большаго ихъ увеличенія, равно какъ и алькоголистъ, удовлетворяя своей страсти, только укрѣпляетъ ея власть надъ собою. Это явленіе объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ страсти есть любовь. Когда два лица связаны отношеніями любви, они стремятся слить свои существа воедино и такъ какъ это физически невозможно, то, при самой крѣпкой и счастливой любви, остается нѣкоторое чувство неудовлетворенности: съ тѣмъ большею настойчивостію существа стремятся ко взаимному единенію. Чувство неудовлетворенія бываетъ сильнѣе, когда субъектъ стремится къ единенію съ такимъ другимъ лицомъ, которое этого единенія не желаетъ, или остается холодно: влеченіе, какъ извѣстно изъ опыта, становится тогда

пылкимъ, порывистымъ. Но въ страстяхъ любовь направляется на предметъ неживой, или абстрактный, наприм. какъ наука, почесть, или матеріальный, какъ въ страстяхъ тѣлесныхъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь тотъ случай любви, когда одно изъ существъ всѣми силами стремится къ другому, а послѣднее остается безучастнымъ, холоднымъ къ первому. Уже по этому одному любовь, основаніе страсти, должна крѣпнуть, принимать все болѣе горячій характеръ. Но природа объектовъ нѣкоторыхъ страстей ставитъ субъекты ихъ въ еще особое положеніе. При отношеніяхъ любви между существами, каждое изъ нихъ имѣетъ предъ собою цѣльный предметъ, который любящій субъектъ усиливается всецѣло обнять. При страсти любовь направляется на цѣлый предметъ, но по необходимости встрѣчается только съ частями, отрывками его. Человѣкъ стремится слить свое существованіе съ наукою, но реально онъ имѣетъ предъ собою лишь отрывки ея; страшно жаждущій власти, вліянія и почестей, реально добивается только нѣкоторой доли ихъ. Скупецъ любитъ деньги, сокровища, но реально обладаетъ только небольшою частію ихъ. Поэтому страсть не можетъ имѣть даже того удовлетворенія, какое, хотя несовершенное, дается при отношеніяхъ любви между двумя существами. При ней человѣкъ, желая обнять общее цѣлое, въ дѣйствительности переходитъ отъ одной части къ другой, отъ одного отрывка къ другому, — и нетерпѣніе растетъ, потребность становится сильнѣй, а съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжно должна крѣпнуть и самая страсть.

Въ 3-хъ, страсть болѣе или менѣе исключительна. И это характерное свойство вытекаетъ изъ природы ея, по которой она тѣсно примыкаетъ къ любви. Существа, взаимно любящія, ревниво слѣдятъ другъ за другомъ: ихъ горячая, взаимная любовь не допускаетъ возможности подобныхъ отношеній къ другимъ существамъ. Жена можетъ любить дѣтей, родителей, поддерживать дружбу, но любить половою любовью можетъ только своего мужа: всякая другая привязанность этого рода есть измѣна послѣднему, есть ея паденіе. Тоже самое замѣчается и въ страсти. Человѣкъ страстно преданный наукѣ считаетъ грѣхомъ противъ нея имѣть какую либо другую привязанность. Кто страстно гонится за почестями, властію и вліяніемъ, не можетъ одинаково отдаваться какой либо другой страсти. Алькоголизмъ исключаетъ всякую другую страсть, какъ и скупость не совмѣстима почти ни съ какою другою страстію. Стремленіе, подъ

импульсомъ любви, направляетъ всѣ силы души къ одному объекту и для нея становится невозможнымъ столь же сильно сосредоточиваться на чемъ либо другомъ. Развившаяся, хотя и не нормальная, любовь къ извѣстному предмету заставляетъ человѣка влагать въ извѣстную цѣль всю свою душу и для другой подобной привязанности не остается въ ней мѣста. Предметъ ея ставится выше всего и субъектъ жертвуетъ для него всѣмъ остальнымъ: онъ жертвуетъ своимъ положеніемъ въ обществѣ, богатствомъ, семьею, своимъ собственнымъ здоровьемъ; страсть къ наукѣ иногда сводитъ человѣка въ могилу и онъ самъ знаетъ, куда она ведетъ его, но тѣмъ не менѣе чувствуетъ невозможность для себя поступить иначе. Честолюбецъ для осуществленія своихъ цѣлей приноситъ въ жертву друзей своихъ, общественное благо, здоровье; и тоже самое дѣлаютъ весьма часто скупцы и алькоголисты. Отъ этого происходитъ, что страстные люди кажутся наблюдателю сильными эгоистами. Они всѣ дѣлаютъ только для себя, для удовлетворенія своей страсти; для достиженія цѣли, установленной страстію ихъ, они не отступаютъ ни предъ какими средствами. Такъ какъ страсть принадлежитъ извѣстному лицу, и основывается на его потребностяхъ, то, конечно, страстный субъектъ есть въ этомъ смыслѣ эгоистъ. Но какъ любовь даетъ часто болѣе страданій субъекту, чѣмъ удовольствія, такъ и страсть служитъ для него источникомъ несравненно большихъ страданій, чѣмъ удовольствія. Если называть эгоистомъ того, кто думаетъ только о себѣ, о своемъ удовольствіи и своей выгодѣ, то страстнаго субъекта нельзя назвать эгоистомъ въ этомъ смыслѣ: онъ самъ страдаетъ отъ своей страсти; чувствуя свою погибель отъ нея, не можетъ, однако, отъ нея отказаться.

4) Вникая въ природу страстей, основу и смыслъ ихъ, мы видимъ, что, при всемъ безобразіи, котораго онѣ служатъ иногда причиною, въ нихъ сказывается, въ сущности, стремленіе человѣка къ лучшему, къ переходу въ болѣе совершенное состояніе, чѣмъ въ какомъ онъ былъ до того. Относительно, такъ называемыхъ, благородныхъ страстей это разумѣется само собою. Чего ищетъ человѣкъ въ наукѣ, которой страстно преданъ, какъ не счастія чувствовать себя болѣе лучшимъ и совершеннымъ подъ сѣнію ея? какой смыслъ страсти благотворенія, какъ не духовное возвышеніе самаго себя чрезъ постоянное подниманіе другихъ? Страстный честолюбецъ имѣетъ въ виду расширеніе собственной

свободы, увеличеніе своего значенія, слѣдовательно, подъемъ и увеличеніе въ глазахъ прочихъ духовъ своей цѣнности. И скупецъ, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, собирая сокровища, хочетъ увеличить свою цѣнность, сочетавая свое существованіе съ ними. Даже алкоголистъ въ своемъ одуряющемъ средствѣ ищетъ возможности подвысить свое существованіе, увеличивъ чрезъ него живость, эластичность своихъ духовныхъ силъ, или потопить въ немъ горе свое т. е. освободиться отъ тягости реальнаго существованія. Эти стремленія родственны тѣмъ же влеченіямъ, которыя сопутствуютъ любви, и такъ какъ послѣдняя основывается на влеченіи къ красотѣ, то можно сказать въ извѣстномъ смыслѣ, что страсть въ своей идеѣ и первоначальномъ смыслѣ хочетъ красоты и къ ней, въ сущности, влечется. Нельзя возражать, что страсти вводятъ въ жизнь много безобразія и въ крайнемъ своемъ развитіи нѣкоторыя изъ нихъ сами составляютъ безобразіе, зло, съ которымъ слѣдуетъ неустанно бороться. Но какъ часто бываетъ въ жизни, что человѣкъ, служа мамонѣ, думаетъ служить тѣмъ Богу, такъ и страстный человѣкъ, думая и желая найти бо̀льшую для себя красоту и бо̀льшее совершенство, создаетъ для себя новое зло и самъ закрѣпляетъ его власть надъ самимъ собою, создавая въ себѣ потребность въ немъ. Дурные результаты могутъ развиться изъ самыхъ хорошихъ намѣреній и послѣднія будутъ всё таки хороши: такъ и зло, порождаемое страстями, ничего не говоритъ противъ хорошаго первоначальнаго ихъ смысла.

Чрезвычайная власть страстей надъ волею объясняется между прочимъ и тѣмъ, что съ ихъ стремительностію обыкновенно соединяется и сила привычки. Мы видѣли выше, что неоднократное хотѣніе извѣстной цѣли порождаетъ привычку стремиться къ ней, равно, неоднократное достиженіе ея извѣстными средствами образуетъ привычку къ послѣднимъ. Дѣятельность подъ вліяніемъ страсти чрезвычайно благопріятна для образованія крѣпкой и сильной привычки. При ней субъектъ, подъ вліяніемъ непрестанно возобновляющейся потребности, постоянно стремится къ одному и тому же объекту и слѣдовательно, долженъ со временемъ пріобрѣсти сильную привычку мотивироваться именно имъ. Съ другой стороны, цѣли страстей достигаются обыкновенными, находящимися подъ руками субъекта, средствами и онъ привыкаетъ, при всякомъ страстномъ возбужденіи, хотѣть именно ихъ. Такимъ способомъ складываются крѣпкія привычки

къ опредѣленнымъ цѣлямъ и средствамъ ихъ достиженія и соединяясь со страстями, привычки могущественно опредѣляютъ волю. Этимъ объясняются два важныхъ факта въ жизни страстныхъ людей: во 1-хъ, почему такъ трудно, почти невозможно бороться съ укоренившеюся страстію. Кромѣ могущества ея, какъ чрезвычайно сильнаго стремленія къ извѣстной цѣли, субъектъ, въ борьбѣ со страстію, долженъ побороть еще укоренившуюся привычку къ извѣстнымъ цѣлямъ и часто средствамъ, а всякій знаетъ, какъ трудно отставать отъ привычекъ, ставшихъ второю природою. Во 2-хъ, сочетаніемъ силы страсти и привычки во едино, объясняется отчасти и тотъ фактъ, что воля, способная къ столь могучему напряженію, какого требуетъ страсть вообще, оказывается рабскою и слабою въ выборѣ цѣлей и средствъ. Какъ человѣкъ привыкъ достигать цѣлей и какихъ цѣлей, такъ и такихъ онъ рабски держится почти во весь періодъ господства страсти. Съ другой стороны, способный оказать сильное противодѣйствіе всякому препятствію къ удовлетворенію страсти, противостать всякому сильному искушенію, не лежащему, однако, въ сторонѣ страсти, субъектъ оказывается постыдно безсиленъ противостать импульсу послѣдней даже тогда, когда онъ знаетъ всю неумѣстность удовлетворенія ей въ извѣстномъ случаѣ, весь вредъ его, и хорошо знаетъ, что за нимъ послѣдуетъ болѣе или менѣе горькое раскаяніе. Воля такимъ образомъ оказывается слабою предъ искушеніями страсти и рабски послушною ея внушеніямъ. Это явленіе должно отнести на долю привычки: сильная привычка содѣйствуетъ страсти господствовать надъ волею и внушеніе ихъ ничѣмъ другимъ побѣждено быть не можетъ, хотя субъектъ и сознавалъ бы необходимость бороться съ нимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношенія воли къ теоретической дѣятельности: ощущеніямъ, памяти, рефлексіи.

Мы нашли факты, въ которыхъ сказываются modi дѣйствованія воли: ихъ взаимоотношеніе, возникновеніе, значеніе въ жизни человѣка можетъ намъ разъясниться лишь въ послѣдствіи. Механика дѣйствованія воли раскроется намъ болѣе лишь тогда,

когда мы еще далѣе углубимъ свой анализъ ея. Для этого мы должны, какъ намъ кажется, предварительно разсмотрѣть важный вопросъ объ отношеніи воли къ теоретической дѣятельности и сердцу. Безпристрастно разобравъ его, мы прольемъ свѣтъ на многія темныя еще стороны воли и тогда снова возмемся за прерванную нить анализа и поведемъ его далѣе. Когда это будетъ нами сдѣлано, мы въ состояніи будемъ съ большею надеждою на успѣхъ приняться за столь трудный вопросъ, какова проблемма о свободѣ человѣческой воли.

Изъ фактовъ теоретической дѣятельности мы остановимся на значеніи воли для трехъ видовъ ея: ощущеній, памяти и рефлексіи.

Что касается прежде всего *ощущеній*, то самый процессъ ихъ не подчиненъ волѣ: когда впечатлѣніе дѣйствуетъ на нервную систему, то отъ произвола субъекта не зависитъ, получать или не получать ощущенія: въ силу закона природы, на нервное возбужденіе онъ долженъ отвѣчать ощущеніемъ, хочетъ онъ того, или не хочетъ, это все равно. Но воля можетъ полагать препятствія къ тому, чтобы впечатлѣнія доходили до внѣшнихъ чувствъ: субъектъ закрываетъ глаза, когда не хочетъ видѣть чего либо, уходитъ дальше отъ звучащаго тѣла, чтобъ не слышать тона, отводитъ руки отъ предмета, къ которому не желаетъ прикасаться и т. д. Участіе воли въ дѣятельности ощущеній можетъ быть и болѣе прямое. Когда мы желаемъ что либо разсмотрѣть, мы смотримъ на то внимательно и пока желаніе въ насъ есть, вниманіе неослабно продолжается: внимательно мы слушаемъ, обоняемъ, осязаемъ, вкушаемъ тѣ вещи, съ которыми хотимъ поближе ознакомиться. Вниманіе при ощущеніяхъ есть собственно волевой элементъ въ нихъ. Что же онъ прибавляетъ къ ощущенію? Онъ дѣлаетъ ихъ болѣе сознательными, т. е. отчетливыми и ясными: что осталось бы незамѣченнымъ или казалось бы едва замѣтнымъ, то, подъ вліяніемъ воли, или вниманія, наблюдается болѣе или менѣе отчетливо: при намѣренно-внимательномъ слушаніи, мы разслушиваемъ слова, которыя, при небрежномъ —, пропустили бы мимо ушей, при внимательномъ осязаніи мы дѣлаемъ различенія въ качествахъ тѣлъ болѣе тонкія. Воля дѣлаетъ внѣшнія чувства болѣе чувствительными къ впечатлѣніямъ: понижается minimum впечатлѣній, при которомъ она получаетъ ощущенія. Она не нарушаетъ закона, опредѣляющаго зависимость его отъ впечатлѣнія, но дѣлаетъ тоже самое,

что бываетъ и съ волненіями: при подъемѣ чувствительности сердца, его движенія становятся сильнѣе, энергичнѣе. Оставляя законъ зависимости ощущенія отъ впечатлѣнія нетронутымъ, воля придаетъ силу первому и при усиленной энергіи становятся замѣтны для сознанія такія ощущенія, которыя, при обычныхъ условіяхъ, для него не существовали бы. Воля такимъ образомъ придаетъ энергію ощущеніямъ, слабыя изъ нихъ по степени становятся сильными по напряженію.

Слѣдовательно, контроль воли надъ ощущеніями чрезвычайно силенъ: они, можно сказать, находятся въ распоряженіи ея. Она закрываетъ и открываетъ доступъ впечатлѣній къ внѣшнимъ чувствамъ, косвенно начинаетъ или прекращаетъ ихъ бытіе и сверхъ того, прямо вліяетъ на ихъ силу.

Вліяніе воли на *память* и воспоминаніе еще рѣшительнѣй, чѣмъ на ощущеніе. Она прямо даетъ представленію бытіе и мгновенно уничтожаетъ его. Извѣстно, какъ мы переходимъ отъ одного образа къ другому, перенося вниманіе съ одного представленія на другое: въ моментъ, когда мы останавливаемся на извѣстномъ представленіи, мы забываемъ о всякомъ другомъ, и это же самое представленіе мгновенно исчезаетъ, лишь только вниманіе переходитъ къ другому. Только вліяніемъ воли возможно объяснить себѣ, почему одно представленіе беретъ перевѣсъ предъ другимъ, и именно то странное, повидимому, обстоятельство, что новонарождающееся состояніе души, слѣдовательно, относительно слабое, побѣждаетъ уже развитое, во всякомъ случаѣ, сравнительно болѣе сильное состояніе. Воля вызываетъ представленіе къ бытію и она же лишаетъ его энергіи.

Далѣе, воля вызываетъ воспоминаніе о тѣхъ предметахъ, которые почему либо интересуютъ ее. Она собственно пускаетъ механизмъ ассоціаціи въ дѣло. Мы въ состояніи произвольно припоминать о чемъ намъ угодно: мы вызываемъ изъ памяти намѣренно все знаніе, какое хранится въ ней, наприм. при обдумываніи темы, задачи, при отвѣтѣ на заданные вопросы и т. д. Воля начинаетъ воспоминаніе рядовъ и группъ представленій. Мало того, она предопредѣляетъ часто результатъ, къ которому мы должны придти въ воспоминаніи. Мы, такъ сказать, роемся въ своей головѣ, избираемъ различныя ассоціаціи, но отнюдь не безъ цѣли: разными путями, мы въ своихъ воспоминаніяхъ достигаемъ извѣстнаго пункта, результата, а всякая цѣль ставляется и осуществляется одною только волею.

На волевой элементъ въ памяти психологи не обращаютъ вниманія, а между тѣмъ, только участіемъ его въ дѣлѣ воспоминанія можно объяснить многія стороны этой дѣятельности. Ассоціація по смежности есть механизмъ, въ которомъ движущая сила собственно есть воля. По ея рѣшенію, этотъ механизмъ дѣйствуетъ или бездѣйствуетъ, начинаетъ и прекращаетъ работу и если въ силу его за однимъ представленіемъ является другое, то лишь потому, что воля того желаетъ: въ нормально здоровой душѣ этотъ механизмъ никогда не выходитъ изъ подъ контроля воли: его дѣйствію дается просторъ только тогда, когда того желаетъ воля, наприм. когда субъектъ пассивно отдается теченію воспоминаній. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда смежность начинаетъ дѣйствовать противъ воли и намѣренія субъекта, мы должны предполагать или неестественное возбужденіе нервной системы, или разстройство духа, въ которомъ ослабѣлъ волевой элементъ и утратилъ господство и контроль надъ прочими функціями.

Полагаю, что значеніе воли въ памяти простирается еще далѣе, чѣмъ мы сказали. Говорятъ, что вниманіе и интересъ къ усвоиваемому значительно помогаетъ прочному и крѣпкому его запоминанію; но вѣдь вниманіе есть волевой элементъ въ теоретической дѣятельности духа и что мы называемъ интересомъ содержанія есть собственно чувство новости, возбуждающее желаніе знать его, ознакомиться съ нимъ. Слѣдовательно, воля имѣетъ прямое вліяніе на то, почему одно содержаніе запоминается легко и твердо, другое совсѣмъ не запоминается. Но, быть можетъ, слѣдуетъ сказать болѣе. Почему одно легко забывается, другое долго и даже навсегда помнится? Почему неинтересное, невнимательно прочитанное и прослушанное забывается, а интересное и со вниманіемъ усвоенное не забывается? Очевидно, на все это имѣетъ вліяніе воля: чего сохраненіе въ памяти желается ею, то и сохраняется, и напротивъ, чѣмъ она пренебрегаетъ, того память не хранитъ. Можно предполагать, что воля вліяетъ на память еще глубже. Влеченіями и стремленіями первой объясняется, почему у каждаго лица свой запасъ знаній и воспоминаній, почему у каждаго память хранитъ то, чѣмъ по преимуществу дорожитъ воля. Этотъ пунктъ, впрочемъ, разъяснится намъ впослѣдствіи.

Рефлексія признается сознательною и произвольною дѣятельностію. Въ ней волевой элементъ весьма значителенъ и можно сказать, безъ воли она не дѣлаетъ ни одного шага.

Починъ въ дѣлѣ мышленія всецѣло принадлежитъ волѣ: она начинаетъ процессъ и она же останавливаетъ ходъ его. Я размышляю объ извѣстномъ предметѣ потому, что я хочу того; иначе я не сталъ бы о немъ думать. Не хочу я мыслить о чемъ нибудь: я мгновенно останавливаю весь процессъ: помимо воли никакая дѣятельность рефлексіи не можетъ имѣть мѣста въ душѣ.

Волѣ принадлежитъ не одинъ только починъ въ мышленіи: она во многихъ случаяхъ предопредѣляетъ результаты, до которыхъ оно доходитъ. Мы привыкли говорить о безпристрастныхъ логическихъ выводахъ, представляемъ себѣ рефлексію, какъ чисто абстрактное сравниваніе и сопоставленіе элементовъ мысли; таковымъ оно должно быть по своей идеѣ; но въ дѣйствительности дѣло происходитъ совсѣмъ иначе: de facto въ рѣдкихъ случаяхъ люди спокойно ждутъ, какой получится выводъ изъ ихъ посылокъ. Обыкновенно выводъ заранѣе предопредѣленъ, субъектъ желаетъ такого, а не другого заключенія, и употребляетъ всѣ логическія усилія, чтобы придти именно къ нему. Не потому люди приходятъ къ извѣстнымъ заключеніямъ, что ихъ принуждаютъ къ тому посылки, отъ которыхъ они отправились, а потому избираютъ посылки такого, а не другого характера, что имъ нужно дойти до излюбленныхъ заключеній. Почему одинъ дѣлаетъ выводы консервативнаго характера, а другой либеральнаго? потому что они именно ихъ желаютъ: такихъ заключеній требуютъ ихъ стремленія и влеченія. И такъ какъ одному хотѣлось бы такого общественнаго строя, при которомъ, ему кажется, жилось бы всего лучше, а другому удовлетворяющимъ этому условію строй представляется иной, и онъ желаетъ именно его, то они и отправляются отъ различныхъ посылокъ и приходятъ къ желаемымъ заключеніямъ. Такъ какъ иногда люди находятъ неудобнымъ или конфузнымъ для себя отправляться отъ посылокъ, имѣющихъ въ обществѣ дурную славу, то дѣлаются натяжки, допускаются сознательно или безсознательно скачки и всякія неправильности мысли, чтобы извѣстнымъ путемъ дойти до извѣстнаго вывода.

Воля имѣетъ вліяніе на логическое сравниваніе и сопоставленіе, анализъ и на ихъ результаты. Повинуясь своимъ желаніямъ и хотѣніямъ, люди, разбирая предметы, нарочно обращаютъ вниманіе на однѣ стороны ихъ и проходятъ мимо другихъ. Удовлетворяя своимъ потребностямъ въ пассимизмѣ, че-

ловѣкъ выбираетъ въ дѣйствительности соотвѣтственныя черты и нарочно закрываетъ глаза на все, что противорѣчитъ этому взгляду; также поступаетъ и оптимистъ. Врагъ, желающій мрачнаго представленія о своемъ непріятелѣ, совокупляетъ въ цѣлое лишь дурныя черты его и намѣренно отвлекается отъ хорошихъ, а другъ, который желалъ бы имѣть свѣтлый образъ своего пріятеля, необращаетъ вниманія на темныя стороны его и выбираетъ только чистыя. Такъ, по желанію, люди выбираютъ въ предметахъ только удивительное, страшное, прекрасное, дурное и т. д. Они сопоставляютъ такіе предметы, которые дѣйствительно оправдываютъ взгляды ихъ, и совсѣмъ иныя являются у нихъ сопоставленія, когда имъ нужно подтвердить другіе взгляды на вещи. Можно сказать, что воля вообще устанавливаетъ точку зрѣнія на предметы, избираетъ стороны, съ которыхъ они разсматриваются, и отношенія, въ которыхъ они сравниваются.

Какое участіе воля имѣетъ при оцѣнкѣ значенія мысли? Почему люди придаютъ значеніе однимъ фактамъ, ставятъ ихъ въ основу изслѣдованія и минуютъ безъ вниманія другіе? Почему въ одномъ случаѣ придается извѣстному принципу большее значеніе, въ другомъ меньшее? Потому, что одни факты и положенія служатъ прямо для излюбленной субъектомъ цѣли, а другіе мало годны, или говорятъ противъ его цѣли. Авторы намѣренно придаютъ огромное значеніе ничтожному событію, пошлому и истертому обобщенію значеніе великой истины, и напротивъ, проходятъ безъ вниманія, или даже съ презрѣніемъ, открытіе, новыя оригинальныя мысли, когда онѣ авторамъ не нужны, или онѣ чѣмъ либо противорѣчатъ обобщенію, желаемому ими.

Поучительно съ этой стороны наблюдать человѣческое мышленіе въ наукѣ и жизни. Можно придти къ выводу, что люди думаютъ только о томъ, чего собственно хотятъ, и все представляютъ себѣ такъ, какъ того желаютъ: ихъ мысль движется всегда въ излюбленномъ направленіи и проходитъ при этомъ чрезъ тѣ пункты и звѣнья, чрезъ которыя имъ нужно идти, чтобы придти къ извѣстнымъ взглядамъ и выводамъ. У однихъ это выражается очень грубо и явно для всякаго наблюдателя, у другихъ болѣе или менѣе скрытно. Но вообще всякій умъ имѣетъ, какъ мы видѣли выше, свои стремленія и влеченія, его дѣятельность въ подробностяхъ управляется ими; въ концѣ концовъ всякое понятіе, всякій выводъ и сужденіе, непосред-

ственно или отдаленно стоятъ въ связи съ указанными стремленіями и влеченіями.

Участіемъ воли въ дѣйствіяхъ ума возможно объяснить, почему мысль можетъ имѣть нравственный или безнравственный характеръ и почему за нее субъектъ нравственно отвѣтственнъ, какъ и за каждый сознательный актъ своей воли. Общій психологическій принципъ утверждаетъ, что ощущенія и представленія, напоминая намъ извѣстные предметы, сами не воспроизводятъ свойствъ и качествъ послѣднихъ. Ощущеніе зеленаго не зелено само по себѣ,—соленаго не солоно и также представленіе извѣстнаго цвѣта не окрашено имъ, представленіе звука ни мало не звучитъ, представленіе боли не больно и т. д. Мысль можетъ простираться на высокое и постыдное, честное и безчестное, нравственное и безнравственное, и въ тоже время не имѣть ни одного изъ этихъ качествъ. Сама по себѣ она можетъ быть или вѣрною или не вѣрною, противорѣчивою или не противорѣчивою фактамъ; нравственныя качества въ ней, повидимому, есть нѣчто инородное и потому ихъ приписывать ей ни когда не слѣдовало бы. И однако, de facto инстинктъ людей оцѣниваетъ ихъ съ нравственной точки зрѣнія; мы говоримъ про высокіе помыслы и низкіе, честныя и безчестныя, постыдныя и нравственныя мысли. Неужели инстинктъ людей ошибается въ этомъ случаѣ?

Если не признать волевого элемента мысли, то прійдется признать сужденія о ней съ нравственной точки зрѣнія неумѣстными. Только признаніе участія въ ней воли можетъ вести насъ къ правильному разумѣнію дѣла. Касаясь высокаго и великаго, мысль сама по себѣ не высока и не велика, но когда субъектъ, мысля ее, нравственно единится съ объектомъ ея и вмѣстѣ съ тѣмъ стремится къ нему, то онъ совершаетъ высокій моральный актъ, отъ присоединенія котораго къ умственному дѣйствію послѣднее пріобрѣтаетъ моральный характеръ. Представляя постыдное, нравственно низкое, находя въ немъ нѣкоторую для себя усладу и соглашаясь съ нимъ, субъектъ, дѣйствительно, имѣетъ постыдную и низкую мысль; равно, говоря ложь сознательно, онъ мыслитъ безчестно. Поэтому человѣкъ можетъ разсуждать о преступленіяхъ, представлять низкія дѣйствія, говорить о вещахъ, которыя обыкновенно оскорбляютъ слухъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться нравственнымъ субъектомъ и самыя мысли подобнаго рода могутъ быть нравственно одобрительными, когда онъ не присое-

диняется къ нимъ своею волею и отрицаетъ ихъ. Разсматривающій съ усладою соблазнительныя картины нравственно осуждается, а изучающій деликатныя части анатоміи одобряется, хотя оба они имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же предметомъ, конечно, потому что волевое стремленіе у обоихъ нравственно противоположно.

Но стремленія, желанія и хотѣнія, подлежа контролю воли, могутъ быть намѣренно ею развиваемы. Такъ какъ они постоянно сопутствуютъ мышленію, опредѣляя направленіе, цѣли его, то понятно, что мы въ значительной долѣ отвѣтственны за свои мысли. Онѣ, дѣйствительно, могутъ быть благонамѣренными и не благонамѣренными, честными и безчестными, нравственными и безнравственными. Въ нихъ можетъ гнѣздиться дурная, злая воля и потому, при опредѣленіи отвѣтственности, должно оцѣниваться прежде всего намѣреніе, цѣль оратора или писателя.

Чтобы ясно представить себѣ отношенія воли къ познавательной теоретической дѣятельности, мы опредѣлимъ точнѣе, что собственно въ ней зависитъ отъ воли и что отъ нея независимо.

Въ ощущеніяхъ качественная сторона не зависитъ отъ нашего произвола, но ему подчиняется доступъ впечатлѣнія къ органамъ и до нѣкоторой степени сила, энергія ощущеній.

Въ ассоціаціи смежности отъ воли не зависитъ самое сочетаніе представленій, но ею можетъ опредѣляться выборъ ихъ для запоминанія, начало процесса воспоминанія, окончаніе его; ею можетъ опредѣляться цѣль, къ которой воспоминаніе стремится.

Въ логической дѣятельности воля не имѣетъ вліянія на логическую сочетаваемость мыслей, которая опредѣляется правилами Логики: не отъ воли зависитъ сдѣлать непротиворѣчащее противорѣчащимъ и на оборотъ, или связать мысли, какъ основаніе и слѣдствіе, когда онѣ, по содержанію своему, такого отношенія не допускаютъ. Но отъ воли зависитъ: намѣчиваніе результатовъ и выводовъ, какъ конечныхъ цѣлей мыслительнаго процесса, выборъ точекъ зрѣнія, сторонъ въ предметѣ для анализа, сосредоточеніе на той или другой мысли, вообще направленіе и цѣли во всей дѣятельности мышленія.

Изъ этихъ замѣтокъ видно какъ велико значеніе воли для познавательной, теоретической дѣятельности. Отъ ея вліянія сокрыты лишь самое образованіе ощущеній, сочетаваніе представ-

леній и логическое соотношеніе мыслей. Познающій субъектъ чувствуетъ преграду своему произволу, когда встрѣчается съ фактами, принуждающими его ощущать цвѣта, запахи и т. д. извѣстнаго качества, когда находитъ представленія, воспроизводящимися въ связи, установленной не его волею, когда разбираетъ содержаніе мыслей и ставитъ ихъ въ соотношеніе. Если бы сознательный произволъ простирался и на эту сторону познаванія, то истина была бы пустымъ словомъ: тогда люди насоздавали бы фактовъ, какіе имъ были бы угодны, образовали бы сочетанія ихъ, какія нужны, и связывали бы мысли, не стѣсняясь никакими логическими правилами. Жизнь общественная стала бы тогда невозможною: потому что принудительнаго пониманія другъ друга и критерія истины, общеобязательнаго для всѣхъ, не существовало бы. И то, заинтересованная дурная воля часто пытается обойти эти первоосновы всякой истины, создавая несуществующіе факты и такую же послѣдовательность ихъ, проводя подъ благовидными прикрытіями антилогическую связь между мыслями.

Но что мы выше говорили, касается отношеній сознательной воли къ познавательной дѣятельности. Многіе факты убѣждаютъ насъ, что значеніе первой для послѣдней гораздо глубже. Почему память часто оказывается слабою на одинъ родъ воспоминаній и сильною въ другомъ, одни познанія хранитъ, другія забываетъ? не потому ли, что одни изъ нихъ лежатъ въ путяхъ тайныхъ влеченій и стремленій воли, т. е. натуры человѣка, а другія нѣтъ. Почему разныя лица оказываются умственно дѣятельными въ одномъ направленіи, и совершенно апатичными въ другомъ, и не смотря на случайности своей жизни, встрѣчъ, обстановки, занимаемыхъ положеній въ обществѣ, преслѣдуютъ умственно однѣ и тѣже цѣли, или наоборотъ, при всей одинаковости положеній, обстановки создаютъ каждый свой міръ взглядовъ, убѣжденій, познаній? Конечно потому, что тайныя влеченія и стремленія, вдохновляющія умъ ихъ, различны. Самыя дѣйствія ума намъ понятны только, какъ акты воли. Мы утверждаемъ и отрицаемъ, соединяемъ и раздѣляемъ, слагаемъ и расчленяемъ, сосредоточиваемся и отвлекаемся. Что всё это значитъ? Утверждая что либо, мы настаиваемъ на томъ своею волею, отрицая — не желаемъ, не хотимъ допускать чего либо; соединяя и слагая, мы собственно соглашаемся не противодѣйствовать волею извѣстному сочетанію; раздѣляя и расчленяя, мы хотимъ видѣть не вмѣстѣ извѣстныя

мысли; сосредоточиваясь на предметѣ, мы стараемся овладѣть имъ и отвлекаясь отъ него, не желаемъ имѣть съ нимъ въ данный моментъ дѣло. Если бы состоянія воли были намъ не знакомы, то всѣ указанные умственные акты казались бы намъ не понятными. Во многихъ случаяхъ познаванія наша воля чувствуетъ себя принужденною считаться съ фактами, съ логическими законами, и тутъ она чувствуетъ себя вынужденною соглашаться или не соглашаться, все равно какъ сознательная воля отказывается проводить свои намѣренія, когда встрѣчаетъ непреоборимое для себя препятствіе: наприм. когда встрѣчается съ несравненно болѣе сильною волею, вынуждающею у нея согласіе на то, чего она собственно не желаетъ, и не желаніе того, чего собственно она усиленно желаетъ. Въ этомъ принужденіи для воли признавать не пріятные факты и не допускать пріятныхъ, не допускать желаемаго сочетаванія мыслей и допускать не желаемое и состоитъ наша ограниченность, какъ конечныхъ существъ. Намъ дана совокупность фактовъ, ихъ связь, для насъ опредѣлены вѣчные и неизмѣнные законы связи мыслей, всемогущею и безконечною Волею, и здѣсь положенъ предѣлъ нашему произволу.

Слѣдовательно, primum movens въ дѣятельности умственной есть воля. Умъ, какъ глазъ, видитъ что̀ есть въ мысляхъ, можетъ различить и расчленить ихъ, найти сходство, открыть соотношеніе между ними, но почему глазъ смотритъ на одинъ предметъ, а не на другой, почему въ такомъ, а не другомъ порядкѣ осматриваетъ ихъ, съ такою, а не другою быстротою и энергіей перебираетъ ихъ—это зависитъ не отъ самаго глаза, а отъ воли субъекта. Почему умъ переходитъ отъ одного предмета къ такому, а не другому, смотритъ на однѣ стороны и отвлекается отъ другихъ, сочетаваетъ, разъединяетъ, осуществляетъ извѣстныя цѣли, образуетъ взгляды извѣстнаго рода, такого, а не другого склада убѣжденія, развиваетъ извѣстную энергію, быстроту дѣятельности, все это зависитъ отъ воли. Она руководитъ имъ, направляетъ и двигаетъ его.

Отношенія воли къ чувствованіямъ. Зависимость чувствованій отъ воли.

Разсмотримъ отношенія воли къ чувствованіямъ.

Обыкновенно думаютъ, что состоянія сердца руководятъ во-

лею. Между психологами общепринято ученіе о мотивизаціи воли: предполагается, что если человѣкъ дѣйствуетъ, то потому, что его воля опредѣляется къ хотѣніямъ и отвращеніямъ различными волненіями сердца. Акты воли разсматриваются, какъ нѣчто вторичное, первоначальное же значеніе усвояется такимъ образомъ чувству. Мы думаемъ, что такой взглядъ на отношенія ихъ совсѣмъ неправиленъ.

Чтобы усумниться въ вѣрности взгляда, по которому волѣ присвояется значеніе послушнаго спутника сердца, достаточно обратить вниманіе на слѣдующіе общеизвѣстные факты. Удовольствія и неудовольствія, вообще волненія, сохраняютъ свое качество и характеръ въ томъ лишь случаѣ, когда есть попустительство къ тому со стороны воли. Страданіе мучительно и непріятно, когда застигаетъ субъекта въ расплохъ, когда онъ отрицаетъ мучительное впечатлѣніе. Но желаемое страданіе уже не есть страданіе: аскеты подвергали себя всевозможнымъ лишеніямъ, но такъ какъ они были добровольны, то и не были для нихъ мучительны; добровольное мученичество многимъ доставляло радостное волненіе. Удовольствіе пріятно, когда желается волею, но тоже самое удовольствіе противъ воли не только не пріятно, но можетъ стать страданіемъ. Театръ, пиршество, сладость, нежелаемые субъектомъ, доставляютъ ему мученіе, и они же ему пріятны, когда онъ того хочетъ. Когда человѣкъ желаетъ страшныхъ впечатлѣній, намѣренно рискуетъ жизнію на войнѣ, на пожарѣ и т. д. онъ доводитъ до minimum'а или совсѣмъ заставляетъ исчезнуть страхъ, могшій быть громаднымъ, еслибы субъектъ шелъ на опасность смерти противъ воли. Человѣку не хочется гнѣваться, удивляться, презирать, любить и ненавидѣть, ожидать и т. д., и онъ, можно сказать, совсѣмъ почти не имѣетъ этихъ чувствъ, или имѣетъ ихъ на такомъ minimum'ѣ энергіи, что они не сознаются имъ. Дорога свобода, тяжело стѣсненіе ея; расширеніе свободы привѣтствуется сердцемъ радостію, умаленіе ея вызываетъ чувство горя. Но свобода не желаемая тяготитъ человѣка, а желаемое ограниченіе ея радуетъ, наприм. какъ женихъ съ радостію ограничиваетъ чрезъ бракъ свою свободу, или аскетъ охотно затворяется въ своей кельѣ.

Далѣе, всѣ мы по опыту знаемъ, что волею своею мы можемъ натравить себя на извѣстное чувство. Когда человѣкъ желаетъ и проситъ гнѣва, онъ настраивается на гнѣвный тонъ; волею можно настроиться на чувства радости, горя, удивленія,

страха, стыда и т. д. Не въ томъ дѣло, что субъектъ вызываетъ изъ памяти и воображенія образы, могущіе возбудить извѣстное чувство, питать и поддерживать его; воля прямо вызываетъ въ сердцѣ готовность на волненіе и малѣйшій поводъ, даже воображаемый, подъ вліяніемъ воли, пробуждаетъ сильное по своей энергіи чувство. Такъ, между прочимъ, объясняется фактъ, что актеры могутъ играть съ чувствомъ. Понятно, что они не могутъ волноваться страхомъ, гнѣвомъ, любовію, стыдомъ и т. д., когда нѣтъ къ тому реальныхъ причинъ, и не могутъ быть на столько наивны, чтобы сценическіе поводы принимать за дѣйствительные; и однако, одинъ изъ признаковъ таланта актера тотъ, что онъ можетъ играть съ чувствомъ и какъ бы реально мучиться страхомъ, гнѣвомъ, любовью, ревностію, стыдомъ, ненавистью и т. под.; актера, способнаго напускать на себя чувство, хвалятъ, а того актера, который или не можетъ или не хочетъ этого дѣлать, порицаютъ. Уже это одно, что недостатокъ чувства въ игрѣ можетъ ставиться актеру въ сознательную вину, доказываетъ, что ему приписывается способность волею вызывать въ себѣ то или другое чувство: въ противномъ случаѣ, порицаніе и похвала не имѣли бы смысла.

Наконецъ анализъ самыхъ чувствованій и выраженій ихъ въ тѣлѣ убѣдилъ насъ, что движенія сердца заключаютъ въ себѣ значительный волевой элементъ, не просто слѣдующій за чувствомъ, а входящій въ него, какъ существенная составная часть: отнять влеченіе отъ любви и дружбы, отталкиваніе отъ гнѣва, ненависти и вражды, отъ страха желаніе сократиться предъ впечатлѣніемъ, отъ радости порывъ къ дѣятельности, значитъ заставить чувство совсѣмъ исчезнуть. Одни изъ волевыхъ элементовъ въ немъ очевидны и ясны, другіе болѣе скрыты и мы ихъ ниже постараемся отыскать. Съ другой стороны, выраженія чувствованій въ тѣлѣ фактически убѣдили насъ, что воля не сопутствуетъ только имъ, а ея состоянія даются вмѣстѣ съ ними и одновременно выражаются въ тѣлѣ. И мы такъ тѣсно связываемъ волевые элементы чувства съ нимъ, что выраженія первыхъ принимаемъ за непосредственное выраженіе послѣдняго.

Указанные нами факты явно говорятъ, что общепринятое ученіе о слѣдованіи возбужденій воли за состояніями чувства и условливаніи первыхъ послѣдними должно быть перестроено. Не наоборотъ ли, чувство условливается волею? Не слѣдуетъ ли первенство въ духовномъ существованіи человѣка признать за

нею, а чувство назвать только спутникомъ ея и выразителемъ ея отношеній къ событіямъ внутреннимъ и внѣшнимъ?

Къ этимъ вопросамъ мы приходили уже въ отдѣлѣ о чувствованіяхъ. Но такъ какъ съ рѣшеніемъ его въ нашемъ смыслѣ должна быть соединена новая постановка ученія о волѣ, то мы отложили его до настоящаго пункта. Вникнувъ глубже въ отношенія воли къ сердцу и установивъ правильный взглядъ на эти отношенія, мы сдѣлаемъ важные выводы относительно воли.

Дѣло, очевидно, идетъ о первоначальной причинѣ чувствованій и ихъ смыслѣ въ нашемъ душевномъ существованіи. Если первенство принадлежитъ волѣ, а чувство имѣетъ второстепенное значеніе, то его состоянія понятны, какъ выраженія отношеній воли къ впечатлѣніямъ. Если такого первенства нельзя ей приписать, тогда, очевидно, сердце или вполнѣ самостоятельно относится къ впечатлѣніямъ, или повинуется указаніямъ другого дѣятеля. Возможныя здѣсь рѣшенія вопроса слѣдующія: состоянія сердца или выражаютъ различныя состоянія тѣла, суть отголоскъ физіологическихъ дѣятельностей его, или выражаютъ взгляды ума и его выводы относительно значенія впечатлѣній для благосостоянія какъ тѣлеснаго, такъ и духовнаго, или сердце самостоятельно и независимо отъ чего бы то ни было относится къ впечатлѣніямъ, или наконецъ, оно выражаетъ отношеніе воли къ различнаго рода событіямъ внутреннимъ и внѣшнимъ.

Невыводимость чувствованій изъ физіологическихъ причинъ.

Въ новѣйшее время явились взгляды на чувствованія, какъ результаты физіологической дѣятельности. Какъ мы видѣли во введеніи, нѣкоторые объясняютъ чувствованія какъ оцѣнку гармоніи внутреннихъ отправленій организма. Съ этой точки зрѣнія, различныя чувствованія являются результатомъ различныхъ внутреннихъ отношеній и отправленій организма.

Всѣ попытки вывести явленія чувства изъ какихъ бы то ни было физіологическихъ фактовъ, помимо предположенія души, какъ особаго самостоятельнаго существа, производящаго эти явленія, встрѣчаются съ затрудненіями, не побѣдимыми для всякой теоріи, отправляющейся отъ матеріалистическихъ предположеній. Такъ какъ въ свое время мы о нихъ уже говорили, то, не по-

вторяя ихъ въ настоящемъ случаѣ, мы обратимъ вниманіе на спеціальныя затрудненія для подобнаго рода предположеній. Понятія гармоніи или дисгармоніи внутреннихъ отправленій, траты силъ, полезной или безполезной, легко возстановляемой или невозстановляемой, ни мало не объясняютъ, почему эти факты въ организмѣ должны сопровождаться чувствованіями. Такъ какъ трата вещества происходитъ при всякой психологической дѣятельности, то выходитъ, что каждое духовное возбужденіе должно сопровождаться и возбужденіемъ сердца, и есть психологи, утверждающіе, что нѣтъ ощущенія, нѣтъ акта рефлексіи, которые не сопровождались бы чувствомъ. Съ этимъ положеніемъ согласиться нельзя: ибо, несомнѣнно, существуетъ множество психическихъ состояній, къ которымъ чувство остается холоднымъ. Спрашивается, почему же въ однихъ случаяхъ трата вещества, какъ таковая, сопровождается чувствомъ, въ другихъ — нѣтъ? Очевидно, не трата вещества, а какія либо особенности ея ведутъ къ образованію чувствованія. Взглядъ на него, какъ на оцѣнку гармоніи внутреннихъ отправленій организма, ни мало не разъясняетъ собственно дѣла. „Оцѣнка гармоніи“ предполагаетъ прежде всего оцѣнивающаго субъекта, равно какъ и гармонія предполагаетъ субъекта, для котораго она есть гармонія. Иначе, возможно будетъ говорить о болѣзни, безъ болящаго субъекта, объ отношеніи безъ предметовъ, между которыми оно существуетъ. Кто же субъектъ въ данномъ случаѣ оцѣнивающій гармонію отправленій. Если онъ — органъ, тогда будетъ столько же сознаній чувствованій, сколько существуетъ органовъ въ тѣлѣ; если центральная нервная система, то мы встрѣчаемъ здѣсь столько же субъектовъ, сколько въ ней молекулъ и даже атомовъ.

Во 2-хъ, если гдѣ, то именно въ фактѣ чувствованій слишкомъ велика пропасть, раздѣляющая результатъ отъ производящей причины. Отъ факта гармоніи отправленій, производительной или непроизводительной, восполняемой или невосполняемой траты вещества въ организмѣ слишкомъ далеко до состояній удовольствія или неудовольствія и особенно разнообразныхъ чувствованій, напр. любви, гнѣва, страха, стыда. Нѣтъ моста, по которому безъ скачка можно было бы перейти отъ первыхъ къ послѣднимъ. Какъ бы усердно ни анализировать физіологическіе процессы, мы ничего не можемъ открыть въ нихъ, кромѣ различныхъ движеній, слагающихся, разлагающихся, противодѣйствующихъ или согласныхъ, ничего болѣе этого; отъ движе-

нія далеко до страданія, до страха, гнѣва, любви, тѣмъ болѣе, что различіе въ движеніяхъ можетъ быть только количественное, въ напряженіи и протяженіи ихъ, между тѣмъ какъ въ чувствованіяхъ на первый планъ выступаетъ различіе качественное: какъ бы количественно ни длить удовольствія или страданія, изъ нихъ не можетъ выйти гнѣва или страха, или любви и т. д. Когда наблюдатель, имѣющій воображеніе и сердце, разсуждаетъ о гармоніи отправленій, о тратѣ вещества, то онъ находитъ естественнымъ, что гармонія и легко восполняемая трата должна вести къ удовольствію: онъ дѣлаетъ скачекъ въ своемъ воображеніи, тѣмъ болѣе легкій для него, что ему уже извѣстны и жизнь сердца и тотъ фактъ, что гармонія тоновъ ему нравится, а дисгармонія заставляетъ страдать.

Въ 3-хъ, мы слишкомъ мало знаемъ о внутреннихъ отправленіяхъ органовъ, чтобы на анализѣ ихъ основывать какія либо заключенія о причинѣ чувствованій. Даже по вопросу объ ощущеніяхъ, совершающихся въ доступныхъ наблюденію органахъ, мы должны были сознаться, что физіологическій процессъ, подготовляющій ихъ, совершенно неизвѣстенъ и что мы остаемся въ полной темнотѣ, когда заходитъ рѣчь о томъ, что совершается въ нервѣ и нервныхъ центрахъ. Еще менѣе мы знаемъ, что происходитъ въ нервной системѣ при возбужденіи чувствъ. Какого рода движенія, химическіе процессы въ нервной системѣ совершаются при возбужденіи гнѣва, любви, уваженія, удивленія и т. д.? Это столь темная область, что серіозно толковать о различіи нервныхъ процессовъ, по различію соотвѣтствующихъ чувствованій, невозможно. Намъ извѣстны лишь грубые факты, такъ сказать, всплывающіе на поверхность при выраженіи чувствованій въ тѣлѣ: измѣненія въ растительныхъ процессахъ, въ мускульной системѣ и только: внутреннія силы и процессы, производящіе ихъ, есть совершенная terra incognita.

Наконецъ, въ 4-хъ, радикальная ошибка физіологовъ, ищущихъ объясненія чувствованія въ тратѣ вещества, или силъ организма, гармоніи или дисгармоніи отправленій его, заключается въ томъ, что они чувствованія вообще отождествляютъ съ состояніями удовольствія и неудовольствія. Понятія траты или гармоніи могутъ служить только для объясненія послѣднихъ: между отправленіями органа и органовъ можетъ быть отношеніе или гармоніи или дисгармоніи, равно какъ и трата можетъ легко восполняться или невосполняться и истощать нервъ. Эти

предположенія могутъ объяснять только два факта: удовольствіе и неудовольствіе. И такъ какъ базисъ для физіологическаго объясненія избирается узкій, то является у физіологовъ наклонность допускать только два указанныхъ чувствованія, называемыя у нихъ примитивными, остальныя же признаются сложными и сводятся ими къ первымъ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что такой взглядъ на состоянія сердца чрезвычайно узокъ, что многія чувствованія, по самому существу своему, по типу, не имѣютъ прямого отношенія ни къ удовольствіямъ, ни къ неудовольствіямъ и какъ бы далеко анализъ ни простирался, невозможно вывести ихъ изъ послѣднихъ.

Итакъ физіологическія дѣятельности не могутъ дать достаточной причины для объясненія чувствованій. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ онѣ могутъ показать, что дѣлается въ организмѣ въ моментъ, когда человѣкъ чувствуетъ наслажденіе, и то нисшее только, именуемое чувственнымъ. Быть можетъ, удастся, когда нибудь доказать, что въ качествѣ, формѣ, соотношеніи процессовъ, совершающихся въ органахъ зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія есть различія, которыя служатъ поводами для души находить наслажденія или страдать отъ впечатлѣній. Но, кромѣ ихъ, есть наслажденія высшія, наприм. интеллектуально-эстетическія, или просто умственныя, которыя слишкомъ далеки отъ чувственныхъ и качественно различны, чтобы объяснять ихъ одними физіологическими только причинами. Кромѣ наслажденій и страданій, есть огромное, и гораздо большее, количество другихъ видовъ чувствованій, которыя выводить изъ однихъ физіологическихъ причинъ было бы уже прямо нелѣпо. Они возможны только въ существѣ, способномъ понимать смыслъ и значеніе событій внутреннихъ и внѣшнихъ и отзываться на нихъ состояніями сердца. Такъ какъ и духъ не дѣйствуетъ безъ помощи и содѣйствія организма, то и при высшихъ чувствованіяхъ, мы должны предполагать физіологическіе процессы и въ послѣднихъ даже поводы къ первымъ, но физіологическія дѣятельности не суть единственныя и исключительныя причины и поводы къ чувствованіямъ. Въ силу связи души съ тѣломъ и мозгъ работаетъ, когда душа волнуется горемъ, любовью, уваженіемъ, благоговѣніемъ, но не онъ создаетъ и образуетъ эти волненія.

Невыводимость чувствованій изъ оцѣнки соотвѣтствія впечатлѣній съ условіями благосостоянія.

Гораздо вѣроятнѣе кажется другое объясненіе происхожденія и смысла чувствованій,—то, которое предполагаетъ въ основаніи ихъ оцѣнку умомъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія впечатлѣній съ условіями нашего физическаго и нравственнаго благосостоянія. Все вредное, угрожающее физическому и духовному равновѣсію, возбуждаетъ чувство неудовольствія, а полезное, поднимающее и укрѣпляющее означенное равновѣсіе и энергію духовныхъ и физическихъ силъ, возбуждаетъ чувство удовольствія: такова теорія Лотце. По ней, слѣдовательно, долженъ существовать родъ безсознательнаго познанія: какъ душа оцѣниваетъ отношеніе впечатлѣній къ условіямъ своего благосостоянія, это скрыто отъ сознанія; до него доходитъ лишь конечный результатъ, чувства удовольствія или неудовольствія.

Объ этой теоріи слѣдуетъ замѣтить, что она въ состояніи объяснить только одинъ родъ чувствованій, и то не многочисленный, удовольствія и неудовольствія. Что она можетъ сказать о чувствованіяхъ интеллектуально-эстетическихъ, наприм. трагизмѣ и комизмѣ? Развѣ трагическое впечатлѣніе пріятно и развѣ въ немъ есть что либо согласное съ условіями нашего духовнаго благосостоянія? Комизмъ, какъ шутка, забавляетъ насъ, но чѣмъ? въ немъ моментъ удовольствія имѣетъ совершенно второстепенное значеніе, да и веселая сторона его развѣ можетъ быть объяснена тѣмъ, что комическое впечатлѣніе согласно съ условіями нашего благосостоянія? Удивленіе можетъ быть и пріятнымъ и непріятнымъ, но можетъ быть ни тѣмъ ни другимъ и этотъ фактъ доказываетъ, что оно прямо, какъ удивленіе, не имѣетъ отношенія къ удовольствію и неудовольствію. Что сказать объ уваженіи, гнѣвѣ и нѣжномъ волненіи, ненависти и враждѣ, страхѣ, стыдѣ, безсиліи, благоговѣніи, надеждѣ, ожиданіи и т. д.? Къ нимъ вышеприведенная теорія никакъ не подойдетъ, или же прійдется насильственно сводить ихъ къ чувствамъ удовольствія и неудовольствія и слѣдовательно, игнорировать ихъ сущность. Изъ упомянутой теоріи никакъ нельзя вывести, почему, при одномъ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи съ условіями нашего благосостоянія, мы чувствуемъ уваженіе, лю-

бовь, или презрѣніе, гнѣвъ, а при другомъ чувство чести, долга или антипатію и чувство малости.

Во 2-хъ, эта теорія не въ состояніи объяснить удовлетворительно факты даже въ той области, къ которой она прежде всего должна прилагаться. Прежде всего нельзя не остановиться на фактахъ, уже упомянутыхъ нами въ отдѣлѣ о наслажденіяхъ и страданіяхъ. Если чувствованіе есть показатель согласія впечатлѣній съ условіями нашего физическаго и духовнаго благосостоянія, то почему степень страданій не совпадаетъ съ важностію нарушенія функцій организма? извѣстно, что мучительность боли не совпадаетъ съ важностію болѣзни: самые тяжелые случаи, наприм. при нѣкоторыхъ мозговыхъ болѣзняхъ, не сопровождаются никакою болью, а не важные и не угрожающіе организму ни чѣмъ серіознымъ, напротивъ, чрезвычайно мучительны, напр. зубныя боли. Далѣе, какъ объяснить, что, при начинающемся важномъ разстройствѣ мозга, угрожающемъ смертельнымъ исходомъ, человѣкъ бываетъ очень веселъ, доволенъ, счастливъ, напр. при начинающейся paralysis progressiva? Одно изъ двухъ: или умъ обманывается въ значеніи физіологическихъ событій и при томъ постоянно все въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ, или дѣло происходитъ не такъ, какъ теорія изображаетъ. Съ другой стороны, далеко не рѣшается недоумѣніе, вызываемое тѣмъ обстоятельствомъ, что ядъ и дурныя, унижающія человѣка морально, дѣйствія нравятся, тогда какъ горькое лѣкарство и трудъ работы надъ самимъ собою, нравственно возвышающей и укрѣпляющей человѣка, непріятны. Противъ этихъ фактовъ высказывается, что теорія говоритъ о согласіи дѣйствій впечатлѣній, а не самыхъ впечатлѣній, съ условіями благосостоянія. Но когда дѣйствительно впечатлѣніе требуется организмомъ, то оно съ удовольствіемъ принимается имъ, хотя частное дѣйствіе его непріятно. Такимъ образомъ для пьяницы въ высшей степени пріятенъ горькій вкусъ вина и для больного кислый вкусъ напитка, отъ котораго отворачивается ребенокъ и здоровый взрослый; для аскета пріятенъ тяжелый подвигъ, а не пріятно то, что нравится свѣтскому человѣку. Дѣйствіе впечатлѣній на нервы и душу во всѣхъ этихъ случаяхъ одно и тоже, но для однихъ оно пріятно, а для другихъ непріятно. Очевидно, тутъ дѣйствуетъ какая то другая причина.

Слѣдовательно, указанная теорія не можетъ быть положена въ основу объясненія происхожденія и смысла различныхъ чув-

ствованій. Она захватываетъ только небольшое количество ихъ, да и въ томъ классѣ, гдѣ должна была бы прилагаться безусловно, имѣетъ противъ себя много фактовъ. Но въ ней есть зерно несомнѣнной истины. Чувство есть слѣдствіе оцѣнки впечатлѣній и эта оцѣнка представляетъ какую то умственную дѣятельность. Кто не понимаетъ значенія и смысла впечатлѣній, тотъ и не отвѣчаетъ на нихъ никакимъ чувствомъ: дитя тянется къ огню, отъ котораго въ страхѣ сторонится взрослый; не понимающій насмѣшки не обижается и не предполагающій возможности униженія не знаетъ чувствъ оскорбленія чести, униженія и стыда. Въ чувствѣ есть нѣкоторая умственная дѣятельность и она оцѣниваетъ значеніе и отношеніе впечатлѣній — вотъ все, чѣмъ, по нашему мнѣнію, можно заимствоваться отъ упомянутой выше теоріи. Но впечатлѣнія оцѣниваются по ихъ отношенію къ чему? по ихъ значенію для чего? Это мы должны будемъ сами отыскать.

Несамостоятельность сердца.

Но быть можетъ, сердце есть совершенно самостоятельный элементъ въ человѣческомъ духѣ: оно само производитъ самостоятельную абсолютную оцѣнку впечатлѣній и, смотря по ихъ содержанію, отвѣчаетъ на нихъ различными чувствами. Но приписать такую роль сердцу явно не возможно. Несомнѣненъ фактъ зависимости его отъ умственной дѣятельности души: впечатлѣніе, котораго смысла и значенія субъектъ непонимаетъ, не возбуждаетъ и чувствованія; оно всегда соотвѣтствуетъ смыслу, который придается впечатлѣнію умомъ субъекта. Съ другой стороны, мы видѣли выше, чувство находится въ прямой зависимости и отъ воли: вопреки ея чувство не можетъ возникать и держаться почти. По отношенію къ уму, сердце еще сохраняетъ до нѣкоторой степени самостоятельность: повинуясь указаніямъ его, оно тѣмъ не менѣе развиваетъ состоянія изъ собственныхъ ресурсовъ и если чувствованіе начало развиваться, умъ прямого вліянія на него не можетъ имѣть. Волевые же элементы входятъ въ составъ каждаго чувства и если ихъ элиминировать изъ него, трудно сказать, что останется въ чувствѣ: оно существенно должно измѣниться: при томъ же, воля имѣетъ прямое вліяніе на энергію его, такъ что вомногихъ случаяхъ отъ нея

зависитъ существованіе чувства. Вотъ почему, тогда какъ можно представить умъ существующимъ совершенно самостоятельно, и волю, какъ слѣпую стремящуюся силу, невозможно представить себѣ сердце изолированно существующимъ. Умъ, самъ по себѣ, есть холодная аналитическая дѣятельность, изолированная воля есть безсознательное влеченіе. Но что такое изолированно взятое сердце? Это было бы бытіе безъ почвы, дѣятельность безъ поводовъ къ ней, какой то отзвукъ безъ самаго звука.

Несостоятельность ученія о чувствованіяхъ, какъ мотивахъ, опредѣляющихъ волю.

Остается сдѣлать четвертое предположеніе: сердце находится въ прямой и не посредственной связи съ волею. Выше мы приводили факты, доказывающіе эту зависимость: они убѣдительно, какъ мнѣ кажется, говорятъ, что всякая плодотворная попытка разъяснить происхожденіе и смыслъ различныхъ чувствованій должна отправляться отъ признанія зависимости ихъ отъ воли. Однако, до разъясненія волненій съ нашей точки зрѣнія, мы должны свести счеты съ общераспространеннымъ ученіемъ, которое признаетъ полную зависимость воли отъ чувствованій. Мы разумѣемъ ученіе о мотивахъ. По нему, всякое желаніе и хотѣніе возникаетъ по поводу какого либо чувствованія, или представленія его. Въ однихъ случаяхъ, мы мотивируемся къ дѣйствіямъ реально возникающимъ чувствомъ, наприм. человѣкъ бѣжитъ подъ вліяніемъ страха, или бранитъ кого либо, подъ вліяніемъ гнѣва на него; въ другихъ, мы мотивируемся представленіемъ удовольствія, достигаемаго поступкомъ, дѣйствіемъ, наприм. представляя себѣ ожидаемое удовольствіе отъ театра, общества, я иду въ первый, на вечеръ и т. д. По ученію англійскихъ эмпиристовъ, всякое хотѣніе и желаніе возникаютъ по поводу реальныхъ или идеальныхъ чувствованій.

Мы все не думаемъ отвергать факты мотивизаціи воли: мы сами воспользуемся ими ниже. Съ должнымъ ограниченіемъ и правильно поставленное и истолкованное, это ученіе имѣетъ свое значеніе для объясненія механизма воли, т. е. вторичныхъ ея актовъ. Все равно какъ ассоціація по смежности имѣетъ свое значеніе для объясненія нѣкоторыхъ сторонъ механизма познанія и чрезвычайно много помогаетъ умственной дѣятельности, со-

кращая и облегчая во многихъ случаяхъ усилія ума, такъ и мотивизація помогаетъ намъ разъяснить тотъ механизмъ воли, который часто дѣйствуетъ въ обыденной жизни, облегчая для нея усилія напряженія тѣмъ, что позволяетъ не возвращаться, при каждомъ случаѣ дѣятельности, къ первоначальнымъ актамъ, и не опредѣлять себя снова всецѣло. Какъ мы увидимъ ниже, опредѣленія воли мотивами есть посредственное самоопредѣленіе воли и потому оно должно сокращать для нея трудъ напряженія.

Но мы рѣшительно возстаемъ противъ того взгляда, что воля всегда и вездѣ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ мотивовъ, т. е. чувствованій, и что она вообще въ своей дѣятельности условливается ими.

Воля можетъ мотивироваться или реальнымъ чувствованіемъ или идеальнымъ, т. е. человѣкъ можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ овладѣвшаго его чувства или подъ вліяніемъ представленія его. Ученіе о мотивахъ, признавая первый случай опредѣленія воли чувствомъ, имѣетъ въ виду преимущественно второй, условливаніе хотѣній и желаній представленіями чувствъ. Въ виду вопроса о свободѣ воли, для насъ важенъ этотъ послѣдній. Возбужденіе человѣка къ дѣйствію реальнымъ чувствомъ бываетъ только спорадическое, относительно рѣдкое, лишь въ тотъ моментъ, когда онъ дѣйствительно одушевленъ имъ, что бываетъ не часто.

Но и этотъ родъ случаевъ опредѣленія воли долженъ ли объясняться, какъ примѣръ прямого условливанія ея чувствомъ? Указанные нами въ своемъ мѣстѣ, факты должны убѣдить насъ, что этого вопроса еще далеко не слѣдуетъ считать рѣшеннымъ: когда реальное чувство возбуждаетъ человѣка къ дѣйствію, то слѣдуетъ ли это возбужденіе приписать чувству, какъ таковому, или чему другому? Мы видѣли, что въ каждомъ волненіи и возбужденіи есть волевые элементы, безъ которыхъ первыя никогда не являются и безъ которыхъ трудно представить себѣ ихъ. Возбужденіе къ дѣйствію въ моментъ чувства не слѣдуетъ ли всего естественнѣе приписать этимъ волевымъ элементамъ, а не самому чувству? Когда человѣкъ подъ вліяніемъ ужаса бѣжитъ отъ опасности, то какъ слѣдуетъ правильно толковать этотъ фактъ: бѣжитъ ли онъ отъ страха, или въ страхѣ? Это чувство есть ли причина бѣгства, или только явленіе, сопутствующее волевому возбужденію въ моментъ опасности и хотѣнію скрыться отъ

нея. Субъектъ совершаетъ насиліе или бранится подъ вліяніемъ гнѣва: значитъ ли это, что онъ побуждается къ тому гнѣвомъ, или дѣлаетъ это въ гнѣвѣ? Въ этомъ чувствѣ есть волевые элементы: желаніе побороть противодѣйствіе и унизить противодѣйствующую волю. Не ими ли опредѣляясь, субъектъ совершаетъ упомянутыя дѣйствія, а чувство только сопровождаетъ ихъ? Изъ уваженія мы принуждаемъ себя молчать предъ высшимъ авторитетомъ: по нашему, это значитъ, не чувство уваженія мотивировало наше молчаніе, а желаніе преклониться и до нѣкоторой степени смириться предъ авторитетомъ дано вмѣстѣ съ самымъ чувствомъ, и послѣднее только сопровождаетъ первый волевой элементъ. Такъ не только можно, но и должно, какъ мы полагаемъ, понимать всѣ случаи непосредственнаго опредѣленія воли чувствомъ къ дѣйствію. Вмѣстѣ съ волненіемъ, возбужденіемъ, наслажденіемъ, даются ихъ волевые элементы, которые, смотря по смыслу чувства, и затѣмъ по обстоятельствамъ, опредѣляютъ субъекта къ различнымъ дѣйствіямъ.

Можетъ быть, эти возбужденія воли только очень быстро слѣдуютъ за чувствомъ, такъ что мы не можемъ услѣдить и оцѣнить промежутка времени, протекающаго между ними, но prius существованія тѣмъ не менѣе долженъ быть приписанъ чувству? Однако, въ виду нѣкоторыхъ фактовъ мы должны утверждать, что чувство не только не имѣетъ prius существованія предъ волевыми элементами, но даже нельзя сказать, что послѣдніе возникаютъ одновременно съ первыми, а скорѣе слѣдуетъ утверждать, что волевые элементы чувства предшествуютъ возникновенію сердечной собственно сторонѣ его. Факты эти намъ уже извѣстны. Чувство является только тогда, когда есть попустительство на то со стороны воли. Когда я не хочу какого либо удовольствія, оно для меня и существовать не можетъ, не желаю гнѣваться, удивляться, любить,—нѣтъ и этихъ чувствъ. Чтобы движеніе сердца возникло, необходимо, чтобы или воля не была противъ него, или она сама попускала его, или застигнутая впечатлѣніемъ въ расплохъ, не могла съ нимъ бороться и какъ бы по необходимости дозволяла его себѣ. Слѣдовательно, исторія возникновенія каждаго чувствованія такова: прежде всего возбуждается воля добровольно или принужденно и на основѣ этого возбужденія, смотря по характеру его, развивается соотвѣтствующее чувствованіе. Если такъ, то невозможно и говорить что воля мотивируется реальнымъ чувствова-

ніемъ: ибо возбужденіе воли имѣетъ несомнѣнное prius существованія предъ возбужденіемъ сердца.

Для насъ важнѣе, впрочемъ, другой родъ мотивизаціи, когда воля опредѣляется къ хотѣнію представленіемъ чувства: я хочу извѣстнаго результата, потому что онъ обѣщаетъ мнѣ то или другое удовольствіе, и отвращаюсь отъ дѣйствія, которое принесетъ страданіе, неудовольствіе. Эмпиристы и говорятъ, что всѣ наши желанія и хотѣнія возбуждаются подъ вліяніемъ представленій грядущихъ удовольствій и неудовольствій и что изъ многихъ мотивовъ каждый разъ беретъ перевѣсъ тотъ, который сильнѣе другихъ, т. е. обыкновенно воля опредѣляется представленіемъ наиболѣе сильнаго удовольствія.

Объ этомъ ученіи можно сказать, что оно вѣрно описываетъ фактъ, какъ онъ наблюдается сознаніемъ, но сомнительно, чтобы это описаніе выражало дѣйствительную зависимость душевныхъ состояній.

Мы беремъ два случая: первый, когда одно какое либо представленіе будущаго удовольствія прямо, безъ борьбы съ другими, опредѣляетъ волю къ дѣйствію, и второй, когда происходитъ борьба между представленіями и одолѣваетъ напоминающее о болѣе сильномъ чувствованіи. Въ первомъ случаѣ дѣло представляется яснымъ. Возникновеніе реальнаго чувствованія, какъ мы видѣли выше, зависитъ отъ попустительства воли: особенно, ни какого удовольствія нѣтъ и быть не можетъ, если оно заранѣе не желается субъектомъ. Понятно, что это замѣчаніе еще съ бо̀льшимъ правомъ можетъ быть приложено къ представленію его. Одна мысль о будущемъ удовольствіи и грядущемъ неудовольствіи ни чего мнѣ, въ сущности, не говоритъ, если я заранѣе одного не желаю, а другого не отвращаюсь. Театръ несомнѣнно можетъ доставлять удовольствіе и представляя себѣ послѣднее, я иду въ него. Но почему моя воля опредѣлилась къ дѣйствію въ этомъ случаѣ? Потому ли что меня принудило къ тому представленіе удовольствія, или потому мнѣ посѣщеніе театра и представилось пріятнымъ, что я желалъ его ранѣе. Первое не возможно: ибо если бы у меня охоты къ театру не было, то и представленія удовольствія отъ него также не было бы. Возможно только второе.

Во второмъ случаѣ дѣло представляется менѣе яснымъ. Я могу провести вечеръ въ театрѣ, за картами, въ ученыхъ занятіяхъ, въ веселой компаніи. На что рѣшусь я? Говорятъ, что

изъ представленія этихъ удовольствій окончательный получитъ перевѣсъ то, которое обѣщаетъ большее удовольствіе. Но здѣсь все будетъ зависѣть отъ субъективныхъ условій. Не то удовольствіе будетъ всего болѣе манить субъекта, которое самое сильное: да и можно ли говорить въ объективномъ смыслѣ о силѣ удовольствій? — а то, которое будетъ казаться ему таковымъ. Понятно, что самымъ сильнымъ ему будетъ представляться такое, которое отвѣчаетъ привычкамъ, влеченіямъ, стремленіямъ, или страстямъ его: любитель театра поѣдетъ на спектакль и предпочтетъ ему все остальное; охотникъ до картъ пойдетъ на карточный вечеръ; привыкшій къ серіознымъ ученымъ занятіямъ, имѣющій влеченіе къ нимъ, останется дома. Беремъ другой случай: изъ разныхъ золъ приходится избирать одно; конечно, субъектъ изберетъ наименьшее: наприм. ему приходится или коротать скучный вечеръ у себя дома, или ѣхать на вялый спектакль, или не веселый натянутый вечеръ: онъ поѣдетъ туда, гдѣ онъ ожидаетъ всего менѣе скуки. Но гдѣ онъ будетъ надѣяться менѣе скучать? тамъ, гдѣ онъ будетъ ожидать менѣе противнаго своимъ привычкамъ и стремленіямъ. Отъ чего же зависитъ перевѣсъ одного мотива надъ другимъ? очевидно, не представленіе одного удовольствія побѣждаетъ представленіе другого, а сильнѣйшая наклонность беретъ перевѣсъ надъ слабѣйшею, и если кажется, что между ними происходитъ борьба, то она бываетъ не между представленіями, а между хотѣніями, изъ которыхъ одно опирается на привычку, другое на какое либо стремленіе, третье на случайно возникшую потребность; одолѣваетъ же сильнѣйшее стремленіе надъ другимъ слабѣйшимъ. Обратимся къ самому простому случаю побѣды одного мотива надъ другимъ: извѣстное дѣйствіе обѣщаетъ удовольствіе, а другое — страданіе, субъектъ естественно склоняется къ первому. Но почему собственно онъ склонился? Представленія удовольствія и страданія, какъ представленія, одинаково сильны и нѣтъ основанія одному побѣждать, другому быть побѣжденнымъ. Если же субъектъ дѣйствуетъ по смыслу одного, а не другого, то оттого, что одного дѣйствія онъ хочетъ, а другого не желаетъ. Слѣдовательно, все дѣло въ волѣ, ея рѣшеніяхъ, а ни какъ не въ мотивахъ.

Далѣе, ученіе о мотивахъ, или представленіяхъ удовольствія и неудовольствія, движущихъ волею человѣка, и при томъ исключительно опредѣляющихъ его стремленія и отвращенія, ни какъ

не въ состояніи объяснить намъ всѣ человѣческія дѣйствія. Это ученіе предполагаетъ, что человѣкъ вообще предпочитаетъ пріятное и избѣгаетъ неудовольствія. Но это есть невѣрное обобщеніе, пригодное, правда, для объясненія многихъ дѣйствій, однако, не для всѣхъ. Развѣ люди всегда стремятся только къ одному пріятному? Взять почти любое изъ нашихъ обычныхъ дѣйствій и спросить, развѣ каждое изъ нихъ есть самое пріятное, что мы могли въ данный моментъ сдѣлать? Мы продѣлываемъ ежедневный рутинный порядокъ, ищемъ встрѣчъ, работаемъ и т. д. частію по привычкѣ, частію по велѣнію долга. Изъ привычки мы продѣлываемъ много скучнаго и непріятнаго, изъ долга подвергаемся непріятностямъ тяжелаго труда, скучнымъ встрѣчамъ, тяжелымъ объясненіямъ и т. д. Огромная часть человѣческой дѣятельности объясняется такимъ образомъ привычкою и повиновеніемъ долгу, закону. Это правда, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ люди избираютъ менѣе непріятное, дабы избѣгнуть большаго зла. Конечно, пріятно исполненіе долга, но было бы натяжкою утверждать, что человѣкъ, исполняя его, думаетъ объ удовольствіи, его ожидающемъ послѣ дѣйствія: повинуясь долгу, человѣкъ весьма часто дѣлаетъ дѣло, потому что ничего иного не хочетъ, не можетъ хотѣть. Повинуясь привычкѣ, онъ совершаетъ скучное дѣйствіе не потому, что ему будетъ еще скучнѣе, когда онъ его не совершитъ, а потому, что, ему кажется, такъ слѣдуетъ дѣлать и онъ не желаетъ и думать объ отступленіи отъ привычки. Такимъ образомъ люди дѣйствуютъ или отклоняются отъ дѣйствій, во многочисленныхъ случаяхъ во все не мотивируясь какими либо чувствами, всего менѣе удовольствіями и неудовольствіями.

Обыденная наша жизнь не выясняется въ своей дѣятельной сторонѣ изъ мотивовъ. Но еще труднѣе ими объяснить глубокія теченія въ человѣческой жизни и дѣятельности. Съ точки зрѣнія мотивовъ, человѣкъ долженъ былъ бы бросить дѣтей, изъ за которыхъ онъ живетъ бѣднякомъ, обремененъ заботами, долженъ смирять свою гордость, изо дня въ день безпокоится хлопотами, трудностями воспитанія и образованія. И тѣ личности, которыя привыкли на все смотрѣть съ точки зрѣнія удовольствія и неудовольствія, такъ и поступаютъ: они бросаютъ семью, или небрегутъ ею, заботясь только о себѣ. Скажутъ, тутъ дѣйствуютъ чувство жалости и опасеніе печали по разлукѣ. Они, конечно, удерживаютъ многихъ въ семьѣ, но если бы дѣло шло у чело-

вѣка объ удовольствіяхъ и неудовольствіяхъ и только ими опредѣлялись его дѣйствія, то онъ съумѣлъ бы отдѣлаться отъ источника лишеній и безпокойствъ подобно тому, какъ, для избѣжанія еще не особенно великихъ страданій, человѣкъ рѣшается на мучительную и опасную операцію; какъ ни тяжело, но онъ съумѣлъ бы разомъ порвать семейные узы, если бы въ немъ не было сильнаго хотѣнія такихъ узъ, въ которомъ онъ даже не отдаетъ себѣ отчета, потому что оно есть глубокое влеченіе; оно крѣпко на столько, что можетъ противостоять всѣмъ превратностямъ семейной жизни. Любопытно, что эти непріятности и страданія, безъ которыхъ необходится никакая семья, въ большинствѣ людей не возбуждаютъ ни малѣйшаго отвращенія къ ней (мотивъ неудовольствія не дѣйствуетъ) и нормальному человѣку даже въ голову не придетъ мысль, что слѣдовало бы уйти отъ семьи и зажить веселою и свободною жизнію. Возможно ли объяснить мотивами несеніе тяготы государственной жизни каждымъ участникомъ ея. Съ точки зрѣнія удовольствія и неудовольствія, русскій мужикъ долженъ былъ бы бѣжать изъ государства, которое налагаетъ на него тяжелыя подати, беретъ дѣтей на службу себѣ, а удовольствій не даетъ ни какихъ. Кто осмѣлится сказать, что только страхъ полиціи удерживаетъ русскихъ мужиковъ въ нѣдрахъ государства? Русскій человѣкъ несъ и несетъ тяготу государственной жизни: Новгородецъ и Архангелогородецъ жертвуютъ на Восточную войну, на Болгаръ, не изъ страха и не для избѣжанія горшихъ непріятностей, а потому, что иначе не хотятъ поступать, потому что государственный союзъ, обереганіе его и жертвы для него, есть предметъ одного изъ первоначальныхъ хотѣній всякого, здороваго душою, русскаго человѣка, хотѣніе глубокое и малосознаваемое. Жизнь аскета, вовсе не рѣдкое и не исключительное явленіе, представляетъ намъ еще поучительный фактъ contra ученія о мотивахъ. Для послѣдняго она есть безсмыслица, глупость: изъ за неизвѣстнаго будущаго, и при томъ за гробомъ, человѣкъ отрицается отъ самого себя, отъ всякихъ наличныхъ удовольствій, избираетъ жизнь, полную лишеній, доходитъ до истязаній самаго себя. Возможно ли, чтобы представленіе будущей награды или будущаго наказанія за грѣхи, при томъ отдаленныхъ, могло бы хотя на минуту бороться съ дѣйствительными страданіями аскетической жизни, а главное, могли бы воодушевлять человѣка для подвиговъ, связанныхъ часто съ нестерпимыми мученіями.

Но вѣдь не всѣ аскеты постоянно держали въ своемъ умѣ мысль о вѣчныхъ наградахъ и наказаніяхъ: многіе жили для Бога и стремились быть съ Нимъ, не думая о загробныхъ послѣдствіяхъ своей дѣятельности и не мечтая о личномъ наслажденіи. Что же опредѣляло волю ихъ, какъ не хотѣніе именно такой аскетической жизни, опиравшееся на глубокое влеченіе въ ихъ природѣ, можетъ быть, особенно чуткой къ близости высшаго духовнаго міра и Высшаго Существа. Глубокое влеченіе служило основаніемъ всѣхъ сознательныхъ хотѣній ихъ.

И много такихъ необъяснимыхъ явленій мы найдемъ кругомъ себя, если станемъ держаться ученія о мотивахъ. Вотъ человѣкъ, который всю жизнь пробивается изъ за куска хлѣба, часто бываетъ холоденъ и голоденъ, потому что вездѣ преслѣдуетъ цѣли науки или искусства, которыхъ онъ, быть можетъ, и не совсѣмъ удачный служитель, а могъ бы сразу стать и богатымъ и чиновнымъ, если бы взялся за другія дѣла? Какъ не разсчетливо не многія удовольствія, доставляемыя ему научною или артистическою жизнію, онъ покупаетъ цѣною многихъ неудовольствій и страданій и главное, не догадывается обратиться къ жизни, могущей дать ему много наслажденій. Какъ не догадливо поступаютъ люди, совершая поступокъ, очевидно, влекущій за собою бѣды и несчастія, что они сами очень хорошо могли предвидѣть и предвидѣли. Развѣ нѣтъ людей, наконецъ, которые совершаютъ дурное и непремѣнно хотятъ осуществленія злого намѣренія, худой цѣли, вовсе не для удовольствія, котораго они въ немъ не находятъ, а для того, чтобы осуществить свое влеченіе, чтобы сдѣлать то, чего проситъ ихъ дурная натура. Такія и подобныя явленія станутъ понятны намъ лишь въ томъ случаѣ, если мы, вмѣсто мотивовъ, станемъ предполагать первоначальныя глубокія стремленія и влеченія воли, на осуществленіе которыхъ уходитъ цѣлая жизнь человѣка.

И такъ ученіе о мотивахъ, опредѣляющихъ волю человѣка, представляется несостоятельнымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ: невозможно ими объяснить дѣятельность воли. Защитники его, конечно, выражаются иногда въ такомъ смыслѣ, что вообще чувствованія и представленія ихъ побуждаютъ людей желать чего либо и отвращаться. Но въ фактическомъ изложеніи ученія они обыкновенно сводятъ всѣ побужденія на пріятную или тягостную сторону чувствованій. И такимъ образомъ у нихъ выходитъ, что всегда и вездѣ человѣкъ только тѣмъ и занятъ, чтобы бѣ-

жать неудовольствій и гнаться за удовольствіями. Если субъектъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ представленій гнѣва, страха, любви, ненависти, удивленія, долга чести и т. д., то для такихъ психологовъ его истинныя побудительныя причины заключаются въ томъ, чтобы избѣжать тягостей одного чувства, или испытать пріятности другого. Такимъ образомъ получается странное толкованіе побудительныхъ причинъ дѣйствій, что, избѣгая ужаснаго, постыднаго, безчестнаго, человѣкъ не хочетъ собственно непріятныхъ сторонъ чувствъ страха, стыда, униженія и поруганія чести: значитъ, не страшное само по себѣ, не постыдное и безчестное принуждаетъ его бѣжать отъ такихъ предметовъ, а неудовольствіе, съ ними сопряженное. И равно, когда человѣкъ въ любви и дружбѣ единится съ другими существами, исполняетъ долгъ, блюдетъ за своею честію, готовъ на религіозные подвиги, то онъ стремится доставить себѣ пріятныя стороны чувствованій любви и дружбы, долга, чести, благоговѣнія и т. д. Чувства удовольствія и неудовольствія являются у мотивистовъ, какъ средостѣнія, стоящія между человѣкомъ и впечатлѣніями, и препятствующія субъекту прямо относиться къ послѣднимъ. Но такая точка зрѣнія непримѣнима даже и къ такимъ чувствованіямъ, въ которыхъ, дѣйствительно, пріятная или непріятная стороны выдаются съ перваго взгляда. Въ радости и горѣ, конечно, неудовольствіе и страданіе составляютъ характеристичныя отличія. Но когда человѣкъ, кругъ дѣятельности котораго неожиданно расширился, который вдругъ сталъ богатъ, или неожиданно высоко подвинулся въ чиновной іерархіи, предается радости, или заключенный въ тюрьму, потерявшій состояніе, горюетъ, развѣ онъ радуется и горюетъ о томъ, что въ одномъ случаѣ ему пріятно, а въ другомъ непріятно, а не о томъ, что съ нимъ случились такія, а не другія событія, т. е. развѣ онъ имѣетъ эти чувствованія не по поводу содержанія и значенія фактовъ? Слѣдовательно, когда подъ вліяніемъ представленій радости или горя онъ будетъ стремиться къ осуществленію фактовъ, могущихъ вызвать въ немъ радость, и отвращаться тѣхъ, которые возбудятъ горе, то значитъ ли это, что онъ старается не объ осуществленіи или отвращеніи самыхъ событій, а только о доставленіи себѣ удовольствія и устраненіи неудовольствія. Ученіе мотивовъ не разъясняетъ намъ процесса опредѣленія воли къ дѣйствіямъ, а лишь затемняетъ его.

Такимъ образомъ невозможно выводить чувствованія изъ

физіологическихъ дѣятельностей, невозможно считать ихъ результатомъ умственной работы, нельзя давать сердцу самостоятельнаго главенствующаго положенія въ душѣ. Остается вывести его состоянія изъ отношеній воли къ впечатлѣніямъ, и такую попытку мы теперь и сдѣлаемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Хотѣнія и влеченія воли, какъ первооснованія видовъ чувствованій.

Что въ каждомъ чувствованіи есть непремѣнно и возбужденіе воли, это внѣ всякого сомнѣнія. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что на существованіе его указываетъ дѣятельность мускульной системы въ моменты развитія чувствованій и въ немъ мы нашли разъясненіе многихъ выраженій ихъ въ тѣлѣ. Теперь въ своихъ разсужденіяхъ мы можемъ идти далѣе. Нами было уже найдено, что въ разныхъ чувствованіяхъ волевые элементы далеко не одни и тѣ же, но что они находятся въ прямомъ соотношеніи со смысломъ чувствованій: волевыя выраженія гнѣва должны быть совсѣмъ иныя, чѣмъ радости или страха, потому что смыслъ его совсѣмъ различенъ отъ послѣднихъ. Въ чемъ же состоитъ смыслъ чувствованій? его слѣдуетъ искать въ различіи отношеній чувствующаго субъекта къ впечатлѣнію, на него дѣйствующему: онъ иначе относится къ нему во время гнѣва, чѣмъ во время стыда, иначе во время горя или благоговѣнія. Еслибы отношеніе субъекта ко всѣмъ впечатлѣніямъ, несмотря на различіе ихъ содержанія, было одно и тоже, то и чувствованіе развивалось бы по поводу ихъ всегда одно и тоже. Спрашивается, отчего же субъектъ неодинаково относится къ впечатлѣніямъ? потому что они въ различной степени укрѣпляютъ или ослабляютъ, вызываютъ или подавляютъ, содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ его дѣятельности, различно видоизмѣняютъ условія ея и т. д. Но такъ какъ дѣятельность субъекта опирается на волю его, есть собственно возбужденіе ея, то очевидно, что чувствованія, вызываемыя внутренними и внѣшними событіями, должны имѣть прямое отношеніе къ волѣ. Не то мы желаемъ

сказать, что когда сердце возбуждено, то являются желанія и отвращенія, а что родъ возбужденія сердца зависитъ отъ того, какое значеніе впечатлѣніе имѣетъ для дѣятельности воли. На всякое чувствованіе мы смотримъ по этому, какъ на послѣдствіе отношеній воли къ дѣйствію впечатлѣнія, на сопутствующій отзвукъ главнаго волевого процесса, происходящаго въ душѣ при встрѣчѣ съ событіями какъ внутренними, такъ и внѣшними. Потому чувствованія бываютъ различны, что впечатлѣнія способствуютъ или противодѣйствуютъ различнымъ основнымъ и первоначальнымъ хотѣніямъ воли и вызываютъ въ ней различнаго рода реакціи, которыя развиваются вмѣстѣ съ чувствованіями. Прослѣдимъ виды чувствованій съ этой точки зрѣнія.

Мы начнемъ съ волненій, именно съ нѣжныхъ чувствованій: любви, дружбы, грусти, гнѣва, ненависти, антипатіи и вражды. Вся эта группа состояній сердца основывается на отношеніяхъ воль различныхъ субъектовъ. Въ положительныхъ нѣжныхъ чувствованіяхъ есть элементъ влеченія одного существа къ другому, въ отрицательныхъ—отвращеніе, и они столь тѣсно связаны съ самими чувствованіями, что если элиминировать волевые элементы изъ нихъ, то совершенно исказятся состоянія сердца. Что станется напр. съ любовію, если изъ нея исключить влеченіе любящаго къ любимому существу, и что такое будетъ ненависть, если изъ нея изъять отвращеніе или отталкиваніе? И остальные элементы нѣжныхъ чувствованій, чувство цѣны и сочувствія въ однихъ, чувство ничтожности или презрѣнія и антипатіи въ другихъ, основываются собственно на волевыхъ элементахъ: существо даетъ цѣну другому существу, и готово усвоять себѣ состоянія его, а инымъ существамъ придаетъ весьма малую цѣну и оказываетъ имъ полное несочувствіе, потому что оно или чувствуетъ потребность въ другомъ существѣ и удовлетворяется союзомъ съ нимъ, или не только таковой потребности не чувствуетъ, но находитъ, что въ союзѣ съ извѣстнымъ субъектомъ стало бы хуже и потому всѣми мѣрами отвращается отъ него. Поэтому какъ любовь и дружба возникаютъ всего легче изъ послушанія и приспособленія одной воли къ другой, такъ гнѣвъ и вражда всего скорѣе берутся изъ противорѣчія ихъ и противодѣйствія. Равно, какъ положительныя нѣжныя чувствованія легко сопровождаются охотою къ послушанію, желаніемъ совмѣстнаго дѣйствія, приспособленіемъ одной воли къ другой, такъ и отрицательныя сопровождаются противоположными явленіями.

И это не значитъ, что любовь или вражда оказываютъ противоположныя вліянія на волю, но, что на почвѣ такихъ или другихъ отношеній воль развились самыя чувствованія: приспособленіе, желаніе совмѣстнаго дѣйствія, взаимное послушаніе ихъ, или наоборотъ, отталкиваніе, разъединеніе, противодѣйствіе были даны прежде чувствованій и послѣднія служатъ только показателями уже данныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія, понятны смыслъ и значеніе нѣжныхъ чувствованій: въ положительномъ ихъ видѣ сказывается влеченіе существъ къ гармоничному существованію съ другими, въ отрицательномъ — стремленіе устранить всё противодѣйствующее, могущее умалить нашу дѣятельность или значеніе нашего существа. Какъ мы увидимъ ниже, въ болѣе глубокомъ смыслѣ, положительный видъ есть показатель стремленій существъ къ образованію крѣпкихъ рядовъ и группъ между собою, отрицательный есть показатель противодѣйствія существъ ко всему, что можетъ путать и перемѣшивать ихъ ряды и группы, равно противодѣйствовать ихъ дѣятельности.

При такомъ взглядѣ на нѣжныя чувствованія намъ станетъ понятнымъ смыслъ грусти. Чего субъектъ убивается въ ней? По взгляду эмпирическихъ психологовъ выходитъ, что человѣку непріятна потеря удовольствія, которое доставлялось союзомъ съ другимъ существомъ: жалѣя умершаго или уѣхавшаго любимаго человѣка, субъектъ жалѣетъ, что потерялъ одинъ изъ источниковъ своихъ удовольствій. По нашему мнѣнію, смыслъ грусти болѣе глубокъ. Смертію, долговременною разлукою рушится союзъ между существами и утратившее должно чувствовать себя ослабленнымъ въ своей дѣятельности, слѣдовательно, умалившимся духовно; стремленіе къ гармоническому существованію становится у него неудовлетворимымъ, потребность отклика на душевныя состоянія не насыщенною. Этимъ объясняется чувство одиночества въ первое время послѣ разлуки или потери любимаго существа, и нѣкоторый родъ духовнаго безсилія, которое сказывается и въ мускульной бездѣятельности.

Радость и горе, уже по условіямъ своего возникновенія, прямо связаны съ волею. Радость возникаетъ по поводу событій, расширяющихъ кругъ нашей дѣятельности; горе, наоборотъ, является изъ событій, съуживающихъ его или прекращающихъ временно всякую нашу дѣятельность. Существо радуется, когда его воля встрѣчаетъ просторъ для себя, и горюетъ, когда на

нее налагаются узы, стѣсненіе. Этими чувствами существо слѣдитъ за измѣненіемъ условій своей дѣятельности вообще и чутко ко всякому значительному ихъ видоизмѣненію. Смыслъ ихъ, равно какъ и знакомыхъ намъ, обнаруженій радости и горя, можетъ быть понятъ только въ указанной точки зрѣнія.

Страхъ возникаетъ по поводу опасностей, угрожающихъ жизни существа, слѣдовательно, грозящихъ ему прекращеніемъ дѣятельности: можетъ онъ вызываться и опасеніемъ страданій, болѣе или менѣе тяжкихъ. При такихъ впечатлѣніяхъ воля должна быть въ самомъ возбужденномъ состояніи: она сильнѣйшимъ образомъ отрицаетъ ихъ, отклоняется и отвращается отъ нихъ; при сильнѣйшихъ опасностяхъ въ волѣ пробуждается напряженнѣйшее хотѣніе бытія и жизни (никогда человѣку не хочется такъ жить, какъ когда приходится умирать неестественною смертію). Страхъ и его выраженія въ тѣлѣ понятны, какъ показатели сильнѣйшаго отрицанія, т. е. отталкиванія отъ впечатлѣнія, и напряженнѣйшаго желанія бытія. Остальныя явленія, сопутствующія ему: сильнѣйшее противодѣйствіе впечатлѣнію, бѣгство отъ него понятны, какъ вторичныя послѣдствія главныхъ дѣйствующихъ причинъ. И этимъ чувствованіемъ субъектъ слѣдитъ за условіями своего бытія и дѣятельности и рѣшительно отклоняется отъ всего, что можетъ прекращать ее навсегда, или на долгое время.

Такъ называемыя, личныя волненія: чувства хвалы, порицанія и брани, чувства чести, стыда, самоуваженія развиваются несомнѣнно на основаніи соціальныхъ хотѣній и стремленій каждаго человѣческаго существа. Почему меня радуетъ хвала, огорчаютъ порицаніе и брань, почему я неравнодушенъ къ отзывамъ о моей личности, почему я стыжусь въ нѣкоторыхъ случаяхъ предъ другими? конечно, потому что внутренно и безсознательно для себя я желаю и хочу, чтобы моя дѣятельность признавалась полезною существами, окружающими меня, чтобы я не казался для другихъ низменнымъ и дурнымъ существомъ, чтобы имя мое не унижалось, чтобы моя дѣятельность не казалась малозначительною другимъ людямъ, потому что я хочу для себя цѣннаго и значительнаго бытія. Составляя союзъ духовъ и занимая каждый свое мѣсто въ духовной Іерархіи, люди крѣпко держатся за это мѣсто и никакимъ образомъ не желаютъ умаляться въ глазахъ какъ другихъ людей, такъ и собственныхъ. Такого рода желанія ограничиваются только ближайшею обстанов-

кою, т. е. тою областію духовъ, среди которыхъ приходится субъекту дѣйствовать. Мнѣніе Новозеландскаго дикаря о нашей личности не интересно для насъ и то сужденіе его, которое могло бы сильнѣйшимъ образомъ затронуть честь, или доставить большое чувство хвалы, будь оно высказано однимъ изъ окружающихъ насъ лицъ, нисколько не затрогиваетъ насъ ни въ какомъ смыслѣ. Да и среди того народа въ которомъ мы живемъ, мнѣнія многихъ лицъ нѣкоторыхъ классовъ совсѣмъ невозбуждаютъ насъ. Почему? если бы мнѣнія и положенія, какъ таковыя, прямо дѣйствовали на сердце и возбуждали въ немъ волненія, то они вызывали бы вышеупомянутыя чувства всегда, кѣмъ бы ни были произнесены и предъ кѣмъ бы мы въ эти положенія поставлены ни были. Если этого не бываетъ, то, конечно, отъ того, что въ одномъ случаѣ эти мнѣнія и положенія противорѣчатъ нашимъ стремленіямъ, а въ другомъ нѣтъ.

Такимъ образомъ въ чувствѣ хвалы субъектъ съ удовлетвореніемъ встрѣчаетъ признаніе цѣнности и значенія своей личности другими и оно есть собственно чувство удовлетвореннаго стремленія къ подобному признанію со стороны союзныхъ существъ. Въ чувствѣ чести человѣкъ откликается на попытки унизить личность его; въ стыдѣ онъ волнуется по поводу запинанія дѣятельности и опасенія признанія ея другими существами малозначительною; въ самоуваженіи онъ удовлетворяетъ своему стремленію быть значительнымъ и цѣннымъ въ собственныхъ своихъ глазахъ. Всѣ эти чувства возникаютъ потому, что человѣкъ стремясь къ дѣятельности, т. е. собственно къ умноженію бытія своего, весьма неравнодушенъ къ ея успѣху. На него существеннымъ образомъ вліяетъ то обстоятельство, какая цѣна и какое значеніе придаются субъектомъ самому себѣ, а равно и другими существами, съ которыми онъ въ союзѣ, понижается онъ или повышается и крѣпко ли вообще держится за мѣсто въ Іерархіи духовъ. И эти чувства понятны, только когда мы поставимъ ихъ въ связь съ хотѣніями и стремленіями воли.

Происхожденіе и смыслъ возбужденій становятся намъ ясны только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ отношеніе воли къ впечатлѣніямъ, какъ основу, на которой они являются.

Чувство новости имѣетъ смыслъ удовлетворенія нашего стремленія къ обновленію содержанія мысли, матеріала и условій нашей дѣятельности вообще. Удивленіе есть собственно результатъ встрѣчи субъекта съ необыкновенно великимъ или малымъ.

Что въ немъ дѣло идетъ объ отношеніи воли къ впечатлѣніямъ, это доказывается исторіей образованія представленій о величинѣ предметовъ. Большое и малое имѣютъ для насъ въ концѣ концовъ тотъ смыслъ, что означаютъ различныя напряженія для обзора или передвиженія предметовъ своими усиліями, т. е. они соотвѣтствуютъ слабымъ или большимъ усиліямъ мускуловъ, глазъ или рукъ, или всего тѣла. Великое прежде всего то, что требуетъ необычно большихъ усилій для своего познанія, малое, что̀ познается и понимается съ необычно малыми усиліями: когда это малое представляетъ необычно большую задачу для ума, оно въ своемъ родѣ вызываетъ также удивленіе; когда же оно менѣе того, чѣмъ должно было бы быть, то возбуждаетъ презрѣніе. Слѣдовательно, удивленіе и презрѣніе возникаютъ на почвѣ усилій, дѣлаемыхъ волею для того, чтобы овладѣть впечатлѣніемъ въ познаніи, или подчинить его себѣ. Не будь этихъ усилій и не возбуждайся воля при встрѣчѣ съ предметами, не было бы для насъ ни великихъ, ни малыхъ предметовъ, и слѣдовательно, чувствъ удивленія и презрѣнія. Возможный смыслъ этихъ возбужденій и чувствованій, съ ними связанныхъ, заключается въ томъ, что для правильной дѣятельности существа ему необходимо обращать вниманіе какъ на большее, такъ и меньшее сравнительно съ нимъ, съ его физическими и духовными силами. Удивляясь великому и цѣнному въ природѣ, равно какъ презирая малое и ничтожное въ ней, субъектъ становится своимъ умомъ и сердцемъ въ правильное отношеніе къ физическимъ фактамъ. Равно, удивляясь великимъ нравственнымъ силамъ, встрѣчающимся въ Іерархіи духовъ, и презирая ничтожныя и мелкія энергіи, субъектъ такимъ образомъ сторонится отъ всего низкаго и малаго, боится отождествиться съ нимъ, и влечется къ высшему и большему, чѣмъ онъ.

Чувство уваженія въ концѣ концовъ понятно, только какъ выраженіе склоненія одной воли предъ другою, одной нравственной силы предъ другою равною или большею. Что это чувство имѣетъ прямое отношеніе къ волѣ, это доказывается тѣмъ, что мы уважаемъ кого бы то ни было по преимуществу за характеръ, т. е. за сильную и крѣпкую волю. Какъ человѣкъ ни уменъ, но если онъ безхарактеренъ, это сказывается и на его умѣ и при всемъ талантѣ послѣдняго, онъ не вызоветъ уваженія. Мы уважаемъ человѣка и за сердце, за великодушные и благородные порывы его; но эти порывы находятся въ связи съ нравствен-

ными стремленіями и влеченіями воли; слѣдовательно, и сердце мы уважаемъ только за волевой элементъ, въ немъ дѣйствующій: никто не станетъ уважать человѣка, потому что онъ слишкомъ энергично продѣлываетъ каждое чувствованіе. Уважаемъ мы людей главнѣе всего за твердый и устойчивый характеръ. Съ другой стороны, въ чувство уваженія входитъ, какъ существенная часть, готовность воли считаться съ волею уважаемаго человѣка, принять въ разсчетъ ее, даже подчиниться волѣ уважаемаго субъекта; поэтому чувство уваженія называется иногда чувствомъ авторитета, а съ этимъ чувствомъ соединяется и послушаніе тому, кому авторитетъ придается. Смыслъ этого чувствованія тотъ, что имъ выражаются правильныя отношенія субъектовъ къ равнымъ и высшимъ нравственнымъ силамъ, удаленнымъ отъ ряда, въ которомъ находится уважающій, и имъ обезпечивается крѣпость союза членовъ въ Іерархіи духовъ.

Нѣтъ, кажется, надобности много доказывать, что нравственныя возбужденія развиваются въ прямой зависимости отъ воли. Чувство долга есть собственно внутреннее самоограниченіе воли и развивается въ тотъ моментъ, когда воля ограничиваетъ саму себя тѣмъ, что, по признанію разума, должно опредѣлять линію поведенія ея. Самоограниченіе воли предшествуетъ чувству долга: только тогда и можно чувствовать его, когда воля имѣетъ рѣшимость сама себѣ ставить предѣлъ и границу по идеѣ нравственнаго закона. Чувство совѣсти рождается также на основѣ воли, дѣйствующей нравственно или безнравственно: довольство совѣсти означаетъ собственно покой воли, сохраненіе ею собственной свободы (поэтому въ довольствѣ совѣсти есть чувство радости); въ угрызеніяхъ совѣсти есть безпокойство воли, безсильной взять обратно сдѣланное, наложившей на себя путы, ограничившіе свободу ея. Безпокойство и спокойствіе воли, состоянія удовлетворенія и неудовлетворенности ея, не сопутствуютъ только чувствамъ довольства и угрызеній совѣсти, а составляютъ основу, на которой эти чувства возникаютъ: послѣднія суть собственно показатели состояній воли. Смыслъ нравственныхъ чувствованій тотъ, что ими субъектъ слѣдитъ за нравственною своею дѣятельностію: чувствомъ долга оберегаетъ неуклонность нравственныхъ влеченій и стремленій къ должной цѣли; чувствами совѣсти то ободряетъ свою энергію къ дальнѣйшей моральной дѣятельности, то самъ же себя тревожитъ за свои противонравственныя дѣйствія.

Возбужденія сомнѣнія, вѣры, ожиданія и надежды объяснимы

въ своемъ происхожденіи и смыслѣ, только если понимать ихъ какъ выраженія состояній воли и отношеній ея къ впечатлѣніямъ. Сомнѣніе не понятно, какъ состояніе ума; ибо онъ можетъ или знать предметъ или не знать его, утверждать или отрицать, но не можетъ дѣлать то и другое вмѣстѣ, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою. Но оно понятно, какъ безпокойство воли, не могущей, вслѣдствіе неполноты знанія, рѣшиться на что нибудь. Выше мы говорили, что утвержденіе и отрицаніе понятны, какъ согласіе воли допускать или недопускать сочетаніе мыслей и обозначеніе предметовъ извѣстными признаками. Но такъ какъ знанія полнаго нѣтъ, то воля не можетъ окончательно рѣшиться на утвержденіе или отрицаніе; между тѣмъ потребность знанія и рѣшенія есть въ волѣ и безпокойство ея еще болѣе усиливается неудовлетвореннымъ желаніемъ.

Чувство вѣры понятно какъ спокойствіе воли, рѣшившейся утверждать или отрицать безъ поворота какую либо мысль, которая является въ глазахъ субъекта, какъ твердая и несомнѣнная истина. Вѣра не есть только простое согласіе ума съ извѣстнымъ положеніемъ, но и предполагаетъ желаніе, иногда доходящее до страстнаго влеченія, непремѣнно утверждать, допускать, признавать истину извѣстнаго содержанія: спокойствіе воли можетъ быть достигнуто въ этомъ случаѣ только признаніемъ извѣстной мысли, или извѣстнаго ряда мыслей истинными. Оттого человѣкъ такъ легко вѣритъ тому, чего желаетъ, къ чему самъ стремится. Слѣдовательно, не вѣра предопредѣляетъ волю, а на оборотъ, послѣдняя первую: изъ стремленій воли прежде всего возникаетъ вѣра.

Ожиданіе въ основѣ своей имѣетъ состояніе ненасыщенной воли. Не смотря на свою неудовлетворенность, мы можемъ вѣрить, что насыщеніе воли послѣдуетъ непремѣнно въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени, или сомнѣваться, что удовлетвореніе вообще будетъ. Въ первомъ случаѣ ожиданіе бываетъ спокойнымъ, въ другомъ безпокойнымъ. Но и спокойное ожиданіе ажитируетъ, потому что оно всетаки возникаетъ изъ ненасыщенности, неудовлетворенности воли, слѣдовательно, болѣе или менѣе безпокойнаго ея состоянія. Неувѣренное же въ благопріятномъ исходѣ ожиданіе въ высшей степени безпокойно и именно въ той мѣрѣ, въ какой мы интересуемся исходомъ, т. е. желаемъ его. Тѣмъ обстоятельствомъ, что ожиданіе основывается

на неудовлетворенности воли, которая между тѣмъ можетъ желать удовлетворенія и насыщенія, объясняется ажитація, положительно мучащая человѣка въ моменты безпокойнаго ожиданія.

Нѣтъ надобности доказывать, что чувствованія удовлетворенія, удачи, силы и противоположныя имъ имѣютъ первоосновaніемъ своимъ волю. Смыслъ всѣхъ этихъ, какъ и вышеуказанныхъ: сомнѣнія, вѣры, ожиданія и надежды, понятенъ, какъ выразителей различныхъ состояній воли, стремящейся къ осуществленію цѣлей: она безпокоится, не зная на что рѣшиться (сомнѣніе), или покойно утверждается на достигнутомъ содержаніи, какъ истинномъ, (вѣра), или еще неудовлетворенная и ненасыщенная временно останавливается у цѣли, (ожиданіе), или отказавшись отъ цѣлей, отъ осуществленія стремленій и влеченій, въ отчаяніи отрицаетъ себя саму; цѣль достигается ею (удовлетвореніе) или не достигается (неудовлетвореніе), при томъ послѣ усилія (удача и неудача); наконецъ, воля, легко осуществляющая рядъ цѣлей, чувствуетъ свою энергію (чувство силы), или, напротивъ, послѣ неудачъ, ослабляется въ своемъ напряженіи и чувствуетъ свою недостаточность для цѣлей своихъ влеченій и стремленій (чувство безсилія). Такимъ образомъ указанными чувствами мы слѣдимъ за разнообразными моментами дѣятельности воли и въ формѣ первыхъ сознаемъ различныя ея перипетіи.

И такъ, относительно волненій и возбужденій можемъ считать доказаннымъ то положеніе, что они развиваются на основѣ воли, суть показатели различныхъ ея отношеній къ внутреннимъ и внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Можно ли примѣнить эту гипотезу къ такъ называемымъ наслажденіямъ? Но мы уже говорили, что наслажденіе тогда только чувствуется субъектомъ, какъ таковое, когда оно пріемлется и желается имъ: сладость пріятна, когда субъектъ не противъ ея, но она отвратительна для нежелающаго. Умственное наслажденіе существуетъ также для желающаго и стремящагося къ нему субъекта, но оно немыслимо для того, кто не имѣетъ въ немъ потребности. Даже эстетическое наслажденіе возможно для того, кто имѣетъ наклонность къ нему; безъ малѣйшаго стремленія къ красотѣ, субъектъ не можетъ наслаждаться первокласными произведеніями искусства. И что особенно замѣчательно, наслажденіе растетъ въ своей силѣ въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ жаждетъ его и влечется къ нему. Чувственно, эстетически и умственно всего болѣе наслаждаются тѣ субъекты, которые имѣютъ стремленія чувственныя, эстетическія и умствен-

ныя. Слѣдовательно, и въ основаніи наслажденій всякого рода мы должны предполагать различныя стремленія, которыя въ разной мѣрѣ удовлетворяются такими или другими впечатлѣніями.

Провести нашу мысль, повидимому, нетрудно относительно чувственныхъ наслажденій, несмотря на то, что они возникаютъ отъ разнообразныхъ причинъ и при различныхъ обстоятельствахъ. Обратимся прежде всего къ яснымъ и простымъ случаямъ. Наслажденіе является, когда удовлетворяются какія либо потребности и нужды тѣлеснаго организма: для голоднаго пища доставляетъ наслажденіе, для жаждущаго — вода; когда организмъ требуетъ кислаго, сладкаго, или горькаго вкуса, то предметъ съ соотвѣтствующимъ вкусомъ принимается субъектомъ съ удовольствіемъ. Относительно всѣхъ нисшихъ чувствованій, можно поставить общее положеніе, что впечатлѣнія лишь при тѣхъ обстоятельствахъ несутъ удовольствіе и наслажденіе, когда они требуются организмомъ, такъ что впечатлѣніе, доставившее наслажденіе въ моментъ, когда на него въ тѣлѣ былъ спросъ, составитъ источникъ мученія, если оно будетъ дѣйствовать, когда организмъ не нуждается въ немъ. Запахи и вкусы, осязанія, всѣ безусловно подходятъ подъ сдѣланное обобщеніе.

Потребность въ простыхъ тонахъ и зрительныхъ ощущеніяхъ чувствуется организмомъ рѣдко и только случайно; но когда она бываетъ, то почти всякій тонъ и всякое впечатлѣніе свѣта даютъ удовольствіе субъекту. Послѣ долгаго пребыванія среди тишины и въ уединеніи пріятенъ всякій звукъ, какъ послѣ долгаго мрака пріятно выйти на свѣтъ. При обыкновенномъ обращеніи съ тонами и звуками, намъ не нравятся всѣ рѣзкія, сильныя зрительныя и слуховыя впечатлѣнія, менѣе нравятся слабыя, а всего болѣе по нраву — средней силы. Къ такому обобщенію мы пришли выше, говоря о чисто чувственныхъ наслажденіяхъ. Но относительно малыхъ впечатлѣній слѣдуетъ замѣтить, что они не нравятся намъ въ томъ случаѣ, когда мы интересуемся звуковымъ или свѣтовымъ впечатлѣніемъ, а между тѣмъ оно недостаточно сильно: непріятно, когда говорятъ тихо, а намъ необходимо разслушивать рѣчь, или въ полутемнотѣ разглядывать интересный предметъ. Слабое впечатлѣніе становится непріятнымъ потому, что оно даетъ намъ очень мало противъ того, что должно давать, неудовлетворяетъ нашему стремленію. И это замѣчаніе простирается не только на слуховыя и зрительныя впечатлѣнія, но приложимо и ко всѣмъ остальнымъ: вкусовымъ, запахамъ и

осязательнымъ. Средней силы впечатлѣніе намъ бываетъ по праву, потому что оно удовлетворяетъ насъ, даетъ то, что нужно намъ; при немъ, мы въ состояніи знакомиться съ предметами, какъ того мы желаемъ.

Сильныя впечатлѣнія производятъ чувство боли и непріятны намъ; равно не нравятся намъ впечатлѣнія, когда даются въ извѣстной формѣ, наприм. перерывчатый свѣтъ, тонъ. Что разрушаетъ нервъ или грозитъ ему разрушеніемъ, истощаетъ его энергію, то несетъ намъ неудовольствіе и даже страданіе. Однако, и это, повидимому, самое естественное обобщеніе въ виду нѣкоторыхъ фактовъ не можетъ быть поддерживаемо безусловно. Всякое неудовольствіе и физическое страданіе, сопровождающее неблагопріятное дѣйствіе впечатлѣній на организмъ, только въ томъ случаѣ непріятны, когда они случаются противъ воли субъекта; когда же онъ желаетъ ихъ, то они вызываютъ огромное удовольствіе. Самобичеваніе должно сопровождаться страданіемъ, равно какъ изможденіе тѣла голодомъ, холодомъ и т. д. Но аскетамъ все это доставляетъ наслажденіе, потому что этихъ впечатлѣній именно они желали. Пьяница отравляетъ свое тѣло водкою и разрушаетъ его, но она доставляетъ ему удовольствіе, потому что такова потребность его тѣла. Сильныя, рѣзкія, мучительныя впечатлѣнія не сопровождаются страданіями, когда субъектъ желаетъ ихъ. Но въ большинствѣ случаевъ они непріятны и доставляютъ страданія. Почему? потому, что они вообще противорѣчатъ нуждамъ и потребностямъ организма. Такія впечатлѣнія болѣзненны и мучительны, потому, что противорѣчатъ всецѣло *физіологической* волѣ человѣка.

Мы употребляемъ выраженіе „физіологическая воля“ для обозначенія тѣхъ сторонъ воли, которыми она обращена къ тѣлу. Возбужденія нервовъ и мозга порождаютъ въ душѣ ощущенія, оживленіе частей мозга побуждаетъ ее къ соотвѣтствующей дѣятельности; также точно и другія различныя состоянія организма могутъ вліять на волевую сторону души и вызывать въ ней стремленія и влеченія, цѣль которыхъ составляетъ удовлетвореніе нуждъ и потребностей тѣла. Человѣкъ хочетъ ѣсть и пить и стремится къ утоленію голода и жажды. Почему же нельзя думать, что, рядомъ съ этими стремленіями физіологическаго характера, существуетъ множество другихъ: послѣ продолжительнаго покоя есть потребность въ тѣлѣ и желаніе въ душѣ тѣлесной дѣятельности, послѣ продолжительной работы

каждый органъ и все тѣло требуетъ отдыха и желаніе отдыха является и въ душѣ. Въ ребенкѣ эти потребности пищи и питья, отдыха и дѣятельности существуютъ, какъ безсознательныя влеченія, и этотъ фактъ дозволяетъ думать, что, даже при развитомъ и зрѣломъ сознаніи, могутъ быть въ взрослом субъектѣ многія стремленія и влеченія, возникающія изъ нуждъ и потребностей тѣла, остающіяся, однакожь, безсознательными. Такимъ образомъ воля желаетъ и стремится ко всему, что поддерживаетъ тѣлесное благосостояніе, что возбуждаетъ энергію всего тѣла, того или другого изъ его органовъ и всякое противорѣчіе впечатлѣній этимъ условіямъ, все разрушительное, убивающее энергію и дѣятельность каждаго органа въ отдѣльности или всего тѣла, вызываетъ нежеланіе, отвращеніе, которое и сказывается въ сердцѣ, какъ страданіе. Совокупность такихъ стремленій и влеченій души, объектомъ которыхъ служатъ нужды, потребности, вообще состоянія тѣла, мы и называемъ физіологическою волею *).

Что такія стремленія въ волѣ могутъ быть безсознательны и всетаки существуютъ реально, примѣры того мы видимъ и въ чисто психической области. Страхъ возникаетъ, когда является опасность физическаго или духовнаго страданія, и ужасъ, — когда что либо угрожаетъ самой жизни субъекта. Состояніе ужаса понятно, какъ противодѣйствіе опасному впечатлѣнію,

*) Строго говоря, помимо физіологической воли, невозможно и говорить о нуждахъ и потребностяхъ организма. Тѣло, какъ собраніе молекулъ и атомовъ, не можетъ чувствовать нужды и потребностей: ибо для мускуловъ и атомовъ рѣшительно все равно, въ какомъ положеніи ни находиться; вещество, какъ таковое, измѣняться не можетъ и если оно не имѣетъ одушевленія, то и чувствовать перемѣнъ въ своихъ сочетаніяхъ также не можетъ. Для атомовъ и молекулъ, какъ таковыхъ, все равно, составлять ли соединенія, при которыхъ глазъ здоровъ и функціонируетъ правильно, или вступать въ сочетанія, при которыхъ онъ будетъ слѣпъ, а субъектъ, его имѣющій, невыносимо страдать. Равно, каждому атому и каждой молекулѣ нѣтъ дѣла до того, что дѣлается съ другими молекулами. Надтреснувшая чашка не страдаетъ отъ трещины, въ ней явившейся, и переставшіе ходить правильно часы не мучатся отъ того, что попортились въ нихъ зубцы колесъ, все равно какъ камень не можетъ чувствовать себя хуже отъ того, что молотъ отъ него откололъ частицу. Но органическое тѣло чувствуетъ всякого рода помѣхи и нарушенія въ своей дѣятельности, конечно не какъ тѣло, собраніе молекулъ и атомовъ, а какъ нѣчто высшее, или лучше, потребности и нужды, страданія и удовольствія можетъ чувствовать, одушевляющее тѣло, начало и въ нашемъ тѣлѣ нужды и потребности, согласіе, противодѣйствіе впечатлѣній, соотношеніе функцій, ихъ нарушеніе, равновѣсіе и т. д. могутъ быть оцѣниваемы только какою нибудь волею, одного желающею, отъ другого отвращающеюся. Только на ея языкѣ можетъ то или другое состояніе организма выражаться какъ нужда, потребность тѣла, какъ удовольствіе, страданіе и т. д. Впрочемъ, къ этому вопросу мы возвратимся въ третьемъ томѣ.

возникающее изъ пробуждающагося съ особенною силою желанія жизни. Только въ такія рѣдкія минуты и доходитъ до сознанія, присущее каждому субъекту, хотѣніе жизни, хотя оно несомнѣнно руководитъ имъ и во все другое время и многія человѣческія дѣйствія въ обыденной жизни объясняются существованіемъ такого хотѣнія. Оно никогда не оставляетъ человѣка, но, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, ему нѣтъ никакого повода возвращаться на него и сознавать его. Въ радости мы обнаруживаемъ довольство расширеніемъ свободы и круга дѣятельности и это желаніе постоянно сопутствуетъ человѣку; однако, сознательно мы никогда не останавливаемся на немъ, да и въ моменты радости не отдаемъ сознательно себѣ отчета, почему собственно радуемся извѣстному событію. Такъ и физіологическія хотѣнія и стремленія обыкновенно нами не сознаются, но съ особенною силою сказываются въ моменты наслажденій и страданій, для которыхъ составляютъ почву и основу. Что въ физическомъ страданіи есть волевой элементъ и оно находится въ тѣсной зависимости отъ послѣдняго, это доказывается фактами. Страданіе уменьшается, когда человѣкъ примиряется съ нимъ: оно становится тогда, какъ говорятъ, выносимо, но примиреніе въ этомъ случаѣ означаетъ рѣшимость воли не противодѣйствовать ему, или даже желать его. Затѣмъ, извѣстно что мучительныя страданія сопровождаются часто гнѣвомъ, гнѣвнымъ раздраженіемъ на причину боли: чѣмъ она мучительнѣй, тѣмъ болѣе бываетъ подобный гнѣвъ. Значитъ, въ страданіи есть отрицаніе, противодѣйствіе причинѣ его, и страдая, мы находимся въ такомъ положеніи, какъ если бы что нибудь неотступно противорѣчило и противодѣйствовало опредѣленному нашему желанію или хотѣнію. При продолжительности или силѣ страданій, этотъ волевой элементъ обнаруживается съ особенною силою и представляется сознанію, какъ гнѣвное возбужденіе.

Происхожденіе и смыслъ чувственныхъ наслажденій и страданій, по нашему мнѣнію, должны быть объясняемы также, какъ и — остальныхъ чувствованій. Во всякомъ наслажденіи и страданіи есть волевой элементъ, есть хотѣнія и стремленія, изъ согласія или противорѣчія которыхъ съ дѣйствіемъ впечатлѣній на организмъ происходитъ въ одномъ случаѣ наслажденіе, въ другомъ — страданіе. Наслажденіе понятно, какъ удовлетвореніе физіологической воли, страданіе какъ ея противодѣйствіе, по-

давляемое, однакожь, насиліемъ, дѣлаемымъ ей со стороны физіологическаго впечатлѣнія.

При какихъ условіяхъ возбуждается указанная физіологическая воля—и чѣмъ собственно, опредѣлить это есть одна изъ задачъ Физіологіи. Она должна рѣшить, въ какой мѣрѣ трата свободной энергіи, или вещества, оживленіе энергіи органа, нарушеніе равновѣсія въ отправленіяхъ, или возстановленіе его, утвержденіе, согласіе или противорѣчіе съ ритмомъ дѣятельности органа, или всего тѣла, вызываетъ удовлетвореніе или противодѣйствіе физіологической воли. Когда Физіологія разъяснитъ намъ эту сторону дѣла, будетъ ясно, гдѣ искать разрѣшенія нѣкоторыхъ недоумѣній: напримѣръ, почему менѣе важныя нарушенія отправленій въ органахъ тѣла иногда сопровождаются болѣе сильными страданіями, чѣмъ болѣе важныя (зубныя боли и мозговыя разстройства), или начало нѣкоторыхъ мозговыхъ разстройствъ сопутствуется чувствомъ особаго удовольствія. Причины могутъ быть и физіологическія: такъ какъ страданія и наслажденія, какъ психическіе процессы, связаны съ дѣятельностію нервной системы, и безъ нея физіологическая воля не можетъ дѣйствовать, то сила наслажденій и страданій будетъ зависѣть отъ распредѣленія нервовъ въ частяхъ тѣла, отъ количества нервныхъ окончаній въ нихъ: гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ, наприм. въ ногтяхъ, волосахъ, тамъ не дѣйствуетъ и физіологическая воля, хотя бы рѣзали и жгли ихъ. Далѣе, такъ какъ взаимодѣйствіе между тѣломъ и духомъ управляется опредѣленными законами, то если степени и самые роды противодѣйствія и удовлетворенія воли возбуждаются процессами опредѣленнаго качества и формы, отъ характера процессовъ въ разныхъ органахъ тѣла, при разныхъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ на нихъ вліяніяхъ, будетъ зависѣть сила страданій, и можетъ случиться, что часть тѣла (напримѣръ зубы), въ которой нервы подвергаются такого качества разстройству, съ которымъ связано сильное противодѣйствіе воли, должна давать своимъ разстройствомъ поводъ къ большему страданію, чѣмъ другой органъ, котораго нервы не подвергаются вообще такому разстройству, хотя болѣзнь его опасна для организма; поэтому страданія, сопровождающія ее, будутъ менѣе сильны. Можетъ быть и то, что если начало болѣзни обнаруживается въ состояніяхъ, хотя ненормальныхъ, но такихъ, которыя вообще принимаются волею за благопріятныя, и ей по нраву, то оно

будетъ сказываться, конечно временно, даже усиленнымъ удовольствіемъ.

Но едва ли не скорѣе придется искать объясненія этихъ явленій на психологической почвѣ. Какъ и вообще въ чувствованіяхъ, въ наслажденіяхъ и страданіяхъ слѣдуетъ различать сторону глубины отъ стороны силы. Страданія могутъ быть глубоки и сильны, наприм. при болѣзняхъ костей, воспаленіи брюшины, внутренняго уха, но они могутъ быть сильны, а не глубоки, наприм. зубныя боли, и могутъ быть глубоки, а не сильны, напримѣръ, глубокія мозговыя страданія, не сопровождающіяся чувствомъ боли. Такъ какъ сознаніе сопровождаетъ преимущественно силу, энергію душевныхъ состояній, а за глубиною ихъ слѣдитъ только въ томъ случаѣ, когда она соединяется съ силою, то глубокія страданія могутъ не сознаваться и вообще быть малыми, когда они не энергичны и не доводятся съ энергіей до чувствилища, и на оборотъ, не глубокія, но очень сильныя страданія, будутъ чрезвычайно мучительны, потому что энергично сознаются. Тоже самое мы видимъ и во всей остальной духовной жизни человѣка: наприм. глубочайшія стремленія и влеченія воли мало или даже совсѣмъ не сознаются имъ, и сознаніе большею частію бываетъ занято поверхностными мимолетными желаніями и хотѣніями. Почему глубокимъ страданіямъ недостаетъ иногда силы, чтобы энергично сознаваться, это можетъ зависѣть, конечно, и отъ физіологическихъ причинъ.

Сложнѣе происхожденіе эстетическихъ чувствованій. Нѣкоторыя изъ нихъ основываются прежде всего на чувственныхъ впечатлѣніяхъ: таковы наслажденія музыкою, живописью и скульптурою. Но дѣйствіе этихъ искусствъ на душу только частію можетъ быть названо чувственнымъ; главнѣе же они возбуждаютъ высшую, чисто духовную, сторону человѣка. Чувственное дѣйствіе ихъ вызываетъ чувственное же наслажденіе и такъ какъ послѣднее возможно подъ условіемъ согласія дѣйствія впечатлѣній съ физіологическою волею, то значитъ, удовольствіе гармоніи и неудовольствіе дисгармоніи аккордовъ, сочетаній цвѣтовъ и фигуръ должны быть понимаемы, какъ удовлетвореніе или неудовлетвореніе требованій и потребностей физіологической воли человѣка. Теорія музыки и пластическихъ искусствъ, равно какъ Физіологія, изслѣдуютъ условія, при которыхъ тоны, цвѣта и фигуры удовлетворяютъ нашимъ физіологическимъ требованіямъ, равно какъ и сущность физіологическихъ процессовъ, которые возбужда-

ются эстетическими тонами, цвѣтами и фигурами. Такъ какъ всѣ эти элементы становятся эстетическими, когда даются въ извѣстныхъ сочетаніяхъ и формахъ, то чувственное наслажденіе ими должно основываться на какомъ либо соотношеніи, согласіи физіологическихъ процессовъ, возбуждаемыхъ ими. Требованія и потребности физіологической воли въ этомъ отношеніи сложнѣе, и наукѣ не легко разобрать ихъ.

Но главное дѣйствіе чувственныхъ искусствъ состоитъ въ извѣстномъ возбужденіи духа. Здѣсь первое условіе, чтобы то или другое искусство производило эстетическое дѣйствіе, есть желаніе и потребность въ немъ со стороны субъекта. Музыка дѣйствуетъ лишь на того, у кого есть хотя небольшое влеченіе къ ней и потребность въ музыкальныхъ впечатлѣніяхъ: кто ихъ не ищетъ, тотъ и наслажденій отъ нихъ чувствовать не способенъ. Живопись, скульптура, архитектура дѣйствуютъ только на того, кто желаетъ ихъ дѣйствія. И мы знаемъ, что есть огромное число людей, способныхъ слушать и видѣть, но которые рѣшительно не способны чувствовать красоты музыки и пластическихъ искусствъ, всѣхъ вообще, или только нѣкоторыхъ изъ нихъ. У нихъ, слѣдовательно, нѣтъ потребности, нѣтъ охоты и влеченій къ нимъ. О такихъ людяхъ говорятъ, что у нихъ нѣтъ любви къ искусству, т. е. недостатокъ влеченія къ нему. Любовь, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, основывается на потребности гармоническаго существованія съ кѣмъ либо, потребности быть лучше и совершеннѣе отъ союза съ другимъ существомъ, особенно съ красотою. Высшій смыслъ влеченія къ искусству заключается въ стремленіи человѣка единиться съ красотою и вступать въ союзъ съ нею, дабы самому возвысить свое существованіе. У кого это влеченіе сильно, тотъ радуется встрѣчѣ съ каждымъ произведеніемъ искусства и созерцая его, чувствуетъ свою близость къ красотѣ и наслаждается ею: его потребность дѣйствія ея, сосѣдства съ нею, болѣе или менѣе здѣсь удовлетворяется; иной субъектъ чувствителенъ къ откровенію красоты только въ извѣстной формѣ, въ музыкѣ, или живописи, и онъ способенъ наслаждаться только этою формою откровенія; третій совсѣмъ не можетъ замѣчать и чувствовать красоты въ такихъ откровеніяхъ и онъ глухъ и слѣпъ ко всякому искусству.

Слѣдовательно, интеллектуальная сторона чувственныхъ искусствъ основывается на потребности воли, на ея влеченіяхъ и стремленіяхъ къ красотѣ. Чувственныя искусства услаждаютъ

физіологически, удовлетворяя вполнѣ потребностямъ и стремленіямъ физіологической воли, и интеллектуально, удовлетворяя стремленіямъ души къ красотѣ.

Изъ интеллектуальныхъ эстетическихъ чувствованій чувство высокаго прямо должно быть объясняемо изъ стремленія воли къ красотѣ. Великое есть одно изъ откровеній красоты и оно имѣетъ возвышающее дѣйствіе на душу: оно дѣлаетъ ее лучшею, слѣдовательно, удовлетворяетъ ея потребности и влеченію возвысить свое существованіе. Дѣйствіе трагическаго впечатлѣнія можетъ быть также сведено къ дѣйствію высокаго на душу: ибо въ немъ великая нравственная сила, вызывающая въ зрителѣ сочувствіе къ себѣ, представляется въ борьбѣ съ разными бѣдствіями и несчастіями и соприкосновеніе души зрителя съ откровеніемъ красоты въ нравственномъ образѣ возвышаетъ ее, а симпатическія чувствованія, при этомъ развивающіяся, освобождаютъ ее на время отъ эгоизма, слѣдовательно, также улучшаютъ. Что служитъ основаніемъ удовольствія въ комизмѣ? Это чувство возникаетъ изъ несоотвѣтствія впечатлѣнія съ должною мѣрою, къ нему прилагаемою, при чемъ оно кажется малымъ, ничтожнымъ. Такъ какъ понятія о величинѣ, тяжести основываются на усиліи воли, то и малое, ничтожное, гдѣ бы и въ какой бы формѣ оно не встрѣчалось, понятно намъ, какъ нѣчто требующее малыхъ, гораздо менѣе обыкновенныхъ, усилій воли, чтобы имъ орудовать, распоряжаться по нашему усмотрѣнію. Когда предметъ не смотря на свою малость, имѣетъ высокую цѣнность для насъ (наприм. дитя), къ чувству малости присоединяется нѣжное расположеніе; когда онъ малоцѣненъ и ничтоженъ, то презрѣніе. Но въ томъ и другомъ случаѣ, онъ, по причинѣ своей малости, служитъ предметомъ забавы: — мы умственно, а иногда физически, ставимъ его въ какія угодно намъ положенія, ему неестественныя, и пробуемъ, потѣшаемъ надъ нимъ свою силу. Откуда же берется наслажденіе въ комизмѣ? Я полагаю, что на комическихъ предметахъ наши интеллектуальныя силы отдыхаютъ, имѣютъ своего рода передышку. Впечатлѣнія важныя и серіозныя требуютъ большого усилія со стороны души для того, чтобы овладѣть ими; и обыкновенныя и обыденныя требуютъ среднихъ усилій, которыя все таки необходятся безъ серіознаго напряженія духа. Но вотъ мы встрѣчаемъ малое и ничтожное, естественно явившееся въ природѣ, или нарочно придуманное искусствомъ; оно требуетъ отъ насъ напряженія ничтожнаго, а между тѣмъ

своею необычностію и странностію интересуетъ насъ, и слѣдовательно, оживляетъ энергію духа. Мнѣ кажется, аналогичный примѣръ мы имѣемъ въ мускульной своей дѣятельности: не говорю, послѣ большой трудной работы, но и послѣ обычной серіозной мускульной дѣятельности, субъектъ отдыхаетъ на мелкой и нетребующей почти напряженія работѣ и она доставляетъ ему наслажденіе, потому что служитъ отдыхомъ для него. Забавляясь впечатлѣніемъ, шутя надъ нимъ, мы отдыхаемъ на немъ, но не праздно, а въ занятіяхъ иногда не малою интеллектуальною работою. И что это дѣйствительно такъ на самомъ дѣлѣ, не доказывается ли фактами? Послѣ серіозной бесѣды чувствуется потребность забавной, шуточной: кстати разсказанный анекдотъ оживляетъ общество, которое на немъ какъ бы отдыхаетъ отъ утомленія; послѣ серіознаго чтенія мы отдыхаемъ на комическомъ разсказѣ, какъ, во время напряженной интеллектуальной работы, случается отдыхать на минутной игрѣ съ дѣтьми.

Поэтому и комическое чувство, въ послѣднемъ его основаніи, легко свести къ волѣ. По скольку въ немъ есть любовь и нѣжное чувство, оно опирается на влеченіе и стремленіе къ цѣнному, хотя и малому; когда въ немъ есть презрѣніе, оно опирается на отвращеніе отъ ничтожнаго, дабы сосѣдство и близость къ нему не ухудшило, не уронило души. Но главное основаніе удовольствія забавы есть удовлетвореніе потребности отдыха отъ напряженія, не чрезъ простое бездѣйствіе, но чрезъ игру духовной силы, безъ напряженія почти, или лучше безъ чувства труда и усилій овладѣвающей впечатлѣніемъ. Очевидно, и здѣсь чувство есть показатель состоянія удовлетворенной воли.

Чтобы правильно понять сущность процесса въ умственныхъ наслажденіихъ, нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: первое и главное условіе ихъ есть сочувственность умственнаго содержанія для наслаждающагося субъекта. Какъ бы ни была прекрасна форма изложенія, какъ бы ни было цѣнно и многозначительно содержаніе мыслей, но если онѣ не сочувственны субъекту, если онъ противъ нихъ, то наслажденія ими совсѣмъ не бываетъ. Удачная форма изложенія еще можетъ дѣйствовать и на противоположный лагерь, потому что она облегчаетъ ему обзоръ мыслей, хотя и не сочувственныхъ, и чрезвычайною ясностію, систематичностію и логичностію проясняетъ ихъ взглядъ на противоположное направленіе. Но содержаніе мыслей нравится лишь тому, кто съ ними согласенъ, явно или

тайно имъ сочувствуетъ. Новыя, оригинальныя и чрезвычайно цѣнныя мысли принимаются съ энтузіазмомъ душами, открытыми для истины, смутно къ нимъ стремившимися, жаждавшими откровенія; въ людяхъ же съ закоренѣлыми противоположными предубѣжденіями и предразсудками онѣ встрѣчаютъ вражду и ожесточеніе. Поэтому умственное наслажденіе является на основѣ влеченій воли къ истинѣ, или спеціальныхъ стремленій къ тому или другому умственному содержанію, когда мысль удовлетворяетъ ихъ.

Намъ остается сдѣлать краткія замѣтки о религіозныхъ чувствованіяхъ. При анализѣ ихъ, мы уже нашли, что они не новыя какія либо формы жизни сердца, но тѣ же самыя, какія возникаютъ по поводу обыденныхъ впечатлѣній, только по особому характеру своего предмета, имѣютъ нѣкоторыя особенности. Слѣдовательно, что̀ сказано нами объ аналогичныхъ обыкновенныхъ чувствованіяхъ, то̀ прилагается и къ религіознымъ. Мы сдѣлаемъ замѣтку только объ особенномъ условіи ихъ возникновенія. Всѣ они возникаютъ на основѣ живого влеченія человѣческой души къ Высшему Существу, какъ конкретному синтезу истины (т. е. истинно сущее), красоты (высочайшее цѣнное бытіе) и добра (святое содержаніе). Въ комъ живо такое влеченіе, тотъ не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ бытія Божія: Богъ данъ ему, какъ объектъ влеченія: субъектъ живо сознаетъ Его реальность и не можетъ понять, какъ это существо можетъ кѣмъ нибудь отрицаться. Мы видѣли, что это влеченіе въ различныхъ формахъ укоренено въ человѣческомъ сердцѣ: стремленія къ истинѣ, красотѣ, добру, въ сущности, суть влеченія, послѣдній объектъ которыхъ есть Высшее Существо. Оттого разные субъекты разными путями доходятъ до Бога: иной путемъ изслѣдованія истины науки, другой путемъ искусства и живого чувства красоты, третій путемъ исканія блага и нравственной дѣятельности. Многіе субъекты остаются въ своихъ влеченіяхъ на полпути и никогда не даютъ себѣ отчета, куда они влекутся въ концѣ концовъ и къ чему они должны напослѣдокъ придти. Въ большинствѣ людей такія влеченія даны, какъ фактъ, даже ими несознаваемый ясно, и они понимаютъ ихъ, какъ привязанность и потребность религіи.

Въ чувствѣ величія и превознесенности Божіей выражается удовлетвореніе стремленія къ великому, къ красотѣ: въ единеніи съ нею субъектъ чувствуетъ свой собственный подъемъ и

возвышеніе. Чувство страха Божія, какъ трепета конечнаго и ограниченнаго существа предъ Великимъ, именно за свою малость и ограниченность, выражаетъ смиреніе, самоотрицаніе слабой воли предъ безконечно сильною. Въ чувствѣ вѣры выражается полное спокойствіе воли, твердой въ утвержденіи и отрицаніи и обладающей конечною цѣлію стремленій ума — истиною. Чувство надежды обозначаетъ полное насыщеніе воли, для которой будущее уже стало настоящимъ. Чувство любви къ Богу есть влеченіе къ существу, гармоническое бытіе съ которымъ есть источникъ невыразимаго счастія и блаженства.

Перечисленіе первоначальныхъ хотѣній и влеченій и ихъ безсознательность.

И такъ сердце есть лишь показатель и выразитель отношеній воли къ впечатлѣніямъ, событіямъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Не ему принадлежитъ первенство предъ послѣднею, а наоборотъ, во всѣхъ своихъ состояніяхъ сердце отражаетъ разные моменты воли. Радуется ли оно, или печалится, страшится, ненавидитъ, наслаждается или страдаетъ, любитъ, удивляется и т. д., оно выражаетъ состояніе воли, которая первая даетъ тонъ, служитъ почвою и основою для дѣятельности сердца. Окончательное resumé нашего мнѣнія объ отношеніяхъ воли къ чувству и обратно мы отлагаемъ до другого мѣста. Теперь же пока удовольствуемся тѣмъ выводомъ изъ сдѣланнаго нами анализа отношеній воли къ чувству, что разные виды послѣдняго возникаютъ изъ различныхъ хотѣній, пробуждающихся въ волѣ по поводу разнообразныхъ впечатлѣній, и что всякое чувствованіе есть показатель отношенія хотѣній и влеченій воли къ впечатлѣніямъ. Такъ какъ и самый анализъ былъ предпринятъ нами главнѣе всего для углубленія ученія о волѣ, то мы обратимся къ выводамъ, которые всего естественнѣе истекаютъ изъ сдѣланнаго нами анализа.

Въ свое время мы опредѣлили роды и виды чувствованій и теперь нашли, что raison d'etre каждаго изъ нихъ заключается въ хотѣніяхъ, безъ которыхъ первыя не мыслимы, которыя даетъ имъ смыслъ и значеніе. Эти хотѣнія не должны быть смѣшиваемы съ желаніями, которыя во вторичномъ смыслѣ возникаютъ по поводу чувствованія и обыкновенно сознаются субъ-

ектомъ. Хотѣнія, о которыхъ мы говоримъ, предшествуютъ образованію чувства и служатъ его condicio sine qua non. Они постоянно присущи волѣ, въ томъ ли смыслѣ, что составляютъ постоянныя опредѣленія ея, напряженія и усилія, безъ которыхъ она не остается ни на минуту, или означаютъ постоянную готовность души къ извѣстнымъ желаніямъ и стремленіямъ, это пока мы оставимъ не рѣшеннымъ. Отъ такихъ хотѣній душа никогда не отступается и ежемоментно готова ихъ заявить въ томъ или другомъ чувствованіи. По нашему взгляду, потому и существуютъ постоянныя формы, роды и виды состояній сердца, что душѣ присущи постоянныя и опредѣленныя хотѣнія: не было бы послѣднихъ, не было бы и первыхъ. Понятно, какой интересъ мы должны придавать такимъ хотѣніямъ: явно, что, по важности своей, они не могутъ быть приравниваемы къ обыкновеннымъ сознательнымъ: они открываютъ намъ истинныя, постоянныя и глубокія влеченія воли, а слѣдовательно, и человѣческой природы. Точно обозначить ихъ теперь намъ не представляется большихъ затрудненій. Намъ открываетъ ихъ сердце и по его надежнымъ указаніямъ, мы перечислимъ ихъ. Уже выше мы говорили о нихъ, когда разсуждали о происхожденіи и смыслѣ различныхъ чувствованій.

Фактъ чувственныхъ наслажденій и страданій, равно какъ эстетически — чувственныхъ наслажденій указываетъ на существованіе совокупности хотѣній, названныхъ нами физіологическою волею. Они имѣютъ предметомъ своимъ благосостояніе тѣла, частей его, благопріятное въ общемъ или частномъ отношеніи дѣйствіе впечатлѣній на него. Къ чему въ подробности такія хотѣнія должны быть сведены, это сказать, по состоянію науки, еще не возможно: къ тратѣ ли и возстановленію вещества тканей, живости ли и возстановляемости энергіи, или къ согласію и не противорѣчію функцій органовъ, процессовъ въ нихъ и т. под. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ есть дѣло еще будущаго.

Интеллектуальныя эстетическія наслажденія указываютъ на существованіе стремленій къ сближенію съ цѣннымъ и значительнымъ бытіемъ, высшимъ и бо́льшимъ, чѣмъ обыкновенное (чувство высокаго), — къ сближенію съ высокими нравственными силами (чувство трагизма), — къ возстановленію энергіи чрезъ отдохновеніе на маломъ и незначительномъ (чувство комизма).

Умственныя наслажденія основываются на стремленіи къ умственной дѣятельности и желаніи всего, что̀ ее оживляетъ и

усиливаетъ, облегчаетъ напряженіе ума. Страданія этого рода предполагаютъ отвращеніе отъ всего, что занинаетъ такую дѣятельность, ослабляетъ, замедляетъ, увеличиваетъ безплодное напряженіе ума.

Нѣжныя и сочувственныя волненія, любовь и дружба, ясно говорятъ о влеченіи къ союзу съ существами, равными, бо́льшими и малыми сравнительно съ нами, для улучшенія и возвышенія существованія души чрезъ гармоническую дѣятельность съ другими существами. Отрицательныя нѣжныя чувствованія указываютъ на отвращеніе отъ всего, что̀ противорѣчитъ этой потребности. Гнѣвъ указываетъ на отвращеніе отъ всякого противодѣйствія со стороны живыхъ существъ, ненависть, вражда и антипатія — на рѣшительное нехотѣніе воли ухудшенія своего бытія чрезъ союзъ съ противодѣйствующими существами, съ безобразіемъ, ложью и зломъ. Въ концѣ концовъ нѣжныя положительныя и отрицательныя чувствованія предполагаютъ стремленіе къ красотѣ, истинѣ, добру и отвращеніе отъ лжи, безобразія и зла.

Радость предполагаетъ стремленіе къ бо́льшей дѣятельности и существенному для нея условію, расширенію свободы, горе — отвращеніе отъ сокращенія круга дѣятельности и стѣсненія свободы.

Страхъ—страстное желаніе жизни и сильнѣйшее отвращеніе отъ всего, что можетъ колебать и разрушать ее.

Чувство хвалы и чести указываютъ на желанія: первое вліятельнаго положенія въ Іерархіи духовъ, второе крѣпкаго и твердаго положенія въ ней.

Стыдъ — не желаніе и опасеніе униженія.

Самоуваженіе — желаніе для себя значительнаго и цѣннаго бытія.

Чувство новости указываетъ на влеченіе къ обновленію дѣятельности, собственно расширенію ея, удивленіе — на влеченіе къ великому и малому цѣнному, презрѣніе—отвращеніе отъ малозначительнаго и не цѣннаго.

Чувство долга и совѣсть предполагаютъ желаніе согласія съ нравственнымъ закономъ, гармонія съ которымъ въ дѣятельности даетъ удовлетвореніе, не согласіе и противорѣчіе служитъ причиною страданія и муки.

Въ чувствѣ ожиданія основаніемъ служитъ влеченіе воли къ насыщенію, увѣренность въ которомъ выражается въ чувствѣ надежды.

Сомнѣніе указываетъ на существованіе стремленія къ установкѣ твердыхъ цѣлей и средствъ дѣятельности и удовлетвореніе его выражается въ чувствѣ вѣры.

Чувства удовлетворенія и удачи показываютъ настойчивое стремленіе воли къ насыщенію себя дѣятельностію, разныя степени котораго и обнаруживаются въ этихъ чувствахъ.

Постараемся теперь свести эти разнообразныя хотѣнія воли къ общимъ категоріямъ.

1) Въ наслажденіяхъ и страданіяхъ обнаруживаются стремленія воли къ благопріятнымъ условіямъ для всякихъ видовъ дѣятельности и отвращеніе отъ неблагопріятныхъ; потребность отдохновенія на малыхъ впечатлѣніяхъ (чувство комизма) возникаетъ изъ этого же влеченія. Сюда же подойдутъ хотѣнія всего, что оживляетъ, усиливаетъ, облегчаетъ напряженіе умственной дѣятельности (интеллектуальныя наслажденія).

2) Далѣе, идутъ разнообразныя влеченія къ сближенію съ существами въ положительныхъ нѣжныхъ чувствованіяхъ и отвращенія отъ противодѣйствующихъ и противорѣчущихъ намъ въ отрицательныхъ.

3) Влеченіе къ большому и цѣнному бытію (удивленіе, чувство высокаго), къ высокимъ нравственнымъ силамъ (уваженіе), къ возвышенію своего существованія чрезъ сближеніе съ красотою (эстетическія чувствованія и любовь).

4) Желанія продолженія жизни (страхъ), бо́льшей дѣятельности и свободы для нея (радость), значительнаго для себя бытія (самоуваженіе), насыщенія (ожиданіе, удовлетвореніе, удача), твердыхъ цѣлей и средствъ (сомнѣніе и вѣра).

5) Влеченіе къ осуществленію нравственнаго блага въ дѣятельности (долгъ, совѣсть).

Мы видимъ, что изъ этихъ влеченій и хотѣній одни имѣютъ предметомъ своимъ возможно долгое продолженіе личной дѣятельности субъекта, для чего и желаются условія, благопріятныя для дѣятельности тѣла, ума, другія связаны какъ съ возможнымъ усиленіемъ, такъ и возвышеніемъ значенія ея, третьи съ утвержденіемъ положенія субъекта въ ряду другихъ духовъ. Послѣднія мы, по аналогіи физіологической волѣ, назовемъ соціальною волею.

Повторимъ опять свое мнѣніе, что эти влеченія и хотѣнія не слѣдуютъ за чувствами и возникаютъ не по поводу ихъ, а предшествуютъ имъ, служатъ основою для развитія ихъ. Можно

установить такое общее положеніе: нѣтъ котораго либо изъ указанныхъ влеченій въ существѣ, нѣтъ и того чувствованія, которому оно даетъ бытіе; нѣтъ хотѣнія жизни, человѣкъ не чувствуетъ страха предъ опасностію, и отчаявшійся человѣкъ самъ налагаетъ на себя руки; нѣтъ никакого влеченія ни къ какой дѣятельности и равнодушенъ субъектъ ко всему, что съ нимъ можетъ быть, онъ ничему не радуется; нѣтъ у него нехотѣнія противодѣйствій себѣ, онъ ни на что не гнѣвается; погасло стремленіе къ осуществленію нравственнаго закона, субъектъ не способенъ къ чувствамъ долга и совѣсти; послѣ глубокаго паденія въ соціальномъ отношеніи, когда исчезло въ павшемъ стремленіе къ упроченію своего положенія въ сословіи, средѣ, къ которымъ онъ принадлежалъ, нѣтъ у него чувствъ стыда, униженія предъ тѣми членами ихъ, предъ которыми онъ прежде когда то стыдился и могъ во многихъ случаяхъ чувствовать униженіе.

Слѣдовательно, указанныя влеченія и стремленія суть глубочайшія хотѣнія въ человѣческомъ существѣ. Судя по тому, что субъектъ, отвѣчая чувствомъ на разныя внѣшнія впечатлѣнія и событія внутренней своей жизни, не отдаетъ себѣ яснаго отчета, почему именно онъ тѣмъ, а не другимъ чувствомъ сопровождаетъ впечатлѣнія (ему кажется, что сердце и умъ непосредственно оцѣниваютъ ихъ) — слѣдуетъ думать, что влеченія существуютъ въ душѣ, какъ безсознательныя влеченія и хотѣнія. Возбужденное чувство, занимая собою сознаніе, заволакиваетъ волевой элементъ, дающій ему бытіе, и послѣдній нами не сознается. По этому фактически каждый изъ насъ понимаетъ качественную сторону чувства, но смыслъ его скрытъ, потому что онъ можетъ быть понятъ, только когда откроется влеченіе, составляющее его raison d'etre. Мы стыдимся, страшимся, удивляемся, любимъ, ненавидимъ и т. д., но когда испытываемъ эти чувства и волнуемся, мы не отдаемъ себѣ отчета, что мы не хотимъ паденія въ глазахъ другихъ, хотимъ жить, влечемся къ великому, ищемъ гармоническихъ отзывовъ на свои состоянія и влечемся къ красотѣ, отклоняемся отъ противодѣйствія и безобразія. Мы поглощаемся впечатлѣніемъ и своимъ волненіемъ, а какъ возбуждалась воля, при чемъ явилось именно такое, а не другое чувство, это ускользаетъ отъ сознанія; въ спокойныя не возбужденныя минуты мы также не сознаемъ этихъ влеченій и стремленій: нѣтъ повода къ возбужденію ихъ, душа и не раз-

ваетъ ихъ. Оказывается такимъ образомъ, что они существуютъ и дѣйствуютъ въ душѣ безсознательно. Лишь въ нѣкоторыхъ чувствованіяхъ, и при томъ на самой высокой степени развитія ихъ, они могутъ быть неясно сознаваемы: напр. въ моменты ужаса является неясное желаніе жизни, при сильномъ гнѣвѣ желается во чтобы то ни стало сломить противодѣйствіе. И то, во всѣхъ такихъ случаяхъ влеченіе получаетъ конкретное значеніе и конкретную цѣль: субъекту хочется сломить именно такое, а не другое противодѣйствіе, жить въ этотъ моментъ, когда угрожаетъ опасность и т. д.

Относительная глубина и сила первоначальныхъ хотѣній и влеченій.

Не всѣ указанныя влеченія одинаково важны и глубоки: одни болѣе, другія менѣе. Вопросъ о сравнительномъ ихъ значеніи можно рѣшить, конечно, путемъ абстрактнаго размышленія. Но этотъ способъ допускаетъ все таки произволъ и послѣ такого рѣшенія будетъ всегда возможно сомнѣніе, такую ли важность, какова была найдена абстрактно, сама природа придаетъ тому или другому влеченію. Всего лучше было бы принять во вниманіе указанія послѣдней и, къ счастію, мы нелишены ихъ. Прямое вліяніе воли на чувствованія сказывается усиленіемъ ихъ, и такъ какъ въ основѣ каждаго чувствованія, мы видѣли, лежитъ положительное влеченіе или стремленіе, то размѣръ глубины и силы, до которой можетъ вообще и когда либо достигать то или другое чувство, должны прямо зависѣть отъ глубины и силы влеченія, лежащаго въ его основѣ. Но мы уже видѣли, что глубина и сила чувствованій выражаются въ тѣлѣ, причемъ обширность и многоразличіе выраженій находятся въ прямой зависимости отъ глубины и силы, какихъ способно достигать то или другое чувствованіе. Слѣдовательно, по количеству обнаруженій чувствованій въ тѣлѣ, мы можемъ судить о сравнительной глубинѣ и силѣ влеченій, дающихъ имъ бытіе. Оказывается возможность, для рѣшенія этого вопроса, отправиться отъ фактовъ наблюденія.

Въ свое время, сравнивая количество обнаруженій различныхъ чувствованій въ тѣлѣ, мы пришли къ выводу, что въ этомъ отношеніи можно раздѣлить ихъ на четыре категоріи. Къ пер-

вой группѣ самыхъ сильныхъ чувствованій относятся: страхъ, гнѣвъ, радость, горе, грусть, и именно въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ мы перечисляемъ ихъ; ко второй: удивленіе, чувство забавы, стыда, муки совѣсти, страданіе, сочувствіе; къ третьей: надежда и отчаяніе, наслажденіе, нѣжное волненіе, сомнѣніе, чувство удовлетворенія, удачи, безсилія, самодовольства; къ четвертой: чувство порицанія и брани и умственной тягости. Къ этой послѣдней должны быть отнесены всѣ остальныя чувствованія, не вошедшія въ упомянутый перечень.

Въ такомъ порядкѣ располагаются чувствованія, если принять во вниманіе силу, съ какою они обнаруживаются въ тѣлѣ. Примемъ пока чего этотъ перечень не за безусловно вѣрный дѣйствительности, но, по крайней мѣрѣ, приблизительно вѣрный. Что же оказывается? Во главѣ всѣхъ чувствованій стоитъ страхъ, слѣдовательно, самое главное и первое хотѣніе въ человѣкѣ есть хотѣніе жизни и отвращеніе отъ страданія (страхъ возбуждается и опасеніемъ послѣдняго). За нимъ слѣдуетъ гнѣвъ, слѣдовательно, второе — не желаніе противодѣйствія. Слѣдуя указанію нашего перечня, мы должны расположить первоначальныя влеченія воли въ такомъ порядкѣ:

Хотѣніе жизни и отвращеніе отъ страданія (страхъ).

Нехотѣніе противодѣйствія (гнѣвъ).

Влеченіе къ большей дѣятельности и свободѣ (радость).

Отвращеніе отъ сокращенія круга первой и стѣсненія послѣдней (горе).

Отвращеніе отъ разрыва союзовъ съ другими существами (грусть).

Влеченіе къ великому и малому цѣнному (удивленіе).

Хотѣніе отдохновенія на малыхъ впечатлѣніяхъ (чув. забавы).

Нехотѣніе униженія (стыдъ).

Отвращеніе отъ дѣятельности, противорѣчащей нравственному закону (муки совѣсти).

Отвращеніе отъ впечатлѣній, не согласныхъ съ условіями физіологическаго благосостоянія (страданіе).

Желаніе отождествлять состоянія другого существа съ своими собственными (сочувствіе).

Влеченіе къ насыщенію воли (ожиданіе, надежда).

Стремленіе къ условіямъ благопріятнымъ для физическаго и умственнаго благосостоянія (наслажденіе).

Хотѣніе гармоническаго союза съ другими существами (нѣжное волненіе).

Стремленіе къ установкѣ твердыхъ цѣлей и средствъ дѣятельности (сомнѣніе).

Стремленіе къ осуществленію цѣлей (чувство удовлетворенія, удачи).

Желаніе для себя значительнаго и цѣннаго бытія (чувства силы, самодовольства, самоуваженія).

Нежеланіе паденія предъ другими (чувство порицанія и брани).

1) По нашему перечню выходитъ, что самыя первоначальныя влеченія въ человѣческой душѣ касаются продолженія жизни, отклоненія всякого противодѣйствія, возможно большаго расширенія свободы, перерывовъ дѣятельности и потерь союзовъ съ другими существами. Разсуждая съ телеологической точки зрѣнія, можно согласиться, что если есть первоначальныя влеченія въ человѣческой волѣ, то самыя первыя изъ нихъ должны быть именно указанныя выше. Живому существу прежде всего и глубже всего слѣдуетъ желать продолженія своего бытія: ибо оно есть первое условіе всякой дѣятельности; затѣмъ, второй естественный предметъ его желаній должна составлять дѣятельность, въ которой собственно и реализуется бытіе существа: фактъ трехъ чрезвычайно сильныхъ чувствованій, непосредственно слѣдующихъ за страхомъ, (гнѣвъ, радость и горе) доказываетъ, какъ сильно влеченіе души къ безпрепятственной и непрерывной дѣятельности. Такъ какъ разрывами союзовъ съ другими существами ослабляется энергія субъекта и они производятъ насильственные перерывы въ дѣятельности его, то въ немъ очень сильно не хотѣніе подобныхъ перерывовъ. Далѣе идутъ влеченія и хотѣнія, касающіяся отношеній субъекта къ разнымъ формамъ бытія, отдыха, не хотѣніе униженія и несогласія съ моральнымъ закономъ. Эти четыре состоянія воли касаются бо̀льшихъ и необычныхъ формъ бытія, чѣмъ какими окружены мы, сохраненія личной энергіи, сохраненія положенія въ Іерархіи духовъ и осуществленія нравственнаго закона; потомъ идутъ хотѣнія впечатлѣній, согласныхъ съ условіями физическаго благосостоянія, влеченіе къ другимъ существамъ и къ насыщенію воли, къ обезпеченію твердой, не колеблющейся дѣятельности. И наконецъ, влеченія личныя и желаніе для себя цѣннаго бытія.

2) Пробѣгая перечень влеченій нельзя не замѣтить, что почти всѣ первыя мѣста заняты отрицательными состояніями воли: не желаніями, нехотѣніями, отвращеніями. По своей силѣ и глубинѣ они предшествуютъ положительнымъ хотѣніямъ, влеченіямъ и стремленіямъ. Этотъ фактъ открываетъ намъ характеръ строя нашей воли, а слѣдовательно, и цѣлой души. Прежде всего и болѣе всего она не желаетъ, чтобы совершилось что либо запинающее, перерывающее ея дѣятельность, чтобы не ослабѣла энергія, несовершилсь паденіе, или разногласіе съ нравственнымъ закономъ. За этими опасеніями слѣдуетъ уже влеченіе къ положительнымъ цѣлямъ. И въ самыхъ положительныхъ влеченіяхъ мы видимъ, что воля занята обезпеченіемъ субъекту союзовъ съ другими существами, вообще съ великими и цѣнными формами бытія, и почти боязливо слѣдитъ изъ момента въ моментъ за своею дѣятельностію и своимъ успѣхомъ. Такой строй фактически доказываетъ всю конечность и ограниченность нашего существа. Всемогущая воля такого строя имѣть не можетъ. Ей невозможно опасаться уничтоженія, препятствія, встрѣтить увеличеніе или уменьшеніе своей свободы и круга дѣятельности, имѣть опасеніе паденія, желать впечатлѣній благопріятныхъ и отвращаться отъ неблагопріятныхъ; и такъ какъ у нея хотѣніе совпадаетъ съ реальнымъ осуществленіемъ желаемаго, то въ ней неумѣстны стремленія, связанныя съ колебаніями осуществляющейся воли. Нашъ строй прилаженъ къ положенію ограниченнаго существа, которое постоянно встрѣчаетъ препятствія своей дѣятельности, можетъ падать, умаляться, на энергію котораго могутъ имѣть вліяніе разныя случайно встрѣчающіяся обстоятельства, для котораго успѣхъ возможенъ лишь въ союзѣ съ другими существами и которому естественно постоянно желать себѣ успѣха и тревожиться за него. Какъ бы зная безсиліе конечнаго существа для достиженія положительныхъ цѣлей и неустойчивость его энергіи, Творецъ вселилъ въ душу и сильныя нехотѣнія, которыя отстраняли бы ее отъ уклоненія въ сторону, отъ замѣшательства, отъ умаленія во всѣхъ отношеніяхъ, отъ слишкомъ большого довѣрія къ себѣ и своимъ силамъ. Нашъ строй былъ установленъ какъ будто въ томъ предположеніи, что конечное существо скорѣе будетъ у своей цѣли и исполнитъ свою задачу, когда оно будетъ могущественно отклоняемо отъ сбиванія съ пути, обращенія вспять съ дороги, чѣмъ когда бы оно знало прямо цѣль, къ которой слѣдуетъ идти.

Апріорный характеръ первоначальныхъ хотѣній и влеченій.

Остановимся на опредѣленіи найденныхъ нами первоначальныхъ состояній или актовъ воли.

Они имѣютъ несомнѣнно всеобщій характеръ. Формы чувствованій, по которымъ мы отыскали ихъ, встрѣчаются вездѣ, во всякомъ человѣкѣ, во всѣхъ народахъ. Не смотря на большія національныя различія въ чувствительности, въ размѣрахъ глубины, до какой можетъ достигать то или другое чувствованіе у разныхъ народовъ, разобранные нами виды существуютъ въ каждомъ народѣ на всемъ земномъ шарѣ. Невозможно найти человѣка который не способенъ былъ бы страшиться, гнѣваться, наслаждаться, страдать, радоваться, горевать, любить, ненавидѣть и т. д. Слѣдовательно, стремленія и влеченія, лежащія въ основѣ указанныхъ формъ чувствованій, имѣютъ такой же универсальный характеръ. Мы не колеблясь рѣшаемся приложить къ нимъ обозначеніе a priori, столь обычное въ теоріи познанія. Хотѣнія и влеченія, дающія происхожденіе формамъ чувствованій, имѣютъ апріорный характеръ.

Можетъ показаться страннымъ, какъ могутъ существовать акты воли a priori. Но это предположеніе не болѣе странно, чѣмъ и первоначальныя данныя въ человѣческомъ умѣ.

Послѣднія предполагаются потому, что невозможно объяснить изъ опыта многія стороны ума. Невозможно наприм. вывести изъ него логическіе законы съ ихъ всеобщностію и необходимостію, формы пространства и времени, которыя должны быть субъективнаго происхожденія, потому что они предшествуютъ опыту и невозможны въ объективномъ смыслѣ. Далѣе, почему умъ пользуется неизмѣнно такими, а не другими логическими пріемами, формами знаній, напр. понятій, это объясняется опять таки существованіемъ первоначальныхъ наклонностей, предрасположенностей въ умѣ, которыя, какъ таковыя, предшествуютъ въ немъ всякому опыту и опредѣляютъ, почему подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, развиваются извѣстныя формы знаній и пріемы. Остановимся пока только на этихъ апріорныхъ элементахъ ума: въ свое время, разобравъ вопросъ объ апріорныхъ данныхъ человѣческаго духа, мы увидимъ, что ими нельзя ограничиться.

Общее основаніе для предположенія такихъ данныхъ въ умѣ то, что они не могутъ быть выводимы изъ опыта. Происхожденіе однихъ не можетъ быть объясняемо послѣднимъ потому, что они даютъ гораздо болѣе, чѣмъ можетъ дать какой либо опытъ: логическіе законы всеобщи и необходимы, а между тѣмъ все пріобрѣтаемое изъ опыта имѣетъ характеръ частный, условный: опытъ можетъ сказать намъ, что нѣчто случается при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ данныхъ пространства и времени, но не говоритъ о томъ, что всегда и вездѣ бываетъ; далѣе, логическіе законы необходимы: невозможно, чтобы было иначе, чѣмъ говорятъ наприм. законы тожества и противорѣчія; между тѣмъ опытъ даетъ только случайное; онъ говоритъ, что такъ есть, но никогда, что иначе не можетъ быть. Предположеніе другихъ апріорныхъ данныхъ основывается на томъ, что безъ нихъ невозможенъ былъ бы и самый опытъ. Пространство и время условливаютъ всякій человѣческій опытъ: ни одного предмета и явленія нельзя представить себѣ безъ нихъ. Между тѣмъ невозможно дать пространству и времени объективное значеніе и представить ихъ предметами, существующими внѣ насъ. Что можетъ вынудить меня и весь человѣческій родъ представлять предметы въ общихъ понятіяхъ, т. е. формовать впечатлѣнія извѣстнымъ образомъ и при томъ, въ такихъ формахъ, которымъ прямо въ природѣ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго? ибо общимъ понятіямъ нѣтъ соотвѣтствующихъ предметовъ въ природѣ. Потому и могу я говорить вообще о предметахъ, представлять въ одной мысли цѣлыя совокупности ихъ, разсуждать о законахъ природы, дѣлать обобщенія и т. д., что есть во мнѣ апріорныя формы синтеза, безъ которыхъ самый опытъ невозможенъ.

При этомъ мы дѣлаемъ необходимое различеніе между указанными апріорными элементами ума. Логическіе законы имѣютъ характеръ необходимости для всякого мышленія, и не человѣческаго. Даже Всемогущее Существо должно, такъ, по крайней мѣрѣ, представляется намъ, признавать этотъ родъ логической необходимости. Но всеобщность формъ пространства и времени, формъ синтеза и вообще отвлеченія существуетъ только для человѣка: лишь наше познаніе дается въ этихъ формахъ и нѣтъ необходимости, чтобы высшее и даже нисшее познаніе непремѣнно держалось ихъ. Онѣ апріорны только въ человѣческомъ умѣ.

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ объ апріорности формъ пространства и времени, формъ синтеза, мы говоримъ и

объ апріорности нѣкоторыхъ актовъ воли. Главное основаніе для насъ здѣсь есть постоянство и всеобщность формъ состояній чувства. Невозможно и помыслить выводить послѣднія изъ опыта, и видѣть въ нихъ нѣчто въ родѣ представленій, возбуждаемыхъ въ душѣ внѣшними предметами. Почему я представляю предметъ краснымъ или зеленымъ, тяжелымъ или легкимъ, шероховатымъ или гладкимъ, большимъ или малымъ и т. д.? На это можно, въ извѣстномъ смыслѣ, представить основаніе въ опытѣ: таковымъ кажется мнѣ предметъ, внѣ меня существующій. Но почему я страшусь, гнѣваюсь, ненавижу, именно въ такихъ формахъ чувства переживаю разныя встрѣчи съ предметами и событія внутренней жизни, на это въ опытѣ не возможно указать никакихъ причинъ. Мы представляемъ естественнымъ, что человѣкъ въ минуту опасности страшится и ужасается, но это потому, что мы знаемъ внутреннюю послѣдовательность душевныхъ событій; событіе само по себѣ есть то, что есть, и опасностію становится только для духа, который понимаетъ значеніе его и хочетъ жить; любая опасность могла бы настигать человѣка и между тѣмъ переживаться имъ спокойно, если бы онъ не хотѣлъ жить. Гнѣвъ возбуждается только въ томъ существѣ, которое понимаетъ противодѣйствіе своей волѣ и не желаетъ его: иначе всякое событіе и противодѣйствіе въ такой же степени обращало бы на себя вниманіе и столько же сердило субъекта, какъ непроницаемость и косность матеріи. Почему такой, а не другой отвѣтъ впечатлѣнія встрѣчаютъ въ духѣ, это зависитъ не отъ впечатлѣній самихъ, а отъ строя и природы духа. Но мы видѣли, что всякое чувствованіе происходитъ на основѣ хотѣнія или влеченія; слѣдовательно, постояннымъ и всеобщимъ формамъ чувствованія соотвѣтствуютъ столь же постоянныя и всеобщія хотѣнія и влеченія, предшествующія самымъ формамъ чувствованій. Какъ мы говорили, и послѣднія и первыя, ихъ порождающія, присущи только конечному ограниченному существу, человѣческому духу, и разнымъ земнымъ формамъ живыхъ существъ. Не беремся утверждать, что всякое конечное существо, не земныхъ формъ, должно имѣть непремѣнно наши роды и виды чувствованій, а слѣдовательно, и первоначальныхъ хотѣній.

Въ существованіи такихъ апріорныхъ данныхъ въ человѣческой волѣ можно убѣдиться путемъ обсужденія нѣкоторыхъ фактовъ. Во 1-хъ, мы говоримъ о нравственныхъ стремленіяхъ людей къ долгу и закону, о томъ, что эти стремленія напечат-

лѣны въ человѣкѣ, могутъ заглушаться имъ, но не уничтожаться совершенно. Мы приписываемъ нравственнымъ принципамъ долга и закона апріорное существованіе, предшествующее опыту. Какъ ни усиливаются утилитаристы доказать, что нравственныя правила явились изъ опытовъ пользы, дѣлавшихся въ продолженіи многихъ поколѣній надъ извѣстными способами поведенія, и затѣмъ получили значеніе святыхъ и неприкосновенныхъ принциповъ, однако, несомнѣнны два факта: во 1-хъ, что нравственные принципы имѣютъ общеобязательный характеръ: они обязываютъ субъекта къ соотвѣтственному поведенію, но все, чему опытъ можетъ научить насъ, это, что таковы факты, что такой-то образъ поведенія приноситъ пользу, а другой вредъ для общества, или для лица. Отъ полезности правила поведенія до его обязательности, и при томъ безпрекословной, огромное разстояніе; во 2-хъ, нѣкоторыя безспорныя правила долга предписываютъ въ извѣстныхъ случаяхъ поведеніе, прямо противное пользѣ общественной и личной. Слѣдовательно, они не могли никогда явиться изъ опытовъ пользы. Мы думаемъ, что человѣку прирождены идея долга, идея нравственнаго закона. Но что это собственно значитъ? Идея, какъ простой помыслъ, какъ отвлеченная мысль, никогда не могла бы имѣть властительнаго значенія въ душѣ, ни чѣмъ не могла бы въ ней управлять, тѣмъ болѣе давать импульсъ и направленіе человѣческой дѣятельности. Если нравственнымъ идеямъ усвоять какое либо значеніе для жизни и признавать за ними значеніе реальныхъ силъ, господствующихъ и управляющихъ людьми, то ихъ необходимо поставить въ связь съ волею. Что значитъ обязательность моральныхъ принциповъ? то, что человѣческая душа не можетъ не хотѣть ихъ, не влечься къ нимъ, и когда она не путается въ разныхъ эгоистическихъ мотивахъ, не теряется среди внѣшнихъ впечатлѣній, на нее дѣйствующихъ, и сохраняетъ полную власть надъ собою, то она непремѣнно влечется къ нравственнымъ цѣлямъ, къ осуществленію добра въ своей дѣятельности. Обязательность и необходимость моральныхъ принциповъ означаетъ неизбѣжность и незаглушимость извѣстнаго рода хотѣній и влеченій человѣческаго духа, отъ которыхъ послѣдній не можетъ отрѣшиться, не измѣняя своей природы, не падая глубоко. Умъ только проясняетъ содержаніе этихъ влеченій, но самъ не даетъ ихъ: они первѣе всѣхъ его анализовъ и синтезовъ даны въ человѣческой волѣ. Когда въ чувствѣ долга субъектъ радостно

привѣтствуетъ совпаденіе своей дѣятельности съ идеей долга, то это значитъ не то, что онъ радуется факту, что его поведеніе логически можетъ быть подведено подъ понятіе, идею долга или нравственный принципъ, и когда въ мукахъ совѣсти онъ горюетъ о противонравственномъ своемъ поступкѣ, то тутъ причина горя не въ томъ, что оказалось логическое противорѣчіе между поступками и нравственнымъ принципомъ, какъ посылкою, но онъ радуется въ первомъ случаѣ тому, что ему удалось удовлетворить своему моральному влеченію, во второмъ онъ горюетъ, что оно неудовлетворено, нарушено, попрано. Такимъ образомъ, въ нравственныхъ принципахъ мы имѣемъ фактъ первоначальныхъ прирожденныхъ апріорныхъ хотѣній. Если существуютъ они, то апріорныя хотѣнія и влеченія вообще возможны и нѣтъ основанія отрицать, чтобы, кромѣ ихъ, не могли существовать и другія.

2) Разбирая влеченія и хотѣнія, по ихъ содержанію, мы находимъ, что если только они въ самомъ дѣлѣ существуютъ, то уже должны возникать въ душѣ вмѣстѣ съ нею и предшествовать какъ всякимъ другимъ хотѣніямъ и влеченіямъ ея, такъ и всякой дѣятельности ума и сердца. Что желаніе бытія или жизни несомнѣнно есть въ человѣкѣ, это доказываетъ существованіе чувствованія страха. Стоитъ исчезнуть этому желанію, человѣкъ, какъ это бываетъ въ минуты отчаянія, не только не имѣетъ страха предъ опасностію, но самъ налагаетъ на себя руки. Въ какомъ видѣ оно существуетъ въ человѣкѣ, это другой вопросъ: о немъ будетъ рѣчь у насъ ниже. Но главное, нельзя сомнѣваться, что оно существуетъ въ душѣ непрерывно: ибо при каждомъ представленіи опасности обнаруживается съ особенною силою. Когда же оно въ первый разъ возникло въ душѣ? Могъ ли быть хотя одинъ моментъ жизни въ ней, когда бы она, живя, сознательно или безсознательно, не хотѣла бы жить и не влеклась бы къ жизни? А если такой моментъ невозможенъ, то слѣдуетъ думать, что это хотѣніе явилось въ душѣ вмѣстѣ съ ея бытіемъ, слѣдовательно до всякой другой дѣятельности: чтобы дѣйствовать, надобно прежде всего желать жить. Беремъ желаніе дѣятельности, обнаруживающееся въ гнѣвѣ, радости и горѣ. Конечно, не явившееся препятствіе возбудило желаніе дѣятельности, а потому извѣстное событіе и принимается субъектомъ за противодѣйствіе и препятствіе своей волѣ, что желаніе дѣятельности у него уже было: иначе нечему было бы противодѣйство-

вать и препятствовать. Желаніе широкой дѣятельности, обнаруживающееся въ радости, и нехотѣніе стѣсненія ея, на которое указываетъ чувство горя, должно предшествовать всякому факту, расширяющему или съуживающему кругъ и свободу дѣятельности; не было бы такого желанія, его не смогло бы породить никакое событіе и ни одинъ фактъ не могъ бы возбудить радости и горя. И такъ, если взять любое изъ указанныхъ чувствованій, окажется, что влеченія и хотѣнія, ихъ порождающія, должны предшествовать всѣмъ имъ. Всякому тѣлесному наслажденію и страданію должны предшествовать физіологическія хотѣнія и влеченія, т. е. физіологическая воля, всеравно какъ потребность, т. е. желаніе пищи и питья, должна предшествовать удовлетворенію: если бы не было потребности, никогда человѣкъ не догадался бы, что нужно ѣсть и пить или, какъ ребенокъ, сосать грудь, и тѣмъ менѣе могъ бы услаждаться ею. Но когда такія хотѣнія могли возникнуть въ душѣ? Если бы позволительно было думать, что въ душу можетъ привноситься что либо извнѣ, то, пожалуй, можнобъ было придти къ выводу, что внѣшнія впечатлѣнія вносятъ въ душу желанія и влеченія: они возбуждаютъ чувства, которое потомъ возбуждаютъ соотвѣтственныя хотѣнія или не хотѣнія. Но мы уже видѣли, что такой процессъ невозможенъ, что чувствованія своимъ бытіемъ обязаны волѣ, слѣдовательно, если внѣшнія впечатлѣнія возбуждаютъ, какъ кажется, чувствованія и за тѣмъ волю, то это значитъ, что впечатлѣнія оказываются въ извѣстномъ отношеніи къ волѣ, къ ея хотѣніямъ и влеченіямъ, что воля извѣстнымъ образомъ относится къ нимъ и ея отношенія обнаруживаются въ чувствованіяхъ. Влеченія и хотѣнія должны быть въ душѣ до дѣйствованія впечатлѣній и именно потому, что первыя уже есть въ ней, душа способна опредѣленно относиться къ послѣднимъ. Они должны предшествовать въ душѣ даже дѣятельности ума. Послѣдній можетъ сказать, каково содержаніе впечатлѣній, какъ глазъ можетъ осмотрѣть мѣстность и сказать, что въ ней находится. Но онъ не можетъ научить субъекта хотѣть чего либо, когда онъ того не хочетъ, или не умѣетъ желать, или не чувствуетъ въ томъ потребности: такъ, глазъ опредѣляетъ, стоитъ ли на столѣ пища, но чтобы хотѣть ея, для того субъектъ долженъ чувствовать потребность въ ней, и одинъ глазъ не научитъ голоду и жаждѣ, когда въ субъектѣ нѣтъ влеченія къ пищѣ.

3) Предполагать существованіе такихъ апріорныхъ влеченій

и хотѣній заставляютъ насъ и другіе факты, иначе не объяснимые. Я думаю, что всякій педагогъ съ здравымъ смысломъ, умѣющій наблюдать около себя безъ предубѣжденія, всякій отецъ семейства, имѣющій нѣсколькихъ дѣтей, наконецъ, просто повидавшій не мало людей на своемъ вѣку, согласится, что не возможно иначе объяснить различіе результатовъ, даваемыхъ воспитаніемъ и образованіемъ, какъ предположивъ, что есть въ каждомъ человѣкѣ много апріорныхъ хотѣній и влеченій. Почему разныя системы образованія и воспитанія даютъ тѣмъ не менѣе одинаковые результаты? Почему въ одной семьѣ, при одинаковомъ нравственномъ уходѣ и воспитаніи, являются не одинаковыя нравственныя личности? Почему, при одной и той же обстановкѣ, рожденныя отъ однихъ родителей, одинаково воспитанныя, имѣвшія одинаковыя встрѣчи, дѣти выходятъ различныя: одинъ вырабатывается въ ученаго, другой въ артиста, третій въ чиновника, одинъ морально высокій человѣкъ, другой низкій, недалекій отъ подлаго, одинъ любитъ уединеніе, другой любитъ общество, одинъ чувствителенъ къ чести, другой апатиченъ и т. д.? Пусть объяснятъ, почему изъ одной и той же школы, выросшіе при одинаковыхъ почти впечатлѣніяхъ, учившіеся у однихъ и тѣхъ же учителей и однимъ и тѣмъ же предметамъ, воспитанники идутъ по разнымъ дорогамъ, и не по какой либо нуждѣ и какимъ либо обстоятельствамъ, а по влеченію и, какъ говорятъ, наклонностямъ? Кто наблюдалъ дѣтей вблизи, и смотрѣлъ на нихъ прямо, а не чрезъ педагогическія руководства, тотъ знаетъ, что почти съ пеленокъ обнаруживаются въ разныхъ индивидуумахъ разныя наклонности; ихъ было бы нелѣпо выводить изъ дѣйствія опыта. И самые гордые педагоги сознаются, что характеръ дается человѣку отъ природы и что никакое воспитаніе и образованіе не можетъ дать его тому, въ комъ его нѣтъ. Что это значитъ? Характеръ есть энергія, крѣпость воли, сила опредѣленныхъ хотѣній и неустанность и настойчивость влеченій. Въ этомъ случаѣ они признаютъ апріорность нѣкоторыхъ данныхъ въ волѣ. Но если должнымъ образомъ оцѣнить вышеприведенные факты, то слѣдуетъ признать, и таковъ голосъ здраваго смысла, что въ волѣ прирожденность идетъ гораздо далѣе, чѣмъ психологи обыкновенно предполагаютъ.

Въ какомъ видѣ существуютъ первоначальныя состоянія воли?

Всѣ эти разсужденія имѣли цѣлію укрѣпить въ читателѣ предположеніе, что въ волѣ есть нѣчто прирожденное или апріорное и что эта мысль не есть странная и невозможная гипотеза. Теперь мы должны обратиться къ болѣе точному опредѣленію формы, въ какой подобныя апріорныя влеченія и хотѣнія могутъ существовать въ душѣ.

Мы уже говорили, что такія влеченія и хотѣнія существуютъ въ душѣ безсознательно и только въ рѣдкія минуты сильнѣйшаго ихъ оживленія они сознаются. Въ моментъ возбужденія чувства, они затмѣваются послѣднимъ; въ другія спокойныя времена имъ нѣтъ повода возбуждаться и потому о нихъ можно сказать, что имъ некогда сознаваться. Фактъ безсознательныхъ хотѣній и влеченій не долженъ казаться страннымъ и невѣроятнымъ. Мы предполагаемъ существованіе логическихъ законовъ тожества, противорѣчія, исключеннаго третьяго, однако допускаемъ, что они обыкновенно несознаются дѣйствующимъ умомъ. Умъ, сравнивая и сопоставляя мысли, дѣлаетъ выводы, образуетъ понятія, судитъ, умозаключаетъ, совершаетъ сложныя дѣйствія индукціи и дедукціи, остается послушнымъ логическимъ законамъ, не сознавая, что такіе законы есть. Только, когда самъ онъ, или ассоціація смежности даютъ что либо несообразное съ законами, то умъ признаетъ, что имъ дѣлается нѣчто не должное, но даже и въ этомъ случаѣ до яснаго сознанія содержанія и смысла законовъ не восходитъ; необходимо нарочное усиліе рефлексіи ad hoc, или указаніе науки, чтобы сознать ихъ вполнѣ. Однако, безсознательность законовъ не препятствуетъ имъ существовать и быть весьма дѣятельными; даже болѣе, въ силу своей несознаваемости, они дѣйствуютъ съ успѣхомъ и не препятствуютъ въ тоже время совершаться обыкновенной умственной дѣятельности.

Также точно безсознательность первоначальныхъ влеченій и хотѣній ни мало не доказываетъ ихъ несуществованія; быть можетъ именно потому, что въ обыкновенныя минуты, безъ надобности, мы не занимаемся своими хотѣніями жизни, дѣятельности, крѣпкаго положенія въ Іерархіи духовъ и т. д., мы можемъ съ нераздѣльнымъ вниманіемъ и полнымъ сознаніемъ обращаться къ

конкретнымъ случаямъ практической дѣятельности: сосредоточеніе на нихъ было бы невозможно, если бы воля развлекалась энергичными сознательными первоначальными хотѣніями. И умъ, если бы его неотступно занимали мысли о законахъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, не могъ бы успѣшно и сосредоточенно сравнивать, дѣлать выводы, умозаключать и т. д. Но спрашивается, въ какой же формѣ воля можетъ имѣть крѣпкія хотѣнія и влеченія и не сознавать ихъ?

Въ самонаблюденіи намъ даны два случая состояній воли, несомнѣнно существующихъ и вмѣстѣ несознаваемыхъ. Во первыхъ, извѣстны случаи рѣшимости, когда, человѣкъ разъ принявъ извѣстное рѣшеніе, безсознательно хранитъ въ себѣ хотѣніе на неопредѣленное время или до извѣстнаго срока. Актъ рѣшительнаго хотѣнія совершенъ, хотѣніе реально продолжается въ душѣ, но временно теряетъ свою энергію до степени minimum'а; его нѣтъ въ сознаніи in actu, но онъ можетъ легко пріобрѣсти и силу до степени сознаваемости: начнетъ субъектъ думать о предметѣ хотѣнія и послѣднее является въ немъ, случайно ассоціація напомнитъ его и оно повторяется, придетъ подходящій случай, на который хотѣніе простирается, оно возникнетъ съ настоящею силою. Когда такихъ случаевъ нѣтъ, субъектъ даже забываетъ о существованіи хотѣнія и занимается текущими желаніями, какъ бы того хотѣнія не существовало. И что особенно важно для насъ, такія состоянія рѣшимости могутъ имѣть общій характеръ, т. е. быть рѣшимостію не на извѣстный опредѣленный случай, а вообще на случаи извѣстнаго рода. Такъ, человѣкъ можетъ рѣшиться вступить въ бракъ, но съ кѣмъ, этого онъ не опредѣляетъ, можетъ онъ рѣшиться проучить врага, но какъ и при какихъ обстоятельствахъ, это будетъ зависѣть отъ случая, рѣшиться не жить въ извѣстномъ мѣстѣ, не пить вина, не играть въ карты и т. д., а когда ему придется реально заявить свое нехотѣніе, этого онъ также не опредѣляетъ. Слѣдовательно, могутъ быть состоянія рѣшимости положительныя и отрицательныя и при томъ общаго характера. И какъ всякій знаетъ изъ опыта, подобныхъ состояній рѣшимости можетъ быть въ одно и тоже время въ одномъ и томъ же субъектѣ неопредѣленное множество.

Несомнѣнно существуетъ еще другой родъ несознаваемыхъ состояній воли, въ нашей тѣлесной жизни. Въ основаніи голода и жажды лежитъ влеченіе восполнять трату вещества въ орга-

низмѣ, происходящую отъ его дѣятельности. Разъ пробудился голодъ и сказалась жажда, потребность и влеченіе къ пищѣ несомнѣнно существуютъ: они собственно и суть показатели такого влеченія. Голодный и жаждущій субъектъ можетъ развлечься, думать о другомъ предметѣ, даже забыть о пищѣ, но можно ли сказать, что, когда онъ не думаетъ о своемъ голодѣ и жаждѣ, послѣднихъ нѣтъ въ немъ, а главное, нѣтъ въ эти минуты влеченія къ пищѣ и питью? Это влеченіе, не смотря на то, что временно можетъ несознаваться, несомнѣнно есть въ такомъ субъектѣ: ибо какъ скоро онъ перестаетъ заниматься чѣмъ либо другимъ, сейчасъ же обнаруживается въ немъ голодъ и жажда. Въ грудномъ ребенкѣ несомнѣнно есть влеченіе къ пищѣ и питью, есть чувства голода и жажды, но конечно, онъ не сознаетъ ихъ, и отсутствіе сознанія нимало не говоритъ противъ существованія влеченія. Это положительное влеченіе. Но можетъ быть и отвращеніе въ субъектѣ отъ нѣкоторыхъ предметовъ, отвращеніе, могущее быть безсознательнымъ и сознательнымъ, когда есть къ тому поводъ. Мы инстинктивно отвращаемся отъ всего гнилого, недоброкачественнаго, гадкаго; многія лица невыносятъ присутствія мышей, таракановъ, пауковъ и т. д. (что называется идіосинкразіей). Это отвращеніе готово проявиться при всякомъ реальномъ подходящемъ случаѣ, конечно потому что оно существуетъ въ природѣ человѣка и какъ въ случаяхъ идіосинкразіи, дано какъ фактъ собственно ни чѣмъ необъяснимый. Далѣе, влеченія могутъ быть общаго и частнаго характера: наприм. человѣкъ можетъ чувствовать влеченіе къ пищѣ и питью вообще и будетъ радъ удовлетворить ихъ, чѣмъ прійдется, т. е. ему просто хочется ѣсть и пить, но что именно, этого онъ не опредѣляетъ въ подробности. Но можетъ очъ имѣть и спеціальное влеченіе поѣсть кислаго, сладкаго, соленаго, выпить извѣстнаго вина, поѣсть такого то блюда и т. под. Такихъ общихъ и частныхъ влеченій можетъ быть въ одномъ и томъ же субъектѣ нѣсколько, хотя они обнаруживаться будутъ въ порядкѣ своей силы: когда удовлетворится болѣе сильное, можетъ заявить свои права и болѣе слабое. Слѣдовательно, могутъ существовать влеченія и отвращенія безсознательно въ душѣ какъ частнаго, такъ и общаго характера и при томъ нѣсколько ихъ одновременно.

Мы видимъ на фактахъ, что въ душѣ существуютъ какъ хотѣнія, такъ и влеченія въ безсознательномъ видѣ и обнару-

живаютъ свои дѣйствія, по вызову ли внѣшнихъ впечатлѣній, или по обстоятельствамъ внутренней жизни. Указанные нами выше, апріорные первоначальные акты воли могутъ быть такими же хотѣніями или влеченіями, безсознательными, но дѣйственными, которыхъ сила будетъ сказываться въ нѣкоторыхъ только подходящихъ и вызывающихъ ихъ случаяхъ, или быть постоянною силою, дѣйствіе которой временно можетъ заглушаться другими впечатлѣніями, парализоваться другими хотѣніями и желаніями, но вліяніе которой будетъ все таки чувствоваться во всей дѣятельности человѣка. Спрашивается, какъ же представлять эти апріорныя состоянія: какъ хотѣнія, въ видѣ состояній рѣшимости, или какъ влеченія? Случай возможный, что одни изъ нихъ окажутся хотѣніями, а другія влеченіями.

Что въ извѣстныхъ апріорныхъ состояніяхъ воли можетъ быть признано хотѣніемъ и что влеченіемъ? Хотѣніями слѣдуетъ признать тѣ состоянія воли, которыя лежатъ въ основаніи чувственнаго наслажденія и страданія, сильное желаніе жизни (страхъ), вліятельнаго положенія въ Іерархіи духовъ (чувство хвалы), крѣпкаго и твердаго положенія въ ней (чувство чести), желаніе значительнаго и цѣннаго для себя бытія (самоуваженіе), согласія своей дѣятельности съ моральнымъ закономъ (ч. долга и довольства совѣсти), установки твердыхъ цѣлей и средствъ дѣятельности (сомнѣніе и вѣра). Нехотѣнія, какъ состоянія отрицательной рѣшимости, касаются: противодѣйствій и препятствій дѣятельности (гнѣвъ), возможнаго униженія (стыдъ), противорѣчія дѣятельности съ моральнымъ закономъ (муки совѣсти), ухудшенія своего бытія чрезъ союзъ съ противодѣйствующими существами, съ безобразіемъ, ложью и зломъ (ненависть, антипатія, вражда).

Влеченіями мы должны назвать стремленія къ умственной дѣятельности и всему, что усиливаетъ и оживляетъ, равно облегчаетъ напряженіе ума (умственныя наслажденія), къ союзу съ существами, равными, большими и малыми сравнительно съ нами (нѣжныя чувствованія, симпатія, любовь и дружба), къ увеличенію круга и свободы дѣятельности (радость), къ обновленію дѣятельности (чувство новости), къ великому и малому цѣнному бытію (удивленіе), насыщенію воли (ожиданіе, удовлетвореніе), къ сближенію съ болѣе цѣннымъ и значительнымъ бытіемъ, чѣмъ обыкновенное (чувство высокаго), сближенію съ высокими

нравственными силами (чувство трагизма), къ возстановленію энергіи чрезъ отдохновеніе на маломъ и незначительномъ (чувство комизма).

Отвращеніе касается слѣдующихъ предметовъ: всего, что запинаетъ умственную дѣятельность, ослабляетъ и замедляетъ ее, увеличиваетъ безплодное напряженіе ума (умственныя страданія), сокращенія круга и свободы дѣятельности (горе), всего малозначительнаго и нецѣннаго (презрѣніе).

Такъ какъ эти хотѣнія и влеченія мы признали первоначальными, предшествующими всякому дѣйствованію впечатлѣній на душу (иначе человѣкъ учился бы чувствовать и не всякое лицо имѣло бы способность всѣхъ указанныхъ формъ чувствованій), то мы должны давать имъ общій характеръ. Аналогичный примѣръ мы имѣемъ въ мышленіи: законъ противорѣчія означаетъ нехотѣніе ума соединять противорѣчащія мысли, но онъ не указываетъ опредѣленно, какія въ частности мысли противорѣчатъ одна другой. Законъ тожества означаетъ рѣшимость ума отождествлять различныя представленія одного и того же предмета, но не предопредѣляетъ, какія собственно представленія прійдется уму отождествлять. Также точно слѣдуетъ понимать и первоначальныя хотѣнія, нехотѣнія, влеченія и отвращенія. Наприм. есть первоначальное и апріорное хотѣніе жизни и бытія. Это хотѣніе нужно понимать, какъ состояніе рѣшимости при всѣхъ поводахъ настойчиво хотѣть бытія, и понятно, что оно съ особенною силою возникаетъ, когда является опасность, угрожающая жизни, все равно какъ законъ противорѣчія сказывается съ особенною силою, когда встрѣчается случай противорѣчія мыслей. Хотѣніе отдохновенія на малыхъ впечатлѣніяхъ должно понимать, какъ состояніе рѣшимости хотѣть отдыха для психической дѣятельности на чемъ либо болѣе легкомъ, чѣмъ обыкновенное, серіозное содержаніе, но оно не опредѣляетъ, какія это будутъ малыя впечатлѣнія и какой формы. Таково же хотѣніе вліятельнаго положенія въ Іерархіи духовъ: оно есть состояніе общей рѣшимости субъекта во всѣхъ подходящихъ случаяхъ хотѣть быть предъ другими цѣннымъ и многозначительнымъ, но не опредѣляетъ, въ чемъ собственно должна состоять цѣнность бытія и чего должна касаться похвала. Первоначальное нехотѣніе есть состояніе также рѣшимости вообще: наприм. нехотѣніе противодѣйствія, а въ чемъ собственно это противодѣйствіе скажется, этого нехотѣніе не опредѣляетъ.

Первоначальное влеченіе мы понимаемъ, какъ постоянное желаніе, сказывающееся какъ потребность, какъ нужда, направляющее дѣятельность человѣка, и лишь по временамъ дающее знать о себѣ сознанію: таково влеченіе къ союзу съ другими существами въ любви и дружбѣ; оно дѣйствуетъ, какъ голодъ и жажда, заставляя человѣка пытаться привязываться ко всѣмъ, соприкасающимся съ нимъ существамъ. И оно не опредѣляетъ, къ какому существу слѣдуетъ примкнуть, а только неуклонно напоминаетъ о себѣ человѣку, какъ безсознательная потребность, и влечетъ его къ единенію съ существами. И также точно необходимо понимать первоначальныя отвращенія; они суть безсознательныя постоянныя нежеланія, стремленія отклониться отъ положенія, отъ обстановки, напр. съуживающей кругъ дѣятельности и свободы, отъ малозначительнаго и цѣннаго бытія; какіе реальные факты съузятъ дѣятельность и свободу, что малозначительно, этого апріорныя отвращенія не опредѣляютъ.

Не слѣдуетъ ли еще болѣе обобщить эти первоначальныя состоянія воли? Не можетъ не казаться страннымъ, что душа является въ міръ съ довольно опредѣленными хотѣніями, влеченіями, нехотѣніями и отвращеніями; ибо хотя мы и говоримъ, что они имѣютъ общій, а не конкретный характеръ, все же и при немъ они предполагаютъ въ душѣ своего рода знаніе будущихъ, ожидающихъ ее, впечатлѣній: наприм. нехотѣніе противодѣйствій предполагаетъ знаніе души, что они могутъ быть, влеченіе къ союзу съ существами, что есть другія существа, влеченіе къ большему и малому цѣнному бытію, или отвращеніе отъ малоцѣннаго, — что таковые виды бытія существуютъ дѣйствительно. Быть можетъ, допуская существованіе первоначальныхъ хотѣній, должно давать имъ только совершенно общій характеръ.

Для абстрактнаго ума не трудно свести указанныя первоначальныя состоянія воли къ немногимъ хотѣніямъ самаго общаго характера. Хотѣнія, составляющія основу чувственныхъ наслажденій и страданій, имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а потому, что они суть хотѣнія физіологическаго бытія, или такъ какъ тѣло есть орудіе, чрезъ которое духъ соприкасается съ внѣшнимъ міромъ, то они суть хотѣнія одного изъ средствъ для дѣятельности. Вліятельное положеніе въ Іерархіи духовъ въ концѣ концовъ нужно духу для успѣха и возвышенія собственной дѣятельности, слѣдовательно, хотѣніе его и союзовъ съ другими

существами есть въ сущности хотѣніе увеличенія и улучшенія дѣятельности. Значительность и цѣнность собственнаго бытія, равно согласіе дѣятельности съ моральнымъ закономъ, установка твердыхъ цѣлей и средствъ имѣютъ смыслъ, по скольку все это улучшаетъ условія дѣятельности, придаетъ ей цѣну, обезпечиваетъ успѣхъ ея; значитъ, желаніе ихъ есть опять хотѣніе возвышенія и улучшенія собственной дѣятельности. Всѣ нехотѣнія имѣютъ объектомъ своимъ противодѣйствіе и препятствіе дѣятельности, противорѣчіе съ моральнымъ закономъ, возможность униженія. Такъ какъ эти обстоятельства могутъ запинать дѣятельность и уменьшать ея значеніе, то субъектъ, не желая ихъ, хочетъ умноженія и улучшенія своей дѣятельности.

Влеченія, лежащія въ основаніи умственныхъ наслажденій имѣютъ цѣлію своею улучшенную дѣятельность. Союзомъ съ существами субъектъ желаетъ обезпечить себѣ успѣшную и широкую дѣятельность, влеченіемъ къ великому и малому цѣнному т. е. желаніемъ близости къ нимъ, — улучшеніе собственнаго существа, и въ видахъ успѣшной и широкой дѣятельности влечется къ расширенію круга и свободы дѣятельности, къ обновленію ея и отдохновенію. Въ отвращеніяхъ въ концѣ концовъ преслѣдуются тѣ же самыя цѣли.

Слѣдовательно, абстрактно можно свести всѣ хотѣнія, влеченія, отвращенія, нехотѣнія къ тремъ слѣдующимъ общимъ актамъ воли: она хочетъ своего бытія, жаждетъ умноженія (расширенія) и улучшенія (возвышенія) его. Конечно, послѣдній смыслъ дѣятельности воли, всѣхъ ея состояній, заключается въ томъ, что она усиливается сохранять свое бытіе, умножать его экстенсивно и возвышать интенсивно; этими послѣдними цѣлями условливаются всѣ остальныя влеченія и хотѣнія, какъ положительныя, такъ и отрицательныя. Но такія усилія обобщенія намъ приносятъ въ данномъ случаѣ мало пользы. Одинъ тотъ фактъ, что частныя и опредѣленныя желанія можно свести къ общимъ и неопредѣленнымъ, отнюдь не доказываетъ, что аргіогі и въ первоначальномъ смыслѣ существуютъ только послѣднія, а первыя возникаютъ лишь въ опытѣ. Такіе чрезвычайно общіе апріорные акты воли не въ состояніи были бы объяснить намъ именно то, что принуждаетъ насъ дѣлать подобное предположеніе.

Они не могутъ объяснить намъ, почему существуютъ такіе и столько видовъ чувствованій. Предполагая хотя общіе, но болѣе опредѣленные акты, мы въ состояніи понять, почему такія, а не

другія развиваются при извѣстныхъ впечатлѣніяхъ чувствованія; мы видимъ, что душа наприм. хочетъ союза съ другими существами и потому влечется къ нимъ въ любви и дружбѣ. Но отъ хотѣнія улучшенной дѣятельности вообще до влеченія къ такимъ союзамъ еще далеко: почему душа должна хотѣть именно союза, а главное, отчего желаніе улучшенія дѣятельности сказывается, какъ любовь или дружба, этого не видно; также далекъ путь отъ упомянутаго общаго желанія до чувства долга и т. д. Съ другой стороны, если первоначальныхъ желаній два или три, то почему существуетъ и къ чему такое разнообразіе видовъ чувствованій, можно сказать, плеоназмъ ихъ? ихъ должно было бы быть тогда только два или три, или покрайней мѣрѣ, двѣ, три группы. Каждый общій апріорный актъ воли давалъ бы происхожденіе формѣ чувствованій, которая могла бы варіироваться въ приложеніи къ конкретнымъ случаямъ, на подобіе того, какъ чувственныя наслажденія и страданія, не смотря на разнообразіе органовъ, ихъ доставляющихъ, различіе впечатлѣній и органическихъ состояній, возбуждающихъ ихъ, сохраняютъ одинъ общій характеръ, суть наслажденія и страданія. Тогда классификація чувствованій не представляла бы большихъ затрудненій; но въ дѣйствительности, она есть одна изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ для психолога, именно по рѣзкому различію видовъ чувствованія, по несводимости ихъ въ общія группы. Предъ фактомъ разнообразія ихъ мы оказались бы совершенно нѣмы и принуждены были бы объяснять его вліяніемъ впечатлѣній, т. е. конкретныхъ условій, при которыхъ дѣйствуетъ субъектъ, къ которымъ ему приходится прилагать свои апріорные акты.

Но при этомъ снова явились бы всѣ затрудненія, которыя мы въ свое время указали для теоріи, думающей выводить виды чувствованій изъ опыта, какъ результаты дѣйствія его на сердце. И теперь, какъ и тогда, намъ не объяснить, почему 1) эти опытныя формы чувствованій постоянны и всеобщи. Конкретные случаи безконечно разнообразны и впечатлѣнія на сердце бываютъ чрезвычайно различны. Однако, въ виду ихъ, сердце съ замѣчательнымъ постоянствомъ отвѣчаетъ опредѣленнаго вида возбужденіями, явно слушаясь не впечатлѣній, а чего то внутри себя и руководясь какими то внутренними побужденіями. Мало того, формы чувствованій постоянны не въ одномъ индивидуумѣ, но во всемъ человѣчествѣ. При большомъ разнообразіи условій климатическихъ, общественныхъ, казалось бы страннымъ, что

ни у одного народа нѣтъ чувствованій, которыхъ не имѣли бы и всѣ другіе: нѣтъ ни одной формы ихъ у самыхъ дикихъ народовъ, которой не было бы у насъ европейцевъ, и наоборотъ, чувствованія послѣднихъ сложнѣе, возвышеннѣе, чѣмъ у дикарей, но въ элементарномъ видѣ все, переживаемое сердцемъ первыхъ, есть и у послѣднихъ.

2) Не будемъ останавливаться на приведенномъ уже въ своемъ мѣстѣ доказательствѣ, какъ невѣроятно, чтобы опытъ училъ насъ чувствованіямъ, напр. любви, страха, гнѣва, ненависти, еслибы у насъ не было потребности и влеченія не хотѣть одного, желать другого, или отвращаться третьяго. Обратимъ вниманіе на тотъ лишь фактъ, что наблюденіе надъ дѣтьми показываетъ, что чувствованія, а слѣдовательно и влеченія, предшествуютъ всякому образованію опыта въ немъ, самому развитію ума. Ребенокъ боится быть одинъ, даже грудной кричитъ, пока не возьмутъ его на руки, онъ страдаетъ и до нѣкоторой степени наслаждается, сердится, влечется къ матери и любитъ ее, влечется къ новому, удовлетворяется и неудовлетворяется, любитъ похвалу, не любитъ брани и порицанія — въ самомъ юномъ возрастѣ, гораздо ранѣе того, чѣмъ онъ начнетъ понимать своимъ умомъ значеніе и содержаніе окружающихъ его впечатлѣній. Онъ прилагаетъ чувствованія свои иногда не кстати, неумѣло, къ пустякамъ и мелочамъ, но дѣйствуетъ, вообще говоря, правильно и развиваетъ собственно чувствованія, ничѣмъ не худшія, чѣмъ самый ученый человѣкъ. Неужели въ возрастѣ двухъ, трехъ лѣтъ, или даже въ колыбели онъ уже научился, какое чувствованіе по какому поводу развивать, научился въ то время, когда объ умѣ его въ серіозномъ смыслѣ и говорить нельзя, слѣдовательно, когда, кромѣ неясныхъ различеній и полусознательныхъ намековъ, умъ его ничего не могъ дать? Съ нашей же точки зрѣнія чрезвычайно раннее пробужденіе въ ребенкѣ многихъ чувствованій понятно. Съ первоначальными опредѣленными влеченіями аргіогі, для ребенка достаточно самаго смутнаго и неяснаго пониманія значенія впечатлѣній, чтобы найти ихъ противными или согласными съ своими хотѣніями и влеченіями: по неразвитости рефлексіи и происходящаго отсюда смутнаго и неяснаго пониманія содержанія впечатлѣній, ребенокъ кстати и некстати боится всего, что быстро, неожиданно и сильно на него дѣйствуетъ, не кстати гнѣвается, привязывается сердцемъ, обижается и т. д. Еслибы опытъ и умъ были

источниками чувствованій, то при неразвитости ребенка не было бы ни надобности, ни смысла волноваться ему чѣмъ либо. Въ ребенкѣ, очевидно, есть хотѣнія и влеченія, которыя даютъ ему возможность въ разныхъ смыслахъ относиться къ доходящимъ до него впечатлѣніямъ. И такъ какъ научиться такимъ влеченіямъ, онъ никакъ не могъ, по отсутствію опыта, по неразвитости своей рефлексіи, то ихъ надобно считать апріорными.

Общій выводъ изъ сказаннаго тотъ, что будемъ ли мы допускать только опредѣленныя, хотя все еще общаго характера, апріорныя хотѣнія и влеченія, или вмѣстѣ съ ними еще предположимъ другія болѣе общаго характера, во всякомъ случаѣ мы должны, въ виду фактовъ, признать оба рода влеченій первоначальными и апріорными. На вопросъ, когда они явились въ душѣ, возможно отвѣтить двумя предположеніями: или, въ силу закона природы, установленнаго Творцомъ, душа, возникая вмѣстѣ съ тѣломъ, является въ міръ съ готовыми хотѣніями и стремленіями довольно опредѣленнаго характера, приспособленными къ ея будущей дѣятельности среди другихъ существъ и вообще вытекающими изъ ограниченности и конечности ея существа; или душа, существовавшая ранѣе этой земной жизни, въ теченіи долгаго періода развитія уже успѣла развить въ себѣ опредѣленныя влеченія и хотѣнія и съ ними, какъ готовымъ результатомъ, вступаетъ въ земное существованіе и сразу начинаетъ осуществлять эти хотѣнія и влеченія, сопровождая случайности осуществленія разными чувствами. По нѣкоторымъ соображеніямъ нельзя считать фантастичнымъ и послѣднее мнѣніе.

Такъ или иначе приходится допускать, что душа является въ міръ съ опредѣленными до нѣкоторой степени влеченіями и хотѣніями. Душа хочетъ не совсѣмъ ясно представляющихся ей цѣлей и влечется къ нимъ; въ такихъ влеченіяхъ и хотѣніяхъ заранѣе предопредѣляется направленіе ея будущей дѣятельности. Особенно страннаго и безпримѣрнаго чего либо въ этой гипотезѣ нѣтъ. Физически человѣкъ рождается организованнымъ для дѣятельности, еще предстоящей ему; онъ имѣетъ глазъ, ухо, вкусъ, осязаніе и т. д., которые еще не функціонировали, но устроены именно въ виду будущей дѣятельности. Глазъ не имѣлъ бы смысла, еслибы не было свѣта, ухо, еслибы не существовало звука, вкусъ и осязаніе, если бы не было химическихъ процессовъ, непроницаемыхъ тѣлъ. Мудрость, вызвавшая организмъ къ жизни,

устроивала и органы его въ предвидѣніи будущихъ его функцій и ожидающихъ его впечатлѣній. И тутъ мы не удивляемся, а считаемъ совершенно естественнымъ, что такъ и должно быть. Но если существуетъ душа, какъ самостоятельное и отличное отъ тѣла существо, то почему же она должна являться въ свѣтъ, какъ tabula rasa, и почему въ ней не можетъ быть стремленій и хотѣній, разсчитанныхъ на впечатлѣнія опредѣленнаго характера или на извѣстный родъ ихъ? Душа не сама даетъ себѣ бытіе; являясь, въ силу установленнаго Творцомъ закона, отъ другой души, или, если принять предсуществованіе, нисходя въ тѣло изъ другихъ сферъ, она должна быть приспособлена къ своей будущей дѣятельности и въ извѣстномъ смыслѣ предорганизована, по крайней мѣрѣ, въ хотѣніяхъ и влеченіяхъ, чтобы развиваться въ опредѣленномъ направленіи. Мы возвратимся еще къ этому вопросу въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Развитіе воли.

Принявъ гипотезу первоначальныхъ апріорныхъ хотѣній и влеченій, мы не имѣемъ права предполагать ихъ совершенно опредѣленными: они указываютъ только общіе роды и виды предстоящей дѣятельности и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть конкретно опредѣленными. Съ такими хотѣніями и влеченіями душа вступаетъ въ міръ и по закону, дѣйствующему на землѣ, соединяется съ тѣломъ. Ей неизвѣстно, во 1-хъ, чѣмъ и какъ можетъ удовлетворяться потребность тѣла, не смотря на то, что она, быть можетъ, принимаетъ участіе въ организаціи и образованіи его еще въ теченіи утробной жизни; по неразвитости или несовершенству нервной системы, прямого органа души, вѣроятно, неизвѣстно душѣ и самое тѣло, со стороны размѣровъ гибкости, чувствительности и послушности ея желаніямъ. Далѣе, ей неизвѣстно подробно и de facto, въ чемъ и какъ могутъ осуществляться ея желанія, какія впечатлѣнія принесетъ внѣшній міръ, съ кѣмъ прійдется ей дѣйствовать, кто больше и меньше ея и т. д. Смыслъ жизни, воспринимания впечатлѣній, дѣй-

ствованія среди вещей и существъ, въ этомъ и состоитъ, что первоначальныя элементарныя и общія хотѣнія и влеченія принимаютъ конкретный характеръ, становятся хотѣніями и нехотѣніями, влеченіями и отвращеніями опредѣленнаго конкретнаго содержанія. Постараемся прослѣдить постепенное развитіе волевой стороны человѣка и посмотримъ, къ какимъ результатамъ оно можетъ приходить.

1) Физіологическая воля. Несомнѣнно, что прежде всего развивается совокупность хотѣній и влеченій на основѣ физіологической воли. Такъ какъ тѣло имѣетъ значеніе органа, чрезъ который духъ воспринимаетъ воздѣйствія на себя внѣшняго міра, и самъ дѣйствуетъ въ немъ, и состояніе тѣла есть одно изъ условій всякого психическаго процесса, то по этому значенію тѣла для духа и по тѣснѣйшей связи между ними, душа принимаетъ живѣйшее участіе въ благосостояніи его, въ правильности, гармоніи его процессовъ. Впродолженіи утробнаго сопребыванія, потребности и нужды тѣла, его органовъ, противорѣчіе или согласіе процессовъ въ нихъ, становятся предметомъ влеченій и хотѣній духа: нужды тѣла становятся нуждами души и что нужно первому, то желается и послѣднею. Всякое впечатлѣніе, возбуждающее процессъ, не нарушающій гармоніи другихъ процессовъ, или не истощающій энергіи нервной системы, впечатлѣніе, оживляющее послѣднюю, принимается душою, какъ желанное и потому пріятное впечатлѣніе; противоположнаго же качества впечатлѣніе есть нежеланное, противное и потому непріятное, а если оно сильно и не отвязно нарушаетъ гармонію процессовъ, истощаетъ нервъ или разрушаетъ его, то пріемлется какъ мучительное. Также нежеланны и противны душѣ всякого рода нарушенія отправленій въ органахъ, происходящія отъ внутреннихъ причинъ, наприм. при болѣзняхъ. Судя по тому, что ребенокъ съ самыхъ первыхъ дней жизни способенъ чувствовать страданія и если не удовольствіе, то нѣкоторое удовлетвореніе, по поводу холода, тепла, разныхъ болѣзненныхъ разстройствъ, должно предполагать, что безсознательныя апріорныя влеченія и хотѣнія, касающіяся тѣла, уже къ этому времени пріурочиваются къ опредѣленнымъ нервнымъ возбужденіямъ, такъ что всякое изъ послѣднихъ является, какъ желаемое или нежеланное, а слѣдовательно, вызываетъ удовлетвореніе или страданіе.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣятельности тѣла безсознатель-

ныя влеченія и хотѣнія начинаютъ принимать болѣе опредѣленный характеръ. Изъ нихъ начинаютъ выдѣляться влеченія къ дѣятельности физической, къ покою утомленнаго тѣла, пищѣ и питью. Наблюдающій умъ начинаетъ подмѣчать, какое вещество сравнительно болѣе желается или не желается, возбуждаетъ удовольствіе или неудовольствіе, какое впечатлѣніе несетъ наслажденіе или страданіе. Отъ него скрытъ внутренній процессъ, дающій бытіе наслажденію и страданію; онъ замѣчаетъ только конечный результатъ его; этотъ результатъ, по ассоціаціи смежности, сочетавается съ представленіемъ предмета, его вызвавшаго. Влеченія и хотѣнія, имѣвшія дѣло съ начала только съ состояніями нервной системы, простираются, по указанію ассоціаціи и ума, на объекты, вызывающіе ихъ, и становятся для сознанія влеченіями и хотѣніями, отвращеніями или нехотѣніями такого или другого предмета. Человѣкъ начинаетъ хотѣть пищи не вообще, а извѣстнаго блюда, такой, а не другой дѣятельности, покоя при извѣстныхъ условіяхъ и т. д. На такихъ физіологическихъ хотѣніяхъ основывается и чувственно-эстетическое наслажденіе цвѣтами, тонами; только эти хотѣнія вступаютъ въ силу, или возникаютъ нѣсколько позже другихъ конкретныхъ физіологическихъ хотѣній.

Какъ первоначальныя безсознательныя физіологическія влеченія и хотѣнія служатъ базисомъ для множества вторичныхъ хотѣній, такъ и эти послѣднія въ свою очередь служатъ основаніемъ для многихъ третичныхъ. О характеристичномъ ихъ признакѣ мы будемъ говорить въ послѣдствіи. Но теперь замѣтимъ, что всѣ такія состоянія воли образуютъ цѣлую область желаній, хотѣній, стремленій, привычекъ, въ концѣ концовъ имѣющихъ своею цѣлію нужды и потребности тѣлеснаго существованія. И что эта область значительна, и по количеству разныхъ волевыхъ состояній, въ ней заключающихся, и по напряженію послѣднихъ, это доказывается тѣмъ, какъ много въ нашей жизни значутъ вопросы о пропитаніи, комфортѣ, разныхъ болѣзняхъ и физическихъ страданіяхъ, удручающихъ тѣло, и какую большую долю нашихъ житейскихъ хлопотъ составляютъ заботы о нихъ.

2) Личныя влеченія и хотѣнія. Нѣсколько позже физіологической воли, начинаютъ принимать болѣе опредѣленный и наконецъ конкретный характеръ тѣ первоначальныя влеченія и хотѣнія, которыя касаются личнаго существованія и дѣятельности

субъекта. Сначала всякое быстрое и энергичное впечатлѣніе возвращаетъ ребенка къ первоначальному хотѣнію жизни и противодѣйствію впечатлѣнію, т. е. возбуждаетъ страхъ, но потомъ накопляющійся опытъ научаетъ различать дѣйствительныя опасности отъ кажущихся, и субъектъ замѣчаетъ, какого содержанія впечатлѣнія заставляютъ тягостно возвращаться на самое первое основное хотѣніе. Быть можетъ, первоначально всякая несвобода движенія, наприм. противодѣйствіе матеріальнаго предмета свободному движенію рукъ, туловища, пробуждаетъ гнѣвъ, а когда оно для ребенка непобѣдимо, то возбуждаетъ нѣчто въ родѣ горя, и не невозможно, что свобода движеній ребенка, ничѣмъ не обернутаго, возбуждаетъ въ немъ радость, т. е. на этихъ фактахъ онъ впервые примѣняетъ къ дѣлу свои первоначальныя нехотѣнія противодѣйствія, стѣсненія свободы и круга дѣятельности, свое хотѣніе большаго круга и свободы ея. Но затѣмъ, съ пробужденіемъ ума, съ развитіемъ наблюдательности, ребенокъ начинаетъ прилагать эти хотѣнія и нехотѣнія къ объективнымъ причинамъ и замѣчаетъ, что и кто противодѣйствуетъ, даетъ свободу или стѣсняетъ ее. Онъ начинаетъ хотѣть однихъ событій и не хотѣть другихъ. Съ зрѣлостію опыта является болѣе строгое различеніе истиннаго, а не кажущагося противодѣйствія, стѣсненія или расширенія свободы и круга дѣятельности. Хотѣнія и влеченія остаются тѣже, но какъ бы переходятъ, въ теченіи развитія, съ одного объекта на другой, въ разные моменты его, устремляются на различное содержаніе.

3) *Соціальная воля.* Также рано начинаетъ дѣйствовать въ субъектѣ совокупность хотѣній и влеченій, которую можно было бы назвать соціальною волею. Онъ является среди существъ, и скоро завязываются у него отношенія къ нимъ. Первыми конкретными объектами нѣжныхъ влеченій субъекта становятся мать, отецъ, люди, ухаживающіе за нимъ. Влеченіе его къ союзу съ другими существами прежде всего удовлетворяется на окружающихъ лицахъ и затѣмъ постепенно распространяется на всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчается и соприкасается. Ребенокъ рано знакомится съ союзами малаго съ большимъ и равнаго съ равнымъ; лишь въ болѣе зрѣлые годы онъ пойметъ, что̀ значитъ союзъ бо̀льшаго съ малымъ. Съ увеличеніемъ встрѣчъ и соприкосновеній съ людьми, являются и отрицательно—нѣжныя отношенія: пробуждается нехотѣніе человѣческаго противодѣйствія и отвращеніе отъ союза съ нѣкоторыми существами. Дальнѣйшее развитіе

укрѣпляетъ союзы, образуетъ любовь, дружбу, и разводитъ далеко людей другъ отъ друга, разъединяя ихъ ненавистію, враждою, разрушаетъ союзы, когда въ нихъ прошла надобность или если при заключеніи ихъ произошла ошибка въ выборѣ, и по тѣмъ же причинамъ прекращаетъ вражду и ненависть, сближая разъединившіяся существа. Къ зрѣлому возрасту является новый родъ примѣненія такого влеченія: связь половъ, съ которою природа связала цѣль умноженія и распространеніе рода. Соціальныя влеченія получаютъ громадное конкретное примѣненіе: связь семьи, общества, землячества, связь областная, союзъ цѣлаго народа и государства основываются въ концѣ концовъ на этихъ влеченіяхъ.

Съ этими основными соціальными влеченіями начинаютъ осуществляться и тѣ хотѣнія, которыя имѣютъ отношеніе къ положенію человѣка среди другихъ существъ. Уже ребенокъ понимаетъ хвалу, чувствуетъ стыдъ и свою цѣну, т. е. имѣетъ нѣкоторое самоуваженіе. Инстинктивно онъ придаетъ значеніе отзывамъ другихъ о себѣ, находитъ удовлетвореніе въ похвалахъ и стремится быть чѣмъ то цѣннымъ и почетнымъ для другихъ; уже ребенокъ не хочетъ падать въ глазахъ другихъ и волнуется стыдомъ. Эти влеченія, важныя для соціальнаго положенія субъекта среди другихъ существъ, становятся, съ теченіемъ времени, также конкретными. Изъ опыта субъектъ узнаетъ, за что нужно придавать себѣ цѣну, чего стыдиться, чѣмъ величаться въ глазахъ другихъ. Разумѣется, конкретное содержаніе такихъ влеченій въ одномъ и томъ же субъектѣ безконечно видоизмѣняется, смотря по возрасту, измѣненію общественнаго положенія и т. д. Но никогда онъ не отказывается отъ нихъ и не перестаетъ при всѣхъ случаяхъ отстаивать свою честь, опасаться униженія, такъ или иначе уважать себя.

4) Высшія влеченія: къ истинѣ. Сравнительно позже принимаютъ конкретный характеръ высшія влеченія и хотѣнія. Не малое проходитъ время, пока человѣкъ научится находить удовольствіе и наслажденіе для ума. Долгое время онъ удовлетворяетъ только одному влеченію, къ обновленію умственнаго содержанія (въ чувствѣ новости), но затѣмъ, когда начинается самодѣятельность ума, онъ стремится удовлетворить влеченію усилить, оживить энергію его, облегчить его трудъ, и обнаруживаетъ отвращеніе отъ всего безплодно увеличивающаго усилія, всего путающаго, сбивающаго его съ толку. Влеченія и отвращенія послѣдняго рода обнаруживаются поздно, не ранѣе мо-

мента, когда окрѣпшій умъ начнетъ дѣлать самостоятельныя попытки мышленія, и когда на опытѣ узнаетъ, что значитъ легкость, живость, или трудность, вялость умственной дѣятельности. Однако, влеченіе къ отдыху на маломъ впечатлѣніи, къ игрѣ умственной силы обнаруживается довольно рано: ребенокъ очень малый понимаетъ игру, шутку и влечется къ ней.

Первоначально субъектъ стремится къ обновленію умственнаго содержанія, къ оживленію, усиленію и облегченію своей интеллектуальной энергіи. Но эти влеченія имѣютъ значеніе лишь средствъ къ осуществленію глубочайшаго влеченія, дающаго смыслъ интеллектуальной дѣятельности, влеченія къ истинѣ. Оно возникаетъ въ субъектѣ на основѣ стремленія къ улучшенію и возвышенію своего существованія и дѣятельности вообще. Въ теченіи умственной дѣятельности раннихъ періодовъ жизни, отрочества и юности, человѣкъ различаетъ вѣрныя и ошибочныя представленія, истину и ложь, и de facto убѣждается въ цѣнности первой и ничтожности послѣдней. Самъ имѣя первоначальное влеченіе къ цѣнному и значительному бытію, онъ начинаетъ усиленно стремиться приблизиться къ первой и отвращаться отъ лжи, какъ ничтожнаго бытія. Близость и сосѣдство съ истиннымъ бытіемъ ведетъ за собой улучшеніе и возвышеніе того, что подходитъ къ нему, сосѣдится съ нимъ, и умъ ищетъ своего возвышенія и улучшенія въ возможномъ приближеніи къ истинѣ. Это влеченіе одолѣваетъ его какъ любовь, какъ страстная жажда истины. Она представляется уму, какъ глубоко зарытое въ нѣдрахъ кажущагося бытія сокровище, которое необходимо вскрыть и имъ осіять себя.

Абстрактное представленіе истины, какъ единственнаго цѣннаго бытія, вырабатывается только философскимъ путемъ. Но каждому, даже стоящему на послѣднихъ ступеняхъ развитія, субъекту внѣдрено влеченіе, а слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ инстинктивное предчувствіе, что такое бытіе есть и что къ нему можно приближаться. Большинство удовлетворяется въ этомъ влеченіи религіей, какъ сокровищницею истины, и оно счастливо сознаніемъ, что вся потребная для него истина дана ему въ ней. Меньшинство ищетъ удовлетворенія этому влеченію и другими путями, преимущественно путемъ науки. Она создалась и поддерживается влеченіемъ человѣка возвысить достоинство себя самого и своей умственной дѣятельности истиною. Но и въ наукѣ умы идутъ къ ней разными путями: чрезъ абстракт-

ное размышленіе, или изслѣдованіе опыта, настоящаго или прошаго факта, физическихъ или нравственныхъ явленій и т. д. Не беремся утверждать положительно, что это суть также первоначальныя влеченія, но въ виду факта, такъ называемыхъ, призваній къ той или другой наукѣ или области изслѣдованія, непобѣдимыхъ наклонностей къ такому или другому кругу вопросовъ, нельзя не признаться, что избраніе способовъ и поприщъ служенія истинѣ зависитъ отъ какихъ то первоначальныхъ данныхъ въ человѣческомъ существѣ, т. е. въ волѣ его: При одинаковомъ воспитаніи и образованіи, выходятъ умы съ различными стремленіями на разныя поприща, по внутренней охотѣ и желанію. Какъ будто, не сами люди, по случайнымъ побужденіямъ и складу внѣшнихъ обстоятельствъ, избираютъ себѣ способъ служенія истинѣ, а посылаются кѣмъ то на это служеніе. Не отрицаемъ вліянія обстановки, организаціи нервной системы, внѣшнихъ чувствъ на выборъ научныхъ поприщъ. Но эти вліянія не могутъ объяснить, какъ человѣкъ, (напр. Фарэдей) выбивается на путь науки изъ чуждой ей среды, неблагопріятной обстановки, среди разныхъ противодѣйствій. Развѣ возможно подобное явленіе, если въ человѣкѣ нѣтъ не побѣдимаго влеченія къ извѣстному поприщу служенія истинѣ? Нечего и говорить, что истина остается теперь недоступною для человѣческаго ума; тѣмъ не менѣе съ самыхъ разныхъ и отдаленныхъ одинъ отъ другого пунктовъ умы стремятся къ ней, какъ единому центру, въ надеждѣ, что когда либо можно будетъ приблизиться къ ней.

5) Влеченіе къ красотѣ. Въ основаніи эстетическаго наслажденія находится удовлетвореніе физіологической воли и глубокаго влеченія возвысить свое бытіе чрезъ сближеніе съ красотою. Первоначально субъектъ способенъ удовлетворяться или страдать только отъ простыхъ впечатлѣній и его физіологическая воля принимаетъ къ свѣдѣнію только ихъ. Позже она начинаетъ интересоваться соотношеніемъ, согласіемъ или противодѣйствіемъ чувственныхъ процессовъ и тогда она удовлетворяется или не удовлетворяется эстетически. Чувственно красивое открывается человѣку прежде, чѣмъ духовная красота. Но съ начинающеюся зрѣлостію сказывается стремленіе и къ послѣдней и ею просвѣтляется для субъекта сама чувственная красота: она понимается какъ откровеніе и выраженіе духовной.

Мы видѣли, что въ человѣкѣ есть первоначальное влеченіе

къ поднятію цѣнности и значительности бытія, что красота всякого рода имѣетъ то значеніе въ человѣческой жизни, что присутствіе ея возвышаетъ цѣну и значеніе предмета, обладающаго ею. Чтобы возвысить значительность своего бытія, мы стремимся соединиться съ красотою, стать ея обладателями и участниками въ ней. Въ этомъ состоитъ смыслъ любви къ искусству, какъ источнику и представителю красоты, любви великихъ и прекрасныхъ явленій въ природѣ, человѣческомъ и животномъ мірѣ. Любя красоту, человѣкъ влечется къ самоулучшенію и поднятію себя самаго. Это первоначальное влеченіе получаетъ конкретное примѣненіе при первыхъ встрѣчахъ съ чувственно прекраснымъ: съ величественными и прекрасными явленіями природы, произведеніями разныхъ искусствъ: живописи, скульптуры, архитектуры, музыки. Но за чувственною красотою открывается духовная: нравственное величіе, гармонія и равновѣсіе духовныхъ дѣятельностей, рѣдкость, оригинальность и высокое качество духовныхъ дѣятельностей. Тогда влеченіе къ возвышенію и улучшенію существованія получаетъ полное примѣненіе и является какъ стремленіе къ красотѣ.

Улучшеніе собственнаго бытія красотою составляетъ предметъ влеченія почти всякого человѣка. Простые и необразованные классы, не понимающіе высшихъ родовъ красоты, доступныхъ образованнымъ людямъ, по своему, стремится къ ней, создавая народное художество. Нѣтъ человѣка, который не находилъ бы удовольствія и не понималъ красоты пѣсни, искусства, пляски, благолѣпія церкви, красивости одежды, и нѣтъ народа, который бы не старался украсить чѣмъ либо свое жилище, вещи, находящіяся въ употребленіи, и т. д. И нѣтъ человѣка, который не понималъ бы и духовной красоты: всякій хвалитъ умнаго и прекраснаго человѣка и способенъ цѣнить красоту мужскую или женскую. Образованные классы идутъ далѣе въ искусственномъ созданіи красивыхъ произведеній: они изобрѣли роды искусствъ и для нихъ шире и многостороннѣй открывается красота духовная. Слѣдовательно, различіе между людьми въ отношеніи влеченія къ красотѣ касается широты и полноты его конкретнаго, фактическаго примѣненія: какъ есть служеніе истинѣ, такъ существуетъ служеніе и красотѣ и оно бываетъ различно, смотря по роду искусствъ. Несомнѣнно, что благопріятное устройство внѣшнихъ чувствъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ частей нервной системы гораздо важнѣе для избранія рода служенія красотѣ, чѣмъ для

избранія поприща служенія истинѣ. Но отъ того факта, что человѣкъ имѣетъ хорошее зрѣніе, или хорошій слухъ, едва ли можетъ зависѣть, посвятитъ ли онъ себя живописи, музыкѣ или скульптурѣ. Есть искусства, независящія ни въ какомъ отношеніи отъ чувственныхъ органовъ: наприм. поэзія въ обширномъ значеніи этого слова. Людей, имѣющихъ положительное влеченіе къ воззданію красоты и служенію ей на опредѣленномъ поприщѣ, относительно немного, а призванныхъ къ тому дѣйствительно еще менѣе. За то, когда въ человѣкѣ есть истинное призваніе, онъ выбьется на свою дорогу при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ: препятствія и препоны побѣждаются энергіей влеченія. И этотъ фактъ, безспорно данный въ опытѣ, что нѣкоторыя личности съ огромною настойчивостію пробиваются на поприще своего искусства, не смотря ни на что, не долженъ ли наводить на мысль, что нѣкоторымъ субъектамъ, при рожденіи ихъ, невидимая рука указываетъ путь, по которой они должны идти, и внѣдряетъ въ ихъ волю влеченіе къ опредѣленному роду служенія красотѣ?

6) Влеченіе къ нравственному благу. Вмѣстѣ съ стремленіями къ истинѣ и красотѣ не медлитъ выработаться и стремленіе къ нравственному благу. Первоосновою и для него служитъ влеченіе души къ улучшенію и возвышенію своей дѣятельности. Судя по извѣстнымъ чувствованіямъ, человѣкъ старается достигнуть этой цѣли въ своей практической дѣятельности тѣмъ, что влечется къ должному, законному, хорошему, т. е. доброму. Эти первоначальныя влеченія къ долгу и закону подсказываютъ даже отроку, что есть нѣчто должное, обязательное къ исполненію, и что когда дѣйствіе совпадаетъ съ нимъ, то оно хорошо, а въ противномъ случаѣ дурно. Съ развитіемъ и зрѣлостію ума конкретное примѣненіе влеченія расширяется. Благодаря воспитанію и соприкосновенію съ людьми, субъектъ подробно опредѣляетъ кругъ должнаго и недолжнаго, законнаго и не законнаго. Прежде всего онъ понимаетъ это въ примѣненіи къ семьѣ, которой онъ членъ, или малаго общества, къ которому онъ принадлежитъ. Ставши членомъ общества, онъ примѣняетъ влеченіе долга и закона въ своей общественной дѣятельности, къ себѣ и другимъ; служа государству и народу, въ качествѣ члена обширнаго союза, примѣняясь къ государственной волѣ, выраженной въ положительномъ законѣ, онъ даетъ указанному влеченію новое и обширное конкретное приложеніе. Такое первоначальное

влеченіе и есть основаніе семьи, общества и государства и правильная дѣятельность этихъ видовъ человѣческихъ союзовъ условливается силою влеченій и достоинствомъ ихъ содержанія.

Эти влеченія представляются сознанію какъ стремленіе къ благу. Осуществленіе должнаго и законнаго въ дѣятельности есть осуществленіе добра, а дѣятельность въ противоположномъ направленіи есть осуществленіе зла; дѣлать такъ, какъ повелѣваетъ законъ и долгъ, хорошо, а поступать иначе дурно. Отъ того, что въ дѣятельности осуществляется благо, она пріобрѣтаетъ достоинство, цѣну, значеніе, а отъ близости къ злу, она теряетъ ихъ и становится ничтожною. Перваго хочетъ всякій человѣческій индивидуумъ, второго никто. И чтобы овладѣть такимъ благомъ, отъ котораго мы становимся лучше, и чтобы избѣжать зла, отъ котораго становимся хуже, человѣкъ влечется и хочетъ во чтобы то ни стало исполнить свой долгъ, повиноваться моральному закону, къ которому примыкаетъ и законъ положительный.

Природа даетъ положительныя влеченія къ долгу и закону, какъ выраженію блага, жизнь наполняетъ и насыщаетъ ихъ опредѣленнымъ содержаніемъ. Они имѣютъ всеобщій характеръ. Оттого и говорятъ, что идея долга и закона прирождена намъ. Кто бы гдѣ ни родился, какъ бы дурно воспитанъ ни былъ, среди какого бы общества ни обращался, какъ бы ни запутался въ своихъ дѣйствіяхъ, все таки различаетъ должное и не должное, законное и не законное, дурное и хорошее. Пусть онъ неправильно примѣняетъ эти влеченія и черное называетъ бѣлымъ и на оборотъ; но какъ въ послѣднемъ случаѣ мы все таки скажемъ о немъ, что онъ имѣетъ понятіе цвѣта и обладаетъ зрѣніемъ, такъ и въ первомъ мы должны утверждать, что такой человѣкъ лишь неправильно понимаетъ свои влеченія, а они все таки есть у него. И такъ какъ въ опытѣ нельзя научиться имъ, если бы ихъ совсѣмъ не существовало, то мы утверждаемъ, что они суть первоначальныя влеченія a priori. Но я хочу сказать болѣе. Сообщивъ человѣческой волѣ влеченія къ долгу и закону, неужели природа предоставила на произволъ случая опредѣленіе того, что собственно должно понимать подъ ними? И не могло ли тогда случиться, что люди подъ долгомъ и закономъ стали бы понимать противоположное тому, что теперь понимаютъ? на всемъ земномъ шарѣ считается между людьми худымъ дѣломъ убійство, хищеніе, поруганіе личности, нарушеніе вѣрности слову и т. д., но могло ли случиться, чтобы именно это люди считали

должнымъ и законнымъ? Скажутъ что въ такомъ случаѣ не возможно было бы существованіе общества и люди скоро увидѣли бы, что если жить вмѣстѣ, то необходимо держаться противоположныхъ правилъ. Но если бы они и нашли полезными и выгодными послѣднія, то въ душѣ хранили бы убѣжденіе, что святы и нерушимы первыя, т. е. могли бы поступать также, какъ иногда и теперь, когда, сознавая несогласіе между своимъ поведеніемъ и долгомъ, моральнымъ закономъ, они оправдываютъ его пользою для себя, для другихъ и даже для государства. Разница была бы тогда та, что теперь предпочитается полезное святому и нравственному лишь иногда, а тогда это было бы постояннымъ правиломъ. Но нѣтъ! Этого то мы и не допускаемъ и думаемъ, что существующій моральный законъ и его правила, только одни они, могли быть приняты человѣкомъ, а ни какъ не противоположныя. И если тутъ выбора для человѣка не было и нѣтъ, то спрашивается, не было ли какъ нибудь предопредѣлено въ индивидуумахъ прежнихъ поколѣній, какъ и теперешняго, что воля должна влечься и стремиться къ такому, а не другому закону и долгу, т. е. не только сообщенъ импульсъ волѣ, но опредѣлено направленіе, съ какимъ она должна искать моральнаго содержанія? Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что, во 1-хъ, основныя моральныя правила найдены были весьма рано: историческое время застаетъ народы уже знакомыми съ главными принципами нравственнаго закона. Когда не существовало ни науки, ни житейскихъ удобствъ, ни выработанныхъ формъ государственнаго быта, въ простыя патріархальныя времена существовала высокая нравственность и люди въ основныхъ чертахъ знали, что̀ хорошо и что̀ дурно. Почему же нравственныя обобщенія дались такъ скоро и такъ полно, что цѣлыя тысячелѣтія болѣе зрѣлой и многосторонней жизни не могли прибавить ничего существеннаго къ найденному очень рано, въ полуварварскую эпоху. И не было ли нарочно облегчено Творцомъ отыскиваніе нравственныхъ принциповъ, такъ какъ безъ нихъ невозможно было бы отыскать прочныхъ формъ общежитія и государственной жизни? Во 2-хъ, если бы не существовало положительныхъ, опредѣленныхъ даже въ содержаніи своемъ, моральныхъ влеченій, какъ объяснить этотъ нравственный энтузіазмъ, съ какимъ люди для правды отвергаются себя самихъ, приносятъ въ жертву существенные интересы семьи, ради долга теряютъ здоровье, идутъ на смерть? Не потому же они дѣлаютъ это вопреки своимъ пользамъ, чтобы

доказать, что найденныя нашими отдаленными предками правила дѣйствительно хороши? вѣдь, конечно, положеніе $2 \times 2 = 4$ яснѣе и опредѣленнѣе всякого нравственнаго принципа, но никто не станетъ класть свою голову на плаху въ доказательство, что оно вѣрно, и если бы вздумалось многимъ утверждать, что $2 \times 2 = 5$, то убѣжденный въ ложности этого субъектъ только пожалѣлъ бы о заблужденіи. И если бы онъ пошелъ на мученичество ради абстрактной истины, то не потому что дорогъ ему абстрактъ, а потому что истина есть одно изъ проявленій нравственнаго блага и отстаивать ее значитъ исполнять свой долгъ, повиноваться моральному закону: онъ пошелъ бы на мученичество ради долга. Нравственное содержаніе, очевидно, глубоко напечатлѣно человѣческой природѣ и моральныя влеченія гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Составляя часть человѣческой природы, они такъ тѣсно соединены съ нею, что измѣнить имъ значитъ отрицать самаго себя, исказить свое бытіе: въ комъ эти влеченія болѣе живы и энергичны, тотъ предпочтетъ смерть своему нравственному искалѣченію.

Какъ есть предъизбраніе для служенія наукѣ и искусству такъ существуетъ оно и для служенія нравственному благу. Сообразно содержанію своихъ влеченій, нѣкоторые люди посвящаютъ себя осуществленію моральнаго долга и закона въ своей личной дѣятельности. Они особенно чувствительны въ своей совѣсти, блюдутъ за чистотою помысловъ, намѣреній, цѣлей и средствъ ихъ осуществленія. Нравственное самосовершенствованіе составляетъ предметъ ихъ главныхъ заботъ и приближеніе къ нравственному идеалу есть главная цѣль, къ которой они постоянно стремятся. Смотря на свою жизнь, какъ служеніе Богу, величайшему нравственному идеалу, такіе люди подвизаются для него въ мірѣ, постоянно наблюдая за самими собою, но часто и бѣгутъ изъ міра, становятся пустынниками, чтобы не развлекаться суетою и мелочью житейскихъ дѣлъ. Это подвижники моральнаго закона. Многіе зовутся на служеніе обществу, становятся чистыми и безкорыстными дѣятелями, преимущественно стремясь къ облегченію жизни другихъ: это благотворители, милостивцы, которымъ кажется, что и жизнь имъ дана не для себя, а для другихъ. Въ нихъ, очевидно, крѣпки и сильны соціально-нравственныя влеченія. Наконецъ, бываютъ подвижники государства, политическіе дѣятели, которыхъ вся жизнь посвящена осуществленію блага цѣлаго народа и государ-

ства, къ которому они принадлежатъ. Они развиваютъ огромную энергію, незнающую устали, борются съ препятствіями, для другихъ неодолимыми. У нихъ крѣпки политико-моральныя влеченія.

Возникновеніе стремленій и страстей.

Такимъ образомъ первоначальныя влеченія въ жизни получаютъ конкретныя примѣненія. Не теряя общаго своего характера, они становятся въ тоже время и частными, дѣлаются влеченіями къ *предметамъ*, къ извѣстному кругу ихъ, къ опредѣленной дѣятельности. Такъ какъ дѣйствіе влеченій сказывается отчасти въ сознательной жизни, то они получаютъ въ разобранномъ стадіи развитія уже сознательный характеръ; по крайней мѣрѣ, субъектъ знаетъ, чего онъ хочетъ, къ чему стремится и чего не хочетъ. Съ опредѣленіемъ объектовъ влеченій, субъекту болѣе или менѣе ясно представляется цѣль ихъ, по крайней мѣрѣ, ближайшая. Поэтому конкретно опредѣленныя первоначальныя влеченія являются, какъ положительныя стремленія, или какъ страсти. Корень какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ мы видимъ въ первоначальныхъ влеченіяхъ и хотѣніяхъ. Такъ, стремленія къ комфорту или гастрономическія, вообще грубочувственныя, коренятся въ силѣ и глубинѣ физіологической воли, стремленія эгоистическія, научныя, артистическія, моральныя, или соціальныя имѣютъ корень свой въ первоначальныхъ влеченіяхъ. Но также и страсти основываются на нихъ же: когда человѣкъ стремится къ опредѣленному предмету и имъ желаетъ улучшить и поднять свое существованіе или дѣятельность (т. е. когда присоединяется стремленіе любви). то стремленіе становится страстію. По нашему мнѣнію, влеченіе и хотѣніе a priori, какъ положительное, такъ и отрицательное, становятся стремленіями, также положительными или отрицательными, когда они опредѣляются конкретно и когда устанавливается опредѣленная цѣль для нихъ. Страсть есть стремленіе, осложненное влеченіемъ къ сближенію и обладанію чѣмъ либо цѣннымъ, дабы улучшить тѣмъ свое бытіе. Страсти и стремленія, слѣдовательно, имѣютъ характеръ a posteriori. Эти же первоначальныя хотѣнія и влеченія даютъ происхожденіе наклонностямъ. Смотря по тому, какое изъ первоначальныхъ влеченій наиболѣе сильно, или всего легче развивается субъектомъ, онъ всего скорѣе готовъ дѣйствовать въ сторону его: напр.

существуютъ наклонности къ трусости, къ обидчивости, гнѣвливости и т. д., въ сердцѣ тѣхъ, кто особенно способенъ къ развитію сильнаго хотѣнія жизни, или нехотѣнія противодѣйствія, слишкомъ усиленно желаетъ возвышенія въ Іерархіи духовъ и т. д. Кто особенно сильно влечется къ возвышенію своего ума чрезъ сближеніе съ истиною, тотъ имѣетъ наклонность къ умственной бодрой дѣятельности и по скольку натура ума легче, удобнѣй и цѣлесообразнѣй дѣйствуетъ на извѣстномъ поприщѣ, или извѣстнымъ способомъ, являются наклонности къ той или другой наукѣ, къ тому или другому методу.

Мотивированная дѣятельность воли.

Моментъ конкретнаго опредѣленія первоначальныхъ влеченій, хотѣній, отвращеній и нехотѣній есть моментъ возникновенія чувствованій. Впечатлѣнія удовлетворяютъ или не удовлетворяютъ насъ, согласны съ нашею волею или противорѣчатъ ей, противъ насъ или за насъ, даютъ, что нужно волѣ или даютъ, что ей не надобно. Такъ какъ содержаніе ихъ чрезвычайно разнообразно и положенія, при которыхъ субъектъ дѣйствуетъ, также измѣнчивы, то волѣ приходится весьма различно относиться къ впечатлѣніямъ и это различіе отношеній сказывается въ чувствованіяхъ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что они суть показатели отношеній воли къ впечатлѣніямъ. Примѣненныя къ конкретнымъ случаямъ, влеченія даютъ бытіе стремленіямъ и страстямъ, но сами не исчезаютъ. Ихъ не слѣдуетъ представлять себѣ такъ, что они, какъ наполненная содержаніемъ форма не годится для формованія другого матеріала, однажды примѣнившись конкретно, существуютъ затѣмъ только лишь какъ стремленія или страсти. Нѣкоторыя изъ хотѣній по своему смыслу и не могутъ создавать стремленій, но тѣ, которыя создаютъ, сами по себѣ не перестаютъ существовать, ибо постоянно и съ новою силою повторяются и обновляются въ человѣческой душѣ. Конкретное примѣненіе ихъ означаетъ образованіе стремленій къ предметамъ, а не наполненіе собственно ихъ содержаніемъ. Поэтому и послѣ того, какъ явились стремленія и страсти, априорныя хотѣнія не перестанутъ быть, слѣдовательно, новыя впечатлѣнія и событія внутренней и внѣшней жизни не перестаютъ возбуждать сердце къ различнымъ чувство-

ваніямъ. Появленіе послѣднихъ, хотя они суть послѣднее слово волеваго процесса въ сердцѣ, составляетъ новый фактъ, имѣющій въ свою очередь вліяніе на дѣятельность человѣка. Для сознанія кажется, что они двигаютъ душою и опредѣляютъ волю къ дѣятельности: то какъ реальныя возбужденія и волненія, то въ видѣ лишь представленія, они, кажется, могущественно побуждаютъ волю стремиться и отвращаться. Хотя мы думаемъ, что въ концѣ концовъ дѣйствованіе подъ вліяніемъ мотивовъ (они суть реальныя и идеальныя чувствованія) есть только иллюзія, но въ виду почти всеобщаго убѣжденія людей въ дѣствительности процесса опредѣленія воли мотивами, мы снова остановимся еще разъ на немъ, тѣмъ болѣе, что процессъ подмѣченъ тутъ вѣрно, а ложно объясненіе, даваемое ему.

Явившееся въ сердцѣ чувствованіе есть новый фактъ въ исторіи развитія воли и мы должны опредѣлить, какое онъ можетъ имѣть вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность субъекта. Если бы первоначальныя хотѣнія и влеченія сознавались субъектомъ и ихъ значеніе для возникновенія движеній сердца было ему извѣстно, то онъ не особенно интересовался бы послѣдними. Но ихъ онъ не сознаетъ и о первоисточникѣ чувствованій не имѣетъ ни какого подозрѣнія: ему кажется, что предметъ непосредственно возбудилъ чувствованіе. Въ волненіи, какъ мы уже видѣли, есть волевой элементъ, но послѣдній принимается субъектомъ за слѣдствіе возбужденія чувства и всякое дѣйствіе въ моментъ чувства кажется ему условленнымъ послѣднимъ. Мы видѣли уже, что дѣйствованіе воли въ моментъ раздраженія сердца должно быть отнесено ни какъ не на долю послѣдняго; наоборотъ, воля условливаетъ раздраженіе сердца. Но для всякого сознанія фактъ не то, что̀ дѣйствительно есть на самомъ дѣлѣ, но что̀ кажется субъекту. По закону смежности, такъ субъектъ и запоминаетъ, что извѣстный предметъ возбуждаетъ, положимъ, гнѣвъ, страхъ и т. д. и что въ такіе тягостные моменты желается одно, не желается другое. Въ слѣдующіе разы одно напоминаніе о предметѣ будетъ приводить на память и чувствованіе, а слѣдовательно, и волевые элементы, ему сопутствующіе; субъектъ будетъ представлять себѣ одинъ предметъ желательнымъ, другой не желательнымъ; онъ будетъ заранѣе знать, какіе предметы и впечатлѣнія возбуждаютъ какія чувствованія и заранѣе предрѣшать, какихъ нужно желать, какихъ отвращаться. Такимъ образомъ, чувствованія являются для сознанія, какъ мотивы, опредѣляющіе,

почему въ одномъ случаѣ нужно стремиться къ цѣли, въ другомъ отвращаться отъ предмета. Возникаетъ дѣятельность воли — мотивированная.

Для сознанія большая часть желаній и хотѣній мотивируется прямо или посредственно какимъ либо чувствомъ. По самымъ условіямъ своего возникновенія, оно въ состояніи подмѣтить лишь то, что̀ какъ бы всплываетъ на поверхность души; оно довольно вѣрно связываетъ событія, ошибаясь лишь въ томъ, что два факта, только слѣдующіе одинъ за другимъ, производимые одною общею причиною, не подлежащею сознанію, оно ставитъ въ связь причины и дѣйствія, и слѣдовательно, совершаетъ ошибку, извѣстную въ Логикѣ post hoc, ergo propter hoc. Это есть ошибка, иллюзія сознанія. Но и ошибка должна быть взята въ расчетъ, когда она принимаетъ извѣстное участіе въ процессѣ. Какъ мы сказали, сознанію кажется, что человѣкъ, если желаетъ, хочетъ чего либо, то побуждается къ тому непремѣнно чувствами. Прежде всего разберемъ разные случаи дѣятельности воли подъ вліяніемъ мотивовъ.

Чувствованій возбуждается множество, соотвѣтственно множеству дѣйствующихъ на субъекта впечатлѣній и событій; одни изъ возбужденій сердца, по видимому, возбуждаютъ волю къ дѣйствію, другія отвращаютъ ее. Слѣдовательно, мотивы могутъ быть положительные и отрицательные. Они могутъ оказаться въ согласіи и опредѣлять волю въ одномъ направленіи, но могутъ оказываться въ противорѣчіи, опредѣлять ее въ разныхъ направленіяхъ, или просто отрицать одинъ другой. Такимъ образомъ при мотивированіи могутъ встрѣчаться слѣдующіе случаи: 1) Воля разными мотивами опредѣляется въ одномъ и томъ же направленіи. Именно: многіе положительные мотивы требуютъ одного и того же дѣйствія: наприм. изъ чувства долга, по необходимости имѣть пропитаніе для себя и семьи, по интересу къ самому дѣлу, субъектъ усердно занимается службою; многіе отрицательные мотивы отклоняютъ отъ одного и того же намѣренія: субъектъ удерживается отъ дерзкаго отвѣта начальству чувствомъ уваженія къ себѣ самому, страхомъ раздражить его, опасеніемъ послѣдствій для себя лично, или для семьи; положительные и отрицательные мотивы побуждаютъ человѣка совершать одно и тоже дѣло: субъектъ занимается какою нибудь работою, потому что она интересна и есть прямой долгъ его, а

съ другой стороны, безъ работы ему было бы скучно, да можетъ быть, и голодно.

2) Мотивы опредѣляютъ волю въ разныхъ направленіяхъ. Различные положительные мотивы заставляютъ субъекта стремиться къ разнымъ цѣлямъ, а между тѣмъ онъ можетъ и долженъ выбрать только одну: наприм. по окончаніи гимназическаго курса, студентъ долженъ рѣшиться идти или въ Университетъ, или Институтъ Технологическій, Путей Сообщенія и т. д., причемъ ему представляется, что есть свои выгодныя стороны въ каждомъ рѣшеніи; различные отрицательные мотивы могутъ отвращать волю въ различныхъ направленіяхъ: субъектъ не знаетъ, какъ скоротать вечеръ: въ театрѣ идутъ скучныя вещи, дома не интересная работа, карты не привлекаютъ, вечеръ въ гостяхъ можетъ также предстоять скучный; между тѣмъ онъ долженъ на что нибудь рѣшиться.

3) Положительные и отрицательные мотивы иногда сталкиваются и противорѣчатъ одинъ другому: наприм. мотивъ удовольствія побуждаетъ меня къ дѣйствію, которое имѣетъ, однакожъ, свои не пріятныя стороны: я хотѣлъ бы идти на охоту, но представляю себѣ ожидающее утомленіе, безплодность ея и т. д.

4) Реальное чувствованіе можетъ оказаться въ противорѣчіи съ представляемымъ и воспоминаемымъ. Въ минуты страха солдатъ хотѣлъ бы уйти изъ подъ града пуль, но онъ представляетъ всѣ неудобства военнаго суда, ожидающаго его, и наказанія за оставленіе рядовъ въ виду непріятеля; въ моментъ гнѣва субъекту желалось бы хорошенько выбранить причину гнѣва, но онъ сдерживается непріятными будущими послѣдствіями своей брани.

Всѣ эти факты мы признаемъ въ полной ихъ силѣ. Но объясненіе наше будетъ другое, чѣмъ предлагаютъ эмпиристы. На что человѣкъ будетъ рѣшаться въ указанныхъ положеніяхъ? Въ перваго рода случаяхъ, понятно, субъектъ будетъ съ энергіей опредѣляться къ дѣйствію. Эмпиристы говорятъ, что здѣсь энергія воли вызывается суммированіемъ и возрастаніемъ ожидаемаго удовольствія, равно, энергія нехотѣнія возрастаетъ отъ суммированія неудовольствія. По нашему мнѣнію, человѣкъ опредѣлится къ дѣйствію потому, что въ удовольствіи и вообще въ чувствованіяхъ есть положительные волевые элементы и когда онъ, по видимому, принимаетъ въ соображеніе ожидаемыя удо-

вольствія, то онъ заранѣе соглашается желать, или желаетъ извѣстнаго отношенія впечатлѣнія къ своей волѣ, а слѣдовательно, и самого впечатлѣнія. Онъ de facto уже продѣлываетъ процессъ, который ему предстоитъ, какъ кажется, въ будущемъ. И тоже самое бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ отвлекается отъ дѣйствія многими отрицательными мотивами: разныя нехотѣнія и нежеланія извѣстнаго впечатлѣнія уже заранѣе не хотятся и не желаются и потому человѣкъ естественно не дѣлаетъ того, чего не хочетъ.

Какъ поступитъ субъектъ во второго рода случаяхъ? Мотивисты говорятъ, что онъ изберетъ дѣйствіе, обѣщающее бо́льшее удовольствіе, съ чѣмъ мы совершенно согласны. Но которое дѣйствіе будетъ обѣщать субъекту наибольшее удовольствіе? Выше мы говорили, то́, котораго онъ хочетъ, къ которому опредѣляютъ его влеченія, стремленія, страсти. Рѣшеніе принадлежитъ не мотиву, а самой волѣ.

При столкновеніи мотивовъ положительныхъ съ отрицательными, перевѣсъ останется за тѣми, которые относительно сильнѣе. Но сильнѣе можетъ оказаться лишь тотъ мотивъ, который представляетъ сильнѣйшее хотѣніе или не хотѣніе. Если же нехотѣніе въ представляемомъ неудовольствіи сильнѣе хотѣнія въ представляемомъ удовольствіи, то, очевидно, первое должно возобладать надъ послѣднимъ; въ противномъ случаѣ, наоборотъ. Человѣкъ, слишкомъ чувствительный къ противорѣчію впечатлѣнія съ своими первоначальными хотѣніями и влеченіями, боящійся, слѣдовательно, страданія и неудовольствія, послѣдуетъ за мотивомъ отрицательнымъ. Кто заранѣе мирится съ этимъ противорѣчіемъ или въ комъ нехотѣніе впечатлѣнія слабѣе, чѣмъ влеченіе къ другому впечатлѣнію, у того, конечно, положительный мотивъ побѣдитъ отрицательный.

Равно, когда реальное чувство опредѣляетъ субъекта къ дѣйствію, не смотря на противорѣчіе воспоминаемыхъ и представляемыхъ чувствованій, — это значитъ волевой элементъ первыхъ побѣждаетъ слабѣйшіе волевые элементы послѣднихъ. И наоборотъ, когда подъ вліяніемъ представляемыхъ чувствованій человѣкъ не исполняетъ своего хотѣнія, даннаго въ реальномъ чувствованіи, то это значитъ, что волевые элементы представляемыхъ побѣдили такіе же элементы реальнаго.

Когда дѣло идетъ о согласіи, противорѣчіи и противодѣйствіи мотивовъ, то, въ сущности, это различныя хотѣнія и же-

ланія соединяются, или противодѣйствуютъ другъ другу. И такой взглядъ лучше объясняетъ различныя состоянія души, развивающіяся въ связи съ мотивизаціей: наприм. состоянія колебанія, нерѣшимости. Когда человѣкъ мучится, колеблясь между разными рѣшеніями дѣла, не зная, на что рѣшиться, развѣ дѣло идетъ тутъ о вопросѣ, при какомъ дѣйствіи получится болѣе удовольствія и при какомъ менѣе страданія? и развѣ это мучитъ человѣка, что онъ можетъ ошибиться въ расчетѣ и кое что потерять въ удовольствіяхъ, или нѣсколько увеличить свое неудовольствіе? Процессъ, здѣсь развивающійся, очевидно, гораздо глубже. Въ моменты колебаній и нерѣшимости сталкиваются и противодѣйствуютъ реальныя силы и борьба между ними ажитируетъ, безпокоитъ и мучитъ человѣка. Это особенно бываетъ, когда въ борьбу вступаютъ глубокія влеченія и хотѣнія: напр., когда человѣкъ труситъ и боится дѣйствовать, а между тѣмъ дѣло идетъ о чести его и т. под.

Желанія и хотѣнія, возникающія по мотивамъ, мы назовемъ третичными. Первоначальныя суть тѣ, которыя даютъ происхожденіе формамъ чувствованій; вторичныя желанія и хотѣнія тѣ, въ которыхъ конкретно примѣняются первоначальныя; тѣже изъ нихъ, которыя возникаютъ для сознанія подъ вліяніемъ чувства, мы обособимъ въ отдѣльный видъ и назовемъ ихъ третичными. Въ сущности, они не отличаются отъ вторичныхъ. Но послѣднія вытекаютъ изъ первоначальныхъ прямо или посредственно, безъ участія чувства. Опредѣляясь ими, человѣкъ просто стремится къ извѣстнымъ цѣлямъ, ему нужнымъ въ силу первоначальнаго влеченія, и желаетъ средствъ, которыя ведутъ къ этой цѣли. Въ нихъ одно или нѣсколько, обусловливающихъ и логически взаимно предполагающихъ себя, хотѣній опираются на первоначальныя данныя въ человѣческой волѣ. Поэтому стремленія, страсти, и остальныя вторичныя хотѣнія являются сами, какъ фактъ ниоткуда невыводимый: къ тому или другому человѣкъ стремится, потому что такова его натура, т. е. первоначальныя влеченія и хотѣнія, но изъ послѣднихъ онъ не можетъ выводить первыхъ, потому что они скрыты отъ сознанія. Третичныя желанія и хотѣнія развиваются уже послѣ того, какъ совершился фактъ въ сердцѣ, явилось въ немъ чувствованіе. Хотя, въ сущности, такія желанія и хотѣнія являются подъ вліяніемъ первоначальныхъ и вторичныхъ, изъ которыхъ первыя предшествуютъ чувству, а вторыя одновременны съ нимъ, но

сознаніе, занятое чувствованіемъ, приписываетъ происхожденіе желаній, развивающихся изъ стремленій и вообще вторичныхъ хотѣній, не этимъ истиннымъ причинамъ, а чувствованію: post hoc, ergo propter hoc. Практически субъектъ отъ этой иллюзіи ничего не теряетъ, а даже выигрываетъ. Чувствованіе есть одинъ изъ симптомовъ волеваго процесса: ему предшествуютъ и сопутствуютъ хотѣнія и влеченія. Его можно поэтому назвать сокращеннымъ названіемъ ряда состояній духа. Вмѣсто того, чтобы перечислять все до точности, какъ что дѣлается, когда является чувство, мы просто говоримъ: изъ страха, изъ гнѣва, изъ удовольствія и т. д. мы дѣлаемъ то и то; и не говоримъ только, а и представляемъ дѣло совершающимся въ этомъ видѣ. Намъ кажется, что мы вообще дѣйствуемъ подъ вліяніемъ чувства, и когда впередъ рѣшаемъ, что̀ намъ дѣлать, то мы представляемъ, что чувствованіе, а не волевой элементъ его, заставитъ и заставляетъ насъ желать извѣстнаго дѣйствія. Чувство въ этихъ случаяхъ является какъ бы ярлыкомъ, по которому мы легко разбираемся въ своихъ прошедшихъ и ожидающихся будущихъ дѣйствіяхъ.

Третичныя желанія.

Третичныя желанія безчисленны. Можно сказать, что всѣ наши обыденныя желанія и хотѣнія принадлежатъ къ этому третичному типу. Для нашего сознанія они всегда чѣмъ нибудь мотивированы, или находятся въ прямой или посредственной связи съ другими мотивированными уже. Иногда, чтобы достигнуть цѣли, необходимъ рядъ средствъ, которыя также становятся предметомъ желаній, такъ что цѣлая цѣпь желаній въ концѣ концовъ условливается повидимому однимъ мотивомъ. При всей, однакожъ, ихъ случайности и капризности, существуютъ главныя руководительныя нити, которыми опредѣляются главныя направленія всякой человѣческой дѣятельности, и отъ которыхъ зависитъ, почему преобладаетъ такой, а не другой родъ желаній, почему одни изъ нихъ сильны, другія слабы, отчего въ субъектѣ беретъ постоянный перевѣсъ одинъ родъ мотивовъ предъ другимъ.

Въ области третичныхъ желаній и хотѣній возникаютъ разнообразныя привычки. Какъ мы видѣли, они являются изъ часта-

го упражненія воли въ одномъ направленіи. Съ каждымъ повтореніемъ дѣйствія, усилія напряженія становятся легче и легче и наконецъ, они становятся столь легкими, что не стоятъ почти никакого напряженія и слѣдовательно, мало или даже совсѣмъ не сознаются. Но извѣстно, что не всякое повтореніе желанія или хотѣнія образуетъ привычку: иныя переходятъ въ нее, а другія нѣтъ; при одномъ образѣ жизни и одинаковой дѣятельности, привычки являются въ людяхъ чрезвычайно разнообразныя. Эти странныя явленія объясняются съ нашей точки зрѣнія легко. Только то имѣетъ шансы укрѣпиться въ духѣ, что стоитъ въ болѣе или менѣе близкой связи съ первоначальными влеченіями и хотѣніями, или по крайней мѣрѣ, съ стремленіями, отъ нихъ происшедшими. Изъ физіологическихъ дѣйствій, или физическихъ привычекъ укрѣпляются тѣ, на которыя есть спросъ въ организмѣ: одинъ субъектъ легко привыкаетъ къ вину, или табаку и т. д., а другой никакъ не можетъ привыкнуть, потому что у перваго есть потребность, которой они удовлетворяютъ, а у другого нѣтъ. Образуются привычки ходьбы, держанія стана, способа ѣды, порядка удовлетворенія физическихъ потребностей и т. д. именно такія, которыя почему либо требуются извѣстнымъ организмомъ, при которыхъ тратится, быть можетъ, менѣе энергіи, или лучше удовлетворяются нужды его, т. е. являются такія и столько физическихъ привычекъ въ человѣкѣ, какія болѣе или менѣе требуются его физіологическою волею, или согласны съ ея желаніями и хотѣніями. Бываетъ, что въ началѣ она иногда какъ бы не соглашается или противится впечатлѣнію, но когда послѣднее не противорѣчитъ ей существенно, то она смиряется предъ нимъ и даже соглашается желать его: наприм. первоначально человѣкъ съ трудомъ привыкаетъ къ требуемому отъ него дѣйствію или физическому впечатлѣнію, но потомъ постепенно входитъ во вкусъ его и наконецъ, привыкаетъ къ нему. Тоже самое мы видимъ и въ образованіи привычекъ сдерживать обнаруженія своихъ чувствованій, привычекъ сердца и ума. Извѣстно, что у разныхъ субъектовъ являются различныя привычки изъ однородной дѣятельности; но у однихъ осѣдаетъ въ качествѣ привычки одно, а у другихъ — другое, потому что въ дѣятельности ихъ различные акты стоятъ въ связи и какъ либо требуются особенно сильными первоначальными ихъ влеченіями или вторичными стремленіями. Одни изъ нихъ прямо и посредственно требуютъ нѣкоторыхъ способовъ дѣйствій ума

и они становятся ему привычными, другіе не требуются и они стать таковыми не могутъ: у каждаго индивидуума, какъ мы увидимъ ниже, есть свои болѣе и менѣе глубокія и сильныя хотѣнія и влеченія и тѣ, которыя изъ нихъ сильнѣе, предопредѣляютъ, какіе изъ многихъ видовъ дѣятельности, производимой субъектомъ, осѣдаютъ въ качествѣ постоянныхъ, наиболѣе легкихъ и привычныхъ. Изъ цѣлей дѣятельности становятся привычными тѣ, которыя стоятъ въ какой либо связи и отношеніи къ наиболѣе сильнымъ влеченіямъ и хотѣніямъ; равно, изъ средствъ, какими цѣли достигаются, дѣлаются привычны такія, которыя, по натурѣ субъекта, легче, сподручнѣе для него и требуетъ меньшей траты энергіи.

Относительная общая глубина влеченій и хотѣній.

Теперь мы имѣемъ почву для различенія двухъ сторонъ во всѣхъ состояніяхъ воли, различенія, существенно важнаго для правильнаго пониманія способовъ ея дѣятельности, а главное, для правильнаго взгляда на свободу человѣческой воли. Какъ въ умѣ и чувствѣ, мы должны, намъ кажется, въ волѣ различать глубину хотѣній отъ силы ихъ. Психологи не отдѣляютъ ихъ одну отъ другой, но практическая жизнь, и въ этомъ отношеніи идетъ впереди науки и говоритъ о глубокихъ влеченіяхъ и хотѣніяхъ и сильныхъ желаніяхъ и влеченіяхъ, къ сожалѣнію, не ясно понимая это различіе и потому часто взаимно замѣняя эти названія. Думаемъ, что и въ волѣ слѣдуетъ выдѣлять для научныхъ цѣлей глубину ея состояній отъ силы ихъ (de facto онѣ даются вмѣстѣ, нераздѣльно).

Глубина желаній, влеченій и т. д. можетъ совпадать съ силою ихъ, т. е. глубокія хотѣнія могутъ быть и сильными: хотѣніе жизни, хотѣніе союза съ другими существами суть безспорно самыя глубокія желанія воли и они могутъ быть чрезвычайно сильны: напр. въ сильномъ ужасѣ, пламенной любви мы имѣемъ одновременно глубокія и сильныя хотѣнія. Но глубина и сила могутъ не совпадать вмѣстѣ. Глубокое и даже глубочайшее хотѣніе можетъ быть вовсе не сильно, наприм. глубочайшее желаніе жизни можетъ быть слабо, какъ оно дѣйствительно и бываетъ у самоубійцъ, можетъ быть слабое желаніе союзовъ съ существами, что мы видимъ въ эгоистѣ, или глубокое

хотѣніе почетнаго мѣста въ Іерархіи духовъ можетъ быть слабо въ униженномъ и оскорбленномъ субъектѣ. Можетъ случаться и наоборотъ: поверхностное хотѣніе можетъ быть чрезвычайно сильнымъ, наприм. относительно слабое нехотѣніе противодѣйствія можетъ быть очень сильнымъ, чѣмъ и объясняется появленіе симптомовъ сильнаго гнѣва по ничтожнымъ поводамъ, или относительно не глубокое нехотѣніе возможности паденія можетъ быть иногда очень сильнымъ и давать поводъ къ сильному стыду. Что же слѣдуетъ разумѣть подъ силою состояній воли? энергію, стремительность ихъ. Подъ глубиною же хотѣній и влеченій слѣдуетъ понимать прежде всего степень первоначальности ихъ въ природѣ души, напечатлѣнности ихъ въ ней: отъ нея зависятъ размѣры и объемы, въ какихъ они опредѣляютъ дѣятельность человѣка, слѣдовательно, обширность, вытекающихъ изъ нихъ, болѣе частныхъ желаній и хотѣній, и устойчивость, съ какою они въ теченіи болѣе или менѣе значительнаго времени служатъ основаніемъ для многочисленныхъ другихъ хотѣній; могущее надолго опредѣлять всю дѣятельность человѣка, очевидно, должно почитаться болѣе глубокимъ, чѣмъ стремленіе, которое ведетъ за собою два три желанія, является на непродолжительное время и можетъ даже совсѣмъ не браться въ разсчетъ, при объясненіи всей дѣятельности человѣка. Такъ какъ опредѣлять въ большомъ размѣрѣ дѣятельность человѣка и быть устойчивымъ основаніемъ ея на долгое время всего естественнѣе тѣмъ влеченіямъ и хотѣніямъ, которыя имѣютъ наибольшее значеніе для жизни и дѣятельности субъекта, то при опредѣленіи сравнительной глубины состояній воли, мы имѣемъ руководство отчасти въ смыслѣ и сравнительной важности ихъ. Съ другой стороны, самое глубое влеченіе имѣетъ болѣе возможности давать самыя сильныя хотѣнія, такъ что по относительной силѣ, какой вообще могутъ достигать разныя хотѣнія, можно также распредѣлить хотѣнія по ихъ глубинѣ.

Руководясь обоими этими соображеніями, мы можемъ прежде всего въ отношеніи глубины раздѣлить всѣ состоянія воли на три категоріи. Онѣ уже извѣстны намъ. Выше мы говорили о первоначальныхъ влеченіяхъ и хотѣніяхъ, отвращеніяхъ и нехотѣніяхъ. Они даны намъ отъ природы, составляютъ можно сказать, саму природу нашу. Они должны быть признаны самыми глубокими состояніями воли, какъ потому, что въ продолженіи всей жизни субъекта опредѣляютъ цѣлыя направленія

человѣческой дѣятельности, служатъ основаніемъ для безконечной цѣпи желаній и хотѣній и безъ нихъ невозможна была бы дѣятельность субъекта, такъ и потому, что они могутъ развиваться съ громадною силою, примѣръ чего мы видимъ въ волевыхъ элементахъ чувствованій. Вторичныя желанія и хотѣнія, наклонности, страсти, стремленія, имѣющія конкретный смыслъ, мы должны считать уже менѣе глубокими состояніями, сравнительно съ первоначальными, ибо они основываются на послѣднихъ, менѣе устойчивы, опредѣляютъ меньшія области человѣческой дѣятельности, чѣмъ апріорныя. Но они должны быть глубже, чѣмъ третичныя состоянія воли, развивающіяся, какъ говорятъ, подъ вліяніемъ мотивовъ. Послѣднія завися отъ вторичныхъ еще менѣе устойчивы сами по себѣ, и по области захватываемой дѣятельности, менѣе глубоки, чѣмъ вторичныя. Слѣдовательно, прежде всего слѣдуетъ установить три категоріи глубокихъ состояній воли, которыя обозначимъ какъ три послѣдовательныхъ степени.

Не можемъ ли мы опредѣлить относительную глубину актовъ воли подробнѣй? Прежде всего, что касается первоначальныхъ, то это сдѣлать возможно. Руководствомъ при распредѣленіи могутъ служить, какъ мы сказали, съ одной стороны значеніе ихъ для жизни и дѣятельности субъекта, а съ другой сила, которой они вообще способны достигать. Но выше, пользуясь указаніями чувствованій, мы уже опредѣлили порядокъ, въ какомъ ихъ можно расположить по относительной ихъ силѣ. Эту классификацію можно положить въ основу дальнѣйшихъ изысканій. Такъ какъ при перечисленіи обнаруженій чувствованій въ тѣлѣ могли быть допущены ошибки или пропуски, и такъ какъ различный смыслъ чувствованій вліяетъ на количество обнаруженій ихъ, то положенную въ основу классификацію мы должны до нѣкоторой степени исправить, принявъ во вниманіе неодинаковость значенія хотѣній для жизни субъекта.

Большихъ поправокъ непридется, впрочемъ, сдѣлать. И по соображенію смысла и значенія первоначальныхъ состояній воли приходится допустить, что къ самой первой категоріи глубокихъ влеченій и хотѣній слѣдуетъ отнести: хотѣніе жизни и отвращеніе отъ страданія, нехотѣніе противодѣйствія и препонъ дѣятельности, возможно большаго расширенія дѣятельности и свободы ея, нехотѣніе перерывовъ ея и потерь союзовъ съ другими существами. Далѣе въ перечнѣ идутъ первоначальныя состоянія

воли въ такомъ порядкѣ: влеченія къ великому и малому цѣнному, хотѣнія отдохновенія на малыхъ впечатлѣніяхъ, нежеланіе униженія, отвращеніе отъ дѣятельности противорѣчивой нравственному закону, которыя въ перечнѣ отнесены были ко второй категоріи. Къ третьей мы отнесли: отвращеніе отъ впечатлѣній, несогласныхъ съ условіями физіологическаго благосостоянія, хотѣніе отождествлять состоянія другого существа съ своими собственными, влеченіе къ насыщенію воли, влеченіе къ условіямъ, благопріятнымъ для физическаго и умственнаго благосостоянія, и хотѣніе гармоническаго союза съ другими существами. Къ четвертой категоріи были отнесены хотѣнія твердыхъ цѣлей и средствъ дѣятельности, осуществленія цѣлей, значительнаго и цѣннаго для себя бытія, нехотѣніе паденія предъ другими. Мы желали бы въ этой классификаціи сдѣлать двѣ поправки, опираясь отчасти на факты. Именно, къ третьей категоріи отнесено хотѣніе гармоническаго союза съ другими существами (основаніе любви и всѣхъ нѣжныхъ союзовъ). Но оно такъ глубоко въ человѣческой волѣ, что ему часто подчиняется влеченіе къ свободѣ дѣятельности (изъ любви человѣкъ дѣлается почти всегда рабомъ любимаго); отвращеніе субъекта отъ разрыва съ другими существами особенно сильно, когда эти существа суть предметъ любви его, и разрывъ съ ними часто принимается субъектомъ за съуженіе его личной дѣятельности (и потому вызываетъ горе). Обращаясь къ смыслу влеченія, лежащаго въ основѣ любви, мы находимъ, что оно имѣетъ огромное значеніе въ жизни и служитъ основаніемъ большей части человѣческой дѣятельности. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право перенести это влеченіе изъ третьей категоріи въ первую и поставить его между нехотѣніемъ противодѣйствія и влеченіемъ къ большей дѣятельности и свободѣ.

Затѣмъ: нежеланіе униженія (основа стыда) отнесено ко второй категоріи, а нехотѣніе паденія предъ другими (основаніе чувства порицанія и брани) въ перечнѣ стоитъ послѣднимъ, тогда какъ эти состоянія воли явно сходны или почти тожественны: въ чувствѣ порицанія и брани можетъ быть и сильный стыдъ и наоборотъ. Слѣдовательно, и послѣднее состояніе должно быть перенесено съ послѣдняго мѣста во вторую по глубинѣ категорію актовъ воли. Въ остальныхъ подробностяхъ перечень, равно какъ и самое дѣленіе на четыре категоріи можетъ быть принято нами.

Такой же порядокъ долженъ быть принятъ нами при распредѣленіи вторичныхъ и третичныхъ состояній воли по глубинѣ ихъ. Тѣ изъ вторичныхъ, которыя исходятъ изъ апріорныхъ влеченій и хотѣній первой категоріи, должны быть глубже; чѣмъ происходящія отъ тѣхъ же хотѣній, но второй группы, равно, относительно третичныхъ слѣдуетъ сказать тоже самое. И далѣе, тѣ желанія, которыя примыкаютъ къ болѣе глубокимъ первоначальнымъ влеченіямъ, должны быть глубже, чѣмъ примыкающія къ менѣе глубокимъ: напримѣръ, желанія, связанныя съ хотѣніемъ жизни и логически, изъ него проистекающія, глубже, чѣмъ желанія, исходящія изъ хотѣнія цѣннаго и значительнаго бытія въ глазахъ другихъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Напряженіе состояній воли. Первоначальная глубина, степень и сила ихъ.

Указанныя нами первоначальныя влеченія и хотѣнія должны быть признаны самыми глубокими въ человѣческой воли: они первоначальны и имъ не предшествуютъ никакія другія хотѣнія влеченія; они же имѣютъ общій характеръ и потому опредѣляютъ обширные круги и цѣлыя направленія человѣческой дѣятельности. Мы видѣли далѣе, что между этими глубокими хотѣніями и влеченіями есть болѣе и менѣе глубокія, и пытались, по указанію чувствованій преимущественно, опредѣлить порядокъ, въ какомъ они занимаютъ мѣсто въ отношеніи своей глубины.

Но мы утверждали, что чувствованія суть лишь показатели отношеній воли къ впечатлѣніямъ, и что въ ней заключается главная причина, почему развивается по извѣстнымъ поводамъ такое, а не другое чувствованіе. Слѣдовательно, что мы говорили о послѣднемъ и всѣ обобщенія, до какихъ мы доходили въ отдѣлѣ о напряженіи чувствованій, должны имѣть мѣсто и въ отношеніи воли. Сравнительная глубина и сила чувствованій, выражающаяся въ тѣлѣ, навела насъ на мысль о сравнительной глубинѣ хотѣній и влеченій. По руководству чувствованій, мы должны сдѣлать и другіе еще важные шаги въ анализѣ воли.

Въ своемъ мѣстѣ, говоря о возрастаніи чувствованій, мы нашли, что, въ соотвѣтствіе съ дѣйствующими на сердце впечатлѣніями, оно можетъ подниматься въ высотѣ своихъ чувствованій. На сколько возможно услѣдить сознаніемъ за этимъ поднятіемъ, мы пытались опредѣлить minimum разности въ впечатлѣніяхъ, потребный для того, чтобы двинуть чувство на едва замѣтный шагъ въ скалѣ высоты его. Такой шагъ мы назвали степенью, а совокупность степеней возможныхъ для того или другого чувствованія глубиною или высотою его. Мы приводили примѣры, почему слѣдуетъ различать высоту или глубину чувствованій отъ силы ихъ.

Чтобы ученіе о волѣ поставить въ соотвѣтствіе съ ученіемъ о чувствѣ, мы должны взглянуть на первую съ такой же точки зрѣнія, съ какой изучили послѣднее, и найденныя стороны въ чувствованіяхъ найти и въ состояніяхъ воли. Если нашъ взглядъ правиленъ, то и въ хотѣніяхъ, влеченіяхъ, не хотѣніяхъ и отвращеніяхъ какъ первоначальныхъ, такъ вторичныхъ и третичныхъ мы должны найти нѣчто соотвѣтствующее степени чувствованій, и отличать его, какъ это мы дѣлали въ главѣ о послѣднихъ, отъ стороны силы. Факты даже принуждаютъ насъ къ такому различенію. Кромѣ относительной глубины, по сравненію съ другими разнородными хотѣніями, опредѣляемой сравнительною глубиною первоначальныхъ влеченій и хотѣній, каждое фактическое желаніе можетъ имѣть свою, такъ сказать, *спеціальную* глубину.

Одно и то же глубокое хотѣніе жизни можетъ имѣть разныя глубины, смотря по обстоятельствамъ. Оно можетъ быть незначительно въ этомъ отношеніи, когда опасность отдаленна или не велика, и такое хотѣніе будетъ соотвѣтствовать не высокой степени страха. Но при большей опасности, хотѣніе жизни возбудится болѣе глубокое и оно возбудитъ высокую степень страха. Наконецъ, въ минуты неизбѣжной неминуемой опасности, является хотѣніе жизни наибольшей глубины и оно вызываетъ состояніе ужаса. Въ соотвѣтствіе степенямъ страха, почему мы не имѣемъ права говорить о степеняхъ хотѣнія жизни? Эти степени слѣдуетъ отличать отъ силы хотѣнія жизни. Онѣ могутъ совпадать вмѣстѣ: напр. въ ужасѣ крайней силы мы имѣемъ крайнюю степень хотѣнія жизни и вмѣстѣ крайнюю силу его: это есть самое глубокое и самое сильное хотѣніе. Но можетъ быть глубокое хотѣніе жизни, однако не сильное: наприм. говорятъ о тайномъ ужасѣ, объявшемъ душу. Это значитъ, что въ человѣкѣ по извѣстному поводу уже пробудилось глубокое хотѣніе жизни,

но оно еще не сильно: чѣмъ нибудь сила его подавляется; въ противномъ случаѣ, если бы оно имѣло энергію соотвѣтственно своей глубинѣ, то ужасъ явно отразился бы во всемъ тѣлѣ. Означенное хотѣніе можетъ быть сильнымъ, но не глубокимъ. Бываютъ сильные припадки страха, но не глубокіе: таковы испуги, недоходящіе до ужаса; или, когда человѣкъ боится всякого страданія, то бываетъ страхъ предъ ожидающимъ, вовсе не опаснымъ, страданіемъ (напр. предъ операціей выдергиванія зуба), очень сильный, но никто не назоветъ его глубокимъ. Въ такія минуты хотѣніе жизни возбуждается въ не высокой степени, но оно, наприм. въ испугѣ, бываетъ очень сильно.

Такъ какъ этотъ пунктъ, различеніе степеней хотѣнія и т. д., очень важенъ для насъ, то мы приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Могутъ быть разныя степени влеченія къ союзу съ другими существами. Все равно какъ можетъ быть сильная, не глубокая любовь, можетъ быть и влеченіе сильное, но не глубокое, напр. то, которое успѣваетъ развиться въ мущинѣ къ красивому лицу послѣ двухъ, трехъ случайныхъ встрѣчъ. Но бываютъ влеченія глубокія, а не энергичныя: напр. въ давнемъ супружескомъ союзѣ взаимное влеченіе укореняется въ обѣихъ сторонахъ глубоко, а между тѣмъ въ немъ нѣтъ никакой стремительности и энергіи до того, что обѣ стороны и не сознаютъ даже своего глубокаго влеченія, и только разлука или смерть убѣждаетъ ихъ, какъ глубоко онѣ влеклись одна къ другой. Но разумѣется, это же влеченіе бываетъ и сильно и глубоко, наприм. въ молодыхъ союзахъ по любви. Не хотѣніе противодѣйствія въ гнѣвѣ можетъ быть глубоко и сильно: таковъ гнѣвъ на дѣйствія, явно враждебныя, при томъ имѣющія въ виду существенный вредъ намъ. Но тоже нехотѣніе бываетъ только глубоко, наприм. относительно дѣйствій давняго врага, такъ что его новыя враждебныя выходки уже не возбуждаютъ никакого сильнаго нежеланія противодѣйствія, а только, какъ говорятъ, принимаются къ свѣдѣнію. И оно же можетъ быть сильнымъ, а не глубокимъ, наприм. въ простой вспышкѣ сильнаго гнѣва за какую либо мелочь, когда и самъ гнѣвающійся субъектъ не придаетъ особаго значенія не исполненію своей воли. Отвращеніе отъ ничтожнаго и малоцѣннаго бытія бываетъ и сильное и глубокое, наприм. отъ лжи, отъ нравственной испорченности, но бываетъ глубокое, а не сильное, наприм. въ коренномъ аристократѣ отъ низкихъ слоевъ общества, даже до такой степени не

сильное, что онъ почти не сознаетъ его, или, по крайней мѣрѣ, смутно, а между тѣмъ, въ разныхъ случаяхъ столкновеній и встрѣчъ, онъ убѣждается, какъ это отвращеніе въ немъ глубоко. Оно можетъ быть сильное, но не глубокое: наприм. когда человѣкъ бранитъ близкаго субъекта, чѣмъ либо не угодившаго ему, онъ представляетъ его себѣ малоцѣннымъ и даже ничтожнымъ и въ эту минуту сильно отвращается отъ него, но это отвращеніе не глубоко: чрезъ нѣсколько времени онъ будетъ влечься къ нему, по старому.

Степень хотѣнія и всякого состоянія воли есть какъ бы вторичная глубина его. Тогда какъ подъ сравнительною глубиною первоначальныхъ актовъ воли мы разумѣли степень ихъ напечатлѣнности душѣ, обширности управленія дѣятельностію человѣка, устойчивости и крѣпости воли въ извѣстныхъ направленіяхъ, подъ вторичною, или спеціальною, глубиною мы понимаемъ объемъ энергіи, представляемой тѣмъ или другимъ хотѣніемъ въ данный моментъ, размѣръ, въ какомъ охватываетъ душу то или другое состояніе воли. Такой объемъ энергіи воли мы называемъ степенью желанія или хотѣнія.

Отъ глубины во вторичномъ смыслѣ мы отличаемъ силу состояній воли. Подъ нею мы разумѣемъ стремительность, какую обнаруживаетъ воля въ данную минуту, или быстроту, съ какою наростаетъ энергія воли, имѣющей ту или другую степень хотѣнія. Стремительность воли или быстрота наростанія въ ней энергіи бываетъ весьма различна, при одной и той же степени хотѣнія. Люди въ одинаковой степени могутъ хотѣть или отвращаться извѣстнаго предмета, но сила, съ какою они обнаруживаютъ свою стремительность, можетъ быть различна. Глубокія, по степени, хотѣнія могутъ быть слабы. Субъектъ въ высокой степени желаетъ болѣе широкаго круга дѣятельности, но не обнаруживаетъ его съ силою и это высокой степени желаніе въ отношеніи энергіи своей можетъ быть очень слабо. Большая и обширная опасность, но не наступающая немедленно, вызываетъ хотѣніе жизни въ высокой степени, но энергія его можетъ быть слаба и человѣкъ будетъ дѣйствовать, почти не принимая его въ разсчетъ. Глубокое по степени отвращеніе отъ союза съ врагомъ можетъ быть такъ слабо въ своей силѣ въ ту или другую минуту или вообще, что человѣкъ въ состояніи даже временно дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ.

Такъ какъ субъектъ дѣйствуетъ, опредѣляясь сильнѣйшимъ желаніемъ, и въ каждый данный моментъ рѣшаетъ у него наличная сила, а не степень хотѣній, то часто бываетъ, что слабое по степени, вообще мало глубокое, но сильное состояніе воли имѣетъ перевѣсъ надъ высшимъ по степени и болѣе глубокимъ, но слабымъ въ отношеніи своей силы. Сильное желаніе казаться многозначительнымъ и цѣннымъ въ глазахъ другихъ (основаніе чувства чести) можетъ взять перевѣсъ даже надъ желаніемъ жизни, несравненно болѣе глубокимъ, чѣмъ оно: для сохраненія чести человѣкъ идетъ иногда на вѣрную смерть. Перевѣсомъ силы надъ глубиною въ хотѣніяхъ объясняется, почему человѣкъ для хвастовства, подъ вліяніемъ сильнаго желанія показать себя, дѣлаетъ вещи, которыми даже роняетъ себя въ глазахъ другихъ и которыя часто могутъ дорого обойтись для здоровья или даже жизни хвастуна, что ему очень хорошо извѣстно. Сильное желаніе отличиться предъ другими, очевидно, не можетъ имѣть высокую степень, потому что поводъ къ выказанію своего превосходства предъ другими бываетъ часто почти ничтоженъ; этотъ субъектъ знаетъ далѣе, что онъ въ своемъ рвеніи показать себя можетъ быть смѣшонъ, слѣдовательно, нежеланіе паденія предъ другими у него должно быть въ высокой степени; наконецъ, дѣлая рискъ и сознавая его, въ виду угрожающей близкой опасности, онъ не можетъ не возбуждаться желаніемъ жизни. Противъ одного сильнаго желанія, у него стоятъ два глубокихъ, но слабыхъ, и перевѣсъ остается за сильнымъ. Сильное желаніе согласія своей дѣятельности съ моральнымъ закономъ можетъ побѣждать болѣе глубокое, но слабое по своей силѣ влеченіе къ союзу съ нѣкоторыми существами и даже хотѣніе жизни: ради долга человѣкъ покидаетъ семью, разрываетъ узы любви и дружбы, исполняетъ опасныя порученія, идетъ подъ пулю. И что особенно замѣчательно, это берущее перевѣсъ надъ прочими желаніе можетъ быть очень невысокой степени. Развѣ всѣ участники войны имѣютъ глубокое влеченіе къ долгу, всѣ, кто подставляетъ свой лобъ подъ пулю, и неужели у всѣхъ ихъ оно глубже по степени, чѣмъ, напримѣръ, влеченіе къ семьѣ и роднымъ, нехотѣніе страданія и т. д. По степени, оно можетъ быть у нихъ слабо, но оно временно сильно, подъ вліяніемъ общаго патріотическаго одушевленія, сосредоточенія на мысли и предстоящемъ дѣлѣ, и т. д.; обстоятельства часто плодятъ героевъ, т. е. придаютъ особую энергію слабымъ по степени хотѣніямъ.

Конечно, энергія невысокаго по степени хотѣнія должна быть значительна, чтобы не только равняться слабой энергіи глубокаго, но даже и превосходить ее. На моментъ первое хотѣніе можетъ взять перевѣсъ надъ послѣднимъ, но удержаться на долго въ этомъ положеніи не можетъ. Какъ и во внѣшней природѣ, энергичныя, но не массивныя, силы могутъ на время преодолѣвать массивныя, но медленно двигающіяся, и однако, въ концѣ концовъ перевѣсъ остается запослѣдними (онѣ на долго сохраняютъ энергію и постоянство дѣйствія), такъ и въ духовной природѣ, энергичное хотѣніе, не глубокое, можетъ одолѣть глубокое и высокой степени, но въ данный моментъ слабо развиваемое душою, однако только на время. Управленіе событіями въ душѣ, направленіе дѣятельности въ ней принадлежитъ не силѣ, а глубинѣ и степенямъ хотѣній. Сильное хотѣніе долга можетъ на нѣсколько моментовъ побѣдить въ субъектѣ хотѣніе жизни въ высокой степени (т. е. не смотря на большую опасность) и такая побѣда называется подвигомъ; но въ жизни вообще и этотъ субъектъ будетъ руководиться хотѣніемъ жизни: она не можетъ состоять изъ однихъ только подвиговъ; въ безконечно большей части случаевъ онъ будетъ руководиться первымъ, какъ наиболѣе глубокимъ.

Мы различили въ состояніяхъ воли три стороны: первоначальную глубину ихъ, степень и силу. Первоначальная глубина влеченій, хотѣній и т. д. есть мѣра напечатлѣнности ихъ человѣческой природѣ; степень есть высота напряженія, а сила есть количество стремительности, сказывающейся въ состояніяхъ воли. Постараемся прослѣдить теперь, отъ чего зависятъ разныя измѣненія въ этихъ сторонахъ ея.

Повидимому, слѣдовало бы предполагать, что относительная глубина первоначальныхъ апріорныхъ хотѣній и влеченій у всѣхъ людей одна и таже. Они составляютъ первоначальный даръ природы и въ этомъ смыслѣ суть то общее, что̀ слѣдуетъ назвать общечеловѣческою въ обширномъ смыслѣ нравственною природою. Казалось бы, что ихъ относительная глубина должна оставаться неизмѣнною во всѣхъ людяхъ. Тогда указанный нами порядокъ влеченій и хотѣній, именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы указали, долженъ прилагаться ко всѣмъ индивидуумамъ человѣческаго рода. Однако, въ виду нѣкоторыхъ фактовъ, вѣроятнымъ является и другое предположеніе. Эти первоначальныя состоянія воли, очень глубокія и могущественныя у всѣхъ

индивидуумовъ, могутъ имѣть въ различныхъ людяхъ разную относительную глубину. Мы видимъ кругомъ себя, что одни живутъ, преимущественно управляясь хотѣніемъ жизни и отвращеніемъ отъ страданія: они увлекаются и другими хотѣніями и влеченіями, но по столько лишь, по сколько это совмѣстимо съ главнымъ; какъ только они встрѣчаются съ послѣднимъ, то оно всегда беретъ перевѣсъ. Другіе проводятъ цѣлую жизнь въ артистическихъ стремленіяхъ и всѣ другія влеченія и хотѣнія у нихъ сторонятся предъ этими наиболѣе глубокими влеченіями къ цѣнному и многозначительному бытію. Третьи особенно чувствительны ко всякому противорѣчію и противодѣйствію и у нихъ нехотѣніе ихъ есть самое глубокое состояніе воли. Четвертые не обыкновенно стремятся къ образованію крѣпкихъ союзовъ съ людьми; у пятыхъ глубоко желаніе для себя значительнаго и цѣннаго бытія и оно первенствуетъ надъ всѣми остальными; у шестыхъ наиболѣе глубоко нехотѣніе паденія предъ другими. Не этимъ ли различіемъ въ первоначальной глубинѣ влеченій и хотѣній слѣдуетъ объяснить, почему различные люди имѣютъ наклонности преимущественно къ извѣстнымъ чувствованіямъ, чѣмъ отчасти опредѣляется индивидуальный ихъ характеръ. Такъ, мы говоримъ о трусливомъ характерѣ, гнѣвливомъ, называемъ человѣка нѣжнымъ вообще, моралистомъ, большимъ нѣженкою (нетерпѣливымъ въ страданіяхъ), гордымъ характеромъ, обидчивымъ и т. под. Языкъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, предупреждаетъ психологическій анализъ. Наклонности къ трусости, гнѣву и другимъ чувствамъ онъ ставитъ въ связь съ характеромъ, т. е. съ волею. По нашему предположенію, эти особенности зависятъ отъ первоначальныхъ условій въ характерѣ, т. е. отъ того, что въ волѣ особенно глубоко какое либо одно изъ первоначальныхъ влеченій и хотѣній.

Вопросъ о глубинѣ первоначальныхъ хотѣній и влеченій воли, въ всякомъ случаѣ, слишкомъ теменъ, чтобы рѣшать его опредѣлительно въ какую либо сторону. Да онъ и нетакъ важенъ, какъ кажется съ перваго взгляда. У всѣхъ ли людей относительная глубина апріорныхъ состояній воли одна и таже, или она различна, практически важны собственно глубина и сила наличныхъ, фактическихъ хотѣній и желаній. И для насъ всего важнѣе изслѣдовать, чѣмъ условливается различіе желаній по степенямъ и силѣ. Разслѣдованіе этого предмета покажетъ, какое практическое значеніе слѣдуетъ придавать индивидуаль-

ному различію въ глубинѣ первоначальныхъ состояній воли, если только таковое есть въ дѣйствительности.

Одинакова ли у всѣхъ глубина первоначальныхъ хотѣній и влеченій или неодинакова, степень наличнаго хотѣнія и влеченія не можетъ быть всегда одна и таже. Разные предметы даютъ и обѣщаютъ не одинаковое удовлетвореніе желаніямъ и хотѣніямъ, одинъ болѣе, другой менѣе, не одинакова надобность субъекта въ различныхъ впечатлѣніяхъ, не одинаково значеніе событій жизни и дѣятельности субъекта. Степени хотѣній и желаній, очевидно, должны зависѣть отъ впечатлѣній, въ однихъ случаяхъ отъ качества ихъ, въ другихъ отъ количества, въ третьихъ отъ смысла и значенія и т. д.: напр. степень возбужденнаго хотѣнія жизни должна зависѣть отъ значенія угрожающаго событія, т. е. отъ размѣра опасности для жизни, и равно, боязнь страданій зависитъ отъ того, какого размѣра и качества страданія представляетъ субъектъ угрожающими себѣ. Степень нехотѣнія противодѣйствія зависитъ отъ характера размѣра и смысла встрѣчаемаго противодѣйствія; меньшіе размѣры, неважность значенія противодѣйствія возбуждаютъ меньшую степень нехотѣнія. Степень влеченія къ красотѣ условливается, конечно, отчасти размѣрами самой красоты; какъ мы и знаемъ, люди въ большей степени влекутся къ болѣе красивому предмету природы, или произведенію искусства, и меньшей къ менѣе красивымъ предметамъ. Ложь, презрительное бытіе, имѣетъ различные размѣры и степень отвращенія отъ него зависитъ отъ этихъ размѣровъ. Слѣдовательно, степени хотѣнія и нехотѣнія, влеченія и отвращенія зависятъ и не могутъ не зависѣть отъ размѣровъ впечатлѣній. Спрашивается, можно ли хотя до нѣкоторой степени прослѣдить зависимость степеней состояній воли отъ внѣшнихъ объективныхъ причинъ?

Возрастаніе состояній воли по степенямъ.

Такой вопросъ въ Психологіи новъ и казалось бы, что онъ не можетъ быть отвѣченъ хотя съ малою вѣроятностію. Но мы имѣемъ уже данныя для него въ ученіи о чувствованіяхъ и потому можемъ отважиться вступить еще разъ въ новую и не изслѣдованную область Психологіи. Намъ приходится теперь свести къ послѣднимъ началамъ и правильно истолковать данныя, найденныя

нами при изслѣдованіи чувствованій. Выше мы, надѣемся, доказали, что сердце есть показатель отношеній воли къ впечатлѣніямъ, выразитель ея движеній по поводу впечатлѣній, т. е. событій и предметовъ, съ которыми она встрѣчается. Если такъ, то качество чувствованія указываетъ на родъ возбужденія воли; степень чувствованія—на степень волевого движенія, сила чувствованія есть показательница силы возбужденія воли. Послѣдній выводъ будетъ ниже подробно нами разобранъ. Первый мы уже сдѣлали: по руководству чувствованій, мы открыли первоначальныя состоянія воли и по обширности выраженій ихъ въ тѣлѣ, заключили о сравнительной глубинѣ хотѣній и влеченій. Мы видѣли на разнообразныхъ примѣрахъ, что существуютъ степени чувствованій. Что же они означаютъ и въ чемъ заключается ихъ raison d'etre? Такъ какъ всякое чувствованіе зависитъ отъ воли, условливающей его бытіе, то степень чувствованія должна прямо зависѣть отъ степени возбужденія воли, по поводу впечатлѣнія. Степени страха бываютъ различны, смотря по размѣру опасности для жизни. Но что значитъ тотъ фактъ, что въ одномъ случаѣ я меньше страшусь впечатлѣнія, а въ другомъ болѣе? Не иное какъ то, что при меньшей опасности человѣкъ менѣе возвращается къ хотѣнію жизни и менѣе имъ возбуждается, а въ другомъ случаѣ болѣе? Степени гнѣва зависятъ отъ размѣра и качества противодѣйствія нашей волѣ. Почему же онѣ бываютъ различны? потому что эти противодѣйствія въ различной степени не желаются и по скольку глубоко бываетъ нехотѣніе, по стольку глубокъ и гнѣвъ. Степень любви условливается степенью влеченія къ любимому существу: какъ глубоко влеченіе, въ такой мѣрѣ глубока и любовь. Безъ боязни впасть въ ошибку, можно сказать, что степень всякого чувствованія прямо пропорціональна степени возбужденія воли, условливающаго бытіе его.

Слѣдовательно, въ чувствѣ мы имѣемъ вѣрнаго руководителя и для изслѣдованія степеней возбужденій воли. Опираясь на свои выводы относительно степеней чувствованій, мы въ состояніи освѣтить темную доселѣ область воли.

Постановка вопросовъ.

При началѣ изслѣдованія возрастанія чувствованій, мы намѣтили кругъ вопросовъ, которые должны подлежать ему. Не

повторяя приведенныхъ въ свое время разъясненій, мы только перечислимъ вопросы. Мы спрашивали: 1) отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ развитіе глубины и силы чувствованій? 2) какой minimum впечатлѣній вызываетъ minimum каждаго чувствованія? 3) какъ возрастаетъ чувствованіе, т. е. какая наименьшая надбавка къ впечатлѣнію требуется, чтобы чувствованіе возросло на едва замѣтную для сознанія степень; 4) какіе объемы впечатлѣній возбуждаютъ maximum чувствованій? 5) что означаютъ собственно повышеніе и пониженіе чувствительности и простираются ли они на глубину и силу чувствованій одинаково? Вопросъ объ измѣреніи чувствованій привелъ насъ къ вопросу о мѣрахъ для измѣренія впечатлѣній и мы нашли, что онѣ бываютъ разнообразны. На поставленные вопросы мы старались дать посильные отвѣты. Предполагая зависимость чувствованій отъ воли, какъ выраженія отъ выражаемаго содержанія, мы должны тѣже самые вопросы поставить относительно воли, что мы прежде всего и сдѣлаемъ.

Первый вопросъ: отъ какихъ обстоятельствъ зависитъ развитіе глубины и силы чувствованій, въ приложеніи къ волѣ будетъ значить слѣдующее: какія обстоятельства вообще условливаютъ то, почему иногда являются высокія степени хотѣній и т д., иногда же состоянія воли, не возрастая по степени, усиливаются преимущественно со стороны энергіи, силы. Выше мы приводили доказательства, что слѣдуетъ различать степени хотѣній и влеченій отъ силы ихъ, слѣдовательно, естественно спрашивать, чѣмъ условливаются тѣ или другая.

Второй вопросъ: „какой minimum впечатлѣній вызываетъ minimum каждаго чувствованія“ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ тотъ смыслъ, какой minimum впечатлѣнія вызываетъ наименьшую степень каждаго хотѣнія. Въ этомъ случаѣ мы предполагаемъ, что хотѣніе самой нисшей степени имѣетъ въ тоже время достаточно энергіи, чтобы сознаваться субъектомъ. Есть основаніе думать, что высокія степени возбужденій воли могутъ быть безсознательными за недостаткомъ энергіи. Но когда дѣло идетъ объ опредѣленіи minimum, то, по невозможности иначе опредѣлять его, какъ по сознанію, мы должны предполагать за нимъ вмѣстѣ и minimum энергіи, потребный вообще для сознаванія.

Третій вопросъ: „какъ возрастаетъ чувствованіе“, въ приложеніи къ волѣ, означаетъ, какая наименьшая надбавка къ впечатлѣнію требуется, чтобы хотѣніе или нехотѣніе возросло на

едва замѣтную для сознанія степень Какъ въ отношеніи ощущеній и чувствованій, такъ хотѣній и вообще состояній воли мы по сознанію не можемъ прямо утверждать, на сколько именно, вдвое или втрое, или какъ иначе, оно возрасло. Можно сказать только, что одно хотѣніе больше, чѣмъ другое, и что оно больше потому, что впечатлѣніе увеличилось. Слѣдовательно, необходимо знать, какая надбавка къ впечатлѣнію требуется, чтобы увеличить его на едва замѣтную для сознанія степень.

Четвертый вопросъ въ приложеніи къ волѣ значитъ, какіе объемы впечатлѣній возбуждаютъ maximum состояній воли и наконецъ пятый о повышеніи и пониженіи чувствительности и значеніи ея для силы и глубины чувствованій, въ приложеніи къ волѣ, задаетъ намъ труднѣйшую проблемму о первоначальныхъ условіяхъ всякого повышенія и пониженія чувствительности.

Степени состояній воли.

Такъ какъ для измѣренія требуется какая либо единица измѣренія, то необходимо установить, чѣмъ можетъ измѣряться хотѣніе. По тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ мы приняли для чувствованій степень, какъ единицу измѣренія, мы принимаемъ ее и для измѣренія состояній воли. Языкъ ею измѣряетъ хотѣнія: мы говоримъ о низшихъ, среднихъ, высшихъ степеняхъ хотѣній, не хотѣній, влеченій и отвращеній, желаній и не желаній, наклонностей, привычекъ, стремленій. Это есть единица для измѣренія состояній воли. Но спрашивается далѣе, чѣмъ сама воля измѣряетъ впечатлѣнія, основываясь на чемъ, она въ одномъ случаѣ въ большей степени желаетъ, въ другомъ въ меньшей. Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ она въ своихъ возбужденіяхъ соразмѣряется съ относительною важностію и значеніемъ впечатлѣній: наприм. въ уваженіи, удивленіи и чувствѣ высокаго сказывается влеченіе воли къ цѣнному и многозначительному бытію, и она болѣе влечется къ удивительному, чѣмъ только останавливающему на себѣ вниманіе (достойному уваженія) и къ грандіозному болѣе, чѣмъ удивительному. Какъ показываютъ чувствованія, возбужденіе воли идетъ правильно вверхъ, соотвѣтственно увеличенію размѣровъ и объемовъ впечатлѣній. Спрашивается, чѣмъ же руководится воля, стремясь болѣе къ одному, чѣмъ къ другому. Многозначительность и цѣн-

ность бытія она измѣряетъ чѣмъ либо ей уже привычнымъ и извѣстнымъ. Равно, мы болѣе возбуждаемся хотѣніемъ жизни при видѣ большей опасности, чѣмъ при меньшей, слѣдовательно, степени хотѣнія являются также вслѣдствіе относительной оцѣнки.

Но въ массѣ случаевъ воля возбуждается впечатлѣніями абсолютно, т. е. не относительно, по сравненію съ чѣмъ либо, а непосредственно, въ силу потребности, чувствуемой ею. Субъектъ жаждетъ удовлетворенія своихъ потребностей и степень его жажды опредѣляется размѣромъ чувствуемой потребности. Субъектъ возбуждается хотѣніемъ извѣстнаго событія, такой то вещи, потому что они ему нужны, и вовсе не сравниваетъ объекта хотѣнія съ чѣмъ бы то ни было. Крупный брилліантъ несравненно дороже куска хлѣба, но голодный будетъ хвататься за послѣдній, зная, что хотя первый вообще есть драгоцѣнность, однако, въ моментъ крайняго голода, ему нуженъ кусокъ хлѣба, и не смотря на свою малоцѣнность вообще, кусокъ будетъ предметомъ хотѣнія въ высокой степени. Таковы влеченія, сказывающіяся въ любви, отвращенія въ ненависти и т. д., въ которыхъ мы влечемся и отвращаемся нѣкоторыхъ личностей, не по сравненію съ другими, но абсолютно, потому что однѣ нужны намъ и въ союзѣ съ ними чувствуемъ потребность, а другія не нужны, или болѣе, даже вредны для насъ.

Мѣры, которыми воля измѣряетъ внѣшнія впечатлѣнія.

Прежде всего мы остановимся на вопросѣ о мѣрѣ, на основаніи которой воля возбуждается къ большимъ или меньшимъ степенямъ хотѣній, не хотѣній, влеченій или отвращеній. Рѣшеніе его для насъ тѣмъ болѣе важно, что мы должны здѣсь сказать заключительное слово о мѣрахъ, которыми чувство измѣряетъ впечатлѣнія. При указанной нами зависимости чувства отъ воли, мѣры перваго не могутъ устанавливаться независимо отъ послѣдней, но, въ сущности, должны такъ или иначе зависѣть отъ мѣръ, устанавливаемыхъ волею.

Мы говорили, что мѣры, прилагаемыя чувствомъ къ измѣренію впечатлѣній, бываютъ различны. Прежде всего, оно измѣряетъ ихъ обыкновенными и привычными размѣрами, напр. удивляется и находитъ грандіознымъ то, что въ извѣстной сте-

пени превосходитъ ихъ, или пренебрегаетъ, презираетъ, считаетъ ничтожнымъ всё, что̀ ниже ихъ. Называя эту мѣру привычною, мы тѣмъ самымъ обязываемся искать ея происхожденія въ волѣ субъекта. Обыденно и обыкновенно для насъ то, что вошло въ привычку, т. е. что для своего познаванія, или вообще орудованія, требуетъ отъ насъ уже знакомаго напряженія, и при томъ такого, которое, вслѣдствіе неоднократнаго своего повторенія, перестало сопровождаться усиліемъ и даже сознаніемъ. Въ такомъ смыслѣ привычные объемы и размѣры напряженія суть естественныя мѣры, которыми воля измѣряетъ впечатлѣнія. Мы измѣряемъ всё, въ сущности, своими усиліями и своимъ напряженіемъ и къ тому, что требуетъ свышеобычныхъ усилій отъ насъ, влечемся, какъ къ многозначительному и цѣнному, отъ того же, что ниже ихъ болѣе или менѣе, мы отвращаемся какъ не значительнаго и малоцѣннаго. Съ другой стороны, мы привыкаемъ къ обычному удовлетворенію своихъ нуждъ и потребностей и удовлетворяемъ ихъ безсознательно, т. е. желаніе ихъ такъ мало стóитъ намъ усилія, вслѣдствіе долговременной привычки, и такъ мало бываетъ энергіи въ состояніи удовлетворенія, что оно не сознается нами. Уменьшеніе удовлетворенія, когда обстоятельства не даютъ привычнаго удовлетворенія нуждъ и потребностей, уже дѣлаютъ волю безпокойною, ненасыщенною. Конечно, степень ненасыщенности измѣряется привычнымъ удовлетвореніемъ и чѣмъ обстоятельство, предметъ, событіе менѣе даютъ его, тѣмъ ненасыщенность глубже по степени.

Далѣе, чувство измѣряетъ многія впечатлѣнія прошлымъ, тѣмъ, что было, но чего въ настоящемъ нѣтъ. И эта мѣра имѣетъ свое основаніе въ волѣ. Человѣкъ, живущій воспоминаніями изъ прошлаго, ими измѣряющій настоящее, наприм. богачъ, сдѣлавшійся банкротомъ, или старый дѣятель, находящійся уже не у дѣлъ и т. д, въ сущности, измѣряетъ не абстрактными представленіями, означающими одно не сущее, а живою и дѣйствительною мѣрою своей воли. Правда, она не приложима къ дѣйствительности и не отъ нея взята; явилась она въ періодъ прежней дѣятельности субъекта и тогда стала ему привычною. Обстоятельства измѣнились, но привычное удовлетвореніе потребностей все таки желается и ожидается субъектомъ, степень напряженія при орудованіи впечатлѣній осталась прежняя и слѣдовательно, мѣра его не есть, въ сущности, одно блѣдное представленіе прошлаго, а живое и дѣйствительное усиліе и напряженіе воли.

Въ комъ воля мало сохраняетъ отъ прошлаго, въ томъ, хотя и существуютъ воспоминанія изъ него, нѣтъ ни малѣйшей наклонности измѣрять настоящее прошлымъ. Мы всѣ помнимъ свое дѣтство, первые годы юношества, но ни кто изъ насъ не измѣряетъ настоящаго дѣтскими или юношескими мѣрами и, конечно, это отъ того, что въ волѣ совершенно ослабѣли обычные дѣтскіе или юношескіе акты и состоянія, и вмѣсто напряженія и усилія того періода, есть обычное мужественное. Но внезапно обанкрутившійся богачъ, или отставленный на старость дѣятель, проведшій мужественные годы своей жизни на видномъ посту, долгимъ и постояннымъ обращеніемъ съ людьми и вещами пріучившій себя къ извѣстному напряженію и усилію, не можетъ скоро, а иногда и не хочетъ приспособиться къ новой обстановкѣ и потому онъ относится къ ней съ своею старинною мѣрою. Эти люди находятся въ положеніи мускулистаго человѣка, сраженнаго болѣзнію, которому самыя обыкновенныя вещи становятся не по силамъ, но у котораго, такъ сказать, въ самыхъ мускулахъ еще сохраняется чувство прежней силы и мѣрою его онъ продолжаетъ измѣрять тяжелое и легкое, великое и малое по объему.

Затѣмъ, сердце измѣряетъ наличныя впечатлѣнія иногда ожидаемымъ, иногда воображаемымъ, иногда же просто желаемымъ. Эти три мѣры должны быть сведены къ одной. Въ ожиданіи есть непременно элементъ воли: ожидаемъ мы того, чего желаемъ или чего отвращаемся; то же, что̀ ни мало не возбуждаетъ воли, не бываетъ и предметомъ ожиданія. Послѣднее понятно, какъ состояніе не насыщенной и потому агитирующейся воли. Воображеніе даетъ мѣру для измѣренія впечатлѣнія, тоже когда субъектъ заинтересованъ впечатлѣніемъ, когда онъ болѣе или менѣе желаетъ его. Чѣмъ я интересуюсь, что̀ желаю видѣть, слышать, то̀ я заранѣе изображаю въ краскахъ и размѣрахъ, подсказываемыхъ воображеніемъ, и чѣмъ сильнѣе желаю, тѣмъ дѣятельнѣй мое воображеніе. Слѣдовательно, и эта мѣра должна быть признана, въ сущности, устанавливаемою отъ воли и разность между тремя упомянутыми мѣрами, можетъ быть, заключается лишь въ томъ, что одна устанавливается безпокойною и агитирующеюся волею (ожидаемая), другая сильно возбуждаемою, но спокойною (воображаемая), а третья волею возбужденною въ обычныхъ размѣрахъ и спокойно ожидающею удовлетворенія.

Наконецъ, что касается до идеальныхъ мѣръ, которыми сердце измѣряетъ дѣйствительность, то не подлежитъ сомнѣнію, что и въ нихъ участвуютъ влеченія воли. Всякіе идеалы построяются воображеніемъ, подъ вліяніемъ воли, которая стремится сблизиться съ многозначительнымъ и цѣннымъ бытіемъ. Она стремится къ нему, какъ долженствующему быть, и ставя его себѣ какъ объектъ своихъ стремленій, ни на минуту не позволяетъ уму сомнѣваться, что такое бытіе есть и существуетъ. Слѣдовательно, идеальныя мѣры устанавливаются въ концѣ концовъ волею и возбужденное ею, воображеніе изображаетъ въ деталяхъ и подробностяхъ объектъ, указанный ею.

Такимъ образомъ различныя мѣры, которыми сердце измѣряетъ разнообразные факты внутренняго и внѣшняго міра, въ послѣднемъ основаніи, опираются на волю. Когда сердце волнуется страхомъ, гнѣвомъ, радостію, удивленіемъ и т. д. и т. д., то оно выражаетъ лишь отношеніе воли къ впечатлѣніямъ, воли, которая сама носитъ въ себѣ мѣру для измѣренія ихъ значенія. Эта мѣра заключается съ одной стороны въ обычныхъ усиліяхъ воли для овладѣнія и подчиненія себѣ внѣшняго явленія и съ другой — въ ея потребностяхъ.

Самая главная мѣра для впечатлѣній устанавливается потребностію воли въ томъ или другомъ впечатлѣніи, событіи, вещи и т. д. И сердце и воля измѣряютъ ихъ всего болѣе внутренними потребностями. Онѣ могутъ быть или привычныя и таковыя лежатъ въ основаніи привычныхъ мѣръ, или спорадическія, являющіяся подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или вызываемыя теченіемъ внутренней жизни: таковыя даютъ бытіе мѣрамъ: ожидаемому, желаемому или воображаемому; наконецъ, потребности могутъ быть идеальныя, опирающіяся на влеченіе къ высшимъ цѣнностямъ въ мірѣ. Своими потребностями воля измѣряетъ всѣ внутреннія и внѣшнія событія и смотря потому, въ какой степени впечатлѣнія могутъ удовлетворять или неудовлетворять ихъ, быть противъ нихъ, въ такой степени она хочетъ или не хочетъ, влечется или отвращается отъ впечатлѣній. Не то мы хотимъ сказать, что потребности создаютъ и влекутъ за собою разныя состоянія воли; напротивъ, потому и есть потребности и чувствуются онѣ, что есть первоначальныя влеченія, хотѣнія, не хотѣнія и отвращенія: потому и есть потребность въ красотѣ, что есть соотвѣтствующее влеченіе, потому и есть потребность союза съ другими существами,

что есть хотѣніе и влеченіе такого союза и т. д. Та или другая степень состояній воли опредѣляется потребностію во впечатлѣніи, объектѣ, и размѣромъ, въ какомъ они могутъ обѣщать удовлетвореніе.

Понятіе потребности чрезвычайно важно для теоріи воли и особенно для правильнаго разумѣнія нижеслѣдующихъ замѣтокъ объ отношеніи впечатлѣній къ волѣ и слѣдованіи состояній послѣдней за первыми. Впечатлѣнія могутъ обѣщать удовлетвореніе потребности: они желаются, хотятся; они могутъ обѣщать удовлетвореніе недостаточное, малое: они желаются въ ничтожной степени; а если и послѣ овладѣнія ими потребность субъекта будетъ велика, то они или желаются въ ничтожной степени, или даже прямо не желаются. Но впечатлѣнія могутъ обѣщать удовлетвореніе широкое, тогда они желаются и хотятся въ высокой степени.

Далѣе, впечатлѣніе можетъ не имѣть никакого значенія для наличной потребности, оно тогда просто не желается и есть ἀδιάφορον (безразличное) въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. на наличный моментъ. Но оно можетъ имѣть значеніе для другихъ потребностей воли и при случаѣ можетъ требоваться нами. Только то впечатлѣніе, которое никогда ни въ какомъ отношеніи ни для какой потребности не можетъ надобиться намъ, есть ἀδιάφορον въ обширномъ смыслѣ.

Затѣмъ, впечатлѣніе можетъ быть не тѣмъ, которое надобно, и вмѣстѣ отрицающимъ субъективную потребность; тогда оно возбуждаетъ нежеланіе и нехотѣніе: наприм. когда человѣку дается камень вмѣсто хлѣба, возбуждается въ немъ нехотѣніе и въ довольно сильной степени.

Наконецъ, впечатлѣніе можетъ быть прямо противоположнымъ тому, которое требуется волею. Вмѣсто того, чтобы удовлетворять потребности, оно причиняетъ вредъ, наноситъ ущербъ, умаленіе бытію существа. Оно возбуждаетъ нехотѣніе и отвращеніе.

Примѣч. Потребности бываютъ различны и такъ какъ въ основаніи ихъ лежатъ влеченія и хотѣнія, то понятно, что онѣ могутъ быть столь же разнообразны, какъ разнообразны хотѣнія и желанія. Не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ желаніяхъ и хотѣніяхъ, субъектъ чувствуетъ и сознаетъ послѣднія, какъ потребности, и потому онѣ могутъ быть первоначальными, каковы основывающіяся на апріорныхъ влеченіяхъ и хотѣніяхъ.

Другія могутъ основываться на вторичныхъ влеченіяхъ и хотѣніяхъ, таковы тѣ, которыя опираются на наклонности, стремленія и страсти: это вторичныя потребности. Третьи могутъ возникать въ области третичныхъ состояній воли, опираться на конкретныя желанія и хотѣнія, на привычки и т. п. Это третичныя потребности. Соотвѣтственно относительной глубинѣ основаній потребностей, можно говорить о глубочайшихъ, глубокихъ и менѣе глубокихъ потребностяхъ. Когда желаніе является изъ несущественныхъ для бытія и дѣятельности субъекта желаній, то потребность становится искусственною.

Замѣтки о minima, возрастаніи по степенямъ и maxima состояній воли.

Теперь намъ слѣдовало бы обратиться къ вопросамъ о minimum, maximum степеней состояній воли и порядкѣ ихъ возрастанія. Первый вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: какой minimum впечатлѣнія вызываетъ minimum возбужденія воли, въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ? Но отвѣты представляются столь затруднительными, что только о нѣкоторыхъ состояніяхъ воли можно дѣлать нѣсколько вѣроятныя предположенія, да и то съ большими предосторожностями. Поэтому мы болѣе будемъ говорить о томъ, что первый вопросъ можетъ означать въ приложеніи къ волѣ и что можно предполагать въ отвѣтъ на него по указанію чувствованій.

Во 1-хъ, необходимо различать, что требуется или отрицается волею абсолютно и что относительно, и притомъ волею удовлетворенною или неудовлетворенною. Относительно впечатлѣній, требуемыхъ волею абсолютно, вопросъ можетъ быть поставленъ такъ, какой наименьшій объемъ ихъ возбуждаетъ хотѣніе, потому что размѣръ такого впечатлѣнія можетъ быть столь малъ, что не возбудитъ даже хотѣнія его. О впечатлѣніяхъ, требуемыхъ волею относительно, должно спрашивать: какой minimum разности между субъективною мѣрою и впечатлѣніемъ служитъ предметомъ стремленія или отвращенія, хотѣнія или нехотѣнія. При этомъ важное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, идетъ ли дѣло о волѣ удовлетворенной или неудовлетворенной, и при томъ удовлетворенной въ избыткѣ, или только minimum. Воля, удовлетворенная вполнѣ, отрицаетъ избытокъ, какъ не-

нужный ей: напримѣръ, сытый человѣкъ съ отвращеніемъ смотритъ на пищу и доставившій себѣ полное удовольствіе можетъ страдать отъ того самого, что, до удовлетворенія, его услаждало. При томъ же, нѣсколько удовлетворенная воля склонна оцѣнивать впечатлѣнія относительно, слѣдовательно, одни болѣе, другія менѣе, тогда какъ неудовлетворенная желаетъ и хочетъ абсолютно.

Во 2-хъ, существуетъ множество хотѣній и желаній столь по своей энергіи слабыхъ, что они нами несознаются: таковы всѣ усилія воли, хотѣнія, желанія, ставшія привычными. Въ началѣ своего образованія состояніе воли можетъ быть весьма энергичнымъ хотѣніемъ и притомъ высокой степени. Послѣдняя остается неизмѣнною при всякомъ дальнѣйшемъ повтореніи его, но энергія усилія съ каждымъ новымъ повтореніемъ требуется все меньшая и меньшая и наконецъ становится очень слабою, такъ что перестаетъ сознаваться. Несознаваемая степень хотѣнія, конечно, не можетъ подлежать измѣренію. Привычныя хотѣнія и желанія должны быть исключены изъ круга изучаемыхъ по степени напряженія: хотя слѣдуетъ и въ этомъ случаѣ замѣтить, что не сознаваемая, по слабости своей энергіи, степень хотѣнія можетъ энергіей той же воли усилена до степени сознаваемости. Но вообще прямыя наблюденія состояній воли, переходящихъ въ привычку, слишкомъ трудны, если только не невозможны.

3) Надежнымъ руководителемъ, при опредѣленіи mimimum'а впечатлѣнія, способнаго возбуждать едва замѣтную для сознанія степень состоянія воли, могло бы служить сердце. Чувствованія удовлетворенія и неудовлетворенія, напримѣръ, прямо связаны съ желаніями и хотѣніями и при анализѣ minimum ихъ, мы должны были различать опредѣленныя и неопредѣленныя желанія, такъ какъ чувствованія совершенно различно слѣдуютъ за удовлетвореніемъ первыхъ и вторыхъ. Удовлетвореніе неопредѣленнаго желанія является, когда, напримѣръ, сумма нашего благосостоянія увеличивается на $^1/_5$, — неудовлетворенія, когда оно уменьшается на $^1/_{10}$, для опредѣленнаго же желанія намъ пришлось эти цифры увеличить, по крайней мѣрѣ вдвое. Отсюда, повидимому, мы можемъ сдѣлать три вывода: во 1-хъ, нехотящая и отвращающаяся воля вдвое раздражительнѣй относительно своихъ объектовъ, чѣмъ воля хотящая и стремящаяся; во 2-хъ, что абсолютно требующая воля вдвое раздражательнѣе

воли, желающей только относительно и нѣсколько удовлетворенной, и въ 3-хъ, что послѣдняя удовлетворяется относительною прибавкою въ $^1/_5$ къ имѣющемуся у нея привычному удовлетворенію, тогда какъ первая уже $^1/_{10}$, и что въ своемъ неудовлетвореніи воля руководится законами $^1/_{10}$ и $^1/_{20}$. Эти три вывода важны и ихъ нельзя не допустить. Въ чувствѣ удовлетворенія такъ тѣсно связаны элементы воли и сердца, что трудно допустить, чтобы могло быть удовлетвореніе или неудовлетвореніе, не сказывающееся въ чувствованіи: ибо безъ послѣдняго они были бы только простымъ согласіемъ или несогласіемъ ума, принимающаго къ свѣдѣнію факты совпаденія или несовпаденія впечатлѣній съ желаніями. Во всякомъ случаѣ, чувства удовлетворенія и неудовлетворенія до нѣкоторой степени обнаруживаютъ предъ нами отношенія насыщенной и ненасыщенной воли къ впечатлѣніямъ.

Слѣдуетъ ли идти намъ въ своемъ довѣріи къ показаніямъ сердца далѣе и найденныя обобщенія относительно различныхъ чувствованій прямо отнести къ влеченіямъ и хотѣніямъ, лежащимъ въ основѣ ихъ? По многимъ соображеніямъ несомнѣнно, что prius существованія принадлежитъ волѣ, а чувству posterius. Является естественный вопросъ: если впечатлѣніе возбуждаетъ волю, а воля чувство, и если по условіямъ возникновенія послѣдняго мы станемъ заключать объ условіяхъ возбужденія первой, то не сдѣлаемъ ли мы тутъ ошибки. Можетъ быть, найденныя minima существуютъ только для сердца, а не воли, и послѣдняя, предваряя своими состояніями возбужденія перваго, начинаетъ удовлетворяться и ажитироваться гораздо ранѣе и ея minimum'ы будутъ совсѣмъ другія? Конечно, такое недоумѣніе весьма естественно. Но тѣмъ не менѣе я полагаю, что въ чувствованіяхъ мы имѣемъ первыя точныя указанія относительно minimum возбужденія хотѣній и влеченій, дающихъ имъ бытіе.

Хотѣніе жизни даетъ происхожденіе чувству страха, т. е. въ минуты опасности человѣкъ серіозно возвращается на это хотѣніе. Что не всякая опасность возбуждаетъ сознательный страхъ, это мы знаемъ изъ опыта: очень вѣроятно, что субъектъ возвращается на свое указанное хотѣніе и при малыхъ опасностяхъ, такихъ, которымъ субъектъ мало придаетъ значенія; но такія возбужденія хотѣнія не доходятъ до сознанія. Безсознательныя степени страха не могутъ быть изучаемы и потому намъ слѣ-

дуетъ ограничиться возможнымъ въ данномъ случаѣ. Мы знаемъ, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, страхъ возбуждается извѣстнымъ впечатлѣніемъ. Это есть показаніе для насъ, при какихъ условіяхъ возбуждаются minim'альныя степени сознательнаго влеченія къ жизни. По руководству чувствованія, мы имѣемъ право предположить, что это влеченіе начинаетъ возбуждаться для сознанія, когда сумма благосостоянія уменьшается на $^1/_3$, т. е. одновременно съ чувствомъ страха.

Относительно не хотѣнія противодѣйствія мы должны ставить вопросъ въ такой формѣ: при какихъ условіяхъ возбуждается minimum означеннаго нехотѣнія, или, такъ какъ противодѣйствіе идетъ противъ нашего хотѣнія, то вопросъ долженъ имѣть такое значеніе: на какую часть нашего хотѣнія должно простираться противодѣйствіе, чтобы вызвать нехотѣніе его. Казалось бы, что всякое противодѣйствіе, какъ бы оно ничтожно ни было, есть уже предметъ нашего нежеланія, но въ практикѣ за нѣкоторымъ противодѣйствіемъ мы не гонимся, не придавая ему никакого значенія: нѣкоторая неточность въ исполненіи нашего желанія въ вещахъ, которымъ мы не придаемъ особеннаго значенія, оставляется нами безъ вниманія, т. е. волевого возбужденія. Но конечно, едва ли въ отвѣтѣ на упомянутый вопросъ можно руководиться указаніемъ, найденнымъ въ предшествующемъ отдѣлѣ относительно условій возбужденія гнѣва. Нехотѣніе противодѣйствія возбуждается, вѣроятно, гораздо ранѣе, чѣмъ гнѣвъ: въ простомъ неудовлетвореніи опредѣленнаго желанія есть уже нехотѣніе противодѣйствія. Если принимать показанія гнѣва за руководство въ данномъ случаѣ, то слѣдуетъ вопросъ нѣсколько ограничить: мы должны спрашивать, при какихъ условіяхъ является minimum нехотѣнія противодѣйствія, не вообще всякого, а такого, которому воля даетъ нѣкоторое значеніе и въ которомъ видитъ уже препону своей дѣятельности.

Показанія чувствованій радости и горя могутъ быть истолковываемы въ томъ смыслѣ, что они указываютъ, какого размѣра требуются впечатлѣнія, дабы влеченіе къ расширенію круга дѣятельности и свободы ея получило minimum удовлетворенія, и когда является нехотѣніе сокращенія круга дѣятельности и свободы ея. Когда впечатлѣніе достигаетъ размѣровъ, возбуждающихъ радость или горе, субъектъ возвращается на свои первоначальныя апріорныя влеченія и нехотѣніе.

Влеченіе къ цѣнному бытію даетъ происхожденіе чувствамъ уваженія, удивленія, грандіозности, и отвращеніе отъ нецѣннаго и мало значительнаго—чувствамъ пренебреженія, презрѣнія и мелкоты. Мы знаемъ условія возбужденія этихъ чувствованій, какъ же истолковывать ихъ? Положительныя чувствованія указываютъ на роды возбужденія воли, когда она встрѣчается съ цѣннымъ бытіемъ; ихъ minima показываютъ, когда удовлетвореніе влеченія начинаетъ являться. Равно, отрицательныя чувствованія указываютъ minima, при которыхъ являются первыя степени нехотѣнія.

Показанія чувства комизма служатъ къ опредѣленію размѣра впечатлѣнія, на которомъ воля начинаетъ удовлетворять свое влеченіе къ отдохновенію.

Хотѣніе союза съ другими существами даетъ происхожденіе чувствамъ любви и дружбы. Мы видѣли, что въ основаніи ихъ лежитъ законъ гармоніи: мы любимъ то существо, съ которымъ можетъ образоваться у насъ гармоническое существованіе. Влеченіе сказывается здѣсь, какъ потребность одного существа въ другомъ. Если руководиться закономъ гармоніи, то слѣдуетъ предположить, что minimum влеченія существъ другъ къ другу возбуждается, когда по психологическому строю они подходятъ одно къ другому не болѣе, какъ $1 : 1^1/_4$ и не превосходятъ другъ друга болѣе, чѣмъ въ 4 раза. Эти же minima указываютъ, что существа, въ своемъ психическомъ строѣ отступающія отъ нихъ, начинаютъ возбуждаться къ нехотѣнію взаимнаго союза.

Въ чувствѣ стыда, соединеннаго съ униженіемъ, дѣйствуетъ первоначальное нехотѣніе паденія предъ другими существами. Разбирая это чувство, мы нашли, что оно развивается въ субъектѣ, когда онъ понижается въ общественной Іерархіи на одну ступень ея. Но пониженіе на одну ступень означаетъ уменьшеніе личности въ два три раза. Конечно, этого размѣра уменьшеніе значенія и цѣны личности нельзя считать minimum возбужденія нехотѣнія паденія: оно возбуждается не только при одностороннемъ нѣкоторомъ пониженіи лица, но даже и при опасеніи паденія. Въ условіяхъ возбужденія чувства стыда мы имѣемъ первое точное число, указывающее условіе возбужденія одной изъ первыхъ степеней разбираемаго нехотѣнія.

Чувство силы указываетъ на удовлетвореніе желанія лица значительнаго и цѣннаго бытія для себя: оно происходитъ,

когда воля встрѣчается съ впечатлѣніями извѣстнаго размѣра, которыми можетъ распоряжаться, какъ ей угодно.

4) Показанія чувствованій слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что они опредѣляютъ условія, при которыхъ субъектъ возвращается на свои первоначальныя влеченія и отвращенія, хотѣнія и нехотѣнія, т. е. когда его воля возбуждается уже въ общемъ смыслѣ, почему и придается такое значеніе этому возбужденію, что оно обнаруживается въ волненіи сердца. Первоначальные акты воли не бездѣйствуютъ, когда впечатлѣнія ихъ не возбуждаютъ; когда нѣтъ конкретнаго объекта, ихъ возбуждающаго, то они имѣютъ до того малую энергію, что несознаются нами, и конечно, свою первоначальную степень. Эта степень не можетъ подлежать опредѣленію, равно какъ и размѣръ первоначальной энергіи ихъ. Значеніе впечатлѣнія для воли состоитъ въ томъ, что оно своимъ объемомъ и смысломъ переводитъ влеченія и хотѣнія съ нисшей первоначальной степени на одну изъ болѣе высокихъ. Очень вѣроятно, что существуетъ нѣсколько степеней возбужденія первоначальныхъ хотѣній и влеченій, не доходящихъ до сознанія. Даже когда они доходятъ до степеней и силы, при которыхъ являются чувствованія, мы, сознавая послѣднія, прямо несознаемъ, однако, лежащихъ въ основѣ ихъ, возбужденій воли; между тѣмъ, для волненія требуется впечатлѣніе значительнаго размѣра. Слѣдовательно, впечатлѣнія могутъ возбуждать многія волевыя состоянія, не доходящія до сознанія, и степеней такихъ состояній можетъ быть нѣсколько. Поэтому вышеприведенныя замѣтки могутъ имѣть смыслъ, какъ указанія извѣстныхъ намъ minimum'овъ впечатлѣній, возбуждающихъ волю въ ея первоначальныхъ стремленіяхъ болѣе общаго характера.

Третій вопросъ касается возрастанія состояній воли по степенямъ. Степени чувствованій несомнѣнно указываютъ на степени хотѣній и нехотѣній, влеченій и отвращеній. Какъ о чувствованіяхъ мы говорили, что, съ увеличеніемъ объема или возвышеніемъ качества впечатлѣній, они поднимаются на едва замѣтную для сознанія степень въ томъ случаѣ, когда увеличеніе или уменьшеніе достигаютъ извѣстнаго объема или размѣра, для разныхъ чувствованій не одинаковаго, такъ и о состояніяхъ воли мы должны предполагать, что они возрастаютъ на едва замѣтныя для сознанія степени, когда вызывающіе ихъ объекты возрастаютъ въ объемѣ, или представляютъ возвышеніе своихъ желатель-

ныхъ качествъ. Мы говоримъ о глубокомъ хотѣніи или нехотѣніи, глубокомъ влеченіи и таковомъ же отвращеніи: лучшихъ цѣлей, большаго счастія мы глубже желаемъ, чѣмъ менѣе хорошихъ цѣлей и меньшаго счастія, глубже не хотимъ противодѣйствія серіознаго врага, наносящаго удары нашему благополучію или самолюбію, чѣмъ случайнаго противорѣчія, оказываемаго любимымъ человѣкомъ. Въ возрастаніи чувствованій по степенямъ мы имѣемъ прямое доказательство соотвѣтствующаго возрастанія состояній воли. Если чувствованіе возрастаетъ, то потому, что возрастаетъ возбужденіе воли, не было бы послѣдняго, не могло бъ быть и первое; если бы стало уменьшаться хотѣніе жизни, сталъ бы уменьшаться и страхъ; уменьшилось бы не хотѣніе противодѣйствія, должно уменьшиться и волненіе гнѣва.

Возрастаніе возбужденія воли мы должны признать прямо пропорціональнымъ возбужденію чувства: служа показателемъ состояній воли, сердце послушно слѣдитъ за послѣднею, какъ знакъ измѣняется соотвѣтственно означаемому. Хотя есть состоянія воли, не сопровождающіяся чувствомъ, но нѣтъ чувствованія, которое не имѣло бы въ основѣ своей волевого возбужденія. Зная о возрастаніи нѣкоторыхъ волненій сердца, мы можемъ сдѣлать заключеніе и къ возрастанію соотвѣтственныхъ состояній воли, т. е. тѣхъ, которыя даютъ бытіе сердечнымъ движеніямъ. Не будемъ приводить здѣсь соображеній, которыми мы въ свое время оправдывали подобнаго рода обобщенія относительно возрастанія чувствованій, равно какъ и самыхъ исчисленій возрастанія: они всѣ прилагаются и въ настоящемъ случаѣ къ волѣ.

Изслѣдованіе maximum душевныхъ состояній вообще представляетъ огромныя затрудненія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда можно бъ было дѣлать надъ ними опыты, они сопряжены съ опасностями для организма, или духовнаго равновѣсія субъекта; въ другихъ они не могутъ вызываться по произволу, а даются въ жизни чрезвычайно рѣдко и даже не всякому лицу. Изслѣдованія maximum глубины состояній воли представляетъ такія же затрудненія. Рѣдко встрѣчаются глубочайшія степени напряженія воли и когда встрѣчаются, какъ ихъ измѣрять и наблюдать? Только по руководству чувствованій можно предполагать, что есть maxima степеней хотѣній и влеченій: напримѣръ, въ крайнемъ ужасѣ мы имѣемъ хотѣніе жизни на высочайшей степени

развитія, въ глубочайшемъ гнѣвѣ maxim'альную степень отвращенія отъ союза съ предметомъ ненависти.

Конечно, говоря о степеняхъ хотѣній и возрастаніи ихъ, мы должны помнить, что многія изъ нихъ не поддаются измѣреніямъ. Высшіе чисто нравственные случаи примѣненія хотѣній и влеченій остаются неизслѣдованными. Не думаемъ однако, чтобы наши предположенія были совершенно напрасными. Если возрастаніе хотѣнія жизни, нехотѣнія противодѣйствія, въ грубыхъ случаяхъ, слѣдуетъ, положимъ, закону $^1/_3$, то, по аналогіи явленіямъ природы и по общему индуктивному правилу, мы имѣемъ полное право предполагать, что это возрастаніе слѣдуетъ ему же и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Въ силу внутренней послѣдовательности своего существа, душа не можетъ восходить въ степеняхъ своего хотѣнія жизни въ однихъ случаяхъ по одному закону, а въ другихъ по другому. Испытывая нехотѣніе противодѣйствія въ обыденныхъ случаяхъ, по одному закону, она равно не можетъ отступиться отъ него, когда являются поводы къ нехотѣнію болѣе тонкіе. Скажемъ болѣе, есть большая вѣроятность, что указанные нами законы прилагаются даже къ хотѣніямъ и влеченіямъ высшимъ, о которыхъ мы отказываемся дѣлать обобщенія: напримѣръ, желаніе для себя цѣннаго и значительнаго бытія (самоуваженіе) аналогично тому хотѣнію, которое сказывается въ чувствѣ силы, и тому состоянію воли, которое сказывается въ уваженіи къ другимъ субъектамъ. Но оба эти влеченія въ своемъ развитіи слѣдуютъ закону $^1/_3$ и можно предположить, что указанное желаніе управляется въ своемъ возникновеніи и возрастаніи этимъ же закономъ: именно, оно удовлетворяется, когда субъектъ встрѣчается съ другими субъектами слабѣе его, въ отношеніи ли ума, или характера, на $^1/_3$. И здѣсь мы имѣемъ право сдѣлать предположеніе, высказанное нами въ главѣ о чувствованіяхъ: какъ отъ грубыхъ примѣровъ состояній сердца мы въ свое время заключили о болѣе тонкихъ и отъ изслѣдованныхъ къ аналогичнымъ высшимъ, такъ и здѣсь мы имѣемъ право высказаться въ томъ же смыслѣ относительно высшихъ влеченій и хотѣній.

Причины, имѣющія вліяніе на развитіе состояній воли въ сторону глубины.

Теперь мы можемъ приступить къ обсужденію важнаго вопроса, какія вообще причины условливаютъ развитіе хотѣній и стремленій въ сторону глубины или силы, или иначе, что вліяетъ на подъемъ степеней состояній воли и что увеличиваетъ ихъ энергію.

Изслѣдуя этотъ вопросъ относительно чувствованій, мы видѣли, что на глубину ихъ имѣютъ вліяніе съ одной стороны объемъ и значеніе внѣшнихъ впечатлѣній, съ другой — высокія степени могутъ являться чрезъ контрасты. Такъ какъ почти все, что мы говорили о чувствованіяхъ, можетъ и должно быть прилагаемо къ волѣ, то намъ уже нѣтъ нужды заниматься вліяніемъ этихъ обстоятельствъ на подъемъ степеней ея. И здѣсь мы повторяемъ, что высокія изъ нихъ возникаютъ подъ вліяніемъ или массивныхъ, объемныхъ впечатлѣній, или отличающихся высокимъ качествомъ и значеніемъ. Огромное противодѣйствіе, не только отрицающее, но прямо противополагающее иную цѣль, несовмѣстимую съ нашею, вызываетъ высокую степень нехотѣнія. Значительная, неотвратимая опасность возбуждаетъ высочайшую степень страха. Великая цѣнность встрѣчающагося бытія, или духовнаго строя другихъ существъ, вызываетъ высокія стенени влеченія къ нимъ. Въ этихъ случаяхъ можетъ повториться тоже явленіе, которое мы констатировали относительно чувствованій. Впечатлѣнія, въ отдѣльности взятыя, могутъ быть малы, но субъектъ можетъ суммировать ихъ въ своей рефлексіи и тогда они принимаютъ въ глазахъ его грандіозные размѣры и возбуждаютъ высокія степени состояній воли: наприм. ежедневныя и обыденныя отступленія отъ долга и моральнаго закона могутъ быть мелки и незначительны; но, собравшись съ мыслями и оглянувшись на свою дѣятельность вообще, субъектъ можетъ объединить всѣ свои прегрѣшенія въ одно и тогда возбудится высокая степень отвращенія отъ своей дѣятельности, не согласной съ долгомъ и закономъ; или препятствія, отдѣльно взятыя, сокращаютъ и съуживаютъ свободу и кругъ дѣятельности въ незначительномъ размѣрѣ, но объединенныя и сложенныя вмѣстѣ рефлексіей субъекта, могутъ казаться огромными и значительными и потому возбуждать въ немъ высокую степень нехотѣнія.

Нѣтъ надобности намъ повторять въ подробностяхъ разсужденія о значеніи контрастовъ для чувствованій и для воли. Мы видѣли, что контрасты бываютъ объективные и субъективные; первые дѣйствуютъ на насъ только потому, что оба члена его служатъ взаимными мѣрами одинъ для другого. Субъективные возникаютъ на основаніи противоположности впечатлѣній субъективнымъ мѣрамъ, которыми мы измѣряемъ ихъ. Мы пытались опредѣлить размѣры ихъ и раздѣлили на четыре разряда: контрасты первой категоріи равняются двумъ разстояніямъ отъ maximum къ minimum одного члена и отъ minimum до maximum другого; второй — между maximum одного члена и minimum другого, т. е. равняющіеся болѣе чѣмъ одному разстоянію; третьей между maximum и minimum одного и того же качества, свойства, равняющіеся только одному разстоянію, и наконецъ четвертой равные менѣе чѣмъ одному разстоянію. Это было сказано нами относительно дѣйствованія впечатлѣній на сердце. Теперь мы можемъ сказать послѣднее слово о дѣйствіи контрастовъ. Потому они и дѣйствуютъ на сердце, что имѣютъ значеніе для воли, и самый способъ ихъ дѣйствія станетъ понятенъ, если только обратимъ вниманіе на это ихъ значеніе. Начнемъ съ субъективныхъ контрастовъ. Они, какъ мы видѣли, предполагаютъ ту или другую мѣру, съ которою внѣшнія впечатлѣнія сопоставляются и къ которой они составляютъ контрастъ. Но мы видѣли, что всѣ мѣры въ концѣ концовъ сводятся къ волѣ. Слѣдовательно, въ субъективныхъ контрастахъ одинъ членъ ихъ дается непремѣнно волею субъекта, есть представленіе просто привычное для воли, или желаемое ею болѣе или менѣе устойчиво. Другой членъ контраста есть внѣшнее впечатлѣніе. Между нимъ и субъективною мѣрою оказывается огромное разстояніе и потому впечатлѣніе, являясь относительно великимъ, вызываетъ высокой степени хотѣніе или нехотѣніе, влеченіе или отвращеніе. Мы привыкли къ напряженію средней мѣры впечатлѣній, которыя, часто повторяясь, даже перестаютъ возбуждать нашу волю; является среди ихъ впечатлѣніе относительно большого и значительнаго размѣра и оно по контрасту глубоко дѣйствуетъ на насъ и вызываетъ высокой степени хотѣніе и влеченіе къ нему. Мы желаемъ многаго, а жизнь даетъ намъ малое или наоборотъ, желаемъ малаго, а жизнь даетъ многое, оказывается большое разстояніе между размѣрами желаемаго и факта, который является тутъ, какъ контрастъ, и возбуждаетъ

высокой степени удовлетвореніе, или новое хотѣніе, или нехотѣніе. Или, имѣя влеченіе къ идеаламъ и съ ними подступая къ дѣйствительности, субъектъ также испытываетъ впечатлѣніе контраста между желаемымъ долженствующимъ быть и фактическимъ бытіемъ и съ высокою степенію нехотѣнія или даже отвращенія отворачивается отъ послѣдняго.

Объективные контрасты дѣйствуютъ тѣмъ, что каждый изъ членовъ ихъ служитъ взаимною мѣрою одинъ другого. Какъ въ субъективныхъ, такъ и объективныхъ контрастахъ вся сила дѣйствія основывается на разстояніяхъ между членами ихъ. Но почему именно разстояніе имѣетъ такое магическое дѣйствіе, и какъ оно можетъ быть понятно намъ? Нельзя его понимать въ пространственномъ смыслѣ, потому что большія и даже огромныя разстоянія на землѣ вовсе не производятъ на насъ подобнаго впечатлѣнія. Конечно, контрасты оцѣниваются умомъ, но почему онъ, постоянно имѣя дѣло съ разными логическими противоположностями, не придаетъ имъ никакого особеннаго значенія, а считаетъ ихъ просто видами одного и того же рода и мы по поводу ихъ ничего особаго не испытываемъ? Между логическими противоположностями и между контрастами, глубоко дѣйствующими на сердце и волю, такія же разстоянія, но тогда какъ первыя не производятъ никакого особаго дѣйствія на насъ, вторыя производятъ его. Этотъ фактъ можно понять, только если принять во вниманіе значеніе контрастовъ для воли. Въ логическихъ противоположностяхъ воля ничѣмъ не заинтересована и для ума онѣ суть только виды одного и того же рода; въ контрастахъ, даваемымъ жизнію, искусствомъ, являющихся отъ противоположенія субъективныхъ мѣръ объективнымъ впечатлѣніямъ, она бываетъ очень заинтересована: она здѣсь ажитируясь проходитъ разстояніе между контрастами, нѣсколько разъ повторяя этотъ процессъ. Только ей одной понятно, что значитъ контрастъ между хотѣніемъ и отвращеніемъ, между желаніемъ и удовлетвореніемъ, между разными влеченіями, хотѣніями, желаніями, нехотѣніями и отвращеніями. Понимая противоположности между своими актами и состояніями, она понимаетъ и контрасты между объектами ихъ, не логически, а психологически. Такимъ образомъ пониманіе субъективныхъ контрастовъ пролагаетъ путь къ пониманію объективныхъ. Итакъ, тѣ контрасты искусства и природы могутъ имѣть значеніе, которые имѣютъ какое либо

отношеніе къ волѣ, могли бы быть объектами хотѣнія или нехотѣнія, влеченія, желанія, отвращенія, нежеланія и т. д.

Такъ какъ при контрастахъ воля измѣряетъ собою разстояніе между ними, а оно бываетъ не меньшее, чѣмъ между высокимъ удовлетвореніемъ хотѣнія и малымъ, то понятно, что контрасты, по преимуществу, вызываютъ высокія степени состояній воли.

Наконецъ, на развитіе тѣхъ или другихъ степеней состояній воли должны имѣть въ неодинаковыхъ размѣрахъ вліяніе и различныя мѣры, съ которыми субъектъ приступаетъ къ впечатлѣніямъ. Однѣ изъ нихъ облегчаютъ появленіе высшихъ степеней, другія среднихъ, третьи нисшихъ. Мѣры привычнаго настоящаго покровительствуютъ появленію среднихъ умѣренныхъ степеней желаній и хотѣній: наличныя впечатлѣнія представляютъ мало выдающагося и необыкновеннаго, поэтому субъектъ съ указанными мѣрами не имѣетъ много случаевъ возбуждаться высокими степенями. Равно, желанія, являющіяся при обыкновенной обстановкѣ и возникающія изъ обыкновенныхъ нуждъ и потребностей тѣла и духа такъ бываютъ скромны, что дѣйствительность большею частію удовлетворяетъ ихъ, возбуждая такимъ образомъ преимущественно средніе степени удовлетворенія и служа источникомъ новыхъ средней же степени желаній и хотѣній. Но если мѣра устанавливается воображеніемъ, то при ея чрезмѣрности все дѣйствительно случающееся будетъ возбуждать самыя низменныя степени удовлетворенія, хотѣнія, желанія, и самыя высокія нехотѣній, отвращеній. Такое же дѣйствіе производитъ мѣра, взятая изъ лучшаго прошлаго, по сравненію съ которымъ настоящее теряетъ свои привлекательныя качества. Еще сильнѣе вліяютъ на возникновеніе самыхъ низменныхъ степеней положительныхъ состояній воли и высшихъ отрицательныхъ идеальныя мѣры. Кто своими идеальными влеченіями и хотѣніями измѣряетъ дѣйствительность, тотъ, конечно, будетъ всего менѣе хотѣть того, что даютъ обыкновенное теченіе жизни и окружающая природа и гораздо чаще будетъ сильнѣйшимъ образомъ отвращаться отъ нихъ. Послѣднія три мѣры содѣйствуютъ возбужденію крайнихъ степеней, одна первая—среднихъ. Отсюда можно объяснить, почему высоконравственная личность, аскетъ съ глубокими нравственными влеченіями, выработавшій на основаніи ихъ идеалы, отвращается отъ реальнаго міра и находитъ въ немъ лишь ничтожное удовлетвореніе.

Зависимость энергіи состояній воли отъ разныхъ объективныхъ и субъективныхъ причинъ.

Обратимся къ важному вопросу о силѣ, энергіи состояній и актовъ воли. Каждая степень хотѣнія и вообще состоянія воли можетъ быть безконечно разнообразною по своей силѣ. Самыя высокія по степени состоянія воли могутъ быть очень слабыми въ своей энергіи, и нисшія по степени очень энергичными. Какія же обстоятельства, спрашивается, могутъ вліять на развитіе энергіи въ состояніяхъ воли.

Такія обстоятельства могутъ быть объективнаго характера. Энергія хотѣній и нехотѣній, желаній часто происходитъ отъ энергіи внѣшнихъ впечатлѣній и быстроты наступленія ихъ. Одно и тоже противленіе волѣ, положимъ на словахъ, должно вызывать всегда одну и ту же степень нехотѣнія противленія. Но сила, энергія нехотѣнія будетъ различна, смотря по тому, будетъ ли слышаться энергія въ словахъ противника, или не будетъ. Скромность противленія, какъ извѣстно, обезоруживаетъ гнѣвающагося. Желаніе отождествлять свои состоянія съ состояніями другого существа возникаетъ, положимъ, при видѣ страданій его. Но энергія желанія (а потому и сила состраданія) бываетъ различна, смотря по тому, энергично или слабо выражаются страданія этого существа. Одна и та же степень нехотѣнія паденія въ глазахъ другихъ бываетъ различной силы, если въ разныхъ случаяхъ одни и тѣ же брань и порицаніе высказываются съ различною энергіей. Здѣсь какъ будто дѣйствуетъ законъ, что противодѣйствіе равно дѣйствію, по крайней мѣрѣ энергія состояній воли до нѣкоторой степени послушно слѣдуетъ за силою впечатлѣній. Этимъ между прочимъ слѣдуетъ объяснять, почему спокойное величіе привлекаетъ къ себѣ въ высшей степени, но не особенно энергично, величіе шумное и бурное не только глубоко, но и сильно, почему громады въ пространствѣ производятъ глубокое впечатлѣніе, но спокойное, громадныя же энергіи даютъ сильное и глубокое.

Быстрота наступленія впечатлѣнія имѣетъ также свое значеніе для энергіи состояній воли. Такъ, опасности вызываютъ хотѣніе жизни, но различной силы, смотря по тому, съ какою быстротою онѣ наступаютъ: двѣ опасности, равнаго значенія, вызовутъ два хотѣнія одинаковой степени, но сила ихъ будетъ

различна, если одна наступаетъ быстро и скоро, другая медленно. Испуги тѣмъ и отличаются, что въ нихъ отъ мгновенныхъ опасностей необыкновенно энергично возбуждается хотѣніе жизни, хотя, такъ какъ опасность невелика, по степени оно бываетъ незначительно. Неожиданное и вдругъ послѣдовавшее расширеніе круга дѣятельности (внезапная радость), неожиданная и скорая смерть близкаго человѣка возбуждаютъ энергичныя хотѣнія или нехотѣнія; но если бы тѣ же самыя извѣстія были сообщены послѣ предварительной подготовки и не внезапно, то они возбудили бы той же степени хотѣнія или нехотѣнія, удовлетвореніе или неудовлетвореніе, но меньшей силы. Быстрое и неожиданное появленіе какого либо отвратительнаго животнаго возбуждаетъ сильное отвращеніе, хотя по степени оно можетъ быть и не велико. Тотъ же человѣкъ, котораго всего передергиваетъ отъ неожиданной встрѣчи съ гадкимъ существомъ, спокойно можетъ смотрѣть на него издали, или въ витринѣ, но отвращеніе отъ него не можетъ быть меньшимъ въ этомъ случаѣ, чѣмъ въ первомъ, слѣдовательно, различіе должно состоять въ одной энергіи.

И продолжительность дѣйствованія впечатлѣній часто сообщаетъ особую энергію состояніямъ воли. Въ такихъ случаяхъ суммируются акты и состоянія ея, такъ что, наростая до извѣстнаго предѣла, они ничего не выигрываютъ въ степени, но возрастаютъ въ силѣ: наприм. настойчивость, т. е. продолжительность противленія нашей волѣ возбуждаетъ въ сильнѣйшей степени нехотѣніе его, хотя по незначительности самаго противленія можетъ и не быть нехотѣнія высокой степени. Продолжительно угрожающая опасность вызываетъ энергичное хотѣніе жизни, но если опасность не велика, то степень его бываетъ не высокая. Продолжительность ожиданія ажитируетъ волю: по степени ажитація остается одною и тою же, но сила и энергія его иногда возрастаетъ до огромныхъ размѣровъ. Стремленіе воли къ насыщенію можетъ быть не велико по степени, наприм. при ожиданіи посѣщенія не интересной личности, но можно измучиться ожиданіемъ отъ большой энергіи его, явившейся отъ продолжительности его. Но конечно, продолжительность дѣйствованія впечатлѣній выгодна для увеличенія силы состояній и актовъ воли только до извѣстной степени: слишкомъ долгая или ослабляетъ энергію ихъ, или образуетъ привычку.

И такъ, сила хотѣній и вообще состояній воли можетъ услов-

ливаться объективными причинами: энергіей впечатлѣній, ихъ быстротою и продолжительностію. Но могутъ вліять на нее и причины субъективныя.

Во первыхъ сила хотѣній и нехотѣній можетъ измѣняться отъ стеченія нѣсколькихъ состояній воли вмѣстѣ. Одинъ и тотъ же предметъ часто бываетъ объектомъ многихъ хотѣній и влеченій, или нехотѣній и отвращеній, и равно, многіе предметы одновременно могутъ возбуждать одинаковыя хотѣнія и т. д.: наприм. лицо по своимъ психическимъ качествамъ вызываетъ влеченіе къ гармоническому союзу съ нимъ, по своей красотѣ есть предметъ влеченія къ цѣнному бытію, по своему состоянію вызываетъ въ субъектѣ влеченіе къ отожествленію его состояній съ своими. Результатъ стеченія хотѣній и влеченій скажется прежде всего въ томъ, что каждое изъ нихъ будетъ выражаться съ особенною силою: для выражаемаго во внѣ, или лучше для того, на которомъ субъектъ сосредоточивается, два другихъ будутъ служить какъ бы почвою, отъ которой между прочимъ первое будетъ заимствовать свою силу. Чувствованія служатъ показателями хотѣній и на первыхъ скорѣе можно видѣть подтвержденіе нашего замѣчанія. Выше упомянутый субъектъ станетъ сильно влечься къ другому, какъ удивительному въ своемъ родѣ, но эта сила будетъ отчасти браться отъ силы влеченія любви и состраданія къ нему, или онъ станетъ сильно влечься отождествлять его состоянія съ своими, но сила симпатіи будетъ исходить изъ любви и удивленія. Одинъ предметъ можетъ возбудить хотѣніе жизни, нехотѣніе противодѣйствія и отвращеніе отъ безобразія. Тогда отвращеніе можетъ быть чрезвычайно сильнымъ, ибо ему будетъ придаваться энергія первымъ хотѣніемъ и вторыхъ нехотѣніемъ; можетъ усиливаться слабая степень гнѣва до огромныхъ размѣровъ, потому что противодѣйствующее лицо еще и отвратительно или страшно. Нехотѣніе паденія предъ другими и влеченіе къ долгу могутъ соединяться вмѣстѣ и взаимно подкрѣплять одно другое, т. е. взаимно придавать энергію. Нехотѣніе страданія и влеченіе къ жизни иногда также соединяютъ свою энергію и каждое усиленнѣй агитируетъ волю, чѣмъ еслибъ было одно только изъ нихъ въ душѣ.

Указываемое нами явленіе особенно замѣтно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, при стеченіи многихъ желаній, отвращеній, хотѣній и нехотѣній, встрѣчаются такія, которыхъ субъектъ не смѣетъ обнаружить прямо, или въ которыхъ не желаетъ сознаться

даже самому себѣ. Этимъ объясняются многіе факты. Субъектъ горячо выражаетъ свое удивленіе, а въ сущности, онъ говоритъ подъ вліяніемъ влеченія любви, горячо противодѣйствуетъ съ гнѣвомъ, а главный фонъ у него есть отвращеніе вражды и ненависти, сильно влечется къ долгу, а почва для силы этого влеченія нехотѣніе паденія (униженія) предъ другими.

Что собственно происходитъ въ этихъ случаяхъ? Конечно, прежде всего суммированіе двухъ, трехъ энергій состояній воли. При этомъ слабыя въ энергіи должны выигрывать отъ заимствованія части энергіи отъ сильныхъ, послѣднія же должны проигрывать, отдавая часть своей силы первымъ. Когда же, по обстоятельствамъ или по намѣренію субъекта, можетъ обнаружиться изъ нѣсколькихъ хотѣній и т. д. только одно какое либо, то происходитъ перенесеніе энергіи, всей или только части ея, со всѣхъ остальныхъ на это одно обнаруживающееся и оно получаетъ неестественную иногда силу.

Часто случается, что одно и то же хотѣніе возбуждается многими обстоятельствами въ смежности или быстромъ преемствѣ. Такъ, когда человѣкъ на одномъ вечерѣ получаетъ удовлетвореніе многимъ своимъ влеченіямъ: къ красотѣ, чувственному наслажденію, къ личной похвалѣ и т. д. то онъ будетъ въ состояніи сильнаго удовлетворенія, потому что однородныя или тожественныя состоянія воли суммируются вмѣстѣ. Мы имѣемъ въ виду случаи, аналогичные слѣдующему: голодный человѣкъ, смотря на буфетъ съ закусками, разжигается аппетитомъ; въ этомъ случаѣ, видъ закусокъ не поднимаетъ голода на высшую степень, но увеличивается энергія желанія ѣсть, потому что каждая съѣдобная вещь, которую голодный видитъ, возбуждаетъ желаніе и такъ какъ оно получается въ быстромъ преемствѣ, то энергія предшествующаго сочетавается съ энергіей послѣдующаго и желаніе быстро возрастаетъ въ своей силѣ. Такъ, видъ многихъ примѣровъ богатой жизни разжигаетъ хотѣніе богатства, слушаніе многихъ примѣровъ ученой, нравственной дѣятельности усиливаетъ хотѣніе взяться за дѣло и полезные труды и т. под. Этотъ процессъ суммированія происходитъ, впрочемъ, не всегда, а только тогда, когда субъектъ не хочетъ, или сами впечатлѣнія не даютъ возможности объединять ихъ въ одно цѣлое. Если бы субъектъ объединилъ ихъ, появилась бы возможность грандіознаго или удивительнаго впечатлѣнія и тогда состоянія воли значительно повысились бы въ степени, хотя по-

теряли бы въ силѣ. Усиленіе энергіи происходитъ отъ простой суммаціи силы однородныхъ хотѣній, увеличеніе степени отъ объединенія впечатлѣній мыслію или воображеніемъ въ одно цѣлое.

Могутъ соединяться не одни только однородныя или тожественныя хотѣнія и вообще состоянія воли, но часто встрѣчаются вмѣстѣ и противоположныя, и даже съ хотѣніемъ является не хотѣніе одного и того же предмета, слѣдовательно, утвержденіе сходится съ отрицаніемъ. На степень хотѣній эти столкновенія не обнаруживаютъ никакого вліянія: каждое остается при той высотѣ, какую имѣетъ. Но дѣйствіе встрѣчи сказывается на силѣ хотѣній: энергіи его взаимно вычитаются, при чемъ слабое должно уничтожиться и погаситься энергичнымъ, а послѣднее ослабляется на такое количество энергіи, какое потратилось на погашеніе относительно слабаго. Такіе случаи встрѣчаются при, такъ называемой, борьбѣ мотивовъ. Субъектъ можетъ вобуждаться желаніемъ исполненія скучнаго долга и обуреваться желаніемъ наслажденія, влеченіемъ къ красивому лицу, для котораго онъ долженъ пожертвовать долгомъ, можетъ желать радостнаго событія и бояться его, такъ какъ оно имѣетъ свои опасности. Одолѣетъ въ немъ, конечно, сильнѣйшее желаніе, но оно уже не останется столь энергичнымъ, какъ прежде, а навѣрное, ослабится. Степени желаній остаются при этомъ неизмѣнными. Какъ скоро субъектъ подумаетъ о долгѣ, онъ будетъ имѣть извѣстной степени желаніе, и думая объ удовольствіи, также будетъ желать его въ соотвѣтственной степени. Изъ нихъ возьметъ перевѣсъ то, которое въ данный моментъ сильнѣе; степени останутся тѣже, но отъ болѣе слабаго сильное отниметъ энергію всю или отчасти и потому само ослабѣетъ. Этотъ субъектъ, положимъ, пожертвовавъ долгомъ, пойдетъ за удовольствіемъ, но уже съ меньшимъ рвеніемъ и охотою: долгъ будетъ напоминаться ему и отравлять, какъ говорятъ, удовольствіе, т. е. уменьшать энергію хотѣнія его. Субъектъ радостно влечется къ браку съ любимымъ человѣкомъ, но вмѣстѣ и опасается тягостей семейной жизни, или нѣкоторыхъ неудобствъ жизни съ будущею своею женою. Положимъ, онъ рѣшится жениться: степень опасенія останется неизмѣнною, а равно и степень влеченія къ браку, но сила перваго погасится вторымъ, но за то это второе не будетъ здѣсь сильнымъ и энергичнымъ, какъ могло бъ быть, если бы не боролось съ опасеніями: радостное вле-

ченіе будетъ значительно уменьшено въ своей силѣ. Тоже самое относится ко встрѣчѣ хотѣній и не хотѣній: оно взаимно парализуютъ себя при равной энергіи; при не равенствѣ же силы, вычитается меньшая энергія изъ большей и побѣдившее дѣйствуетъ съ оставшеюся отъ вычета энергіей. Иногда ея оказывается недостаточно для проведенія труднаго предпріятія или совершенія важнаго дѣла и оттого происходитъ, что субъектъ дѣлаетъ дѣло, колеблясь, не рѣшительно, или начавъ, бросаетъ его. Желаніе его ослабилось борьбою съ противоположнымъ нежеланіемъ до начатія дѣла.

Любопытныя видоизмѣненія въ силѣ состояній воли производятъ хронически или спорадически господствующія влеченія и хотѣнія. Изъ наблюденій мы знаемъ, что въ каждомъ почти индивидуумѣ вообще или временно пріобрѣтаютъ господство какія либо исключительныя стремленія. Мы видѣли, при анализѣ страстей, какъ многочисленны бываютъ онѣ и какъ вся энергія воли можетъ исключительно сосредоточиваться на одной какой либо или нѣсколькихъ цѣляхъ. Всякія такія исключительныя и господствующія направленія воли собственно не уничтожаютъ другихъ влеченій, свойственныхъ человѣку, не понижаютъ ни на одну степень ни одного изъ нихъ. Всѣ они остаются, только лишаются болѣе или менѣе силы и энергіи. И горькій пьяница дорожитъ отцомъ и матерью, дѣтьми, женою, службою, и влюбленный до сумашествія не безучастенъ къ окружающему близкому міру, къ долгу и службѣ, хотѣлъ бы исполнить все, чего требуютъ его обязанности; равно какъ о всемъ этомъ думаетъ и честолюбецъ и т. д. Но эти люди неспособны сюда направить энергію. Добрыя влеченія остаются безъ движенія и de facto сводятся къ нулю: хотя они и есть, но безъ энергіи совсѣмъ не дѣйствуютъ. То, что лежитъ въ сторонѣ отъ господствующихъ направленій воли, лишается всей или значительной доли силы. Вся энергія сосредоточивается на главномъ влеченіи или хотѣніи: у пьяницы энергичны хотѣнія только въ сторону его страсти, у влюбленнаго, у ненавидящаго всѣмъ сердцемъ соотвѣтствующія хотѣнія и отвращенія, у честолюбца — хотѣніе цѣнности бытія для себя самого и слѣдовательно, превознесенія своего „я“. За то энергія сосредоточивается на всемъ, что прямо или непосредственно имѣетъ соотношеніе съ главнымъ объектомъ влеченій и хотѣній. При высокой степени послѣднія достигаютъ громаднаго напряженія,

такого, что они могущественно опредѣляютъ человѣка къ дѣятельности въ направленіи влеченій и хотѣній. Эта громадная энергія сообщается не хотѣніямъ и отвращеніямъ отъ всего, что можетъ препятствовать главному хотѣнію и влеченію. Такъ, подъ вліяніемъ высокаго и сильнаго влеченія къ любимому лицу, субъектъ сильно не хочетъ никакого противодѣйствія осуществленію своего влеченія, готовъ очень энергически отвращаться отъ противодѣйствующихъ лицъ, какъ жесточайшихъ своихъ враговъ, готовъ презрѣть все: долгъ, честь, наконецъ жизнь, если только она какъ нибудь несовмѣстима съ его главнымъ влеченіемъ. Тутъ и бываютъ весьма опасныя сосредоточенія энергіи, при которыхъ субъектъ всю громадную силу главнаго влеченія и хотѣнія переноситъ въ извѣстный моментъ на какое либо частное хотѣніе, или нехотѣніе: онъ обрушивается на человѣка, ему противодѣйствующаго, съ величайшею энергіей и всякая мысль о вредѣ ему, представившаяся въ этотъ моментъ, сейчасъ же осуществляется, или субъектъ затѣваетъ въ такіе моменты дѣла, которыя дорого обходятся для здоровья, чести и житейскаго благополучія его самого. Эти моменты и суть источники многихъ преступленій.

Во вторыхъ, свою долю участія въ усиленіи состояній воли имѣетъ и воображеніе. Оно искуственно дѣлаетъ впечатлѣніе продолжительнымъ. Оно заранѣе овладѣваетъ впечатлѣніемъ, входитъ въ подробности его, изображаетъ его съ разныхъ сторонъ и такимъ образомъ задерживаетъ субъекта на немъ болѣе или менѣе продолжительное время. Но мы знаемъ, что продолжительность дѣйствованія впечатлѣнія условливаетъ силу состояній воли. Однако, говоря о вліяніи воображенія на силу ихъ, мы, въ сущности, предполагаемъ обратное вліяніе воли на себя самѹ. Воображеніе дѣйствуетъ вообще подъ руководствомъ ея влеченій и стремленій. Если оно ажитируется какимъ либо предметомъ, занимается подробностями его и само задерживается на немъ, то это потому, что на него могущественно дѣйствуетъ желаніе, или хотѣніе, и при томъ того именно предмета, которымъ оно занимается: наприм. дитя ожидаетъ елки къ Рождеству, оно заранѣе представляетъ себѣ ее въ своемъ воображеніи съ разными подробностями и тѣмъ, что много занимается ею, дитя разжигаетъ само себя, усиливая свое нетерпѣливое желаніе видѣть ее. Но почему воображеніе его такъ усиленно работаетъ надъ образомъ елки? потому, что оно возбуждается жела-

ніемъ ея. Слѣдовательно, чрезъ воображеніе воля дѣйствуетъ обратно на саму себя, увеличивая энергію своихъ хотѣній и усиливая свою внутреннюю ажитацію.

Но въ концѣ концовъ сила хотѣній и вообще состояній воли, опредѣляющихъ человѣка къ дѣятельности, зависитъ какъ отъ первоначальной глубины ихъ, такъ и степени, пріобрѣтенной ими въ данный моментъ. Какъ средняя скорость массы беретъ вообще верхъ надъ большою быстротою малаго тѣла и никакой сильный импульсъ къ движенію не можетъ восполнить ничтожности движущейся массы, такъ и въ волѣ, глубокія, объемныя влеченія и хотѣнія въ большинствѣ случаевъ берутъ перевѣсъ надъ менѣе глубокими. Удручаемые лютымъ голодомъ, матери, въ нѣкоторые голодные годы, ѣли, говорятъ, своихъ дѣтей, слѣдовательно, физіологическая воля побѣждала болѣе глубокое влеченіе, лежащее въ основаніи материнской любви: но это есть исключеніе; обыкновенно послѣднее беретъ перевѣсъ надъ первымъ: изъ любви мать накормитъ свое дитя и скорѣе сама останется голодна, чѣмъ оставить голодать свое дѣтище. При большой глубинѣ, даже средняя сила, пріобрѣтаемая хотѣніемъ, дѣлаетъ его неотразимымъ и требуется стеченіе многихъ благопріятныхъ условій, чтобы менѣе глубокое хотѣніе пріобрѣло достаточную энергію, дабы побѣдить болѣе глубокое. Все равно какъ тихое едва замѣтное колыханіе громадной массы производитъ громадный эффектъ и представляется часто неотразимою великою силою, такъ и слабыя, не энергичныя, но глубокія степени глубокихъ хотѣній и влеченій, даже въ своемъ безсознательномъ состояніи, представляютъ великую силу, побѣждающую случайныя хотѣнія среднихъ. даже сознательныхъ, степеней и напряженія. Оттого жизнь человѣческая управляется въ своемъ теченіи не мимолетными капризами, а всего болѣе безсознательными первоначальными хотѣніями и влеченіями. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ глубокія хотѣнія имѣютъ болѣе шансовъ перейти въ дѣйствіе, чѣмъ сравнительно не глубокія. Отъ первоначальной глубины и высоты степени зависитъ и maximum силы, возможной для хотѣнія. Нѣтъ глубже влеченія человѣка къ жизни; оттого оно часто оказывается самымъ сильнымъ хотѣніемъ, препобѣждающимъ всѣ другія. До какой энергіи оно достигаетъ въ изступленомъ ужасѣ! оно совсѣмъ потрясаетъ существо человѣка въ его основаніяхъ и заставляетъ забывать все: долгъ, любовь, свое достоинство. Такого напряже-

нія не способно достигать ни какое другое хотѣніе. Нехотѣніе противодѣйствія въ гнѣвѣ можетъ доходить до глубокой степени и величайшей силы, такъ что какъ будто вся энергія человѣка уходитъ на него; до такой энергіи никогда не можетъ дойти другое нехотѣніе, наприм. то, которое лежитъ въ основаніи стыда.

Раздражительность воли и вліяніе ея на степени и силу состояній воли.

При анализѣ чувствованій мы говорили о подъемѣ и пониженіи чувствительности, слѣдили за вліяніемъ ея на глубину и силу чувствованій. Но по тѣсной зависимости послѣднихъ отъ состояній воли мы вправѣ поставить вопросъ, на чемъ основываются пониженіе и повышеніе чувствительности и что она знаменуетъ, какъ фактъ воли?

Что мы называемъ въ сердцѣ чувствительностію, то въ волѣ есть раздражительность. Какъ ухо и глазъ бываютъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, такъ чувствительны къ впечатлѣніямъ свѣта и звуковъ, что малѣйшія изъ нихъ возбуждаютъ ощущенія нестерпимой силы, такъ и воля иногда бываетъ до того раздражительна, что не важный и мелкій, не особенно надобный ей предметъ возбуждаетъ энергичное хотѣніе, гораздо сильнѣйшее, чѣмъ въ другое время, и на оборотъ, какъ бываетъ въ глазѣ и ухѣ не нормальная тупость на свѣтовыя и слуховыя впечатлѣнія, такъ иногда и воля даетъ слабыя недѣятельныя желанія и хотѣнія. Выдаются такія минуты въ жизни зрѣлаго человѣка, что необыкновенно увеличивается раздражительность воли: желанія и хотѣнія, нежеланія и нехотѣнія, влеченія и отвращенія бываютъ не нормально сильны; иногда же эта раздражительность такъ понижается, что хотя состоянія воли и являются, но вялыя, не энергичныя. Это, такъ называемыя, апатичныя состоянія воли. Раздражительность ея несомнѣнно имѣетъ повышенія и пониженія и мы должны разобрать, какое вліяніе они должны имѣть на степень и силу состояній воли.

Это вліяніе таково же, какое мы видѣли и на чувствованіяхъ. Возвышеніе раздражительности должно вліять на силу нисшихъ степеней воли. Человѣкъ страстно желаетъ и стремится къ тому, что ему не особенно нужно, не важно для него, или съ величайшей силою отвращается отъ вещей и явленій, кото-

рыя онъ могъ бы переносить безъ особыхъ усилій въ другое время; онъ сильно безпокоится и заботится о томъ, что, въ сущности, не заслуживаетъ того; ажитація воли при ожиданіяхъ становится у такихъ личностей столь сильною, что онѣ не въ состояніи бываютъ переносить ее. Такъ, мы видимъ у дѣтей: при большой раздражительности воли, они очень ажитируются каждымъ своимъ желаніемъ и хотѣніемъ. Благодаря повышенію раздражительности, дѣлаются доступными сознанію и приходятъ къ осуществленію такія желанія, которыя, при низкой своей степени, никогда бы не обнаружились и не пытались переходить въ исполненіе. Это обстоятельство, быть можетъ объясняетъ намъ, почему, при возвышенной раздражительности, душевно больные приводятъ въ исполненіе и съ силою желаютъ такихъ вещей, о которыхъ лишь слабо мечтали въ дни здоровья, почему у нихъ измѣняется характеръ и они становятся какъ будто другими людьми. Понятно, что когда получаютъ силу всѣ сумасбродныя желанія и отвращенія, которыя въ здоровомъ состояніи были подавляемы волею и лишаемы ею энергіи, то человѣкъ измѣняется въ своемъ характерѣ и становится не узнаваемъ въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ.

Итакъ нисшія и даже ничтожныя степени состояній воли выигрываютъ отъ возвышенія раздражительности воли. Но что дѣлается въ этомъ случаѣ съ высшими степенями, до какихъ способны доходить преимущественно глубокія первоначальныя хотѣнія. Они, конечно, могутъ получить отъ того особую силу, но при огромной глубинѣ ихъ слишкомъ великая энергія была бы невыносима для человѣческаго существа. Какъ раздраженное ухо не вынесло бы слишкомъ высокаго и вмѣстѣ сильнаго тона, такъ и слабое существо человѣческое, особенно нервная система, не въ состояніи имѣть ненормально сильныя и высокія степени глубокихъ влеченій: тогда можетъ наступить полное разстройство духа и тѣла. Но такъ какъ низменныя степени состояній воли получаютъ особую силу отъ возвышенія раздражительности ея, то сознаніе бываетъ по преимуществу занято ими и до высокихъ степеней дѣло, такъ сказать, не доходитъ. Поэтому послѣднія мало выигрываютъ въ такихъ случаяхъ.

Какое вліяніе обнаруживаетъ на степени и силу состояній воли пониженіе раздражительности ея? Нисшія степени должны оттого проигрывать, а высшія выигрывать. Состояніе воли низ-

менной степени, когда раздражительность ея уменьшена, и безъ того слабыя, должны совершенно бездѣйствовать, какъ бы ихъ не существовало. Дѣйствительно, въ минуты апатіи, исчезаютъ изъ души обычныя желанія, имѣющія обыкновенно не высокую степень; субъектъ становится трудно подвижимъ на какія либо, не обѣщающія много, предпріятія; дѣлается имъ только то, что обратилось въ привычку. Но за то апатія даетъ возможность выдерживать высокія степени глубочайшихъ желаній и хотѣній. Такой человѣкъ спокойно выдержитъ громадную опасность, вынесетъ сильнѣйшее противодѣйствіе его волѣ, высокую степень нехотѣнія паденія, или отвращенія отъ врага; онъ останется относительно спокоенъ, когда разорвется союзъ чрезвычайной для него важности. Какъ тупое ухо остается спокойнымъ подъ выстрѣлами пушекъ, которые оно слышитъ, такъ и этотъ субъектъ, не теряя самообладанія, выноситъ самыя высокія степени глубочайшихъ влеченій и хотѣній.

Вліяніе удовлетворенія и не удовлетворенія на степени и силу состояній воли.

Желанія и хотѣнія, влеченія и отвращенія удовлетворяются и не удовлетворяются. Такой фактъ, какъ удовлетвореніе, конечно, весьма важенъ и мы должны теперь разсмотрѣть, какое вліяніе онъ имѣетъ на судьбы состояній воли и особенно на глубину и силу ихъ. Для этой цѣли мы раздѣлимъ ихъ на двѣ группы, положительную и отрицательную. Къ первой отнесемъ: желанія, хотѣнія, наклонности, стремленія, влеченія и страсти; ко второй не желанія, не хотѣнія, отвращенія.

Остановимся прежде всего на желаніи и хотѣніи. Они могутъ быть удовлетворены и не удовлетворены. Что дѣлается съ съ ними послѣ удовлетворенія? Послѣднее можетъ быть полное и не полное. Не полное удовлетвореніе есть не удовлетвореніе и о немъ будетъ особая рѣчь. Полное же удовлетвореніе заставляетъ желаніе и хотѣніе терять почти всю свою энергію. Здѣсь могутъ быть два случая: или они имѣютъ конкретный характеръ, суть желанія и хотѣнія извѣстнаго предмета, или они имѣютъ нѣсколько неопредѣленный и общій характеръ: т. е. суть хотѣнія и желанія извѣстнаго рода дѣятельности или рода предметовъ. Въ первомъ случаѣ, они по удовлетвореніи лишаются

почти всей своей энергіи и потому не сознаются; полнаго и совершеннаго уничтоженія ихъ мы, однако, предполагать не можемъ: ибо всё же мы припоминаемъ прошлыя свои хотѣнія; во второмъ случаѣ они теряютъ свою энергію только отчасти: ибо они удовлетворены не вполнѣ. Любитель картинъ можетъ пріобрѣсти одну, двѣ картины, но не овладѣть всею живописью. Это второй случай подходитъ подъ категорію не полнаго удовлетворенія.

Случаи неудовлетворенія могутъ быть очень разнообразны: не полное удовлетвореніе, неудовлетвореніе, при томъ или только на извѣстный моментъ, при чемъ субъекту представляется возможность удовлетворенія и въ будущемъ, или оно кажется ему вообще не возможнымъ. De facto мы знаемъ, что какъ не удовлетвореніе, такъ и не полное удовлетвореніе иногда разжигаютъ желанія и хотѣнія, иногда же заставляютъ ихъ исчезать. Когда бываетъ первое и когда второе? Желанія усиливаются отъ не удовлетворенія полнаго или не полнаго, когда удовлетвореніе вообще возможно, но случайно не происходитъ. Особенно, ихъ энергія умножается, когда удовлетворенія нѣтъ по чьему либо произволу. Чрезвычайно важное въ этихъ случаяхъ обстоятельство, какъ субъектъ объясняетъ себѣ причины неудовлетворенія. Онъ можетъ полагать ихъ въ невозможности осуществленія желаній, или представлять себѣ въ будущемъ удовлетвореніе болѣе или менѣе вѣроятнымъ. При невозможности осуществленія желанія, оно теряетъ свою силу, если не опирается на болѣе глубокія основы воли, на влеченія, страсти и т. д. Равно, оно уничтожается для сознанія въ томъ случаѣ, когда субъектъ находитъ его въ данный моментъ не осуществимымъ, но достижимымъ въ будущемъ: въ обоихъ случаяхъ оно перестаетъ ажитировать субъекта.

Нѣсколько иное значеніе имѣютъ удовлетвореніе и неудовлетвореніе для болѣе глубокихъ положительныхъ состояній воли: наклонностей, влеченій, стремленій и страстей. Полное и всестороннее удовлетвореніе ихъ не возможно: большая часть ихъ имѣютъ общій характеръ, а всякое удовлетвореніе непремѣнно бываетъ конкретно. Притомъ, ихъ особенность въ томъ, что они возникаютъ не временно, случайно, но суть постоянныя направленія человѣческой воли, порождающія цѣлые ряды хотѣній и желаній. Какое же значеніе для нихъ имѣетъ удовлетвореніе и неудовлетвореніе?

Полнаго и всесторонняго удовлетворенія для этихъ состояній воли быть не можетъ, какъ мы сказали. Всякое удовлетвореніе ихъ есть удовлетвореніе частное, на извѣстный моментъ, на одномъ предметѣ, относящемся къ тому виду цѣлей, который преслѣдуется ими. Тѣмъ не менѣе оно даетъ на время облегченіе, спокойствіе, до нѣкоторой степени насыщаетъ волю. Ученыя занятія временно удовлетворяютъ субъекта съ стремленіями и наклонностями къ наукѣ и общимъ влеченіемъ къ истинѣ. Страстный пьяница, честолюбецъ, достигая своей цѣли, утоляетъ временно внутренній голодъ вина и чести, почета. Но такъ какъ, подъ вліяніемъ этихъ глубокихъ направленій воли, хотѣнія и желанія снова и снова появляются, то субъектъ опять и опять стремится къ соотвѣтствующимъ предметамъ, чтобы временно утолить свой голодъ и жажду. При возможности, онъ дѣлаетъ между ними выборъ, предпочитая болѣе удовлетворяющіе другимъ, менѣе насыщающимъ волю. Онъ пріучаетъ себя съ теченіемъ времени болѣе и болѣе совершенно удовлетворять свои потребности. Въ развитіи привычки къ удовлетворенію наклонностей, стремленій и влеченій, и при томъ лучшему и совершеннѣйшему, и состоитъ культура ихъ. Отъ того, что удовлетвореніе становится привычнымъ, наклонность, влеченіе, стремленіе, страсть, крѣпнутъ, увеличивается ихъ могущество надъ волею; отъ того, что субъектъ привыкаетъ удовлетворять ихъ не какъ попало или пришлось, являются лучшія и благороднѣйшія цѣли для нихъ.

Неудовлетвореніе указанныхъ состояній воли сопровождается безпокойствомъ и внутреннею тревогою, могущею возрастать при случаѣ до степени невыносимости. Субъектъ мучится, когда его влеченіе къ истинѣ ни чѣмъ не удовлетворяется, наприм. даже и наукою, мучится артистъ, когда не можетъ заняться соотвѣтственною дѣятельностію, честолюбецъ, когда не встрѣчаетъ въ внѣшнемъ положеніи ничего, могущаго удовлетворять его честолюбіе, безпокоится человѣкъ, когда не осуществляется союзъ съ тѣми лицами, къ которымъ онъ имѣетъ влеченіе. Здѣсь важно различать, неудовлетворяетъ ли субъектъ своимъ наклонностямъ временно, или ихъ не возможно совсѣмъ въ какой бы то ни было формѣ удовлетворить. Въ первомъ случаѣ онъ можетъ намѣренно сдерживать себя, терпѣть, отлагая удовлетвореніе до лучшихъ обстоятельствъ; во второмъ—наклонности, стремленія, влеченія и страсти не уничтожаются, но глохнутъ. Такъ какъ есть привычка не только на хотѣніе, но и на нехотѣніе, то субъектъ, вслѣд-

ствіе долгаго неудовлетворенія своихъ наклонностей и т. д. привыкаетъ быть въ состояніи неудовлетворенія и онѣ, хотя существуютъ, но de facto не дѣйствуютъ, т. е. теряютъ свою энергію. Существованіе ихъ сказывается какъ тайный голодъ, какъ безотчетное недовольство своимъ состояніемъ, только по временамъ обнаруживающееся въ сильной внутренней агитаціи.

Обратимся къ отрицательнымъ состояніямъ воли: не желаніямъ, не хотѣніямъ, отвращеніямъ. Ихъ удовлетвореніе бываетъ тогда, когда устраняется не желаемый предметъ, или снимается не желаемая обязанность и т. д. Когда нѣтъ предмета, возбуждавшаго нехотѣніе или отвращеніе, лишаются энергіи и эти состоянія воли. Это понятно. Но что дѣлается съ ними, когда они не удовлетворяются и не желаемыя вещи тѣмъ не менѣе навязываются субъекту? Извѣстно, какъ сильно возрастаютъ тогда отрицательныя состоянія воли: является состояніе страданія. Мученіе субъекта можетъ доходить до самыхъ высокихъ степеней и крайнихъ предѣловъ силы, особенно если ему навязывается что либо вопреки его отвращенію. Но когда не желаемое устранить не возможно, субъектъ можетъ мириться съ не желаемою необходимостію или тѣмъ путемъ, что онъ смиритъ или сдержитъ энергію своего нехотѣнія, или что онъ принудитъ себя желать не желаемое и такимъ образомъ самъ избавитъ себя отъ мученія принимать то, чего онъ не хотѣлъ и не желалъ. Къ такимъ подвигамъ воля можетъ опредѣляться или нравственными влеченіями, или особенно влеченіями любви. Ради долга, изъ любви человѣкъ уживается съ отвратительною необходимостію, желаетъ и хочетъ того, отъ чего безъ нихъ отпрянулъ бы съ ужасомъ.

Общій взглядъ на дѣятельность воли.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ заключительному вопросу о свободѣ человѣческой воли, представимъ общую картину жизни воли.

Волю мы понимаемъ не какъ безпредметную общую силу, которая, кромѣ движенія и напряженія, ни къ чему другому не способна, а приписываемъ ей первоначальное положительное содержаніе, въ видѣ опредѣленныхъ хотѣній и влеченій. Являясь въ свѣтъ, воля не только понимаетъ направленія вообще, въ какихъ

она должна дѣйствовать, но знаетъ и то, чего главнымъ образомъ слѣдуетъ остерегаться и отъ чего отклоняться. Это содержаніе воли, первоначальное и глубочайшее, должно признать первоначальною натурою человѣка, или самыми первыми выраженіями ея.

На основаніи такихъ глубокихъ влеченій и хотѣній развиваются въ субъектахъ наклонности, стремленія, страсти. Они имѣютъ болѣе опредѣленный характеръ, чѣмъ первоначальныя влеченія и хотѣнія: послѣднія слишкомъ общи; они означаютъ направленія, которыхъ должна держаться воля, но кругъ предметовъ, какъ рядъ цѣлей, ими не указывается. Въ наклонностяхъ, стремленіяхъ и страстяхъ обозначается уже болѣе или менѣе самый кругъ вещей и родъ дѣятельности, къ которому призывается индивидуумъ Творцомъ и который всего болѣе свойственъ натурѣ индивидуума. Являются и привычки, т. е. постепенно образуется волевой механизмъ, посредствомъ котораго обыкновенная рутина жизни продѣлывается безъ труда и напряженія, безъ сознательнаго усилія, слѣдовательно, безъ утомленія для души.

Человѣкъ знакомится съ окружающею дѣйствительностію; его умъ развивается, слѣдуя своимъ законамъ, и постепенно открываетъ ему содержаніе явленій, ихъ порядокъ и зависимость. Соприкасаясь съ реальными явленіями, воля примѣняетъ конкретно свои общія хотѣнія и влеченія. Вещи и явленія получаютъ значеніе, какъ матеріалъ для практической дѣятельности, какъ цѣли стремленій; у индивидуума завязываются крѣпкія связи съ окружающимъ обществомъ, онъ вступаетъ въ Іерархію духовъ, представляемую обществомъ и Государствомъ. На основаніи первоначальнаго содержанія воли развивается безконечное множество третичныхъ желаній и хотѣній. Вступаетъ въ свои права и тѣло съ его нуждами и потребностями. Желанія являются, крѣпнутъ, исчезаютъ, являются вновь. Повидимому, безконечно мѣняющійся калейдоскопъ не управляется ничѣмъ, кромѣ случая. Но движенія воли опредѣлены ея первоначальнымъ содержаніемъ. Подъ поверхностію капризно смѣняющихся желаній и хотѣній идутъ глубокія теченія, какъ главныя руководящія направленія, къ которымъ, какъ бы ни уклонялась воля въ сторону, она неизбѣжно возвращается.

Однако, человѣкъ не локомотивъ, движущійся по разъ на всегда проложеннымъ рельсамъ. Онъ можетъ уклоняться въ сто-

рону отъ первоначальныхъ, данныхъ природою и потому вѣрныхъ, напр авленій воли. Для него возможны разнообразныя отклоненія: онъ можетъ давать не вѣрное, фальшивое конкретное примѣненіе первоначальнымъ влеченіямъ и хотѣніямъ; онъ можетъ чрезмѣрно развивать одни предъ другими. Такъ, физіологическая и интеллектуальная воля удовлетворяется нѣкоторыми впечатлѣніями на умъ и тѣло, вслѣдствіе чего и возникаютъ разнообразныя физическія и интеллектуальныя наслажденія; субъекту дано въ нихъ руководство для оцѣнки и выбора впечатлѣній. И вотъ онъ, какъ бы забывъ, что существуютъ прямыя цѣли, другія цѣнныя хотѣнія и влеченія, начинаетъ заботиться всячески о наслажденіяхъ, средство превращаетъ въ цѣль и все на свѣтѣ цѣнитъ только съ точки зрѣнія наслажденія. Въ волѣ есть хотѣніе жизни, нехотѣніе паденія предъ другими, хотѣніе собственной цѣнности, чрезъ которыя, природа, очевидно, имѣла въ виду облегчить существамъ возможно безпрерывную и успѣшную дѣятельность среди другихъ существъ и вообще явленій. Но эти влеченія могутъ превращаться въ эгоистическое береженье самого себя, наклонность казаться только цѣнностію, а не быть ею, гнаться за внѣшнимъ почетомъ, безъ старанія быть внутренно достойнымъ его. Субъектъ можетъ развить преимущественно предъ другими только одни какія нибудь влеченія и при томъ тѣ, которыя болѣе или менѣе эгоистичны, или давать въ разныхъ случаяхъ не вѣрное приложеніе своимъ влеченіямъ. Онъ приложитъ къ дѣлу хотѣніе жизни въ пылу битвы, забывъ свой долгъ предъ Отечествомъ и Царемъ, не захочетъ паденія въ глазахъ людей, недостойныхъ уваженія, и потому примется за ложь и хитрость, будетъ образовывать союзъ любви съ дурными элементами общества и радоваться по поводу удачи въ зломъ своемъ намѣреніи. Забывъ или нежелая признать, что человѣкъ есть существо ограниченное и что онъ живетъ въ обществѣ, которое своими законами обуздываетъ личный эгоизмъ, субъектъ можетъ дать неограниченное примѣненіе своимъ влеченіямъ и хотѣніямъ, наприм. своему нехотѣнію противодѣйствія, своему отвращенію отъ нѣкоторыхъ союзовъ, и потому нарушить безопасность другихъ лицъ, оскорбить и пытаться уничтожить своего врага и всякое противодѣйствующее лицо.

Такимъ образомъ являются искусственно образовавшіяся наклонности, стремленія, страсти, являются многочисленныя и разнообразныя извращенія первоначальныхъ хотѣній и влеченій. Упраж-

няемыя влеченія превращаются въ твердыя и закоренѣлыя привычки, расширяются въ конкретномъ примѣненіи; не упражняемыя и не развиваемыя глохнутъ, становятся мало привычны. Неправильныя приложенія ихъ также превращаются въ привычки и субъектъ укрѣпляется въ злѣ. Такъ какъ первоначальное равновѣсіе воли нарушено и развитіе пошло или односторонне или даже прямо не вѣрнымъ путемъ, то въ сознаніи образуется какъ бы вторая натура, другой человѣкъ, искусственно создавшійся. Первоначальныя глубокія влеченія и хотѣнія такъ крѣпко связаны съ природою души, что исчезнуть изъ нея не могутъ и при всемъ пренебреженіи нѣкоторыми изъ нихъ, они всё таки существуютъ въ душѣ и ни чѣмъ не могутъ быть вытравлены изъ нея. Какъ бы ни зарылся глубоко человѣкъ въ своемъ эгоизмѣ, онъ не можетъ, однако, иногда не сознавать, (могутъ напомнить ему и факты въ обществѣ, съ которыми ему приходится встрѣчаться), что ему самому слѣдовало бъ жить не отдѣльною, а общею жизнію съ себѣ подобными, что истинная любовь къ другому существу самоотверженна, что есть долгъ и совѣсть, есть внутреннее достоинство, высшій міръ, источникъ истины, красоты и блага. Этотъ голосъ слышится въ немъ самомъ, потому что влеченія и хотѣнія, говорящія такъ, въ немъ существуютъ. Такимъ образомъ въ субъектѣ является внутреннее раздвоеніе, наличная дѣятельность кажется ему измѣною самому себѣ, оказываются внутреннія противорѣчія между крайними приложеніями и выводами односторонних влеченій, или невѣрными приложеніями и глубокими, хотя глухо себя заявляющими, потребностями духа.

Съ каждымъ шагомъ впередъ въ этомъ направленіи усиливается противорѣчіе и внутренній раздоръ, и человѣкъ запутывается наконецъ въ желаніяхъ и хотѣніяхъ, приводящихъ его въ столкновеніе съ обществомъ и государствомъ. При такомъ ненормальномъ положеніи личности, возможны фатальныя скопленія энергіи въ желаніяхъ поверхностныхъ, неглубокихъ, которыя, бывъ осуществлены, служатъ знакомъ паденія человѣка въ нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ.

Какой же возможенъ для личности выходъ изъ этого положенія? Весь этотъ искусственный міръ хотѣній и желаній, сложившійся въ душѣ вслѣдствіе односторонняго и неправильнаго приложенія первоначальныхъ данныхъ воли къ дѣйствительности, имѣетъ бытіе, пока воля утверждаетъ его и онъ сейчасъ же уничтожается, когда она станетъ отрицать его. Но отрицать

его она можетъ только тогда, когда приступитъ къ переопредѣленію себя и возвратится снова на первоначальныя хотѣнія, влеченія и т. д. Такое возвращеніе бываетъ недобровольное и добровольное. Когда субъектъ запутывается въ поверхностныхъ и ненормальныхъ желаніяхъ до того, что уже начинаетъ быть вреднымъ для общества или государства членомъ, вступаютъ въ свои права послѣднія: лишая свободы и наказывая страданіями, они болѣе или менѣе успѣшно принуждаютъ своего члена возвратиться къ переопредѣленію себя и обратному принятію актовъ воли, доведшихъ его до паденія. Иногда же возвращеніе бываетъ добровольное. Человѣкъ находитъ наконецъ, что, продолжая дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, онъ все болѣе и болѣе путается въ безысходныхъ противорѣчіяхъ, что внутренніе нелады съ самимъ собою становятся все больше и больше и что такъ далѣе жить нельзя. Собираясь со всею энергіей въ себѣ, онъ рѣшительно отрицаетъ всё фальшиво наросшее въ его волѣ и начинаетъ новую жизнь, на основѣ глубокихъ первоначальныхъ данныхъ своей воли. Это и есть возрожденіе, возстаніе личности, превращеніе ея въ новаго человѣка. Впрочемъ, иногда общество и государство не считаютъ возможнымъ для личности такого рода обновленіе, именно когда она дошла до совершенія нѣкоторыхъ ужасныхъ преступленій. Отнимая у человѣка жизнь или осуждая на пожизненную каторгу за тяжкія злодѣянія, государство, очевидно, предполагаетъ, что для него уже невозможна нормальная дѣятельность и что необходимо ей положить конецъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Свобода человѣческой воли.

Переходимъ къ вопросу о свободѣ человѣческой воли. Въ немъ заинтересованы разныя стороны жизни, но противоположнымъ образомъ. Право и нравственность основаны на предположеніи, что существуетъ свобода, въ силу которой человѣкъ можетъ совершать дѣяніе и не совершать его: если онъ осуществляетъ должное, то заслуживаетъ за то одобренія, если же поступаетъ противъ закона, то заслуживаетъ порицанія. Вмѣняемость дѣй-

ствій, слѣдовательно, угроза наказаніемъ и одобреніе надеждою наградъ могутъ существовать только въ томъ случаѣ, если существуетъ свобода. Человѣкъ, дѣйствующій въ силу необходимости, не отвѣтственъ за свои дѣйствія. Никто не хвалитъ локомотива за то, что онъ исправно довозитъ поѣздъ именно на станцію желѣзной дороги, а не куда либо въ сторону, и не осуждаютъ, не наказываютъ, когда ему приходится уничтожить или изувѣчить неосторожнаго сторожа, очутившагося передъ нимъ на рельсахъ. Юридическія наказанія несвободнаго человѣка за преступленіе могли бы имѣть значеніе только исправительныхъ мѣръ; нравственное вмѣненіе было бы пустымъ словомъ. Право и нравственность такимъ образомъ предполагаютъ безусловную свободу воли человѣка, покрайней мѣрѣ для большинства дѣйствій его.

Съ другой стороны, учрежденія и строй общественной жизни основываются на мысли, что человѣческія дѣйствія отнюдь не всѣ равно свободны, что ихъ можно предвидѣть. Государство учреждаетъ тюрьмы, даетъ опредѣленный размѣръ судебнымъ учрежденіямъ, составляетъ бюджеты и т. д. въ увѣренности, что дѣйствіями людей управляютъ законы, въ силу которыхъ изъ году въ годъ является почти постоянно одно и тоже количество результатовъ ихъ дѣятельности. Государство, общество и семья употребляютъ огромныя усилія для воспитанія подростающаго поколѣнія, принимаютъ разнообразныя мѣры, чтобы укрѣпить нравственную натуру его, и при этомъ разсчитываютъ, что, укрѣпившись въ добрѣ и пріобрѣвши нравственныя привычки, оно будетъ дѣйствовать уже сообразно съ долгомъ и закономъ и не сдѣлается вдругъ изъ хорошаго худымъ, безнравственнымъ. Если бы возможно было думать, что человѣкъ можетъ произвольно мѣняться въ какую угодно сторону, мгновенно безъ причинъ дѣлаясь изъ хорошаго дурнымъ и обратно, изъ дурного хорошимъ, то къ чему было бы трудиться надъ его воспитаніемъ? Общественныя учрежденія такимъ образомъ предполагаютъ, что человѣческая свобода не безгранична.

Это противорѣчіе предположеній невозможно устранить тѣмъ, что мы отвергли бъ основательность одного, давъ ходъ другому. Что̀ можетъ быть внушительнѣе голоса нравственности и примыкающаго къ нему права? и можно ли утверждать, что общество, государство и семья дѣлаютъ невѣрное предположеніе? Очевидно, мы должны принять во вниманіе противоположные интересы въ вопросѣ о свободѣ и при рѣшеніи его имѣть ихъ не-

преимѣнно въ виду. Только то рѣшеніе его можетъ быть принято, которое будетъ удовлетворять одновременно какъ интересамъ нравственности и права, такъ и воспитанія, а равно будетъ согласно съ цѣлію и смысломъ многихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Прежде всего изъ понятія свободы человѣческой воли необходимо удалить смыслъ, котораго она имѣть не можетъ, но который многими вносится въ него. Невозможно, чтобы свобода существа означала возможность для него быть всѣмъ, чѣмъ угодно, — даже не быть тѣмъ, къ чему предназначила его природа, или воля Творца. Такой свободы въ бытіи нельзя приписывать даже Богу: не можетъ и Онъ не быть тѣмъ, что̀ предполагается святостію и всесовершенствомъ содержанія Его природы. Ограниченное существо, натура котораго опредѣлена волею Бога, можетъ быть только тѣмъ, что прямо или посредственно можетъ проистекать изъ нея. Если человѣческая душа можетъ быть признаваема свободною, то отнюдь не въ томъ смыслѣ, что ей предоставлена carte blanche бытія и она можетъ быть, чѣмъ угодно, избирать любыя формы существованія. Въ такомъ случаѣ необходимо было бы предполагать, что ей первоначально не дано никакой способности, никакого положительнаго содержанія, но что все свое содержаніе она образуетъ сама своею волею. Такая душа, ничего не знающая, безъ всякого положительнаго направленія въ своихъ движеніяхъ, вдругъ очутившаяся среди впечатлѣній физическаго міра, должна прямо подпадать вліянію ихъ и дѣлаться тѣмъ, чего они требуютъ, т. е. быть случайнымъ отраженіемъ случайныхъ впечатлѣній.

Свобода въ бытіи для существа не возможна. Оно должно быть тѣмъ, что̀ предполагается природою его. Его дѣятельность вообще должна быть раскрытіемъ первоначальнаго содержанія, опредѣляющаго кругъ и способъ взаимодѣйствій существа, характеръ реакцій его на внѣшнія его впечатлѣнія, широту и направленіе развитія и т. д. Содержаніе и характеръ дѣятельности существа должны предопредѣляться бытіемъ, натурою его. Если существуетъ свобода для существа, то она имѣетъ приложеніе только къ подробностямъ дѣятельности его.

Фактически мы понимаемъ свободу, какъ возможность контролировать свои дѣйствія. Мы можемъ перерѣшать и брать назадъ свои рѣшенія, производить желанія и препятствовать ихъ переходу въ исполненіе. У кого такого контроля быть не мо-

жетъ, того дѣйствій мы не признаемъ свободными: напримѣръ, галлюцинаторъ, дитя не могутъ правильно оцѣнивать условій своей дѣятельности, не способны къ контролю, одинъ — потому что еще не пользуется самообладаніемъ, другой — потому что не можетъ правильно познавать и слѣд. оцѣнивать дѣйствительность, въ которой желанія его осуществляются.

Далѣе, подъ свободою мы разумѣемъ способность выбора цѣлей и средствъ осуществленія ихъ. Мы не были бы свободны, если бы конкретная цѣль каждый разъ указывалась необходимо нашею природою и если бы опять средства для ея осуществленія не подлежали свободному выбору, а тоже предписывались неизмѣнно природою. Но цѣль можетъ достигаться разными средствами, да и цѣлей для дѣятельности можетъ существовать огромное множество, и такъ какъ можетъ быть и бываетъ у насъ выборъ тѣхъ и другихъ, то мы приписываемъ себѣ способность свободы.

Но обѣ эти черты въ понятіи свободы; возможность контроля надъ своими дѣйствіями и выборъ цѣлей и средствъ, предполагаютъ способность свободной иниціативы дѣятельности. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ должна быть допущена для души возможность безъ всякого принужденія, безъ необходимо условливающихъ причинъ, начинать рядъ дѣйствій. Такъ какъ въ опытѣ все совершается по закону причины и дѣйствія, то такая иниціатива должна происходить не въ эмпирической жизни души, а въ сверхопытной сторонѣ ея существа. Иниціатива должна идти отсюда, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и чтобы понять, какъ возможна она, мы остановимся на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Душѣ мы приписываемъ первоначальное положительное содержаніе. Оно представляется актами воли ея: душа хочетъ жизни, т. е. полагаетъ свое бытіе, не хочетъ противодѣйствія, влечется къ большей дѣятельности и свободѣ ея, отвращается отъ сокращенія ея и т. д. Мы видѣли, что эти акты апріорны, ибо предшествуютъ всѣмъ другимъ; они должны быть признаны совершенно свободными, ибо имъ ничто въ душѣ не предшествуетъ, а они именно условливаютъ всю остальную волевую дѣятельность. Мы видѣли, что только таковые акты могутъ объяснить намъ жизнь сердца и глубокія теченія и направленія въ человѣческой дѣятельности, и что если бы ихъ не было, то никакія внѣшнія впечатлѣнія не въ состояніи были бы научить

насъ имъ. Конечно, человѣкъ не самъ даетъ себѣ бытіе, онъ получаетъ его отъ Творца. Но нельзя думать, чтобы и самые акты были навязаны ему извнѣ: ибо такого вліянія на душу нельзя приписывать даже Всемогущему Существу. Послѣднее образуетъ душу съ такою или другою природою и такъ какъ у нея такова, а не другая природа, то она полагаетъ такіе, а не другіе акты. Они должны свободно исходить изъ природы души, не вынуждаясь никакими внѣшними причинами, составлять результатъ раскрытія и развитія внутренняго ея содержанія.

Въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, всѣ эти апріорные акты имѣютъ болѣе или менѣе нравственное значеніе. Судя по чувствамъ долга и совѣсти, воля хочетъ согласія и не хочетъ разногласія съ закономъ, который для нея понятенъ, какъ нѣчто должное, обязательное въ дѣятельности; эти хотѣнія и нехотѣнія имѣютъ прямое нравственное значеніе. Но мы хотимъ сказать, болѣе, именно что и всѣ остальные первоначальные акты воли, по своей идеѣ, не лишены его. Субъектъ хочетъ жизни, — этотъ актъ нетолько естественный, но и нравственный, потому что для конечнаго существа беречь свою жизнь, дарованную Богомъ, есть прямой долгъ. Нехотѣніе противодѣйствія, въ идеѣ, есть нехотѣніе лжи, безобразія, зла: они вызываютъ гнѣвъ, такъ какъ суть противодѣйствія нормальной и цѣнной дѣятельности. Желаніе свободы и большей дѣятельности также нравственно, ибо необходимо давать духовнымъ силамъ возможно большій просторъ и обширное приложеніе. Душа влечется ко всякому цѣнному и большему бытію, не желаетъ униженія и паденія предъ другими, стремится къ отдыху на малыхъ впечатлѣніяхъ, влечется къ союзу съ другими существами, не хочетъ разрывовъ его, желаетъ насыщенія своего, хочетъ для себя цѣннаго и значительнаго бытія. Эти хотѣнія въ основныхъ цѣляхъ не только не противорѣчатъ нравственному закону, но или прямо предполагаются имъ, наприм. влеченіе любви, сохраненіе своего достоинства, или не прямо, какъ средства для осуществленія нравственныхъ цѣлей, наприм. нехотѣніе паденія, влеченіе къ большей дѣятельности и т. д.

Слѣдовательно, если справедлива мысль, что человѣкъ можетъ становиться свободенъ только чрезъ согласіе своей дѣятельности съ нравственнымъ закономъ, то онъ свободенъ уже и потому, что его первоначальные акты имѣютъ нравственный характеръ. Они суть положительное нравственное содержаніе, съ

которымъ человѣческая душа приступаетъ къ осуществленію задачъ земной жизни.

Первоначальныя хотѣнія и влеченія и т. д. служатъ основами, на которыхъ развивается дальнѣйшая человѣческая дѣятельность. Они реализируются въ наклонностяхъ и стремленіяхъ, привычкахъ, получаютъ приложеніе въ конкретныхъ желаніяхъ, хотѣніяхъ, отвращеніяхъ и нехотѣніяхъ, въ томъ, что мы назвали третичными актами воли. Воля устанавливаетъ цѣли, избираетъ средства для нихъ, и такъ какъ цѣли во многихъ случаяхъ требуютъ многихъ средствъ одновременно или послѣдовательно, то воля предпринимаетъ часто цѣлые ряды хотѣній и соотвѣтствующихъ имъ дѣйствій. Спрашивается, на сколько человѣкъ въ этой конктретной своей дѣятельности остается свободнымъ?

При конкретномъ примѣненіи первоначальныхъ актовъ воли весьма важное значеніе имѣетъ познавательная дѣятельность. Не даромъ всеобщее убѣжденіе ставитъ возможность свободы для человѣка въ связь съ фактомъ обладанія разумомъ. Чѣмъ же онъ помогаетъ волѣ быть свободною? Тѣмъ прежде всего, что онъ даетъ ей возможность опознаться среди окружающихъ существъ, вещей и явленій; сравнивая и изучая вещи, онъ узнаетъ связь причинъ и дѣйствій и открываетъ, какіе результаты какими средствами, т. е. причинами, реально осуществляются. Онъ есть глазъ, который все видитъ и принимаетъ къ свѣдѣнію, что замѣчаетъ; не будь его, волѣ невозможно было бы дѣйствовать среди видимой природы. Своими знаніями внѣшняго міра умъ даетъ волѣ средства и умѣніе дѣйствовать и достигать своихъ цѣлей. Съ другой же стороны, онъ помогаетъ выясняться и вызрѣвать глубокимъ влеченіямъ воли, такъ какъ и самъ въ своей дѣятельности преслѣдуетъ цѣли, поставляемыя ею. Онъ отдаетъ отчетъ въ инстинктивныхъ и безсознательныхъ стремленіяхъ и хотѣніяхъ воли и съ точки зрѣнія ихъ оцѣниваетъ окружающія явленія и вещи. Что для воли есть безсознательное хотѣніе цѣннаго и многозначительнаго бытія, то для разума выясняется какъ стремленіе дойти до истины, обнять красоту, познать благо. Такимъ образомъ разумъ помогаетъ обнаруживаться и реализоваться свободнымъ автономнымъ влеченіямъ и хотѣніямъ воли.

И безъ такого разума воля не моглабъ быть свободною. У животныхъ есть умственный глазъ, но онъ не способенъ у нихъ

глубоко вникать въ вещи, приходить къ широкимъ обобщеніямъ и потому они рабы своихъ ассоціацій: post hoc, ergo propter hoc, вотъ все, до чего они могутъ дойти. Человѣческій разумъ изучаетъ связь причинъ и дѣйствій, онъ даетъ для воли разнообразіе цѣлей и, что особенно важно, разнообразіе средствъ для ихъ достиженія: ибо хотя причина всегда производитъ свое дѣйствіе, но многія причины могутъ производить одно и тоже дѣйствіе и слѣдовательно, по указанію разума, волѣ дается просторъ рѣшенія при выборѣ средствъ и она не принуждается невольно, какъ раба, прибѣгать всегда къ одному какому либо средству для осуществленія своей цѣли. Во 2-хъ, у животныхъ нѣтъ разума, выясняющаго и понимающаго основныя стремленія ихъ воля. Конечно, слѣдуетъ предположить, съ одной стороны, что, кромѣ самыхъ общихъ хотѣній и влеченій, у нихъ нѣтъ другихъ, особенно имѣющихъ прямое нравственное значеніе (напр. нехотѣнія паденія, влеченія къ духовному союзу, къ цѣнному и многозначительному бытію и т. д., хотѣнія согласія своей дѣятельности съ долгомъ и нравственнымъ закономъ), такъ что у нихъ не можетъ выработаться разумъ, какъ нравственная сила съ стремленіями къ истинѣ, красотѣ и благу, а съ другой, по всей вѣроятности, и разумъ ихъ слишкомъ не совершенъ и не можетъ подниматься до обобщеній цѣлей и задачъ. Вотъ между прочимъ почему мы животнымъ не приписываемъ свободы.

Слушаясь указаній разума, воля не можетъ не быть автономною и слѣдовательно, свободною. Когда онъ открываетъ ей фактическую связь и зависимость явленій, онъ ни къ чему не обязываетъ волю, ничего не предрѣшаетъ. Это зависитъ отъ нея, какую цѣль она изберетъ и какія употребитъ средства для ея осуществленія. Уже потому разумъ не можетъ быть преградою и стѣсненіемъ для свободы воли, что, въ сущности, онъ послушный рабъ этой же воли. Онъ занимается тѣмъ лишь, чѣмъ интересуется послѣдняя, его дѣятельность направляется, сосредоточивается и поддерживается ничѣмъ инымъ, какъ влеченіями и энергіей воли: въ сущности, разумъ есть познающая воля и какъ таковая, она есть одна изъ формъ все той же единой, составляющей сущность души, воли, отраженіе и реализація послѣдней въ познаніи. Если воля, какъ говорятъ повинуется указаніямъ разума, то это значитъ, что она повинуется самой себѣ: ибо отъ нея въ концѣ концовъ зависитъ руководиться или неруководиться его указаніями.

Итакъ, если воля дѣйствуетъ въ согласіи съ разумомъ, то не въ силу рока или необходимости, а потому, что она хочетъ такого согласія, и такъ какъ разумъ въ своей дѣятельности подчиняется волѣ и руководится ею, то опредѣленіе ея чрезъ разумъ есть въ сущности самоопредѣленіе. Она при этомъ остается автономною. Равно, когда она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чувствованій, она также лишь самоопредѣляется: ибо отъ ея попустительства и заранѣе опредѣленнаго рѣшенія зависитъ, почему получаетъ силу тотъ или другой мотивъ. Этотъ пунктъ такъ подробно разъясненъ нами въ своемъ мѣстѣ, что нѣтъ надобности теперь останавливаться на немъ еще.

Но можетъ быть, самоопредѣляющаяся воля все таки не свободна. Пусть дѣйствованіе подъ вліяніемъ разума и чувствованій есть лишь самоопредѣленіе воли, но вѣдь не безпричинно же она дѣйствуетъ въ томъ или другомъ направленіи: есть внутренній механизмъ воли, въ силу котораго каждое ея дѣйствіе есть результатъ предшествующихъ опредѣленій и рѣшеній и быть можетъ, этотъ механизмъ, не зависящій существенно ни отъ чего внѣшняго, производитъ различные акты съ необходимостію.

Мы дѣйствительно, допускаемъ существованіе механизма воли. Прежде всего, мы допускаемъ, первоначальныя апріорныя данныя въ ней, которыя опредѣляютъ группы и категоріи всѣхъ конкретныхъ хотѣній и желаній, нехотѣній и отвращеній и думаемъ, что послѣднія развиваются именно на основаніи первыхъ, и безъ нихъ не могли бы существовать. Мы знаемъ, что относительная глубина первоначальныхъ хотѣній и желаній, разъ на всегда опредѣленная, одинаковая или неодинаковая у всѣхъ— въ данномъ случаѣ все равно, не подлежитъ измѣненіямъ въ теченіи всей земной жизни; степени различныхъ хотѣній опредѣляются значеніемъ впечатлѣній и мѣрою, съ которою мы подступаемъ къ нимъ, и отъ произвола зависѣть не могутъ.

Во многихъ случаяхъ скопленіе силы, энергіи воли зависитъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ поводовъ, но не всегда, и это обстоятельство дѣлаетъ насъ свободными. Почему дѣйствуетъ въ насъ то или другое хотѣніе и желаніе, это не зависитъ отъ степени и глубокости ихъ, а отъ сосредоточенія энергіи на нихъ. Самое глубочайшее хотѣніе и влеченіе можетъ остаться безъ послѣдствій и ничѣмъ не высказаться, если оно не привлекло къ себѣ энергіи воли. Случайное и слабое по степени желаніе можетъ воспреобладать надъ постояннымъ и вы-

сокимъ по степени, если случайно воля сосредоточится надъ первымъ. Такое сосредоточеніе энергіи можетъ происходить и по разсмотрѣннымъ нами поводамъ и причинамъ, но можетъ быть сдѣлано самою волею, по ея прозволу. Случайныя и слабыя хотѣнія она дѣлаетъ сильными и переходящими въ осуществленіе, и на оборотъ, глубокія и сильныя хотѣнія ослабляетъ, лишая ихъ энергіи, противопоставляя имъ другія еще болѣе сильныя, хотя не столь глубокія. Въ этомъ фактѣ заключается причина подвиговъ и преступленій: люди сосредоточиваютъ энергію на извѣстныхъ хотѣніяхъ, собственно не глубокихъ, и осуществляютъ ихъ въ дѣйствительности, не смотря ни на что. Направленіе, сосредоточеніе энергіи, отниманіе ея отъ влеченій и другихъ хотѣній, зависятъ во многихъ случаяхъ отъ воли и именно потому, что она можетъ это дѣлать, мы должны считать ее свободною.

Но спрашивается, какъ это возможно? Чѣмъ воля руководится, сосредоточивая свою энергію на томъ или другомъ хотѣніи или желаніи? Она можетъ попускать себя поддаваться дѣйствію внѣшняго впечатлѣнія и такъ сказать, дозволять ему обнаруживать свою силу, возбуждать энергію хотѣнія. Такъ, сильно голодный имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сильное хотѣніе ѣсть, когда онъ признаетъ возможнымъ удовлетвореніе его: если же почему либо послѣднее неудобно для него или невозможно, то онъ или подавляетъ его (въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильно голодный можетъ нехотѣть ѣсть), или противопоставляетъ ему другія болѣе сильныя хотѣнія. Иногда, сосредоточивая энергію, воля руководится временно возникающими своими же нуждами и потребностями, наприм. когда, для удовлетворенія влеченія къ наукѣ, ученый принимается за ученое изслѣдованіе или артистъ за изученіе искусства и т. д. Въ иныхъ случаяхъ она руководится указаніями ума, когда онъ показываетъ, наприм., какого средства слѣдуетъ желать для осуществленія извѣстной цѣли, или какая цѣль наиболѣе навязывается наличными обстоятельствами, какая важнѣе и предпочтительнѣе другихъ и т. под. Но прежде всего и болѣе всего, она слѣдуетъ своимъ собственнымъ глубокимъ влеченіямъ и хотѣніямъ, нехотѣніямъ и отвращеніямъ, и при томъ въ соотвѣтствіи съ степенями хотѣній и желаній. Мы уже говорили, что глубочайшія состоянія воли имѣютъ болѣе шансовъ быть осуществленными, чѣмъ менѣе глубокія, и высокія степени ихъ—чѣмъ низкія. Лишь временно

послѣднія могутъ пріобрѣтать силу, перевѣшивающую силу первыхъ, но въ большинствѣ случаевъ, вообще въ жизни, энергія слѣдуетъ за высшими степенями и глубиною хотѣній.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ сосредоточенія энергіи воля, въ сущности, самоопредѣляется: чрезъ одни modi ея вызываются другіе и послѣднія рѣшенія принадлежатъ опять таки волѣ. Она сильно желаетъ нѣкоторыхъ цѣлей, средствъ, потому что болѣе или менѣе глубоко хочетъ ихъ. Мы приходимъ такимъ образомъ къ факту хотѣній, которымъ ничто не предшествуетъ, которыя условливаются одною волею. Эти хотѣнія, какъ апріорные акты, начинаютъ собою ряды дѣйствій земной жизни и къ нимъ же постоянно возвращается душа, какъ къ послѣднимъ ultimae rationes, ничѣмъ не обусловленнымъ, кромѣ ея собственной, таковой, а не другой, природы.

Теперь понятно, какимъ образомъ съ нашей точки зрѣнія человѣкъ можетъ быть отвѣтственнъ за свои дѣйствія, за что и почему онъ наказуемъ за нихъ. Онъ можетъ быть порицаемъ только за дурное, не надлежащее, конкретное приложеніе своихъ общихъ влеченій, а ни какъ не за послѣднія. Ни какой законъ не отрицаетъ у человѣка права хотѣть жизни: онъ запрещаетъ только ставить его выше долга, наприм. въ битвѣ на войнѣ; никто не отрицаетъ отъ субъекта права не хотѣть противодѣйствія, но законъ запрещаетъ прилагать его въ отношеніи высшей воли, напр. закона; никто не запрещаетъ хотѣть наслажденія, но только не всякими, какими угодно, средствами достигать его, или хотѣть его тамъ, гдѣ слѣдуетъ работать. Похвально желаніе для себя цѣннаго и значительнаго бытія, но дурно, когда оно преувеличивается до того, что человѣкъ считаетъ себя въ правѣ всюду выставлять свое „я“ впередъ и только себѣ приписываетъ большую цѣнность. Наказуемы и достойны порицанія приложеніе влеченія, хотѣнія и т. д. не къ мѣсту и не ко времени, осуществленіе средствами, противорѣчащими другимъ нравственнымъ хотѣніямъ, наконецъ осуществленіе влеченія въ слишкомъ преувеличенныхъ размѣрахъ.

Во многихъ преступленіяхъ и просто неправильныхъ дѣйствіяхъ главныя причины суть не развитость ума, ошибки и небрежность его. Люди часто не понимаютъ, что собственно они дѣлаютъ, не предвидятъ возможныхъ послѣдствій своего дѣла, или понимая важность того, что они дѣлаютъ, небрегутъ относиться къ нему внимательно и рачительно и хорошо вникать

въ него. Понятны мотивы, по которымъ Сократъ пришелъ къ своему выводу, что добродѣтель есть знаніе: чтобъ быть добродѣтельнымъ, надобно умѣть быть таковымъ. Во многихъ случаяхъ человѣкъ расплачивается за свои старые грѣхи, за πρῶτον ψεῦδος, допущенный гораздо прежде въ развитіи человѣкомъ своего характера, нерадѣніе въ самовоспитаніи, за неразвитіе привычки слушаться указаній ума, или хотѣній и влеченій воли, до нѣкоторой степени провѣренныхъ умомъ, за не хотѣніе противодѣйствовать и противостоять другимъ хотѣніямъ, когда между тѣмъ умъ признавалъ это нужнымъ, и когда самъ субъектъ признавалъ ихъ противорѣчіе нравственнымъ хотѣніямъ, за лѣнь и апатію въ собственномъ своемъ дѣлѣ, при которыхъ субъектъ попускаетъ совершиться въ себѣ всему, лишь бы избѣгнуть внутренней борьбы, необходимости собирать энергію, чтобы противостать неправильнымъ хотѣніямъ и желаніямъ и т. д.

Иногда, какъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, человѣкъ запутывается въ неправильностяхъ приложенія влеченій до того, что теряетъ умѣнье правильно прилагать ихъ и ослабѣваетъ въ господствѣ надъ собою до того, что не можетъ противостоять очевидно не правильнымъ хотѣніямъ и желаніямъ. Для такихъ людей не возможно возстаніе и общество справедливо поступаетъ, что, не ожидая отъ нихъ возрожденія, такъ или иначе освобождается отъ нихъ. Такія личности виновны не столько за послѣднее содѣянное преступленіе, сколько за всю свою дѣятельность, начиная съ первыхъ ложныхъ своихъ шаговъ, которые были сдѣланы небрежно и съ полнымъ сознаніемъ ихъ не вѣрности. Вѣдь и въ преступной волѣ есть своя логика и одна ошибка, или намѣренная неправильность ведетъ за собою другую, третью и т. д.

Такъ какъ для правильнаго функціонированія воли большое значеніе имѣетъ разумъ, то понятно, что доказанная невозможность знать правильно положеніе обстоятельствъ и отдать себѣ отчетъ, что̀ собственно дѣлается въ томъ или другомъ случаѣ, должна вести къ снятію съ субъекта виновности и отвѣтственности за поступокъ. Такъ во 1-хъ, если доказано, что человѣкъ страдаетъ иллюзіями и галлюцинаціями и въ извѣстномъ случаѣ представлялъ себѣ не то, что есть на самомъ дѣлѣ, то онъ не можетъ быть обвиненъ, хотя бы онъ и совершилъ дѣйствіе, преслѣдуемое закономъ. Во 2-хъ, доказанная слабость интеллекта,

не могущаго отдать правильный отчетъ въ дѣяніяхъ и обстоятельствахъ, при которыхъ прилагается общее хотѣніе, также снимаетъ отвѣтственность съ субъекта. На этомъ основаніи идіоты, дѣти, въ которыхъ не предполагается полный разумъ, освобождаются отъ отвѣтственности, первые вполнѣ, а вторыя до извѣстнаго лишь возраста, за которымъ они уже признаются до нѣкоторой степени отвѣтственными. Я думаю, что всякого рода ненормальныя состоянія организма, болѣзни (наприм. беременность) только въ томъ случаѣ могутъ снимать отвѣтственность съ субъекта за дѣйствіе, когда будетъ доказано, что эти состоянія вели за собою или галлюцинаціи и иллюзіи, или слабость интеллекта. Но когда они увеличиваютъ только раздражительность воли, но механизмъ ея остается не разстроеннымъ и вліяніе ея не ослаблено, то быть можетъ, есть основанія для смягченія наказанія, а никакъ не полнаго освобожденія отъ него.

Съ точки зрѣнія Психологіи мы считаемъ вопросъ о свободѣ человѣческой воли исчерпаннымъ и потому здѣсь остановимся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вниманіе. Сознаніе. Самосознаніе.

Что такое *вниманіе?* Когда мы говоримъ о невнимательности слушателя, то отсутствіе чего собственно предполагаемъ въ немъ? Онъ пропускаетъ мимо ушей всё, что мы ни говоримъ ему; невнимательный человѣкъ не видитъ, что надобно видѣть и т. д. Невниманіе есть несосредоточенность души, и напротивъ, вниманіе къ чему бы то ни было есть сосредоточеніе ея на извѣстныхъ впечатлѣніяхъ или душевныхъ состояніяхъ. Внимательный зритель или слушатель сосредоточивается умственно на внутреннихъ процессахъ, блюдетъ за чувствомъ, стремленіемъ, ходомъ мысли, за органическимъ процессомъ, о которомъ свѣдѣнія получаетъ чрезъ органическое ощущеніе, за способомъ своихъ дѣйствій, порядкомъ ихъ и т. д. Всякое духовное состояніе, доступное сознанію, можетъ быть предметомъ вниманія.

Сущность процесса вниманія состоитъ въ сосредоточеніи воли на томъ или другомъ духовномъ состояніи. Мы говорили уже о

волевыхъ элементахъ въ умственной дѣятельности и сердечной: безъ воли умъ не можетъ двигаться и если переходитъ отъ одного предмета къ другому, полагаетъ и отрицаетъ, то принуждается къ тому волею; равно, нѣтъ сердечнаго движенія безъ воли: чувствованія суть показатели состояній и отношеній ея къ тѣмъ или другимъ впечатлѣніямъ. Она же движетъ нашими внѣшними чувствами, направляетъ ихъ туда сюда. Когда дѣятельность внѣшняго чувства направляется волею на извѣстный предметъ, такъ что субъектъ хочетъ видѣть его, или слушать, и т. д., то и говорятъ, что человѣкъ слушаетъ, смотритъ со вниманіемъ. Когда человѣкъ мыслитъ и хочетъ мыслить объ извѣстномъ предметѣ, сосредоточивая на процессѣ свою энергію, то о немъ говорятъ, что онъ внимательно мыслитъ. Такъ какъ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ и ума, сами по себѣ, развиваются до нѣкоторой степени самостоятельно отъ воли, и хотя процессы ихъ стоятъ въ тѣсной связи съ нею, однако, сами по себѣ отличны отъ волевыхъ состояній, то мы рѣзко различаемъ вниманіе отъ ощущеній и мышленія и практически предполагаемъ, что для присоединенія его къ нимъ требуется особый актъ и нарочное усиліе воли. Но въ чувствованіяхъ единеніе сердца съ волею такъ тѣсно, что волевой элементъ есть почти condicio sine qua non всякое чувствованіе, и потому мы не предполагаемъ, что чувствованіе нуждается въ какомъ либо вниманіи: оно и безъ особаго усилія субъекта есть уже въ чувствѣ. Смѣшно говорить, что испугавшійся долженъ внимательно думать о предметѣ страха, разгнѣвавшійся о предметѣ гнѣва, застыдившійся о предметѣ стыда и т. д. Еще менѣе умѣста говорить про желающаго что ему слѣдуетъ быть внимательнымъ къ предмету хотѣнія. Чего мы хотимъ и желаемъ, о томъ естественно и думаемъ.

Такъ какъ сосредоточеніе воли на томъ или другомъ процессѣ приноситъ съ собою энергію, то вниманіе, направленное на любое душевное состояніе, увеличиваетъ его силу. Это подтверждается опытомъ. Внимательно и невнимательно смотрящіе или слушающіе субъекты, въ сущности, получаютъ одинаковыя по качеству ощущенія свѣта и звуковъ. Но невнимательный наблюдатель не замѣчаетъ многаго, что замѣчаетъ внимательный и тогда какъ невнимательный слушатель пропускаетъ многія слова и предложенія, внимательный все слышитъ. Не то, чтобы вниманіе заставляло зрителя видѣть одинъ цвѣтъ вмѣсто другого или

повышало высоту тона; но оставляя ихъ неизмѣнными, оно усиливаетъ ощущеніе; невниманіе же ослабляетъ его. И въ умственномъ процессѣ вниманіе также усиливаетъ энергію движеній ума, ускоряетъ самый процессъ; напротивъ, невниманіе ослабляетъ энергію ума, дѣлаетъ его апатичнымъ и замедляетъ скорость движеній его. Ослабленная энергія ощущеній не позволяетъ субъекту легко сознавать ихъ и потому всё, что въ нихъ обыкновенно, не превышаетъ обыденнаго уровня силы ихъ, теряется для сознанія: невнимательный субъектъ слышитъ и видитъ только въ половину; при отсутствіи сосредоточенія на предметѣ мысли, субъектъ опускаетъ изъ виду нѣкоторыя подробности, не замѣчаетъ различій его или сходства съ другими предметами; напротивъ, сосредоточенная энергія придаетъ ясность и отчетливость обыкновеннымъ ощущеніямъ, и сосредоточенное умственное оглядыванье предмета дѣлаетъ умъ чуткимъ къ сходству и различію его отъ другихъ предметовъ, къ подробностямъ его, къ признакамъ. Такъ какъ вниманіе придаетъ силу душевнымъ состояніямъ, къ которымъ оно присоединяется, то при немъ могутъ сознаваться такія состоянія, которыя, при обычномъ ходѣ духовной жизни, бываютъ безсознательны. Извѣстенъ фактъ, что постоянное сосредоточеніе вниманія на тѣлесныхъ ощущеніяхъ, что̀ встрѣчается при нѣкоторыхъ органическихъ разстройствахъ, заставляетъ доходить до сознанія субъекта многія болѣзненныя ощущенія изъ разныхъ пунктовъ тѣла: обыкновенно слабыя, они въ моменты вниманія становятся достаточно энергичны, чтобы сознаваться. Равно понятно, почему аскеты, внимательные къ самимъ себѣ, могли, чрезъ сосредоточеніе вниманія, наслѣдить и изучить, такія движенія сердца и воли въ себѣ, которыя для простыхъ смертныхъ, не относящихся къ нимъ внимательно, остаются не замѣтны.

Вниманіе можетъ быть добровольнымъ и не добровольнымъ, активнымъ и пассивнымъ. Оно можетъ быть намѣренно прилагаемо къ тому или другому душевному дѣйствію, наприм. когда мы внимательно слушаемъ, читаемъ, размышляемъ потому, что сознательно хотимъ производить эти дѣйствія. Но оно можетъ быть и не произвольное: наприм. сила ощущеній привлекаетъ вниманіе къ себѣ: мы невольно обращаемъ вниманіе на сильный свѣтъ, звукъ и т. д. Здѣсь воля мгновенно сосредоточиваетъ свою энергію на ощущеніи, потому что впечатлѣніе глубоко затрогиваетъ физіологическую волю (см. выше). Во всякомъ силь-

номъ ощущеніи непремѣнно дается возбужденіе послѣдней и потому оно не можетъ оставаться безъ вниманія со стороны ея. Когда же сильныя впечатлѣнія дѣйствуютъ продолжительно, и истощаютъ нервы, или превращаютъ возбужденіе воли въ привычное, и слѣдовательно, малосознательное, то вниманіе къ нимъ ослабляется и субъектъ перестаетъ заниматься имъ (мельникъ на мельницѣ).

Вниманіе есть основа сознанія и самосознанія. Невозможно сознавать что бы то ни было и не быть внимательнымъ къ сознаваемому состоянію; равно не возможно сознавать себя и быть въ этотъ моментъ не внимательнымъ къ самому себѣ. Но такъ какъ вниманіе шире сознанія и самосознанія, то нельзя утверждать наоборотъ; вниманіе можетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, быть безсознательнымъ.

Сознаніе. Этотъ терминъ употребляется въ обширномъ и тѣсномъ значеніяхъ. По мнѣнію многихъ психологовъ и обыкновенному словоупотребленію, сознавать значитъ переживать то или другое душевное состояніе, такъ что объ ощущеніяхъ, мысляхъ, состояніяхъ сердца и воли говорятъ, что они суть состоянія сознанія. Въ тѣсномъ значеніи, подъ сознаніемъ подразумѣвается отнесеніе переживаемыхъ субъектомъ состояній къ себѣ, къ своей личности. По первому значенію, акты сознаванія даны вмѣстѣ со всякимъ душевнымъ состояніемъ и не отдѣлимы отъ него; по второму — оно есть актъ особенный, въ большинствѣ случаевъ, но не всегда, присоединяющійся къ переживаемому состоянію.

Не предрѣшая вопроса въ какомъ либо направленіи, мы ознакомимся прежде всего съ фактами и тогда увидимъ, какое толкованіе слѣдуетъ дать терминѣ.

Можно переживать состояніе и не относить его къ себѣ: таковы состоянія ребенка въ первые дни послѣ рожденія: онъ переживаетъ ощущеніе тепла или холода, свѣта и звуковъ, боли, но, разумѣется, нѣтъ въ немъ и мысли относить ихъ къ себѣ. Онъ просто переживаетъ, но не думаетъ, что это его личныя состоянія, такъ какъ у него нѣтъ еще ни малѣйшаго представленія о своей личности, даже о своемъ тѣлѣ. И взрослый субъектъ можетъ до такой степени быть поглощенъ впечатлѣніемъ, что онъ вполнѣ себя отождествляетъ съ нимъ, забываетъ о себѣ и потому, какъ говорятъ, теряетъ сознаніе. Даже можно не сознавать состояній средней силы: напримѣръ, волнуясь чувствомъ гнѣва, мы одновременно переживаемъ волненіе, имѣемъ волевые

элементы и представляемъ объектъ гнѣва. Но обыкновенно одна которая либо составная часть гнѣва сознается нами: или гнѣвающійся сосредоточивается на отталкиваніи отъ объекта гнѣва и желаніи вреда ему и только его сознаетъ, не сознавая другихъ элементовъ своего состоянія; или думаетъ о разгнѣвавшемъ субъектѣ, забывая о всемъ остальномъ, или занятъ своими антипатическими чувствами къ объекту гнѣва. Онъ можетъ моментально переходить отъ одного элемента гнѣва къ другому, въ каждый моментъ сознавая только одно состояніе. Но что же дѣлается съ другими состояніями, когда субъектъ сознаетъ только одно? Можно ли предположить, что, въ моментъ сознанія одного элемента гнѣва, исчезаютъ изъ души два другіе, несознаваемые? Они развиваются своимъ чередомъ, хотя и не сознаются. Но, конечно, можно переживать состоянія и относить ихъ къ себѣ, считать ихъ своими: таково большинство душевныхъ состояній.

Мы полагаемъ, что акты сознанія суть особыя дѣйствія духа, не зависимыя отъ другихъ душевныхъ состояній, переживаемыхъ нами. На основѣ чего они развиваются?

Сознаваніе состояній не возможно безъ вниманія. Кто внимательно мыслитъ предметъ, тотъ можетъ и сознавать свою мысль, кто полувнимательно относится къ дѣлу, тотъ пропускаетъ безъ сознанія многія мысли. Но сознаніе не есть только вниманіе: мы видѣли, что степени чрезвычайнаго напряженнаго вниманія бываютъ безсознательны, да и вообще можно быть дѣятельно занятымъ духовною дѣятельностію и въ то же время не сознавать, что именно мы переживаемъ свои состоянія. Чтобы явилось сознаніе, необходимо, дабы къ вниманію присоединилась мысль о себѣ, какъ субъектѣ или дѣятелѣ извѣстныхъ состояній. Вниманіе можетъ быть сосредоточено на чемъ либо одномъ, или быстро переходить отъ одного состоянія къ другому, но во всякомъ случаѣ оно предшествуетъ сознанію и есть его необходимое условіе. Когда субъектъ, обращая вниманіе на свои состоянія, начинаетъ относить ихъ къ себѣ и думать о себѣ, какъ дѣятелѣ ихъ, онъ сознаетъ эти состоянія.

Какъ показываютъ факты, сознаніе связано съ энергіей или силою душевныхъ состояній. Чтобы которое либо изъ нихъ сознавалось, для этого требуется, чтобы оно имѣло, извѣстный minimum энергіи. Когда оно не имѣетъ его, то и сознаваться не можетъ. Въ главѣ объ ощущеніяхъ мы видѣли, что впечат-

ленія тогда только возбуждаютъ сознательныя ощущенія, когда достигаютъ извѣстнаго объема, и мы нашли minimum'ы для различныхъ внѣшнихъ чувствъ. Но спрашивается, неужели впечатлѣніе, лишь не много недостигшее minimum'а, ни какого ощущенія не производитъ? Оно должно возбуждать физіологическій процессъ въ нервахъ, въ мозгѣ, и слѣдовательно, состояніе въ душѣ, подобное ощущенію, но послѣднее, по слабости своей, не можетъ сознаваться. Далѣе, тамъ же мы видѣли, что мы сознаемъ различіе между ощущеніями только въ томъ случаѣ, когда различіе между впечатлѣніями достигаетъ опредѣленной нормы, для разныхъ чувствъ различной. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ эмпирическій фактъ, прямо указывающій, что когда различіе между ощущеніями слабо, то оно не замѣчается нами, хотя оно существуетъ: никто вѣдь не скажетъ, что, при меньшемъ противъ нормы различіи въ впечатлѣніяхъ, ощущенія отъ двухъ абсолютно различныхъ впечатлѣній совершенно равны: они различны, но слабое различіе не сознается. Затѣмъ, кто не знаетъ фактовъ, что многое въ насъ безсознательно мыслится, связывается, расчленяется, выводится безъ малѣйшаго сознательнаго усилія со стороны субъекта, невѣдомо для него. Въ безсознательной глубинѣ души совершаются измѣненія убѣжденій, взглядовъ, происходятъ глубокія теченія мыслей и только иногда, къ изумленію субъекта, открывается, что перемѣны совершались безъ его вѣдома. Только тѣ изъ мыслей етановятся сознательными, которыя случайно или по особымъ усиліямъ воли ad hoc получаютъ достаточную для того силу, энергію. Далѣе, по всей вѣроятности, многія, глубокія даже, чувствованія переживаются, не сознаваясь нами: они могутъ быть очень слабы, не имѣть достаточнаго minimum энергіи, чтобы сознаваться субъектомъ. Мы въ свое время разбирали вопросъ о безсознательныхъ хотѣніяхъ и влеченіяхъ, отвращеніяхъ и нехотѣніяхъ и показали, что они должны быть безсознательно хранимымъ душою достояніемъ.

Слабыя состоянія, хотя бы они были глубокія и высокія по степени, не сознаются, потому что, по слабости своей энергіи, они неуловимы для сознанія субъекта. Съ другой стороны, излишекъ энергіи также препятствуетъ сознаванію состояній. Впечатлѣніе можетъ поглощать все наше вниманіе до такой степени, что лишаетъ насъ способности сознавать, что мы въ этотъ моментъ дѣлаемъ. Глубочайшее сосредоточенное мышленіе, поглотившее, какъ говорятъ, всего субъекта, не позволяетъ ему

сознавать въ этотъ моментъ себя и свои дѣйствія. Тоже самое говорятъ о творчествѣ, особенно о моментахъ художническаго вдохновенія. Сильные порывы чувства, наприм. изступленный гнѣвъ, ужасъ, радость, горе, сильнѣйшій стыдъ и подобныя аффективныя состоянія лишаютъ человѣка способности сознавать свои состоянія. Величайшее сосредоточеніе воли на объектѣ, когда субъектъ, такъ сказать, весь отдается хотѣнію, влеченію и т. д. сопровождается также безсознательностію. Субъектъ все это переживаетъ, продѣлываетъ какъ и всегда, но не сознаетъ того, что дѣлаетъ.

Относительно слабыхъ состояній душевныхъ не можетъ быть недоумѣній, почему они не сознаются: они неуловимы для сознанія. Но почему необыкновенно сильныя состоянія перестаютъ сознаваться? На это можно представить слѣдующія два основанія. Во 1-хъ, когда энергія души сосредоточена на одномъ какомъ либо состояніи, будетъ ли то ощущеніе, мысль, чувство, хотѣніе, то для нея нѣтъ уже возможности въ этотъ моментъ думать о себѣ, о томъ, что переживаемое состояніе принадлежитъ ей. Сильное сосредоточеніе энергіи на одномъ состояніи исключаетъ возможность рефлективнаго акта и такъ какъ онъ необходимъ для сознанія и есть существенный элементъ его, то невозможность перваго ведетъ за собою невозможность и второго. Когда душа вся поглощена чувствомъ, или желаніемъ, ей некогда думать, что эти состоянія принадлежатъ ей. Во 2-хъ, при всѣхъ необыкновенныхъ по силѣ состояніяхъ, теряется возможность контроля и самообладанія. Власть воли надъ душевными состояніями тогда исчезаетъ; къ необыкновенно сильному состоянію воля ничего не можетъ отъ себя прибавить, или отъ него убавить, или какъ нибудь видоизмѣнить его: она не господствуетъ надъ состояніемъ, а подчиняется ему. Тогда оно становится внѣ воли и такъ какъ послѣдняя составляетъ самую природу души, то вышедшее изъ подъ контроля воли состояніе становится какъ бы не принадлежащимъ душѣ и не сознается ею.

Дѣйствительно, сознаніе имѣетъ прямую связь съ волею. Сознавать дѣйствіе или состояніе значитъ считать его принадлежащимъ себѣ, слѣдовательно, имѣть къ нему отношеніе своею волею. Это не значитъ непремѣнно хотѣть его, но имѣть отношеніе къ впечатлѣнію волею можетъ означать и нехотѣніе или просто терпѣніе необходимости его, напримѣръ, когда оно вынуждается внѣшними обстоятельствами. Однихъ состояній душа

хочетъ, другихъ не желаетъ и отвращается, къ третьимъ относится пассивно, вынуждается къ нимъ внѣшними впечатлѣніями и такого рода вынужденіе душа допускаетъ охотно, пріучившись къ тому долгою жизнію подъ внѣшними вліяніями. Всѣ состоянія, которыя имѣютъ то или другое или третье отношеніе къ волѣ, подлежатъ до нѣкоторой степени контролю воли: она можетъ усиливать ихъ энергію или ослаблять ее и потому они сознаются, т. е. приписываются волею себѣ. Но чрезвычайно сильныя и слабѣйшія, чѣмъ обыкновенныя, состоянія стоятъ внѣ воли: одни по своей неуловимости и малости, другія потому, что захватываютъ всю душевную энергію и по своей громадной силѣ не могутъ быть ни на одну іоту измѣнены волею: они потому изъемлются изъ подъ контроля воли, стоятъ внѣ отношеній къ ней и несознаются.

Предположеніе, что источника сознанія слѣдуетъ искать въ волѣ, объясняетъ намъ нѣкоторыя стороны его. Во 1-хъ, оно объясняетъ намъ связь сознанія съ вниманіемъ. Полное отсутствіе послѣдняго дѣлаетъ невозможнымъ первое: чтобы сознавать какое бы то ни было состояніе, надобно прежде обратить на него хотя мимолетное вниманіе, такъ что во всякомъ актѣ сознанія данъ и актъ вниманія. Но послѣднее, какъ мы видѣли, тѣсно связано съ волею, съ сосредоточеніемъ ея энергіи на душевномъ состояніи. Такое же до нѣкоторой степени сосредоточеніе энергіи воли есть и въ сознаніи, при которомъ душа признаетъ состояніе своимъ, себѣ принадлежащимъ. Съ другой стороны, понятно, почему глубочайшее вниманіе исключаетъ сознаніе: въ минуты перваго воля чрезвычайно сосредоточивается на извѣстной дѣятельности, на ощущеніи или мышленіи, и потому происходитъ тоже самое, что бываетъ при сильнѣйшемъ хотѣніи: оно изъемлется изъ подъ контроля воли, по своей силѣ, и становится безсознательнымъ.

Во 2-хъ, упомянутая связь сознанія съ волею объясняетъ намъ, почему сознаніе можетъ быть намѣренно направлено на различныя душевныя состоянія: я могу произвольно сознавать то или другое свое ощущеніе, то или другое чувство и состояніе воли. Такъ какъ сознаніе предполагаетъ вниманіе, какъ необходимую почву, безъ которой оно явиться не можетъ, а вниманіе можетъ быть актомъ произвольнымъ, то таковымъ же можетъ быть и сознаніе. Конечно, оно иногда развивается и невольно, когда внѣшнія обстоятельства и сила состояній принуж-

дают насъ сознавать ихъ: наприм. сильное чувство боли неизбѣжно привлекаетъ къ себѣ вниманіе и сознаніе.

Въ 3-хъ, такъ какъ сознаніе можетъ быть произвольнымъ, то оно можетъ сопровождаться контролемъ сознаваемыхъ состояній, сдерживаніемъ, умѣреніемъ ихъ, а иногда усиленіемъ. Языкъ слово „сознаніе“, часто отождествляетъ съ волевымъ контролемъ состояній, а безсознательность съ отсутствіемъ его. Дѣйствовать съ сознаніемъ значитъ имѣть возможность самообладанія, управленія собою; дѣйствовать безсознательно значитъ быть лишеннымъ этой способности. Наоборотъ, способность контроля, самообладанія и самоуправленія языкъ иногда отождествляетъ съ сознаніемъ: наприм. о ребенкѣ до извѣстнаго возраста говорятъ, что онъ не можетъ дѣйствовать съ полнымъ сознаніемъ; очевидно, въ этомъ случаѣ предполагается, что въ сознаніи есть не только отнесеніе состоянія къ себѣ, но и управленіе собою и всѣми своими состояніями.

Здѣсь само собою возникаетъ вопросъ: какъ душа можетъ переживать безсознательныя состоянія и въ какомъ видѣ они переживаются? Не есть ли безсознательное, напримѣръ, представленіе или чувствованіе въ своемъ родѣ contradictio in adjecto и какъ можетъ душа одновременно быть въ многихъ состояніяхъ? Но съ фактами ничего не остается дѣлать, какъ признать ихъ, какъ бы они ни казались намъ странными. Въ виду множества фактовъ изъ всѣхъ областей душевной дѣятельности, мы не видимъ надобности нарочно, во что бы то ни стало, избѣгать предположенія, что безсознательныя состоянія существуютъ. Какъ они возможны и какъ переживаются душою, этотъ вопросъ даже страненъ. Мы часто во очію видимъ и сами подъ часъ испытываемъ, какъ такія состоянія переживаются. Вѣдь бываютъ же и съ нами минуты глубокаго, нераздѣльнаго вниманія, сильнѣйшаго умственнаго погруженія въ нѣкоторыя задачи и вопросы, сильнѣйшихъ сердечныхъ движеній. Факты на лицо, что безсознательныя состоянія существуютъ и переживаются душою. Такимъ же способомъ переживаются состоянія безсознательныя по слабости энергіи. Они занимаютъ душу, требуютъ отъ нея незначительнаго напряженія, но слабость энергіи ни мало не мѣшаетъ имъ существовать.

Что же касается до того возраженія, что безсознательныя состоянія души суть своего рода contradictio in adjecto, то оно въ данномъ случаѣ неумѣстно. Если бы мы говорили, что

ощущеніе не ощущается, чувство не чувствуется, представленіе не представляется и т. д., то мы допускали бы указанное противорѣчіе. Но вѣдь что мы утверждаемъ? Мы говоримъ, что состояніе душевное можетъ существовать и быть внѣ воли, не быть относимымъ ею къ лицу, слѣдовательно, быть не сознаваемымъ. Актъ отнесенія состоянія къ себѣ можетъ быть вмѣстѣ съ состояніемъ и можетъ не быть съ нимъ; душевное состояніе можетъ существовать съ такимъ актомъ, но ничего особенно не теряетъ и безъ него. Нужно отбросить мысль, ставшую аксіомою у нѣкоторыхъ психологовъ, что не сознавать состоянія значитъ не имѣть его. Въ огромномъ числѣ душевныхъ фактовъ актъ сознанія данъ вмѣстѣ съ ними: но, какъ мы видѣли, онъ можетъ и отдѣляться, не быть даннымъ вмѣстѣ съ состояніемъ и послѣднее существуетъ безъ него.

Но не окажется ли тогда новый странный выводъ, что душа одновременно можетъ переживать множество состояній? объ этомъ мы уже говорили въ главѣ о памяти и здѣсь сдѣлаемъ краткое напоминаніе читателю о сказанномъ. Необходимо различать одновременное сознаваніе многихъ состояній отъ переживанія ихъ. Мы соглашаемся, что первое невозможно. Сознаніе состоянія невозможно безъ вниманія къ нему, послѣднее безъ сосредоточенія энергіи воли; чтобы сознаваніе произошло, необходимо, чтобы воля отнесла къ себѣ извѣстное состояніе. Но сосредоточеніе ея не можетъ происходить одновременно на многихъ состояніяхъ. Здѣсь мы готовы приложить общій законъ физики, что одновременное движеніе одного и того же тѣла въ разныхъ направленіяхъ, исключающихъ одно другое, невозможно. Воля не можетъ направлять свою энергію на два, на три состоянія и слѣдовательно, одновременное сознаваніе многихъ состояній немыслимо. Однако, мы не видимъ основанія, почему этотъ принципъ долженъ прилагаться вообще къ состояніямъ души. Тѣло можетъ имѣть нѣсколько движеній: наприм. земля имѣетъ поступательное вокругъ солнца, вращеніе около своей оси и движеніе общее вмѣстѣ со всею нашею солнечною системою. И можно представить еще, что она могла бы вращаться по экваторіальной оси; въ одно и тоже время она притягивается солнцемъ и стремится по касательной; одинъ и тотъ же атомъ въ одно и тоже время можетъ возбуждать колебанія свѣтоваго эѳира, воздуха, быть непроницаемымъ и т. д., слѣдовательно, имѣть одновременно различныя состоянія, въ силу которыхъ онъ

и обнаруживаетъ себя различнымъ многостороннимъ образомъ. Ничто не мѣшаетъ и душѣ быть въ различныхъ состояніяхъ одновременно, лишь бы они не исключали одно другое; такъ какъ безсознательныя состоянія представляютъ силу напряженія весьма малую, то нельзя думать, что душа не могла бы вынести трату энергіи на такія состоянія и чтобы эти траты были огромныя. Какъ постоянное поглощеніе свѣта или отраженіе его не утомляютъ и не истощаютъ силъ тѣлъ, которыя дѣлаютъ то и другое, и равно, тѣло не утомляется отъ того, что оно постоянно гладко или шероховато, потому что эти явленія въ нихъ суть обыкновенныя состоянія взаимодѣйствія, къ которому они призваны своимъ бытіемъ, въ чемъ сказывается ихъ жизнь и дѣятельность, такъ и первоначальныя состоянія воли, мысли и движенія ихъ, чувствованія разныхъ степеней продолжаютъ actu быть въ душѣ, взаимодѣйствуя одно на другое, комбинируясь въ новыя сочетанія и т. д. и душа не томится тѣмъ, не истощается. Въ этомъ и состоитъ жизнь ея и въ этой безсознательной области совершаются глубокой важности явленія, которыхъ, быть можетъ, лишь незначительная доля присвояется волею субъекта себѣ, т. е. сознается.

Сознаніе мы назвали присвоеніемъ своихъ состояній себѣ; *самосознаніе*, къ которому мы теперь обратимся, слѣдуетъ назвать присвоеніемъ себя самого себѣ же самому. На подобіе того, какъ въ сознаніи мы относимъ къ себѣ многоразличныя свои состоянія и дѣйствія, такъ въ самосознаніи мы относимъ свою живую и дѣйствующую личность къ себѣ самому и отождествляемъ съ собою то, что живетъ и дѣйствуетъ въ насъ. Постараемся отдать отчетъ въ различныхъ элементахъ самосознанія.

Во-1-хъ, въ немъ прежде всего есть актъ сознанія, т. е. отнесенія различныхъ состояній къ себѣ. При сознаніи себя самаго, предполагается, что субъектъ относитъ къ себѣ свои состоянія, т. е. присвояетъ ихъ себѣ: если бы такого присвоенія не было, не могло бы быть и самосознанія; оно не имѣло бы для себя почвы, повода и не могло бы реализироваться въ какомъ либо содержаніи.

Во-2-хъ, присутствіе сознанія въ самознаніи предполагаетъ и присутствіе вниманія, какъ condicio-sine qua non сознаніе. Въ самосознаніи вниманіе направляется не только на содержаніе психической жизни и дѣятельности, въ которой сказывается природа самосознающаго существа, но и преимущественно на причину

ихъ, субъекта, какъ виновника всякой дѣятельности. Безъ вниманія не возможно было бы сознаніе, какъ присвоеніе себѣ своей дѣятельности, невозможно было бы умственное сосредоточеніе на себѣ, какъ субъектѣ различныхъ своихъ состояній, слѣдовательно невозможно и самосознаніе.

Въ самосознаніи есть теоретическій элементъ: мысль о себѣ, какъ причинѣ и субъектѣ своей жизни и дѣятельности, или своихъ состояній вообще. Это самопредставленіе выражается въ нашемъ „*я*“, подставляемомъ нами при нашихъ состояніяхъ, какъ ихъ причина, субъектъ, основа.

Но одно теоретическое представленіе себя, какъ причины своихъ состояній, еще не можетъ объснить намъ всего самосознанія. Теоретическій элементъ объясняетъ, что въ немъ мы выдѣляемъ себя, какъ причину своихъ состояній, и отличаемъ себя въ этомъ качествѣ отъ всѣхъ другихъ предметовъ. Но если бы существовало одно самопредставленіе наше различеніе себя отъ другихъ предметовъ было бы столь же холодно и теоретично, какъ мы различаемъ стулъ отъ стола, домъ отъ книги. Между тѣмъ, противополагая себя другимъ предметамъ, мы съ особенною силою производимъ такое противоположеніе и какъ бы особенно чувствуемъ эту отдѣльность отъ всего иного, свою самостоятельность и обособленность. Поэтому мы должны отыскать еще другой, болѣе важный элементъ самосознанія, который служитъ истинною основою указаннаго противоположенія себя всему внѣшнему и постороннему. Каковъ долженъ быть этотъ элементъ, на то указываетъ намъ присутствіе вниманія и сознанія въ самосознаніи.

Мы видѣли, что въ двухъ первыхъ принимаетъ участіе воля: вниманіе есть собственно сосредоточеніе ея на впечатлѣніи или душевномъ процессѣ; сознаніе есть присвоеніе состоянія волею субъекта себѣ. Слѣдовательно, если они входятъ въ содержаніе самосознанія, то въ немъ должна участвовать и воля. Послѣ произведеннаго нами анализа чувства и воли, намъ не трудно отыскать, какое значеніе она имѣетъ для самосознанія.

Въ состояніяхъ и актахъ воли субъектъ данъ реально, какъ стремящееся существо, которое присвоиваетъ ихъ себѣ, какъ свои дѣйствія и состоянія. Содержаніе и смыслъ многихъ волевыхъ состояній имѣетъ прямое отношеніе къ самому стремящемуся субъекту. Человѣкъ хочетъ жизни, но конечно для *себя*, и это „*себя*“ является ему рельефно въ минуты опасности; онъ

не хочетъ противодѣйствія *себѣ*, и это *себѣ* живо понимается имъ въ минуты гнѣва. Удовлетворяя своему желанію большаго круга дѣятельности, или неудовлетворяясь въ немъ, онъ опять живо понимаетъ, о *чьемъ* кругѣ дѣятельности тутъ идетъ дѣло. Человѣческое „себя, себѣ“ выставляется во всѣхъ влеченіяхъ хотѣніяхъ, нехотѣніяхъ, отвращеніяхъ, какъ исходный и конечный пунктъ, изъ котораго движеніе исходитъ и къ которому въ концѣ концовъ оно примыкаетъ. Это особенно слѣдуетъ замѣтить о чисто личныхъ влеченіяхъ и хотѣніяхъ: напримѣръ, нехотѣніе паденія въ глазахъ другихъ, желаніе цѣннаго бытія предъ другими, удовлетвореніе и неудовлетвореніе, стремленіе къ насыщенію воли прямо и не посредственно указываютъ стремящемуся субъекту его самого, какъ единственный и исключительный предметъ, котораго интересы должны быть въ этихъ стремленіяхъ соблюдены. Различныя состоянія воли при тѣхъ или другихъ хотѣніяхъ и влеченіяхъ отражаются въ чувствованіяхъ и въ нихъ субъектъ имѣетъ реальные факты, въ которыхъ на первомъ планѣ также выступаетъ онъ самъ, какъ предметъ, о которомъ при чувствованіяхъ идетъ дѣло.

Изъ всѣхъ влеченій, хотѣній и состояній воли особенно близкое отношеніе къ самосознанію имѣетъ хотѣніе цѣнности и значительности своего бытія, то хотѣніе, которое служитъ основою чувства силы. Какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, оно развивается въ связи съ ощущеніемъ мускульной силы и энергіи. Въ чувствѣ силы зрѣлаго человѣка являются элементы нравственные: оно есть чувство интеллектуальной энергіи, мощи характера. Это чувство имѣетъ мѣсто въ духовной жизни потому, что человѣкъ хочетъ для себя значительнаго и цѣннаго бытія и оттого оно неизмѣнно почти является, какъ въ дѣйствительно цѣнномъ и сильномъ существѣ, такъ и реально не цѣнномъ, но все таки воображающемъ себя таковымъ. Въ этомъ хотѣніи и основанномъ на немъ чувствѣ силы всего яснѣе дается субъекту фактъ его личности: въ нихъ онъ всего сильнѣе и живѣе долженъ чувствовать и признавать собственную самость. Что, дѣйствительно, съ указаннымъ состояніемъ воли и чувства всего болѣе связано самосознаніе, это доказывается зависимостію подъема и паденія его отъ чувства силы. Мы говоримъ о гордомъ, надменномъ самосознаніи и низменномъ, смиренномъ. Въ первомъ случаѣ сознаваніе себя дѣлается настойчивѣй и напряженнѣй, чѣмъ во второмъ: гордый и надменный какъ бы рельефно

выставляетъ себя на показъ всѣмъ, тогда какъ смиренный человѣкъ какъ бы едва смѣетъ заикнуться о себѣ предъ другими. Но малое и большое самоуваженіе и самочествованіе основываются на чувствѣ силы. Оно мало и ничтожно въ субъектѣ предъ, значительно превосходящею его, нравственною или физическою силою, и велико предъ меньшею. Предъ нисшею и меньшею братіей субъектъ настойчиво и усиленно сознаетъ себя и чувствуетъ свою цѣнность, предъ авторитетами, реальными или воображаемыми, самосознаніе менѣе напряженно: его энергія падаетъ.

Такія акты и состоянія воли и затѣмъ чувствованія такъ живо и настойчиво напоминаютъ субъекту о немъ самомъ, что мы, неколеблясь, должны признать волевые элементы самосознанія главными и первостепенными. Самопредставленіе развивается уже на основаніи ихъ и только даетъ форму и опредѣляетъ подробности факта, даннаго въ волѣ. Безъ него мы теоретически дошли бы до холоднаго различенія себя и своего тѣла отъ другихъ предметовъ, но живости и настойчивости самосознанія не было бы, т. е. не моглобъ быть настоящаго самосознанія. Важность для него волеваго элемента такъ велика, что существо, лишенное способности доходить до ясныхъ представленій и слѣдовательно, яснаго самопредставленія, но способное стремится къ чему либо для себя, или отвращаться, нельзя считать лишеннымъ самосознанія. Его индивидуальность и „я“ даны въ этихъ стремленіяхъ и оно должно живо чувствовать себя и понимать, что это значитъ стремиться для „себя“.

Такъ какъ основа самосознанія дана во влеченіяхъ, хотѣніяхъ и вообще состояніяхъ воли прежде всего, то намъ легко найти содержаніе самопредставленія и показать, почему оно должно заключать въ себѣ такіе, а не другіе элементы.

Во 1-хъ, въ духовной жизни каждаго индивидуума имѣетъ огромное значеніе физіологическая воля. Ея состоянія обнаруживаются въ наслажденіяхъ и страданіяхъ тѣлеснаго характера, ея дѣйствія въ хотѣніяхъ и влеченіяхъ (голодъ, жажда, стремленіе къ покою и дѣятельности), ея энергія въ чувствѣ мускульной силы. Физіологическая воля развивается прежде всякой другой формы воли, такъ что она прежде всего напоминаетъ субъекту о немъ самомъ. Но напоминая ему о немъ самомъ, она въ тоже время постоянно напоминаетъ и о тѣлѣ, которое есть главный предметъ ея желаній и влеченій. Благодаря двойному

осязанію, мы пріучаемся еще въ раннемъ дѣтствѣ выдѣлять свое тѣло отъ всякихъ другихъ постороннихъ предметовъ. Но одно двойное осязаніе могло бы научить насъ смотрѣть на него, какъ на что то особенное и даже странное среди другихъ предметовъ, если бы внутри его дѣйствующая физіологическая воля ненапоминала о субъектѣ, насъ самихъ, для которыхъ нужно одно или другое, третье, если бы въ энергіи мускуловъ и вообще жизненныхъ физіологическихъ процессахъ не оказывалась энергія воли, тоже напоминающая намъ о себѣ, какъ пунктѣ, изъ котораго исходятъ всѣ движенія ея. Это послѣднее обстоятельство и есть главная причина, почему мы считаемъ тѣло своимъ и отождествляемъ себя съ нимъ. На первыхъ порахъ развитія, пока моральная и интеллектуальная дѣятельность не развита, самосознаніе отождествляется съ представленіемъ собственнаго тѣла, какъ причины душевныхъ состояній, какъ мѣста, гдѣ совершаются душевныя явленія, или точнѣе, обиталища того „себя“ „я“, которое всегда подстановляется въ жизни и дѣятельности какъ нѣчто хотящее, нехотящее, страдающее, удовлетворяющееся и т. д. Именно потому, что воля такъ много занята нуждами и потребностями тѣла и ея сила постоянно сказывается между прочимъ, какъ гибкость, эластичность и энергія тѣлесной силы и дѣятельностей организма, представленіе тѣла, т. е. собственной фигуры, входитъ и въ зрѣлое самопредставленіе и самосознаніе. Когда мы думаемъ о себѣ, называемъ себя, мы всегда представляемъ себя, какъ извѣстный намъ тѣлесный образъ, извѣстнаго объема, извѣстной подвижности, силы и т. д.

Во 2-хъ, многія хотѣнія и влеченія имѣютъ предметомъ своимъ цѣнность и многозначительность бытія и дѣятельности субъекта. Одни изъ нихъ связаны какъ мы видѣли, съ положеніемъ лица въ Іерархіи духовъ, слѣдовательно, съ отношеніями его къ другимъ существамъ, другія просто съ бытіемъ лица, въ качествѣ цѣннаго и значительнаго существа. При всякомъ таковомъ хотѣніи и влеченіи субъекту фактически дается онъ самъ, какъ предметъ, о которомъ идетъ въ нихъ дѣло и для котораго совершается весь процессъ. Поэтому въ самосознаніи должно быть сознаваніе съ одной стороны цѣнности и значительности собственныхъ духовныхъ силъ, съ другой,—значительности мѣста и положенія, занимаемаго субъектомъ въ общественной или служебной Іерархіи. Такъ какъ воля есть primum movens въ дѣятельности ума, воображенія и чувства, то вся гибкость, сила, успѣш-

ность духовной дѣятельности, а равно, и вся сила характера, энергіи хотѣній и влеченій, присвояется ею себѣ и это есть самосознаніе абсолютной цѣнности духа. А такъ какъ дѣятельность субъекта имѣетъ большею частію отношеніе къ окружающей Іерархіи духовъ и при этомъ дѣйствующая воля вездѣ подставляетъ себя, какъ то, для кого все дѣлается ею, то она усвояетъ себѣ положеніе, занимаемое лицомъ въ Іерархіи, даже положеніе бывшее или имѣющее быть, если только субъектъ считаетъ, что оно необходимо наступитъ. И дѣйствительно, зрѣлое самосознаніе субъекта содержитъ въ себѣ сознаніе собственной цѣнности и значительности и равно, своего положенія внѣшняго, какъ дѣятеля общественнаго или государственнаго.

Въ 3-хъ, въ самосознаніи субъекта должно быть теоретическое представленіе себя, какъ существа живого, самобытно и отдѣльно существующаго отъ другихъ предметовъ. Тотъ же умъ, который различаетъ предметы одинъ отъ другого, и признаетъ одни изъ нихъ существами живыми и дѣйствующими, представляетъ себя, какъ существо само по себѣ, живущее и дѣйствующее. Этотъ теоретическій элементъ самосознанія можетъ варіироваться: самопредставленіе есть представленіе себя въ однихъ случаяхъ, какъ причины активныхъ дѣйствій, въ другихъ, какъ пункта, до котораго впечатлѣнія должны достигнуть, чтобы быть воспринятыми, и только въ образованныхъ и развитыхъ людяхъ самосознаніе достигаетъ высоты понятія существа, противоположнаго, по своему качеству, всему мертвому, не одушевленному міру и даже тѣлу, которое имѣетъ значеніе лишь органа духа. На этой ступени самосознаніе становится философскимъ.

Очень рѣдко субъектъ развиваетъ полное самосознаніе, т. е. въ единомъ актѣ духа присвояетъ себѣ физическую свою дѣятельность вмѣстѣ съ тѣломъ, цѣнность и значительность духовнаго существованія, понимая себя притомъ, какъ существо дѣйствующее и воспринимающее впечатлѣнія. Самый развитый человѣкъ лишь въ рѣдкія минуты возвышается до такой философской формы самосознанія. Обыкновенно, для житейскихъ нуждъ и потребностей, мы обходимся самымъ нисшимъ самосознаніемъ въ его, такъ сказать, физіологической формѣ: мы довольствуемся представленіемъ своей тѣлесной фигуры, какъ мѣста, до котораго достигаютъ впечатлѣнія. Дѣйствуя, какъ правительственное лицо, или общественный дѣятель, субъектъ всего болѣе склоненъ

сознавать свою цѣнность и значительность, какъ члена Іерархіи; возвращаясь мыслію на свою собственную дѣятельность, на размѣръ своихъ духовныхъ силъ, онъ склоненъ сознавать цѣнность и значительность свою безотносительно. Въ моменты самопознаванія, когда мы оглядываемся вообще на себя, мы сознаемъ себя, какъ существо, особное и отдѣльное отъ матеріальнаго міра.

При всякомъ актѣ сознаванія своихъ состояній, мы усвояемъ ихъ себѣ и одно и тоже *себя* подстановляемъ, какъ субъекта, ко всякому дѣйствію воли въ практической и теоретической дѣятельности. Далѣе, мы переживаемъ, какъ фактъ, что при всѣхъ стремленіяхъ и актахъ воли дѣло идетъ объ одномъ и томъ же предметѣ, именно насъ самихъ. Мы отождествляемъ этого дѣйствующаго субъекта съ тѣмъ, ради котораго совершается всякая дѣятельность. И такъ какъ во всѣхъ приключеніяхъ жизни и дѣятельности дѣлается такое отождествленіе, то субъектъ сознаетъ себя единою тожественною личностію. На указанномъ фактѣ основывается единство и тожество сознанія. Первое основывается на томъ, что сколько бы и какія разнообразныя состоянія ни переживала личность, всегда она подстановляетъ одного субъекта, которому принадлежатъ всѣ эти разнообразныя состоянія. И такъ какъ, дѣйствующая въ разныхъ случаяхъ, личность признаетъ себя однимъ и тѣмъ же субъектомъ, ради котораго дѣйствуется, то самосознаніе всегда сохраняетъ тожество. Понятно, что въ въ концѣ концовъ тожество и единство самосознанія основываются на томъ фактѣ, что во всѣхъ состояніяхъ прямо или посредственно дѣйствуетъ одна и таже воля: она усвояетъ себѣ состоянія, которыя сама производитъ, или на которыя имѣетъ вліяніе, и будучи одною и тою же господствующею и управляющею силою въ душѣ, она даетъ основу для сознанія единаго и нераздѣльнаго, всегда тожественнаго „я“ „себя“. Тотъ вопросъ, какимъ образомъ мы сознаемъ прошедшую дѣятельность и отожествляемъ настоящее „я“ съ прошедшимъ, легко разрѣшается. Одна и таже воля признаетъ себя одною и тою же какъ въ настоящемъ, такъ и прошедшемъ: прошедшее въ душѣ есть въ тоже время настоящее: въ душѣ сохраняются всѣ состоянія ею пережитыя, и многія изъ нихъ могутъ быть усилены въ своей энергіи до степени сознаваемости волею. Распоряжаясь прошедшимъ, она легко можетъ усвоять себѣ его. Вотъ почему сохраняется тожество и единство сознанія, несмотря на важныя и значительныя измѣненія въ тѣлѣ, совершающіяся въ немъ въ продолженіи разныхъ возрастовъ:

измѣняется, и притомъ существенно, органъ духа, но воля остается одна и таже, господствующая и управляющая въ области тѣла и духа, возвращающаяся на себя, какъ при переживаніи наличныхъ состояній, такъ и оживленіи прошлыхъ, и потому сознаніе остается все однимъ и тѣмъ же.

Указанный взглядъ можетъ объяснить разныя возможныя ненормальности въ сознаніи. О нихъ будетъ у насъ рѣчь въ послѣдствіи, при анализѣ патологическихъ психическихъ явленій. Но теперь можно остановиться только на нѣкоторыхъ. Бываютъ нарушенія единства сознанія: извѣстно, что иногда больные говорятъ о поселившихся въ нихъ существахъ, принимаютъ себя за совсѣмъ другихъ личностей, воображаютъ себя императорами, богачами и т. д. Иногда прерывается тожество сознанія, наприм. оправившись отъ духовной болѣзни, человѣкъ не сохраняетъ тожества сознанія въ здоровомъ состояніи съ сознаніемъ, бывшимъ во время болѣзни. Мы представимъ въ слѣдующемъ томѣ свой взглядъ на душевныя болѣзни, на вѣроятный источникъ нарушенія психическаго равновѣсія и здоровья. Но и здѣсь, не изображая своего взгляда въ подробностяхъ, можемъ воспользоваться своею теоріей самосознанія для объясненія патологическихъ формъ его.

Здоровое сознаніе и нормальное самосознаніе основываются, какъ мы сказали на волѣ, усвояющей себѣ свои состоянія и себя саму. Она можетъ усвоять состоянія, на которыя простирается ея вліяніе, которыя можетъ усиливать и ослаблять, направлять и т. д. Если, вслѣдствіе патологическихъ измѣненій мозга, въ душѣ будутъ возбуждаться состоянія внѣволевыя, т. е. которыя стоятъ внѣ контроля, хотѣній и даже не хотѣній воли, то усвоять ихъ себѣ она естественно не можетъ. Такимъ образомъ галлюцинаціи, возникающія хотя субъективно, но безъ хотѣнія, контроля и какого бы то ни было участія воли, она относитъ не къ себѣ, а объясняетъ ихъ объективными причинами и при томъ такъ настойчиво, что, не смотря на теоретическое признаніе ихъ объективной невозможности, воля не признаетъ ихъ своими, слѣдовательно, признаетъ объективными и какъ извѣстно, всегда беретъ верхъ теоретическими убѣжденіями. Когда, вслѣдствіе болѣзней внутреннихъ органовъ, или частей нервной системы, являются нужды и потребности, возбуждающія въ душѣ желанія, хотѣнія, представленія, которыя составляютъ въ своемъ напряженіи, или содержаніи, или направленіи, контрастъ и рѣзкое различіе съ

обычными, нормальными влеченіями и хотѣніями, воля отказывается признать такія, собственно ея же, состоянія своими и относитъ ихъ къ особому существу, будто бы поселившемуся внутри души. Здѣсь воля не можетъ отождествить себя съ тѣмъ „себя“, о которомъ идетъ дѣло въ ненормальныхъ состояніяхъ. Въ виду многихъ фактовъ мы думаемъ, что возможно временное или навсегда ослабленіе въ субъектѣ господства воли надъ своими же собственными актами и состояніями и вообще надъ духовною дѣятельностію. По этому раздвоеніе самосознанія можетъ случиться не только по физіологическому поводу, но и психическому, вслѣдствіе ослабленія господства воли надъ душевными вообще и ея же собственными состояніями, почему они не усвояются ею себѣ и кажутся ей дѣйствіями какого то другого субъекта. Какъ бываетъ ослабленіе ея господства, такъ несомнѣнно случаются факты неестественнаго сосредоточенія ея энергіи на одномъ какомъ либо родѣ влеченій, всего чаще наприм. на хотѣніяхъ и влеченіяхъ, имѣющихъ дѣло съ цѣнностію и значительностію своего бытія, цѣлаго своего существа. Пока такое сосредоточеніе еще лишь дѣлается, субъектъ борется противъ новаго сознанія и воля, признавая ненормальность своего положенія, отвергаетъ начинающееся измѣненіе въ себѣ. Но когда оно получитъ силу и закончится, то воля перестаетъ уже усвоять себѣ прежнія дѣйствія и состоянія и сознаетъ себя въ новомъ качествѣ, какъ необыкновенно высокую или значительную личность. Понятно, что при болѣзненномъ состояніи, глубокомъ и продолжительномъ, развивается особая физіологическая воля и вообще психическая жизнь получаетъ особый колоритъ, направленіе, даже особое содержаніе: всё это совершенно отлично отъ колорита, направленія и содержанія психической жизни при здоровомъ состояніи. Хотя одна и та же воля дѣйствовала при ненормальномъ и здоровомъ состояніяхъ, но въ одномъ случаѣ, подъ неестественными вліяніями, она производила одни состоянія и акты, а возвратившись къ нормальному положенію, она производитъ другія, такія же, которыя прежде производила, до болѣзненнаго разстройства тѣла и духа, и потому здоровая воля не можетъ усвоить себѣ состояній не здоровой, и наоборотъ, болѣзненная не усвояетъ дѣйствій и состояній здоровой. Къ этому любопытному пункту мы еще возвратимся въ слѣдующемъ томѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ